АРХИВЪ

ИСТОРИЧЕСКИХЪ И ПРАКТИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНІЙ,

ОТНОСЯЩИХСЯ

ДО РОССІИ.

1859.

КНИГА ПЯТАЯ (СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ).

С.-Петербургъ.

1860.

СОДЕРЖАНІЕ.

Приложенія:

АРХИВЪ

ИСТОРИЧЕСКИХЪ И ПРАКТИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНІЙ,

ОТНОСЯЩИХСЯ

ДО РОССІИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Николаемъ Калачовымъ.

КНИГА ПЯТАЯ (СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ).

С.-Петербургъ.

1860.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, Марта 21-го дня 1860 года.

Ценсоръ В. Бекетовъ.

Въ Типографіи II Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Гг. подписчики на Архивъ 1859 года получатъ безденежно мое «Изслѣдованіе о сельскомъ сословіи въ Россіи, начиная съ древнѣйшихъ временъ,» почему покорнѣйше прошу имѣющихъ билеты на Архивъ этого года, при выдачѣ имъ *шестой книги*, требовать новые билеты отъ книжныхъ магазиновъ, въ коихъ они подписались, на полученіе *одного тома* означеннаго изслѣдованія и *одного тома* принадлежащихъ къ нему матеріаловъ. Гг. подписчикамъ иногороднымъ оба эти тома вышлются по почтѣ.

Н. КАЛАЧОВЪ.

Въ 1860 году Архивъ будетъ издаваться по той же программѣ, какъ и въ 1859-мъ. Но не измѣняя этой программы, я нахожу возможнымъ, съ одной стороны, для болѣе нагляднаго уясненія быта нашихъ предковъ, допустить въ настоящемъ изданіи статьи, имѣющія цѣлью воспроизведеніе жизни древней Руси подъ вліяніемъ основательнаго и подробнаго изученія памятниковъ старины, въ формѣ разсказовъ. Образецъ такихъ статей читатели Архива видѣли уже въ увлекательной повѣсти Н. И. Костомарова, подъ названіемъ: «Сынъ.» Съ другой стороны, такое воспроизведеніе народнаго быта въ связи съ описаніемъ особенныхъ условій природы того или другаго края можетъ быть допущено, вполнѣ согласно съ цѣлью «Архива», и въ отношеніи къ разнообразнымъ жителямъ, губерніямъ и уѣздамъ, составляющимъ современную Русь. Нѣтъ сомнѣнія, что дышащія жизнію картины и очерки, въ родѣ тѣхъ, которыя въ 1859 году сообщаемы были въ редакцію Н. П. Бочечкаровымъ, будутъ здѣсь совершенно у мѣста. Наконецъ, сознавая глубоко то значеніе, какое имѣютъ юридическія статьи практическаго содержанія для лицъ разныхъ сословій, я не могу не признать необходимымъ усилить, по возможности, запасъ статей этого рода. Мнѣ хотѣлось бы даже привлечь къ участію въ этомъ отдѣлѣ самихъ читателей

Архива; почему и обращаюсь къ нимъ съ покорнѣйшей просьбой сообщать мнѣ извѣстныя имъ, особенно сложныя и замѣчательныя, обстоятельства, могущія принять форму дѣлъ тяжебныхъ и исковыхъ въ присутственныхъ мѣстахъ. Желающимъ при этомъ имѣть разрѣшеніе соединенныхъ съ такими обстоятельствами недоумѣній и вопросовъ, Редакція Архива не откажется отвѣчать *печатно*, замѣнивъ только, для избѣжанія всякаго нареканія, имена и фамиліи прикосновенныхъ лицъ буквами или нумерами (еслибъ сами гг. корреспонденты того не сдѣлали), съ указаніемъ и на законныя основанія тѣхъ отзывовъ, какіе будутъ ею предложены. По моему убѣжденію, такое обсужденіе и разъясненіе юридическихъ фактовъ, на основаніи дѣйствующихъ законовъ, должно принести значительную пользу не только частнымъ лицамъ, но и самой наукѣ и практикѣ въ обширномъ смыслѣ. — Что касается до иностранной литературы, то я приму за правило помѣщать отъ времени до времени краткіе отчеты обо всѣхъ замѣчательнѣйшихъ юридическихъ сочиненіяхъ, статьяхъ и процессахъ, появляющихся за границей; для ближайшаго же изученія дѣйствующихъ иностранныхъ законодательствъ читатели Архива получатъ особое приложеніе, подъ заглавіемъ: «Сравненіе Русскихъ законовъ гражданскихъ съ иностранными.»

Указывая на предположенныя улучшенія Архива въ изданіи его за 1860 годъ, считаю однако долгомъ откровенно объяснить читателямъ, что, по причинѣ увеличившихся занятій моихъ по службѣ, я не въ состояніи окончить изданіе въ семъ году всѣхъ *шести* книгъ, изъ коихъ онъ будетъ состоять, почему послѣднія изъ нихъ гг. подписчики получатъ лишь въ 1861 году; но для того, чтобы статьи практическаго содержанія не потерпѣли отъ такого замедленія въ изданіи, Приложеніе къ Архиву будетъ выходить отдѣльно и разсылаться, по мѣрѣ отпечатанія отъ трехъ до пяти листовъ, небольшими выпусками подъ названіемъ *Юридическаго Вѣстника*.

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ НИКОЛАЙ КАЛАЧОВЪ.

О ИПОТЕКѢ *.

I.

Историческое развитіе ипотеки и системы ея въ разныхъ Государствахъ.

§ 1. По гражданскому праву вообще допускаются три способа обезпеченія долговъ недвижимымъ имуществомъ.

По первому способу кредиторъ вступаетъ во владѣніе имуществомъ, которымъ его сумма обезпечивается, и собираетъ доходы въ счетъ слѣдующихъ ему процентовъ; если жъ имущество значительно, то доходами погашается и самый капиталъ. Владѣніе кредитора залогомъ продолжается или до опредѣленнаго срока, или до удовлетворенія, или же по истеченіи извѣстнаго времени измѣняется въ собственность, смотря по условіямъ.

Это самый простой способъ обезпеченія, самый древній и общій всѣмъ народамъ; но простота и всеобщность не дѣлаютъ его ни особенно удобнымъ, ни вѣрнымъ. Отдавая имущество во владѣніе кредитора, должникъ не только доходами платитъ лихвенные проценты, но еще уменьшаетъ свои средства къ удовлетворенію кредитора, который такимъ образомъ легко можетъ сдѣлаться собственникомъ залога. Съ другой стороны владѣніе кредитора залогомъ нисколько не ограничиваетъ должника въ правѣ распоряжаться

(*) Принося автору этой статьи искреннюю благодарность за ея сообщеніе, осмѣливаемся обратить на нее тѣмъ большее вниманіе читателей, что вопросъ о введеніи ипотеки въ Россіи уже обсуждается законодательнымъ порядкомъ. *Редакторъ.*

своимъ имуществомъ: если бы онъ продалъ залогъ, то кредиторъ не можетъ сопротивляться пріобрѣтателю вступить во владѣніе, хотя бы и не получилъ удовлетворенія. Вотъ причина, почему этотъ способъ обезпеченія, который мы назовемъ залогомъ дѣйствительнымъ, встрѣчается, какъ общая мѣра, почти только тогда, когда въ извѣстномъ обществѣ, при обширныхъ имуществахъ, владѣніе землею доставляетъ нѣкоторыя особенныя права и выгоды, между тѣмъ какъ простота и добрая вѣра составляютъ главный характеръ отношеній: тогда собственникъ можетъ безъ вреда для себя отдать часть имущества во владѣніе кредитора, который съ своей стороны охотно принимаетъ подобный залогъ и не опасается потери. Но съ постепеннымъ развитіемъ разнообразныхъ отношеній, залогъ дѣйствительный долженъ былъ уступить мѣсто другимъ способамъ обезпеченія. Въ настоящее время онъ рѣдко примѣняется, хотя и не запрещенъ; но по Своду Законовъ уже не допускается.

Второй способъ болѣе сложный. Кредиторъ не вступаетъ во владѣніе имуществомъ, которымъ его капиталъ обезпечивается, и оно остается во владѣніи должника. Но чтобы кредиторъ не подвергался опасности, должникъ принимаетъ на себя обязанность не отчуждать и не закладывать залога до его удовлетворенія.

Къ этой системѣ обезпеченія принадлежитъ залогъ недвижимаго имущества, совершаемый по Своду Законовъ, съ тою, однакожь, весьма важною разницею, что тутъ обязанность не отчуждать и не закладывать заложеннаго имущества установлена закономъ, какъ общая мѣра, и производится опубликованіемъ запрещенія. Этотъ порядокъ, сколько намъ извѣстно, существуетъ только по Своду Законовъ.

Къ тому же второму способу обезпеченій подходитъ система, существующая въ Англіи. Но какъ тамъ не налагается повсемѣстныхъ запрещеній, то на практикѣ она сливается съ третьимъ способомъ, о которомъ мы сей часъ будемъ говорить.

Въ заключеніе прибавимъ, что этотъ второй способъ существовалъ почти вездѣ въ одно время съ первымъ, какъ высшая степень развитія. Онъ конечно не могъ сдѣлаться самостоятельнымъ, доставить твердое основаніе заемнымъ обязательствамъ, но оказалъ важную услугу кредиту тѣмъ, что его недостатки вызвали теорію, которая

служитъ основаніемъ нынѣшнихъ обезпеченій. Мы это объяснимъ ниже.

По третьему способу, кредиторъ также какъ въ предыдущемъ случаѣ не вступаетъ во владѣніе залогомъ, но съ тѣмъ важнымъ различіемъ, что тутъ должникъ нисколько не ограничивается въ правѣ распоряжать имъ по праву полной собственности; онъ можетъ его продать, дарить, или представить въ обезпеченіе новыхъ займовъ, не имѣя надобности спрашивать на то согласія прежнихъ кредиторовъ или увѣдомлять ихъ о своемъ намѣреніи. Этотъ способъ обезпеченія называется *ипотекою*.

Стало быть ипотека есть только особый способъ обезпеченія долговъ недвижимымъ имуществомъ, безъ наложенія запрещенія. Этимъ способомъ обезпечиваются также съ равнымъ удобствомъ всѣ тѣ договоры и обязательства, предметъ которыхъ можно опредѣлить извѣстною суммою денегъ.

Одно сближеніе означенныхъ способовъ обезпеченія показываетъ, что *ипотека* удобнѣе другихъ, и достойнѣе того состоянія общества, которое мы называемъ цивилизаціею. Но спрашивается: если по ипотечному способу залогъ остается въ свободномъ распоряженіи должника, то представляетъ-ли онъ надежное обезпеченіе? Въ отвѣтъ на такой вопросъ мы могли бы указать лишь на то, что, какъ впрочемъ всякому извѣстно, этимъ способомъ обезпечиваются договоры и обязательства во всей почти Западной Европѣ, и что онъ вездѣ не только оказался удобнымъ и вѣрнымъ, но еще доставилъ прочное основаніе къ учрежденію особыхъ кредитныхъ установленій.

Могучее средство, которое придаетъ ипотечнымъ обезпеченіямъ такое значеніе и силу самоохраненія, безъ помощи уголовныхъ законовъ, есть *гласность* правъ и долговъ собственниковъ недвижимыхъ имуществъ, производимая посредствомъ такихъ формъ и обрядовъ, что каждый легко можетъ имѣть точное и безошибочное свѣдѣніе о состояніи дѣлъ лица, съ которымъ вступаетъ въ сдѣлку. Разнообразіе этихъ формъ и обрядовъ породило двѣ главныя ипотечныя системы, которыя состоятъ пока въ борьбѣ. Чтобы доставить читателямъ возможность вникнуть основательно въ сущность этой борьбы, объясняющей впрочемъ сущность самаго предмета, разскажемъ вкратцѣ исторію ипотеки.

§ 2. Въ древнемъ аѳинскомъ государствѣ долги первоначально обезпечивались личною отвѣтственностію должника, который, въ случаѣ неудовлетворенія кредитора на срокъ, дѣлался его рабомъ и съ семействомъ. Такъ какъ съ потерею свободы должникъ лишался почти всегда возможности удовлетворить кредитора, и какъ причины, по которымъ кто либо впадаетъ въ долги и несостоятельность, неисчислимы и дѣйствуютъ безостановочно, то изъ означеннаго правила проистекало само собою, что число рабовъ должно было увеличиваться безпрерывно, усиливая своимъ упадкомъ значеніе и права богатыхъ.

Объяснимъ это примѣромъ. Положимъ, что въ извѣстную эпоху въ Аѳинахъ земля раздѣлялась на 1000 участковъ, состоявшихъ въ началѣ государства во владѣніи тысячи собственниковъ, равныхъ предъ закономъ. Эти граждане находились подъ вліяніемъ условій, вѣчно раздѣляющихъ людей на богатыхъ и бѣдныхъ, имѣющихъ больше чѣмъ нужно и нуждающихся въ необходимомъ: счастіе, искусство и трудолюбіе съ одной стороны, а съ другой противуположныя причины дѣйствуютъ всегда и вездѣ одинаково. Бѣдные нуждались въ пособіи; богатые дали пособіе, но въ видѣ займа. Богатые требовали обезпеченія, но, по обстоятельствамъ, которыми сопровождается начало гражданской жизни всякаго народа, мысль о обезпеченіи землею не могла еще родиться. Въ первыя времена по образованіи государства человѣкъ не твердо держится своей усадьбы, не дорожитъ ею, готовъ всегда оставить ее коль скоро другая мѣстность или болѣе нравится ему или болѣе обѣщаетъ плодовъ безъ труда: онъ долго старается отыскать потерянный имъ рай, пока убѣдится, что эти поиски тоже трудъ, но безполезный. Въ этотъ періодъ жизни общества напрасно было бы полагаться на обезпеченіе долга землею, когда должникъ могъ ее оставить, а при недостаткѣ рабочихъ она и для заимодавца не представляла никакой цѣнности. Такъ, по необходимости, возникло добровольное укрѣпленіе должника: онъ продолжалъ владѣть землею, но подъ болѣе или менѣе строгимъ надзоромъ своего заимодавца, сдѣлавшагося въ силу заемнаго обязательства его господиномъ. Мы не знаемъ числительнаго отношенія заемщиковъ къ заимодавцамъ вообще; положимъ, что первоначально въ Аѳинахъ только $^1/_{100}$ нуждалась въ займѣ. Но извѣстно, что бѣдность, подобно какъ богат-

ство, имѣетъ свойство усиливаться: занявшіе въ первомъ году едва-ли могли всѣ удовлетворить кредитора на срокъ, а между тѣмъ къ нимъ прибавилась въ слѣдующемъ году снова $^1/_{100}$ остальныхъ. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока богатство не сосредоточилось въ рукахъ немногихъ лицъ, а прочіе сдѣлались ихъ крѣпостными.

Первоначально эти отношенія должниковъ къ кредиторамъ долго смягчаемы были нравами, утвердившимися въ патріархальномъ быту. Но въ VII столѣтіи до Р. Х. образовалась уже не патріархальная аристократія, которая обнаружила стремленіе къ отдѣленію себя отъ народа и предоставленію себѣ преимущественнаго права управлять страною для собственныхъ выгодъ. Это угрожало народу участію настоящихъ рабовъ. Къ чести Аѳинянъ между аристократами нашлись защитники народа. Не всѣ они, правда, дѣйствовали добросовѣстно или удачно; но какъ бы то ни было, при первыхъ уже смутахъ оказалось, что народъ склоненъ былъ ввѣрить свою судьбу одному лицу, не входя вовсе въ его предположенія. Этотъ фактъ заставилъ аристократовъ искать спасенія въ мѣрахъ примирительныхъ, болѣе достойныхъ человѣка. Примирителемъ сдѣлался одинъ изъ членовъ правительства, извѣстный мудрецъ Солонъ, а основнымъ орудіемъ примиренія была *ипотека*.

Солонъ замѣтилъ, что бѣдные граждане, сдѣлавшись должниками богатыхъ и поэтому угрожаемые порабощеніемъ, должны были по необходимости подчиняться ихъ вліянію, повиноваться ихъ повелѣніямъ и служить орудіемъ честолюбія. Чтобы прекратить зло, онъ предложилъ законъ о переводѣ обезпеченія долговъ съ лица на имущество. Это показываетъ, что, не взирая на перемѣну значительнаго числа гражданъ въ крѣпостные, о правѣ ихъ собственности на землю однакожъ спора не было. Для приведенія этой мысли въ исполненіе придумано Солономъ простое средство: кредиторъ, выдавшій ссуду, долженъ былъ ставить на имуществѣ должника столбъ съ надписью о томъ, что этимъ имуществомъ обезпечивается въ его пользу такая-то сумма. Такіе столбы назывались ипотеками, отъ слова ὑποϑήκη, которое значитъ собственно *подставка*, *подкладъ*, *основа*, а по введеніи новаго порядка обезпеченія стало также означать *залогъ*.

Законъ о ипотекахъ обнародованъ въ Аѳинахъ въ 594 году до

Р. Х. Съ тѣхъ поръ образовалось понятіе о долгахъ *имущественныхъ*, отдѣльныхъ отъ личнаго обязательства. Кто поставилъ *ипотеку* на имуществѣ должника, тотъ отказывался отъ права обращать взысканіе на его лицо, но за то пріобрѣталъ право отыскивать свою претензію съ сего имущества, хотя бы оно перешло къ другому лицу. Потому если кто имѣлъ намѣреніе пріобрѣсти какое либо недвижимое имущество, то сперва долженъ былъ удостовѣриться нѣтъ-ли на немъ *ипотекъ*.

Въ политическомъ отношеніи укрѣпленіе долговъ къ имуществу сдѣлало рѣшительный переворотъ въ понятіяхъ: не имѣя права обращать должника въ раба, люди богатые не находили никакой выгоды вовлекать бѣдныхъ въ долги выше стоимости ихъ имущества, бѣдные же поняли, что свобода не можетъ быть предметомъ торговли, и стали ее цѣнить выше имущества: аристократія обезоружилась безъ потрясеній, демократія утвердилась безъ терроризма.

По законамъ аѳинскимъ приданое поступало въ распоряженіе мужа, но онъ дѣлался должникомъ жены на сумму, равняющуюся приданому. Въ слѣдствіе этого правила, если не было дѣтей, а бракъ прекратился, то жена или ея наслѣдники имѣли право требовать выдачи приданаго. Въ обезпеченіе долга сего рода признано ненужнымъ возвѣщать о немъ чрезъ ипотечную надпись; но положено общимъ правиломъ, что онъ обезпечивается и безъ надписи *негласною, тайною ипотекою*, и что, въ случаѣ продажи имущества по долгамъ, жена удовлетворяется прежде другихъ кредиторовъ.

Къ этому разряду долговъ, пользующихся тайною ипотекою и преимущественнымъ правомъ на удовлетвореніе, отнесены также казенныя недоимки, которыя однакожъ удовлетворялись послѣ приданаго, но только прежде другихъ долговъ.

Для полноты изложенія законодательныхъ мѣръ Солона по этой части не лишнимъ считаемъ прибавить, что онъ придумалъ также довольно оригинальное средство для облегченія должниковъ въ удовлетвореніи кредиторовъ. Какъ видно изъ сказаннаго выше, это удовлетвореніе было не что иное, какъ выкупъ на волю, между тѣмъ курсъ денегъ упалъ и выкупъ сдѣлался весьма затруднительнымъ. Чтобы облегчить выкупъ, Солонъ приказалъ принимать

долга по опредѣленному высшему курсу, принявъ, вѣроятно, за основаніе курсъ той эпохи, которая предшествовала важнѣйшему пониженію его. Это было очень справедливо, потому что если кредиторы-собственники пріобрѣли право на личность народа за безцѣнокъ, пользуясь его стѣснительнымъ положеніемъ, то законодатель могъ также требовать и освобожденія его за безцѣнокъ. Честь аѳинской аристократіи, что она поддержала Солона!

Сравнивая ипотеки аѳинскія съ нынѣшнимъ состояніемъ этого учрежденія въ Европѣ, нельзя не удивляться уму аѳинскаго законодателя, который при самомъ началѣ поставилъ ипотеку на степень полнаго совершенства. Къ сожалѣнію, мысль его примѣнена была къ маленькому краю, гдѣ всѣ почти были знакомы, знали или легко могли узнать состояніе дѣлъ другъ друга, и всѣ свои дѣйствія подвергали контролю безграничной гласности. Въ такомъ положеніи общества не трудно было имѣть достовѣрное свѣдѣніе о количествѣ полученнаго кѣмъ либо приданаго, и разсмотрѣвъ надписи на столбахъ-*ипотекахъ*, можно было съ совершенною безопасностію приступать къ заключенію сдѣлки.

§ 3. Перейдемъ на болѣе обширное поприще, гдѣ были огромныя имущества, огромные долги, гдѣ должники сами часто не знали состоянія собственныхъ дѣлъ, гдѣ сдѣлки основывались на доброй вѣрѣ, которая однакожъ за несуществованіемъ охранительныхъ учрежденій, должна была постоянно бороться съ недобросовѣстностію—обратимся къ римской имперіи.

Первоначально въ римскомъ государствѣ долги также обезпечивались личною отвѣтственностію должника, и также по этому поводу происходили разныя неустройства, довольно похожія на аѳинскія. Это обезпеченіе производилось по закону или по добровольному согласію: Въ первомъ случаѣ оно было гораздо легче, потому что закономъ допускались разныя льготы въ пользу должника, и онъ не прежде дѣлался рабомъ, какъ по безуспѣшномъ истеченіи льготнаго времени; но во второмъ случаѣ кредиторъ, непосредственно по минованіи платежнаго срока, могъ безъ суда должника и съ семействомъ обратить въ рабство. Въ 428 лѣтъ послѣ основанія государства (304 г. до Р. Х.) состоялся законъ, въ силу котораго обезпеченіе свободою по добровольному согласію отмѣнено: съ тѣхъ поръ кредиторъ долженъ былъ сперва обращать взысканіе на иму-

щество должника и только, если оно оказывалось недостаточнымъ, могъ предъявлять притязаніе на его личность судебнымъ порядкомъ.

Это измѣненіе конечно не могло нравиться кредиторамъ, тѣмъ болѣе что, при неполнотѣ еще въ то время закона, они не имѣли увѣренности какому правилу будетъ слѣдовать судья въ постановленіи рѣшенія, будетъ ли онъ только справедливъ или и снисходителенъ: по началамъ строгой справедливости кредиторъ не долженъ подвергаться никакимъ затрудненіямъ и безотлагательно или получить удовлетвореніе или, въ случаѣ несостоятельности должника, пріобрѣсти право на его личность; напротивъ если судья приметъ во вниманіе стѣснительное положеніе должника, то это всегда бываетъ болѣе или менѣе противно интересу кредитора.

Въ такомъ положеніи дѣлъ стала развиваться система обезпеченія залогомъ. Въ этомъ отношеніи мы встрѣчаемъ въ Римѣ два первые изъ означенныхъ нами въ началѣ способа обезпеченія недвижимымъ имуществомъ: залогъ дѣйствительный и залогъ, остававшійся во владѣніи должника. Послѣдній былъ болѣе въ употребленіи. Но когда оказалось, что должникъ, владѣя залогомъ, забывалъ иногда о долгѣ, и позволялъ себѣ отчуждать залогъ во вредъ кредиторамъ, то положено правиломъ, что кредиторъ можетъ обратить взысканіе на залогъ, хотя бы онъ поступилъ уже во владѣніе посторонняго лица. Такъ родилось понятіе о долгахъ имущественныхъ, т. е. такихъ, по коимъ слагалась вся отвѣтственность съ лица.

Отсюда видно, что римская юриспруденція сама изобрѣла то основное юридическое понятіе, которое составляетъ сущность ипотечнаго права; при всемъ томъ однакожъ названіе этого учрежденія, hypotheca, и нѣкоторые юридическіе термины показываютъ, что оно занято прямо отъ Аѳинянъ, и, какъ кажется, не ранѣе покоренія Греціи. Но аѳинскія формы и обряды ипотечные и пріобрѣтенная по этой части опытность не удовлетворяли потребностямъ отношеній обширнаго государства; нужно было изобрѣтать новые, а это дѣлалось съ большимъ трудомъ. Поэтому съ распространеніемъ ипотекъ въ римской имперіи отношенія впали въ какое то хаотическое броженіе, и римскіе законы представляютъ по этой части геніальныя усилія законодателя разъяснить тьму, развязать гордіевъ узелъ, не разрѣзывая его: хаосъ заключалъ въ себѣ жизненное начало.

Необходимо замѣтить, что ипотека въ римскомъ государствѣ не была введена законодательною властію: стороны поняли ея выгоды, обращеніе взысканія на личность должника все болѣе и болѣе осуждалось общественнымъ мнѣніемъ, юристы не отказывались отъ разсмотрѣнія и рѣшенія разныхъ по этимъ сдѣлкамъ недоумѣній—и новое обезпеченіе сдѣлалось господствующимъ. Такой порядокъ введенія ипотеки произвелъ рѣшительное вліяніе на ея будущность.

До появленія ипотечной сдѣлки, разумѣется, граждане имѣли уже долги; изъ нихъ нѣкоторые, хотя это рѣдко случалось, обезпечивались залогомъ недвижимаго имущества, иные пользовались преимущественнымъ правомъ на удовлетвореніе (какъ то: приданое женъ, претензіи малолѣтныхъ, казенныя недоимки и проч.); но большая часть были долги личные, обезпечиваемые, по упомянутому выше закону 428 г., всѣмъ должнику принадлежащимъ имуществомъ, а за несостоятельностью и личною свободою. Если слѣдовательно кто либо, имѣя уже такіе долги, сдѣлалъ еще ипотечный заемъ, который упадалъ исключительно на имущество какъ нераздѣльное бремя, то тѣмъ самымъ онъ нарушалъ безопасность прежнихъ своихъ личныхъ кредиторовъ, которые расчитывали на тоже имущество, но безъ ипотеки. На это обстоятельство нужно было обратить вниманіе при введеніи ипотечнаго права, или не дозволить заключать ипотечной сдѣлки. Можно себѣ представить въ какое затрудненіе пришелъ судья или юрисконсультъ, которому предъявленъ былъ первый случай такого столкновенія претензій, основанныхъ на правахъ, противорѣчащихъ одно другому. Закона не было, между тѣмъ настояла надобность рѣшить дѣло съ должнымъ уваженіемъ къ добровольнымъ обязательствамъ. Эти то обстоятельства рѣшили судьбу римской ипотеки, которая сложилась совсѣмъ иначе, чѣмъ въ Аѳинахъ.

Первое слѣдствіе такого положенія дѣлъ было то, что законодатель не допустилъ собственникамъ давать въ обезпеченіе ипотечной сдѣлки какія либо спеціальныя, т. е. именно въ сдѣлкѣ указанныя имущества, и потому всѣ долги обезпечивались имуществомъ должника вообще, подобно тому какъ налагается у насъ общее запрещеніе. Выражаясь языкомъ юридическимъ, это значитъ, что по римскимъ законамъ была только общая ипотека, а не было

ипотеки специальной, въ противуположность аѳинской системѣ, по которой, съ поставленіемъ столба-ипотеки на имуществѣ, обезпеченіе по необходимости становилось специальнымъ, т. е. относилось лишь къ имуществу, означенному столбомъ. Обезпеченіе специальное открываетъ собственнику гораздо болѣе кредита, чѣмъ обезпеченіе общее, потому что тутъ кредиторъ, во первыхъ, знаетъ, самъ, или имѣетъ достовѣрныя свѣдѣнія о существованіи и стоимости имущества, которымъ его долгъ обезпеченъ, и слѣдовательно, можетъ безъ всякой опасности выдать ссуду соразмѣрно цѣнѣ залога, и, во вторыхъ, въ случаѣ неплатежа, не подвергается затрудненію отыскивать имущество должника или сноситься съ другими кредиторами, а прямо обращается къ залогу, означенному въ заемномъ письмѣ. Общая ипотека, напротивъ, подобно какъ общее запрещеніе, должна относиться ко всему имуществу, коимъ должникъ владѣетъ при заключеніи сдѣлки или во время взысканія; а какъ кредиторамъ трудно, почти невозможно имѣть точное свѣдѣніе о всѣхъ имуществахъ, принадлежащихъ должнику, особенно когда онъ ихъ скрываетъ, то само собою разумѣется, что обезпеченіе тутъ неизвѣстно и неопредѣленно. Если бы кредиторъ былъ только одинъ, то при общемъ обезпеченіи онъ могъ бы обратить взысканіе на какое либо изъ принадлежащихъ должнику имуществъ, и тогда выгоды специальной и общей ипотеки были бы совершенно одинаковы; но если должникъ имѣетъ двухъ или болѣе кредиторовъ, то никто изъ нихъ не можетъ обращать взысканія на любое имущество, потому что на каждое изъ нихъ всѣ они имѣютъ одинаковыя права, и разумѣется должны производить взысканіе по сношенію между собою. Вотъ причина, почему общая ипотека сама по себѣ можетъ доставить кредитъ весьма ограниченный. При извѣстной честности собственника, конечно, она можетъ въ этомъ отношеніи сравниться съ специальною; если же къ ней присоединится искусство должника и положеніе его въ обществѣ, то она легко можетъ поддержать минутно кредитъ даже несостоятельнаго уже собственника, хотя, разумѣется, не безъ вреда для неопытныхъ кредиторовъ.

При общей ипотекѣ, само собою разумѣется, и думать было невозможно объ означеніи имущества надписью на столбѣ, подобно какъ въ Аѳинахъ; всѣ слѣдовательно *общія* ипотеки были въ тоже время

и *тайныя*. Эти выраженія даже равносильны въ ипотечномъ правѣ. Были, можетъ быть, въ употребленіи и надписи ипотечныя, но это тогда только могло доставлять кредитору какое нибудь ручательство, когда у должника было одно лишь имущество, и потому обезпеченіе общее превращалось само собою въ спеціальное. Но если у кого было нѣсколько имуществъ, и кредиторъ не зналъ о нихъ, то разумѣется означеніе ихъ надписью было невозможно.

Такъ какъ долги ипотечные измѣняются въ имущественные, такъ сказать укрѣпляются къ тому имуществу, коимъ они обезпечены, и кредиторъ имѣетъ право обращать на это имущество взысканіе, хотя бы оно было продано постороннему лицу, то изложенный нами выше въ общихъ чертахъ римскій ипотечный порядокъ долженъ былъ неминуемо затруднить всѣ сдѣлки по отчужденію недвижимыхъ имуществъ и поставить капиталистовъ въ невыгодное положеніе, потому что тутъ ни пріобрѣтатель имущества не могъ имѣть удостовѣренія, не предъявитъ ли какой либо ипотечный кредиторъ взысканія на пріобрѣтенное имъ имущество, ни капиталистъ не былъ увѣренъ, не обременено ли имущество лица, желающаго занять денегъ, долгами свыше своей стоимости. Судя однакожъ по медленному движенію законодательства по этой части, должно полагать, что въ частныхъ сдѣлкахъ между Римлянами было много честности: на этомъ, вѣроятно, основаніи законодатель призналъ достаточнымъ, въ обезпеченіе пріобрѣтателей имуществъ и капиталистовъ, возложить на собственника обязанность, вступая съ кѣмъ либо въ сдѣлку или дѣлая новый заемъ, объявлять о всѣхъ лежащихъ на его имуществѣ долгахъ. Въ случаѣ утайки онъ подвергался наказанію. Впрочемъ, какія бы ни проистекали затрудненія изъ римскаго ипотечнаго способа обезпеченія долговъ, капиталисты не могли не дорожить имъ, потому что онъ открывалъ возможность помѣстить капиталъ, а за несуществованіемъ сохранныхъ учрежденій, финансовыхъ и промышленныхъ операцій, это было весьма важно.

Выше мы упомянули, что до введенія ипотеки собственники имѣли разные долги: посмотримъ какъ поступили юристы, чтобы согласить права прежнихъ кредиторовъ съ новыми.

По римскимъ законамъ, подобно какъ по аѳинскимъ, приданое поступало къ мужу, который считался должникомъ жены. До

введенія ипотеки этотъ долгъ—приданое—обезпечивался всѣмъ имуществомъ мужа и въ случаѣ надобности жена удовлетворялась преимущественно предъ личными его кредиторами. Такое же преимущественное право принадлежало малолѣтнему, по претензіямъ на опекунѣ, и казнѣ по недоимкамъ. По введеніи ипотекъ преимущество означенныхъ кредиторовъ удержано въ своей силѣ и названо тайною ипотекою *по закону*.

За симъ слѣдовали ипотечные кредиторы. Въ отношеніи ихъ принято правиломъ, что если должникъ сдѣлалъ нѣсколько займовъ, то, въ случаѣ взысканія, кредиторы удовлетворяются полными суммами, но по очереди, то есть по старшинству займа. Эта ипотечная очередь выражалась извѣстною формулою: qui prior est tempore, potior est jure—кто первый по времени, тотъ лучше по праву. Но видно случалось часто, что имущество должника не могло покрыть всѣхъ долговъ. Потому юристы стали вникать въ сущность ихъ, и открыли, что дѣйствительно есть такіе долги, которые по сущности своей заслуживаютъ удовлетвореніе внѣ обыкновенной, ипотечной очереди. Сюда принадлежитъ, напр., долгъ, сдѣланный на покупку или поддержку имущества. Долги этого рода названы были привилегіями. Число такихъ привилегій со временемъ до того сдѣлалось значительнымъ, что стало угрожать ипотечнымъ долгамъ. Дабы избѣгнуть ущерба въ своихъ интересахъ не удивительно, что кредиторы придумывали разные способы къ своему обезпеченію. Для этой цѣли они стали включать въ заемныя обязательства условіе, что если должникъ не удовлетворитъ ихъ на срокъ, то они безъ суда вступятъ во владѣніе его имуществомъ. Такимъ образомъ они думали обойти многія привилегіи и можетъ быть тайныя ипотеки. Но около 325 года по Р. Х. сдѣлки такого рода запрещены, и предписано во всякомъ случаѣ подвергать имущество формальной продажѣ.

Когда это не удалось, кредиторы вздумали требовать выставленія имъ заемныхъ писемъ заднимъ числомъ. Но указомъ 469 года по Р. Х. повелѣно при взысканіи тѣ только долги помѣщать въ очередь, которые основаны на достовѣрныхъ, по тогдашней формѣ, актахъ.

Такъ какъ ипотечные кредиторы удовлетворялись по очереди, то случалось иногда, что если сумма, вырученная продажею иму-

щества, не покрывала всѣхъ долговъ, то послѣдніе изъ нихъ не получали никакого удовлетворенія, а между тѣмъ въ силу ипотечной сдѣлки не имѣли права по своимъ долгамъ подвергать отвѣтственности лицо должника, или обращать взысканіе на имущество, которое онъ могъ пріобрѣсти послѣ взысканія. Въ обезпеченіе своихъ правъ нѣкоторые, болѣе осторожные кредиторы стали включать въ сдѣлки условіе, по которому заемщикъ дозволялъ имъ обращать взысканіе не только на настоящее, но и на будущее имущество, т. е. не только на то, коимъ онъ владѣлъ во время заключенія сдѣлки или производства взысканія, но и на то, которое можетъ къ нему поступить когда нибудь. Это условіе признано основательнымъ и со временъ Юстиніана получило обязательную силу по закону. Съ тѣхъ поръ каждое ипотечное обезпеченіе относилось ко всему имуществу должника, какъ настоящему, такъ и будущему, хотя бы о томъ въ сдѣлкѣ не было упомянуто.

О дальнѣйшихъ судьбахъ ипотечнаго права въ римской имперіи нечего уже спрашивать: имперія распалась, источникъ закона изсякъ, и погасъ свѣтъ всемирной юриспруденціи.

§ 4. Въ государствахъ, образовавшихся по упадкѣ римской имперіи, ипотечное начало примѣнялось по римскимъ законамъ тамъ, гдѣ они прежде имѣли силу. При всеобщемъ потрясеніи всѣхъ отношеній гражданскихъ нашествіемъ варваровъ, ипотечныя сдѣлки были конечно рѣдко примѣняемы; не подлежитъ однакожъ сомнѣнію, что самое существованіе понятія о долгахъ имущественныхъ уничтожило обильный источникъ рабства по несостоятельности. Но вмѣсто рабства родилось другое зло—заключеніе должника въ тюрьму. Во Франціи эта мѣра примѣнялась съ большою строгостью, такъ что уже съ начала XIV столѣтія законодательство старалось ограничивать ея дѣйствіе.

Въ странахъ, подвластныхъ первобытнымъ законамъ германскимъ, долги обезпечивались отчасти дѣйствительными залогами, отчасти личною свободою, какъ въ древнихъ государствахъ. Но этотъ послѣдній способъ обезпеченія не былъ примѣняемъ съ такою строгою послѣдовательностію, потому и не произвелъ никакого важнаго вліянія на отношенія сословій. Впрочемъ въ средніе вѣка право собственности на недвижимыя имущества сосредоточилось въ рукахъ немногихъ владѣльцевъ, которые не нуждались въ большихъ

капиталахъ, въ случаѣ же нужды они безъ вреда для себя легко могли предложить кредитору принять во владѣніе землю, въ чемъ онъ никогда не отказывалъ, потому что въ то время владѣніе землею доставляло извѣстный вѣсъ въ обществѣ и драгоцѣнную тогда протекцію должника — собственника. Этотъ способъ обезпеченія принялъ весьма разнообразныя формы, которыя облегчали его примѣненіе.

Только съ XIV столѣтія стали въ Германіи входить въ употребленіе ипотечныя сдѣлки, но по римскимъ законамъ, и съ этого также времени начинается постепенное ослабленіе силы закона о личной отвѣтственности за долги.

Объясняя начала и механизмъ римской ипотеки, мы показали, что она представляла большія неудобства, что первоначально эти неудобства при дѣйствіи нравовъ были почти незамѣтны, и что съ теченіемъ времени законодательство исправляло ихъ систематически, но прежде окончанія умолкло. Примѣняя слѣдовательно римскія ипотеки, нужно было продолжать исправленіе; въ противномъ случаѣ то, что въ римской имперіи происходило отъ неполноты закона, и, при свойственной Римлянамъ юриспруденціи, было условнымъ неудобствомъ, здѣсь принимало видъ зла, основаннаго на законѣ. Чтобы исправить недостатки римскаго закона надобно было сперва присвоить себѣ его постановленія посредствомъ основательнаго ихъ изученія. Были, правда, отличные знатоки римскаго права; но они долго проникнуты были такимъ уваженіемъ къ римскимъ юристамъ, что и не догадывались о недостаткахъ.

У Римлянъ обезпеченіе основывалось на тайныхъ и общихъ ипотекахъ и на привилегіяхъ. Ипотеки, записываемыя на спеціальныхъ имуществахъ, были рѣдки и бо̀льшею частію случайны; вообще же обезпеченіе ипотекою, по совершенной неизвѣстности состоянія имущества и долговъ собственника, не представляло достаточной гарантіи. Такая ипотека, разумѣется, не могла не нравиться собственникамъ недвижимыхъ имуществъ; они могли дѣлать долги съ полною увѣренностію, что никогда ихъ платить не будутъ, развѣ по доброй волѣ, потому что когда доходило до взысканія, то оказывались разныя привилегіи, или претензіи по опекѣ, или наконецъ жена должника представляла свои претензіи на приданое или вообще на то, что ей слѣдовало отъ мужа. Только чрезвычайныя обстоя-

тельства могли поддерживать такой порядокъ. Впрочемъ, когда какое либо зло долго существуетъ, то его трудно искоренить, потому что всѣ тѣ, которые имъ пользовались, образуютъ сильный отрядъ защитниковъ, принимающихъ иногда почтенное званіе консерваторовъ.

Чего же недоставало римской системѣ? Удивительно, изумительно въ самомъ дѣлѣ какъ народы много иногда теряютъ времени, чтобы сойти съ ложнаго пути, на который они поставлены часто совсѣмъ случайно, и какъ склонность наша къ сложному и запутанному заслоняетъ намъ простое, которое одно и полезно.

Римской системѣ недоставало этихъ надписей на столбахъ, отъ коихъ происходитъ названіе ипотеки, посредствомъ которыхъ по крайней мѣрѣ долги по заемнымъ обязательствамъ дѣлались гласными. О столбахъ, какъ и въ Римѣ, нельзя было думать, но надобно было замѣнить ихъ болѣе удобнымъ обрядомъ. Заслуга въ этомъ отношеніи принадлежитъ французскому законодательству. Подъ конецъ XIV столѣтія, по обстоятельствамъ времени, обнародованъ былъ строгій законъ о заключеніи въ тюрьму за долги. Какъ противодѣйствіе этой мѣрѣ въ 1581 году Генрихъ III повелѣлъ завести особые реестры и въ нихъ означать всѣ ипотечныя сдѣлки, отъ чего онѣ и стали гласными. Разумѣется, это обѣщало усилить кредитъ порядочныхъ людей, воздержать расточителей и уменьшить случаи заключенія въ тюрьму. Но консерваторы нашли въ такомъ нововведеніи столько неудобства, что законъ этотъ отмѣненъ уже въ 1588 году.

Не болѣе счастлива была вторая попытка законодателя. Въ 1673 году Людовикъ XIV, по предложенію министра Кольбера, повелѣлъ также завести при судахъ публичные реестры для записки долговъ ипотечныхъ, предоставляя записаннымъ въ реестръ право на удовлетвореніе прежде незаписанныхъ казнѣ, малолѣтнымъ и замужнимъ женщинамъ предоставлено преимущественное право на удовлетвореніе въ силу тайной, законной ипотеки, безъ записки.

Но зло еще не созрѣло, еще многіе собственники и многіе кредиторы находили выгоду въ таинственности, многіе искали въ ней спасенія, всѣ же еще не разочаровались и наивно расчитывали на кредитъ, основанный на одномъ наружномъ блескѣ. Законъ о ипо-

течныхъ реестрахъ, обнародованный въ мартѣ 1673 г., отмѣненъ въ апрѣлѣ 1674 года.

Спустя около ста лѣтъ послѣ второй неудачи, законъ о ипотечныхъ реестрахъ не встрѣтилъ уже препятствія. Въ 1771 году установлены для этой цѣли при судахъ особые чиновники подъ названіемъ хранителей ипотекъ (conservateurs des hypothèques), на которыхъ возложена обязанность вести особые реестры для записки разныхъ актовъ, обезпечиваемыхъ недвижимыми имуществами. Посредствомъ ипотечныхъ реестровъ нѣкоторыя обезпеченія сдѣлались гласными, но всѣ еще по прежнему относились къ цѣлому имуществу должника, т. е. были общими. Гласными сдѣлались ипотеки, коими обезпечивались добровольныя сдѣлки. Претензіи по приданому, по опекѣ и проч. обезпечивались тайною ипотекою, по закону, безъ означенія въ реестрѣ. Чтобы однакожъ тайныя ипотеки не затрудняли перехода имуществъ отъ одного владѣльца къ другому, принято за правило, что при отчужденіи имущества производятся, въ обезпеченіе пріобрѣтателя, *оглашенія*, въ слѣдствіе которыхъ каждый долженъ заявить о своихъ претензіяхъ по сему имуществу. Это называлось очисткою—purge des hypothèques.

Такъ состоялось первое продолженіе къ оставленному Римлянами законодательству по ипотечной части. Хранители ипотечныхъ дѣлъ и ипотечные реестры были не что иное какъ аѳинскіе *столбы-ипотеки*, которыхъ недоставало въ римскомъ порядкѣ. Конечно тутъ еще не все сдѣлано: многія обезпеченія еще остались тайными, всѣ же были общими; о спеціальности не было понятія. Какъ бы то ни было это нововведеніе доказало возможность улучшеній, коими съ тѣхъ поръ и не перестаютъ заниматься во всѣхъ западныхъ государствахъ.

Шагъ, сдѣланный французскимъ законодательствомъ, обратилъ на себя вниманіе прусскаго короля Фридриха II. Но онъ пошелъ далѣе. Онъ не хотѣлъ, чтобы ипотечный реестръ пополнялся оглашеніями, которыя конечно не могутъ быть удобны въ болѣе или менѣе пространномъ государствѣ, особенно когда отношенія жителей не ограничиваются своимъ приходомъ или уѣздомъ. Прусскій законодатель повелѣлъ описать всѣ недвижимыя имущества и означить всѣ безъ исключенія претензіи по каждому изъ этихъ иму-

ществъ отдѣльно. Такъ разомъ уничтожилъ онъ тайныя и общія ипотеки; все, что прежде обезпечивалось по закону, должно было внести въ ипотечную книгу; ипотека въ первый разъ сдѣлалась *гласною* и *специальною*.

Французскіе юристы поняли всю важность этого рѣшительнаго преобразованія. Но какъ недостатки французскихъ ипотекъ защищались отчасти обычаями, а отчасти политическимъ вѣсомъ обремененныхъ долгами собственниковъ, то для исправленія ипотеки нужно было выжидать случая, который бы уничтожилъ силу этихъ препятствій. Такимъ случаемъ была революція. Въ 1795 году состоялось новое положеніе объ ипотечномъ правѣ, гдѣ всѣ права и долги собственниковъ признаны гласными. Увлеченные этою новостью, составители Положенія думали, что гласность въ настоящемъ случаѣ не должна подчиняться никакимъ высшимъ началамъ государственныхъ соображеній, и допустили правило, по которому каждый собственникъ, получивъ ипотечное свидѣтельство (cédule hypothequaire), могъ передавать его по надписи, точно также какъ передаются векселя и нѣкоторыя другія бумаги. Эта мысль заимствована также изъ учрежденія Фридриха II, но она была слабою стороною введенной имъ ипотеки; Французы, въ революціонномъ восторгѣ, усилили ея зло, но за то скорѣе испытали пагубныя ея послѣдствія и оставили ее. Благодаря такимъ документамъ земля сдѣлалась движимымъ имуществомъ и стала быстро переходить изъ рукъ въ руки, къ большому ущербу для государства и общества. Поэтому въ 1798 году былъ изданъ новый ипотечный уставъ, который былъ основанъ почти совершенно на прусскомъ законодательствѣ. Уставъ этотъ дѣйствовалъ до обнародованія кодекса гражданскаго, составленнаго подъ предсѣдательствомъ перваго консула.

При разсмотрѣніи проекта кодекса обнаружились два разныя мнѣнія о ипотекахъ: одни защищали законъ 1798 года, основанный на прусской системѣ, другіе вспомнили и защищали Положеніе 1771 года, которымъ преобразована древняя французская система. Споръ кончился взаимными уступками: за основаніе принята система французская съ нѣкоторыми исправленіями по примѣру прусской. Эта сложная система заключается въ слѣдующемъ:

При всѣхъ гражданскихъ судахъ первой степени состоятъ особыя

ипотечныя канцеляріи (bureaux de conservation des hypothèques), которыми завѣдываетъ одно лице, подъ названіемъ хранителя ипотечныхъ дѣлъ (conservateur des hypothèques). Хранитель вступаетъ въ должность не иначе какъ по представленіи залога или поручительства, точно также какъ казначей.

Онъ обязанъ вести слѣдующія книги:

1) журналъ, въ которомъ отмѣчаетъ по мѣрѣ поступленія всѣ требованія по ипотекамъ. При закрытіи присутствія, этотъ журналъ также закрывается проведеніемъ черты;

2) записную книгу, въ которую вносятся отъ слова до слова акты о переходѣ недвижимаго имущества отъ одного собственника къ другому. Эта записка называется технически *transcription;*

3) ипотечный реестръ для отмѣтки въ немъ актовъ объ обезпеченіи долговъ и ихъ уплатѣ. Эта отмѣтка производится запискою въ реестръ краткаго содержанія акта по установленнымъ правиламъ, и называется *inscription;*

4) особую книгу для отмѣтки о наложеніи на имущество ареста по случаю назначенія его въ продажу съ публичнаго торга; наконецъ

5) указатель ко всѣмъ этимъ книгамъ.

Такой ипотечный механизмъ, отличающійся простотою, былъ бы весьма удобенъ, особенно для Франціи, гдѣ число хорошихъ судовъ первой степени довольно значительно, а имущества раздроблены. Но къ сожалѣнію ипотечное право, для котораго онъ назначенъ, далеко не такъ просто.

Право собственности на имущество по законамъ французскимъ пріобрѣтается и безъ предъявленія купчей въ ипотечной канцеляріи; поэтому по ипотечнымъ книгамъ нельзя знать кому имущество принадлежитъ. Случается иногда, что продавецъ имущества не выручилъ полной условленной суммы; по законамъ онъ не обязанъ въ тоже время заявлять въ ипотечныхъ реестрахъ объ этой недовыручкѣ, но, въ охраненіе его правъ, ему предоставляется по его претензіи преимущество на удовлетвореніе предъ всѣми кредиторами пріобрѣтателя. Это правило, разумѣется, ослабляетъ кредитъ всѣхъ новыхъ пріобрѣтателей недвижимыхъ имуществъ, иногда и безъ основанія. Кромѣ того, когда собственникъ принялъ въ свое распоряженіе приданое своей жены, или сдѣлался ея должникомъ по другому поводу въ

продолженіе брачнаго сожитія, то долгъ жены обезпечивается *всѣмъ* мужу ея принадлежащимъ имуществомъ, гдѣ бы оно не находилось, и не только имуществомъ, принадлежащимъ ему во время сдѣлки, но и тѣмъ, которое можетъ поступить къ нему когда нибудь, хотя бы о долгѣ не было заявлено у ипотечныхъ дѣлъ; другимъ словомъ жена имѣетъ обезпеченіе общее и тайное (hypothèque générale et occulte). Такое же право принадлежитъ малолѣтнымъ, состоящимъ подъ опекою собственника по всѣмъ ихъ въ отношеніи къ нему претензіямъ и казнѣ въ отношеніи къ казначеямъ. Это называется ипотекою узаконенною (hypothèque légale), которая доставляетъ кредитору обезпеченіе общее и тайное (hypothèque générale et occulte). Дѣйствіе ипотеки узаконенной, то есть обезпеченіе тайное, считается съ того дня, когда сдѣланъ долгъ.

Отсюда видно, что по французской системѣ гласность и специальность ипотеки допускаются только въ отношеніи къ долговымъ обязательствамъ (hypothèque conventionnelle) и рѣшеніямъ судебнымъ, коими присуждаются истцу какія либо претензіи или утверждаются домашнія сдѣлки (hypothèque judiciaire). Всѣ прочія обезпеченія суть тайныя и общія (hypothèque occulte et générale).

При такомъ порядкѣ, разумѣется, кредитъ собственника весьма ограниченъ: кредиторъ развѣ по дружбѣ ввѣритъ ему свой капиталъ, ибо онъ не можетъ имѣть удостовѣренія въ томъ, сколько собственникъ долженъ по праву тайной ипотеки. Конечно, когда собственникъ хочетъ сдѣлать заемъ подъ ипотечное обезпеченіе, то это еще возможно, ибо кредиторъ заставитъ его открыть состояніе своихъ дѣлъ и можетъ положиться на его показаніе, такъ какъ за утайку въ настоящемъ случаѣ собственникъ подвергается наказанію; но личный кредитъ почти невозможенъ.

Нельзя однакожъ сказать, чтобы французскіе законы не доставляли собственникамъ или кредиторамъ надежныхъ средствъ къ приведенію дѣлъ ипотечныхъ въ надлежащую ясность и порядокъ; напротивъ, правила о тайныхъ ипотекахъ развиты логически и съ цѣлью подчинить сдѣлки сторонъ условіямъ доброй вѣры; но соблюденіе этихъ правилъ предоставлено усмотрѣнію сторонъ: вотъ почему онѣ не всегда исполняются, и ипотечныя книги не представляютъ во всякое время съ достовѣрностью состояніе дѣлъ собственниковъ, что однако составляетъ для кредита самое важное условіе.

Юристы оправдываютъ эту нерѣшительность закона отношеніями лицъ, участвующихъ въ тайной ипотекѣ. Говорятъ, напр., что было бы слишкомъ жестоко требовать отъ вступающей въ бракъ женщины, чтобы она, ввѣряя жениху всю свою судьбу, оказывала ему недовѣріе касательно своего приданаго, и въ эту торжественную минуту заботилась объ обезпеченіи предбрачнаго договора ипотечною записью, или дѣлала это во время брака. Тоже сужденіе они примѣняютъ и къ малолѣтнымъ, коихъ судьба ввѣряется опекуну. Такое толкованіе конечно дѣлаетъ честь французскимъ юристамъ; жаль только, что оно вредно для собственника и въ сущности неосновательно. Если бы законодатель при начертаніи ипотечнаго права такъ думалъ, какъ толкуютъ его защитники, то не возлагалъ бы на новобрачащихся обязанности заключать договоръ о своемъ имуществѣ не иначе какъ до брака; а это гораздо труднѣе, чѣмъ явка составленнаго уже акта у ипотечныхъ дѣлъ.

Противъ неудобствъ такой системы нѣкоторые юристы возражали постоянно. Первый, однакожъ, рѣшительный ударъ нанесъ ей Уставъ о Земскихъ Кредитныхъ Обществахъ, обнародованный въ 1852 году. На основаніи этого закона составились три общества и раздѣлили между собою всю территорію государства, съ цѣлью выдавать собственникамъ недвижимыхъ имуществъ подъ ипотечное обезпеченіе ссуды, погашаемые процентами. А какъ ипотека по дѣйствующимъ законамъ не представляла обществу надежнаго обезпеченія, то въ томъ же Уставѣ 1852 г. опредѣленъ особый порядокъ, по которому права и долги собственника, желающаго получить ссуду отъ общества, могутъ быть приведены въ совершенную извѣстность. Это повело къ тому, что защитники дѣйствующей ипотечной системы сдѣлались уступчивѣе и въ 1855 году состоялся законъ, по которому явка у ипотечныхъ дѣлъ разныхъ актовъ, относящихся до недвижимыхъ имуществъ, признана обязательною. Это правило сближаетъ систему французскую съ прусской и хотя не отмѣняетъ еще всѣхъ неудобствъ, но судебная практика, безъ сомнѣнія, успѣетъ устранить ихъ совершенно. Перейдемъ къ разсмотрѣнію прусской ипотеки, о которой упомянули мы выше.

§ 5. Положеніемъ о ипотечномъ правѣ, обнародованномъ въ Пруссіи въ 1783 году, повелѣно было описать всѣ имущества, съ

означеніемъ на основаніи достовѣрныхъ документовъ: кому онѣ принадлежатъ въ собственность, какія на нихъ лежатъ ограниченія права собственности и какіе ими обезпечиваются долги. Эти свѣдѣнія означались въ особо для того придуманныхъ ипотечныхъ книгахъ; однажды собранныя, онѣ должны были впредь пополняться самыми сторонами подъ опасеніемъ убытковъ.

Каждому кто бы имѣлъ въ томъ надобность позволено справляться съ ипотечною книгою, которая ручается за достовѣрность и полноту помѣщенныхъ въ ней свѣдѣній.

Свѣдѣнія объ имуществахъ, по прусской системѣ, раздѣляются на три разряда или отдѣленія, кромѣ надписи, заключающей названіе имущества. Въ *первомъ отдѣленіи* означается названіе собственника и актъ, на основаніи котораго имущество къ нему поступило; во *второмъ* означаются разныя ограниченія права собственности, какъ напр. принадлежащее кому либо право выкупа, обязанность платить въ пользу церкви или какого либо заведенія извѣстный процентъ и проч.; наконецъ, *отдѣленіе третье* назначается для обезпеченій срочныхъ долговъ. Объ уничтоженіи или измѣненіи внесенныхъ въ книгу статей отмѣчается въ тѣхъ же отдѣленіяхъ, въ особыхъ графахъ.

Для каждаго отдѣленія назначается особый листъ, такъ что свѣдѣнія, до одного имущества относящіяся, составляютъ небольшую тетрадь, а какъ въ одной и той же книгѣ помѣщаются свѣдѣнія о многихъ имуществахъ, то прусскую ипотечную книгу можно себѣ представить какъ составленную изъ множества отдѣльныхъ тетрадей. Это неудобно, потому что нельзя въ одно время наводить нѣсколько справокъ. Притомъ въ избѣжаніе порчи такихъ большихъ книгъ, нужно ихъ составлять изъ толстой бумаги и вкладывать въ прочный переплетъ, что̀ увеличиваетъ ихъ тяжесть. Но это неудобство маловажное въ сравненіи съ выгодами, доставляемыми системой.

Прусскія книги состоятъ въ вѣдѣніи судовъ. На это теперь жалуются, потому что такой порядокъ замедляетъ производство, и сдѣлано уже предположеніе о порученіи книгъ особымъ хранителямъ, какъ во Франціи.

По прусскому ипотечному праву въ ипотечную книгу должно быть внесено все, что̀ касается правъ или долговъ собственника, но съ тѣмъ, что въ актѣ, на основаніи котораго дѣлается такая за-

писка, должно быть названо имущество и опредѣлена сумма долга. Покупаетъ ли кто недвижимое имущество, онъ обязанъ купчую внести въ ипотечную книгу; имѣетъ ли жена на мужа или малолѣтный на опекуна какія либо претензіи—эти претензіи должны быть означены въ ипотечной книгѣ; однимъ словомъ, тутъ всѣ обезпеченія гласны и специальны, а право собственника на имущество неоспоримо.

Такъ состоялось послѣднее улучшеніе учрежденія, коего основаніе положено Солономъ за пять сотъ лѣтъ до Рождества Христова. Гласность и опредѣлительность преодолѣли тайну и неточность, добросовѣстность въ отношеніяхъ получила защиту закона, кредитъ изъ благодѣянія перешелъ во взаимную услугу.

§ 6. Сдѣлавъ обозрѣніе французской и прусской системъ, мы считаемъ излишнимъ выводить заключеніе объ ихъ относительномъ достоинствѣ, ибо намъ кажется, что внимательный читатель самъ уже къ нему пришелъ, и еслибы мы предложили ему вопросъ, по какой изъ приведенныхъ системъ онъ предпочелъ бы совершить сдѣлку о пріобрѣтеніи недвижимаго имущества или обезпеченіи имъ своего капитала, то безъ сомнѣнія получили бы отвѣтъ въ пользу прусской системы. Такъ рѣшили многіе юристы и законодатели. Не смотря однакожъ на это, французская система господствуетъ въ половинѣ западныхъ государствъ, и хотя въ нѣкоторыхъ изъ нихъ измѣнена, но и въ такомъ видѣ нельзя ее сравнивать съ прусскою.

Въ другой же половинѣ государствъ, бо̀льшею частію германскихъ, прусская система хотя принята, но также почти вездѣ подверглась важнымъ измѣненіямъ, не утративъ впрочемъ основнаго своего характера.

Такъ какъ учрежденіе ипотечное развивается изъ нѣсколькихъ началъ, проникающихъ почти всѣ части гражданскихъ законовъ, и какъ формы и обряды въ настоящемъ случаѣ довольно сложны и по важности равняются самымъ началамъ, то здѣсь могутъ быть употреблены многіе пріемы, ведущіе къ одной цѣли, хотя разными путями. Отсюда слѣдуетъ, что въ Европѣ нѣтъ почти двухъ положеній о ипотечномъ правѣ, совершенно между собою сходныхъ.

Изъ ипотечныхъ системъ, ближе намъ извѣстныхъ, наиболѣе от-

личаются своею оригинальностію: австрійская, курляндская и польская. Мы не будемъ однако разсматривать ни первой, ни второй, такъ какъ онѣ суть произведенія историческія и имѣютъ рѣшительно мѣстный характеръ. Точно такимъ же свойствомъ отличаются ипотеки лифляндская и эстляндская. Вѣрнѣйшимъ образцомъ для подражанія, въ большихъ государствахъ, можетъ, по справедливости, служить ипотека царства польскаго, за которою такое преимущество признано лучшими знатоками этого предмета.

Съ древнихъ временъ была въ Польшѣ своя система обезпеченія долговъ недвижимымъ имуществомъ, которая постановленіемъ 1586 года преобразована въ настоящую ипотеку, хотя это названіе вовсе не употреблялось. Въ силу этого постановленія долги вдругъ сдѣланы гласными и спеціальными. Эта система въ сущности весьма была похожа на нынѣшнюю курляндскую и на дѣйствовавшую до 1841 года въ западныхъ губерніяхъ. Съ 1794 года ее смѣнили въ одной части края прусская, а въ другой австрійская. Потомъ въ 1807 году введена была французская, которая и дѣйствовала до 1818 года. Отсюда видно, что польскіе юристы имѣли случай на дѣлѣ изучить и оцѣнить разныя системы. Когда въ 1818 году возстановилась законодательная дѣятельность, то первою заботою правительства было разъяснить запутанныя въ слѣдствіе стольких перемѣнъ отношенія по имуществамъ, и съ этою цѣлью обнародовано положеніе о ипотекахъ. Оно основано на прусскомъ, но гораздо проще и улучшено нѣкоторыми правилами отчасти древней системы, а отчасти французской.

По системѣ царства польскаго, каждое недвижимое имущество имѣетъ особую книгу, въ которой отмѣчается: кому оно принадлежитъ и какія имъ обезпечиваются обязательства или чужія права вообще, всѣ же книги хранятся въ одномъ архивѣ при судѣ первой степени, подъ надзоромъ такъ называемаго писаря ипотечныхъ дѣлъ (conservateur des hypothèques). При каждомъ архивѣ состоитъ нѣсколько нотаріусовъ, которые, по желанію сторонъ, тутъ же составляютъ акты, на основаніи ипотечныхъ книгъ, и проч. Этотъ механизмъ оказался весьма удобнымъ. Теперь и въ Пруссіи заявлены предположенія, которыя если будутъ приняты, то ипотеки въ ней сдѣлаются почти одинаковыми съ ипотеками царства.

Въ настоящее время, сколько намъ извѣстно, польская ипотека

подверглась ревизіи; надобно полагать, что этимъ устранятся нѣкоторые ея недостатки, замѣченные на опытѣ.

§ 7. Мы видѣли, что понятіе ипотеки родилось въ Аѳинахъ въ то время, когда общество вступило въ послѣдній періодъ своего развитія; въ римской имперіи этотъ родъ обезпеченій сдѣлался общеупотребительнымъ также только въ послѣдній періодъ, по упадкѣ республики; наконецъ въ новой исторіи всѣ прежнія попытки были неудачны, и ипотечныя учрежденія принадлежатъ къ современнымъ намъ предметамъ законодательной дѣятельности, другими словами, онѣ распространились также въ то время, когда, по общепринятому мнѣнію, человѣческое общество достигло высшей степени развитія.

Это троекратное проявленіе ипотечныхъ учрежденій въ продолженіе около 2500 лѣтъ и каждый разъ въ періодѣ высшаго развитія образованности, должно служить доказательствомъ, что сознаніе нужды въ этихъ учрежденіяхъ созрѣваетъ не прежде, какъ по достиженіи обществомъ назначеннаго ему совершеннолѣтія.

Чтобы угадать причину этого явленія надобно принять въ соображеніе услуги, какія ипотека оказала человѣчеству. Въ Аѳинахъ она дозволила отмѣнить законъ о порабощеніи за долги; въ Римѣ существовалъ тотъ же соотвѣтственный законъ, и его нельзя было отмѣнить, не взирая на положительное къ тому стремленіе законодателя; но введеніе ипотеки пособило злу: случаи выдачи должника кредитору стали рѣдки; допущеніе обезпеченія по закону охранило права беззащитныхъ кредиторовъ, какъ женъ, малолѣтныхъ и проч.; посредствомъ привилегіи установлено справедливое различіе между долгами необходимыми и легкомысленными, а введеніе ипотечнаго старшинства положило нѣкоторые предѣлы расточительности. Въ Европейскихъ государствахъ, сверхъ означенныхъ выше результатовъ, произведенныхъ въ каждомъ государствѣ при первомъ уже появленіи ипотеки, въ настоящее время это учрежденіе соразмѣряетъ долги съ стоимостію имущества, и безъ сомнѣнія многихъ спасло отъ раззоренія. Теперь собственникъ знаетъ, что капиталистъ прежде выдачи ссуды справится съ ипотечною книгою, и если найдетъ имущество обремененнымъ, то не дастъ денегъ: потому имѣя въ виду вѣрный отказъ, онъ ищетъ займа въ естествен-

номъ источникѣ всѣхъ капиталовъ—трудѣ и бережливости. Намъ кажется, что это результатъ, достойный нашего времени.

§ 8. Мы часто слышали мнѣніе, что ипотека доставляетъ собственнику недвижимаго имущества кредитъ и защищаетъ его отъ несостоятельности. Касательно перваго, это вѣрно въ томъ отношеніи, что если кто не могъ имѣть кредита потому только, что его права на имущество были запутаны или неизвѣстны, то по учрежденіи ипотечной книги, когда права объяснятся, онъ будетъ имѣть кредитъ; но само собою разумѣется, что по мѣрѣ того, какъ сумма его долговъ будетъ приближаться къ сравненію съ стоимостію имущества, кредитъ постепенно будетъ уменьшаться. Если-же кто не пользуется кредитомъ, потому что имѣетъ уже много долговъ или другихъ обязательствъ, обезпеченныхъ недвижимымъ имуществомъ, то ипотека не въ состояніи открыть ему кредита, развѣ бы изобрѣтено было средство какимъ либо особеннымъ ипотечнымъ порядкомъ увеличить и самое имущество. Что касается втораго мнѣнія, что ипотека защищаетъ отъ несостоятельности, то это надобно понимать условно, именно, если должникъ не имѣетъ другихъ долговъ кромѣ ипотечныхъ, которые, какъ мы сказали выше, будучи всегда соразмѣрны съ имуществомъ, не могутъ подвергнуть кредитора опасностямъ несостоятельности должника.

§ 9. Ипотечный кредитъ разнится совершенно отъ коммерческаго или промышленнаго, и потому нуждается въ особаго рода капиталахъ. Разсмотримъ это подробнѣе.

Много разъ мы уже упоминали, что долгъ ипотечный есть долгъ имущественный. Это выраженіе слѣдуетъ понимать въ строгомъ смыслѣ: надобно оставить въ сторонѣ лицо собственника, вообразить имущество въ видѣ лица, и допустить, что это имущественное лицо нуждается въ деньгахъ: собственникъ въ настоящемъ случаѣ есть только посредникъ между капиталистомъ и имуществомъ. Для капиталиста особенно важны три обстоятельства: величина процента, полученіе процента въ срокъ, вѣрное полученіе капитала, если не по востребованію, то по крайней мѣрѣ въ срокъ. Торговля и промышленность обѣщаютъ капиталисту самые выгодные проценты и вѣрное въ срокъ полученіе какъ процентовъ такъ и капитала.

Но это только обѣщаніе, и если предпріятіе не удастся, то не только проценты, но и капиталы, по крайней мѣрѣ отчасти, пропадаютъ. Доходы недвижимаго, особенно поземельнаго имущества имѣютъ медленное, неравное движеніе, подвержены случайностямъ, коихъ умъ человѣческій ни предвидѣть, ни отклонить не въ состояніи, при которыхъ быстрые убытки покрываются медленною прибылью. Капиталистъ не можетъ тутъ расчитывать ни на столь высокіе проценты, ни на выручку ихъ и капитала на срокъ; онъ только имѣетъ увѣренность въ томъ, что имущество, которымъ его сумма обезпечена, не можетъ пропасть, почему бы хотя и не въ срокъ, онъ все таки получитъ свой капиталъ и проценты. Не смотря на это послѣднее качество, капиталисты болѣе расположены помѣщать капиталы въ промышленныя предпріятія, чѣмъ отдавать подъ обезпеченіе недвижимыхъ имуществъ. Это могло бы имѣть весьма невыгодныя послѣдствія для собственниковъ, если бы съ усовершенствованіемъ ипотечныхъ учрежденій не нашлось возможности уменьшить зло.

По законамъ всѣхъ государствъ (кромѣ Россіи) приданое поступаетъ къ мужу, который обезпечиваетъ его ипотекою своего имущества. Это правило примѣняется различнымъ образомъ, но мы имѣемъ въ виду только основную мысль. Свойство этого долга вполнѣ соотвѣтствуетъ свойству обезпеченія: срочные проценты тутъ не требуются, назначеніе срока платежа капитальной суммы не нужно, ибо она можетъ быть требуема развѣ по случаю прекращенія брака и то когда нѣтъ дѣтей, а между тѣмъ капиталъ совершенно обезпеченъ отъ потери, усиливаетъ общія средства семейства, устраняетъ необходимость обращаться къ постороннему лицу. Случается иногда, что женихъ не имѣетъ недвижимаго имущества или оно недостаточно для обезпеченія приданаго; тогда покупается имущество на имя мужа и на немъ въ тоже время, ипотечнымъ порядкомъ, записывается приданое. Словомъ, супруги не тратятъ отдѣльно своихъ имуществъ; онѣ соединены, не смѣшиваясь, точно также какъ лица тѣхъ, коимъ принадлежатъ. Это слѣдствіе ипотечнаго начала.

Къ тому же роду капиталовъ, для которыхъ нужна не столько значительная прибыль, сколько безопасность, принадлежатъ суммы малолѣтныхъ и другихъ, состоящихъ подъ опекою. Если бы

можно было собрать свѣдѣнія о количествѣ капиталовъ, подходящихъ подъ категорію приданаго или суммъ означенныхъ лицъ, то оказалось бы, что они составляютъ значительную часть стоимости недвижимыхъ имуществъ.

При ипотекѣ рождается особаго рода сдѣлка, извѣстная въ французскомъ правѣ подъ названіемъ rente viagère—пожизненный доходъ. Капиталистъ не желаетъ дѣлать никакихъ оборотовъ, не имѣетъ, можетъ быть, къ этому потребныхъ способностей, но у него есть друзья, которымъ онъ хочетъ сдѣлать добро; онъ ссужаетъ ихъ деньгами, обезпечивая ссуду ипотечнымъ порядкомъ, съ условіемъ, что въ продолженіе жизни будетъ довольствоваться одними процентами, по смерти же его капиталъ сдѣлается собственностію должника, т. е. долгъ погашается. Иногда это довольно выгодно.

Хорошо устроенная ипотека имѣетъ на свои услуги значительные капиталы, нужные ежегодно на залоги по разнымъ подрядамъ. Подрядчикъ можетъ отдать подъ ипотечное обезпеченіе всю ту часть капитала, которая ему нужна для представленія залога и вмѣсто денегъ представлять ипотечныя свидѣтельства, которыя въ этомъ отношеніи вѣрнѣе многихъ другихъ бумагъ. Это для подрядчика очень выгодно, потому что онъ тутъ пользуется высшими процентами.

Капиталистъ, имѣя капиталы, обезпеченные ипотечнымъ порядкомъ, можетъ, и не занимаясь самъ подрядами, извлечь значительную пользу, дозволивъ другому представить свои ипотечныя свидѣтельства для залога. Тогда онъ получаетъ проценты отъ должника и отъ подрядчика.

Изъ вышесказаннаго видно, что ипотека не только вызываетъ къ жизни капиталы, но еще имѣетъ средство до извѣстной степени пріохотить капиталистовъ.

§ 10. Все пока нами сказанное относится только къ кредиту такъ сказать индивидуальному, коимъ при ипотекѣ пользуется каждый собственникъ отдѣльно взятый. Но этимъ не ограничивается ея примѣненіе. Опытъ показалъ, что она доставляетъ также прочное основаніе для учрежденія особаго рода земскихъ кредитныхъ обществъ. Собственники извѣстной мѣстности или губерніи, нуждаясь въ деньгахъ для уплаты напр. личныхъ долговъ, для улучше-

нія сельскаго хозяйства или для другой опредѣленной и полезной цѣли, выпускаютъ нужное количество кредитныхъ билетовъ, приносящихъ проценты, и разбираютъ ихъ между собою по соразмѣрности принадлежащихъ имъ имуществъ и по установленнымъ на то правиламъ. Билеты, полученные каждымъ собственникомъ, обезпечиваются его имуществомъ по ипотечному порядку; но въ отношеніи къ постороннимъ лицамъ они обезпечиваются всею массою имуществъ, принадлежащихъ собственникамъ, составившимъ товарищество. Долгъ собственника погашается процентами въ продолженіе извѣстнаго времени.

Общества этого рода существуютъ во многихъ государствахъ. Онѣ учреждены въ Пруссіи для Силезіи еще около половины XVIII столѣтія, въ Польшѣ заведены въ 1825 году.

Опытъ показалъ, что билеты земскихъ кредитныхъ обществъ охотно принимаются всѣми, даже за границею, и хотя не всегда по номинальной цѣнѣ, за то часто выше ея. Какъ скоро въ промышленныхъ операціяхъ обнаружится тревога, какъ скоро пронесется слухъ о войнѣ, запросъ на билеты земскихъ обществъ увеличивается и цѣна ихъ возвышается. Этимъ значеніемъ они обязаны своему основанію, т. е. обезпеченію земскими имуществами, по ипотечному порядку. Громадность обезпеченія, состоящаго изъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ сельскихъ имуществъ, производящихъ продукты первой необходимости, которая никогда не уменьшается, предохраняетъ общество отъ банкротства и доставляетъ владѣльцамъ билетовъ полное къ нему довѣріе. Нужно только, чтобы общество имѣло хорошее правленіе и чтобы товарищи и владѣльцы билетовъ сами въ немъ участвовали: тогда администрація и контроль будутъ обходиться дешево и не потребуется никакой банкирской прибыли.

Земскія кредитныя общества полезны для государства и въ томъ отношеніи, что распространяютъ между владѣльцами высшія финансовыя и административныя понятія, и приготовляютъ практически лучшихъ чиновниковъ.

Если казна имѣетъ земскія недвижимыя имущества, то также можетъ принять участіе въ обществѣ и сдѣлать значительный заемъ.

II.

Какое значеніе можетъ имѣть ипотека въ Россіи?

§ 1. Нужна ли ипотека въ Россіи? Послѣ всего сказаннаго нами о значеніи ипотечнаго обезпеченія, этотъ вопросъ, по справедливости, можетъ показаться страннымъ. Намъ могутъ возразить, что, предлагая его, мы ставимъ себя въ противорѣчіе съ мнѣніемъ нашимъ о ипотекѣ: если вѣрно то, что ипотечный порядокъ охраняетъ добросовѣстность въ отношеніяхъ по имуществамъ, пресѣкаетъ множество поводовъ къ тяжбамъ, которые втайнѣ легко приготовляются злонамѣренностію, уравновѣшиваетъ долги съ имуществомъ и обезоруживаетъ недовѣрчивость кредита, то нѣтъ такого государства, въ которомъ ипотека была бы не нужна или безполезна. Но не о нравственной пользѣ мы спрашиваемъ: она несомнѣнна, и мы увѣрены, что въ соображеніяхъ каждаго законодателя она стоитъ на первомъ планѣ. Здѣсь дѣло идетъ о пользѣ матеріяльной, которая, будучи болѣе доступна массѣ народа, склоняетъ его мнѣніе на сторону законодательной мѣры и этимъ путемъ дѣлается орудіемъ къ достиженію высшей цѣли. Въ Пруссіи ипотека введена была въ одно время во всемъ государствѣ, и собственники сами этому содѣйствовали; но они знали, что по введеніи этого учрежденія имъ будетъ доставлена возможность получить заемъ для поправленія дѣлъ и земледѣлія, разстроенныхъ послѣ продолжительной войны. Въ царствѣ польскомъ, гдѣ также послѣ многолѣтнихъ войнъ и неустройствъ, слѣдовавшихъ за раздѣломъ и перераздѣломъ края, собственники были обременены лихвенными долгами, они расчитывали, что съ преобразованіемъ ипотеки имъ будетъ открытъ кредитъ для уплаты лихвенныхъ долговъ и улучшенія земледѣлія. Во Франціи занимались исправленіемъ ипотечнаго права для доставленія собственникамъ возможности сдѣлать выгодный заемъ на пользу земледѣлія. Наконецъ, во всѣхъ государствахъ, въ коихъ учреждены земскія кредитныя общества, исправлена также и ипотека по новымъ началамъ, а какъ эти общества учреждаются исключительно для пользы зем-

леделія, то очевидно, что и исправленіе ипотеки сопровождалось мыслію о матеріальныхъ выгодахъ. Въ виду этихъ примѣровъ, вопросъ, предложенный нами выше, нисколько не лишній: мы должны разсмотрѣть, какую матеріальную выгоду можетъ доставить ипотечное учрежденіе въ тѣхъ мѣстностяхъ Россіи, въ коихъ оно не существуетъ.

Всякому образованному человѣку извѣстно, что земледѣліе сдѣлалось въ наше время искусствомъ, которое обратило въ свою пользу лучшія современныя изобрѣтенія науки и промышленности. Это искусство облагороживаетъ земледѣліе, вводитъ его въ сферу высшей человѣческой дѣятельности, доставляетъ земледѣльцу нравственное удовольствіе достиженіемъ обдуманной цѣли и награждаетъ его болѣе обильными и болѣе разнообразными плодами. Но чтобы примѣнить новое искусство къ земледѣлію необходимы три условія:

свободный трудъ,

капиталъ для введенія новой системы,

кредитъ на текущія надобности.

Такъ какъ свободный трудъ составляетъ необходимое условіе перемѣны системы земледѣлія, то по теоріи слѣдовало бы заключить, что освобожденіе труда должно въ свою очередь налагать необходимость этой перемѣны. Практика вполнѣ подтверждаетъ такое предположеніе, потому что нигдѣ земледѣліе не улучшалось при крѣпостномъ состояніи; въ Пруссіи же, въ царствѣ польскомъ и въ остзейскихъ губерніяхъ оно стало дѣлать успѣхи почти непосредственно по снятіи укрѣпленія. Это явленіе можно себѣ объяснить слѣдующимъ образомъ. Крѣпостное состояніе есть оплотъ рутины, которая и собственника дѣлаетъ своимъ рабомъ. Она ему приготовляетъ скверную соху, плохаго пахаря, питаетъ его ложными понятіями о удобреніи и употребленіи его, пріучаетъ къ тратѣ силъ и вообще укореняетъ въ немъ понятія, которыя когда-то были, можетъ быть, основательны, но, давно отживши свое время, сдѣлались вредными. Увеличеніе нуждъ въ такомъ случаѣ рѣдко помогаетъ: рутина есть плодъ сильной привычки, родъ фанатизма, при которомъ добро и зло, достатокъ и бѣдность совершенно безразличны. Если крѣпостные станутъ свободны, то рушится основаніе земледѣльческой рутины: помѣщики

увидятъ, что не все утвержденное временемъ пріобрѣтаетъ право на неизмѣняемость и что перемѣна къ лучшему есть дѣло ума и воли, а не случайности. Когдажъ они станутъ на этой точкѣ, непреложный законъ логики откроетъ имъ глаза на недостатки всего, что приготовила рутина: имъ станетъ тѣсно тамъ, гдѣ они прежде находили просторъ; очнется дремлющая струна индивидуальности; каждый будетъ стараться пріобрѣсти нужное ему искусство, чтобы самому сдѣлаться виновникомъ своего благосостоянія. Это нравственный переворотъ, но мы не сомнѣваемся, что читатель вмѣстѣ съ нами признаетъ его неизбѣжнымъ, коль скоро данъ будетъ, впрочемъ уже неминуемый, толчекъ.

Какъ скоро пробудится желаніе улучшеній, всѣ станутъ оглядываться за средствами, за капиталомъ. Счастливъ у кого онъ есть собственный, или чье имѣніе не заложено. Такихъ, разумѣется, немного; мы будемъ говорить за всѣхъ. Всѣ, за исключеніемъ этихъ немногихъ, останутся безъ возможности удовлетворить новому, похвальному желанію: имѣніе заложено и вѣроятно перезаложено, деньги употреблены на предметы, чуждые земледѣлію, а здѣсь нуженъ полный основный капиталъ. Между тѣмъ Банкъ не увеличитъ и не можетъ увеличить ссуды, а частный кредитъ давно уже сталъ скупъ. Это положеніе надобно предвидѣть, оно неразлучно съ радикальными перемѣнами системы хлѣбопашества, которыя, какъ мы сказали выше, не суть прихоть, а необходимость, точно также какъ измѣненіе крѣпостнаго состоянія въ свободное. Когда собственники постигнутъ всю важность производительнаго капитала, а между тѣмъ достать его будетъ не откуда, то менѣе твердые изъ нихъ упадутъ духомъ и согласятся лучше продать имущество, чѣмъ владѣть имъ, не имѣя для того достаточныхъ средствъ.

Мы полагаемъ, что противъ этого зла ипотека можетъ доставить вѣрное средство, и потому не сомнѣваемся признать ее не только нужною, но и необходимою.

§ 2. Выше было сказано, что въ скоромъ времени собственники поземельныхъ имуществъ пожелаютъ заняться земледѣліемъ систематически и призвать къ содѣйствію науку и промышленность, но что для этого имъ нужны капиталъ и кредитъ, т. е. кому капиталъ, кому кредитъ, кому тотъ и другой вмѣстѣ.

При переходѣ къ раціональному земледѣлію количество нужнаго капитала измѣряется искусствомъ хозяина, состояніемъ рутиннаго земледѣлія, качествомъ почвы и разстояніемъ имущества отъ рынковъ. Представимъ себѣ имущество въ самыхъ дурныхъ условіяхъ: землю никогда не пахали, а только скоблили; почва требуетъ много хорошаго и разнообразнаго удобренія; луга и пастбища недостаточны, ихъ вовсе нѣтъ или есть очень дурные; рынки далеко или, что одно и тоже, дороги не хороши; хозяинъ понимаетъ дѣло и трудолюбивъ, но онъ не опытенъ, а между тѣмъ, по невозможности достать способнаго человѣка, самъ долженъ заняться нововведеніями—при такихъ условіяхъ нуженъ съ самаго начала значительный капиталъ, потому что тутъ перемѣна системы равняется колонизаціи: тутъ именно нужно не только вдругъ обзавестись всѣмъ необходимымъ, но еще надобно имѣть въ виду, что въ продолженіе нѣкотораго времени имущество не будетъ давать полнаго дохода. Когдажъ условія противоположны: земля не истощена, въ удобреніи нѣтъ большаго недостатка, луга и пастбища хороши, мѣста сбыта не слишкомъ отдаленны и хозяинъ опытный, то тутъ система можетъ быть измѣнена и собственными средствами, безъ помощи значительнаго капитала: хозяину нуженъ только кредитъ, чтобы онъ и не имѣя наличныхъ денегъ могъ достать на фабрикѣ нужную машину въ долгъ или занять на текущіе расходы иногда самую ничтожную сумму, отъ которой часто зависятъ тысячи. Такъ, напримѣръ, дождливое лѣто, надобно скоро убирать хлѣбъ, а ему недостаетъ, положимъ, сотни рублей, чтобы нанять больше работниковъ или надбавить заработную плату, а безъ того хлѣбъ гніетъ; или не родился какой либо хлѣбъ, или скотъ выпалъ и т. п., необходимо сейчасъ замѣнить ихъ другими.

Между этими крайностями существуетъ множество среднихъ положеній, которыхъ опредѣлить нельзя. Мы привели примѣры только съ цѣлью показать, что вездѣ нуженъ капиталъ или кредитъ или тотъ и другой вмѣстѣ.

По заведеніи раціональной системы, владѣльцамъ нуженъ кредитъ на тѣ случаи, о коихъ мы уже упомянули. Машина должна дѣйствовать безостановочно, между тѣмъ безъ кредита это не всегда возможно.

Представимъ себѣ, что наступило время общаго стремленія къ

измѣненію системы сельскаго хозяйства, и какъ мы знаемъ уже, что для этого нуженъ иногда значительный капиталъ и всегда кредитъ, то посмотримъ откуда можно будетъ его достать безъ ипотечныхъ учрежденій.

Не зная какія правила будутъ постановлены для осуществленія идеи о выкупѣ усадебныхъ и пахатныхъ земель, связываемомъ съ отмѣненіемъ у насъ крѣпостнаго права, обратимся прямо къ Банку. Это старый знакомый: онъ дастъ денегъ (*). Конечно, кто не заложилъ еще своего имѣнія, или заложилъ, но уже давно и не измѣнялъ срока, тому Банкъ окажетъ полезную услугу. Между тѣмъ въ немъ заложено уже больше половины имѣній; если жъ изъ остающейся за симъ меньшей половины исключить имѣнія, состоящія въ частномъ залогѣ, а также тѣ, которыя обременены запрещеніями, и тѣ, коихъ собственники, по малозначительности или по причинѣ чрезполоснаго владѣнія, не могли отдать въ залогъ, то останется весьма немного такихъ, которыя совершенно свободны и могутъ доставить полную ссуду. Въ такомъ положеніи надежды на Банкъ очень слабы, и радикальная перемѣна поземельнаго кредита необходима.

Положимъ, что наше заключеніе о расчетахъ на банковый заемъ не вѣрно, и что всѣ по мѣрѣ надобности получатъ или новую ссуду или добавку къ прежней, или достаточно будетъ перезаложить имѣніе; но все ли будетъ этимъ достигнуто? Мы сказали выше, что банковая ссуда обращалась на другія надобности, а не на земледѣліе. Посмотримъ, какія нужды удовлетворялись Банкомъ. Это очень важно: если онѣ исчезнутъ, то можно будетъ вполнѣ положиться на Банкъ, потому что тогда вся ссуда обратится на земледѣліе; но если эти нужды не могутъ быть устранены, то надобно искать новыхъ средствъ.

§ 3. Долги суть необходимость общественной жизни, точно также какъ собственность: они удовлетворяютъ потребности между людьми отношеній, содѣйствія, взаимной помощи, удовлетворяютъ потребности движенія; собственность придаетъ этому движенію

(*) Считаемъ неизлишнимъ замѣтить здѣсь, что настоящая статья была написана до пріостановленія выдачи ссудъ изъ кредитныхъ установленій подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ. *Редакторъ.*

опредѣленность и правильность — охраняетъ его. Безъ общественной жизни не было бы долговъ, но не было бы и собственности, то есть не было бы различія между своимъ и чужимъ, не было бы понятія о правѣ. Такого состоянія мы не можемъ себѣ представить, не взирая на всѣ усилія утопіи, которая хочетъ поставить общество въ зависимость отъ произвола: кто возстаетъ противъ собственности, тотъ конечно не допускаетъ долговъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ разрушаетъ общественный союзъ. Но между означенными тремя условіями нашего быта должна существовать извѣстная соразмѣрность: нужды должны развиваться по мѣрѣ средствъ, долги не должны уничтожать характера производительнаго капитала, собственность должна останавливать стремленіе ихъ къ быстрому накопленію. Къ сожалѣнію, не смотря на необходимость этой соразмѣрности, она однакожъ нигдѣ не существуетъ сама по себѣ, а водворяется предусмотрительностію законодателя.

Конечно, законодатель не въ силахъ воспротивиться преждевременному иногда развитію нуждъ; но онъ по крайней мѣрѣ не поощряетъ ихъ, старается дать другое направленіе пробужденной дѣятельности общества и устраняетъ все, что могло бы вызывать нужды безплодныя. Онъ не можетъ также воспрепятствовать существованію людей, которые дѣлаютъ долги безъ основанія, по легкомыслію, расточительности или лѣности. Это настоящіе должники, должники по званію. Они вездѣ существуютъ. Искоренить ихъ нельзя, но надобно стараться придать мѣрамъ взысканія такую правильность и настойчивость, чтобы подобные люди не заражали другихъ менѣе къ тому расположенныхъ и не ослабляли бы всеобщаго довѣрія. Есть собственники, которые думаютъ только о томъ, чтобы собирать доходы, но не принимаютъ никакихъ мѣръ къ поддержанію или усиленію источника доходовъ; онъ тогда скоро исчерпывается, а долги приходятъ въ несоразмѣрность съ имуществомъ. Исправленіе этого зла, если оно распространилось, составляетъ самую трудную задачу; однакожъ оно возможно. Надобно изслѣдовать, на что опираются собственники въ своихъ расчетахъ, и буде возможно, отодвинуть эту опору; тогда они будутъ расчитывать на себя. Впрочемъ основательное просвѣщеніе, допущеніе всѣхъ классовъ къ состязанію на поприщѣ полезнаго труда суть средства испытанныя.

При быстрыхъ переворотахъ вслѣдствіе реформъ, совершившихся въ продолженіе прошедшаго столѣтія, русское общество въ экономическомъ отношеніи испытывало также вліяніе преждевременныхъ нуждъ. Онѣ, правда, далеко еще не проникли въ массу народа, и только весьма незначительное число избранныхъ, стоящихъ въ главѣ всѣхъ начинаній, могло подвергаться ихъ послѣдствіямъ, рано почувствовавъ бремя лихвы и недостатокъ кредита; но, по причинѣ внутренняго устройства общества и по недостатку гласности, затруднительное положеніе этихъ избранныхъ приняло въ глазахъ законодателя значеніе общаго бѣдствія, и сдѣлалось въ его убѣжденіи основательнымъ поводомъ къ принятію соотвѣтственныхъ общихъ мѣръ. Посмотримъ въ чемъ состояли эти мѣры.

Въ 1754 году назначена была сумма 750,000 р. для раздачи заимообразно нуждающимся въ томъ лицамъ. Въ продолженіе 30-ти лѣтъ эта сумма увеличена до 6-ти милліоновъ, но оказалась недостаточною. Потому въ 1786 г., при учрежденіи Заемнаго Банка, назначено было 20 милліоновъ руб. для выдачи ссудъ подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ съ погашеніемъ процентами въ продолженіе 24-хъ лѣтъ.

Мысль погашенія ссуды процентами была въ то время совершенно новою. Она только что родилась въ Пруссіи и какъ нельзя лучше удовлетворяла видамъ людей, потерявшихъ уже кредитъ. Между тѣмъ такая ссуда при всѣхъ своихъ достоинствахъ имѣетъ весьма опасную сторону. Выгоды ея въ томъ состоятъ, что она выдается на длинный срокъ и взыскивается по частямъ; опасна же она потому, что вслѣдствіе этихъ качествъ многіе не считаютъ ее даже за долгъ и, какъ ее слишкомъ легко можно получить, то никто отъ нея не отказывается, беретъ безъ нужды дѣйствительной, увеличиваетъ сумму своихъ долговъ и пріучается къ издержкамъ, несоотвѣтственнымъ съ средствами. Потому ссуды сего рода дозволительны не иначе какъ при обстоятельствахъ, которыя, по всей вѣроятности, заставятъ по крайней мѣрѣ значительную часть заемщиковъ употребить полученную ссуду на предметъ дѣйствительно полезный.

При учрежденіи Банка въ 1786 году выдача ссуды подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ разрѣшена для противудѣйствія лихвѣ, улучшенія земледѣлія и охраненія дворянскихъ имѣній. Въ сущности послѣднее есть результатъ двухъ первыхъ, которые служатъ

ему средствами. Такова, кажется, была первоначальная мысль законодателя, но въ развитіи она приняла совсѣмъ противуположное значеніе: охраненіе дворянскихъ имуществъ сдѣлалось прямою цѣлью, а средства упущены изъ виду.

Улучшеніе земледѣлія не могло, очевидно, озабочивать законодателя, потому что объ этомъ въ Европѣ существовали еще довольно сбивчивыя понятія, и хотя въ разныхъ государствахъ получены были уже въ этомъ отношеніи довольно замѣчательные результаты, но только какъ слѣдствіе отдѣльныхъ усилій, имѣющихъ будущность, но еще неясныхъ и не вошедшихъ въ кругъ общей дѣятельности. Впрочемъ улучшенію земледѣлія должна предшествовать перемѣна отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, безъ чего оно рѣшительно невозможно, не говоря уже о томъ, что тутъ нужно соотвѣтственное образованіе. Кажется, что за 73 года назадъ Россія не находилась въ условіяхъ, способствующихъ улучшенію земледѣлія.

Что касается до лихвы, если она въ то время дѣйствительно достигла опасныхъ размѣровъ, то слѣдовало разрѣшить Банку удовлетворять личныхъ кредиторовъ и вступать въ ихъ права въ отношеніи къ заемщикамъ. Но какъ этого не сдѣлано, то надобно полагать, что лихва не была общимъ зломъ, но обременяла только тѣхъ, которые уже потеряли кредитъ.

Стало быть охраненіе дворянскихъ имѣній должно было служить главнымъ основаніемъ къ разрѣшенію выдачи ссуды. Это предположеніе подтверждается особенною привилегіею, данною тогда Банку, по которой заложенныя въ немъ имущества не могли быть подвергаемы продажѣ по частнымъ взысканіямъ, если собственникъ исправно вносилъ банковые проценты. При такой привилегіи, которая не находитъ оправданія въ теоріи гражданскаго права, заложить имущество въ Банкѣ значило застраховать его отъ взысканія частныхъ кредиторовъ.

На основаніи этой системы, если банковая ссуда не могла быть употреблена на улучшеніе земледѣлія, потому что оно въ ней не нуждалось; если она не была обращена на уплату личныхъ долговъ, потому что это не полагалось непремѣннымъ условіемъ выдачи ссуды; если наконецъ ссуда эта останавливала взысканіе по частнымъ долгамъ, то надобно заключить, что первоначально вся

она обратилась на удовлетвореніе такихъ нуждъ, которыя не возстановляли, а напротивъ подрывали частный кредитъ, и что она увеличила сумму долговъ.

Съ усовершенствованіемъ системы запрещеній, выдача ссудъ впослѣдствіи производилась на условіяхъ болѣе правильныхъ, но какъ система взысканій не подвергалась никакимъ улучшеніямъ и означенная банковая привилегія оставалась до послѣдняго времени почти въ полной первобытной силѣ, то частный кредитъ не могъ возстановиться. Это состояніе, отражающееся на всѣхъ отношеніяхъ, было бы весьма стѣснительно, если бы тотъ же самый Банкъ не питалъ кредита перезалогами. Они конечно удерживали сумму банковаго долга въ одномъ размѣрѣ, но съ отмѣною ихъ кредитъ можетъ окончательно изчезнуть.

Такова, по нашему мнѣнію, услуга, оказываемая обществу банковою ссудою. Она слѣдовательно имѣетъ свое назначеніе и желая употребить ее на пользу земледѣлія, надобно сперва частному кредиту доставить другую поддержку, измѣнивъ радикально правила о такъ называемомъ безспорномъ производствѣ, а отчасти и о мѣрахъ гражданскихъ взысканій.

§ 4. Признавая существующіе способы безуспѣшными для доставленія капитала на преобразованіе системы сельскаго хозяйства и для открытія собственникамъ поземельныхъ имуществъ необходимаго кредита, считаемъ нашею обязанностію объяснить какимъ образомъ ипотека можетъ удовлетворить этому требованію.

При обозрѣніи историческаго развитія и дѣйствительнаго значенія ипотеки, мы сказали, что въ другихъ государствахъ она послужила основаніемъ къ учрежденію земскихъ кредитныхъ обществъ. Такія общества могутъ быть учреждаемы и въ Россіи.

По нашему мнѣнію въ Россіи общества этого рода должны быть учреждаемы съ условіемъ солидарной отвѣтственности, т. е. имущества товарищей должны представлять общій залогъ въ обезпеченіе выпущенныхъ билетовъ. Имущества тутъ не смѣшиваются и каждый товарищъ отвѣчаетъ за свой долгъ предъ администраціею общества отдѣльно; но условіе солидарности усиливаетъ ручательство въ отношеніи постороннихъ лицъ, которыя будутъ пріобрѣ-

тать билеты общества, а это конечно не можетъ не имѣть благопріятнаго вліянія на курсъ.

Кредитное общество можетъ увеличить заемъ противъ банковаго размѣра, предположительно до половины стоимости имущества. Эта стоимость выводится или по соображенію количества поземельныхъ податей или по оцѣнкѣ, производимой отряженными для того товарищами.

Ссуда общества должна быть обезпечиваема не иначе, какъ первымъ нумеромъ въ ипотечной книгѣ. А какъ этотъ нумеръ въ большей части случаевъ окажется занятымъ банковыми или другими претензіями, то его надобно сперва очистить, т. е. надобно заплатить билетами общества всѣ эти претензіи, а товарищу-заемщику выдать остальную за симъ сумму.

Перезалоги имуществъ въ обществѣ не должны быть допускаемы.

Посмотримъ, какія послѣдствія можетъ имѣть эта операція?

1. Банкъ продолжаетъ получать свои проценты до совершеннаго погашенія выданной имъ ссуды; расходы его на администрацію значительно уменьшаются, обороты же, освобожденные отъ тяжелаго бремени, пріобрѣтаютъ свойственную имъ подвижность. Онъ и впредь будетъ выдавать ссуды подъ обезпеченіе строеніями; но какъ залогъ этого рода принадлежитъ къ разряду фабричныхъ произведеній, то условія ссуды могутъ быть болѣе соображены съ сущностію банковыхъ операцій.

2. Кредиторы, получивъ свой капиталъ билетами общества, конечно выручаютъ процентовъ меньше, чѣмъ условились, а если билеты не будутъ имѣть курса по номинальной цѣнѣ, то теряютъ и часть капитала. Но они освобождаются отъ издержекъ и потерь по взысканію и по расплатѣ соразмѣрно съ суммою займа. Избѣжаніемъ этихъ потерь они сугубо вознаграждены.

3. Товарищъ по расплатѣ съ Банкомъ и другими кредиторами или получилъ болѣе или менѣе значительный капиталъ, или ему ничего не осталось, или же онъ все еще въ долгахъ. О первыхъ намъ нечего заботиться. Вторые, хотя и не получили капитала, но избавились отъ лихвенныхъ долговъ: они стали отчасти богаче и имѣютъ кредитъ, который съ каждымъ годомъ становится тверже, потому что съ каждымъ годомъ уменьшается долгъ общества. При экономіи и порядкѣ въ такомъ состояніи можно много сдѣлать. Не

всѣмъ однако изъ находящихся въ этомъ положеніи возможно будетъ приступить къ преобразованію системы хлѣбопашества. Предложимъ средство какъ бы имъ помочь: оно утѣшитъ и третьихъ въ ихъ грустной обстановкѣ.

Выше мы упомянули о приданомъ. По законамъ другихъ государствъ оно поступаетъ въ вѣдѣніе мужа, но обезпечивается его имуществомъ, по ипотечному порядку. При дѣйствующихъ законахъ относительно обезпеченія долговъ, этого порядка нельзя было учредить, потому что всякое обезпеченіе недвижимымъ имуществомъ влечетъ за собою запрещеніе, которое ослабляетъ кредитъ собственника или ставитъ его въ безотрадное, безвыходное положеніе, приготовляемое каждому лихвою. Но если будетъ введена ипотека, то законодатель можетъ издать такое правило, что приданое обезпечивается ипотечнымъ порядкомъ послѣ долга кредитнаго общества. Такъ какъ это безпроцентный долгъ, и рѣдко взыскивается, то онъ можетъ оказать важныя услуги собственникамъ, доставляя имъ средство къ улучшенію быта или и спасая ихъ отъ раззоренія.

Всѣ эти предположенія однакожъ могутъ быть примѣнены лишь къ такому состоянію гражданскаго права, съ которымъ совмѣстно рѣшеніе исковыхъ дѣлъ съ надлежащею скоростію и окончательно въ полномъ смыслѣ слова, а взысканія имѣютъ характеръ настойчиваго понужденія. Безъ этого напрасно толковать о ипотекахъ и о кредитѣ.

§ 5. Вопросъ о томъ, на какихъ основаніяхъ было бы возможно учредить ипотеку въ Россіи, будетъ нами разсмотрѣнъ ниже; здѣсь же мы считаемъ неизлишнимъ устранить тѣ возраженія, которыя представляются противъ этого учрежденія.

Въ печати является у насъ весьма много дѣльныхъ замѣчаній и соображеній по разнымъ предметамъ. Само собою разумѣется, что всѣ соображенія не могутъ проистекать изъ одинаковыхъ началъ и стремиться къ одинаковому результату. Отсюда рождается разногласіе — пища печати, орудіе преній и залогъ основательнаго успѣха. Въ этомъ нѣтъ никакого зла, лишь бы каждое возраженіе, каждое особое мнѣніе подкрѣплялось логическимъ разсужденіемъ, сопровождалось должнымъ приличіемъ и готово было терпѣливо выслушать отвѣтъ противной стороны. Къ числу разногласій, высказанныхъ въ послѣднее время, принадлежатъ съ одной стороны

желаніе усвоить западный элементъ народному развитію, съ другой желаніе устранить все чужое и развивать только свои элементы. Поборники того и другаго стремленія правы—истина въ серединѣ. Еще недавно всѣ мы читали краснорѣчивое негодованіе, а не разсужденіе даровитаго писателя противъ тѣхъ, которые, находя иностранное законодательство болѣе полнымъ и болѣе опредѣлительнымъ, обращаются къ нему за совѣтомъ, при исполненіи данныхъ имъ порученій. Достойные защитники народности въ законодательствѣ скажутъ, что намъ ипотеки не нужны, потому что это иностранное изобрѣтеніе. Такое возраженіе не удивило бы насъ нисколько, такъ какъ выдаваемыя у насъ свидѣтельства для залога и запрещенія имѣютъ много сходнаго съ ипотечнымъ учрежденіемъ, а основанный на нихъ кредитъ Банка устраняетъ, по видимому, нужду въ другихъ кредитныхъ установленіяхъ.

Скажемъ прежде всего нѣсколько словъ о народности въ законодательствѣ.

Ипотечное право составляетъ часть такъ называемыхъ Гражданскихъ Законовъ: по системѣ Свода Законовъ оно принадлежитъ къ разряду правилъ, помѣщенныхъ книги IV въ раздѣлѣ второмъ о обезпеченіи договоровъ и обязательствъ. На основаніи перваго изъ правилъ этого раздѣла «договоры и обязательства, по обоюдному согласію, могутъ быть *укрѣпляемы* (?) и обезпечиваемы: 1) поручительствомъ, 2) условіемъ неустойки, 3) залогомъ имуществъ недвижимыхъ, 4) закладомъ имуществъ движимыхъ.» Если къ этому правилу прибавить еще одинъ п. 5): «и ипотекою», то этого будетъ достаточно для того, чтобы новый уставъ связать съ общею системою.

Стало быть ипотека есть не только гражданское, но даже исключительно частное право, въ томъ смыслѣ, что пользоваться ею зависитъ единственно отъ воли сторонъ и что она не имѣетъ рѣшительно никакой связи съ устройствомъ государственнымъ, какъ напр. законы о завѣщаніяхъ, о наслѣдствѣ, о бракахъ. Маіораты и фидеикомиссы придаютъ правительству начало аристократическое; равенство в раздѣлъ имуществъ измѣняютъ его въ демократическое; предпочтеніе при раздѣлѣ одного пола другому ведетъ къ неопредѣленности; многоженство—къ заключенію женщинъ, а за симъ мужчины лишаются въ дѣйствіяхъ своихъ половины даровап-

ныхъ человѣку чувствъ и средствъ. Однимъ словомъ, всѣ эти законы хотя и причисляются къ гражданскому праву, но производятъ рѣшительное вліяніе на тѣ сферы общественной жизни, въ которыхъ можетъ проявляться какая либо народная особенность, доступная измѣненіямъ не иначе какъ въ слѣдствіе большаго потрясенія.

Если бы слѣдовательно учрежденіе ипотеки состояло въ какой нибудь связи съ этого рода законоположеніями, то конечно опасеніе за народность могло бы имѣть основаніе. Но это частный законъ, зависящій отъ воли частнаго лица.

Кто занимался историко-юридическими изслѣдованіями, тотъ имѣлъ случай убѣдиться, что въ области частныхъ законовъ, въ томъ смыслѣ, какъ мы это выше опредѣлили, по началамъ, законодательство XI столѣтія имѣетъ совершенное сходство съ нынѣшнимъ.

Тогда, какъ и теперь, сдѣлки зависѣли отъ добровольнаго условія: кто продалъ имущество, тотъ долженъ былъ выдать его покупщику; кто занялъ деньги—долженъ былъ удовлетворить кредитора; кто принялъ на сохраненіе какую либо вещь, тотъ не могъ ее себѣ присвоить; кто нанялъ имущество, долженъ былъ платить наемную цѣну, и т. п. Это суть начала, общія законодательствамъ всѣхъ вѣковъ и народовъ. Разница между ними состоитъ только въ степени развитія, въ искусствѣ раздѣлять ихъ на составныя части, излагать систематически и примѣнять къ случаямъ. Исторія показываетъ, что это искусство чрезвычайно трудно, что не всѣмъ дано дойти собственными силами до послѣдней степени развитія, но что изученіе иностранныхъ законодательствъ усугубляетъ средства, коими обладаетъ природный умъ. Мы знаемъ, что древніе Греки изучали законы и обычаи египетскіе, финикійскіе и другихъ опередившихъ ихъ народовъ; Римляне имѣли счастливую мысль въ началѣ своей государственной жизни воспользоваться законами Этрусковъ, Грековъ и другихъ; западные народы долго учились римскимъ законамъ, прежде чѣмъ достигли этой стройности и полноты, которой мы удивляемся. Вотъ что показываетъ опытъ тридцати столѣтій: заимствуя законы одинъ у другаго, народы нисколько не теряли своей народности, они только сближались между собою взаимнымъ уваженіемъ.

Сходство между ипотечнымъ и закладнымъ правомъ, по Своду

Законовъ, есть только кажущееся. Что касается до начала, закладное право служитъ лишь для единовременной ссуды и лишаетъ должника права распоряжаться своимъ имуществомъ иначе какъ испросивъ на то разрѣшеніе; ипотечное право напротивъ не допускаетъ никакихъ ограниченій: собственникъ можетъ свое имущество закладывать хоть десять разъ и продавать когда ему угодно, не спрашивая ничьего разрѣшенія.

Касательно послѣдствій—закладное право, ограничивая заемъ, лишаетъ собственника кредита правильнаго и вѣрнаго и поощряетъ, принуждаетъ къ личнымъ долгамъ, которые не могутъ не быть раззорительны, потому что чѣмъ труднѣе дать надежное обезпеченіе, тѣмъ условія займа отяготительнѣе; ипотечное же право, дозволяя обезпечивать имуществомъ столько займовъ, сколько ихъ получить можно, уменьшаетъ случаи личнаго кредита и заставляетъ собственника не переходить за предѣлы своихъ средствъ.

Въ отношеніи къ формѣ, свидѣтельство для залога по закладному праву представляетъ содержаніемъ своимъ нѣкоторое сходство съ ипотечною книгою. Но можемъ ли мы, опираясь на сходство формы, достигнуть чрезъ нее результатовъ ипотечнаго права?

Конечно, если свидѣтельства для залога представляютъ достаточное ручательство въ достовѣрности и полнотѣ помѣщенныхъ въ нихъ свѣдѣній, то можно бы, отмѣнивъ запрещенія, разрѣшить выдачу копій этихъ свидѣтельствъ для обезпеченія частныхъ займовъ безъ ограниченія, а при взысканіи удовлетворять кредиторовъ полными суммами, но по старшинству займа.

Мы не осмѣливаемся оспаривать благонадежности свидѣтельствъ: Банкъ принимаетъ ихъ въ обезпеченіе своей ссуды, слѣдовательно они вѣрны. Но не забудемъ, что банковая ссуда, погашаемая процентами, равняется не болѣе какъ четвертой части стоимости имѣнія, показаннаго въ свидѣтельствѣ, а для введенія ипотечнаго кредита намъ нужно такое свидѣтельство, которое бы обезпечивало съ такою же достовѣрностію долги выше этого размѣра, до половины и болѣе стоимости залога. Можемъ ли мы имѣть увѣренность, что свидѣтельство, выданное для ограниченнаго и опредѣленнаго кредита, доставитъ твердое основаніе кредиту расширенному, неограниченному и не опредѣленному извѣстнымъ мѣстомъ или кредиторомъ?

Лица, выдающія нынѣ свидѣтельства для залога, не могутъ удовлетворить просителя въ скоромъ времени, ибо по закону для составленія свидѣтельства требуется много справокъ, и едва ли при нынѣшнемъ порядкѣ производства дѣлъ онѣ въ состояніи были бы исполнять свои обязанности, если бы всѣ свидѣтельства выдавались на точномъ основаніи законовъ. Но зная напередъ, что свидѣтельство требуется для одной незначительной ссуды, погашаемой процентами въ продолженіе многихъ лѣтъ, онѣ не считаютъ необходимымъ исполнять всѣ формальности и вообще выдаютъ свидѣтельства на основаніи одностороннихъ показаній просителя.

Положимъ, что мнѣніе наше ошибочно, и что всѣ свидѣтельства для залога выданы присутственными мѣстами съ соблюденіемъ всѣхъ предписанныхъ для того условій. Этимъ однако нисколько не увеличивается сила той ихъ достовѣрности, которая нужна для общаго кредита. Онѣ составляются канцелярскимъ, тайнымъ порядкомъ, слѣдовательно никто имъ вѣрить не будетъ. Скажутъ, что государственные билеты, разныя ассигнаціи также составляются негласнымъ образомъ, а всѣ ихъ принимаютъ; да, но на этихъ билетахъ напечатано, что по желанію они могутъ быть размѣнены на звонкую монету. Пусть присутственное мѣсто объявитъ, что оно будетъ платить кредиторамъ всѣ понесенные ими по его свидѣтельствамъ убытки, тогда конечно тайная выдача ихъ не повредитъ кредиту. Но такъ какъ объ этомъ и думать нельзя, то выдачу свидѣтельствъ должно сдѣлать публичною, и для этого обнародовать о томъ, что она требуется, и вызвать кредиторовъ и другія лица, имѣющія на имущество просителя какія либо притязанія, дабы они о своихъ искахъ и претензіяхъ заявили въ установленный срокъ. А этого нельзя сдѣлать, потому что тогда свидѣтельства выдавались бы не раньше какъ черезъ годъ или болѣе по поступленіи прошенія объ ихъ выдачѣ. Впрочемъ мы зашли слишкомъ далеко, объясняя мнѣніе наше, что нынѣшнія свидѣтельства для залога не могутъ быть приняты въ основаніе ипотечнаго кредита. Намъ слѣдовало только обратить вниманіе на измѣненіе въ крѣпостномъ состояніи, которое повлечетъ за собою по необходимости перемѣну всѣхъ выданныхъ уже свидѣтельствъ. О числѣ душъ въ свидѣтельствахъ нельзя будетъ упоминать; а во всѣхъ ли случаяхъ мѣра земли показывается по межевымъ планамъ и правильно ли

определяются ея качества—предметъ, какъ извѣстно, весьма трудный? Не наше дѣло разсматривать вопросъ, чѣмъ должно быть замѣнено основаніе банковаго кредита по устройствѣ быта крестьянъ; мы только указали на необходимость перемѣны и полагаемъ, что ипотечное учрежденіе представляетъ въ настоящемъ случаѣ спасительное средство.

II.

Какъ могла бы быть устроена Русская ипотека?

§ 1. Признавая ипотеку не только полезнымъ, но и необходимымъ учрежденіемъ, считаемъ своимъ долгомъ объяснить, въ какомъ видѣ она могла бы быть устроена у насъ и какимъ порядкомъ введена въ исполненіе при дѣйствіи Свода Законовъ Гражданскихъ. Мы не скрываемъ, что для насъ это самая трудная задача; но не имѣя притязанія на безошибочность, выскажемъ наше мнѣніе безъ робости, и съ радостію будемъ привѣтствовать тѣ заключенія, которыя окажутся основательнѣе нашихъ.

Выше мы объяснили, что въ Европѣ существуютъ двѣ системы ипотечныхъ учрежденій: французская и прусская, но что ни въ той ни въ другой нѣтъ двухъ ипотечныхъ уставовъ, совершенно между собою сходныхъ, и что ни одинъ изъ нихъ не доведенъ еще до совершенства. Стало быть у насъ нѣтъ готоваго образца, и приступая къ введенію этого учрежденія у себя, мы, по необходимости, должны изобрѣтать. Въ этомъ отношеніи конечно намъ было бы гораздо легче начертать уставъ ипотечнаго права, чѣмъ анализировать данныя, изъ коихъ онъ долженъ состоять и объяснять процессъ нашей мысли, имѣя постоянно въ виду, что, разсуждая о предметѣ несуществующемъ, легко можетъ статься, что не для всѣхъ будемъ понятны. Сдѣлаемъ, однакожъ, что отъ насъ зависитъ. Предположивъ, что ипотека уже заведена, изобразимъ нагляднымъ образомъ движеніе отношеній по имуществамъ при содѣйствіи этого учрежденія.

Представимъ себѣ, что при судахъ состоятъ ипотечныя книги, въ вѣдѣніи особаго чиновника, котораго назовемъ хранителемъ ипотечныхъ дѣлъ.

Въ ипотечныхъ книгахъ означены систематически, по установленнымъ правиламъ:

1) недвижимыя имущества, съ показаніемъ, вмѣсто оцѣнки, главныхъ, неизмѣняющихся ихъ качествъ, такъ чтобы возможно было всякому, знающему дѣло, опредѣлить на основаніи ихъ цѣну имущества;

2) фамиліи законныхъ собственниковъ, съ показаніемъ разныхъ ограниченій права ихъ на имущество;

3) долги, обезпеченные этимъ имуществомъ.

Положимъ, что кто либо желаетъ купить имущество: онъ его видѣлъ или знаетъ хорошо, и ему нужно только удостовѣриться, нѣтъ ли на немъ какихъ либо ограниченій права собственности или долговъ, имущественныхъ, ипотечныхъ. Такъ какъ ему извѣстно, что эти свѣдѣнія находятся въ ипотечномъ архивѣ, то онъ обращается туда и разсматриваетъ книгу самъ или предоставляетъ это хранителю архива, соображаетъ съ полученными свѣдѣніями цѣну имущества, вычитаетъ изъ нея сумму, слѣдующую кредиторамъ, записаннымъ въ книгѣ, остатокъ выдаетъ продавцу, совершаетъ купчую, передаетъ ее для записки въ книгѣ хранителю, и съ тѣхъ поръ становится полнымъ собственникомъ.

Такой же порядокъ соблюдается при совершеніи купли чрезъ уполномоченнаго.

Въ этомъ отношеніи ипотека не измѣняетъ настоящаго порядка. Разница только въ томъ, что справки по ипотечной книгѣ производятся въ тоже время, по объявленіи о томъ желанія, и что свѣдѣнія, ими доставляемыя, болѣе полны и совершенно вѣрны, а издержекъ по справкамъ гораздо меньше, чѣмъ теперь.

Но если вы, по какимъ либо обстоятельствамъ, не можете совершить купчей въ томъ судѣ, гдѣ хранится ипотечная книга пріобрѣтаемаго вами имущества; если вамъ даже неудобно предоставить это уполномоченному: въ такомъ случаѣ вы предлагаете продавцу прислать вамъ копію ипотечной книги или и сами относитесь о томъ по почтѣ къ хранителю. Составленіе этихъ копій нисколько не затруднительно, потому что въ русскихъ ипотечныхъ книгахъ письма будетъ очень немного. Не опасайтесь, что продавецъ или хранитель представятъ вамъ копію невѣрную: этого быть не можетъ, ибо обманъ откроется тотчасъ, а никому не хочется попасть подъ

уголовный судъ. Впрочемъ на этотъ случай можно въ ипотечномъ уставѣ опредѣлить нѣкоторыя мѣры, совершенно удовлетворительныя. Разсмотрѣвъ копію книги, вы совершаете купчую въ любомъ мѣстѣ, отправляете ее по почтѣ къ хранителю, который, записавъ ее въ ипотечную книгу, пришлетъ вамъ копію этой послѣдней. Какъ скоро ваша купчая получена хранителемъ, вы уже полный собственникъ имущества.

Этотъ порядокъ значительно разнится отъ настоящаго. Теперь справки по запретительнымъ книгамъ могутъ быть наводимы вездѣ, слѣдовательно это, по видимому, гораздо удобнѣе. Но это только кажущееся удобство. По запретительнымъ книгамъ можно узнать только о запрещеніяхъ, но о объемѣ права собственника на имущество вы изъ нихъ ничего не узнаете. Имущество, можетъ быть, подлежитъ выкупу; имъ обезпечены какія либо выдачи въ пользу богоугодныхъ или другихъ заведеній; сосѣди имѣютъ по отношенію къ нему право въѣзда въ лѣсъ или другаго рода участіе, и проч. Всѣ такія обстоятельства уменьшаютъ цѣну имущества, между тѣмъ безъ ипотечныхъ книгъ вы должны положиться во всемъ этомъ на показанія продавца, который иногда и самъ хорошо о томъ не знаетъ. Отсюда слѣдуетъ, что, при невозможности имѣть означенныя свѣдѣнія, многое остается въ неизвѣстности и цѣна имуществъ не можетъ достигнуть нормальнаго своего размѣра. До сихъ поръ это не влекло за собою большаго вреда, потому что достоинство имущества опредѣлялось количествомъ душъ, которыя во многихъ случаяхъ представляли цѣнность и независимо отъ земли. Но такое основаніе скоро рушится и при покупкѣ имуществъ нужно будетъ даже освѣдомляться о правахъ крестьянъ. Этого запретительныя книги не скажутъ, и едва ли за тѣмъ будетъ возможно совершать купчія внѣ суда, которому подвѣдомо имущество. Между тѣмъ ипотека будетъ знать и о правахъ и обязанностяхъ крестьянъ.

Когда вы желаете занять деньги, и нашли уже кредитора, то представляете ему копію вашей ипотечной книги. Кредиторъ вашъ, разсмотрѣвъ ее и сообразивъ количество записанныхъ уже въ книгѣ долговъ съ цѣною имущества, которую онъ самъ выведетъ изъ означенныхъ въ книгѣ данныхъ, какъ скоро найдетъ обезпеченіе надежнымъ, тотчасъ выдастъ вамъ требуемый капиталъ. Составленное о долгѣ

заемное обязательство онъ самъ представляетъ хранителю для записки въ ипотечную книгу, и получаетъ отъ него вмѣсто этого обязательства копію книги, въ которой его сумма уже отмѣчена. Эта копія будетъ служить капиталисту вѣрнымъ доказательствомъ, что у него есть капиталъ, и онъ можетъ это доказательство вмѣсто наличности употреблять по разнымъ оборотамъ въ видѣ залога—разумѣется если лице, съ коимъ онъ вступаетъ въ обороты, по разсмотрѣніи копіи книги, найдетъ, что капиталъ хорошо обезпеченъ. Не нужно упоминать, что все это можетъ быть сдѣлано съ равнымъ удобствомъ чрезъ повѣренныхъ.

Изображенный порядокъ производства займа по ипотечной системѣ разнится совершенно отъ существующаго по закладному праву. Теперь послѣ одного долга, обезпеченнаго залогомъ, запрещается дѣлать другой, и, нуждаясь въ деньгахъ, вы должны или обратиться къ личному кредиту, что̀ обходится весьма дорого, или искать кредитора, который бы вамъ выдалъ подъ залогъ значительную сумму: тогда вы одну часть ея обращаете на удовлетвореніе перваго долга, а другую оставляете въ своемъ распоряженіи. Но не удобнѣе ли найти нѣсколько малыхъ суммъ, чѣмъ одну большую?

Когда вамъ нужно обезпечить искъ, вы представляете хранителю рѣшеніе суда, хотя и неокончательное: оно записывается въ книгу и вы обезпечены.

Правительственныя мѣста: казна, полиція по безспорному производству, дворянская опека, сиротскій судъ, и проч., желая обезпечить какую либо претензію по своему вѣдомству, относятся прямо къ хранителю ипотеки, и коль скоро онъ получитъ отношеніе, претензія уже обезпечена.

Такимъ образомъ по плану, какой мы представили выше, ипотека удовлетворяетъ всѣмъ случаямъ обезпеченія исковъ, долговъ и обязательствъ вообще, и сосредоточиваетъ въ надлежащихъ судахъ полныя и достовѣрныя свѣдѣнія какъ объ имуществахъ, такъ и о записанныхъ на нихъ обезпеченіяхъ.

Въ этомъ видѣ ипотечный Архивъ можно сравнить съ хранилищемъ залоговъ значительной цѣнности, которые могутъ быть употребляемы собственниками во всякое время для разныхъ сдѣлокъ и безъ ограниченій, безъ запрещеній. Если жъ собственники ка-

кой либо губерніи или области составили договоръ, коимъ они обязались соединить эти залоги въ одно общее обезпеченіе, то имъ открывается возможность или сдѣлать значительный заемъ на какія либо общественныя, мѣстныя надобности, или и самимъ учредить у себя земледѣльческій банкъ. При такихъ займахъ или учрежденіяхъ хорошее управленіе можетъ способствовать къ пріобрѣтенію общественнаго капитала, а все это обращается на мѣстную пользу.

Но мы не будемъ распространяться о разныхъ примѣненіяхъ ипотеки къ кредиту; предоставимъ это тѣмъ, которые спеціально занимаются финансами и политическою экономіею; мы указали только на основаніе и спѣшимъ защитить его противъ рутины.

§ 2. Намъ скажутъ, что по дѣйствующимъ законамъ свѣдѣнія объ имуществахъ также сосредоточиваются въ надлежащихъ судахъ, и что слѣдовательно результатъ, который мы изобразили, какъ послѣдствіе ипотеки, можетъ быть достигнутъ теперь же и безъ этого учрежденія, — слѣдуетъ только разрѣшить собственникамъ закладывать имущества безъ всякихъ ограниченій и ввести удовлетвореніе по старшинству займа.

Сосредоточеніе въ судахъ свѣдѣній объ имуществахъ производится по Своду Законовъ двумя мѣрами: непосредственнымъ извѣщеніемъ надлежащаго суда и припечатаніемъ установленной статьи въ Сенатскихъ Вѣдомостяхъ. Приведемъ важнѣйшія о томъ правила Свода Законовъ Гражданскихъ.

а) Ст. 761, ч. 1: «По совершеніи каждаго акта, коимъ производится переходъ отъ одного лица къ другому права собственности на недвижимое имущество, въ какой бы губерніи имущество сіе ни находилось, мѣсто, совершавшее оный, обязано въ тоже время:

1) . . . . послать объявленія о совершеніи акта какъ въ С.-Петербургскую, такъ и въ Московскую Правительствующаго Сената Типографіи, для припечатанія въ издаваемыхъ отъ нихъ объявленіяхъ . . . .

2) Копію съ сихъ объявленій сообщать въ ту губернію и уѣздъ, гдѣ состоитъ недвижимое имущество, на которое актъ совершенъ . . . .».

б) Ст. 1824, ч. 2: «Дабы имѣніе, на которое налагается запрещеніе, до полученія изъ Сенатской Типографіи объявленія, не

Сенатскую Типографію объявленіе, извѣщать Гражданскую Палату той губерніи, гдѣ состоитъ имѣніе, о наложеніи запрещенія, для вѣдома, доколѣ изъ Сенатской Типографіи не получится ею установленное объявленіе». Изъ сихъ правилъ видно: 1) что извѣстіе о перемѣнѣ собственника сообщается непосредственно какъ въ Палату, такъ и въ Уѣздный Судъ, и что оно печатается какъ въ С.-Петербургскихъ, такъ и въ Московскихъ Сенатскихъ Вѣдомостяхъ; извѣстіе же о наложеніи запрещенія сообщается только въ Палату и печатается только въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ. Если слѣдовательно въ одномъ случаѣ принимается болѣе предосторожностей, нежели въ другомъ, то должно полагать, что этотъ другой случай признается менѣе важнымъ. Въ ипотекѣ, которая должна обезоруживать недовѣрчивость кредита, нѣтъ ничего менѣе важнаго, потому означенный порядокъ долженъ быть измѣненъ такъ, чтобы всѣ ипотечныя сдѣлки пользовались одинаковымъ довѣріемъ. 2) При настоящемъ порядкѣ свѣдѣнія объ имуществахъ сосредоточиваются въ двухъ судахъ. Это можно допустить и касательно ипотечныхъ свѣдѣній. Но надобно означить положительно, по какимъ имуществамъ свѣдѣнія собираются въ первой и по какимъ во второй степени суда. Безъ того ипотечное учрежденіе не имѣло бы, такъ сказать, постояннаго мѣста жительства, и это вдругъ отозвалось бы на отношеніяхъ по имуществамъ: обороты сдѣлались бы тяжелыми, кредитъ съ трудомъ открывалъ бы свой портфель. Тутъ нужно опредѣлительно указать одинъ судъ и одинъ актъ: тогда кредитъ сдѣлается уступчивѣе, ибо онъ будетъ знать свое основаніе. Стало быть и въ этомъ отношеніи означенный порядокъ подлежитъ измѣненію. 3) Изъ приведенныхъ правилъ не видно, что важнѣе: непосредственное ли извѣщеніе или публикація въ вѣдомостяхъ. Касательно запрещеній, правда, сказано, что непосредственныя о нихъ извѣщенія сообщаются суду только для вѣдома, доколѣ не получится печатное объявленіе. Но касательно перемѣны собственника этого не оговорено. Спрашивается: можетъ ли судъ, получивъ непосредственно свѣдѣніе о совершеніи купчей, считать пріобрѣтателя собственникомъ, или долженъ для того ожидать вѣдомостей? это также необходимо опредѣлить положительно. 4) Непосредственное извѣщеніе надлежащей Палаты о запрещеніи предполагается нужнымъ для того, чтобы собственникъ не заложилъ или не продалъ

своего имущества; но если онъ вздумаетъ это сдѣлать въ другой Палатѣ, которая не получила ни извѣщенія, ни вѣдомостей, какое значеніе будетъ имѣть совершенный имъ актъ? Стало быть эта мѣра неудовлетворительна и если не смотря на то не случается злоупотребленій, то очевидно отъ другихъ причинъ, а не отъ мѣръ, постановленныхъ закономъ. На такихъ шаткихъ основаніяхъ нельзя учреждать ипотечнаго механизма, которому нужна совершенная точность, акуратность и достовѣрность. 5) Весь этотъ механизмъ могъ еще кое-какъ существовать и дѣйствовать до настоящаго времени, когда, по малочисленности лицъ, имѣющихъ право на пріобрѣтеніе населенныхъ имѣній, собственники рѣдко перемѣнялись, обезпеченіе долговъ имуществомъ допускалось только одинъ разъ, а число индивидуальной недвижимой собственности было весьма ограничено. Но теперь все измѣняется: обороты усилятся, а число собственниковъ умножится въ десять разъ и болѣе. Населенныхъ частныхъ имуществъ считается 110,000; если будутъ приведены въ исполненіе всѣ ожидаемыя предположенія, то число имуществъ, или, какъ мы выше сказали, индивидуальной собственности дойдетъ вдругъ до милліона, и будетъ возрастать нѣкоторое время ежегодно, такъ что чрезъ десять лѣтъ въ Россіи будетъ, можетъ быть, считаться до пяти милліоновъ поземельныхъ участковъ. Тутъ нѣтъ преувеличенія, напротивъ мы допустили только самый меньшій размѣръ. Къ чему тогда вся нынѣшняя система непосредственныхъ извѣщеній и объявленій въ вѣдомостяхъ? какихъ нужно будетъ тогда типографій, и какихъ судебныхъ канцелярій, которыя бы въ состояніи были исполнить требованія закона? это рѣшительно невозможно. Все имѣетъ свои границы, должны же ихъ имѣть и Канцеляріи и Сенатскія Типографіи.

На основаніи этихъ соображеній мы полагаемъ, что дѣйствующая запретительная система не можетъ ни въ какомъ случаѣ замѣнить ипотеки, какъ бы мы ни старались исправить ее, какъ бы ни тяжело было разстаться съ стариннымъ зданіемъ.

§ 3. Но какъ ввести ипотеку? Возможно ли это при настоящемъ судопроизводствѣ и судоустройствѣ? На этотъ вопросъ мы должны отвѣтить отрицательно: безъ нѣкоторыхъ измѣненій въ дѣйствующихъ законахъ гражданскихъ, ипотека не можетъ быть устроена

успѣшно; она только потеряла бы свое нравственное значеніе и разумѣется уже безвозвратно. Мы упомянули выше, что для введенія ипотеки необходимо подвергнуть ревизіи правила о безспорномъ производствѣ и взысканіяхъ вообще, и посредствомъ нѣкоторыхъ улучшеній въ судопроизводствѣ содѣйствовать распространенію всеобщаго убѣжденія, что можно имѣть рѣшеніе по дѣлу скоро, иногда даже очень скоро, и что можно расчитывать на окончательное рѣшеніе. Но мы думаемъ, что за этимъ дѣло не станетъ и если бы приступлено было къ введенію ипотечнаго учрежденія, то въ одно и тоже время могло бы быть устранено изъ дѣйствующихъ законовъ все то, что препятствуетъ его полезному вліянію на гражданскія отношенія.

Но вотъ препятствіе. Предположенія наши о ипотекѣ въ Россіи основаны на системѣ, которую мы выше назвали прусскою: она полнѣе и лучше, слѣдовательно она должна быть принята за образецъ. Но для этой системы нужна увѣренность въ томъ, что права на имущества будутъ измѣняться не иначе, какъ обыкновенными, въ законѣ предвидѣнными способами; еслижъ онѣ должны перемѣниться по какимъ либо чрезвычайнымъ обстоятельствамъ, то надобно заранѣе знать основныя условія этой перемѣны, и въ приведеніи ея въ дѣйствіе предоставить свободнымъ соглашеніямъ много простора. Между тѣмъ крестьянскій вопросъ съ самаго начала появленія его коснулся права собственности и условія развязки все еще неизвѣстны. Въ такомъ положеніи мы не можемъ думать о введеніи ипотеки по лучшей системѣ; ибо для этого необходимо прежде положительно знать, что̀ кому принадлежитъ и на какомъ основаніи.

Въ виду этого препятствія слѣдовало бы по нашему мнѣнію:

1) Начертать полный уставъ о ипотечномъ правѣ, не стѣсняясь никакими обстоятельствами, но вводить его въ исполненіе не иначе, какъ въ городахъ, и то для такихъ собственниковъ, которые не владѣютъ населенными имуществами. Этотъ уставъ долженъ служить указаніемъ окончательной цѣли, къ которой стремится законодательство и руководствомъ для исполнительной власти.

2) Подвергнуть ревизіи всѣ тѣ правила законовъ гражданскихъ, которыя несовмѣстны съ ипотечнымъ правомъ. Это впрочемъ уже дѣлается для другой цѣли.

3) Ввести безотлагательно систему французскую, но съ тѣмъ,

чтобы при дѣйствіи ея накоплялись матеріалы, нужные для введенія полнаго устава.

Для введенія французской системы слѣдуетъ:

учредить при судахъ особыхъ чиновниковъ подъ названіемъ, положимъ, хранителей ипотечныхъ дѣлъ;

на хранителей возложить обязанность содержать особые реестры и вносить въ нихъ отмѣтки о заключенныхъ сдѣлкахъ, касающихся недвижимыхъ имуществъ и о другихъ актахъ, которые для этой цѣли должны быть означены въ полномъ уставѣ;

постановить правиломъ: 1) что каждый актъ, касающійся недвижимаго имущества, долженъ быть предъявленъ надлежащему хранителю для отмѣтки въ реестрѣ; 2) что только со времени такой явки акты эти считаются обезпеченными имуществомъ, къ которому они относятся; 3) что взысканіе по этимъ актамъ производится всегда съ того имущества, которымъ онѣ обезпечены, хотя бы имущество перешло къ другому владѣльцу; 4) что каждый можетъ обезпечивать своимъ имуществомъ столько долговъ и другихъ обязательствъ, сколько заблагоразсудитъ; 5) что въ случаѣ взысканія долги удовлетворяются по старшинству; 6) что каждый можетъ обратиться къ хранителю о выдачѣ ему удостовѣренія о томъ, что̀ по реестрамъ у него значится о какомъ либо имуществѣ.

Такимъ учрежденіемъ оказана будетъ большая услуга собственникамъ: имъ представится возможность получать деньги безъ большихъ затрудненій; нельзя только будетъ составлять обществъ для какихъ либо мѣстныхъ предпріятій. Новый порядокъ конечно покажется не совсѣмъ удобнымъ для дѣлопроизводителей, но они скоро съ нимъ свыкнутся, и за тѣмъ препятствія съ каждымъ днемъ будутъ уменьшаться.

По истеченіи десяти лѣтъ по введеніи такого порядка можно безъ большихъ затрудненій приступить къ устройству отдѣльныхъ книгъ для каждаго имѣнія и ввести въ исполненіе другія правила полнаго устава. Въ продолженіе означенныхъ десяти лѣтъ всѣ претензіи, возникшія до учрежденія ипотечныхъ реестровъ, будутъ уже или внесены въ эти реестры или же за давностію сдѣлаются недѣйствительными, тѣ же, которыя возникнутъ по учрежденіи реестровъ будутъ въ нихъ отмѣчены по общему правилу; слѣдовательно, когда права на имущества по истеченіи десяти лѣтъ

сдѣлаются ясными, то нужно будетъ прибавить къ нимъ только свѣдѣніе о самомъ имуществѣ, такъ чтобы каждый по разсмотрѣніи книги могъ составить себѣ хотя приблизительное понятіе о его достоинствѣ. Это не будетъ трудно, потому что до того времени, вѣроятно, сдѣлается уже извѣстно, что̀ кому принадлежитъ.

§ 4. Считаемъ излишнимъ доказывать, что запрещенія несовмѣстны съ ипотечнымъ производствомъ; это всѣмъ понятно. Но какъ система повсемѣстныхъ объявленій, дѣйствуя около ста лѣтъ, слилась уже съ канцелярскими обычаями и вообще пріобрѣла, можетъ быть, нравственный вѣсъ, то вѣроятно найдутся защитники ея, которые, признавая запрещенія по ипотекѣ излишними, потребуютъ однакожъ повсемѣстныхъ объявленій о всякой ипотечной сдѣлкѣ. По нашему мнѣнію объявленія такого рода, какъ общая мѣра, не только при ипотекѣ, но даже теперь, въ настоящемъ порядкѣ, совсѣмъ безполезны. Въ доказательство ссылаемся на приведенныя выше статьи Свода Зак. Гражданскихъ, по которымъ о каждомъ актѣ, касающемся недвижимаго имущества, совершенномъ внѣ того суда, въ вѣдомствѣ коего состоитъ имущество, требуется не только публикаціи въ вѣдомостяхъ, но и непосредственнаго извѣщенія надлежащаго суда. Изъ этого видно, что законодатель призналъ уже систему повсемѣстныхъ объявленій ненадежною и потому счелъ необходимымъ предписать другую мѣру. Жаль только, что эта мѣра, т. е. непосредственное извѣщеніе, признается не главною, а вспомогательною; между тѣмъ она совершенно устраняетъ потребность объявленій въ вѣдомостяхъ. И такъ:

Непосредственное извѣщеніе получается надлежащимъ судомъ ранѣе, чѣмъ получаются вѣдомости, и потому для него онѣ не нужны.

Суды посторонніе не имѣютъ никакой надобности узнавать о томъ, что̀ относится къ имуществамъ, имъ неподвѣдомымъ.

Предполагается, что это свѣдѣніе имъ нужно для того, чтобы воспрепятствовать злонамѣренному владѣльцу продать или заложить двумъ разнымъ лицамъ одно и то же имущество. На это мы замѣтимъ, что злонамѣренные люди для совершенія вторично купчей или закладной не будутъ ждать пока объявленія напечатаются и разойдутся по всей Россіи: они могутъ сдѣлать это прежде полученія какимъ либо судомъ вѣдомостей, на что, кажется, у нихъ време-

ни достаточно. Если нѣтъ случаевъ двойной продажи или залога или такіе случаи весьма рѣдки, то это нисколько не происходитъ отъ системы повсемѣстныхъ объявленій, а отъ того: 1) что люди вообще цѣнятъ свое достоинство, и не хотятъ попасть подъ судъ уголовный; 2) что продать или заложить имущество трудно и одинъ разъ; 3) что наконецъ люди не такъ злы и не въ такой степени лишены чувства чести, какъ это можетъ казаться тѣмъ, которымъ нужно защищать какую либо въ сущности безполезную форму.

Полагаютъ также, что при системѣ печатныхъ повсемѣстныхъ объявленій легко наводить въ случаѣ надобности справки о имуществахъ въ каждомъ судѣ, на всемъ пространствѣ Россіи. Дѣйствительно, при существующемъ порядкѣ можно наводить справки, но едвали онѣ такъ полезны, какъ предполагаютъ. Надлежащій судъ, т. е. тотъ, которому подвѣдомо имущество, имѣетъ о немъ свѣдѣнія раньше, потому что онѣ къ нему доходятъ или чрезъ непосредственныя извѣщенія или при началѣ исковъ, когда еще неизвѣстно будетъ ли наложено запрещеніе; сверхъ того этотъ судъ имѣетъ всегда больше свѣдѣній о имуществѣ, чѣмъ суды посторонніе, потому что, принимая исковыя прошенія, онъ знаетъ о предполагаемыхъ запрещеніяхъ. Отсюда видно, что полныя и положительныя свѣдѣнія о имуществѣ имѣются только въ надлежащемъ судѣ, но не по печатнымъ повсемѣстнымъ объявленіямъ, а по естественному порядку, установленному законами для движенія дѣлъ. Свѣдѣнія же, почерпаемыя посторонними судами изъ вѣдомостей, неполны и никакой благоразумный человѣкъ не станетъ на нихъ основывать своихъ сдѣлокъ.

Но, можетъ быть, вѣдомости доставляютъ правительству болѣе или менѣе значительный доходъ? Намъ кажется, что, напротивъ, казна тутъ въ убыткѣ. Механизмъ повсемѣстныхъ объявленій занимаетъ около шести сотъ чиновниковъ; если изъ суммы, получаемой за объявленія, вычесть содержаніе этихъ чиновниковъ, типографіи и канцелярскихъ припасовъ, то едва-ли что окажется въ прибыли?

М.

О СОСТОЯНІИ (*).

Слово *состояніе* пріемлется: 1) въ смыслѣ сословія людей, коему присвоены государственнымъ закономъ нѣкоторыя права и обязанности, отъ другихъ сословій различныя; 2) въ смыслѣ принадлежности лица къ сословію.

Во всѣхъ пріобрѣтеніяхъ правъ личныхъ и вещественныхъ отъ лицъ постороннихъ право земскаго состоянія лица опредѣляется правомъ того сословія людей, къ коему оно принадлежитъ.

Но когда лица не суть для него постороннія, но союзомъ брака или родства съ нимъ сопряженныя: тогда свойство правъ и образъ пріобрѣтенія ихъ измѣняется и въ отношеніи къ симъ лицамъ лицо имѣетъ особенныя способности къ пріобрѣтенію, особенное состояніе.

Земское состояніе есть способность къ земскимъ правамъ.

Слѣдовательно каждое лицо можетъ имѣть двоякое земское состояніе: 1) относительно лицъ постороннихъ, 2) относительно лицъ, родствомъ съ нимъ сопряженныхъ. Первое именуется просто *земскимъ его состояніемъ* (1), второе *семейственнымъ земскимъ состояніемъ* (2).

Когда мужъ дворянинъ покупаетъ у жены дворянки недвижимое имѣніе, онъ дѣйствуетъ *по земскому его состоянію*, по принадлежности его къ дворянскому сословію, которая принадлежность даетъ ему способность къ сему пріобрѣтенію. Но когда онъ наслѣдуетъ послѣ жены 7 часть, тогда онъ дѣйствуетъ по праву *семейственнаго земскаго его состоянія*.

Слѣдовательно есть права вещественныя и личныя, кои могутъ быть пріобрѣтаемы всѣми по ихъ состоянію; есть другія, кои могутъ принадлежать только лицамъ, въ семейственной связи состоя-

---

(*) Статья эта составлена была графомъ М. М. Сперанскимъ около 1827 г.; впослѣдствіи онъ отчасти измѣнилъ свой взглядъ и принялъ иную терминологію. *Ред.*

(1) Можно его назвать внѣшнимъ или общимъ земскимъ состояніемъ.

(2) Можно его назвать родовымъ, или внутреннимъ, или особеннымъ.

щимъ; таковы суть: законное наслѣдство, власть родителей надъ дѣтьми, мужа надъ женою, по имуществу и по правамъ личнымъ. Посему раздѣленіе земскаго состоянія на два вида происходитъ отъ самаго раздѣленія правъ вещественныхъ и личныхъ по различію лицъ, отъ коихъ и на кои права сіи пріобрѣтаются.

Когда права вещественныя пріобрѣтаются первообразно или производно отъ лицъ постороннихъ: тогда къ пріобрѣтенію ихъ достаточно имѣть земское состояніе; но когда они пріобрѣтаются наслѣдствомъ: тогда должно еще имѣть семейственное состояніе.

Состояніе каждаго лица есть двоякое: 1) по государственному сословію, къ коему оно принадлежитъ, 2) по семейству.

О ПРАВѢ СОСТОЯНІЙ.

Всѣ ли обыватели государства должны быть равны въ правахъ ихъ и обязанностяхъ, какъ частныхъ, такъ и государственныхъ? Если не всѣ: то въ какомъ положеніи долженъ быть каждый?

Разрѣшеніемъ сихъ вопросовъ опредѣляются права состояній.

Въ двухъ смыслахъ употребляется слово *состояніе:* въ смыслѣ разряда или рода людей, коихъ права предъ закономъ одинаковы и отъ другихъ состояній болѣе или менѣе различны,—и въ смыслѣ принадлежности какого либо лица къ таковому разряду. Въ первомъ смыслѣ право состоянія людей вообще не что иное есть, какъ положеніе извѣстнаго ихъ разряда предъ закономъ; во второмъ смыслѣ право состоянія частнаго лица есть положеніе его въ разрядѣ,—есть бо́льшая или мѐньшая способность къ пріобрѣтенію правъ.

I. О состояніи людей предъ закономъ.

Состоянія (status, classes, états, conditions) всѣхъ обывателей Государства предъ закономъ могутъ быть токмо четырехъ родовъ.

Одни изъ нихъ принадлежатъ къ порядку законодательному, и обыкновенно называются состояніями политическими (états politiques).

Другія принадлежатъ къ порядку управленія, т. е. къ отправленію должностей въ разныхъ установленіяхъ (institutions). Сіе

состояніе обыкновенно именуется *званіемъ публичнымъ* (vocations, charges, conditions publiques).

Третій родъ принадлежитъ къ порядку земскихъ законовъ и сіе состояніе обыкновенно именуется *гражданскимъ* (conditions civiles).

Четвертый родъ принадлежитъ къ тому же порядку законовъ и именуется состояніемъ семейственнымъ (état de famille).

Нужно разсмотрѣть подробнѣе каждый изъ сихъ разрядовъ и назначить каждому изъ нихъ свойственное мѣсто и имя.

Такъ называемыя политическія состоянія возникаютъ отъ того, когда государственными постановленіями предоставлено нѣкоторымъ сословіямъ природныхъ жителей, по рожденію ихъ, или по выбору, или вмѣстѣ по тому и другому, принимать участіе въ законодательствѣ опредѣленнымъ для сего порядкомъ. Въ Россіи, государствѣ самодержавномъ, гдѣ власть законодательная нераздѣльно принадлежитъ самодержцу, коренныя государственныя постановленія не допускаютъ никакого въ ней участія и отвергаютъ всякое ея раздробленіе. Посему и политическихъ состояній въ нашемъ государствѣ быть не можетъ.

Такъ называемыя званія публичныя возникаютъ отъ постановленій учредительныхъ (organiques) и ими опредѣляются. Для каждаго рода установленій назначается ими распорядокъ должностей; должности раздѣляются на степени, *чинами* именуемыя; каждому степени присвояются разныя преимущества и въ составѣ сихъ преимуществъ учреждаются почетныя, отличительныя сословія, орденами называемыя. Имя, свойственное сему разряду состояній, есть или просто *званіе* или *служебное состояніе*.

Такъ называемыя гражданскія состоянія возникаютъ отъ главнаго въ законодательствѣ вопроса: на всѣхъ ли равно должны дѣйствовать земскіе законы, или съ нѣкоторымъ различіемъ? Вопросъ сей разрѣшается государственными постановленіями. Въ пользу нѣкоторыхъ сословій потомственно установляются большія или меньшія измѣненія въ законахъ собственности, хозяйства и безопасности, и сіи измѣненія именуются ихъ преимуществами. Такъ въ Россіи установлены состоянія: дворянства, духовенства, состояніе городскихъ обывателей, общее мѣщанское и особенное торговое, состояніе сельскихъ обывателей и людей помѣщичьихъ, и состояніе ино-

странныхъ. Какъ всѣ измѣненія, въ пользу или въ ограниченіе сихъ состояній опредѣляемыя, относятся къ законамъ земскимъ: то имя, наиболѣе имъ свойственное, есть *состояній земскихъ*.

Семейственное состояніе возникаетъ изъ того различія, какое имѣютъ предъ закономъ супруги въ отношеніяхъ ихъ одинъ къ другому по браку, и дѣти въ отношеніяхъ ихъ къ родителямъ по власти родительской.

Изъ сихъ изъясненій видно:

1) что всѣ состоянія людей и раздѣленіе ихъ опредѣляются государственными постановленіями;

2) что не въ каждомъ государствѣ могутъ быть состоянія политическія; не во всѣхъ одинаково могутъ быть образованы состоянія служебныя, не вездѣ одинаково составляются состоянія земскія и семейственныя; но вездѣ должны быть, по необходимости, состоянія служебныя, состоянія земскія и семейственныя, и сіи два послѣднія обыкновенно именуются состояніями гражданскими.

II. О состояніи частнаго лица предъ закономъ.

Каждое частное лицо предъ закономъ находится въ томъ положеніи, въ какомъ состоитъ то состояніе людей, къ коему оно принадлежитъ. Сіе именуется правомъ состоянія (*).

Слѣдовательно право состоянія для каждаго лица можетъ быть или политическое, или служебное, или земское, или семейственное.

Ясно, что законы, опредѣливъ состояніе людей, должны опредѣлять и образъ, коимъ частныя лица могутъ пріобрѣтать право состоянія. Образъ пріобрѣтенія политическаго и служебнаго состояній опредѣляется для каждаго лица государственными постановленіями, земскаго и семейственнаго состояній—законами земскими и именно законами собственности.

(*) Право состоянія есть также власть, какъ и всякое другое право—власть надъ состояніемъ. Но сія власть, въ отношеніи къ другимъ правамъ даетъ токмо одну способность къ пріобрѣтенію ихъ, и сія-то способность, яко послѣдствіе власти надъ состояніемъ, пріемлется опредѣленіемъ самаго права состоянія.

А. Образъ пріобрѣтенія права земскаго состоянія.

Земскія состоянія суть: 1) дворянство; 2) духовенство; 3) состояніе городскихъ обывателей общее мѣщанское; 4) состояніе городскихъ обывателей особенное торговое; 5) состояніе сельскихъ обывателей; 6) состояніе дворовыхъ людей и крестьянъ помѣщичьихъ; 7) состояніе иностранныхъ; 8) состояніе поселенцевъ.

Слѣдовательно для каждаго частнаго лица надлежитъ опредѣлить: какимъ образомъ оно вступаетъ въ сіи состоянія, т. е. пріобрѣтаетъ право состоянія.

Не одни частныя лица, каждое отдѣльно, но и сословія лицъ, общества и государственныя установленія могутъ пріобрѣтать право земскаго состоянія. Симъ пріобрѣтеніемъ они поставляютъ себя предъ закономъ въ томъ же положеніи, въ коемъ находятся частныя лица, имѣющія тоже земское состояніе. Общества вступаютъ въ частное земское состояніе или по общему закону, или по особенному. Законъ, дозволяющій имъ сіе вступленіе именуется закономъ *соединеннаго земскаго состоянія* (incorporatio).

По общему закону государственныя хозяйственныя установленія имѣютъ право соединеннаго частнаго земскаго состоянія.

По общему же закону, по грамотѣ дворянству и по грамотѣ городамъ, дворяне каждой губерніи и обыватели каждаго города имѣютъ право соединеннаго частнаго земскаго состоянія, городскому обывателю присвоенное; сельскіе обыватели одной волости и даже одной деревни имѣютъ относительно земель, ими владѣемыхъ или вновь пріобрѣтаемыхъ, право соединеннаго частнаго земскаго состоянія.

По особенному закону получаютъ право соединеннаго земскаго состоянія: 1) церкви и монастыри, въ отношеніи къ имуществамъ, ими владѣемымъ; 2) учебныя и воспитательныя заведенія; 3) Приказы общественнаго призрѣнія; 4) частныя благотворительныя заведенія; 5) торговыя компаніи; 6) промышленныя общества. Пространство и родъ земскаго ихъ права опредѣляется тѣмъ же самымъ закономъ, коимъ установляется имъ сіе право.

Пріобрѣтеніе правъ, какъ для частныхъ лицъ, такъ и для сословій, имѣетъ три степени: установленіе, совершеніе и обладаніе.

Право каждаго земскаго состоянія установляется и совершается различно:

1) для частныхъ лицъ, какъ то:
   a) для природныхъ жителей,
   b) для иностранцевъ.
2) Для сословій, коимъ право частнаго состоянія присвояется по общему закону, какъ то:
   для государственныхъ хозяйственныхъ установленій вообще, и въ особенности:
      aa) для церквей и монастырей,
      bb) для ученыхъ, учебныхъ, воспитательныхъ заведеній;
      cc) для Приказовъ общественнаго призрѣнія.
3) для сословій, коимъ право частнаго земскаго состоянія присвояется особеннымъ закономъ, какъ-то:
   a) для частныхъ благотворительныхъ заведеній,
   b) для торговыхъ компаній,
   c) для промышленныхъ обществъ.

Право земскаго состоянія обладается различно, какъ то:
1) для малолѣтнихъ,
2) для лицъ, подъ прещеніемъ состоящихъ:
   a) для безумныхъ и сумасшедшихъ,
   b) для расточителей,
   c) для лицъ, употребляющихъ во зло право ихъ состоянія.
3) для безвѣстноотсутствующихъ.

Б. Образъ пріобрѣтенія правъ семейственнаго состоянія.

Право семейственнаго состоянія вообще есть власть надъ состояніемъ другаго извѣстнаго лица; въ отношеніи же къ другимъ правамъ личнымъ и вещественнымъ оно есть токмо способность бо̀льшая или меньшая къ пріобрѣтенію ихъ.

Право семейственнаго брачнаго состоянія установляется и совершается различно:

1) для природныхъ жителей Греко-Россійскаго исповѣданія,
2) для природныхъ жителей другихъ христіанскихъ исповѣданій,
3) для природныхъ жителей не христіанской вѣры,
4) для иностранцевъ: между ними и между природными жителями Греко-Россійскаго исповѣданія.

Право семейственнаго состоянія, когда оно установлено и совер-

шено правильно, въ обладаніи его, т. е. въ разводѣ, имѣетъ тѣ же различія.

Право семейственное родительскаго состоянія имѣетъ слѣдующія различія:

1) для дѣтей законныхъ;

2) для дѣтей сопричтенныхъ;

3) для дѣтей незаконныхъ;

4) для дѣтей усыновленныхъ.

О РОДОВЫХЪ ИМѢНІЯХЪ.

Извѣстно, что у насъ въ старину было два рода частнаго владѣнія недвижимыхъ имѣній: *помѣстье* и *отчина*.

Помѣстья давались *для* службы; отчины давались *за* службу, а иногда и продавались изъ казны. Помѣстья нельзя было ни продавать, ни закладывать; они поступали въ наслѣдство, но и то не иначе, какъ *по верстанью* на службѣ. Отчины, напротивъ, всегда могли быть отчуждаемы, и отсюда произошли два для нихъ названія: въ лицѣ того, кто ихъ первый выслужилъ, они назывались *выслуженными*, а въ лицѣ того, кто ихъ купилъ, они именовались *куплею*.

Право отчужденія отчинъ было двояко: первый ихъ пріобрѣтатель могъ ими располагать по своей волѣ, дарить, завѣщавать, закладывать и продавать; но какъ скоро отчина перешла въ наслѣдство, то она получала имя *родовой* и подвергалась: 1) ограниченію въ правѣ отчужденія, 2) праву выкупа, 3) ограниченію въ наслѣдствѣ женскаго пола, 4) ограниченію въ раздѣлѣ наслѣдства. Сіи четыре ограниченія составляли доселѣ единственныя средства къ сохраненію имѣній въ родѣ.

Здѣсь представлены будутъ кратко: во первыхъ, всѣ измѣненія, кои въ законахъ нашихъ послѣдовали въ отношеніи къ симъ средствамъ; во вторыхъ предложены будутъ нѣкоторыя соображенія, могущія служить къ тому, чтобъ усилить способы, доселѣ употребляемые къ сохраненію имѣній въ родѣ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Обозрѣніе законовъ о родовыхъ имѣніяхъ.

I. Ограниченія въ правѣ отчужденія.

I. Въ законахъ великаго князя Іоанна Васильевича III и потомъ въ Судебникѣ запрещено было дарить и завѣщавать родовыя отчи-

ны (а), а дополнительнымъ указомъ къ 85 ст. Судебника бездѣтному владѣльцу дозволено продать, заложить или на поминъ по душѣ отдать только половину родовой отчины и притомъ тогда только, когда онъ не имѣлъ купленной отчины.

Въ нѣкоторыхъ областяхъ тогдашней Россіи, по силѣ ихъ древнихъ провинціальныхъ законовъ, вовсе запрещено было отчины родовыя продавать, закладывать, мѣнять и въ приданое отдавать (b).

II. По Уложенію 1649 года владѣльцамъ дозволено вотчины родовыя продавать и закладывать (c).

III. Новоуказными статьями запрещено только завѣщавать отчины родовыя и выслуженныя дальнимъ родственникамъ и чужеродцамъ, когда владѣлецъ имѣлъ сыновей, внучатъ или дочерей (d), а послѣднему въ родѣ не дозволено уступать кому либо недвижимыя его имущества при жизни и на случай смерти (e).

IV. Закономъ 1714 года о единонаслѣдіи постановлено: 1) чтобы владѣлецъ, на случай смерти, назначилъ все недвижимое имѣніе одному сыну, а если сыновей нѣтъ—одной дочери; 2) чтобы бездѣтный владѣлецъ избиралъ наслѣдникомъ одного изъ родственниковъ своей фамиліи. Продажа недвижимыхъ имуществъ вообще, безъ различія родовыхъ и купленныхъ, дозволена только въ случаѣ нужды и притомъ съ уплатою пошлины по гривнѣ съ рубля (f), а до того времени взималось съ купчихъ только по 2½ деньги съ четверти (g).

V. Съ возстановленіемъ прежняго порядка наслѣдованія подтверждено токмо запрещеніе дарить и завѣщавать родовое имущество; въ послѣдствіи законъ сей дополненъ тѣмъ, что дозволено бездѣтнымъ завѣщавать дальнему родственнику мимо ближайшихъ, и дозволеніе сіе распространено даже и на родственниковъ по женскому колѣну (h).

(a) Судебникъ ст. 85.—(b) Сводный Судебникъ, грань 14. Указъ 7070 (1562 г.) янв. 15; поименованныя въономъ области суть: Ярославль, Стародубъ, Ростовъ, Суздаль, Тверь, Оболенскъ, Бѣлозерскъ, Воротынскъ, Малмыжскъ, Трубчевскъ и Одоевскъ.—(c) Улож. гл. XVII, ст. 1, 27, 32.—(d) 7187 (1679) іюня 19.—(e) 1712 янв. 23; 1739 апр. 18.—(f) 1714 март. 23 п. 1—3, 12.—(g) Улож. гл. XVII ст. 17.—(h) Жалов. дворян. грам. ст. 22.

II. Выкупъ родовыхъ имѣній.

I. Право выкупа по древнимъ законамъ, дѣйствовавшимъ до Уложенія, принадлежало родственникамъ въ боковыхъ линіяхъ родства. Дѣти и внучата продавца не могли въономъ участвовать. Родственникъ, подписавшійся свидѣтелемъ въ купчей или закладной, по которой отчина въ чужой родъ поступила, лишался чрезъ то, съ его потомствомъ, права выкупа. Дозволялось покупать и въ закладъ принимать вотчины изъ чужаго рода только по той цѣнѣ, въ которую имѣніе по оцѣночной книгѣ было навсегда оцѣнено, подъ опасеніемъ потерять всю сумму излишне переданную, когда ту вотчину выкупятъ однородцы. Кто, воспользовавшись родовымъ правомъ, выкупилъ вотчину изъ чужаго рода, тотъ не имѣлъ уже права ни продать, ни заложить оную, ни отдать на поминъ душѣ (a).

II. По Уложенію 1649 г. (b) родственники при выкупѣ родоваго имѣнія обязаны были уплатить не только сумму, внесенную покупщикомъ, но и цѣну за всякое приращеніе въ имѣніи, которая назначалась: 1) по закону, 2) по оцѣнкѣ стороннихъ людей, и 3) по объявленію покупщика, когда въ данной ему купчей или закладной сіе не означено (c). Если отчина перепродана или перезаложена отъ покупщика другому, то при выкупѣ ея надлежало, въ отмѣну прежняго правила, заплатить послѣднюю ея цѣну (d). Срокъ для выкупа назначенъ былъ 40-лѣтній, какъ и по древнимъ законамъ (e).

III. Въ новоуказныхъ статьяхъ пояснено, что право выкупа принадлежитъ также отцу, дядьямъ и тестю продавца, если зять его продалъ приданую жены своей вотчину (f).

Праву выкупа, какъ по Уложенію, такъ и по новоуказнымъ статьямъ подлежали отчины родовыя, выслуженныя и купленныя отъ казны изъ собственныхъ помѣстьевъ (g), и даже отчины, купленныя у чужеродцевъ, когда онѣ перешли къ потомкамъ (h).

IV. По закону о единонаслѣдіи выкупъ дозволенъ былъ тѣмъ только родственникамъ, которые къ продавцу ближайшіе были по

(a) Судебн. ст. 85.—(b) Улож. гл. XVII, ст. 11, 27, 42.—(c) Улож. гл. XVII, ст. 27 и 28.—(d) 7187 (1679) февр. 26.—(e) Улож. гл. XVII, ст. 30.—(f) 7185 (1677) февр. 14 и авг. 20.—(g) 7195 (1687) іюл. 26.—(h) 7194 (1686) іюл. 26.—

ливін наслѣдники (a). Сыну дозволено выкупать проданное отцемъ имѣніе, но только по смерти сего послѣдняго (b).

V. По отмѣнѣ закона о единонаслѣдіи установленъ порядокъ между родственниками ближними и дальними въ правѣ выкупа. Если ближній родственникъ не просилъ о выкупѣ, то онымъ могъ воспользоваться дальній, съ обязанностію, въ теченіи трехъ лѣтъ не продавать и не закладывать выкупленнаго имѣнія за бо̀льшую противу уплаченной имъ цѣну, дабы возвышеніемъ оной не устранить ближнихъ родственниковъ отъ выкупа. Женскому полу предоставлено право выкупа съ предпочтеніемъ оному родственниковъ мужскаго пола въ равныхъ степеняхъ родства (c).

Срокъ выкупа, вмѣсто сорока лѣтъ, ограниченъ только тремя годами (d).

VI. Узаконеніями, послѣ Уложенія состоявшимися, запрещено было покупщикамъ и заимодавцамъ доставшіяся изъ чужаго рода отчины продавать и закладывать въ теченіи года (e), но въ послѣдствіи сіе ограниченіе отмѣнено. Согласно съ цѣлію выкупа постановлено: имѣнія, проданныя или заложенныя въ свой родъ—на выкупъ не отдавать (f), но въ тоже время узаконено, что лица по женскому колѣну, имѣющія право къ наслѣдству и пріобрѣтенію имѣнія, не могутъ быть устраняемы отъ выкупа, хотя онѣ и носятъ другую фамилію (g).

III. *Ограниченіе въ наслѣдствѣ женскаго пола.*

A. *Наслѣдованіе вдовъ послѣ мужей.*

По древнимъ законамъ вдовы изъ мужнихъ родовыхъ отчинъ никакой части въ наслѣдство не получали. Бездѣтный мужъ могъ отказать своей женѣ отчину только въ пожизненное владѣніе. Но если отчина была велика, то и на пожизненное владѣніе оною потребно было соизволеніе самого государя (h).

(a) 1714 марта 23 п. 13.—(b) 1725 марта 28, резол. 3 на п. 13.—(c) 1732 іюл. 17, п. 7; 1744 мая 11; 1766 ноябр. 13.—(d) 1737 авг. 1.—(e) 1744 мая 11.—(f) 1766 сент. 29, п. 17; 1807 ноября 30.—(g) 1815 апр. 30.—(h) Судебникъ грань 14; указъ 7070 г. (1562) января 15.

Дочери, сестры и другія родственницы владѣльца не только при наслѣдникахъ мужескаго пола, но и въ недостаткѣ оныхъ въ отчинахъ родовыхъ не наслѣдовали; въ семъ послѣднемъ случаѣ отчины поступали въ казну, откуда наслѣдницамъ умершаго владѣльца выдавалось приданое (a).

Только часть сихъ узаконеній вошла въ составъ Уложенія. Вдовамъ послѣ мужей предоставлены, на часть ихъ, купленныя отчины, въ полную собственность (b). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онѣ могли получать въ наслѣдство выслуженныя и родовыя отчины, но только въ пожизненное владѣніе (c). Новоуказными статьями подтверждены сіи распоряженія (d), но изъ купленныхъ, а иногда изъ выслуженныхъ отчинъ одну часть только вдовы получали въ пожизненное владѣніе, а другую въ полную собственность (e). По закону о единонаслѣдіи вдовамъ не назначалось части изъ недвижимаго имѣнія, а потомъ постановлено общимъ правиломъ, чтобы, какъ мужъ послѣ жены, такъ и жена послѣ мужа получали четвертую часть (f). По возстановленіи наслѣдства по Уложенію вдовамъ послѣ мужей изъ недвижимаго имущества назначена седьмая часть въ ихъ полную собственность (g).

B) Наслѣдованіе родственниковъ по женскому колѣну.

По Уложенію родственники по женскому колѣну допущены къ наслѣдству въ родовыхъ отчинахъ, какъ въ нисходящей, такъ и въ боковыхъ линіяхъ, съ тѣмъ только, что сестры при братьяхъ не наслѣдуютъ (h). Въ новоуказныхъ статьяхъ подтвержденъ сей порядокъ наслѣдованія (i). По законамъ о единонаслѣдіи женскій полъ допущенъ къ наслѣдству также съ предпочтеніемъ оному пола мужескаго (к). По отрѣшеніи единонаслѣдія дочерямъ по смерти отцевъ ихъ назначена 14-я часть изъ недвижимаго имущества

(a) Указъ 7081 (1573) октября 9.—(b) Улож. гл. XVII ст. 1, 2, 6.—(c) Тамъ же, гл. XVI, 16; XVII, 2.—(d) 7184 (1676) марта 10, ст. 3; март. 14 ст. 5.; 7185 (1677) августа 10 ст. 5.—(e) 7184 (1676) марта 10, ст. 8.—(f) 1714, п. 9.; 1716 апр. 15; 1725 мая 28, резол. на п. 9.—(g) 1731 марта 17, п. 1.—(h) Улож. гл. XVII ст. 2 и 4.—(i) 7184 (1676) март. 14, ст. 3, 6, 11, 14; 7185 1677) авг. 10, ст. 3, 6—9, 14.—(к) 1714 мар. 23, п. 2.; 1725 мая 28.

при братьяхъ, а въ недостаткѣ сихъ послѣднихъ, онѣ заступаютъ ихъ мѣсто; въ боковыхъ линіяхъ и въ равныхъ степеняхъ родства мужескому полу предоставлено преимущество (a).

IV. Ограниченія въ раздѣлѣ имуществъ.

Закономъ единонаслѣдія 1714 года постановлены были три главныя правила: 1) владѣльцу предоставлялось право завѣщать все недвижимое свое имѣніе какъ родовое, такъ и пріобрѣтенное одному изъ сыновей, а въ недостаткѣ сыновей одной изъ дочерей, въ недостаткѣ же дѣтей одному изъ родственниковъ; 2) въ случаѣ смерти безъ завѣщанія недвижимое имѣніе поступало къ старшему сыну; въ недостаткѣ его—къ старшей дочери, а въ недостаткѣ дочерей — къ одному изъ ближайшихъ родственниковъ; 3) все движимое дѣлилось между прочими по близости линій и степеней.

Извѣстно, что законъ сей, не успѣвъ укорениться во нравахъ, былъ въ 1731 году отмѣненъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Обозрѣніе предположеній къ сохраненію имуществъ въ родѣ.

I. Ограниченіе отчужденія родовыхъ имуществъ.

Отчужденіе родовыхъ имуществъ по существующимъ нынѣ законамъ производится: 1) продажею и залогомъ; 2) отдачею въ приданое; 3) выдѣломъ части вдовамъ и дочерямъ; 4) завѣщаніемъ одному изъ родственниковъ по женскому колѣну.

Первый способъ отчужденія, продажу и залогъ, нельзя стѣснить потому: 1) что сіе было бы противно праву собственности, 2) во многихъ случаяхъ сіе противно было бы доброму хозяйству и лучшему устройству имуществъ. Но второй способъ отчужденія, отдачу въ приданое, можно было бы ограничить, постановивъ, чтобъ изъ родовыхъ имуществъ не было отдаваемо въ приданое болѣе того, что на 14-ю часть дочери причтется, предоставивъ волѣ родителей надѣлять ихъ изъ пріобрѣтеннаго по усмотрѣнію.

(a) 1731 марта 17 п. 1; 1732 іюля 17 п. 2; 1740 іюл. 30.

Третій способъ отчужденія, выдѣлъ вдовамъ и дочерямъ, можно бы было также ограничить, постановивъ, чтобъ 7-я часть изъ недвижимаго, слѣдующаго вдовѣ, и 14-я дочери выдѣлялись изъ пріобрѣтеннаго и родоваго отдѣльно, изъ перваго въ собственность, а изъ втораго въ пожизненное владѣніе по Уложенію.

Четвертый способъ отчужденія, по завѣщанію, можетъ быть ограниченъ: или 1) совершенною отмѣною дозволенія завѣщавать имѣнія одному изъ дальнихъ родственниковъ, мимо ближайшихъ, или по крайней мѣрѣ 2) запрещеніемъ таковыхъ завѣщаній въ пользу одного изъ родственниковъ по женскому колѣну. Оба сіи постановленія суть новѣйшія и отмѣна ихъ не можетъ быть признана измѣненіемъ коренныхъ законовъ о наслѣдствѣ, или наконецъ 3) запрещеніемъ продажи, залога и дѣлимости имѣнія, по таковому завѣщанію дошедшаго.

II. *Усиленіе права выкупа.*

Право выкупа можетъ быть усилено:

1) Запрещеніемъ перепродавать и закладывать проданное въ чужой родъ родовое имущество въ теченіи двухлѣтняго срока выкупа.

2) Отмѣною постановленія (1815 года апрѣля 30), коимъ дозволяется выкупъ родственникамъ по женскому колѣну и предоставленіемъ сего права исключительно родственникамъ по мужескому колѣну (т. X ст. 839) (*). Изъятіемъ изъ сего правила можно постановить тотъ случай, когда бы мужъ или родственникъ по женскому колѣну вмѣстѣ съ выкупомъ принялъ фамилію того рода, изъ коего имѣніе происходитъ.

3) Возстановленіемъ древняго закона, по коему выкупленное имѣніе не могло быть ни продано, ни заложено чужеродцу.

III. *Маіораты* (**).

(*) См. ст. 1360 т. X Зак. Гражд. изд. 1857 г. *Ред.*

(**) Заглавіе «III. Маіораты», въ черновомъ подлинникѣ настоящей статьи написано карандашемъ, рукою графа М. М. Сперанскаго. Этотъ подлинникъ хранится вмѣстѣ съ другими бумагами графа во Второмъ Отдѣленіи Собственной Е. И. В. Канцеляріи. *Ред.*

Изъ сего обозрѣнія правъ владѣльца на родовыя имущества, законовъ выкупа оныхъ и наслѣдованія женскаго пола явствуетъ, что всѣ способы, придуманные доселѣ и узаконенные для удержанія имуществъ въ родѣ были недостаточны. Запрещеніе дарить, завѣщавать родовыя имущества мимо законныхъ наслѣдниковъ можетъ быть избѣгнуто продажею и залогомъ тѣмъ удобнѣе, что купленное на вырученныя деньги имѣніе становится благопріобрѣтеннымъ. Совершенное запрещеніе продажи и залога родовыхъ имѣній показалось бы для владѣльцевъ столько же или еще болѣе тягостнымъ, нежели самое единонаслѣдіе.

Выкупъ родовыхъ имѣній мало содѣйствуетъ къ возвращенію оныхъ въ родъ, потому что черезъ перепродажу и новый залогъ становится для родственниковъ обременительнымъ и даже безполезнымъ. Дозволеніе женскому полу выкупать родовыя имущества въ бо́льшей части случаевъ дѣйствуетъ противно цѣли выкупа, ибо переводитъ наслѣдственныя имѣнія въ чужіе роды. Вообще участіе женскаго пола въ наслѣдованіи родовыхъ имуществъ дѣйствуетъ такимъ же образомъ, и весь существующій нынѣ порядокъ наслѣдованія неминуемо навлекаетъ раздробленіе имуществъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и оскудѣніе фамилій.

Изъ способовъ къ охраненію родовыхъ имуществъ въ родѣ представляются менѣе тягостными:

1) Запрещеніе продавать и закладывать родовыя имѣнія такимъ владѣльцамъ, у которыхъ сверхъ оныхъ есть имѣнія благопріобрѣтенныя.

2) Дозволеніе отдавать родовыя имѣнія только во временное владѣніе и не далѣе десяти лѣтъ.

3) Дозволеніе закладывать въ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ въ половину установленной цѣны за душу и десятину, съ тѣмъ, что если въ срокъ платежъ заемной суммы съ процентами не послѣдуетъ, то оный обращать на законныхъ наслѣдниковъ закладчика, съ предоставленіемъ имъ во владѣніе заложенныхъ имуществъ и съ назначеніемъ части изъ доходовъ для содержанія самимъ закладчикамъ.

4) Совершенное устраненіе женскаго пола отъ выкупа родовыхъ вотчинъ, когда находятся родственники однофамильцы, а если оныхъ нѣтъ или не хотятъ воспользоваться симъ правомъ, то дозво-

лять выкупъ тѣмъ только родственницамъ, которыхъ мужья согласятся принять фамилію того рода, изъ котораго имѣніе происходитъ.

5) На основаніи древнихъ законовъ исключить женскій полъ изъ наслѣдства въ родовыхъ имуществахъ, а при недостаткѣ наслѣдниковъ мужескаго пола отдавать имѣніе наслѣдницамъ съ вышепоказанною обязанностію.

6) Послѣ бездѣтныхъ владѣльцевъ обращать ихъ родовыя имущества въ ближайшую боковую линію, по нераздѣльно къ одному родственнику однофамильцу, по законамъ о единонаслѣдіи.

7) По наслѣдству въ нисходящей линіи постановить предѣлы дѣлимости всѣхъ имѣній вообще, какъ родовыхъ, такъ и благопріобрѣтенныхъ.

8) Усилить дѣйствіе опеки надъ тѣми владѣльцами, коихъ расточительность учинилась гласною чрезъ письменные долги, продажу и залогъ имущества въ кредитныхъ установленіяхъ и въ частныя руки.

Дополненіе къ замѣчаніямъ Графа М. М. Сперанскаго о губернскихъ учрежденіяхъ (*).

Но сверхъ частей, выше сего означенныхъ, въ уѣздѣ состоитъ и городъ. Въ какомъ отношеніи управленіе его должно быть къ уѣздному? Принимать ли городъ частію уѣзда, какъ то во Франціи и въ другихъ государствахъ малые города принимаются, или же напротивъ каждый городъ считать не частію уѣзда, но частію губерніи? Въ первомъ смыслѣ городъ, ставъ на одной линіи съ волостями, долженъ имѣть подобно имъ свою полицію, свой судъ, свое казначейство, словомъ свое собственное самостоятельное (муниципальное) управленіе, изъ собственныхъ его, такъ сказать, личныхъ способовъ образуемое, и подобно же волостямъ Уѣздному Управленію подчиненное. Во второмъ смыслѣ напротивъ, городъ, ставъ наравнѣ съ уѣздомъ, хотя можетъ имѣть также самостоятельное управленіе, но долженъ быть уже подчиненъ не Уѣздному, а Губернскому Управленію.

До изданія Учрежденія о Управленіи Губерній (1775 г.) у насъ не было *особаго* Уѣзднаго Управленія; городское управленіе было вмѣстѣ и уѣздное: воевода равно вѣдалъ городъ какъ и уѣздъ того города, и слѣдовательно если уѣздъ дѣлился на станы и волости, то населеніе городское стояло на одной линіи съ населеніемъ волости, и подчинено было одной и той же воеводской власти.

(*) Дополненіе это сообщено въ Редакцію Тайнымъ Совѣтникомъ К. Г. Рѣпнинскимъ на основаніи принадлежащей ему вѣрной копіи означенныхъ «Замѣчаній», изъ чего видно, что списокъ, хранящійся во II-мъ Отдѣленіи Собственной Е. И. В. Канцеляріи или есть первоначальная редакція сей статьи или же въ немъ сдѣланъ пропускъ по ошибкѣ. Предлагаемая здѣсь вставка слѣдуетъ къ VII пункту «Началъ къ исправленію» (Уѣзднаго управленія) послѣ словъ: «На сихъ главныхъ началахъ установивъ уѣздное управленіе, можно надѣяться, что въ немъ болѣе будетъ силы и правильности» (См. «Архива» кн. IV отд. 1 стр. 102). Сверхъ того на стр. 97 (той же книги Архива) вкралась опечатка: вмѣсто словъ: «какъ можно ввѣрять исполнителю безотчетному?» должно быть: «какъ много ввѣрять исполнителю безотчетному?» *Редакторъ.*

Съ Учрежденіемъ Губерній правила сіи измѣнились. Города отдѣлились отъ уѣздовъ; въ каждомъ уѣздѣ введены два управленія, одно отъ другаго независимыя и губернскому начальству равно подчиненныя: управленіе уѣздное, и управленіе городское; и Крестцы, и Новгородъ, и Петербургъ, и Москва также подчинены Губернскому Управленію какъ и ихъ уѣзды.

Неудобства, отъ сего происходящія, очевидны; главнѣйшія изъ нихъ состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Два независимыя начальства, двѣ полиціи въ одномъ и томъ же мѣстѣ не могутъ дѣйствовать безпрепятственно; отсюда:

2) Многосложность въ дѣлахъ, безплодная переписка и обоюдныя непрерывныя жалобы.

3) Столицы съ населеніемъ ихъ отъ 300 т. до 400 т. и съ милліонными ихъ дѣлами нельзя считать уѣздами; не льзя управленіе ихъ наравнѣ съ Уѣзднымъ подчинить Губернскому. Москва и Петербургъ по важности и количеству ихъ дѣлъ равняются самой многосложной губерніи; части ихъ, въ одной 20, въ другой 13, представляютъ уѣзды.

Къ исправленію сихъ неудобствъ слѣдующія предполагаются мѣры:

I. Города уѣздные подчинить Общему Присутствію Уѣзднаго Управленія, дабы тѣмъ привесть ихъ къ нѣкоторому единству.

II. Городамъ столичнымъ дать *губернское* образованіе, подчинивъ ихъ, для сохраненія единства, одному Общему Присутствію.

Такимъ образомъ Уѣздное Управленіе будетъ, какъ и нынѣ, заключать въ себѣ двѣ части: управленіе городское и уѣздное; но обѣ части сіи будутъ имѣть одно средоточіе въ Общемъ Присутствіи Уѣзднаго Управленія.

СЫНЪ.

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ XVII ВѢКА.

(Изъ архива фамильныхъ преданій).

VIII (*).

Осипъ съ Первуномъ бѣжали рысью, не останавливаясь и не заговаривая одинъ съ другимъ. Осипъ не нарушилъ молчанія даже и тогда, когда передъ нимъ вмѣсто одной дороги явилось двѣ въ разныя стороны. Не спросивши своего слугу, знавшаго мѣстность такъ же плохо, какъ и онъ, Осипъ по инстинкту повернулъ вправо, и не ошибся: то была большая саранская дорога.

Пустынная мѣстность вокругъ показывала скудость населенія около этой дороги; не видно было нивъ, ни скошенныхъ полей; высокіе стебли степной травы, отжившей свое лѣтнее существованіе, торчали наклонившись другъ на друга и лежали переплетаясь между собою и представляя грустный видъ наступающей осени. По обѣимъ сторонамъ синѣли гряды лѣсовъ, принимая иногда зеленый отливъ, когда дорога подходила къ нимъ ближе. Такая пустота однако не доказывала, чтобъ въ этомъ краѣ не было селеній: тогда не любили селиться около большихъ дорогъ; напротивъ, выбирали мѣста поуединеннѣе, закрытыя лѣсами; сосѣдство съ большими дорогами представляло гораздо больше неудобствъ, чѣмъ выгодъ. И татары скорѣе могли напасть на селеніе, и ратные государевы люди, слѣдуя по большой дорогѣ, зашедши въ село, могли чинить себѣ угодное, а ратный государевъ человѣкъ былъ большой охотникъ и до крестьянскихъ женокъ, и до крестьянскихъ клѣтей. Даже купеческіе обозы мало приносили пользы жителямъ большихъ дорогъ: наѣдетъ обозъ, лошадей покормятъ, сами поѣдятъ, попьютъ, да не заплативши и уѣдутъ, или дадутъ что́ имъ вздумается изъ милости; а въ деревнѣ мало людей, чтобъ сладить съ ними. Царскіе гонцы, дѣти боярскіе и стрѣльцы, ѣздившіе съ разными отписками и грамотами, отрывали людей отъ работы, брали

(*) Первыя семь главъ см. въ книгѣ IV. *Ред.*

подводъ вдвое, чѣмъ сколько у нихъ написано въ подорожной, приглашали съ собою купцовъ, взявъ съ нихъ денегъ, а крестьянъ заставляли везти, да въ добавокъ, чтобъ показать свое достоинство, хозяину зубы разбивали, ради потѣхи посуду въ домѣ били и портили. Тогда всякій, кто состоялъ на службѣ и имѣлъ право назваться царскимъ холопомъ, хоть бы онъ былъ не болѣе какъ кузнецъ или плотникъ въ городѣ, подымалъ къ верху носъ передъ сиротой государевымъ, какъ называли себя посадскіе и крестьяне. По этимъ-то причинамъ большія дороги были очень пустынны; иногда проѣзжій проѣдетъ верстъ семьдесятъ, не встрѣчая ничего, кромѣ звѣря прыскучаго да птицы перелетныя, да своего брата проѣзжаго. Только выселенные по царскому указу на ямы ямщики жили верстахъ въ пятидесяти и далѣе ямъ отъ яма, жалуясь на свою судьбу, и нерѣдко убѣгали съ мѣста своего поселенія.

Наши путники въѣхали въ лѣсъ; тутъ не разъ приходилось ихъ лошадямъ спотыкаться о пенька и головамъ всадниковъ испытывать удары отъ нагнувшихся древесныхъ вѣтвей. Тутъ первый разъ встрѣтились съ ними люди: то были двое всадниковъ въ зеленыхъ кафтанахъ, съ саблями при бокахъ и съ пистолетами за поясами. Осипъ съ Первуномъ машинально, по привычкѣ, приложили руки къ своимъ пистолетамъ, чтобъ показать незнакомцамъ, что съ ними шутить нельзя; то же сдѣлали незнакомцы. Таковы были дорожные обычаи. Разъѣхавшись мирно, незнакомцы сказали: «Богъ на помочь, добрые люди!», а Осипъ съ Первуномъ отвѣчали: «Дай Боже благополучно!» Скоро послѣ того наши путники выѣхали изъ лѣсу и увидѣли передъ собою городъ Саранскъ.

Прежде всего заблистала передъ ними глава соборной церкви, покрытая яркою бѣлою жестью, въ которой играли лучи солнца, склонявшагося къ западу. Извилистый лабиринтъ деревянныхъ укрѣпленій, называемыхъ надолбами, окружалъ посадъ, раскинутый вокругъ города, такъ что съ одной стороны строеній въ немъ было больше, чѣмъ съ другихъ, а съ противоположной—той, откуда ѣхали наши путники, рѣка Инва протекала возлѣ стѣнъ самаго города. Городская деревянная стѣна шла неправильными линіями, и то высовывалась впередъ выступами, истыканными узкими отверстіями для стрѣльбы въ два этажа, то уходила внутрь выемками; тамъ и сямъ возвышались башни, непохожія одна на другую; на

право подымала высокую остроконечную вершину башня, называемая наугольная крымская, стоявшая на большомъ углу стѣны, уходившемъ на западъ въ поле, далѣе, изъ-за зданій въ срединѣ города виднѣлись разнохарактерные верхи башень, стоявшихъ по той части стѣны, которая шла вдоль Иквы; на сторонахъ, окружавшихъ посадъ, стояли одна отъ другой въ разныхъ разстояніяхъ башни: одна изъ нихъ, называемая Троицкою, было четвероугольное зданіе съ претензіей бѣжать вверхъ и съ приплюснутой кровлею, какъ-будто бы кто сверху ударилъ ее по головѣ и сказалъ: куда ты? стой! Ее звали въ просторѣчіи Насѣдкою. Другая верхоглядничала надъ всею стѣною своими тремя крышами, каждая сверхъ другой; въ ней виднѣлись широкіе ворота; по направленію отъ нея вправо шли три глухихъ башни круглаго вида, за ними широкая невысокая башня съ воротами, а за нею выступъ безъ кровли съ зубцами, называемый городкомъ, саженъ на двадцать выдавшійся впередъ. Какъ бы взамѣнъ такого смѣлаго выхода, стѣна потомъ уходила назадъ, и снова выдаваясь на прежнюю линію, упиралась въ высокую и тонкую наугольную башню, которую называли Боярыней. Вся стѣна была покрыта высокой кровлей; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ самая стѣна была выше, въ другихъ ниже; на выступахъ и башняхъ были особыя кровли: поэтому издали казалось, какъ-будто десятокъ разныхъ городовъ нагроможденъ вмѣстѣ. Стѣны города были чернаго цвѣта, во многихъ мѣстахъ поросшія мхомъ и травою. Зданія въ срединѣ виднѣлись сплошною массою деревянныхъ черныхъ кровель, между которыми индѣ бѣлѣли полосы березовой коры, которою тогда устилались крыши; нѣсколько церквей возвышали свои главы надъ зданіями; иныя, какъ и на соборѣ, были покрыты жестью, другія зеленою черепицею. Самыхъ церковныхъ зданій нельзя было видѣть за городскими стѣнами; нигдѣ не показывалось ничего каменнаго, ничего бѣленаго. Окружавшія посадъ надолбы состояли изъ столбовъ, поставленныхъ вертикально и тѣсно одинъ къ другому въ два ряда, съ перекладинами поверху, и такимъ образомъ образовывали коридоры; они примыкали къ самому городу у рѣки Иквы, и, протянувшись въ прямомъ направленіи какъ бы продолженіемъ городской стѣны, заворачивались и развѣтвлялись въ разныя стороны и такимъ образомъ составляли переплетенную сѣть укрѣпленій то упираясь другъ въ друга своими частями, то пуская отъ

себя новыя отрасли, то расширяясь въ полукруги, то сжимаясь въ углы. Когда путешественники подъѣхали къ нимъ, то уперлись въ ихъ стѣны; проѣзда не было: они должны были поворотить вправо и въ другой разъ наткнулись на стѣну; тогда надобно было ѣхать влѣво между двумя стѣнами, по коридору, и еще разъ взять вправо, чтобы въѣхать въ спускныя ворота.

Очутившись на посадѣ, Осипъ съ Первуномъ поѣхали по улицѣ. По обѣимъ сторонамъ ея шли волнистые ряды крышъ, на которыхъ кое-гдѣ торчали вышки и чердаки съ большими окнами; низенькія дымныя трубы изъ небѣленаго кирпича казались птичьими гнѣздами. Дворы вообще были малы по улицѣ и вытягивались въ боковую линію; иные огорожались плетнемъ и заборомъ; въ срединѣ котораго дѣлались крытыя ворота. Домашняя постройка стояла внутри дворовъ, но въ другихъ дома выходили наружу и ворота были о-бокъ ихъ, примыкая однимъ краемъ къ дому, другимъ къ двухъ-этажной клѣти или амбару съ лавкой. Дворы стояли не на одной линіи по улицѣ: одни выдавались впередъ, другіе уходили назадъ. Такой способъ построекъ скрадывалъ улицу; она дѣлалась то уже, то шире; ѣдучи по ней, казалось, что она впереди скоро кончается, и отъ ней уже пойдетъ другая, а въ самомъ дѣлѣ шла все одна и та же. Низенькія курныя избы стояли рядомъ съ двухъэтажными домами, очень узкими, съ тремя и часто съ двумя окнами на одномъ фасадѣ вверху; въ подклѣтахъ часто не было вовсе оконъ: это показывало, что они назначались для кладовыхъ. Когда путники доѣхали до переулковъ, то увидѣли образа, стоявшіе на столбахъ; слѣдовало остановиться и перекреститься. Ѣдучи такимъ образомъ по улицѣ, путники наши доѣхали до площадки, гдѣ стояли рядомъ двѣ церкви безъ дворовъ, обѣ низкія, деревянныя; одна была съ прорѣзною башенкою надъ крыльцомъ, и въ этой башенкѣ висѣли колокола; въ другой такая башенка была сдѣлана въ одной изъ трехъ частей алтарной стѣны. Обѣ церкви были покрыты дранью; главы были жестяныя съ крестомъ, поставленнымъ на лунѣ.

Сдержавши лошадей и сдѣлавши нѣсколько крестныхъ знаменій предъ обѣими церквами, Осипъ и Первунъ проѣхали еще нѣсколько саженъ по улицѣ и достигли рва, окружавшаго городскую стѣну. Глубиною этотъ ровъ былъ саженъ до четырехъ и наполненъ

грязью отъ воды, проведенной туда изъ Инвы и высохшей во время лѣта; въ срединѣ рва вбиты были заостренные колья густымъ рядомъ, который назывался честикъ. Черезъ ровъ велъ мостъ безъ перилъ, очень некрѣпко сколоченный, такъ что когда въѣзжали на него, то лошади безпрестанно попадали ногами въ разсѣлины. Снявши шапки и помолившись передъ образомъ, висѣвшимъ на воротахъ, путники въѣхали въ городъ. Они должны были проѣхать по улицѣ изъ дворовъ, изъ которыхъ въ однихъ жили служилые люди, другіе были осадные, построенные разными помѣщиками саранскаго уѣзда на случай осады, чтобы спрятаться въ нихъ съ семействами когда будетъ угрожать непріятельское нашествіе. Въ обыкновенное время въ нихъ жили дворники. Такимъ образомъ проѣхавши между дворами, путники пріѣхали на площадь. Тутъ стоялъ деревянный соборъ, недалеко отъ него двѣ другія деревянныя церкви; на правой сторонѣ была приказная изба, длинное одноэтажное строеніе, раздѣлявшееся на двѣ половины, съ проходными сѣньми; близь нея воеводскій дворъ, огражденный тыномъ; позади былъ врытый въ землю каменный погребъ съ государевымъ зельемъ и свинцомъ—единственная каменная постройка во всемъ Саранскѣ. Вправо отъ воеводскаго двора стояли два двухъ-этажные деревянные амбара: въ одномъ хранилось оружіе, въ другомъ хлѣбные запасы. Прямо противъ воеводскаго двора, подлѣ собора, былъ гостиный дворъ съ лавками, но въ немъ не торговали, исключая годичной ярмарки; за то туда купцы могли сносить товары изъ посада, еслибъ оказалось опасно оставаться имъ на обычномъ мѣстѣ.

У Нехорошевыхъ былъ свой осадный дворъ, но Осипъ не поѣхалъ туда, чтобъ не встрѣтиться съ отцомъ, который тамъ остановится, когда воевода призоветъ его къ отвѣту. Первунъ вспомнилъ, что тутъ есть добрый человѣкъ, новокрещенъ Мордвинъ пушкарь, женатый на сестрѣ той самой Ганки, которая покойной матери Осипа передавала вѣсти. Недолго было искать его. Случилось, проходилъ служилый человѣкъ; Первунъ спросилъ у него, гдѣ живетъ Мордвинъ пушкарь?—«Я самъ тотъ и есть», сказалъ Мордвинъ. Осипъ съ Первуномъ повернули къ нему на дворъ, стоявшій на одномъ изъ концовъ площади. Съ дружелюбными поклонами Мордвинъ ввелъ гостей въ избу, которая у него называлась чистою или свѣтлицею, и которая въ самомъ дѣлѣ была черна и

грязна и слабо освѣщалась двумя маленькими окнами. Тутъ Первунъ принялся разсказывать Мордвину, зачѣмъ они пріѣхали. Вскорѣ пристала къ разговору и хозяйка, и узнавши про сестру, начала охать. Осипъ громко сказалъ:

— Есть правда у Бога и Царя! Не бойся за свою сестру; служила моей матушкѣ-покойницѣ, мнѣ пусть немного послужитъ: награжу!

— Ахъ, родимый мой! говорила хозяйка: у меня то всей родни на бѣломъ свѣтѣ, что сестра. Двѣ насъ было у батюшки; батюшка служилъ у дядюшки твоего вѣрою и правдою, и съ нимъ въ походѣ бывалъ. Дядюшка твой Петръ Михайлычъ меня и замужъ выдавалъ. Мы всѣ помнимъ его добро. Какъ же намъ теперь сестру-то вызволить? Они съѣдятъ ее живую!

— Сестра твоя пусть правду говоритъ, сказалъ Осипъ. Мы дѣло обдѣлаемъ; надобно идти къ воеводѣ, да челобитную подавать.

— Воевода-то нашъ самъ не при себѣ, сказалъ Мордвинъ: така тревога, такой переполохъ, что Боже упаси!

— Что такое? спросилъ съ удивленіемъ Осипъ.

— Ты, бояринъ, нешто ѣдучи изъ похода не слыхалъ, что дѣлается на Волгѣ?

— Казаки пошаливаютъ что ли? сказалъ Осипъ. На Хвалынское море пошли, на перскаго шаха?

— Кой тебѣ на Хвалынское море! сказалъ Мордвинъ: Астрахань городъ взяли, воеводу убили, приказныхъ людей извели . . . служилые къ ворамъ пристали, надъ христіанами всякое безчинство учиняютъ, и теперь ужъ по Волгѣ идутъ вверхъ. Проявился у нихъ какой-то батюшка Степанъ Тимофѣевичъ, что, говорятъ, его ни пуля не беретъ, ни сабля: таково слово знаетъ! и съ нимъ будто бы патріархъ Никонъ, что старшой надо всѣми попами былъ, а царь его смѣстилъ; да баютъ, съ нимъ же еще и царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ. Идетъ будто бы на бояръ, въ Москву, и обѣщаетъ людямъ льготные годы, чтобъ люди простые искоренили бояръ всѣхъ и дворянъ, что ужъ теперь, говоритъ, всѣ люди будутъ равные, а не будетъ того, что вотъ теперь одинъ бояринъ, и ему боярская честь, а другой крестьянинъ, али посадскій, а будутъ всѣ заодно, какъ у казаковъ на Дону. Разсылаютъ своихъ пособниковъ, грамоты написали да имъ отдали, чтобъ носили да людямъ читали;

а въ грамотахъ, слышь, прописано, чтобъ всѣ люди принимали царевича да батюшку Степана Тимофѣевича, чтобъ народъ православный сбирался кто съ чѣмъ можетъ: кто съ саблею, кто съ ручницею, а кто хоть и съ дубиною, да вставалъ на лиходѣевъ на воеводъ да на дворянъ. А надысь на посадъ пришли три человѣка и стали у посадскаго человѣка Вавилки Хлѣбосолова и стали брехать: приставьте, говорятъ, вы посадскіе къ намъ, когда мы къ вамъ придемъ, зажгите городъ, побейте воеводу и приказныхъ всѣхъ, а животы ихъ и всю царскую казну себѣ поровну раздѣлите; а гдѣ, говорятъ, нашего слова не послушаютъ, и батюшки Степана Тимофѣевича приказу дѣлать не станутъ, тому городу не сдобровать: батюшка и царевичъ велятъ всѣхъ побить. Вавила же не будь простъ, поди да и скажи воеводѣ: не побоялся, что они ему бѣду сулили, коли къ нимъ не пристанетъ. Воевода отобралъ насъ, служилыхъ, да къ Вавилѣ. Тутъ на бѣду намъ сталось, завидѣли воры, что идутъ люди, да бѣжать; мы за ними; двое завернули за уголъ, да и были таковы; третьяго нашъ молодецъ по ногѣ стрѣльнулъ; поймали; а тѣхъ искали, искали, бѣгали, бѣгали по всему посаду, и конные поскакали за надолбы—нѣтъ тебѣ! словно въ воду канули. И по дворамъ искали... нѣтъ да и нѣтъ! Воевода такъ и думаетъ, что свои воры посадскіе прихоронили. Ругался бѣда какъ! «Такіе-сякіе, говоритъ, врагоугодники, клятвопреступники, царю хотите измѣнить!» Сталъ брать въ застѣнки да пытать огнемъ, да животы отбираютъ у нихъ приказные люди. А Вавила и самъ не радъ, что сказалъ; на другую же ночь у него сѣнница загорѣлась: такъ вотъ не вѣсть съ чего огнемъ и взялась, и весь дворъ сгорѣлъ, а самъ съ семьею мало живъ выскочилъ. Посадскіе на насъ всѣ злятся, что мы въ ихъ дворахъ обыскъ чинили.

— Давно это у васъ?

— Да вотъ третій день всего. Идетъ большой переполохъ. А тутъ изъ Москвы указъ пришелъ воеводѣ, чтобъ жить съ большимъ береженьемъ: чаютъ, воры придутъ; дворянъ и дѣтей боярскихъ, баютъ, въ осаду будутъ звать; а того, что поймали, завтра смерти предадутъ за посадомъ.

— Врагъ лукавый смуту чинитъ, сказалъ Осипъ: царю бѣлому супротивное хочетъ сотворить. Сила крестная съ нами и милость

святыхъ чудотворцевъ заступниковъ! Есть у царя вѣрные люди, покорятъ они подъ нозѣ его воровство и измѣну.

Ночь наступила, и Осипъ расположился на лавкѣ, подостлавши подъ себя свою епанчу и кафтанъ, а Первунъ на холодной печи. Отходя ко сну, Осипъ усердно помолился и окрестилъ кругомъ свое странническое ложе, чтобъ отдалить дьявола и слугъ его.

IX.

На другой день, съ солнечнымъ восходомъ, съ Осипомъ сидѣлъ за столомъ площадной дьячекъ Еремѣйка, извѣстный въ Саранскѣ и его окрестностяхъ писатель челобитныхъ и всякаго письменнаго дѣла. Этотъ классъ людей былъ тогда въ большомъ ходу: народъ по большой части былъ безграмотный, и кому только нужно было написать что-нибудь, тотъ обращался къ одному изъ такихъ грамотѣевъ. Осипъ хотя и зналъ грамотѣ, да писалъ нетвердо, и къ тому же не зналъ всѣхъ тѣхъ приказныхъ пріемовъ, которые требовались въ дѣловыхъ бумагахъ, что̀ съ начала, что̀ съ конца поставить, ка̀къ дѣло изложить, ка̀къ царя государя разжалобить. Дьячекъ Еремѣйка былъ человѣкъ лѣтъ около сорока, лысый, съ клочковатой бородой и съ рябоватымъ, вѣчно пьянымъ лицомъ; одѣвался въ зеленый кафтанъ и носилъ дырявые сапоги. Когда его призывали писать челобитную, то всегда, кромѣ калыма, какъ называлъ онъ плату за свой трудъ, ставили передъ нимъ жбанъ зелена вина: безъ того у него въ головѣ мысли путались и не выливались на продолговатый свитокъ. Еремѣйка былъ большой искусникъ на всѣ руки и притомъ олицетворенное безпристрастіе: онъ писывалъ челобитныя и истцу, и отвѣтчику, научалъ обѣ стороны другъ противъ друга; нерѣдко, настроивши ихъ, передавалъ той и другой сторонѣ планы, имъ же для нихъ составленные. По этому поводу борода его безпрестанно теряла волосы, а на лицѣ часто показывались синяки. Еремѣйка все терпѣлъ и шелъ своей дорогой: онъ сочинялъ посадскимъ другъ на друга ябеды и поджигалъ ихъ идти жаловаться однихъ на другихъ воеводѣ, и за это воеводы не только терпѣли его, но еще и любили, потому что онъ имъ хлѣбъ доставлялъ. Только иногда сердились на него приказные люди, потому что вмѣсто него сами бы могли написать ябеду; но Ере-

мѣйка и съ этой стороны умѣлъ улаживать дѣло, чтобъ всѣмъ было хорошо: Еремѣйка челобитную напишетъ тàкъ, чтобъ дѣло какъ можно лучше заплелось; воевода приметъ да передастъ въ приказную избу, а тамъ ужъ приказные справки наводятъ и въ законы смотрятъ. Такъ перебивался Еремѣйка и удивлялъ всѣхъ своимъ перомъ; особенно женщины съ чувствительнымъ сердцемъ не могли удержаться отъ слезъ, слушая его челобитныя, хотя дѣло для нихъ было постороннее. Осипъ не расплакался отъ краснорѣчія Еремѣйки, потому что въ его душѣ было много такого горя, котораго не могъ выразить никакой Еремѣйка. Заплативъ писателю, Осипъ свернулъ челобитную въ трубку и отправился къ воеводѣ. Когда Осипъ шелъ въ его дворъ, то на площади увидѣлъ толпу народа, и вспомнивъ, чтò ему разсказывалъ Мордвинъ, догадался, что готовятся казнить преступника.

Воеводская изба состояла изъ двухъ половинъ, раздѣленныхъ теплыми сѣньми; въ одной жилъ воевода, принималъ посѣтителей и отправлялъ свои служебныя дѣла, а въ другой помѣщалось его семейство; о-бокъ этого дома стояла одноэтажная поварня, съ пристроенною къ ней просторною людскою избою; позади дома, на три стороны, построены были баня, конюшня, сарай, сѣнница и двѣ клѣти. Этотъ дворъ со всѣми въ немъ зданіями былъ казенный, назначенный для воеводы отъ правительства. Такъ какъ воеводы рѣдко бывали болѣе двухъ лѣтъ сряду на одномъ мѣстѣ, то и не заводились большимъ хозяйствомъ. Воеводы вели жизнь почти кочевую: одинъ годъ въ Саранскѣ, другой въ Тотьмѣ, а то гдѣ-нибудь и въ далекой Сибири. Случалось даже, что воеводы, отправляясь на воеводство, не брали съ собой семействъ, зная, что имъ недолго придется пробыть на данномъ постѣ. Въ Саранскѣ воеводою былъ тогда дворянинъ Перфилъ Матвѣевичъ Дрекаловъ и уже пребывалъ тутъ третій годъ.

Осипъ взошелъ по лѣстницѣ въ сѣни; тутъ холопъ остановилъ его и спросилъ, чтò ему надобно? Осипу слѣдовало дать холопу нѣсколько денегъ, и тотъ велѣлъ ему подождать въ сѣняхъ, а самъ пошелъ доложить воеводѣ. Войдя по приглашенію слуги въ горницу, прежде всего Осипъ помолился образамъ, потомъ поклонился въ поясъ воеводѣ, стоявшему съ величественнымъ видомъ и съ ласковою улыбкою.

— Пришелъ бить челомъ царю-государю! сказалъ Осипъ. Не побрезгуй, воевода милостивецъ, моимъ приношеніемъ: изволь принять; чѣмъ богатъ, тѣмъ и поминаю. Человѣкъ я служилый, долго съ врагомъ въ чужихъ земляхъ воевалъ, кровью себѣ купилъ пистолетъ турецкій, отдѣланный серебромъ, у ляховъ взялъ на битвѣ.

Онъ подалъ ему пистолетъ. Воевода, принявши его, взялъ Осипа подъ руку и посадилъ на почетномъ мѣстѣ подъ образами и сказалъ:

— У меня такой обычай: прежде гостя посадить да накормить и напоить, а тамъ уже распросить и дѣло для него сдѣлать. Гаврило! крикнулъ онъ на холопа: подай сюда настойки да пироговъ. У меня, господинъ, настойка отмѣнная, а пироги сама хозяйка пекла, большая вѣдунья въ этомъ дѣлѣ. Вотъ ты говоришь, что съ ляхами въ чужой землѣ бился; а у насъ здѣсь туча собирается, придется быть можетъ и намъ кровь пролить и животы положить за святую церковь и за царя государя. Воры, клятвопреступники, богоотступники, церкви святой обругатели, царскаго величества насильники, идутъ по Волгѣ вверхъ и грозятъ насъ всѣхъ побить, и всякую власть и начальство искоренить! Глупый черный народъ волнуютъ и мутятъ, домы зажигаютъ, чтобъ людей въ страхъ привести. Большая бѣда надъ всѣми нами складывается. А тутъ изъ Москвы пишутъ къ намъ, чтобъ мы воеводы того смотрѣли, чтобъ воры къ намъ не пришли и дурна не учинили, а въ другихъ городахъ служилыхъ и воеводъ на смерть побили! Охъ, тяжкія пришли времена!...У насъ въ Саранскѣ есть юродивый; говоритъ, что это такъ дѣлается передъ страшнымъ судомъ: и точно, государь, видно, что недалеко свѣту преставленіе. Изъ всего видно: стали люди строптивы, властямъ непокорны, къ церкви святой неприлежны, суемудренны, своевольны, родителямъ непослушны...Ужъ и знаменія на небеси являлись: видѣли люди огненный мечъ, на полуденную страну обращенный. Охъ-охъ-охъ! Господь указуетъ намъ, нашего спасенія хочетъ, а мы-то, мы нечувственные, не думаемъ покаяться!

— Что же, воевода, Богъ милостивъ, сказалъ Осипъ: посѣтитъ насъ бѣдой и пожалуетъ. Есть у царя вѣрные слуги, съ поляками и татарами бились, царство наше Богомъ свыше возлюбленно. Ста-

немъ ли бояться воровъ донскихъ казачишекъ? На нихъ послать дѣтей боярскихъ да стрѣльцовъ; мы съ Божіею помощью и разобьемъ ихъ, и связанныхъ разбойниковъ приведемъ.

— Эхъ, молодъ ты, государь, сказалъ воевода, хоть и бывалый! Оно правда, въ Польшѣ у васъ можетъ быть враговъ было и болѣе, да врагъ-то не таковъ: тамъ люди, а тутъ...тутъ вражья сила нечистая! произнесъ воевода шопотомъ. Этотъ Стенька Разинъ чародѣй, лукавому душу свою запродалъ; его ни пуля, ни сабля не беретъ. Были примѣры: въ Царицынѣ, говорятъ, стрѣляли по немъ, а порохъ вонъ изъ пушки запаломъ выходилъ; а онъ, богоотступникъ, по воздуху летаетъ и по водѣ ходитъ какъ по землѣ. Вотъ оно что!

— Противъ адской силы крестъ животворящъ—оружіе непобѣдимое! сказалъ Осипъ.

Между тѣмъ поставили водку, серебряныя чарки и пироги на оловянной мисѣ. Осипъ выпилъ чарку водки и похвалилъ ее. Закусивши пирога, онъ поклонился хозяину, а хозяинъ поклонился гостю и налилъ еще водки. Гость отказывался, хозяинъ кланялся и просилъ, и принуждалъ его пить. Наконецъ воевода сѣлъ и сказалъ:

— Ну, вотъ теперь послѣ хлѣба-соли можно и объ дѣлѣ поговорить. Съ чѣмъ добрымъ пожаловалъ къ намъ?

— То-то и бѣда, что не съ добрымъ, а съ худымъ...

— Къ намъ, начальнымъ людямъ, все только съ худымъ и ѣздятъ, сказалъ воевода, и Осипъ сталъ разсказывать свое дѣло. Но едва воевода услышалъ, что передъ нимъ сынъ Капитона Михайловича, развернулъ руки и вскричалъ:

— Капитона Михайловича! моего кормильца и благодѣтеля сынъ! Вотъ оно что!..Эка радость! Ну, не зналъ я, съ кѣмъ говорю. Дай же я тебя къ сердцу прижму да поцѣлую! Прошу меня любить и жаловать. Мы съ твоимъ отцомъ какъ съ роднымъ братомъ живемъ; благодѣтель не брезгуетъ мной, не оставляетъ меня: и мучицы привезетъ, и меду, и мяса соленаго...Первый помѣщикъ на цѣлый уѣздъ. Вотъ небось радость батюшкѣ, сынка дождался, а то давно не видалъ, чай лѣтъ десять безъ малаго былъ на царской службѣ.

Плохо было Осипу слышать такія рѣчи передъ тѣмъ, когда онъ

готовился сказать объ отцѣ своемъ вовсе не такія добрыя вѣсти, какихъ ожидалъ воевода.

Скрѣпивши сердце, онъ промолчалъ на возгласы будущаго своего судьи, и потомъ, подавъ челобитную, прибавилъ:

— Давеча ты сказалъ, что къ тебѣ все съ худымъ ѣздятъ; а уже вѣрно такого худаго еще тебѣ и не приносили, какъ я. Прочитай, государь, и узнаешь. Я пришелъ къ тебѣ просить царскаго суда на своего отца.

Воевода выпучилъ глаза и, обмѣрявъ Осипа съ ногъ до головы, покачалъ головой.

— Суда на отца! Вотъ оно что!... Говоритъ правду юродивый, что судъ Божій скоро придетъ и дѣти начнутъ подымать на родителей руки. Охъ-охъ-охъ!

И развернувъ челобитную, онъ началъ читать вполголоса пожимая плечами, и по окончаніи чтенія сказалъ:

— Эка притча-то! Господи Боже, Господи Боже! Экое вражеское попущеніе!... Ты здѣсь пишешь, яко бы отецъ твой былъ въ блудномъ сожитіи съ чужою женою? Поди ты! Ты самъ видѣлъ, говоришь, боевые знаки на головѣ у твоей матери?

— Видѣлъ, и другіе видѣли: люди то же скажутъ.

— Люди скажутъ!.. Что̀ люди! Люди воры, люди дурное думаютъ, какъ бы государей обокрасть, да очернить, да всяческое лихо учинить. У людей теперь заячьи уши: Стеньки Разина, собаки, дожидаются! Господи Боже, Господи Боже!.. Что̀ жъ, наше дѣло судебное: царю присягали судить вправду и по евангельской заповѣди, другу не дружить, недругу зла напрасно не творить. Пошлю розыскъ сдѣлать: у меня на челобитной справа не остановится. Гаврила! пошли ко мнѣ Тюлюбаева.

— Эхъ, вотъ право хлопоты какія! продолжалъ воевода, не глядя на Осипа. Вотъ хоть бы это дѣло: совсѣмъ не мое, а губнаго старосты; а его не поставили тутъ... теперь губныя дѣла и дѣлаешь. Прощай. Сынъ боярскій Тюлюбаевъ поѣдетъ розыскъ сдѣлать, а ты понавѣдаешься въ приказной избѣ; тамъ тебѣ скажутъ, когда приходить ко мнѣ!

Онъ холодно разстался съ Осипомъ и даже не проводилъ его до дверей.

На площади, куда вошелъ Осипъ, толпа умножилась. Приказные безпрестанно бѣгали въ приказную избу и выбѣгали изъ нея.

Какъ ни разрывалось Осипово сердце, но онъ невольно занялся предстоящею казнью и рѣшился посмотрѣть на нее.

Тюрьма, гдѣ содержались преступники, была подъ губной избой, которая стояла близъ городской стѣны и за неимѣніемъ особаго старосты, была пуста. Нижній этажъ или подклѣтъ, составлявшій тюрьму, былъ врытъ въ землю; маленькія отверзтія, сквозь которыя едва можно было просунуть кулакъ, освѣщали ее. Можно себѣ представить всю отвратительную внутренность этого помѣщенія, сыраго и темнаго, гдѣ преступники сидѣли въ темнотѣ, прикованные къ колодамъ и выводились разъ въ недѣлю, въ кандалахъ, просить подаянія; тогда ихъ водили по посаду къ рынку, и они жалобными причитаньями должны были выпрашивать себѣ хлѣбъ. Сторожа дѣлили выпрошенные куски между ними въ продолженіи недѣли; а если что-нибудь подавали имъ получше или давали деньги, то сторожа прибирали это себѣ. Въ одномъ погребѣ сидѣли и мужчины и женщины; нѣкоторые въ такомъ мѣстѣ живали лѣтъ по десяти и свыкались съ своимъ положеніемъ.

Постоявъ нѣсколько минутъ между народомъ, Осипъ увидѣлъ, какъ воевода вышелъ въ праздничномъ платьѣ, весь пестрый съ ногъ до головы: сапоги зеленые, штаны, выглядывавшіе изъ-подъ полъ кафтана, полосатые цвѣтовъ синяго, краснаго и желтаго, изъ матеріи называемой дорогами, кафтанъ яркаго краснаго цвѣта съ синими полосками около разрѣзовъ; около шеи былъ стоячій воротникъ, усаженный жемчугомъ; на головѣ желтый колпакъ съ жемчужными пуговицами. Въ рукѣ у него была большая трость съ набалдашникомъ. Когда онъ вышелъ, стрѣльцы побѣжали къ тюрьмѣ и вывели оттуда въ лохмотьяхъ мужчину лѣтъ около тридцати, съ черной бородой, хромавшаго отъ полученной въ ногу пули и съ слѣдами страданія пытокъ на лицѣ. Желѣзныя кандалы у него были на рукахъ и на ногахъ. Его привели къ воеводѣ. Между тѣмъ явился священникъ.

— Хочешь исповѣдываться и причаститься? спросилъ воевода.

— Хочу! сказалъ твердымъ голосомъ преступникъ. Его повели въ приказную избу; за нимъ пошелъ священникъ.

Около воеводы собралось нѣсколько городовыхъ дѣтей боярскихъ. Осипу не слышно было что̀ говорилъ имъ воевода, указывая иногда на городскія стѣны, но можно было догадываться, что дѣло

идетъ о предостереженiяхъ по случаю ожидаемаго прихода воровскихъ людей. Священникъ вышелъ изъ избы скорѣе, чѣмъ можно было ожидать.

— Это такой беззаконникъ, сказалъ онъ, какого еще свѣтъ не видывалъ! Точно татаринъ некрещеный: въ Петровъ постъ мясо ѣлъ! Не хочу его исповѣдывать, не токмя что причащать. Пусть идетъ во адъ, ко отцу своему сатанѣ, во адъ вѣчный!

— Ну, ведите его! туда и дорога! сказалъ воевода.

Священникъ удалился прочь. Преступника въ оковахъ повели прямо къ проѣзднымъ воротамъ, на посадъ; за нимъ шелъ палачъ съ веревкой въ рукахъ. Служилые для эффекта ударили въ тулумбасы и затрубили на трубахъ.

Идя вслѣдъ за шествiемъ, Осипъ очутился на посадскомъ рынкѣ. На площади стояли лавки рядами, такъ что образовывали между собою улицы. Каждый рядъ носилъ свое названiе, ибо въ каждомъ торговали своего рода товаромъ. Въ одномъ виднѣлись колеса, ободья, дуги, скамьи, ложки; въ другомъ топоры, пилы, лемеши, гвозди, крюки, чугуны, жбаны и разнаго рода желѣзныя снасти; въ третьемъ сѣдла, узды, шлеи, хомуты; въ четвертомъ соль, крупа, въ пятомъ овесъ, сѣно, отруби, въ шестомъ посуда и т. д. Между рядами стояли лочвы съ ягодами, скамьи съ мясомъ, сидѣли на голой землѣ молочницы съ кувшинами и мисами, гдѣ были творогъ и сметана. Дошедши до церкви, стоявшей посреди площади, всѣ остановились и стали креститься. То же повторилось черезъ нѣсколько саженей снова, когда встрѣтили еще двѣ церкви, стоявшiя одна возлѣ другой. Такимъ образомъ дошли до края посада: тамъ недалеко отъ надолбъ поставлена была висѣлица.

— Православные христiане! сказалъ преступникъ, когда, снявъ кандалы, подвели его къ висѣлицѣ: дайте Христа ради чарочку винца выпить! Веселѣе и охотнѣе будетъ на тотъ свѣтъ идти. Христа ради, дайте! Въ горлѣ пересохло . . . промочишь, такъ веревка плотнѣе приляжетъ къ шеѣ!

Благочестивые люди съ омерзенiемъ услышали такiя слова, но другимъ понравилась эта выходка. Сейчасъ побѣжали въ кабакъ, стоявшiй неподалеку отъ висѣлицы.

Воевода не сталъ мѣшать. Преступникъ схватилъ судорожно чарку и закричалъ громко:

— Много лѣтъ здравствовать нашему батюшкѣ Степану Тимофѣевичу!

— Не давать! закричалъ воевода.

— Какъ бы не такъ! сказалъ преступникъ и залпомъ выпилъ водку и бросилъ чарку. Теперь вѣшайте меня! продолжалъ онъ и прибавилъ крѣпкое слово. Придетъ, придетъ нашъ батюшка, разсчитается онъ за меня, вѣрнаго сынка своего!

Палачъ не далъ ему говорить болѣе, и накинувъ петлю, втащилъ его на воздухъ, а противоположный конецъ веревки обмоталъ около столба.

— Ну, смотрите жъ вы у меня, сказалъ воевода, обратившись къ народу: вотъ точно такъ пропадетъ собачьей смертью всякій изъ васъ, кто станетъ ворамъ пріятствовать. Я знаю, межъ вами есть измѣнники, да я васъ скоро выведу, съ корнемъ выведу! слышите вы это! Кто-нибудь только подумай на измѣну, по глазамъ увижу и заплечному мастеру отдамъ!

Послѣ такого нравоученія, воевода съ служилыми ушелъ въ городъ. Народъ сталъ расходиться. Осипъ, возвращаясь къ Мордвину, думалъ себѣ: что это за батюшка Степанъ Тимофѣевичъ, за котораго люди умираютъ такъ молодецки?

X.

Послѣ того около мѣсяца Осипъ, въ ожиданіи суда, проживалъ у Мордвина, расхаживалъ по городу и посаду, толковалъ съ дѣтьми боярскими, осматривалъ съ ними городовыя укрѣпленія и указывалъ на разные недостатки: во время своей службы онъ научился этому дѣлу изрядно. Однажды сдѣлался на посадѣ пожаръ; Осипъ бросился туда и вмѣстѣ съ другими помогалъ разламывать стоявшія подлѣ горящихъ домовъ строенія. Пожаръ приписывали поджогу тайныхъ агентовъ Стеньки Разина, мстившихъ за казненнаго товарища. Въ самомъ дѣлѣ, едва потушили этотъ пожаръ, какъ на разсвѣтѣ вспыхнулъ другой. «Вѣрно, говорили тогда, нашлись между посадскими воры, что стали творить по наученію тѣхъ, что къ Вавилѣ приходили; говорили жъ

опи: поджигайте городъ! вотъ теперь и поджигаютъ.» Носились вѣсти, что въ другихъ городахъ тоже происходитъ. Пріѣхавшіе изъ-подъ Пензы казаки говорили, что тамъ вооружается мордва и готовится идти на русскіе города; воры, подосланные мятежниками, ходятъ между язычниками и подущаютъ ихъ на христіанъ. Въ Саранскѣ только и рѣчи было о томъ, какъ поступать, когда явятся казаки, и многіе опасались, чтобъ не сбылось предреченіе казненнаго преступника. Все принимало какой-то зловѣщій видъ; самые служилые начинали смотрѣть изподлобья. Низшій не такъ уже терпѣливо, какъ всегда, сносилъ грубость высшаго, и осмѣливался показывать видъ неудовольствія, когда его били. Наконецъ въ воскресенье у кабака, за посадомъ, близъ того мѣста, гдѣ казнили преступника (котораго тѣло на третій день послѣ казни схоронили въ рогожкѣ, безъ гроба, въ буеракѣ, за надолбами), собралось много народу. Тамъ стояла толпа скомороховъ; было ихъ человѣкъ до двадцати, они играли на волынкахъ, били въ бубны и накры, другіе представляли передъ народомъ дѣйства. Изъ раскинутаго шатра, который они съ собой всегда возили, вышелъ наряженный знатнымъ господиномъ скоморохъ въ высокой черной шапкѣ изъ дубовой коры, сѣлъ на колоду, подперся въ бока и уродливо надулся, оттопыривши нижнюю губу; двое съ униженнымъ видомъ кланялись ему въ ноги и подносили въ лукошкѣ кучу щебня и песку, на которой лежалъ свертокъ изъ лапушника: это напоминало челобитчиковъ, подносящихъ воеводѣ поминки съ челобитною, свернутою по обычаю въ трубку.

— Выслушай, милостивецъ! говорили они жалобно-смѣшнымъ тономъ, не побрезгуй нашимъ добромъ!

Сидящій начиналъ ихъ бранить. Въ это время выскакивали изъ ряда скомороховъ двое другихъ, садились воеводѣ на плечи и кричали:

— Ой бояринъ, ой воевода! Любо тебѣ было хорохориться да поминки брать, да людей безвинныхъ обижать! ну-ка, братъ, вези теперь насъ на расправу надъ самимъ собой!

И они начинали его тузить и грозили утопить въ водѣ. Потомъ двое одѣтыхъ въ лохмотья и обутыхъ въ лапти тормошили и гоняли то въ ту, то въ другую сторону прутьями толстяка съ огромнымъ уродливымъ брюхомъ, а всѣ другіе хоромъ кричали: «Добрые люди! посмотрите, посмотрите, какъ холопы изъ господъ жиръ вытря-

хиваютъ»! Потомъ являлся купецъ и начиналъ считать деньги, представляемыя камешками, а другіе скоморохи тормошили его и загребали у него изъ-подъ рукъ деньги, приговаривая: «Давай, давай сюда! дѣлись съ нами! Побралъ съ народа за гнилой товаръ; теперь подѣлись-ка съ нами, съ голыдьбою»!

Черному народу очень нравились такія представленія. Веселость толпы удвоилась, когда скоморохи, выпивши по доброй чаркѣ вина, стали въ кругъ, и прихлопывая въ ладоши, кричали:

Ребятушки! праздникъ, праздникъ!
У батюшки праздникъ, праздникъ!
На матушкѣ Волгѣ праздникъ!
Сходися, голыдьба, на праздникъ!
Готовьтесь, бояре, на праздникъ!

Эхъ вы, купцы богатые, бояре тороватые! ставьте меды сладкіе, варите брагу пьяную, отворяйте ворота растворчатыя, принимайте гостей голыихъ, босыихъ, оборваныихъ, голь кабацкую, чернь мужицкую, неумытую!

Осипъ понялъ, что значатъ эти дѣйства и съ негодованіемъ обратился къ служилымъ, которые тутъ же глазѣли:

— Что вы это, дурни, зѣваете-то? что не скажете воеводѣ? Ихъ всѣхъ надобно поймать да въ тюрьму посадить: это воры!

Вдругъ разнеслось въ толпѣ: «воевода! воевода!» Въ самомъ дѣлѣ изъ города показался воевода верхомъ, въ сопровожденіи стрѣльцовъ. Скоморохи съ удивительной скоростью подобрали свои хари, которыя надѣвали на лице, свернули свой шатеръ, убрали бубны и волынки и пустились въ разсыпную. Вся толпа побѣжала опрометью во всѣ стороны. Воевода прискакалъ на мѣсто и не засталъ уже никого. Самъ Осипъ и другіе служилые отступили прочь подалѣе.

— Что здѣсь за дѣйства? кричалъ воевода на цѣловальника, стоявшаго непоколебимо у своего кабака: тутъ воровскія дѣйства представляются! Гдѣ воры? ловить ихъ!

— Да кого ловить-то? сказалъ цѣловальникъ. Гдѣ ихъ ловить, коли они убѣжали напугавшись? Это все свои честные люди въ кабакъ царевъ погулять пришли; воровъ никакихъ не было!

— Какъ не было! кричалъ воевода: гулящіе бѣглые люди, скоморохи!...

— И, батюшка, воевода-кормилецъ! говорилъ цѣловальникъ: какіе это бѣглые? чтожъ такое, что скоморохи?

— Да то, что у меня въ наказѣ написано такихъ ловить и хари у нихъ брать и на огнѣ жечь, да и тѣхъ, кто ихъ слушаетъ и на ихъ богопротивныя дѣйства смотритъ, бить кнутомъ.

— Эхъ, бояринъ! на всяко чиханье не наздравствуешься! Ужъ будто всяко лыко въ строку? Что жъ за важность, что въ наказѣ написано? Коли намъ ихъ гонять, такъ и въ царской казнѣ недоборъ будетъ; да у тебя жъ, кормилецъ, въ наказѣ написано, чтобъ головѣ кабацкому, что съ откупа взялъ кабаки въ Саранскѣ, на посадѣ ни во что не мѣшаться. Вѣстимо, ты воевода, такъ и власть у тебя есть; да вѣдь коли почнешь ихъ гонять, такъ весь народъ посадской осерчаетъ на тебя, да и у насъ пить не станутъ. А воровскаго тутъ не было ничего!

Воевода повернулъ коня и уѣхалъ назадъ.

На другой день послѣ этого происшествія Осипа позвали къ воеводѣ.

Вошедши въ знакомую ему горницу, Осипъ засталъ тамъ воеводу, который сидѣлъ съ его отцемъ. Передъ ними стоялъ сынъ боярскій Тюлюбаевъ. Осипъ поклонился и сталъ въ углу.

— Подойди, подойди, Оська! сказалъ Капитонъ Михайловичъ: подойди сюда! Свидѣтельствуй ложная на роднаго отца... чтобъ тебя, заповѣди Божіи забывшаго, вороны заклевали! Подойди, не бось!

— И не боялся, и не боюсь, сказалъ Осипъ. Никогда не говорилъ я ложнаго, а за Божіи заповѣди умереть готовъ.

— Да, да, сказалъ воевода, и обращаясь къ Осипу, говорилъ съ спокойнымъ, улыбающимся лицемъ:

— Вотъ, друже мой, я по твоей челобитной розыскъ сдѣлалъ. Не вышло такъ, какъ ты говорилъ: сынъ боярскій Тюлюбаевъ чинилъ розыскъ, священника спрашивалъ, и священникъ сказалъ по священству, что онъ покойницу Наталью, Нехорошева жену, причащалъ предъ смертію, а того, чтобъ у ней голова была пробита, не видалъ, и она умираючи не говорила, чтобъ мужъ ее убилъ; и люди тожъ показали, что мать твоя, покойная Наталья Нехорошева, часто пьяная напивалась, а того, чтобъ мужъ ее убилъ, того они не слыхали и не видали; и Ганка дѣвка, что ты написалъ, тожъ ска-

зала, что она того не видала, чтобъ государь ея государыню убилъ до смерти. Теперь же твой отецъ подалъ на тебя челобитную, что ты его опорочилъ и положилъ на него безчестье: мало того, что ты напрасно обвиняешь его въ убивствѣ женниомъ, ты еще взвелъ, якобы онъ съ чужою женою въ блудѣ былъ. И ты, Осипъ, то умыслилъ на роднаго отца безлѣпо и напрасно, и за то тебя, Осипа, довелось выдать головою отцу твоему.

— Я ничего не хочу ему дѣлать, сказалъ Капитонъ: только ты, воевода, дай ему наказанье при моихъ глазахъ, а болѣ ничего не надо.

— Мудрое дѣло вздумано, сказалъ воевода. А призови-ка, Гаврило, трехъ стрѣльцовъ сюда!

— Воевода! сказалъ Осипъ: ты хочешь меня бить? Это не по закону. Я подамъ челобитную въ Москву, я до самого царя дойду правды искать.

— Эй, горяча голова, горяча! Простудить надобно! говорилъ воевода. Ишь ты что—не смѣю я тебя бить! Да знаешь ли ты, какое нынѣ время-то? Да я не токма что бить, я тебя повѣшу, коли захочу! Вотъ видишь, что у меня въ наказѣ-то написано: «... и чтобъ вамъ, воеводамъ, держать служилыхъ и всякихъ чиновъ людей въ страхѣ и послушаньи, а будетъ кто вамъ учинится силенъ, и вамъ бы, воеводамъ, тѣмъ людемъ чинить жестокое наказанье, безо-всякіе пощады, и смертію казнить, кто чего доведетца». Пусть только отецъ твой скажетъ слово—повѣшу, ему въ угоду повѣшу!

— Богъ съ нимъ! сказалъ Капитонъ Михайловичъ. Богъ ему воздастъ.

— А что говоришь ты, что пойдешь ты къ царю, продолжалъ Осипу воевода, такъ ты бы пошелъ, кабы я тебя пустилъ; а то я не пущу, такъ ты и не пойдешь. Нечего, братъ Осипъ Капитонычъ, нечего!.. Помолись да ложись!

Вошли трое дюжихъ стрѣльцовъ и сняли съ Осипа кафтанъ и рубашку, потомъ повалили его на землю, и двое сѣли на него: одинъ на плечи, другой на ноги, а третій началъ хлестать его батогами. Осипъ не произносилъ ни моленій, ни криковъ отчаянія, и только стоналъ отъ боли. Капитонъ съ радостью смотрѣлъ на истязанія непочтительнаго сына.

Послѣ сотни ударовъ, Осипа подняли. Кровь текла съ него...

—Ничего, ничего! говорилъ воевода: у меня есть настоечка отмѣнная, сейчасъ заживетъ!.. Потрите-ка ему спину!

Онъ подалъ стрѣльцамъ скляпку, и тѣ начали тереть Осипу настойкой избитыя мѣста.

— Дивная настойка! говорилъ воевода Капитону. Это мнѣ знахарь далъ травы такой. Ты, братъ Осипъ Капитонычъ, возьми себѣ и про запасъ: военный человѣкъ, не ровенъ часъ—Боже тебя сохрани!—въ ратномъ дѣлѣ всяко бываетъ: поранятъ, а вотъ тутъ она и есть! Ну, а все-таки, Капитонъ Михайловичъ, я тебя попрошу за Осипа Капитоныча: ты будь къ нему милостивъ; молодой онъ человѣкъ, неразуменъ; теперь вотъ мы его поучили, онъ и будетъ знать! А все вѣдь онъ твое порожденіе!

—Не надо мнѣ его! сказалъ Капитонъ Михайловичъ. Хоть онъ и мое порожденіе, хоть у меня и другихъ дѣтей нѣтъ, я его не хочу и видѣть, не токма что къ себѣ брать. Вѣчное ему проклятіе отъ меня! Пусть его орлы растерзаютъ, вороны расклюютъ; нищета сокрушитъ его, болѣзни истощатъ его; струпами пусть онъ покроется съ ногъ до головы, да у всѣхъ людей пребудетъ въ поношеніи и уничиженіи за то, что не устыдился сказать ложное на родителя своего. Отселѣ ты не мой сынъ! Не знай меня, и я тебя не знаю! Вотъ тебѣ мое послѣднее слово. И не ходи, и не показывайся ко мнѣ на глаза!

— Ну, крутъ же ты, Капитонъ Михайлычъ! сказалъ воевода.

Онъ мигнулъ глазомъ Осипу, подавая знакъ, которымъ какъ бы хотѣлъ сказать: не бойся, молодецъ! это онъ только такъ, сгоряча, а то онъ утихнетъ; кое-какъ послѣ умилостивимъ!

— Что жъ это ты его на мою шею оставляешь? продолжалъ онъ, обратившись снова къ Капитону.

— Пусть межъ дворами волочится! сказалъ Капитонъ Михайловичъ: чтобъ ему никто куска не подалъ! А вотъ этого собачьяго сына, Первушку холопа, такъ вели связать, а я его отвезу въ Нехорошево и тамъ ему задамъ!

— Да Первушку-то что! Холопу собакѣ собачья холопья и честь; ты вотъ сына-то пожалѣй! А, Капитонъ Михайлычъ! пожалѣй сынка!

— И не говори! и слушать не хочу! сказалъ Капитонъ.

— Ну, нечего дѣлать съ тобой. Образумь тебя Богъ! Коли такъ,

то я Осипа помѣщу у себя съ служилыми людьми. Эхъ, молодецъ, молодецъ! молода, глупа твоя голова! Вишь ты чего надѣлалъ— отцовское проклятіе на себя накликалъ... Кланяйся батькѣ, авось упросимъ его! Ну, кланяйся въ ноги!

Осипъ молчалъ и глядѣлъ въ землю.

— О, да я вижу, и ты упрямъ—въ отца! Ну, ступай! Тюлюбаевъ! ты помѣсти его въ избѣ съ Лукошкою да съ Ярыгою.

Такъ кончился судъ воеводы. Осипа помѣстили въ избѣ съ двумя стрѣльцами Лукошкою да Ярыгою. Туда перенесли его бѣлье и оружіе; коня отецъ взялъ съ собой. Первушки своего Осипъ уже не увидалъ. Пролежавши три дня въ мукахъ, на четвертый онъ услышалъ вдругъ на дворѣ смятеніе.

— Что̀ тамъ такое? спросилъ онъ у Лукошка, вошедшаго въ то время въ избу.

— Что̀! сказалъ Лукошко: бѣда складывается! Воры къ Атемару подступили; прибѣжалъ гонецъ оттуда...

Осипъ ничего не сказалъ. На другой день, утромъ рано, какъ только отворились городскіе ворота, онъ взялъ свою саблю, ружье и вышелъ изъ города, прошелъ посадъ, и пробравшись черезъ надолбы, очутился въ полѣ. Никто не видалъ, не кинулся за нимъ. Сѣвши на дорогѣ, безсмысленно смотрѣлъ онъ на востокъ, гдѣ выходило солнце, потомъ съ судорожнымъ движеніемъ досталъ кошелекъ, пересчиталъ въ немъ деньги, привезенныя изъ похода, положилъ кошелекъ снова, зарядилъ ружье, повѣсилъ черезъ плечо и побѣжалъ скорымъ шагомъ по направленію къ Атемару.

По вскорѣ онъ услышалъ за собой конскій топотъ, и обернувшись, увидѣлъ двухъ саранскихъ служилыхъ, которые наскакали на него. Догадавшись, что это погоня, Осипъ остановился, и взявъ ружье на перевѣсъ, ожидалъ.

Всадники доѣхали.

— Куда ты это, дворянинъ, загулялся такъ рано? Воротись назадъ, а то дороги чай не знаешь. Подай-ка намъ ружье сюда!

Осипъ, не отвѣчая ни слова, схватилъ въ лѣвую руку ружье, а правою мгновенно вытащилъ саблю, и ударивъ со всего размаху сѣдока, перерубилъ его пополамъ. Испуганный конь понесъ половину его разрубленнаго тѣла назадъ. Вслѣдъ за тѣмъ бросивъ саблю, Осипъ схватилъ ружье и выстрѣливъ изъ него, попалъ

въ лобъ другому всаднику и схватился за его лошадь. Освободивъ ее отъ трупа, молодецъ сѣлъ на нее самъ и погналъ во всю прыть въ Атемаръ.

Когда Осипъ приблизился къ Атемару, то увидалъ, что ворота отворены и толпа народа снуетъ взадъ и впередъ. Издали завидѣлъ онъ красные казацкіе кафтаны, и догадался, что Атемаръ въ рукахъ мятежниковъ. Подъѣхавши къ воротамъ, онъ былъ остановленъ казаками.

— Служить батюшкѣ Степану Тимофѣевичу ѣду! сказалъ Осипъ.

— Милости просимъ! Нашего полку прибыло! закричали казаки, и Осипъ въѣхалъ въ городъ. Конь его весь былъ въ мылѣ и чуть держался на ногахъ.

— Ого! говорили стоявшіе: видно прытко бѣжалъ, что конь-то чуть на ногахъ стоитъ. Гляди, падетъ!

— Отъ погони удиралъ! сказалъ Осипъ. Ведите меня къ атаману!

XI.

На площади, подлѣ церкви, у обгорѣвшаго воеводскаго двора лежалъ трупъ дворянина, управлявшаго Атемаромъ по порученію саранскаго воеводы, а съ нимъ лежало четыре подьячихъ. Тамъ и сямъ валялись разбитыя винныя бочки и боченки. Рослый человѣкъ лѣтъ тридцати отъ роду сидѣлъ на бревнѣ съ человѣкомъ въ кунтушѣ казацкаго малороссійскаго покроя, который отличался отъ великорусскаго прорѣзными рукавами и отсутствіемъ золотаго шитья. Его ужасающей ширины шаравары, казалось, сдѣланы были для того, чтобъ заметать за нимъ слѣдъ. Голова его была выбрита и огромный оселедецъ, спадая съ макушки, заложенъ былъ за ухо. Усы у него были густые и длинные, черные съ просѣдью. Его смуглое лицо и большіе выдавшіеся впередъ черные глаза показывали не менѣе одежды, что онъ былъ гость между другими.

— Паны-атаманы! закричалъ казакъ, проведшій Осипа: пришелъ молодецъ изъ Саранска, хочетъ батюшкѣ служить.

— Молодецъ! сказалъ пьянымъ голосомъ сидѣвшій возлѣ запорожца, называемый атаманомъ. Молодецъ-то онъ молодецъ, да кто онъ таковъ, этотъ молодецъ: дворянинъ что ли онъ?

— Дворянинъ, сказалъ Осипъ.

— А коли онъ дворянинъ, да еще служивый, такъ повѣсить его!

— Постій, сказалъ запорожецъ, негодиться!

И вставши и приглядѣвшись, запорожецъ вдругъ съ удивленіемъ отскочилъ и закричалъ:

— Та се знакомый, ей Богу знакомый! Эй, чоловіче! ти, здаеться, Осипъ Нехорошенко!

— Круча! воскликнулъ Осипъ.

— Та я жъ, я жъ! Круча я! Э, братику рідный! Отъ друзяка! Отъ праведно говорють: гора зъ горою не зійдеться, а чоловікъ зъ чоловікомъ зійдеться!

— Какъ ты это здѣсь? спросилъ Осипъ.

— Э, якъ я тутъ!.. Ты сюда якъ запопавъ? Що? мабудь добрий ківшъ лиха хвативъ, коли до насъ притулився? Авжежъ хто до насъ прійде, той запевне меду не пивъ! Брате Михайло! сказалъ онъ, обратясь къ товарищу: се мій давній, давній приятель! Якъ король польскій на Украину приходивъ, такъ ми вкупі у Глухові сиділи въ осаді: згадаешь, Осипе?

— Какъ не згадать! Тогда мы вмѣстѣ бѣлому царю служили.

— А опісля, продолжалъ Круча, якъ на Украині воеводъ побито, у Переяславі я его оборонивъ, не давъ нашимъ братчикамъ на поругу, и до Січі отправивъ. Вінъ тамъ зъ Запорожцями и на море ходивъ, Турківъ скубти. Гарный молодець! Ну, якъ же ты отсе до насъ придибавъ? Що тебе занесло?

Осипъ разсказалъ свою исторію.

— Отъ бачъ, сказалъ Круча: я жъ казавъ, шчо таки добрый ковшъ лиха выпивъ! Що жъ ты зъ своимъ батькомъ маешь робити?

— Убью его! сказалъ Осипъ.

— Отъ такъ молодець! Отъ золото! Та якъ бы нашъ батюшка Степанъ Тимохвіевичъ таке почувъ, такъ вінъ бы зъ радошчи не знавъ, шчо̀ зъ тобою и робить, де тебе й посадить! Батька убье!... Ну, якъ зъ батькомъ справисься, тоді што? Тоді насъ покинешь, а?

Эти слова смутили Осипа. Въ первый разъ ему представился вопросъ: что̀ ему дѣлать тогда, когда онъ достигнетъ своей цѣли и отмститъ за мать?

— Тогда... тогда, сказалъ онъ, съ вашей дороги нѣтъ назадъ поворота!

— Слухай, братіку! сказалъ запорожецъ: я зъ тобою говоритиму такъ, якъ игуменъ зъ тимъ, хто у чепці посвяшчаетьця. Теперь лихо тебе пригнало до насъ, такъ ти у нашъ монастырь и прибігъ спасатьця. Ты у козацькій землі бувавъ, знаешь звичаи наши; а знаешь ты, шчо то есть козацьство? Повиненъ знать, а може забувъ, такъ я тобі нагадаю: козацьство есть сама правда, така правда, шчо кривду карае, силнихъ зносить, потоптане підносить, упартихъ всіхъ рівняе. Великія гріхи стались межъ людьми; такъ отже за те йде на ихъ батюшка Степанъ Тимохвіевичъ. Ми не крови людскоі хочемо, а тихъ віроломцевъ караемо, шчо кровь чужую пьють, худобу чужу забираютъ и чужу працю на свою корысть обертають! Хто до насъ приставъ тоі, мусить козакъ бути. Козакъ есть то вільний чоловікъ, пана не знае, самъ собі панъ, и всякъ ему братъ, хто брата не скубе: втямивъ еси? Коли втямивъ, то йди до насъ; а коли не тее, такъ иди одъ насъ: ми нікого не силуемо. Я тебе знаю здавна: ты рубатьця мастакъ, и стріляешь такъ, шчо въ оріхъ улучишь. Одначе ты дворянинъ; теперь, коли ты до насъ пріийшовъ, попрощайся зъ своимъ дворяньствомъ: у насъ будь ти хочь дворяининъ, хочь мордвинъ, хочь синъ боярский, хочь собачій синъ—усімъ однакова честь! Козакъ тай годі! Присягайся бути козакомъ!

— Присягаю быть козакомъ! сказалъ Осипъ.

— Такъ памьятуй свою присягу. Ну, почоломкаемся, знакомый, пріятелю, друже!

Они поцѣловались.

— Кто жъ изъ васъ атаманъ? спросилъ Осипъ.

— Въ Атемарі атаманъ панъ Михайло, сказалъ запорожецъ, указывая на пьянаго товарища.

— А ты что жъ тутъ?

— Я одъ батюшки посланый отаманівъ творить: кого громада наставить, порядку та звичаю козацькому научать; я казакъ тай годі, рівный усімъ, братъ усімъ. У насъ ніхто не задірай головы, а то якъ разъ пригнуть отъ такъ!

Съ этими словами онъ сшибъ съ Михайла шапку; тотъ улыбнулся и надѣлъ ее снова на бекрень.

— Ну, сказалъ Круча: житіе наше, якъ маковъ цвітъ, скоро одцвітае. Чи не выпить намъ, бо сказано: шчо зіпьемо и зьѣмо, те ii наше! Ну лишь меду! Випьемо на радошчахъ, шчо такого славного та голінного лыцаря до себе прійняли.

— Нѣтъ меду! кричали казаки: все выпито!

— Оть халепа! сказалъ Круча. Хиба до Саранська оставимо. Ну, а горілка е? Давайте хочь горілки!

Какой-то сѣрякъ принесъ джбанъ съ водкой.

— Ото! продолжалъ запорожецъ: тілько ii е, шчо прокляте се вино московьске! Э, се не те, шчо наша украиньска горілка!

Онъ выпилъ стопу и продолжалъ:

— Нехай нашъ новый товаришчъ здоровий буде! Выпий же, брате!

Осипъ налилъ, и, выпивая, провозгласилъ:

— Чаша войска казацкаго!

Потомъ Круча налилъ снова стопу и поднесъ Михайлу. Тотъ поцѣловался съ Осипомъ, и, поднявши вверхъ стопу, говорилъ:

— Я Мишка Харитоновъ, былъ когда-то холопъ князя Черкаскаго, да не захотѣлъ въ холопствѣ жить: показалось мнѣ лучше въ вольномъ казацтвѣ, обворовалъ своего государя да ушелъ на тихій Донъ и сталъ казакомъ. Теперь иду казачество вводить на Руси, правду установлять. Гой еси добрый молодецъ, дворянскій сынокъ! Поцѣлуйся, побратайся со мной, съ холопишкомъ Мишкою! Мы теперь съ вашимъ братомъ дворяниномъ въ равности стали. Будь здоровъ на многія лѣта!

Осипъ поцѣловался съ пьянымъ Мишкой не безъ отвращенія.

— Ну, шчо жъ робитьця въ Сараньску? спрашивалъ Круча.

Осипъ разсказывалъ что зналъ.

— Такъ! сказалъ Круча. Пошлемо мы служилыхъ такихъ шчо въ Атемарі були. Нехай вони йдутъ въ Сараньскъ и скажуть, шчо одъ насъ утекли. А ну, пане Михайло, кажи имъ по-московьськи.

Онъ разсказалъ ему, и Михайло говорилъ казакамъ:

— Служилые пойдутъ въ Саранскъ и скажутъ, что отъ насъ убѣжали и что мы повернули на Пензу; и вотъ саранскій воевода понадѣется на то, а они тѣмъ временемъ зажгутъ городъ, а мы пойдемъ отсюда и повернемъ на Саранскъ ночью, такъ чтобы намъ въ ту пору на городъ наскочить, какъ они пожаръ тамъ учинятъ.

Начнется суматоха, ратные на пожаръ кинутся, а мы на нихъ тутъ и нагрянемъ.

Атемарскіе служилые, передавшіеся мятежникамъ, увѣряли, что въ Саранскѣ служилые недовольны воеводою, а посадскіе и подавно на него злятся и не станутъ противиться.

— Сегодня вторникъ, говорилъ Михайло: въ пятницу передъ свѣтомъ мы подойдемъ къ Саранску.

Тогда отобрали троихъ молодцевъ, которые взялись пробраться въ Саранскъ и зажечь городъ, когда будетъ нужно.

Послѣ того Осипъ увидѣлъ толпу мужиковъ, одѣтыхъ въ бѣлые шерстяные кафтаны съ красными оторочками, въ лаптяхъ съ разноцвѣтными веревками на голыхъ икрахъ. За плечами у нихъ были колчаны и луки, иные держали въ рукахъ двузубыя рогатины. Михайло подозвалъ одного изъ служилыхъ и сказалъ ему:

— Ну, Мордвинъ, разскажи имъ по своему, говори имъ, чтобъ они всѣ стояли за батюшку Степана Тимофѣевича и за царевича Алексѣя Алексѣевича; что теперь во всемъ свѣтѣ иной рядъ будетъ, не такъ какъ доселѣва было: дастся имъ всякая льгота, не станутъ ихъ въ христіанскую вѣру перевертывать; ни дѣти боярскіе никакіе, ни служилые не станутъ къ нимъ ѣздить, и будутъ жить они у себя по своему закону, и кереметп ихъ никто не посмѣетъ разорять, свои князи у нихъ будутъ—кого захотятъ, того и поставятъ; и дѣтей у нихъ не велятъ хватать, и дастъ имъ батюшка Степанъ Тимофѣевичъ всю ихнюю землю въ ихъ полную волость. Только теперь пускай постоятъ за него и за царевича Алексѣя Алексѣевича.

Когда Мордвинъ служилый перевелъ эти рѣчи своимъ соплеменникамъ, тѣ начали на своемъ языкѣ произносить нестройные звуки, похожіе на кошачье мяуканье; по лицамъ ихъ видно было, что они стали очень довольны и воодушевлялись отвагою постоять за свои кереметп.

Собраніе послѣ того стало расходиться, и Круча, взявши Осипа подъ руку, повелъ его къ одному двору и вывелъ изъ него отличнаго коня.

— Возьми, братику! говорилъ онъ: отъ тобі коня даю. Ухъ! гарний кінь! Се якъ дуванили воеводини животи, такъ міні сей кінь доставсь. Нехай тому воеводі земля перомъ, шчо такого славного коня придбавъ. Озьми и їзди на ему, бо міні его не треба, у мене

є на чімъ іздити; да й то правда, брате, шчо міні нічого тутъ не треба, чи буде шчо зъ нашого умыслу, чи нічого не буде, а міні однакова дорога: коли не вбьють, то я пійду въ своє Запорожье и зно-ву воеватиму зъ Туркомъ або зъ Ляхомъ, и коли старый стану, не здужаю, такъ піду до Межигорьского Спаса, або у Печерьське у ченці, бо я смолоду щче обіщчався. Отъ, братіку, я питавъ, шчо робитимешь, якъ батька убьешь: ти міне и одвітити не зъумівъ, бой самъ добре не знаешь, шчо зъ собой зробить; а я тобі скажу шчо: утечемо зъ тобою въ Запорожье, и коли не убьють насъ на-полі ни на морі, та доживемо до того, шчо старіми станемо, такъ у ченці підемо!

XIII.

Между тѣмъ въ Саранскѣ воевода успѣлъ озлобить противъ себя посадскихъ. Онъ собственноручно избилъ плетью по лицу посад-скую женку за то, что она на рынкѣ разсказывала, какъ зна-харка толковала народу, что явилась на небеси звѣзда простому на-роду къ добру, а боярамъ къ худу; а одинъ изъ служилыхъ, лю-бимецъ воеводы, говорилъ на посадѣ: «Вы, посадскіе, будьте ниже травы, тише воды, хоть видите, да не смотрите, а то та̀къ плюнутъ въ глаза, что и не протрете!» — «Добро! отвѣчалъ одинъ смѣлый посадскій: а какъ у насъ глаза протрутся прежде, чѣмъ вы на нихъ плюнете?» За эту дерзкую рѣчь воевода, которому все пересказалъ затинщикъ, приказалъ посадскому всадить въ ротъ палочку и завязавъ руки, посадить въ тюрьму. Каждый день воево-да ѣздилъ по посаду, и встрѣчнаго и поперечнаго бранилъ измѣн-никомъ. Послѣ всего этого посадскіе очень были нерасположены къ воеводѣ.

Въ такомъ положеніи было настроеніе умовъ въ Саранскѣ. Трое бывшихъ служилыхъ явились туда и разсказывали воеводѣ небы-лицы, увѣряя, что воровъ человѣкъ сто, не болѣе, что между ними пошла поголоска, будто саранскій воевода хочетъ идти на нихъ въ Атемаръ, и что они поспѣшили поскорѣе убраться и направи-лись на Пензу, потому что тамъ между служилыми людьми измѣна

и ихъ зазывали туда, обѣщаясь сдать городъ; въ заключеніе разсказывали служилые, что самихъ ихъ воры приневолили идти съ собой, но они убѣжали и явились къ воеводѣ разсказать всю правду. Все это говорено было такъ естественно, такъ непринужденно, что воевода совершенно повѣрилъ имъ и собралъ въ домъ свой на совѣтъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые съѣхались изъ помѣстій въ Саранскомъ уѣздѣ, услыша объ опасности. Служилыхъ призвали и заставили повторить свой разсказъ передъ всѣми.

Одинъ изъ храбрецовъ дворянинъ предлагалъ отправиться за ворами въ погоню. Другіе представляли, что это не совсѣмъ будетъ благоразумно. Воевода прибавлялъ, что если служилые всѣ почти выйдутъ изъ города, то посадскіе могутъ пакостей надѣлать.

— Надобно подумать, замѣтилъ одинъ изъ дворянъ, о нашихъ братьяхъ помѣщикахъ, а паче о женахъ ихъ и дѣтяхъ. Крестьяне наши безмозглый народъ: какъ пойдутъ воры по селамъ, да начнутъ имъ толковать про глупую волю, что они работать на помѣщиковъ не станутъ, да платить въ казну царскую никакихъ даней не будутъ—вотъ уже и теперь, слышь, ходятъ промежъ нихъ прелестныя письма... Въ одномъ селѣ нужно только народу заколошиться, а въ десяти селахъ бѣда отзовется: словно пожаръ пойдетъ! Тутъ дай Господи нашему брату душу на покаяніе уносить, не то чтобъ усмирять ихъ, да животы охранять! Насъ сотня, да и тѣ врозь живутъ, а ихъ тысячи, да вмѣстѣ пойдутъ; а наипаче то, что сами хозяева на царской службѣ, а жены съ дѣтишками однѣ остались: тутъ какъ овецъ подушатъ! Надобно скликать ихъ заранѣе въ осаду.

— Ну, я не думаю, чтобъ это вышло хорошо, сказалъ воевода. Пока еще бѣды не случилось, а мы станемъ ее на себя накликать,—крестьянишки смекнутъ, что ихъ боятся. Не проведешь ты сѣряка, даромъ что лапотникъ онъ! Скликаютъ помѣщиковъ съ семьями въ осаду, ради прихода татарскаго: «Вишь ты! скажутъ они: коли бы татаръ боялись, такъ и насъ бы скликали!» Пока въ помѣстьѣ либо вотчинѣ самъ государь, воровскіе прелестники все-таки побоятся расхаживать; а какъ государи уйдутъ, тутъ мужичью своя воля—и всякая сволочь пойдетъ по селамъ подговаривать народъ на дурно.

— Нѣтъ, воевода, возразили ему: коли каждый будетъ сидѣть у себя въ помѣстьѣ, да свое добро оберегать, такъ и своего не убережетъ, и чужому не пособитъ. А пусть лучше воевода разошлетъ бирючей сбирать помѣщиковъ въ осаду на дальній случай, а теперь же пошлетъ погони за ворами: коли съ Божіей помощью сами ихъ побьютъ, тогда такой страхъ найдетъ на мужиковъ, что никто не посмѣетъ ничего дурнаго дѣлать, скажутъ: «нѣтъ, плохо! ворамъ удачи нѣтъ, надобно и намъ сидѣть тихо; а коли новые воры появятся, такъ у насъ помѣщики будутъ!» — въ городѣ-то и людно, и безопасно, и вылазки чинить можно. А тѣмъ временемъ посылай, воевода, отписки въ Писару и Керенскъ и въ Алатырь со станицами, что воры проявились и городъ Атемаръ взяли, да убоявшись къ Пензѣ пошли, и чтобъ всѣ сбирали помѣщиковъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ идти на воровъ, коли опять придутъ.

— Все это хорошо разсказываешь ты, государь, говоритъ воевода, да нельзя оставить теперь городъ безъ обороны: ну, хорошо, коли Богъ пособитъ, да побьемъ мы воровъ; а коли только что наши выйдутъ, а другіе воры нападутъ съ иной стороны?

— Какъ другіе? возражали ему. Другихъ говорятъ тебѣ нѣтъ. Да что жъ, коли рати бояться, такъ уже это послѣднее дѣло! Да послѣ этого съ веретенами за печкой сидѣть что-ли? Подумай, воевода, вѣдь князю Долгорукому не полюбится, что Атемаръ отдали, а царю государю напишетъ, гляди, какъ бы за то недосталось! Скажутъ на Москвѣ какъ же это они тамъ сидѣли, и у нихъ подъ носомъ городъ взяли, а они и на бой не выходили! А будетъ мы ихъ побьемъ, такъ хоть и Атемаръ взятъ, и въ томъ намъ вины не будетъ.

Съ этой стороны убѣжденіе подѣйствовало на воеводу. «А и вправь, подумалъ онъ: что скажутъ на Москвѣ?» И онъ молчалъ, повѣся голову... и всѣ молчали, на него глядя.

— Такъ вы знаете, сказалъ наконецъ воевода, обратившись къ прибывшимъ изъ Атемара стрѣльцамъ: навѣрное знаете, что воровъ человѣкъ со сто, не больше?

Тѣ клялись, призывая кару Божію на свое потомство.

— Ино быть по твоему! сказалъ воевода къ тому изъ дворянъ, кто настаивалъ больше всѣхъ посылать погоню: твоя рѣчь къ дѣлу.

И такъ воевода согласился отправить погоню за ворами, которые, по словамъ атемарскихъ стрѣльцовъ, ушли изъ Атемара къ Пензѣ, а сзывать дворянъ и дѣтей боярскихъ съ ихъ семьями въ осаду не велѣлъ, чтобъ оставить за собою хоть какое-нибудь распоряженіе.

Воевода отобралъ двѣсти пятьдесятъ человѣкъ служилыхъ и стрѣльцовъ, да прибавилъ къ нимъ человѣкъ сорокъ пушкарей, и выстроивши ихъ на своемъ дворѣ, проговорилъ имъ наставленіе, что имъ дѣлать и какъ отличиться на царской службѣ. «Какъ же имъ не одолѣть воровъ, когда ихъ почти триста, а тѣхъ только сто?» думалъ воевода. Но тутъ вышла помѣха: у стрѣльцовъ лошадей не было. Воевода велѣлъ имъ забрать лошадей у посадскихъ, у кого изъ нихъ только найдется. И стрѣльцы разсѣялись по всему посаду по дворамъ. Иной, вбѣжавши во дворъ, не только саморучно выводилъ изъ конюшни лошадь, но требовалъ еще и сѣдла, да въ прибавку кричалъ, чтобъ ему дали съѣстнаго на дорогу. «Я слуга царскій! покрикивалъ служилый: васъ, дураковъ, иду охранять!» И хозяйка собирала ему въ мѣшки все что находила у себя въ клѣти.

— У меня однимъ-одна лошаденка, говорилъ другому посадскій: вороти, родимый, коли Богъ принесетъ здороваго!

— Эка дурачина! отвѣчалъ ему стрѣлецъ: чего проситъ! Убьютъ меня, все равно лошадь-не воротится! За чтожъ я тебѣ стану ее отдавать, коли живъ вернусь и ее живую приведу? То мое счастье, не твое. Нѣтъ, братъ, попрощайся да поцѣлуйся съ ней. Хоть и вернусь, такъ не отдамъ ее: продамъ, и деньги пропью!

Были и такіе, что требовали, сверхъ съѣстнаго, еще и денегъ, и когда хозяинъ заупрямливался и божился, что нѣтъ, то стрѣлецъ отбивалъ замокъ отъ скрыни или разрубливалъ крышку и бралъ оттуда что ему нужно.

Такъ обходились въ этотъ день служилые съ посадскими, и посадскіе отъ злости плакали, зубами скрежетали, судорожно кулаки сжимали, и хоть прямо не смѣли ничего вымолвить, да въ головѣ вертѣлось желаніе, что было бы хорошо, если бъ хоть воры пришли: вѣрно бы надѣлали меньше дурнаго, чѣмъ эти охранники!

Передъ солнечнымъ закатомъ воевода отправилъ погоню и далъ отряду три пушки, которыя повезли вслѣдъ за нимъ на колесахъ. Провожая ихъ съ отеческимъ вниманіемъ, воевода стоялъ на

башнѣ и глядѣлъ имъ вслѣдъ, пока они не скрылись изъ виду, а потомъ снялъ шапку, перекрестился и сказалъ: «Спаси, Боже, люди твоя и благослови достояніе твое!»

— Теперь, прибавилъ онъ, обратясь къ стоявшимъ возлѣ него дѣтямъ боярскимъ, намъ слѣдуетъ обойти весь городъ, да осмотрѣть всяческое утвержденіе.

И воевода съ оставшимися отправился кругомъ стѣны изъ наугольной башни, на которой стоялъ, провожая глазами отправленныхъ въ погоню. Кругомъ, по извилистымъ отрогамъ городской стѣны, отъ башни до башни тянулись деревянные мосты, поддерживаемые толстыми столбами, которые упирались въ низшіе мосты, а отъ нихъ въ землю. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бревна, изъ которыхъ они были сложены, прогнили и образовали щели; въ другихъ подгнили колки, которыми приколочены были ихъ оконечности къ оконечностямъ бревенъ слѣдующихъ за ними въ длину, такъ что когда ступали по нимъ, то они поднимались вверхъ и угрожали стать вертикально. Тамъ и сямъ черное ихъ однообразіе нарушалось мхомъ и травою. Воевода обращался съ замѣчаніями о такой неисправности къ служилымъ и сопровождалъ свои замѣчанія крупной бранью, а тѣ отвѣчали, что объ этомъ они уже много разъ докладывали, послѣ чего воевода жаловался на розрядъ, куда онъ писалъ уже не по одинъ разъ, да ему не разрѣшили починять города и высылать людей на городовое дѣло. Вдоль мостовъ, по которымъ совершалъ свое начальническое шествіе воевода, торчали пищали въ нѣкоторыхъ оконцахъ, и подлѣ нихъ лежали кучи ядеръ. Дошедши до другой высокой башни, воевода по узкой лѣстницѣ взошелъ на верхнюю площадку подъ пирамидальной крышей; тамъ стояли обращенныя на три стороны три пищали. Воевода осмотрѣлъ ихъ дула, приглянулъ къ лежавшей на полу кучѣ кирпичей, припасенныхъ для того, чтобъ въ случаѣ осады метать ими на непріятеля; заглянулъ въ маленькій чуланчикъ, пристроенный къ площадкѣ для того, чтобы пушкарямъ можно было укрыться отъ дождя и снѣгу, и сдѣлавши два шага внизъ, пошелъ по крышѣ городовой стѣны, гдѣ, при соединеніи двухъ кровельныхъ полосъ, была сдѣлана аршина въ два шириною колея, по которой можно было ходить, также какъ и по мосту. Воевода, прошедши нѣсколько по такому пути, долженъ былъ перешагивать черезъ

большіе коты или толстыя колеса безъ спицъ, которыя скатывались на осаждающихъ. Дошедши опять до высокой башни, онъ снова осмотрѣлъ на площадкѣ пищали, по лѣстницѣ сошелъ внизъ, прошелъ нѣсколько саженей по мосту, и потомъ отправился по низшему мосту, едва поднятому отъ земли: тутъ отверстія вдоль моста по стѣнѣ были шире, и пушки, называемыя тюфяками. Многія только недавно были разставлены по мѣстамъ; прежде того лежали въ пушечномъ амбарѣ. Вездѣ неусыпное попеченіе воеводы назначало мѣста для пушкарей и затинщиковъ. При этомъ воевода счелъ нужнымъ говорить въ каждомъ мѣстѣ, гдѣ отводилъ посты, нѣкое примолвленіе, то есть доброе слово.

Такъ окончивъ осмотръ стѣнъ, воевода прибылъ въ свой дворъ. Проходя черезъ ту комнату, гдѣ сѣкъ Осипа, воевода невольно вздрогнулъ: онъ уже зналъ о смерти двухъ служилыхъ и былъ увѣренъ, что доведенный до отчаянія Осипъ убѣжалъ къ ворамъ. Совѣсть воеводы въ отношеніи его была покойна: онъ сдѣлалъ дѣло хорошее—наказалъ непочтительнаго сына, и притомъ по волѣ отца, при самомъ родителѣ; въ невинности Капитона Михайловича онъ не сомнѣвался, но тайное предчувствіе говорило ему, что этотъ молчаливый, затаенный юноша не проститъ ему своего поруганія. Отправившись въ другую комнату, воевода сѣлъ, придвинулъ огромную мѣдную чернильницу, вынулъ изъ ящика бумагу, и держа ее на колѣнѣ, а не на столѣ, началъ писать на ней, подымая безпрестанно глаза кверху, какъ-будто что-то припоминая. Онъ писалъ распредѣленіе служилыхъ, гдѣ кому назначалось быть. Собственно это была должность дьяка; но сегодня загорѣлась въ немъ сильная дѣятельность: ему хотѣлось что-нибудь сдѣлать самому. Окончивъ дѣло свое, воевода положилъ бумагу и отправился въ сѣни, а оттуда въ другую половину своей воеводской избы, гдѣ жила его семья, состоявшая всего на все изъ жены и шестнадцатилѣтней дочери.

Воевода былъ человѣкъ не суровый, никогда не дулся на жену и обращался вообще съ семьею ласково, и только иногда разхаживался и подымалъ кутерьму, при чемъ не обходилось и безъ побоевъ, за которые жена недолго на него сердилась. Вообще воевода нашъ былъ человѣкъ не злой, хоть и принадлежалъ къ такимъ повседневнымъ характерамъ, которые рѣдко могутъ сказать поутру, что они намѣрены дѣлать вечеромъ. Онъ могъ оказать кому-нибудь благо-

дѣяніе, могъ кого-нибудь и оскорбить, и не раскаявался въ этомъ послѣ. Онъ легко запечаливался, легко развеселялся, любилъ пошутить, иногда покутить; впрочемъ, по своему воеводскому положенію, въ послѣднемъ случаѣ всегда оставался въ выигрышѣ. Давалъ ли онъ пиръ—гости его, подначальные или во всякомъ случаѣ отъ него зависѣвшіе, будь это дворяне и дѣти боярскіе, будь это посадскіе, всегда давали ему дары, поѣвши и попивши у него; приглашали ли его на пиръ—и тутъ его дарили, по общему обычаю: въ первомъ случаѣ надобно быть признательнымъ за почетъ пировать у воеводы, а во второмъ за почетъ къ себѣ принимать воеводу. Иногда и дóма, въ кругу своей маленькой семьи, разгуливался воевода, выпивалъ зелена вина, пива пьянаго, меду сладкаго, и заставлялъ выкидывать передъ собой разныя затѣи дурачка, ходившаго по Саранску и кормившагося на счетъ людскаго смѣху, либо приказывалъ разсказывать себѣ сказки старой жениной нянѣ, которую всюду съ собой возила жена его. Какъ съ радости, такъ и съ тоски воевода всегда прибѣгалъ къ зелену вину. Теперь его охватила такая тоска, что онъ готовъ былъ уйти отъ нея хоть подъ ледъ.

Женина половина состояла всего изъ двухъ покоевъ: просторной свѣтлицы съ тремя окнами и комнаты съ однимъ окномъ; въ послѣдней стояла кровать; позади были обширныя сѣни, назначенныя для прислуги: тамъ и спали и обѣдали сѣнныя дѣвушки и молодыя служанки. Дочь спала въ свѣтлицѣ. Когда воевода вошелъ, жена передъ двумя свѣчами вышивала шелками колпакъ мужу, дочь разматывала матери клубочки, противъ нея сидѣла служанка и шила.

— Вѣрушка! сказалъ воевода: давай-ка выпьемъ мы съ тобой, тоску-горе размыкаемъ!

Вѣрушка вынула изъ шкафа сулею и налила ему водки въ серебряную чарку. Выпивъ, воевода налилъ и подалъ женѣ.

— Пей, женушка! пей, голубушка!

— Чтò сегодня за праздникъ? сказала жена.

— Эхъ, Вѣрушка! не праздникъ, а воры меня сокрушили. Пей, матушка!

— Ахъ ты балагуръ! сказала жена и выпила.

— Вотъ тàкъ, моя разлапушка, моя сожительница, Богомъ данная, моя голубушка сизокрылая!

И воевода поцѣловалъ ее въ губки.

— Ну, теперь я еще хвачу, продолжалъ онъ. Ударимъ о земль головой тоску-привередницу!.. А сердце мнѣ, право слово, не добро вѣщаетъ.

— Пошли-ка за ворожеей Ѳеклушей, сказала жена: она ухъ какъ отгадываетъ! Всю правду скажетъ и пособитъ. Приключится ли въ домѣ бѣда какова: только въ воду посмотритъ, и сейчасъ скажетъ. Хошь, я позову ее?

— А, женушка, грѣхъ! Богу молиться надо да терпѣть, коли Богъ искушаетъ. О, Господи! не введи насъ во искушеніе! Ну, а ужинать будемъ? Что у тебя припасено, все давай! Поужинаемъ сегодня вмѣстѣ, а то за дѣлами мнѣ и съ семьей-то нѣкогда хлѣба-соли съѣсть.

Онъ сѣлъ; жена пошла приготовлять ужинъ. Воевода подозвалъ къ себѣ дочь, погладилъ ея свѣтлорусыя шелковыя кудри, поцѣловалъ въ голубые глазки, и потомъ загрустилъ...

— Боже нашъ, Боже нашъ! Что-то моей дочкѣ, моей милой Настюшкѣ, на свѣтѣ какую судьбу Богъ судилъ!

Между тѣмъ служанка разставила на столѣ три оловянныя мисы и положила въ нихъ три деревянныя ложки круглаго вида съ точеными рукоятками. Хозяйка поставила деревянную солоницу съ подъемной крышкой, перечницу, нарѣзала большими ломтями ржанаго хлѣба; служанка принесла большой горшокъ щей и налила въ мисы. Помолившись Богу, принялись всѣ за щи, потомъ подали кашу, а потомъ принесли на блюдѣ изрѣзанную на куски баранину, пропитанную запахомъ чеснока. Ѣли руками. По окончаніи трапезы принесли въ мѣдной ендовѣ меду; хозяйка вынула изъ шкафа большую серебряную стопу съ разложистыми краями и съ выпуклыми изображеніями звѣрей и птицъ по стѣнкамъ; потомъ достала кружку съ рукоятью, которая была меньше стопы, и достаканъ, который былъ еще меньше. Стопу поставила мужу, себѣ кружку, дочери достаканъ. Обычай ставить предъ женой и дѣтьми хозяина сосуды поменьше величиной, чѣмъ предъ самимъ хозяиномъ, означалъ то, что жена была ниже мужа, а дѣти ниже отца и матери. Хозяинъ налилъ пѣнистаго бѣлаго меду и поднявъ стопу, возгласилъ:

— Подай, Господи, силу мышцамъ воиновъ царскихъ, благо-

поспѣши на искорененіе враговъ святыя Церкви Христовы и его царскаго величества нашего государя!

Когда всѣ выпили, воевода, вставъ изъ-за стола, началъ усердно креститься передъ образами, слегка прикасаясь пальцами дубоваго пола, потомъ позвалъ семью въ большую комнату, гдѣ принималъ гостей и гдѣ сѣкъ Осипа. Тамъ въ углу стояло двадцать два образа; изъ нихъ четырнадцать были привезены воеводою съ собой и поднесены на мѣстѣ духовными лицами, и слѣдовательно принадлежали воеводѣ; остальные находились при воеводскомъ домѣ. Образа Спасителя, Божіей Матери и трехъ святыхъ, соименныхъ воеводѣ, женѣ его и дочери, были въ серебряныхъ окладахъ; изъ другихъ нѣкоторые съ позолочеными вѣнцами кругомъ головы на изображеніи, а прочіе написаны на позолотѣ или на празелени, или составляли металлическія складни. Главные, стоявшіе въ самомъ углу, были въ позолоченныхъ кіотахъ съ убрусами внизу изъ атласа, на которомъ вышиты были херувимы; отъ угловыхъ по обѣ стороны до оконъ размѣщались другіе верхними и нижними рядами. Весь этотъ уголъ съ иконами закрывался пеленой, которая задергивалась по желѣзному пруту. Тогда висѣла пелена зеленаго цвѣта, нѣсколько полинялая, съ крестомъ, вышитымъ по срединѣ золотомъ, и съ узорами по угламъ въ видѣ листьевъ. Въ большіе праздники, какъ напримѣръ Пасху, Рождество Христово, перемѣняли пелену и навѣшивали бархатную, обыкновенно краснаго цвѣта, а въ постъ черную. Пелена была обыкновенно задернута, чтобъ иконы не зрѣли всякихъ мірскихъ треволненій. Отдернувъ ее, воевода зажегъ три свѣчи, стоявшія въ мѣдномъ паникадилѣ, висѣвшемъ по срединѣ. Дочь принесла огня въ жаровнѣ съ крестомъ на рукояти, и воевода насыпалъ ладону, покадилъ и поставилъ жаровню на полочку передъ образомъ, взялъ съ этой полочки святцы и сталъ читать молитвы на сонъ грядущимъ. Семья и прислуга крестились, клали поклоны и шопотомъ произносили: «Господи помилуй! Господи помилуй! Господи Іисусе Христе, спаси мя грѣшнаго!» По окончаніи молитвословія всѣ разошлись: воевода не пошелъ спать къ женѣ, потому что предстояла пятница, а легъ въ той комнатѣ, гдѣ у него стояла чернильница и скамья съ деревяннымъ изголовьемъ, на которое дочь положила ему двѣ подушки, набитыя лошадинымъ волосомъ; на скамьѣ не было матраца, а лежала

полость и на ней коверъ: ложась одинъ безъ жены, воевода довольствовался такимъ немягкимъ ложемъ; за то женина постель состояла изъ трехъ перинъ, положенныхъ одна на другую.

XIII.

Въ ту самую ночь наши удальцы, выѣхавшіе по дорогѣ въ Пензу, подступали къ Саранску и, пользуясь темнотою, остановились за лѣсомъ, за полверсты отъ посада. Сидя верхомъ на лошадяхъ по казацкому обычаю, они составили кругъ. Атаманы Круча и Михайло въѣхали въ средину. Объѣхавъ кругомъ, Михайло говорилъ:

— Братцы-молодцы! Вотъ мы и къ Саранску поспѣли. Станемъ держать совѣтъ, что̀ намъ чинить: идти ли къ посаду и надолбы жечь, или ждать, пока наши братья городъ зажгутъ?

— Какъ мы зажгемъ надолбы, отвѣчали ему нѣкоторые, то служилые бросятся сюда, а тѣмъ временемъ наши городъ зажгутъ; тутъ они сами не будутъ знать, куда имъ кинуться: и тамъ пожаръ, и здѣсь пожаръ!

— Нѣтъ, ребятушки! говорили другіе: лучше подождать. Ихъ много; хорошо какъ наши успѣютъ городъ зажечь; а какъ нѣтъ?! Тогда намъ придется приступомъ брать и надолбы, и городъ потомъ. Много своихъ пропадетъ. Лучше подождемъ, пока дадутъ намъ знать.

— Послухайте лишь мене, сказалъ Круча, панове громада: Вы всі тутъ постойте, а мы вдвохъ зъ паномъ Осипомъ навідаемо надолби, та придивимось, зъ якого боку приступнішъ буде ихъ запалить. А то коли станемо довго радитьця, шчо̀ та якъ намъ робити, то й до світу будемо теревені гнуть!

— Правду сказалъ! отозвалось нѣсколько голосовъ.

Круча, Осипъ и нѣсколько удалыхъ съ ними поѣхали къ надолбамъ. Ночь была безлунная, но звѣздная. Въ полумракѣ завиднѣлись чернѣющія надолбы.

— А ну, товаришчу, сказалъ Круча, ты молодий та бистроокій: приглядись, чи не видно якого злодія?

Осипъ глядѣлъ пристально въ даль.

— Атаманъ, сказалъ онъ, я вижу: кто-то бѣжитъ по полю.

— А ѐ у насъ чамбулъ? спросилъ запорожецъ.

— У меня естъ! отозвался одинъ изъ молодцовъ: якши умей!

— А, якши умей! передразнилъ его Круча: такъ ты, братику, татаринъ. Добре! ми зъ вашимъ братомъ давні пріятели! А залигай лишь того, хто тамъ біжить. Та гляди въ мене, не кричи! бо я вже васъ, татарівъ, знаю: ви не стерпите, шчобъ не заревти, такъ шчо не те шчо цілий городъ сполошитьця, а навітъ мертвого зъ землі піднимешь!

— Нѣтъ, нѣтъ, бачка! я тихъ будетъ кричалъ! сказалъ татаринъ.

— Та овсі мовчи, дурню! сказалъ ему Круча: а то тількі розявишъ ротъ, такъ я тобі его отъ-симъ заткну!

Онъ показалъ на саблю.

Осипъ съ татариномъ стрѣлой пустились въ ту сторону, гдѣ завидѣли людей. Татаринъ распустилъ свой ременный чамбулъ: то была широкая петля съ двумя концами, за которые онъ держался; коль скоро петля забрасывалась на добычу, одинъ конецъ стягивался, и плѣнникъ доставался побѣдителю. Пѣшій, увидя скачущаго противъ него, побѣжалъ, потомъ остановился, и въ то время, когда татаринъ перегнувшись черезъ лошадь, закинулъ на него свой чамбулъ, закричалъ: Нечай!.

— Это нашъ, не трогай его! крикнулъ Осипъ.

То былъ одинъ изъ атемарцевъ. Зная хорошо мѣстность, онъ покинулъ свою башню, гдѣ воевода отвелъ ему постъ, спустился со стѣны, пробѣжалъ посадъ, обманулъ стражу въ надолбахъ и бѣжалъ увѣдомить удалыхъ.

— Обошлось наше дѣло такъ, какъ мы и не ждали, сказалъ атемарецъ. Воевода положился на наши слова да послалъ за вами въ погоню почитай всѣхъ служилыхъ; у него осталось теперь головъ сто, не болѣ.

— Садись на мою лошадь за сѣдло, сказалъ ему Осипъ. Доѣдемъ до Кручи, знать дадимъ.

Атемарецъ прыгнулъ къ нему на лошадь и какъ кошка примостился за лукой сѣдла. Осипъ и татаринъ поворотили назадъ.

— Отъ такъ воевода! говорилъ Круча, узнавши отъ атемарца

положеніе Саранска: отъ догодивъ! Отъ такъ добра душа! Ну, а коло надолбівъ велика у васъ сторожа?

— Какая сторожа! сказалъ атемарецъ: четверо на прясло, полтора человѣка на ворота! Только слава, что сторожа!

— Отъ такъ воевода! продолжалъ Круча: ей Богу, се золото, а не воевода! За се я его остренькимъ ножемъ любенько та гарненько заріжу, шчо и не счуеться!

— Ну, нѣтъ, атаманъ! сказалъ Осипъ: у меня еще спина не зажила. Мелкими деньгами разсчитается со мной!

— Отъ якій бо же ты, пане брате! говорилъ Круча. Видно, шчо дворянинъ московській: спина не зажила! У насъ на Коші лучаеться, такъ бебехи одібьють, шчо ледве живій, та й то ничего! засохне, якъ на собаці!

— У васъ и добычи не отнимають, сказалъ Осипъ.

— А вжежъ! отвѣчалъ Круча. А шчо жъ ты хочешь зъ тимъ дурнемъ воеводою робити?

— Увидишь, отвѣчалъ Осипъ.

Они пріѣхали къ казакамъ, которые сошли съ лошадей, привязали ихъ къ деревьямъ и усѣлись на траву да потягивали водку изъ сулей, которыя нѣкоторые привезли съ собой.

Когда атемарецъ разсказалъ имъ, что̀ сдѣлалось въ Саранскѣ, всѣ пришли въ такую радость, что Круча и Михайло должны были напомнить имъ, чтобъ они не очень давали знать о себѣ. Скучно было казакамъ дожидаться; нельзя было развести огня даже и трубки закурить опасно, чтобъ издали кто нибудь не увидалъ огня и не догадался. Круча, умѣвшій по звѣздамъ узнавать теченіе ночи, взялся наблюдать за небомъ и дать знать, когда придетъ пора.

Часа черезъ три Круча сказалъ казакамъ:

— Вставайте, панове! Часъ! Вставайте!

Казаки сѣли на лошадей и подъѣхали къ надолбамъ. Кругомъ было могильное молчаніе. Уже вѣяло утренней прохладой.

— Вотъ тутъ есть калитка: одному человѣку проѣхать можно, и то просунувши голову, сказалъ атемарецъ. Въ ней опускается колода и подымается цѣпями съ той стороны. Надобно перелѣзть черезъ стѣну и поднять.

Человѣкъ шесть вскарабкались одинъ на другаго. Верхній досталъ спрятанную веревочную лѣстницу и прикрѣпилъ ее; казаки,

которые перелѣзли черезъ стѣну, подняли колоду. Всѣ съ нетерпѣніемъ придерживали своихъ лошадей, ожидая знака изъ города. Прошло такимъ образомъ еще съ четверть часа. На востокѣ начинало свѣтлѣть. Вдругъ раздался свистъ: всѣ обратились въ ту сторону, откуда онъ послышался, но свистъ не повторился. Пѣніе пѣтуховъ нарушило молчаніе, замычали волы, заблеяли овцы... городскія стѣны начали уже обозначаться подъ слабымъ свѣтомъ наступающей зари—и на одной изъ башень показалось пламя.

Внезапное движеніе потрясло всю казацкую толпу.

— Тсъ! сказалъ Михайло.

Пламя начало возрастать. Ударили въ набатный колоколъ—пронесся шумъ и топотъ... раздались нестройные крики... Посадъ просыпался, пробужденный тревогою. Ударили въ одной церкви въ набатъ, ударили въ другой, въ третьей... На противоположной городской башнѣ вспыхнуло пламя.

— Красный пѣтухъ разгуливается! сказалъ Михайло. Ѣдемте, братцы!

И казаки одинъ за другимъ, гуськомъ, стали въѣзжать въ калитку. Проѣхавши шаговъ семьдесятъ по коридору надолбъ, они наткнулись опять на колоду, которая была, на ихъ счастье, поднята. Такимъ образомъ они очутились на посадѣ. Тамъ уже все суетилось, бѣжали посадскіе людишки, сами не зная, куда имъ спѣшить и что дѣлать съ просонья: кто брался за ведро, кто за лопату, кто за топоръ, и въ испугѣ бросали на землю, кто что держалъ въ рукахъ, когда увидѣли нежданыхъ гостей. Казаки кричали:

— Нечай! Нечай! Многія лѣта нашему батюшкѣ Степану Тимофѣевичу и царевичу Алексѣю Алексѣевичу! Не бойтесь, добрые жилецкіе люди! мы вамъ дурна не будемъ чинить никакого! Пришли васъ избавить отъ недруговъ, царевичевыхъ измѣнниковъ, бояръ, дворянъ и приказныхъ людей, а вамъ, жилецкимъ людямъ, дадимъ жить многіе льготные годы!.

Посадскіе были уже настроены слухами о Степанѣ Тимофѣевичѣ; поступки воеводы раздражили ихъ въ послѣднее время, и теперь, какъ только они услышали призывъ и увидѣли, что пособники этого загадочнаго батюшки у нихъ на посадѣ, то многіе изъ нихъ въ свою очередь стали изъ всей силы орать: Нечай! Нечай! Другіе хотя не были расположены пристать къ мятежу, но не спохватясь,

какъ имъ держаться въ общей сумятицѣ, въ свою очередь увлекались общимъ волненіемъ; третьи прятались въ погребахъ и клѣтахъ; четвертые бѣжали вонъ изъ посада. Такъ безпрепятственно доѣхали казаки до стѣнъ города, которыя пылали уже въ трехъ мѣстахъ. Ворота были отворены, потому что служилые, которыхъ было мало, бросились звать посадскихъ на помощь. Казаки торжественно въѣхали, съ крикомъ: Нечай! Нечай!.

XIV.

Воевода спалъ крѣпкимъ сномъ безвиннаго на своей скамьѣ, когда подъ дверьми его раздался зловѣщій голосъ: « Пожаръ! пожаръ въ городѣ! Вставай, бояринъ: горитъ городъ! » Вмѣстѣ съ тѣмъ дверь въ сѣни, запертая извнутри, потряслась отъ кулачныхъ ударовъ. Пламя на башнѣ свѣтило сквозь окно прямо въ глаза проснувшемуся воеводѣ.

— Охъ эти мнѣ пожары! сказалъ онъ въ первое мгновеніе, не зная, гдѣ пожаръ; но когда подбѣжалъ къ окну и увидѣлъ, что горитъ городская башня, то неистово вскрикнулъ, и не успѣвши надѣть сапоги, бросился опрометью на дворъ, метался какъ угорѣлый и давалъ приказанія.

— Тащите воду! Отворите ворота! Гоните всѣхъ посадскихъ тушить! Бейте во всѣ колокола!

Между тѣмъ въ домѣ жена, дочь, слуги, служанки, въ попыхахъ хватали что попадалось имъ подъ руку, и оставляя одно, брались за другое, потомъ бросая другое, хватались за третье. Воеводиха выбирала изъ шкафа посуду, выносила ее, и бросала на крыльцѣ; возвращаясь, тащила за одну ногу столъ, и покидала его на полдорогѣ, хватала въ охапку мужнины кафтаны, и растерявъ ихъ, металась изъ сѣней въ избу, изъ избы въ сѣни, не зная, что еще взять. Служанки несли всякую всячину и растеривали, потому что брали не по силамъ; заднія подбирали за передними, и въ свою очередь теряли; а холопы, взявши ключъ отъ комнаты у воеводы,

стали вытаскивать пожитки изъ клѣтей, но наткнулись на ендову съ наливкой, не утерпѣли, чтобъ не приложиться къ ней, и скоро сблизились съ ней такъ пріятельски, что уже не могли болѣе ничего носить. Служилые вертѣлись около воеводы, одни спрашивали, другіе совѣты давали, третьи толкали своихъ товарищей, которые за это поднимали съ ними брань. Всѣхъ спокойнѣе и благоразумнѣе вела себя молодая дочь воеводы: увидя отца въ одной рубахѣ, босикомъ, она принесла ему кафтанъ и сапоги; но трудно было уговорить его одѣться и обуться. Едва воевода надѣлъ одинъ сапогъ, какъ вдругъ закричали: «въ другомъ мѣстѣ стѣна горитъ!» Воевода крикнулъ: «измѣна!», не сталъ болѣе одѣваться, не надѣлъ даже сапога на другую ногу, и какъ бѣшеный выбѣжалъ изъ двора на площадь. Тамъ около колодца сбилась въ кучу такая толпа, что невозможно было доставать воды. Дочь бѣжала за отцомъ съ его доспѣхами, но воевода схватилъ только изъ ея рукъ одну саблю и побѣжалъ далѣе.

— Затворяйте ворота! кричалъ онъ. Измѣнники царевы зажгли городъ! Посадскіе воры въ одномъ умыслѣ, хотятъ насъ огнемъ сожещи, врагу въ угоду! Пушкари! палите въ посадъ! валяйте ихъ, такихъ-сякихъ дѣтей! Всѣхъ съ заводомъ и приплодомъ выкореню, предателей, богоотступниковъ! Ни души живой не оставлю! Ребятъ, маленькихъ чертенятъ, и тѣхъ перебью! Палить въ посадъ!

Но ворота не успѣли затворить, не успѣли и пушкари приводить въ исполненіе грозный приговоръ надъ посадомъ: тогда то въ ворота въѣхали казаки съ крикомъ:

— Нечай! Нечай! Многія лѣта батюшкѣ Степану Тимофѣевичу и царевичу Алексѣю Алексѣевичу! Погибель воеводѣ, дворянамъ и приказнымъ людямъ, а вамъ, стрѣльцамъ, пушкарямъ, затинщикамъ, воротникамъ и всей простой служилой челяди многія льготы и на вѣчныя времена вольность!

— Это разбойники! оралъ воевода: деритесь съ ними! бейте ихъ!

Въ это время жена и дочь прибѣжали къ воеводѣ, за ними въ испугѣ прибѣжала толпа дворянскихъ женъ и служанокъ.

— Въ церковь, въ церковь ступайте! сказалъ воевода, вдругъ пришедши въ себя. Богу молитесь тамъ, а я тутъ положу голову за Церковь Христову и за царское величество!

Пугливое стадо женщинъ убѣжало въ церковь. Тамъ священ-

никъ, облачившись, съ крестомъ въ рукѣ, готовился встрѣтить злодѣевъ. Но жена и дочь воеводы не побѣжали за другими.

— Батюшка! говорила молодая дѣвушка: я не отойду отъ тебя! Убей меня! Не хочу доставаться злодѣямъ! Убей меня, родимый мой батюшка, а самъ клади животъ за вѣру и за царя!

Эти слова были сказаны съ той безсознательной невинностью, которая не подозрѣваетъ всего величія своего геройства.

— Дитятко мое! Настюшка! ступай въ церковь! говорилъ ей отецъ. Вѣрушка! ступай съ ней въ церковь! Мы же, уповая на милость Божію, будемъ биться съ злодѣями!

Но тутъ же увидѣлъ воевода, что биться было невозможно. Служилые не слушались его болѣе.

— Проклятый дуракъ! Столбъ осиновый! сказалъ ему тотъ дворянинъ, который противился посылкѣ служилыхъ въ погоню за мятежниками по сказкѣ атемарскихъ стрѣльцовъ. И самъ пропадешь, и насъ всѣхъ погубишь!

Казаки прямо летѣли на него.

— Подавайте сюда воеводу и всѣхъ приказныхъ! раздавались ихъ зловѣщіе голоса. А вы, служилые, тушите пожаръ: царскаго города не станемъ мы изводить! Подавайте-ка намъ воеводу прежде всего!

На него указали. Онъ стоялъ, опустя свою саблю, въ совершенной готовности къ смерти. Трусость имъ не овладѣвала, по смыслу и толку у него оставалось только на то, чтобы припомнить отцовскій и дѣдовскій завѣтъ умирать безбоязненно за вѣру и царя. Жена держалась за него; дочь повисла ему на шею.

— Онъ мой! сказалъ Осипъ, слѣзая съ лошади. Онъ мой, братцы! Узнаёшь ли ты Осипа Нехорошева, государь-воевода? Узнаёшь ли ты его?

Воевода не отвѣчалъ ему и смотрѣлъ на него выпучивши глаза, съ совершеннымъ безстрастіемъ и спокойствіемъ.

— Судья неправедный! говорилъ Осипъ. Правитель беззаконный! Я искалъ у тебя суда за мать мою, ты оправилъ злодѣя, что ее со свѣта извелъ, а меня немилосердо мучилъ и билъ батогами! Теперь я стану тебѣ судьей и буду тебя мучить!

Жена испустила крикъ и упала безъ чувствъ на землю.

Въ это мгновеніе глаза Осипа встрѣтились съ глазами Настеньки.

Увившись руками около отцовской шеи, она обернула къ Осипу голову и посмотрѣла на него: въ этомъ взглядѣ были написаны жалость и презрѣніе. Этотъ взглядъ опалилъ Осипа, пронзилъ ему сердце ножемъ острымъ. Въ глазахъ у него все помутилось. Этотъ взглядъ какъ-будто говорилъ ему: «Ахъ, Осипъ, Осипъ! Зачѣмъ ты встрѣтился со мной въ такомъ видѣ? Ты ли это, слуга царскій, воинъ вѣры и отечества? Куда это занесла тебя жажда правды? Правды нѣтъ на свѣтѣ, она у моего сердца! Зачѣмъ ты въ немъ не поискалъ утѣшенія отъ своего горя? Оно чисто, оно непорочно, оно бы повело тебя къ такому счастью, какого тебѣ и не снилось. Погибшій молодецъ! нѣтъ тебѣ возврата!.. Не сойтись намъ съ тобой: ты пойдешь губительнымъ путемъ своимъ въ бездонную пропасть... Погубилъ ты себя, погубилъ ты себя!» Передъ нимъ въ эту минуту пронесся прекрасный несбыточный образъ: вотъ онъ пріѣзжаетъ домой; добрая мать встрѣчаетъ его; съ ней молодая дочь воеводы, эта самая бѣлокурая Настенька, что̀ такъ презрительно смотритъ теперь на него ангельскими глазами невинности... И матушка говоритъ ему: «Ося! вотъ тебѣ невѣста! Люби да жалуй!» И онъ беретъ ее за бѣлу ручку изъ старыхъ рукъ родной матушки-кормилицы, онъ прижимаетъ ее къ сердцу, цѣлуетъ ее... она подруга его жизни... Нѣтъ, нѣтъ! матушка въ сырой землѣ, она не приведетъ къ нему невѣсты: батюшка, злой батюшка убилъ ее—а воевода покрылъ его злодѣяніе... Воевода—врагъ его.

Осипъ схватилъ ружье у стоявшаго подлѣ него казака.

«Началъ, такъ кончай! шепталъ ему черный духъ: нѣтъ тебѣ возврата! Не быть сій твоею! Воровъ побьютъ, искоренятъ, ты заплатишь висѣлицей за измѣну царскому величеству. . . Бей же ихъ, не слушай сердца! Твоя судьба не тутъ!»

— Воевода! молись Богу да кайся: я убью тебя!

Осипъ прицѣлился. Съ крикомъ отчаянія дочь закрыла собой отца, прильнула губами къ его щекамъ. Пуля попала въ голову Настенькѣ. Отецъ обхватилъ ее крѣпко руками; онъ слышалъ, какъ исчезающая молодая жизнь охладѣвала въ прикосновеніи къ его щекамъ. Потоки крови обливали ему руки. Отецъ цѣловалъ ее въ закрывающіеся глаза. . . Онъ былъ глухъ и безотвѣтенъ. Мать лежала безъ чувствъ на землѣ и, счастливая пока на тотъ часъ, не видѣла, что около нея дѣлается!

— Ото! сказалъ Круча: шчо се ти, братику? чи стрілять розучивсь? Хиба вже ти ни той, шчо колись въ Глухові зъ стіни Ляхівъ підстрілювавъ, зарані було кажешъ: сёму въ голову, сему въ руку и ніколи не омилявся!

Осипъ въ неистовствѣ свиснулъ саблей воеводу и разсѣкъ ему голову такъ, что половина черепа отлетѣла далеко. Воевода вмѣстѣ съ мертвой дочерью упалъ въ кровавую лужу.

— А отъ же жъ, по моему вышло! говорилъ Круча: казавъ, буду мучить воеводу, а таки зъ разу покончивъ, якъ я хотівъ. Бо якже можно мучить такого доброго чоловіка, шчо намъ допомігъ городъ узяти, не утерявши ни одного зъ нашихъ! Теперь же и другихъ побить треба, усіхъ приказныхъ та дворянъ!

Простые служилые указывали на дворянъ и дѣтей боярскихъ: ихъ набралось человѣкъ пятнадцать; всѣ были немедленно изрублены или застрѣлены.

— Давайте бумаги сюда! кричалъ Михайло: изъ приказной избы все бумажьё выметайте сюда, жечь ихъ! Батюшка Степанъ Тимофѣевичъ велѣлъ жечь всѣ бумаги, чтобъ ничего писанаго не было на Руси.

Толпа ворвалась въ приказную избу. Одинъ только дьякъ былъ убитъ. Подьячіе кланялись въ ноги, присягали служить батюшкѣ Степану Тимофѣевичу, и имъ даровали жизнь, надѣливши однако вдоволь ударами. Явилась на площади куча свитковъ и тетрадей и запылала. Убійства уже переставали, какъ вдругъ у воротъ явилась толпа посадскихъ. Они хватали служилыхъ, тѣхъ самыхъ, которые, думая себя спасти отъ гибели, только что предъ этимъ останавливали и выдавали дворянъ и дѣтей боярскихъ.

— Они насъ обирали, кричали посадскіе: они воеводѣ наговорили, что къ намъ скоморохи приходили, доносили ему, что мы говоримъ промежъ себя рѣчи вольныя! Черезъ нихъ нашихъ братьевъ въ тюрьму сажали!

Напрасно служилые хотѣли какъ нибудь отвертѣться. Одни просто запирались, другіе сознавались, но извиняли себя тѣмъ, что они люди подначальные, должны чинить то, что имъ велятъ. Михайло сказалъ: «Коли васъ кругъ судитъ, стало быть вы повинны.» Ихъ убили. Въ это же время, когда съ ними расправлялись посадскіе, близь церкви слышались страшные крики женщинъ и дѣ-

вицъ, которыхъ молодцы вытаскивали изъ Божія храма и уводили въ избы.

Тогда выпустили всѣхъ изъ тюрьмы, и вышли колодники блѣдные, чахлые, убійцы, воры, разбойники, и цѣловались съ новыми своими братьями, даровавшими имъ нежданную свободу.

Вслѣдъ за тѣмъ, по приказамъ атамановъ, явились запряженные возы: на однихъ положили тѣла убитыхъ, на другихъ складывали имущество воеводы и убитыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. По казацкому обычаю, посадскіе должны были выбрать цѣновщиковъ, которые, смекнувши, оцѣнили бы всѣ пожитки, и всю сумму слѣдовало разложить поровну на цѣлый посадъ, а изъ казаковъ всякій получалъ бы на столько, на сколько на него приходилось по оцѣнкѣ, а коли бралъ на большую цѣнность, такъ приплачивалъ: приплата тоже шла въ подѣлъ; эсаулъ долженъ былъ собирать эти деньги и потомъ дѣлить. Это называлось дуванъ.

Въ то время когда на площади происходилъ такой дѣлежъ, тѣла убитыхъ на трехъ возахъ повезли въ монастырь хоронить. Ихъ провожалъ юродивый по прозванью Красноголовый, оттого что у него голова была обвязана красной лентой. Онъ ходилъ босой, носилъ въ рукѣ желѣзный прутъ, увитый цвѣтами и увѣшенный кусочками цвѣтной матеріи. Этотъ юродивый просилъ у всѣхъ денежку на табакъ, а въ постъ на колбасу, и что получалъ, то раздавалъ нищимъ; не было у него пріюта ни лѣтомъ, ни зимой: если бы въ трескучій морозъ его забыли пріютить гдѣ-нибудь, то онъ бы могъ и замерзнуть, самъ не попросивши ночлега. Еще не было вѣсти о мятежникахъ, а онъ ужъ пророчилъ всеобщую бѣду: говорилъ, что будутъ на землѣ совершаться ужаснѣйшіе грѣхи, что люди установленныя отъ Бога власти забудутъ. Теперь, провожая тѣла, онъ кричалъ: «Полти хорошія, свѣжія! баранина жирная, мясники молодые наѣхали, мясцо подешевѣло!» Въ монастырѣ всѣхъ схоронили въ одной могилѣ, отправили погребеніе убіеннымъ, а по окончаніи церемоніи юродивый сталъ плясать на могилѣ, припѣвая пѣсенку:

Эй братія, братія!
Берегите платія!
Цвѣтно платье пригодится
На страшный судъ появиться!

Послѣ дувана, который происходилъ между тѣми, кто поспѣлъ придти, начали на площади устраивать казацкій порядокъ. Посадскихъ въ городѣ осталось не болѣе половины: многіе бѣжали, другіе не выходили изъ закоулковъ. Бѣжавшіе были большею частію купцы и зажиточные посадскіе, знавшіе, что ихъ брату въ такихъ случаяхъ не слишкомъ будетъ вкусно. Толпу пришедшихъ на площадь составляли работники, наемщики, кабальные люди, служившіе у зажиточныхъ посадскихъ, пьяницы, спустившіе все до ниточки, отвыкшіе отъ труда и жившіе у дверей кабака, питаясь вонючей рыбой, по милости доброхотныхъ дателей, добрые молодцы, у которыхъ кровь еще не остудилась ни отъ лѣтъ, ни отъ женитьбы, ни отъ воеводскихъ батоговъ. Все было пьяно; воеводскіе, дворянскіе и купеческіе меды и наливки лились не только въ горла, но и на землю, упитанную свѣжей кровью. Круча поглаживалъ длинные сѣдоватые свои усы, разъѣзжалъ въ толпѣ на конѣ и очищалъ майданъ, просторное мѣсто для составленія круга, на которомъ долженъ быть устроенъ казацкій порядокъ.

Когда наконецъ кое-какъ успѣли водворить тишину, Михайло, наученный Кручей, говорилъ:

Батюшка Степанъ Тимофѣевичъ велѣлъ вамъ говорити: теперь, добрые жилецкіе люди, сталась на божіемъ свѣтѣ великая перемѣна, и такая перемѣна сталась, что не будетъ уже воеводъ и дьяковъ, а всѣ будутъ казаки. Стало быть и вы теперь уже больше не посадскіе, а казаки, никого надъ вами сверху нѣтъ, а всѣ вы равны и не будете никому платить ничего, такъ какъ на Дону всѣ вольные люди и ничего никому не платятъ. А что васъ ни есть теперь посадскихъ людей, нужно подѣлить васъ на сотни, да на десятки, и чтобъ надъ каждымъ десяткомъ былъ свой десятскій выборной, что излюбленъ своимъ же десяткомъ,а надъ сотнею свой сотскій, а его тожъ выберетъ сотня. И судьи у васъ будутъ свои жъ излюбленные міромъ; а который судья не въ правду учнетъ судить, ино его смѣнить, да другаго выбрать на его мѣсто; а надъ всѣми вами будетъ атаманъ, а при атаманѣ эсаулъ, и тожъ выборные люди; атаманъ будетъ строй держать, а эсаулъ при немъ находиться. Атаманъ съ эсауломъ отберутъ охотниковъ изъ васъ, да пойдутъ Русь святую очищать, да царевичу путь къ Москвѣ прокладывать, а на мѣсто ихъ въ городѣ другаго

атамана поставятъ; а дастъ Богъ, царевичъ сядетъ на Москвѣ, и въ тѣ поры атаманъ съ эсауломъ и со всѣми молодцами назадъ вернутся, и будутъ городъ вѣдать и беречь отъ всякаго прихода воинскихъ чужихъ людей, а смѣняться атаманъ и эсаулъ будутъ что-ни годъ, а излюбите, то оставите ихъ и на другой годъ. А будете вы всѣ собираться въ кругъ, не то что богатые да хозяева одни, а всѣ, что ни есть людей на посадѣ, чтобъ зазорно никому не было. А даней платить не будете, ни оброчныхъ денегъ, ни ямскихъ, ни городовыхъ, ни стрѣлецкаго хлѣба; только на которую нужу будетъ потреба, ино кругъ соберется и приговоритъ, что вотъ столько и столько съ дворовъ собрать, а сотники и десятскіе сберутъ и отдадутъ цѣловальникамъ, выборнымъ же, и тѣ міру отвѣтъ дадутъ въ деньгахъ мірскихъ. А всякими промыслы и торговлею промышлять по своей охотѣ воленъ всякъ, только того смотри, чтобъ никто неправедно не разживался и бѣднымъ людямъ продажи не чинилъ; а кто не по правдѣ учнетъ торговать, либо промыселъ каковъ ни есть вести другимъ убытливо, ино того кругъ приговоритъ взять, и животы его подѣлить между всѣми, чтобъ никому не повадно было ради своей наживы убытчить и раззорять добрыхъ бѣдныхъ людей.

Послѣднее особенно понравилось многимъ изъ такихъ, которые ничего не имѣли и по лѣни не старались имѣть. Толпа зашумѣла. Стали кричать, что коли такъ, то вотъ такого-то и такого взять и животы его подѣлить тотчасъ же, для того что онъ нажилъ свое добро неправедно, съ бѣдныхъ людей дорогія цѣны бралъ, или рабочихъ у себя дурно кормилъ и бивалъ и въ тѣснотѣ держалъ.

— Это все сдѣлается, сказалъ Михайло, какъ въ кругѣ станется атаманъ: теперь слѣдуетъ вамъ прежде всего атамана выбрать, сотенный порядокъ учинить. Кого хотите въ атаманы?

— Мы люди темные, отозвалось нѣсколько голосовъ: и сами не знаемъ кого. Кого поставишь, тому покорны и будемъ.

— Намъ почемъ знать? сказалъ Михайло: всякъ городъ и посадъ себѣ выбираетъ атамана самъ. Вотъ и я атаманъ, меня атемарцы выбрали.

— Да кого назначишь, батюшка, тотъ и нашъ! говорили посадскіе.

— Такъ вотъ вамъ Лукьяна Ярыгина, сказалъ Михайло, указывая на того атемарца, который имъ вѣсть за городъ подалъ.

— Ну, и Лукьянъ Ярыгинъ пускай будетъ!

— Нехай вінъ буде городовымъ, сказалъ Круча, а войсковымъ нехай Осипъ Нехорошенко буде!

— Пусть будетъ! сказали въ толпѣ.

— Такъ по нашому козацькому звичаю, продолжалъ Круча, кидайте оттакъ шапки вверхъ, та кричить «го»!

Всѣ подбрасывали шапки вверхъ и кричали «го»! Это такъ показалось неловко запорожцу, что онъ не утерпѣлъ, чтобъ не произнесть вполголоса: «бісові москалі»?

— А давайте лишень ще царьску казну! сказалъ Круча: ми ii подуванимо. Де той подьячій, шчо казною завідовавъ?

Привели подьячаго денежнаго стола, съ связанными назадъ руками.

— Ну, брате! кажи, де в тебе гроши? Та не бреши!

Подьячій, вмѣсто отвѣта, отъ страха клапялся въ землю.

— Ну, кажи, кажи! говорилъ Круча: а полежать шче доведется.

— Батюшки, кормильцы! вопилъ подьячій: помилуйте! Христа ради помилуйте! У меня женушка, дѣтушки дробныя! Пустите душу на покаяніе, отцы родные! Заставьте вѣкъ Бога молить!

— Полно балясы точить! говори, гдѣ деньги?

— Все, все скажу! говорилъ, весь трясясь, подьячій: всего въ столѣ казны было пятьсотъ двадцать семь рублевъ, восемь алтынъ, двѣ деньги. А ключевъ у меня нѣту: всякъ день воеводѣ относилъ.

— А врешь! заревѣлъ Михайло. Воеводу убили, такъ ты на него и свертываешь: знатно, что изъ могилы вынимать не станутъ. И тамъ въ столѣ ничего, може, нѣтъ—самъ ты укралъ?

— Нѣтъ, кормилецъ, говорилъ подьячій: не бралъ я; пересчитывалъ—было пятьсотъ двадцать семь рублевъ, восемь алтынъ, двѣ деньги.

— А списокъ гдѣ?

— А де списокъ? сказалъ Круча: чорти взяли списокъ зо всіми бумагами.

— Такъ веди жъ его, Осипъ, переберп съ нимъ казну. Отбить замокъ, коли нѣтъ ключа, говорили казаки.

Осипъ ушелъ съ подьячимъ. Между тѣмъ опять въ толпѣ поднялся крикъ, и явилась толпа черныхъ людей въ синихъ рубахахъ,

въ сѣрякахъ. Они тормошили нѣсколькихъ порядочно одѣтыхъ посадскихъ и кричали: «Давайте намъ судъ и правду!»

Атемарецъ въ качествѣ атамана подскочилъ къ толпѣ бѣдняковъ, что жаловались на богатыхъ. Оказалось, что эти работники требовали, чтобъ всѣ животы своихъ хозяевъ тотчасъ же подуванить, за то что тѣ брали большiе барыши, а они бѣдные люди у нихъ работали. Атемарецъ не могъ понять, за что̀ грабить людей, ни въ чемъ невинныхъ? Между тѣмъ толпа увеличилась. Показалось больно хорошо, если зажиточныхъ пограбить и между собой ихъ животы подѣлить. Атемарецъ, не взявши хорошенько въ толкъ, опредѣлилъ, что ужъ если дуванить, такъ не всѣхъ ли?

— Дѣло, дѣло! всѣхъ дуванить, всѣхъ! закричали въ толпѣ. Новонареченный городовой атаманъ сталъ рѣшительно въ тупикъ и побѣжалъ изъ круга совѣтоваться, какъ ему всѣхъ подуванить. Запорожецъ ухватился за бока отъ смѣха, приговаривая:

— Ото дурнi зъ сина сi бiсовi москалi. Якже жъ вы будете дуваниться, одно другого подуванить, а те упять дуванитиметь те шчо его подуванило, то такъ и кiнця не буде!

Онъ побѣжалъ къ толпѣ и сталъ уговаривать и объяснять, что никакъ нельзя такъ подуваниться. Они согласились съ запорожцемъ, потомъ снова принялись за прежнюю пѣсню. Притомъ же не всѣ понимали рѣчи запорожца. Тогда запорожецъ кликнулъ Михайла. Увѣщанiя послѣдняго также были неудачны. Всѣ шумѣли, кричали, бранились, наконецъ начали одинъ другаго бить по сусаламъ. Михайло, видя что ничто не помогаетъ, высыпалъ на нихъ обильный запасъ крѣпкихъ выраженiй, какiя только могутъ придти удалой русской головѣ.

— Казаки! плетей! закричалъ онъ наконецъ. Я ихъ, такихъ-сякихъ, научу уму-разуму? Я ихъ передуваню? Валяйте ихъ, братцы!

Казаки бросились на толпу. Посадскiе пустились бѣжать въ-разсыпную.

—Ахъ вы пустолобые! кричали казаки: мужичье эдакое? Молчать, да дѣлать что вамъ прикажутъ!

Такимъ образомъ посадскiе снова вошли въ свою колею: имъ показалось, что есть еще воеводы и служилые, которые могутъ по прежнему каждаго изъ нихъ растянуть и отдуть батогами. Чувство

порядка, немыслимаго безъ признанія воеводскаго управленія, мгновенно водворилось: всѣ остановились по приказу казаковъ, воротились и стояли смирно; только многіе утирали по лицу текущую кровь, которая пролилась или отъ кулаковъ товарищей, или отъ казацкихъ плетей.

— Кàкъ смѣете не слушаться вашего начальства? кричалъ Михайло. Я васъ съ костьми истолку, въ пыль размечу, собачьихъ дѣтей! Вотъ только кто у меня ротъ розинь, сейчасъ велю изрубить! Угоденъ вамъ атаманъ или нѣтъ? говорите!

— Кàкъ твоя милость прикажешь. Кого намъ поставишь, тотъ намъ и будетъ, и слушаться станемъ.

— Такъ отъ шчò, сказалъ Круча: Ярыгинъ не годитьця. Треба другого вибрати. Отъ нехай Осипъ Нехорошенко прийде, порадимось, кого имъ наставить. Треба одібрать тихъ шчо въ походъ пiдуть, а надъ другими шчо останутьця, отамана наставить.

— Кого твоя милость прикажешь! говорили посадскіе.

— Мы, сказалъ Михайло, оставимъ надъ ними человѣкъ пятдесятъ казаковъ, чтобъ ихъ въ рукахъ держать!

Осипъ въ это время возвращался изъ приказной избы. Не спрашивая его о казнѣ, запорожецъ велѣлъ ему отобрать охотниковъ, которые пойдутъ съ нимъ въ походъ, и Осипъ сѣлъ верхомъ и поѣхалъ къ толпѣ. Онъ выбиралъ не охотниковъ, а тѣхъ, которыхъ самъ хотѣлъ. Всякій, на кого онъ указывалъ, кланялся и повиновался. Такимъ образомъ онъ отобралъ до двухъ сотъ человѣкъ.

— Да у насъ нѣтъ лошадей, сказали нѣкоторые: воевода лошадей побралъ.

— Я не хочу знать этого! говорилъ Осипъ. У кого лошади есть, тѣ давайте тѣмъ, у кого ихъ нѣтъ, а не будутъ давать, такъ вы, ребята, и силой возьмете. Чтобъ были лошади!

И тѣ, которые освободились изъ-подъ кулаковъ голытьбы, съ радостью отдавали своихъ лошадей, довольные и тѣмъ, что самихъ на бѣломъ свѣтѣ оставляютъ.

— А на счетъ дувану, сказалъ Осипъ, вотъ какой приговоръ: кто бѣжалъ изъ города и у кого чтò осталось, у тѣхъ все подуванить; а кто намъ покорился, того не трогать, а кто тронетъ, велю повѣсить. Слыхали ль вы это?

— Слыхали, батюшка!

Между тѣмъ подьячій денежнаго стола дожидался съ деньгами. Оказалось денегъ столько, сколько онъ показалъ прежде. Тѣмъ не менѣе возникъ вопросъ: что̀ дѣлать съ подьячимъ? Удалые кричали, что не можетъ быть, чтобъ онъ сказалъ правду; невозможно, чтобъ человѣкъ, у котораго на рукахъ деньги, утерпѣлъ и не попользовался ими. Рѣшили пытать подьячаго. Когда потребовали палача, оказалось, что его убили за то, что по приказу воеводы повѣсилъ казацкаго пособника. Къ утѣшенію толпы, выскочилъ какой-то бородачъ, съ лицомъ испорченнымъ оспой, грязный и оборванный. Онъ объяснилъ, что былъ дворовымъ человѣкомъ у какого-то князя на Москвѣ и производилъ расправу надъ его многочисленной дворней по государскому приказанію, но одинъ разъ на масляницѣ отправился онъ на промыселъ съ товарищами, изъ-за угла запустилъ въ прохожаго кистенемъ и прошибъ ему голову,—на бѣду другой прохожій шелъ съ тѣмъ, кого онъ убилъ; этотъ успѣлъ убѣжать и закричалъ такъ, что прискочили стрѣльцы; товарищей его поймали, а онъ самъ ушелъ изъ Москвы, шатался гдѣ день, гдѣ ночь, и попался въ разбоѣ въ саранскомъ уѣздѣ; вотъ уже три года сидѣлъ въ тюрьмѣ, а теперь его выпустили.

Всѣ обступили его съ любопытствомъ, и палачъ, потирая руки, готовился съ хвастовствомъ показать добрымъ людямъ свое художество въ истязаніяхъ бѣднаго подьячаго. Но едва только онъ за него взялся, какъ Осипъ подскочилъ къ нему и закричалъ:

— Не надо! я не велю!

— А кругъ велитъ! сказалъ лукаво Михайло.

— Коли меня кругъ выбралъ атаманомъ, такъ я не велю. Пошелъ вонъ! сказалъ онъ палачу.

— Э, больно ты прытокъ! сказалъ Михайло.

— А ты знай свой Атемаръ, а въ мой Саранскъ не мѣшайся, пока я не далъ тебѣ права! Михайло Харитоновъ любъ вамъ, или нѣтъ? громко закричалъ онъ къ толпѣ: хотите его городовымъ атаманомъ?

— Кого милость твоя поставишь! говорила толпа.

— А въ Атемарі хто жъ буде?

— Онъ и Атемаромъ будетъ править: кого поставитъ онъ въ Атемарѣ, тотъ тамъ и будетъ. Михайло Харитоновъ! оставайся

тутъ, а я пойду съ охотниками по своимъ дѣламъ. Ты, Круча, пойдешь со мной?

— Се бъ то якъ ти зъ батькомъ росправлятьця станешь! Ні, товаришчу, прався собі самъ. Михайло въ Саранскі буде, а я одберу собі козаківъ, та дальшъ піду!

Н. КОСТОМАРОВЪ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ

ОБЪ АСТРАХАНСКОМЪ И КАСПІЙСКОМЪ РЫБОЛОВСТВѢ.

Вмѣсто предисловія.

Въ числѣ русскихъ людей едвали найдутся такіе исключительные мясофилы или мясоѣды, которые бы не любили хоть изрѣдка покушать хорошей рыбки, чтобы не считали даже лакомствомъ (паче всякихъ сластей) янтарную стерляжью уху, холодное изъ осетрины, бѣлужины, шевриги (*), кулебяки съ вязигою и молоками... Да и желе съ бланманже нельзя сдѣлать безъ рыбьяго клея, хотя конечно не карасеваго, а все изъ тѣхъ же дорогихъ и вкусныхъ рыбъ. Что касается до бѣлорыбицы, то ее и свѣжею и вяленою въ родѣ балыка можно подавать хоть за царскимъ столомъ, также какъ копченые пласты (спинки изъ лососей) и шамаю. Балыки изъ стерлядей просто объядѣнье. Объ настоящихъ же балыкахъ, въ особенности осетровыхъ, объ икрѣ салфеточной, или зернистой,—и говорить нечего. Я даже думаю, что тамъ, гдѣ не подаютъ съ блинами крупную какъ дробь № 4-й бѣлужью икру, тамъ слѣдуетъ вычеркивать изъ календаря масляницу, а къ посту прибавлять лишнюю недѣлю! Даже скромные судаки и сазаны, обитатели Каспійскаго моря, которые у туземнаго люда нельзя сказать, чтобъ были въ особенномъ почетѣ, съ достоинствомъ являются на столахъ въ столицахъ,

---

(*) Хотя въ Петербургѣ и въ Москвѣ эту рыбу называютъ «севрюгой», но я считаю правильнѣе держаться мѣстнаго произношенія: Россія не какое нибудь мелкое Германское баронство, а огромнѣйшая Имперія въ мірѣ, а потому не мудрено, что въ разныхъ ея краяхъ одинъ и тотъ же предметъ называется различно; но переводить всѣ туземныя слова на общепринятое нарѣчіе значитъ отнимать у мѣста частичку его своеобразности.

въ средиземныхъ городахъ, и своими весьма приличными размѣрами: длиною этакъ въ аршинъ съ чѣмъ нибудь, толщиною въ четверть, внушаютъ своимъ присутствіемъ на столахъ понятіе о радушіи хозяина и возбуждаютъ аппетитъ въ *кушателяхъ* (Если говорится «слушатель», почему не сказать «кушатель»?... Рекомендую это слово какъ весьма отчетливо выражающее идею «кушать», разумѣется, что нибудь хорошее, а не рѣдьку съ квасомъ и кислой капустой для поправленія желудка или кармана: такою пищею просто утоляются гладъ и жажда, а не утонченная потребность гастрономическаго желудка). Но обратимся къ аршиннымъ судакамъ и сазанамъ. Согласитесь, читатель, подобныя рыбы совсѣмъ уже не то, что какіе нибудь гомеопатическіе ерши, пискари, или корюшка вмѣстѣ и съ ряпушкой! Сколько ихъ надобно даже для небольшой трапезы? по полусотни каждаго сорта, да еще того и гляди, что подавишься незамѣтной косточкой. Нѣтъ, это не рыба, а такъ: рыбешка, мелюзга, какъ говорятъ рыбаки, кушанье по скудости или воздержанія ради! Но полупудовый судакъ или сазанъ есть уже рыба настоящая, представительная, на двадцать человѣкъ одной хватитъ, да еще и останется; а подъ хитрымъ гарниромъ, съ пучкомъ свѣжей зелени въ зубахъ, какъ у барашка, обжареннаго цѣликомъ на розговѣнье, она составляетъ весьма пріятное, т. е. очень аппетитное зрѣлище! И когда хозяинъ, замѣтивъ хорошее впечатлѣніе гостей, прибавитъ: «Астраханская»,— рыба становится еще вкуснѣе, подобно тому какъ и Саратовскій арбузъ, проданный за Астраханскій, составляетъ уже десертъ весьма приличный: нельзя же торговцу сказать напрямикъ, что ни одинъ лучъ астраханскаго солнца не блеснулъ надъ арбузомъ, что онъ просто изъ глуши саратовской, сорванъ съ бахчи совершенно зеленымъ гдѣ нибудь у быковыхъ хуторовъ, созрѣлъ въ телѣгѣ на которой его везли,—пожалуй никто и не купитъ и, чего добраго, станутъ предпочитать мѣстные, нарпиковые, привозимымъ съ краю свѣта. Съ другой стороны, какой порядочный амфитріонъ, подчуя гостей рыбнымъ блюдомъ, напримѣръ, янтарной тешей (*), рѣшится

(*) Теша вырѣзывается изъ брюшной полости и составляетъ въ рыбѣ тоже, что грудина въ говядинѣ—«жиръ да не жиръ», какъ объясняла одна русская своему мужу-нѣмцу, не любившему ничего жирнаго. Но говорятъ, что нѣмецъ при этомъ сугубо поколотилъ свою супругу-стряпуху—во первыхъ за то,

объявить гостямъ, что рыба, изъ которой она вырѣзана, поймана гдѣ нибудь у трехъ избенокъ на какой нибудь Зюзиной косѣ, или Сифи-дурѣ (*)? Такими странными словами можно только испортить аппетитъ гостей. Но съ прилагательнымъ: «Астраханскіе», и арбузъ кажется слаще, да и рыба не теряетъ по крайней мѣрѣ своего вкуса, что̀ очень важно и для торговли и для общежитія.

Астрахань въ отношеніи къ рыбѣ есть городъ столько же общеевропейскій, какъ Парижъ въ отношеніи къ модамъ всемірный, но разница состоитъ въ томъ, что въ Парижѣ моды выдумываютъ и потомъ разсылаютъ по всему свѣту въ видѣ картинокъ и выкроекъ (дѣло, съ позволенія сказать, немножко идеальное и само по себѣ очень пустое), между тѣмъ какъ изъ Астрахани тотъ же Парижъ получаетъ весьма существенную и очень вкусную икру. Выразившись такимъ образомъ, я очень радуюсь, что положительное осталось за любезнымъ для меня городомъ, родиною моихъ далекихъ предковъ, которые изъ свирѣпыхъ сподвижниковъ Батыя сдѣлались теперь весьма мирными огородниками и преполезными людьми! Но кромѣ этого весьма любопытнаго обстоятельства, Астрахань, т. е. край Астраханскій, безразличные въ народныхъ понятіяхъ, имѣетъ очень много интереснаго: спросите у инаго знатока отечества, что дескать это за сторонка такая?—«Астрахань»?... Да.—О! это сторона преоригинальная, отвѣтитъ знатокъ, тамъ напримѣръ живутъ узко-глазые Калмыки, питающіеся сырой кониной; Татары тоже народъ суровый; но рядомъ съ этими, чуть не антропофагами, цвѣтутъ очаровательныя дѣвы востока, черноокія, чернобровыя,—и разумѣется азіатская ревность и кинжалъ стерегутъ неусыпно этихъ гурій, скрытыхъ подъ чадрами. Къ этому прибавитъ глубокомысленно, что въ Астрахани виноградъ дешевле рябины, а грузди дороже персиковъ!.. Страна, гдѣ всегда бываетъ такъ жарко, такія свирѣпствуютъ лихорадки, что не только какому ни-

---

что она поступила вопреки супружескаго вкуса, а во вторыхъ, что объясненіе совершенно непонятно ни по Гегелю, ни по Шлегелю, ни по всѣмъ нѣмецкимъ мудрецамъ вмѣстѣ.

(*) Испорченное названіе р. Сфидъ-рудъ, впадающей въ Каспійское море. Въ устьѣ ея производится весьма значительное рыболовство, отдаваемое въ аренду Персидскимъ правительствомъ и бо̀льшею частію его же подданнымъ.

будь *снѣжному мальчику* басни, но и крѣпкому, дѣйствительному человѣку съ сѣвера, носу туда показать нельзя... непремѣнно растаетъ, задохнется или умретъ въ пароксизмѣ; если же не случится ни того, ни другаго, ни третьяго, такъ ужъ только по какому нибудь особенному чуду—просто надобно быть саламандрой или амфибіей, чтобы выносить тамошній убійственный климатъ!...(*).

Вотъ какова эта далекая, знойная и, правду сказать, то пыльная, то болоту подобная Астрахань! Кто ее не знаетъ, тѣ про нее разсказываютъ сказки; кто знаетъ, да всмотрѣлся пристально не въ подробности общежитія, во всѣхъ провинціяхъ сходнаго и зависимаго отъ того, какъ оно понимается правителями края, но въ естественныя его богатства, что̀ гораздо интереснѣе, да кто сошелся съ умнымъ, трудолюбивымъ населеніемъ, тому больно слышать разныя несообразности, какъ будто рѣчь идетъ о какомъ нибудь уѣздномъ захолустьѣ, котораго и узнать нельзя (**).

Въ простомъ народѣ Астрахань слыветъ подъ названіемъ «разбалуй-города» за тѣмъ, что всякаго ѣства и лакомства тамъ вдоволь; къ тому же и змѣи не кусаются: Стенька Разинъ, видите, заговорилъ ихъ (***); значитъ, мѣсто вполнѣ привольное для человѣка съ исправнымъ желудкомъ и хорошимъ аппетитомъ, чѣмъ вообще отличается наше простонародье.

Но главный и блистательный интересъ этой страны, рычагъ, двигающій ея промышленность, заключается въ рыбѣ, развозимой по всей Россіи (разумѣется кромѣ Архангельска и Камчатки, гдѣ и съ своею не знаютъ куда дѣваться), въ рыбѣ преимущественно соленой, потребляемой массою Русскаго народа. Гдѣ соль дорога, а на нее почти во всей Россіи цѣна красная, тамъ весьма выгодно ку-

---

(*) 16 лѣтъ тому назадъ, при переселеніи моемъ изъ Гипербореи въ Хвалынь меня только что не отпѣвали заживо, и напрасно дѣлали: Петербургскій климатъ несравненно хуже. Но общественныя предубѣжденія не скоро изглаживаются, и то, что слышалъ я тогда на счетъ Астрахани, доводится слышать и теперь.

(**) Какъ жаль, что въ статистическихъ таблицахъ, испещряемыхъ числовыми подробностями, ничего не говорится ни о природѣ страны, ни о бытѣ человѣческомъ. Но если умѣли сдѣлать календарь интересною настольною книгою, то того же нужно желать и для таблицъ.

(***) Такъ по народному повѣрью; а правда состоитъ въ томъ, что здѣсь большею частью ужи—порода хоть и змѣиная, но, какъ извѣстно, смирная.

нить соленаго сухаго леща, судака, сазана, воблу, коренную (*) бѣлужину, и проч. Стоимость такой рыбы весьма удешевляется солью, въ ней заключающеюся, которая приходится покупателю даромъ. На этомъ (кромѣ того, что рыба сама по себѣ составляетъ вкусную и здоровую пищу) основанъ расчетъ сбыта соленой рыбы, а отчасти и самой промышленности, вполнѣ народной. Но какъ же, кѣмъ и гдѣ добывается такое множество рыбнаго товара, что его почти по всей Европейской Россіи развозятъ да еще и заграницу отправляютъ (икру и клей); весь ли онъ собственно Астраханскій и каждому ли, кто вздумаетъ заниматься рыболовствомъ, стоитъ только придти на берегъ Каспійскаго моря или Матушки-Волги, да опустить въ воду сѣть, или удочку, чтобы сдѣлаться рыбопромышленникомъ, чтобы разбогатѣть? О! нѣтъ, далеко не такъ. Рыбная промышленность есть дѣло, требующее большой обдуманности въ общемъ и спеціальныхъ познаній въ частностяхъ, да кромѣ того денегъ на текущее производство и на запасъ, иначе она, вмѣсто пользы, обездолитъ человѣка! Желая ознакомить съ нею тотъ классъ читателей, который не чуждается отечественнаго и въ необъятныхъ богатствахъ родной страны видитъ не однѣ только средства къ прокормленію народа, но и залогъ для преуспѣянія его въ будущемъ, постараюсь въ статьѣ этой сообщить извѣстное мнѣ о Каспійскомъ рыболовствѣ вообще и преимущественно о рыболовствѣ главномъ, производимомъ на Астраханскихъ водахъ; о мѣстныхъ промышленникахъ и природѣ, ихъ окружающей; о вліяніи, какое имѣютъ на нихъ климатическія условія страны и свободный трудъ, составляющій одно изъ главныхъ основаній рыбной промышленности. Сравненіе рыбаковъ съ земледѣльцами, полагаю, будетъ не лишнимъ въ этомъ разсказѣ, для поясненія котораго прилагаются рисунки и описанія главныхъ ловитвенныхъ орудій, также промысловыхъ строеній, въ которыхъ приготовляются и хранятся рыбные товары до времени продажи, и проч. Все это конечно не составитъ ни учебника, ни статистики, но, надѣюсь, достаточно ознакомитъ читателей съ одною изъ главныхъ и наилучше организованныхъ промышленностей въ Государствѣ, а отчасти и съ самимъ краемъ, гдѣ она производится.

Взглядъ на исторію развитія Астраханскаго рыболовства, какъ

(*) т. е. крѣпко соленую.

искусства и какъ промышленности, и главныя административныя перемѣны въ правахъ на пользованіе водами, полагаю, будетъ здѣсь не лишнимъ.

ГЛАВА I.

(Отдѣлъ юридическій и историческій.)

Рыболовствомъ въ Астраханскомъ краѣ занимались еще Татары до присоединенія его къ Россіи, на что есть историческія и филологическія указанія.

«Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный, по завоеваніи Астрахани, въ воздаяніе заслугъ и мужества нѣкоторыхъ изъ извѣстныхъ ему князей и мурзъ татарскихъ, пожаловалъ имъ многія земли около нея, повелѣвъ въ тоже время завести учуги рыболовные, которые и были устроены, кромѣ (или вмѣсто) прежде бывшихъ четырехъ, на трехъ другихъ протокахъ»,—говоритъ г. Рыбушкинъ въ своихъ запискахъ объ Астрахани, ссылаясь на исторію Карамзина и другіе источники. А что касается до слова «учугъ», то оно татарское, означающее забойку черезъ рѣку, т. е. несплошной заборъ изъ свай, заслоненный со стороны теченія плетнемъ, чтобы рыба не могла проходить. Въ этомъ видѣ, на тѣхъ самыхъ протокахъ какъ при Іоаннѣ, учуги находятся и теперь. Но къ нимъ въ царствованіе Петра I-го прибавленъ еще четвертый, и этотъ тоже имѣется на прежнемъ мѣстѣ.—Если бы учугъ былъ изобрѣтеніемъ русскимъ, онъ и назывался бы по русски «забойкой»; но ихъ устроивали Татары съ двойною цѣлью, во первыхъ, чтобы удобнѣе промышлять рыбу (для чего въ срединѣ учуга дѣлалось еще отверстіе и за нимъ срубъ въ родѣ избы, изъ котораго зашедшую въ него рыбу выбагривали), а во вторыхъ, чтобы она не могла проходить вверхъ по Волгѣ и не доставалась Русскимъ. Конечно такая враждебная цѣль могла достигаться только отчасти, ибо для прохода рыбы изъ моря вверхъ по рѣкѣ оставались еще десятки непрегражденныхъ ея протоковъ. Самый же способъ лова не требовалъ ни хитрыхъ, ни сложныхъ орудій, какія видимъ теперь, и никакихъ научныхъ познаній отъ производителей его, такъ что всякій, у кого было довольно силы, чтобы владѣть багромъ, могъ рыбачить при учугахъ. Однако при теперешнихъ учугахъ срубовъ въ родѣ сажалокъ нѣтъ и рыбу промышляютъ на общеупотребительную самоловную спасть (см. опис. въ объясн.

рисунковъ), которую выкладываютъ въ нѣсколько рядовъ ниже забойки. «Такимъ образомъ, продолжаетъ г. Рыбушкинъ, воды Астраханскія (т. е. только рѣчныя) съ богатѣйшими ихъ ловлями находились сперва въ рукахъ магометанъ (*) и уже впослѣдствіи поступили въ вѣдѣніе духовенства и частныхъ свѣтскихъ владѣльцевъ, которые

(*) Такъ какъ татары съ давнихъ уже поръ отстали отъ рыболовства и въ настоящее время не принимаютъ въ этой промышленности ни малѣйшаго участія, то любопытно было бы знать, что побудило ихъ отказаться отъ выгодъ, которыя она доставляла и доставляетъ по крайней мѣрѣ непосредственнымъ производителямъ-рыбакамъ?.... Съ того ли времени они сошли со сцены, когда учуги и другіе участки были пожалованы царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ патріарху и монастырямъ и когда хозяйство ихъ надъ водами по необходимости оканчивалось? Впрочемъ въ бытность въ Астрахани ученаго путешественника Гмелина татары еще рыбачили, какъ видно изъ составленнаго имъ описанія тогдашняго рыболовства; но съ тѣхъ поръ (съ 1770 г.) прошло 90 лѣтъ и слѣдъ объ ихъ участіи въ немъ потерянъ. Что и послѣ того мѣшало татарскому простонародью заниматься рыболовствомъ въ качествѣ работниковъ по найму, тѣмъ болѣе, что тогда русскихъ въ этомъ краѣ было мало и въ работникахъ вѣроятно нуждались,—исторія не объясняетъ. Очень можетъ быть, что татары особенной склонности къ рыболовству не имѣли и что изобрѣтеніе и устройство учуговъ было цѣлью болѣе враждебною, направленною противъ русскихъ, чѣмъ промышленною; могло быть наконецъ и то, что «муллы» воспротивились обращенію народа около «нечистаго дѣла» и силою религіозныхъ убѣжденій отклонили татаръ отъ «грѣха»... Извѣстно, что по закону Магометову употребленіе безчешуйчатой (красной рыбы) воспрещено наравнѣ съ свининой, а какъ учуги дѣлались именно для удержанія первой въ низовыхъ водахъ, то когда съ перемѣною обстоятельствъ они достались русскимъ, то при дальнѣйшихъ занятіяхъ красноловьемъ ничто уже не могло успокоивать (на этотъ счетъ) совѣсти татарина,—подобно тому какъ если бы онъ сталъ торговать теперь свинымъ мясомъ!

Понравится ли такое объясненіе читателямъ, не знаю, но мнѣ кажется что оно правдоподобно. Теперь же старинная племенная вражда между татарами и русскими почти совсѣмъ угасла и проявляется въ Астрахани только тѣмъ, что на кулачныхъ бояхъ татары составляютъ одну (замѣчательно, что въ такихъ бояхъ и армяне присоединяются къ татарамъ: видно справедлива пословица: «сколько волка ни корми, все въ лѣсъ глядитъ», а ужъ имъ-ли нежитье въ Россіи?), а русскіе другую стѣну бойцовъ, и обѣ стороны дерутся съ ожесточеніемъ; но какъ только полиція разгонитъ «кулачку»—татары идутъ за дѣломъ къ Русскому и на оборотъ; исключая только одной рыбной промышленности они принимаютъ весьма дѣятельное участіе во всѣхъ другихъ.

Впрочемъ жалѣть о татарахъ нечего: татаринъ съ своими намазами и брезгливостью къ пищѣ, которая, смотря по тому, изъ чего и кѣмъ приготовлена,

пользовались ими до 1704 года.» (Здѣсь Рыбушкинъ повѣствуетъ ошибочно: воды стали поступать въ собственность свѣтскихъ лицъ не прежде 1769 года, какъ ниже это увидимъ).

считается позволительною или запрещенною,—человѣкъ вообще прескучный, и для рыболовства (съ раскольничьими понятіями о мнимыхъ оскверненіяхъ) не годится! Не говорю уже о настоящемъ красноловьѣ—«дѣлѣ поганомъ»; но и въ рѣчномъ ловѣ, который составляетъ очень важную статью въ рыбной промышленности, часто случается, что вмѣстѣ со множествомъ чешуйчатой «частиковой рыбы» попадаются осетры, сомы, шевриги, стерляди, а въ такомъ случаѣ вся главная добыча уже осквернена, такъ и въ воду бы ее? Нѣтъ, толи дѣло Калмыки, которые на всѣхъ низовыхъ промыслахъ исключительно нанимаются для тяги неводовъ; нанимаются тоже и для морскаго лова. Народъ этотъ не прихотливъ на пищу: неразборчивость калмыковъ доходитъ до того, что они не пренебрегаютъ и падалью и даже слѣдуя своимъ религіознымъ понятіямъ предпочитаютъ околѣвшую лошадь, корову, овцу, зарѣзаннымъ нарочно, потому что тѣхъ «Богъ убилъ»! Русскіе ни за что не станутъ ѣсть изъ одной посуды съ калмыками, считая ихъ погаными язычниками; но язычество это, не опираясь ни на какихъ убѣжденіяхъ, поддерживается только расчетомъ гелюновъ (духовенства) и владѣльцевъ улусовъ. Калмыки даже не понимаютъ языка, на которомъ совершается ламайское богослуженіе да и гелюны не сильны въ немъ, такъ, что еслибы не было этой вредной касты, поддерживающей суевѣріе и невѣжество народа собственно для своихъ выгодъ, обращеніе калмыковъ въ христіанство не встрѣтило бы никакихъ препятствій. Съ другой стороны и владѣльцы при переходѣ подвластнаго въ христіанство, лишаясь всѣхъ правъ на него, затрудняютъ подобные переходы; но если бы имъ платили выкупъ за обращеннаго, они бы тоже препятствовать не стали. Любопытно знать, коснется ли эманципація тѣхъ калмыковъ, которые еще состоятъ въ подданствѣ владѣльцевъ? Неужели въ свободной Россіи только они одни останутся крѣпостными? Но если свобода и обращеніе калмыковъ въ христіанство необходимы, то въ осѣдлости, къ которой ихъ принуждаютъ, нѣтъ никакой надобности и ничего полезнаго. Кочевая жизнь еще мила калмыкамъ; Астраханскія степи еще просторны, чтобы питать многочисленное скотоводство, составляющее основу кочеваго быта, который нисколько не препятствуетъ калмыкамъ принимать дѣятельное и весьма полезное участіе въ промышленности края, доставлять въ нее кромѣ личнаго и сознательнаго труда, огромные избытки стадъ своихъ. Зачѣмъ же измѣнять такой порядокъ и стѣснять свободу человѣка, когда онъ уже дѣлаетъ все, чтобъ быть полезнымъ для общества. Возвращаясь къ прямому предмету нашей статьи, скажемъ, что калмыки—народъ чрезвычайно способливый для тяжкой работы и вовсе незнакомый съ комфортомъ: они сущій кладъ для рыболовства, которымъ занимаются и раннею весною и осенью до самыхъ заморозовъ, когда вода очень холодна; живутъ себѣ въ шалашѣ изъ

Въ это время всѣ Астраханскія рѣчныя и Каспійскія воды у русскихъ береговъ объявлены были государственною собственностію. Тогда Патріархъ и монастыри, владѣвшіе учугами и другими участками, лишились тѣхъ правъ, которыми пользовались при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ? За то промышленники пріобрѣли безопасность отъ разбоевъ казаковъ и Татаръ, буйствовавшихъ въ неустроенномъ Астраханскомъ краѣ. Рыболовныя воды, поступая въ арендное содержаніе къ разнымъ лицамъ, стали приносить нѣкоторый доходъ государству, и какъ въ числѣ нихъ видимъ уже и морскія, то значитъ, что промышленность сдѣлала въ техническомъ отношеніи значительные успѣхи, потому что разница между ловомъ при учугахъ и ловомъ хоть на взморьѣ всетаки огромна.

камыша, и послѣ ночи, проведенной частію въ водѣ, какъ ни въ чемъ не бывало! Хотя при этомъ они надѣваютъ сверхъ обыкновеннаго платья «бахилы и полукожаны» (кожаныя штаны и куртки), непропускающіе воды (если только крѣпки); но все же для человѣка, привыкшаго къ температурѣ избы, простуда и ревматизмъ были бы неизбѣжнымъ слѣдствіемъ подобныхъ занятій; а калмыкъ ни сырости, ни холоду не боится — не выноситъ только теплоты русскаго жилья. О времени, съ котораго калмыки стали заниматься рыболовствомъ исторія умалчиваетъ; но вѣроятно причиною, побудившею ихъ обратиться къ нему, также какъ и къ ломкѣ озерной соли, было обѣдненіе въ степи, потому что ни одинъ богатый стадами калмыкъ не пойдетъ въ работу по найму, предпочитая даже возможности обогащенія привольную жизнь степей, хотя по нашимъ понятіямъ эта жизнь, напримѣръ, зимой, иногда холодной и снѣжной, особенно въ пору «шургана» (мятели), когда прогулки по степи весьма неудобны и нужно сидѣть въ кибиткѣ (у богатыхъ и достаточныхъ калмыковъ кибитки, подобныя круглымъ палаткамъ, съ отверстіемъ вверхъ, дѣлаются изъ войлоковъ; у бѣдныхъ изъ чакана (болотное растеніе); по срединѣ тѣхъ и другихъ не угасаетъ огонь или только тлѣетъ курево изъ коровьяго помета: такое топливо обыкновенно употребляется въ кочевой жизни по безлѣснымъ степямъ), наслаждаясь ароматомъ горящаго подъ тaганомъ кизяка, кажется не представляетъ ничего привлекательнаго; но такова уже сила привычки, что гдѣ человѣкъ выросъ, тамъ ему и мило, и какъ бы ни были странны и даже нелѣпы понятія, внушенныя ему въ молодости, но отрѣшиться отъ нихъ вполнѣ могутъ только сильные умы; масса всетаки болѣе или менѣе придерживается младенческихъ воспоминаній и привычекъ! Таковъ и калмыкъ, предпочитающій всему на свѣтѣ свои родныя степи, и только горькая нужда заставляетъ его оставлять ихъ на время, чтобъ заработать «албанъ» (подать съ кибитки въ пользу владѣльца или казны, если улусъ «выморочный») и пропитаніе себѣ или семейству на зиму!

Въ 1717 году участки, отобранные отъ Астраханскаго Спасопреображенскаго монастыря, были возвращены ему; а въ 1752 году въ царствованіе Императрицы Елизаветы Петровны обложены оброкомъ 76 руб. 41 коп. въ годъ (*) на *вѣчныя времена*.

Объ оброкахъ съ прочихъ участковъ свѣдѣній не имѣется, но вѣроятно, что они были близки къ означенному выше и доходъ казны отъ рыболовства былъ незначителенъ по самой малочисленности русскихъ людей въ далекомъ Астраханскомъ краѣ.

Въ 1760 году, въ царствованіе Императора Петра III, воды, за исключеніемъ монастырскихъ, были сданы въ откупное содержаніе Астраханскому купцу Попову за 16 т. рублей; но за притѣсненія, которыя онъ дѣлалъ зависѣвшимъ отъ него промышленникамъ, за возвышеніе цѣнъ на рыбные товары, именно: клей и икру, они прежде окончанія откупнаго срока были у него отняты и въ 1762 году (въ царствованіе Императрицы Екатерины II) (**) сданы въ откупное содержаніе Астраханскимъ гражданамъ, у которыхъ оставались въ исключительномъ пользованіи до 1765 года. Это былъ періодъ, въ который свободная промышленность при лучшемъ употребленіи дарованнаго ей права могла упрочить за собой надолго, если только не навсегда, обладаніе сокровищемъ неистощимымъ. Но, вопреки расчету собственной пользы, промышленники такъ безпорядочно и неблагоразумно дѣйствовали, что въ три года наводнили всѣ присутственныя мѣста жалобами другъ на друга и дотого обременили правительство разборомъ множества процессовъ, что въ 1765 г. Императрица, для прекращенія этой промысловой усобицы, сочла за благо подтвердить указъ 1762 года о продажѣ казенныхъ земель, а по нимъ и водъ желающимъ изъ сословія владѣльцевъ, чѣмъ и распорядилась Московская Межевая Канцелярія по силѣ данной ей инструкціи.

Первымъ изъ покупателей былъ генералъ-поручикъ Бекетовъ, купившій въ 1769 году «дикопорожней государственной земли» 31, 155½ десятинъ удобной и неудобной, вдоль морскаго берега между устьевъ рѣкъ Капычи и Чулпана, и на эту землю ему выда-

(*) Тѣ же воды приносили въ 1852 году 20 т. рублей сер., изъ чего можно судить о развитіи промышленности, происшедшемъ въ теченіи 100 лѣтъ.

(**) Въ томъ же году вышелъ указъ о продажѣ Астраханскихъ земель подъ заселенія.

ны были въ 1771 году планъ и межевая книга (*) со взысканіемъ 934 руб. 66¾ копѣекъ пошлины. Такими же актами снабжались и другіе владѣльцы, пріобрѣтавшіе впослѣдствіи земли покупкою, или получая ихъ въ видахъ заселенія края Русскими (1775 г.), также и въ награду заслугъ престолу. Такимъ образомъ князья Куракины, государственный канцлеръ князь Безбородко, государственный прокуроръ князь Вяземскій и дѣйствительный каммергеръ Кеппенъ сдѣлались вмѣстѣ съ Бекетовымъ первыми Астраханскими помѣщиками; а воды Эмбенскія, бывъ пожалованы Екатериною же графу Салтыкову, въ 1796 году (въ царствованіе Императора Павла I-го) перешли къ графу Кутайсову. И такъ въ исходѣ XVIII столѣтія права на здѣшнее рыболовство стали главнымъ образомъ принадлежать владѣльцамъ. Слѣдствія же такой перемѣны были весьма благодѣтельны какъ для населенія и цивилизаціи края, такъ и для самой промышленности, которая съ водвореніемъ крестьянъ для рыболовства получила гораздо бо̀льшее развитіе, что̀ составляетъ неоспоримую заслугу владѣльцевъ; а они въ первое время конечно не могли расчитывать на вознагражденіе огромныхъ издержекъ, понесенныхъ ими при переселеніи крестьянъ изъ далекихъ мѣстъ, на водвореніе ихъ въ пустынномъ краю какъ домохозяевъ и промышленниковъ, на наемъ искусныхъ людей, чтобы пріучить природныхъ земледѣльцевъ къ совершенно новому ремеслу, и на устройство промысловыхъ заведеній, чтобы можно было вести промышленность на широкую руку соразмѣрно занятому пространству водъ. И такъ всѣ расчеты ихъ личнаго вознагражденія лежали только въ будущемъ. Но славные люди Екатерининскаго времени не задумывались ни надъ какими жертвами, когда дѣло шло объ исполненіи мысли обожаемой Государыни и мы не даромъ обращаемся съ любовью къ ея блистательному вѣку, въ которомъ зародилось и созрѣло много добрыхъ началъ для блага Россіи. По части же рыбной промышленности водвореніе крестьянъ собственно съ этою цѣлью,

---

(*) Я видѣлъ засвидѣтельствованныя копіи съ этихъ документовъ, выданныхъ г. Бекетову въ 1788 году изъ Межевой Канцеляріи; но отмежевка земель произведена была еще въ 1771 году казеннымъ землемѣромъ Норѣцкимъ. Имѣніе это принадлежитъ теперь къ государственнымъ имуществамъ.

было настоящею эпохою, началомъ того техническаго и хозяйственнаго совершенства, въ которомъ теперь ее видимъ. Введеніемъ превосходной промысловой организаціи и усовершенствованіемъ рыбохранительныхъ выходовъ, называвшихся прежде «вавилонами», Астраханцы обязаны первому здѣшнему помѣщику Бекетову; а такіе выходы въ большомъ промысловомъ дѣлѣ суть заведенія самыя необходимыя. Наконецъ водвореніе русскаго элемента рядомъ съ татарщиной да съ калмыковщиной, водвореніе не случайное, на авось, какъ селились прежде въ Астрахани разные искатели приключеній, но съ глубоко обдуманною цѣлью придать каспійскому рыболовству размѣры болѣе обширные и основанія болѣе прочныя, чѣмъ тѣ, которыя могли доставить ему Астраханскіе арендаторы, снимавшіе воды, было во всѣхъ отношеніяхъ благодѣтельно. Что касается до крестьянъ, то и они не остались въ убыткѣ отъ переселенія, ибо всѣ условія обязательнаго труда, которымъ они подлежали на родинѣ, тотчасъ были замѣнены свободнымъ трудомъ по найму, такъ что непріятное или очень огорчающее крестьянина слово «барщина» скоро забылось, и теперь во всѣхъ промысловыхъ имѣніяхъ на низовьяхъ Волги, на берегу моря, оно даже утратило самый смыслъ! Но вмѣстѣ съ тѣмъ свободная промышленность подпала неизбѣжному вліянію своихъ соперниковъ, потому что рѣчныя воды, по духу дворянскихъ грамотъ, принадлежали владѣльцамъ неоспоримо, такъ же какъ и тѣ морскіе участки, которые особыми Высочайшими грамотами были пожалованы Князьямъ Куракину, Безбородко (**) и Салтыкову; прочіе же владѣльцы, пріобрѣтя отъ Правительства земли по берегамъ рѣкъ и моря собственно для занятія рыболовствомъ и естественно желая вознаградить великія пожертвованія, съ этою цѣлью сдѣланныя, смотрѣли на прибрежныя воды какъ на свою собственность, пользованіе которою не только не было имъ воспрещаемо ни мѣстными, ни высшими правительственными мѣстами, но еще формально авторизировано *отмѣною оброковъ*, прежде платимыхъ

(*) На это въ своемъ мѣстѣ будетъ приложено доказательство.

(**) Графъ Безбородко, теперешній владѣлецъ Синеморскихъ водъ, получилъ ихъ по наслѣдству, а Куракинскія воды, по желанію владѣльца, перешли въ казенное вѣдомство.

за тѣ воды Астраханскими гражданами; слѣдовательно пользованіе владѣльцевъ было законно. Въ такомъ положеніи оставались дѣла до вступленія на престолъ Императора Александра I-го, по волѣ котораго, въ 1802 году, участокъ графа Кутайсова—Эмбенскія воды были съ вознагражденіемъ отъ казны обращены подъ вольный промыселъ; а въ слѣдующемъ году состоялся указъ объ отнятіи водъ и у прочихъ владѣльцевъ для предоставленія моря промышленности свободной. Даже на берегу, неоспоримо принадлежавшемъ владѣльцамъ, повелѣно было оставить имъ по одной квадратной верстѣ пространства вокругъ промысловыхъ ватагъ, а въ промежуткахъ дозволено заводить такія ватаги всѣмъ желающимъ. Въ указѣ однакоже сказано, что по разсмотрѣніи правъ владѣльцевъ слѣдуетъ войти въ сдѣлку съ тѣми изъ нихъ, права которыхъ будутъ признаны. Поводомъ къ такому опредѣленію былъ проэктъ астраханскаго губернатора князя Тенишева, ходатайствовавшаго за вольныхъ промышленниковъ, которые жаловались на *притѣсненіе и монополію* владѣльцевъ; сущность же дѣла состояла въ томъ, что преуспѣяніе владѣльческой промышленности возбуждало сильную зависть въ вольныхъ промышленникахъ, что морскому лову угрожала въ то время серьезная опасность отъ грабежа карсаковъ (киргизовъ) и если уже рѣки были потеряны, то лучшія мѣста для лова оставались вблизи береговъ. Легко представить себѣ положеніе владѣльцевъ, которымъ угрожало не только стѣсненіе ихъ промышленности, но и формальное раззореніе, чего они, или наслѣдники первыхъ помѣщиковъ, или преемники ихъ по праву купли, законнымъ образомъ совершенной, ни въ какомъ случаѣ не заслуживали (*); а потому указъ 1803 года не только не приведенъ въ исполненіе, но вскорѣ, именно въ 1806 году, былъ существенно измѣненъ новымъ Высочайшимъ указомъ, которымъ повелѣно было: «дачи надворнаго совѣтника Варвація (нынѣ супруги генералъ-маіора Чубарова), также графа Безбородко и князя Юсупова, гдѣ есть ватаги или другія заселенія, оставить за владѣльцами *безъ всякаго со стороны другихъ*

(*) Припомнимъ, что пріобрѣтеніе земель первыми владѣльцами произошло между 1769 и 1785 г., а указъ о разсмотрѣніи ихъ правъ въ 1803 году, т. е. среднимъ числомъ *26 лѣтъ спустя.*

вольнопромышленниковъ участія, назначивъ извѣстную дистанцію моря, до которой участки сіи должны простираться, именно 50 верстъ отъ берега и кромѣ того, *сверхъ одноверстной пропорціи земли ко всѣмъ ватагамъ оставить такія же къ устьямъ рѣкъ, озеръ и протоковъ безъ всякаго до открытаго моря другихъ участія.*—Хотя это распоряженіе и не могло быть вполнѣ удовлетворительнымъ вознагражденіемъ для владѣльцевъ, которые всетаки лишились части земель своихъ, но тѣмъ не менѣе оно служитъ доказательствомъ, что законность ихъ правъ на пользованіе моремъ не *отвергалась безусловно* и что само Правительство видѣло неудобоисполнимость указа 1803 г.

Въ 1818 году полагали въ слѣдствіе рѣшенія общаго присутствія астраханскаго Губернскаго Правленія и рыбной экспедиціи назначить дистанціею для морскаго владѣльческаго лова трехъ-саженную глубину, что было бы столько же неудобно какъ и одинаковое разстояніе отъ берега, имѣющаго дугообразное и разрывчатое очертаніе.

Въ 1831 году Высочайше учрежденная Коммисія снова разсматривала старинный вопросъ, и хотя права всѣхъ владѣльцевъ на морскія воды какъ на *собственность* и не были ею признаны, но тѣмъ не менѣе она весьма справедливо полагала, что пользы рыбной промышленности (т. е. количество, качество и доступность для всенароднаго потребленія рыбныхъ товаровъ) требуютъ оставленія за береговыми владѣльцами исключительныхъ правъ на рыболовство морское и утвержденія правъ ихъ на владѣніе берегомъ согласно крѣпостныхъ актовъ и межевыхъ плановъ безъ всякихъ вырѣзовъ земли подъ заведенія свободной промышленности.

Мнѣ кажется, что всѣ эти одно другое измѣнявшія распоряженія произошли отъ двухъ главныхъ причинъ: во первыхъ, при водвореніи владѣльческихъ крестьянъ на берегу моря не было обозначено, на какое его пространство могли владѣльцы смотрѣть *какъ на собственность* для невозбраннаго производства своей промышленности, безъ чего не зачѣмъ было бы и селиться въ этой пустынѣ; нельзя было бы также заниматься и рыболовствомъ не только на морѣ какъ *на чужомъ мѣстѣ*, но даже и въ рѣкахъ, о которыхъ не спорили, ибо стоило только выложить противъ устьевъ

порядки самоловныхъ снастей, которые, какъ видно изъ описанія Астраханской губерніи Гмелина (съ 1769 по 1700 г.), давно уже были въ употребленіи, и тогда въ рѣкахъ можно было бы промышлять только мелкую рыбу, между тѣмъ какъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія устья Волги были еще столько глубоки, что по нимъ свободно проходила и красная (*), несравненно болѣе цѣнная, которую конечно удобнѣе и дешевле было промышлять въ рѣкѣ, чѣмъ въ морѣ. И такъ неопредѣленность этого основнаго понятія была первымъ поводомъ къ тому, что нѣкоторые владѣльцы считали полосы моря, отъ берега до берега простиравшіяся, *сплошь своими*, и можетъ быть дѣйствовали стѣснительно для вольной промышленности; но мало ли до чего доводитъ самое невинное недоразумѣніе? А вторая причина состоитъ въ томъ, что съ тѣхъ поръ, какъ эмбенскіе участки были уже для вольной промышленности открыты, не для чего было искать разрѣшенія спора у западнаго берега, отнимая его вмѣстѣ съ водами у владѣльцевъ, которые, какъ люди, жившіе позднѣе, нисколько не были причиною порядка, задолго до нихъ установившагося; не для чего было также измѣнять и этотъ порядокъ, введенный для прекращенія прежнихъ *злоупотребленій и безпорядковъ* временъ арендаторства купца Попова и Астраханскихъ гражданъ; равно не нужно было и для благосостоянія края расширенія его главной промышленности, которая въ огромныхъ капиталахъ, затраченныхъ владѣльцами и въ корпораціи, образованной ими совмѣстно съ тысячью своихъ крестьянъ (**) для исключительной цѣли рыболовства, нашла себѣ твердую опору, и наконецъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало прибѣгать къ насилію и компрометировать законы, считая нивочто прежніе формальные документы. Если же хотѣли предоставить все море свободной промышленно-

---

(*) Въ настоящее время такихъ устьевъ уже немного осталось. Большая часть ихъ на столько обмелѣла, что въ холодныя зимы рѣки промерзаютъ почти до дна, т. е. разобщаются съ моремъ. Тоже разъединеніе происходитъ во время сильныхъ и продолжительныхъ выгонныхъ вѣтровъ, т. е. дующихъ съ западнаго берега—тогда не только устья, но и часть взморья становятся непроходимыми и для малыхъ лодокъ.

(**) Объ ограниченности числа прежнихъ рыбаковъ въ Астраханскомъ краѣ можно судить потому, что на самыхъ главныхъ ловляхъ при учугахъ находилось только 200 человѣкъ на всѣхъ вмѣстѣ; а у временныхъ забоекъ было по 6 рабочихъ:

*

сти, то справедливѣе было бы поступить такъ, какъ поступили съ графомъ Кутайсовымъ. Между тѣмъ одинъ только онъ, равно какъ и предшественникъ его по праву на эмбенскія воды,—пожалованія этого не окупили никакою жертвою для пользы края; а владѣльцы W-го берега, какъ объяснено было выше, всѣ это сдѣлали! Преемники ихъ, на которыхъ хотѣли свалить *какую то вину* прошедшаго времени, только продолжали начатое до нихъ дѣло, поддерживая его новыми значительными расходами, увеличивая размѣры, чего между прочимъ требовало самое умноженіе числа переселенныхъ крестьянъ, которымъ кромѣ рыболовства нечѣмъ было заниматься на мѣстности, подверженной періодическимъ наводненіямъ при разливѣ Волги. Но неужели можно или нужно было бы желать обратнаго ихъ переселенія или стѣсненія въ средствахъ къ жизни? А къ этому прямо вело предположеніе князя Тенишева, ходатая за вольныхъ промышленниковъ. И такое дѣйствіе его никакъ не объясняется въ его пользу *даже безкорыстнымъ желаніемъ добра вольной промышленности*, во первыхъ, потому, что она не могла опираться на такія же средства какъ промышленность владѣльческая, которая съ отнятіемъ морскихъ водъ должна была бы или вовсе прекратиться или весьма ограничиться, слѣдовательно и общая промышленность края потерпѣла бы черезъ это; во вторыхъ, вольные промышленники не представляли никакого ручательства въ томъ, что будутъ дѣйствовать порядочнѣе, добросовѣстнѣе своихъ предшественниковъ, что не займутся чѣмъ нибудь другимъ и въ состояніи будутъ размѣромъ своихъ дѣлъ по рыболовству замѣнить промышленность владѣльцевъ, тогда какъ эти послѣдніе по необходимости должны были дѣйствовать исключительно, стремясь къ расширенію промышленности, отъ которой уже не могли отстать. И чѣмъ больше они добывали рыбы и рыбнаго товара, тѣмъ удобнѣе было держать то и другое въ цѣнѣ, доступной для массы потребителей и противодѣйствовать произвольному возвышенію этихъ цѣнъ вольными промышленниками, что̀ они, оставшись безъ соперниковъ, всегда могли сдѣлать.—Наконецъ если бы даже было недостаточно эмбенскихъ участковъ, можно было бы, не касаясь ничьихъ интересовъ и не нарушая справедливости, предоставить вольной промышленности всю восточную половину N-ой трети моря и сдѣлавъ безопаснымъ пребываніе русскихъ рыбаковъ въ

большихъ заливахъ средней и южной части моря (*), — направить туда избыточныя промысловыя силы.

Но ничего подобнаго доселѣ не предпринято.

Къ спору за воды или за право пользованія ими, болѣе или менѣе задерживавшему развитіе рыбопромышленности самою ограниченностію пространства, на которомъ дѣйствовали двѣ враждебныя категоріи, кромѣ вышеизложенныхъ постановленій, можно присовокупить еще двѣ важныя причины, тоже препятствующія рыболовству: во-первыхъ, въ названныхъ выше пяти заливахъ русскіе промышленники не смѣютъ показать носа, опасаясь Туркменъ; а во вторыхъ, кочующіе ниже красноводскаго залива ихъ соплеменники, неизвѣстно по какому праву, владѣютъ даже островами на русскомъ морѣ (Нефтянымъ, Челекеномъ, Огурчинскимъ) и безданно, безпошлинно производятъ на немъ рыболовство противъ своихъ береговъ; Русскіе же могутъ это дѣлать только подъ пушками эскадры Астеръ-а-бадской станціи (*). По моему мнѣнію, весьма полезно было бы *унять чужихъ* и чрезъ это открыть для вольной промышленности новое обширное поприще, а для Государства новый источникъ доходовъ!

При обсужденіи въ 1842 году вопроса о правахъ владѣнія на Астраханскія воды, по представленію г. министра государственныхъ имуществъ, споръ выразился между прочимъ въ двухъ чрезвычайно противоположныхъ мнѣніяхъ сенаторовъ Бутурлина и гр. Завадовскаго. Первый изъ нихъ, желая доказать, что частные владѣльцы, по самому значенію подданства не имѣли права на морскія воды, ссылается на примѣръ иностранныхъ державъ, гдѣ море составляетъ принадлежность верховной власти (droit regalien), что и въ Россіи оно всегда принадлежало Государству; что поэтому море должно быть предоставлено вольной промышленности. Такое мнѣніе, какъ ссылку на иностранные законы и обычаи, г. сенаторъ Завадов-

---

(*) Александръ Баій, Кендерлинскій, Карабугасскій, Красноводскій и Хивинскій вдаются въ О-й берегъ означенныхъ частей моря. Они обширны, и изобилуютъ рыбой; но берега, заселенные хищными туркменами, небезопасны, что впрочемъ можно устранить поставивъ тамъ военныя брантвахты.

(*) Въ заливѣ того же имени у S-го берега Касп. моря.

скій находитъ неумѣстною; а сверхъ того, говоритъ онъ, извѣстно, что въ Россіи право на пользованіе моремъ вездѣ предоставлено береговымъ жителямъ; слѣдовательно право частной собственности и право пользованія имъ суть два понятія тождественныя, совмѣстныя, и послѣднее, т. е. пользованіе, нисколько не противорѣчитъ основной идеѣ о принадлежности Государству всего того, что въ предѣлахъ его заключается. Никто конечно не осмѣлится противиться волѣ Правительства, если оно право ловли обложитъ пошлиною во всѣхъ русскихъ моряхъ; но до сихъ поръ этому подлежитъ только часть каспійскихъ водъ, чего также никто не считаетъ несправедливымъ...

Теперь послушаемъ словъ очевидца, ученаго Гмелина, про тогдашнихъ рыбопромышленниковъ. Говоря объ опасностяхъ, сопряженныхъ съ званіемъ рыбаковъ, которые нерѣдко гибнутъ во время зимняго лова, производимаго на морѣ—по льду (*), также и въ осеннюю пору, когда море бываетъ особенно бурно, онъ присовокупляетъ: «объяснивъ состояніе сего рыболовства, можно притомъ дать нѣкоторое понятіе и о тѣхъ людяхъ, которые вступаютъ въ оное, ибо они предпринимаютъ на себя работу съ такою чрезвычайною опасностію жизни сопряженную, что по уголовнымъ преступленіямъ въ темницѣ сидящаго человѣка жребій сноснѣе, нежели рыбаковъ сего рода. *И потому всякіе бродяги и безпутные люди, кои въ обществѣ терпимы быть не могутъ*, прибѣгаютъ къ сей краі-

(*) Зимою, когда ледъ на морѣ достаточно окрѣпнетъ, рыбаки выѣзжаютъ туда на ловъ иногда верстъ за 20 отъ берега, а тюленьщики далѣе. При этомъ нерѣдко случается, что съ наступленіемъ сильнаго морскаго вѣтра, нагоняющаго воду, ледъ подымаетъ; а потомъ, когда вѣтеръ вдругъ смѣнится, задуетъ отъ берега и теченіе пойдетъ обратно изъ Волги—на льду образуются длинныя трещины и цѣлыя ледяныя поля въ нѣсколько десятковъ квадратныхъ верстъ относитъ въ море дѣйствіемъ теченія и вѣтра. Тогда положеніе рыбаковъ, очутившихся на такой льдинѣ, вдали отъ трещины, становится чрезвычайно критическимъ и только новая перемѣна вѣтра, которая принесетъ ихъ къ стоячему льду или къ берегу, можетъ спасти отъ гибели.—Чаще всего подвергались этому промышлявшіе зимой бѣленькаго тюленя (щенковъ); отыскивая его, тюленьщики далеко отъѣзжали отъ берега и рѣдкій изъ старыхъ рыбаковъ этимъ занимавшихся не побывалъ въ относѣ.—Теперь зимній промыселъ молоденькаго тюленя въ видахъ сбереженія этого звѣря запрещенъ и относы стали случаться очень рѣдко.

ности; хозяева-же, когда никакого состоянія люди въ сію работу не вступаютъ, принужденными находятся и сію принимать сволочь!»

Почему - же ничего такого нельзя сказать про теперешнихъ рыбаковъ? Потому, что самая промышленность ведется на другихъ основаніяхъ, положенныхъ первыми владѣльцами, и такъ сказать нравственно очищена новымъ многочисленнымъ сословіемъ рыбаковъ, переселенныхъ не за проступки, не за нетерпимость въ обществѣ!

«Сверхъ сихъ людей (т. е. всякой сволочи), продолжаетъ Гмелинъ, остаются почти вѣчно рыбу ловящими невольниками многіе въ долги впадающіе, коихъ несчастный жребій годъ отъ году умножается и долгъ возрастаетъ, ибо они принуждены бываютъ забирать у хозяевъ деньги впередъ и тѣмъ вѣчную наживаютъ кабалу; со всѣми сими людьми, какъ отторженными отъ общества, хозяева нерѣдко безчеловѣчно поступаютъ; дѣлаютъ имъ притѣсненія и принуждаютъ промышлять рыбу съ опасностію жизни.»

Вотъ каковы были рыбаки и ихъ хозяева въ эпоху, непосредственно предшествовавшую водворенію владѣльческихъ крестьянъ для рыболовства, и Гмелину, натуралисту, писавшему для Академіи Наукъ, а не для публики и притомъ по нѣмецки, не было никакого повода утрировать картины. Далѣе онъ говоритъ: «съ тѣхъ поръ какъ Астраханскіе купцы сдѣлались рыбаками, съ тѣхъ поръ великимъ тѣмъ богатствомъ, которое Астрахань въ своей рыбѣ имѣетъ, пользуются они одни съ обидою многихъ»; слѣдовательно монополія уже тяготѣла надъ промышленностію, которая при такомъ условіи и при такихъ производителяхъ конечно не могла развиваться, и Гмелинъ же присовокупляетъ къ словамъ своимъ такое предположеніе: «но, можетъ быть, умолкнутъ жалобы нѣкоторыхъ бѣдныхъ, если рано или поздно въ семъ дѣлѣ воспослѣдуетъ перемѣна». Ясно, что, слова эти, кромѣ личнаго взгляда автора, могли быть также отголоскомъ мнѣнія порядочныхъ людей, которые подобно ему видѣли въ тогдашнемъ порядкѣ рыболовства множество вопіющихъ злоупотребленій, и если г. Бекетовъ, Астраханскій намѣстникъ, доводилъ до свѣдѣнія высшаго правительства о такомъ печальномъ состояніи главной промышленности края и подалъ примѣръ переселенія сюда крестьянъ, то въ этомъ его несомнѣнная заслуга

государству! И замѣтьте: не прежде какъ *черезъ 6 лѣтъ* послѣ указа о продажѣ Астраханскихъ земель, а по нимъ и водъ, онъ *рѣшился воспользоваться* предоставленнымъ правомъ, купивъ земли, окружавшія теченія рр. Бирюля и Малой части Иванчуга (*), что открывало для его пользованія далеко нелучшій рыболовный участокъ, а кажется было изъ чего выбрать! Прочіе изъ вышепоименованныхъ первыхъ Астраханскихъ помѣщиковъ сдѣлали тоже еще позднѣе; слѣдовательно, во первыхъ, нѣтъ никакого повода считать ихъ людьми, которые подобно голоднымъ волкамъ или хищникамъ жадно бросились на добычу, а по вышеприведеннымъ словамъ г. Бутурлина: «захватили морской берегъ и проч.»—именно таковыми были; во вторыхъ: такъ какъ переходъ рыболовныхъ участковъ изъ однѣхъ въ другія руки совершился *не вдругъ*, а съ довольною постепенностію, именно въ теченіи *16 лѣтъ* (съ 1769 по 1785 г.), то свободные промышленники при бо́льшемъ благоразуміи имѣли бы время одуматься и если уже необходимо было за прежнюю безпорядочность въ образѣ дѣйствій сойти имъ со сцены главнаго рыболовства,—то, дѣйствуя самостоятельно и толково, они могли съ честью уступить поле битвы новымъ распорядителямъ, заставивъ ихъ выдержать прежде борьбу съ собой, тѣмъ болѣе трудную, т. е. убыточную, что имѣли на своей сторонѣ опору *въ опытности*; владѣльцы же могли пріобрѣсти ее не иначе какъ цѣною бо́льшихъ или меньшихъ пожертвованій за *науку и ошибки*, неизбѣжныя при всякомъ новомъ дѣлѣ; во всякомъ случаѣ 16 лѣтній періодъ избавлялъ вольныхъ промышленниковъ отъ потрясенія кредита, отъ раззоренія,—а это очень важно. Впрочемъ, если бы переходное время продолжилось вдвое долѣе, и вмѣсто всѣхъ отошла бы къ владѣльцамъ только половина водъ, то по самому образу своихъ въ высшей степени эгоистическихъ и неблагоразумныхъ дѣйствій, они не могли бы съ ними выдержать соперничества. Владѣльцы, имѣя всѣ права на обязательный трудъ своихъ крестьянъ, замѣнили его трудомъ свободнымъ; а арендаторы *создали обязательность* изъ крайности положенія своихъ работниковъ, глубже и глубже погружавшихся въ безвыходность положенія людей кабаль-

(*) Земли эти, какъ было сказано, лежатъ между р.р. Чулпаномъ и Капычей, а поименованные притоки текутъ между ними.

ныхъ! Какъ же при такомъ безправственномъ взглядѣ на непосредственныхъ производителей, и на такомъ гниломъ основаніи могло утвердиться и процвѣтать большое коммерческое дѣло?... По моему крайнему разумѣнію выводъ изъ всего вышеизложеннаго слѣдующій: «такъ какъ водвореніе крестьянъ для рыболовства не было дѣломъ преднамѣренной спекуляціи помѣщиковъ, но указано правительствомъ какъ совершенно необходимое для пользы промышленности, края, государства, и какъ все это оправдалось самымъ блистательнымъ образомъ, то никакое нареканіе, никакое подозрѣніе въ недобросовѣстности первыхъ владѣльцевъ не должны имѣть мѣста, а напротивъ они, какъ подвижники государственнаго дѣла, заслуживаютъ полной похвалы и признательности потомства; тѣже, которые въ настоящее время законно пользуются ихъ правами и неуклонно слѣдуютъ указаннымъ путемъ—всякаго покровительства!» Дѣло извѣстное, чѣмъ туже натянута струна, тѣмъ возможнѣе ей порваться; а владѣльческое рыболовство (какъ ниже увидимъ) находится именно въ такомъ положеніи. Избѣгая однакоже упрека въ пристрастіи къ одному сословію, скажу, что точно также искренно желаю теперешнимъ большимъ и малымъ арендаторамъ и всѣмъ вообще *честнымъ* (*) рыбопромышленникамъ всякихъ льготъ, безъ которыхъ трудно вести коммерческое дѣло вообще, а по рыболовству въ особенности.

Въ 1846 году получили силу закона разныя новыя постановленія, или справедливѣе только видоизмѣненія прежнихъ. Такъ, вмѣсто границы по одинаковой глубинѣ или одинаковому разстоянію отъ берега, воды владѣльческія, казенныя, спасо-преображенскаго монастыря и уральскаго казачьяго войска стали разграничиваться отъ водъ, предоставленныхъ свободной промышленности изъ платы оброковъ, румбами (направленіями по компасу), обозначаемыми въ натурѣ линіею маячныхъ судовъ, одно отъ другаго видимыхъ (**),

---

(*) Изъ этой категоріи слѣдуетъ исключить плавичей, всякаго рода обловщиковъ, объ которыхъ въ своемъ мѣстѣ будетъ сказано.

(**) Это постановленіе исполняется впрочемъ только на бумагѣ, а не на самомъ дѣлѣ—по причинѣ совершенной невозможности, что̀ я сейчасъ объясню. Заведеніе маячныхъ судовъ, кусовыхъ лодокъ и росшивъ отнесено на счетъ одного главнаго рыболовства и уральскаго войска; прочіе рыбопромыш-

самое же пользованіе морскими участками (оставленными до поры до времени за владѣльцами) стало откупаться по примѣру горно-

---

левники въ этомъ расходѣ не участвуютъ; но это бы еще ничего; а главное состоитъ въ условіи относительно времени выставки маячныхъ судовъ на межевую линію и въ самомъ процессѣ этого дѣла:—весною, прежде чѣмъ главные промышленники и уральцы могутъ открыть ловъ въ своихъ участкахъ, маячныя суда должны *быть уже на мѣстахъ*, надъ чѣмъ рыбный смотритель (чиновникъ) имѣетъ наблюденіе и долженъ донести своему начальству, что всегда бываетъ удовлетворительно, т. е. согласно съ постановленіемъ и съ видами смотрителя, но не съ истиной, ибо на самомъ дѣлѣ судовъ не выставляютъ! Не вѣрите?... Такъ извольте же представить себѣ, что межевая линія противъ владѣльческихъ участковъ простирается на 300 верстъ, что для обозначенія ея черезъ промежутки отъ 5 до 7 верстъ нужно около 50 небольшихъ судовъ, которыя, отправясь изъ двадцати различныхъ пунктовъ, должны выстроиться въ открытомъ морѣ въ одну математически прямую линію по извѣстному румбу (отъ тюленьяго Острова на № 59; такъ кажется; а впрочемъ относительно трудности это все равно); но если бы дѣло поручить хорошимъ морскимъ офицерамъ на военныхъ судахъ, снабженныхъ навигаціонными пособіями и сверхъ того употребить въ дѣло нѣсколько пароходовъ, то и при всемъ этомъ прошло бы мѣсяца полтора прежде, чѣмъ успѣли бы выстроить линію такой огромной длины. Сколько же нужно было бы времени для неученыхъ лоцмановъ, на судахъ съ двумя, тремя работниками и съ кой-какими компасами? Вѣдь и на сухомъ пути очень трудно разставить 50 шестовъ на 300 верстъ по одному направленію, а тутъ море съ вѣтрами, бурями и туманами и по времени года, самому важному въ рыболовствѣ, каждый часъ на счету, а потому предстоитъ одно изъ двухъ: или содержателямъ промысловъ остаться безъ рыбы, безъ дохода, а рыбакамъ безъ хлѣба (ибо при точномъ исполненіи постановленія весенній ловъ въ главныхъ водахъ былъ бы совершенно невозможенъ, а онъ то преимущественно и поддерживаетъ промышленность), или же войти въ сдѣлку съ тѣми, которымъ поручается смотрѣніе за исправностію маячной линіи, да не забывать и тѣхъ, которые стоятъ и повыше! «Вѣдь всякая живая душа калачика хочетъ», говоритъ пословица; на рыбную же промышленность провинціяльная администрація вообще смотритъ какъ на овечку, съ которой каждый наровитъ поживиться клочкомъ шерсти! Два года я самъ стоялъ въ кругу рыбопромышленниковъ и гораздо долѣе того командовалъ военнымъ пароходомъ, имѣвшимъ плаваніе по водамъ №-й трети Касп. моря, но во все это время кромѣ Уральскаго участка—нигдѣ въ другомъ мѣстѣ маячныхъ судовъ не видалъ, потому что для Уральцевъ, воды которыхъ простираются отъ берега на 88 и 76 верстъ и съ трехъ сторонъ окружены чужими (Эмбенскими, кн. Юсупова и вольнаго промысла) тѣмъ нужнѣе охранять ихъ полицейскими мѣрами, что сами они лѣтнимъ

заводской промышленности—платою акциза: за воды наслѣдниковъ кн. Безбородко 10-ти, за прочіе владѣльческія 15% съ дохода.

(жаркимъ) ловомъ не занимаются и воды остаются безъ народа, который разъѣзжается по станицамъ на Уралѣ; ловъ же въ владѣльческихъ и казенныхъ участкахъ большаго рыболовства почти не прекращается и есть кому ихъ караулить и безъ маячныхъ судовъ. Желалъ бы я этими словами обратить вниманіе высшаго правительства на неудобоисполнимости постановленія о маячной линіи. Оно зародилось и созрѣло въ чьей нибудь спекулятивной головѣ, заранѣе расчитавшей на доходъ отъ неисполнимаго закона; оно облекалось на каждой инстанціи (по пути до высшей) въ надлежащую форму и наконецъ явилось въ Сводѣ Законовъ *только формальностью*, но не основаніемъ для охраненія интересовъ государственныхъ или тѣхъ лицъ, для которыхъ составлено!...

Богу извѣстно, съ какою грустью пишу эти строки, потому что по моимъ понятіямъ неудобоисполнимыхъ законовъ быть не должно; но что же дѣлать, если нѣкоторые изъ нихъ удовлетворяютъ только поверхностному, а не практическому взгляду на предметъ? Мнѣ кажется проще и удовлетворительнѣе было бы обозначать межевую линію вмѣсто фантастической эскадры маячныхъ судовъ бакапами, числомъ отъ 10 до 15, которые класть съ парохода. Отправясь при вскрытіи водъ отъ о-ва Тюленьяго и слѣдуя надлежащимъ курсомъ, который при тщательномъ наблюденіи можетъ быть удовлетворительно вѣрнымъ, легко будетъ, ведя счисленіе, бросать баканы чрезъ извѣстные промежутки разстоянія, и все дѣло кончить въ двое сутокъ, такъ какъ ни туманъ, ни ночь не будутъ тому препятствовать. Надзоръ же за цѣлостію бакановъ и за тѣмъ, чтобы рыбаки за грань безъ нужды (т. е. уклонясь отъ бури или слѣдуя въ Астрахань) не перебѣгали,—поручить депутатамъ отъ рыболовства главнаго и вольнаго. Такой надзоръ, предоставленный самимъ промышленникамъ, которымъ весьма естественно наблюсти за своимъ добромъ или за своимъ правомъ, будетъ надежнѣе надзора чиновниковъ, для которыхъ кто бы кого ни обловилъ конечно мало горя или вовсе его быть не можетъ—люди чужіе и не ихнее пропадаетъ. Тогда только, то есть при надзорѣ промышленниковъ однихъ за другими, прекратится весьма усиливающійся, но давно уже запрещенный промыселъ плавичей. Что̀ это за люди и чѣмъ они вредны, будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ; теперь-же окончу это примѣчаніе упомянувъ о томъ, что невольно поражаетъ своею странностію: смотрители рыбной экспедиціи, выбираются изъ общей категоріи провинціяльныхъ чиновниковъ и при этомъ познанія въ навигаціи для отправленія службы на морѣ отъ нихъ не требуютъ, а между тѣмъ имъ поручается надзоръ за правильностію выставки маячныхъ судовъ! Спрашивается: какимъ образомъ можно полагаться на удостовѣренія людей, незнакомыхъ съ наукою мореплаванія? Не менѣе странно и то, что въ составѣ главной рыбной админи-

Вотъ перечень главныхъ перемѣнъ, происшедшихъ въ Астраханской рыбной промышленности отъ временъ Іоанна IV до настоящаго, и теперь она сдѣлалась одною изъ немаловажныхъ статей

страціи (рыбная коммисія) также все чиновники, никогда незанимавшіеся рыболовствомъ, но разсуждающіе о правилахъ, какимъ оно подлежать должно, придумывающіе разныя охранительныя мѣры, бо̀льшею частію не практическаго толка! Не ужели довольно надѣть какой нибудь мундиръ, занять какое нибудь мѣсто, чтобы постигнуть обязанности, съ этимъ сопряженныя? Я думаю, что безъ приготовленія, безъ испытанія, можно поступать только въ сторожа, да въ полицію, вѣдающую опрятность и спокойствіе на улицахъ! Но для завѣдыванія такимъ дѣломъ какъ рыбная промышленность непремѣнно нужны спеціальныя познанія въ немъ, и если чиновники, безразлично занимающіе у насъ разныя должности, спеціалистами по всѣмъ частямъ конечно быть не могутъ, то по крайней мѣрѣ можно было бы ввести въ составъ административнаго надзора за астраханскимъ рыболовствомъ—депутатовъ отъ рыбопромышленниковъ разныхъ категорій, но не въ видѣ безгласныхъ свидѣтелей и слушателей чужихъ дѣлъ и мнѣній, а съ правомъ непосредственнаго участія въ томъ, что касается до ихъ собственныхъ интересовъ!—Недостатокъ же сочувствія г.г. чиновниковъ къ интересамъ для нихъ чуждымъ, и недостатокъ спеціальныхъ познаній—причиною того, что въ постановленія о рыболовствѣ вводятся многое совершенно непрактическое: такъ въ послѣднее время узаконено имѣть невода длиною въ половину ширины рѣки. При поверхностномъ взглядѣ, постановленіе это можетъ показаться справедливымъ и удовлетворяющимъ правамъ пользованія половиною рѣки, если берега ея состоятъ въ разномъ владѣніи; если нѣтъ, то чтобъ и сосѣду, который живетъ выше, могла доставаться рыба; но кто знаетъ, что неводомъ, равнымъ полной ширинѣ рѣки, нельзя захватить болѣе ея половины; что во весь періодъ половодья (около 3-хъ мѣсяцевъ) неводная тяга не производится и что въ другія времена года остаются для безпрепятственнаго хода рыбы либо день (весной и осенью), либо ночь (зимою) и что вообще на тонѣ ловъ производится однимъ, двумя и даже тремя неводами, тотъ конечно пойметъ, что вреда отъ такого рыболовства (въ смыслѣ общаго пользованія рѣками) быть не можетъ.—Зная это простое обстоятельство, нетрудно было рыбной экспедиціи довести до свѣдѣнія высшаго правительства, и объяснить что постановленіе неудобоисполнимо. О томъ, что на иной тонѣ имѣется неводовъ 6 и 8, употребляемыхъ такимъ образомъ, что когда одинъ неводъ завезенъ, то другой уже завозится, рыбная экспедиція молчитъ вѣроятно по невѣдѣнію, да пожалуй и *по сему* и *по оному*! Земская полиція также не безъ участія въ рыболовствѣ, которое при теперешнихъ порядкахъ весьма можно уподо̀бить дойной коровкѣ, которую заботливая хозяйка не забываетъ подоить и утромъ и вечеромъ!

государственныхъ доходовъ, о чемъ въ концѣ записокъ будетъ сказано.

ГЛАВА II.

Свойство мѣстности.—Воспитаніе рыбаковъ.—Климатическія условія края.—Хозяйство рыбопромышленниковъ.—Коршикъ, его обязанности и познанія.—Сравненіе съ земледѣльцами.—Характеристика каспійскихъ рыбаковъ: ихъ нравственность, образованіе, религіозность.

Поприщемъ главнаго рыболовства служатъ почти всѣ морскія воды противъ W-го берега сѣверной трети Каспійскаго моря и низовья бо̀льшей части рѣкъ въ эту часть его впадающихъ, а преимущественнымъ мѣстомъ осѣдлости—острова̀ Волжской дельты.

Они вообще низменны и за исключеніемъ глинистыхъ обнаженныхъ бугровъ (*), возвышающихся надъ обширною равниною, прорѣзанною множествомъ протоковъ, почти сплошь покрываются водою во время весенняго разлива, который продолжается около трехъ мѣсяцевъ. Слѣдовательно земледѣльческая промышленность, при всемъ плодородіи почвы здѣсь неудобна и не окупила бы труда въ

(*) Эти бугры суть прежнія мели и острова Касп. моря, когда то покрывавшаго Астраханскія степи, на которыхъ видимыми слѣдами его присутствія остались соленыя озера и солончаки. Тѣхъ и другихъ насчитываютъ болѣе тысячи. Какое богатство! И какъ это кстати для рыбной промышленности! Не всѣ однако же озера имѣютъ соль поваренную; въ нѣкоторыхъ также какъ и на солончакахъ она горькая; но и изъ числа первыхъ разработываются только весьма немногія съ главною цѣлью удовлетворить потребности рыболовства, для котораго выходитъ ежегодно 1 мил. пуд. (на 300 т. руб.); количество это могло бы быть гораздо бо̀льшимъ при распространеніи сбыта соли внутрь Имперіи. Обращаясь къ островамъ дельты, не трудно доказать, что они образовались отъ наносовъ рѣки, первоначально осѣвшихъ около бугровъ, а въ послѣдствіи при раздробленіи Волги на множество вѣтвей, которыхъ въ древности вѣроятно столько не было, и ослабленія ея теченія отъ этой причины совокупно съ общимъ поднятіемъ дна N трети Касп. моря, также и отъ направленія господствующихъ вѣтровъ или поперегъ или въ упоръ устьевъ, затрудняющихъ стокъ воды изъ нихъ и облегчающихъ образованіе новыхъ островов изъ прежнихъ мелей.

той мѣрѣ, какъ онъ окупается рыболовствомъ; потому то оно и предпочитается всему прочему. Да и зачѣмъ было бы заниматься здѣсь земледѣліемъ, когда привозный хлѣбъ (преимущественно изъ Саратовской губерніи) обыкновенно бываетъ такъ дешевъ, что большинство русскаго, промысловаго населенія уже и безъ пшеничнаго, который всетаки дороже ржанаго, не привыкло обходиться?

Между тѣмъ рѣки и близкое море столь обильны рыбою, что сама природа указываетъ человѣку на рыбный промыселъ какъ на занятіе полезнѣйшее, обусловливаетъ его необходимость и даже исключительность.

Вѣрный своему призванію, промысловый людъ, во всю свою жизнь окруженный водами и неводами, лодками, чипчиками и многими другими атрибутами рыболовства, привыкаетъ съ младенческихъ лѣтъ думать о рыбномъ промыслѣ какъ о такомъ занятіи, безъ котораго человѣку, кажется, и прожить нельзя, да и не слѣдуетъ. Это коренное понятіе Астраханскихъ рыбаковъ объясняетъ ту любовь, то постоянство, съ которыми они занимаются своимъ дѣломъ отъ лѣтъ отрочества до настоящей старости. Притомъ хотя рыбный промыселъ труденъ, часто сопряженъ съ рискомъ и даже съ опасностію жизни, но вообще онъ заманчивъ и прибыленъ. Для непосредственныхъ производителей онъ доставляетъ по крайней мѣрѣ безбѣдныя средства къ жизни, для счастливыхъ изъ нихъ благосостояніе, а для всѣхъ вмѣстѣ устраняетъ самое понятіе о голодныхъ годахъ, о голодной смерти, отъ которыхъ у земледѣльца заранѣе сжимается сердце. Какъ же не увлекаться такою благодатью? Настоящій промышленникъ рано приготовляется къ своему ремеслу своеобразнымъ воспитаніемъ. Еще дитятей, мало-мальски окрѣпшимъ, онъ уже съ гурьбою сверстниковъ находитъ лучшія забавы на берегу рѣки, моря, на лодкѣ. Закидывая удочку, чтобы поймать какую нибудь тарашку или красноперку (мелкая рыба); приноравливаясь къ греблѣ весломъ, которое едва обхватываетъ крошечными рученками; спуская на воду щепку или долбленую чурку съ подобіемъ мачты и паруса на ней,—дитя воображаетъ себя настоящимъ рыбакомъ; а невозбранное купанье, необходимое въ жаркую пору, также какъ и поѣздки съ матерью,

съ сестрами на острова за дубильной травой (*), за ежевикой, единственной мѣстной ягодой, за чилимомъ (водяной каштанъ, растущій по болотистымъ плымснямъ)—развѣ все это не наслажденія, доставляемыя ребенку водой? Здѣсь кстати поговорить о мѣстной природѣ, о климатическихъ особенностяхъ страны и условіяхъ быта. Послѣ зимы, часто безснѣжной или весьма умѣренно холодной, иногда въ исходѣ февраля, иногда въ первыхъ числахъ марта и очень рѣдко позднѣе,—вскрываются рѣки, слѣдовательно наступаетъ весна. Но это не та роскошная, убранная зеленью и цвѣтами красавица, о которой, какъ вѣстники обновленія природы, такъ сладко поютъ жаворонки, такъ гармонически журчатъ безчисленные ручейки гдѣ нибудь въ средней Россіи! Нѣтъ, Астраханская весна очень прозаична, даже безъ сморчковъ и медуницы, которые не растутъ здѣсь. И пройдетъ добрыхъ двѣ, три недѣли послѣ вскрытія рѣкъ, прежде чѣмъ покажется трава, зазеленѣютъ деревья и молодой камышъ пробьется сквозь золу сожженнаго на корню стараго (**); но тамъ, гдѣ онъ уцѣлѣлъ, его желтовато-сѣрые стволы, обломанные вѣтромъ, печально высясь надъ молодой зеленью, смотрятъ непріятно. Не такъ ли и въ обществѣ людей, отживающіе старцы, какъ бы забытые смертью, кажутся не на мѣстѣ въ кругу улыбающейся молодости? Но если ранняя весна бываетъ здѣсь обыкновенно холодна, вѣтрена и лишена всякой наружной прелести, то въ сердца рыбаковъ она вливаетъ сладостное чувство надежды, придаетъ новую мощь ихъ силамъ, бодрость духу. Это самое прибыльное время для промышленниковъ: тогда рыба идетъ не въ одиночку, а цѣлыми косяками; инстинктъ тянетъ ее изъ пучинъ моря на пресную воду, да и та, что спала зимой (лежала на ямахъ въ рѣкахъ) всполошится, заиграетъ—успѣвай только промышлять ее. И вотъ одни рыбаки уходятъ вмѣстѣ со льдомъ въ море на Эмбу, другіе спѣшатъ на ближніе морскіе участки, чтобы не прозѣвать бѣлуги, которая въ это время преслѣдуетъ молодень-

---

(*) Для предохраненія отъ гнилости веревокъ морской рыболовной снасти ее отъ времени до времени дубятъ въ щелокѣ, вывариваемомъ изъ этой травы, которая ростетъ изобильно на мѣстахъ поемныхъ.

(**) Это дѣлается для того, чтобы молодой лучше росъ. Камышъ замѣняетъ здѣсь и лѣсъ для построекъ и лѣсъ для топлива.

каго тюленя; иные за нимъ—къ ледянымъ буграмъ (*). Неводной ловъ въ рѣкахъ тоже закипѣлъ. И остальные промысловые люди, преимущественно женщины, едва управляются съ добычею, свозимою на рыбопріемный плотъ отъ неводовъ и съ моря, такъ что всѣ, кромѣ дряхлыхъ старцевъ да младенцевъ, заняты, увлечены кипучей дѣятельностью, при которой право не пойдутъ на умъ ни цвѣты лазоревые, ни птицы пѣвчія! Какъ бы устраняя подобный соблазнъ въ ущербъ пользамъ человѣка, природа здѣшняя вообще поскупилась на то и на другое: цвѣтовъ очень мало и какъ на смѣхъ ни одного благоуханнаго! А птицы, большею частію водяныя, да «канюки» (коршуны) съ «каргами» (воронами), не поютъ, а только кричатъ; нарочно не пойдешь ихъ слушать и отрываться отъ дѣла (**).

Но вотъ и настоящая весна наступила... прилетѣли скворцы, ласточки, загудѣла выпь—птица невидимка, какъ будто выростающая вмѣстѣ съ камышемъ на болотѣ; а зелени стала такая бездна, что просто глазамъ больно: куда ни оглянись, вездѣ она, какъ свидѣтельство сильной, но, правду сказать, весьма однообразной растительности, состоящей преимущественно изъ камыша, чакана и высокой, густой травы. Мѣстами есть тальникъ—и только! Ни благоухающихъ кустарниковъ, осыпанныхъ цвѣтами, ни величественныхъ деревъ сѣвера не видать здѣсь. Вообще мѣстную природу можно сравнить съ наружностію женщины, которая не имѣетъ недостатка ни въ бѣлизнѣ, ни въ румянцѣ, съ женщиной, которую назвать дурной нельзя, но въ которую и не влюбишься! Впечатлѣніе, какое производитъ на земледѣльца видъ оживающей озими, обновляющихся луговъ, его тревожныя думы объ урожаѣ—вовсе незнакомы рыбаку, не по его части. Иное дѣло рѣка, море: вотъ нивы неистощи-

---

(*) Бугры эти образуются въ разныхъ мѣстахъ на взморьѣ и даже на 4 саж. глубинѣ отъ передвиженія льда зимой и бываютъ очень огромны, стоятъ же иногда до іюня. Внутри ихъ бываютъ полыя мѣста, куда заходитъ тюлень, гдѣ его и промышляютъ.

(**) Послѣдніе два рода чрезвычайно полезны тѣмъ, что, будучи очень жадны и прожорливы, преисправно очищаютъ берега рѣкъ и полойныя мѣста по сбытіи водъ отъ мертвой рыбы, также и выбрасываемой послѣ вытопки изъ нея жира.

мыя, не требующія ни сохи, ни серпа, ни дождя, ни вёдра, ни предварительнаго засѣва, чтобы собрать что нибудь въ закромъ! Рыбаку нужна крѣпкая лодка, исправная снасть, сѣть, да личное досужество,—за рыбой дѣло не станетъ и всей не переловишь. Богъ указалъ ей быть плодовитѣй и зерна, и птицы, и звѣря, и отъ нея одной рыбакъ сытъ будетъ, да еще и съ деньгами. Однако же, если слова эти справедливы вообще по отношенію къ массѣ промышленниковъ и могутъ характеризовать ловца хорошаго, то надобно замѣтить, что между рыбаками конечно не всѣ одинаково искусны и не всѣ могутъ располагать достаточными средствами для исправнаго снаряженія къ лову, а это имѣетъ большое вліяніе на успѣхъ дѣла, вполнѣ спеціальнаго, денежнаго, и сверхъ всего зависимаго отъ двухъ своенравнѣйшихъ стихій—воды и вѣтра, слѣдовательно болѣе или менѣе рисковаго. Но такъ какъ промышляющихъ на свои деньги несравненно менѣе получающихъ задатки отъ другихъ, то слѣдствія «незалова» почти не имѣютъ вліянія на сихъ послѣднихъ и гораздо скорѣе могутъ изглаживаться, чѣмъ неудачи земледѣльца. Въ своемъ мѣстѣ это будетъ объяснено.

Домашняго скота осѣдлые промышленники держатъ вообще достаточно. Лошадь нужна рыбаку для зимняго промысла, а молочные скопы отъ коровъ, за расчетомъ домашней потребы, доставляютъ еще хорошій доходъ отъ продажи ихъ въ городѣ и на суда, слѣдующія по Волгѣ. Но это дѣло женское, а не мужское; кстати же онѣ отлично управляются съ парусами и веслами, потому обыкновенно однѣ развозятъ избытки своего хозяйства хоть за 100 верстъ отъ деревни! За тѣмъ поэзія бродить за стадомъ, похлопывая длиннымъ кнутомъ, наигрывая что нибудь на рожкѣ (во всю силу легкихъ) совершенно незнакома промысловымъ мальчикамъ. Скотъ пасется большею частію безъ надзора,—знаютъ что не пропадетъ, или смотритъ за нимъ калмыкъ, пастухъ природный. Рѣдко и гуся, также кочующаго, украдутъ, не только что корову или лошадь. Простота на этотъ счетъ здѣсь необыкновенная; а бирюковъ (волковъ) по низовьямъ нѣтъ; водятся въ камышахъ кабаны, да скота не трогаютъ,—значитъ и въ ночное время съ табунами ѣздить не для чего. Гороху, рѣпы и т. п. лакомствъ не сѣютъ. . . . и словомъ ничего такого, что тянетъ мальчика земледѣльческихъ мѣстъ въ поле, въ рощу, тѣшитъ и лѣлѣетъ его тамъ, неизвѣстно

мальчику промысловому, который ростетъ въ совершенно другой, своеобразной сферѣ: у воды и для воды, и рано начинаетъ заработывать деньги, слѣдовательно понимать цѣну труда и времени. Сначала онъ, лѣтъ 10, много 12, натачиваетъ удочки самоловной снасти (смотр. объясн. рисунк.) или караулитъ отъ коршуновъ вывѣшенную для просушки частиковую рыбу, и все изъ платы; потомъ, будучи лѣтъ 14-ти, онъ уже хорошій гребецъ и нанимается на лодку къ разъѣздному по рѣкѣ, а если достаточно окрѣпъ силами, то и на морскую, знакомится съ суровою жизнью рыбака и его наукою— привыкать къ морю, чаще бурному, чѣмъ спокойному. Такимъ образомъ лучшіе годы жизни проходятъ въ полезныхъ занятіяхъ, въ настоящемъ трудѣ, за которыми пошалить, поблаженствовать *некогда:* это слово составляетъ девизъ промышленника, *вѣчно занятаго, всегда озабоченнаго.*

Слезы прощанья не проливаются матерью, отправляющею сына на морской ловъ: ей извѣстно, что мальчикъ плаваетъ какъ нырокъ, и переходъ съ рѣчной на морскую лодку составляетъ самую естественную постепенность, необходимость для того, чтобы заработывать ему больше денегъ; а онъ уже знаетъ имъ цѣну! И море онъ видалъ, теперь только будетъ видать его чаще, не изъ одного дѣтскаго любопытства, а изъ расчета. Да и что можетъ быть особенно привлекательнаго на берегу, съ чѣмъ было бы жаль разстаться? Время, когда пріятно было бы ребенку побѣгать по молодой травѣ, по камышу, еще не урослому, заглянуть въ тальниковую рощу (гдѣ и есть такія), продолжается очень не долго: въ исходѣ апрѣля выступитъ вода изъ береговъ и вскорѣ, какъ было уже сказано, остаются наружу только немногіе высокіе мѣста и бугры, на которыхъ обыкновенно располагаются промысловыя селенія; гулять можно только на лодкѣ, а не пѣшкомъ и не прежде, какъ сбудетъ вода, что бываетъ въ половинѣ іюля. Но къ тому времени камышъ уже поднимается лѣсомъ непроходимымъ, безъ тѣни и прохлады въ немъ, съ несмѣтнымъ множествомъ комаровъ, отъ которыхъ съ заката до восхода солнечнаго просто дохнуть нельзя, такъ что когда дневной жаръ поспадетъ, то нужно спѣшить спрятаться подъ пологъ, чтобы не быть искусану донельзя; а днемъ, при температурѣ градусовъ 35 и поболѣе, какая уже прогулка? Въ морѣ же комаровъ нѣтъ, да и воздухъ, освѣжаемый его влажными испареніями

и вѣтромъ, легче, прохладнѣе; значитъ лучше, чѣмъ на берегу. Время жаровъ съ несносными комарами продолжается до половины августа и хотя сентябрь въ здѣшнемъ климатѣ еще не осень, а лѣто, и бываютъ дни потеплѣе, чѣмъ въ Петровки на сѣверѣ, да лѣто уже *остатнее*, *поскребушки*, некогда и насладиться имъ, если бы и было *досужно*. Къ тому же въ этомъ мѣсяцѣ, какъ и весной, дуютъ суровые равноденственные вѣтры нерѣдко съ силою штурмовъ; ночи становятся отъ росы сыры и холодны, — и все это нисколько не располагаетъ къ пасторальнымъ наслажденіямъ. А главное то, что послѣ перемежки жаркаго, наименѣе прибыльнаго для морскихъ промышленниковъ времени года, въ которое запасаются сѣномъ, починиваютъ и смолятъ лодки, снова наступаетъ весьма дѣятельная пора осенняго лова, требующая сосредоточенности въ трудѣ, а не въ забавахъ, вообще мало знакомыхъ тамъ, гдѣ работы по найму или на свой пай хорошо вознаграждаются. О глубокой осени съ дождями, туманами и бурями; о зимѣ со снѣгомъ или безъ снѣгу—и говорить нечего. Тогда ребенку естественнѣе жаться къ теплу, чѣмъ быть на воздухѣ. Однимъ словомъ все, что окружаетъ будущаго промышленника, именно такъ сложилось, что ему, достигнувъ возраста, трудно избрать какое нибудь другое ремесло, трудно въ слѣдствіе климатическихъ условій и исключительности занятій съ молодости, неизбѣжно обращающихся въ привычку.

Но самостоятельность ловца начинается не прежде, какъ онъ сдѣлается *коршикомъ* (кормчій, рулевой, лоцманъ). Какія же обязанности этого званія? Весьма важныя. Во первыхъ, нужно, чтобы ему *можно было довѣрить* и людей и лодку для плаванія по морю, т. е. чтобы онъ былъ морякъ настоящій, безтрепетно встрѣчающій и шквалъ и штормъ; умѣлъ управляться съ парусами, когда, также быстро и внезапно какъ молнія, налетаетъ сильный порывъ вѣтра. Человѣкъ неопытный, видя, что лодка готова черпнуть бортомъ, или опрокинуться, потеряется; опытный же коршикъ съумѣетъ предупредить эту *маленькую непріятность* во̀время, отдавъ шкотъ, т. е. обезвѣтривъ парусъ, положивъ руль какъ нужно, чтобы лодка стала противъ вѣтра, и тогда онъ ей уже не опасенъ по крайней мѣрѣ въ этотъ моментъ. Все это конечно требуетъ неослабнаго вниманія и твердой руки.

*

Кромѣ того коршикъ долженъ знать ту часть моря, по которой нужно ему плавать; но онъ обыкновенно знаетъ гораздо больше, знаетъ и компасъ какъ Отче-нашъ, чтобы умѣть вести *наобумъ* путевое счисленіе, такъ какъ инымъ случается ходить подъ восточный берегъ (за тюленемъ), миль за полтораста, или быть относимымъ туда бурею. Но и находясь на своихъ водахъ у западнаго берега, иногда удаляются отъ него на 50, на 70 верстъ, гдѣ располагаютъ порядки снастей. Разумѣется, что коршикъ долженъ умѣть вооружить (оснастить) лодку, и въ случаѣ надобности починить ее, сшить парусъ, и прочее, входящее въ составъ трудной и сложной профессіи моряка, должно быть хорошо ему знакомо, чего онъ, неприготовленный книжною наукою, можетъ достигнуть только многолѣтнимъ опытомъ и сосредоточеннымъ вниманіемъ къ своему дѣлу. Но и профессія рыбака, для которой знаніе морскаго дѣла есть только вспомогательное, требуетъ большой опытности и спеціальности.

«Обрядить снасть» (*), неводъ, разнаго рода сѣти—его первое наименѣе трудное дѣло; а потомъ онъ долженъ хорошо изучить инстинкты рыбы и ихъ зависимость отъ временъ года, отъ направленія вѣтровъ, чтобы знать гдѣ ее найти, какъ и гдѣ можно промыслить, въ какое время года, на какую глубину опустить снасть, чтобы рыба не миновала порядка, и прочее, чего ни передать словомъ, ни выучить со словъ нельзя, но что дѣлаетъ иного ловца постоянно съ хорошей добычей, другаго напротивъ. Скажутъ, что расчетъ на то, чего не видишь, невозможенъ,—рыба не звѣрь, слѣдовъ не оставляетъ и постоянная удача одного ловца можетъ быть слѣдствіемъ только счастія. Но прошу припомнить слова дѣдушки Суворова на этотъ счетъ, и принять въ соображеніе и обширность поприща, на которомъ рыбакъ дѣйствуетъ, и сложность причинъ, отъ которыхъ ремесло его зависитъ: тутъ для успѣха въ дѣлѣ одного счастія мало, но именно требуются многія техническія свѣдѣнія, любовь къ ремеслу, терпѣніе и постоянство, безтрепетное сердце и совершенная привычка къ морю.

Жутко шумитъ боръ, когда порывы бури клонятъ его вершины, ломаютъ сучья и деревья; но во всемъ этомъ есть еще какая то

(*) Терминъ техническій, въ родѣ того какъ говорятъ «построить мундиръ».

гармонія, своего рода прелесть; а послушали бы вы когда буря разыграется на морѣ,—какъ запоетъ она дикую свою пѣсню, въ которой нѣтъ ни одного звука пріятнаго, успокоительнаго для невольнаго слушателя пловца! Ревъ, стонъ, свистъ, не слагающіеся ни въ какое созвучіе, просто оглушаютъ, наводятъ тоску, и въ непривычномъ къ морю поселяютъ ужасъ, страхъ за жизнь! Въ такую то пору, когда волны не въ мѣру уже расходятся, а сила шторма такъ велика, что и большому судну плохо быть можетъ, представьте себѣ положеніе промысловой лодки, т. е. двухъ-трехъ человѣкъ рыбаковъ, на ней находящихся? Эта лодка совершенно уже уподобляется осеннему листку, который крутитъ и мечетъ вихремъ, а между тѣмъ брызги, сорванныя съ верхушекъ волнъ, несутся мятелью, обдаютъ рыбаковъ, заливаютъ лодку... неуспѣваютъ воду откачивать. При этомъ нерѣдко случается выбросить за бортъ все, что потяжелѣ, не исключая трудовой и дорого-стоющей добычи, чтобы лучше было отстаиваться на якорѣ; случается потерять и его и развѣ что съ сухаремъ за пазухой изъ всѣхъ съѣстныхъ запасовъ очутиться подъ другимъ берегомъ на пустой лодкѣ! Но и это уже большое счастіе: вѣдь море «жидкій путь», говорятъ рыбаки—не мудрено на немъ и поскользнуться (опрокинуться) и захлебнуться (т. е. отправиться въ рыбье царство).

Всякое такое случается испытывать иному рыбаку! И каждому приходится оправдывать собою пословицу: «кто на морѣ не бывалъ, тотъ до сыта Богу не маливался!»

Наконецъ коршикъ-рыбакъ долженъ быть еще силенъ и ловокъ, чтобы могъ управляться съ огромной матерой бѣлугой пудовъ въ 40, въ 50,—которая иногда попадается на снасть, но до тѣхъ поръ пока не продѣнутъ ей подъ жабру и въ ротъ веревки съ колушкомъ (куканъ) еще не составляетъ добычи рыбака. Притомъ рыбу эту, какъ только станутъ вытягивать ее изъ воды, обчекушиваютъ по башкѣ (*) колотушкой или обухомъ топора, чтобы угомонилась и дала съ собою управиться, иначе она, хотя и хладнокровная, но очень сильная, можетъ опрокинуть подчалокъ, обор-

(*) По понятіямъ Астраханскихъ рыбаковъ и промышленниковъ голова бываетъ только у человѣка, а у рыбы на мѣсто ея башка. Точно также неприлично называть рыбій плесъ хвостомъ. «Нѣтъ, это махалка», говорятъ они, «а хвостъ у собаки, да у лошади или коровы».

вать снасть и умереть свободной или достаться другому ловцу, а тотъ, на чей порядокъ (*) она попалась прежде, долженъ будетъ лишиться дорогой добычи въ 100—150 рублей серебромъ, если рыба была икряная и поймана въ холодное время года. Самыя большія бѣлуги вѣсятъ до 70, 80 пудовъ и иногда съ цѣлымъ ушатомъ икры стоятъ еще дороже; но такія чудовища попадаются въ десятокъ лѣтъ однажды, что составляетъ уже необыкновенное счастье ловца или содержателя водъ, или обоихъ вмѣстѣ, если ловецъ былъ подрядный, т. е. промышлявшій на хозяйскій счетъ и въ долѣ съ нимъ. Въ томъ-то и состоитъ особенная заманчивость рыбнаго промысла, что ловецъ въ одинъ счастливый день можетъ заработать столько, сколько земледѣльцу, считающему *самъпятъ* хорошимъ урожаемъ, въ годъ не придется.

Вотъ школа, въ которой выростаетъ рыбакъ, и вотъ то, что поощряетъ его, уже достигшаго самостоятельности въ ряду своихъ собратій, къ постоянному труду.

Отъ такого воспитанія и рода жизни промысловый народъ смотритъ умно, бойко и несравненно болѣе развитъ, чѣмъ въ мѣстахъ земледѣльческихъ, именно въ слѣдствіе необходимости часто бывать на водѣ, на которой какой угодно увалень сдѣлается расторопнымъ. Свободный трудъ по условію съ содержателемъ водъ, хотя бы онъ былъ владѣльцемъ крестьянина, имѣетъ также огром-

(*) При большихъ промысловыхъ лодкахъ, въ родѣ изображенной на рисункѣ реюшки, бываютъ меньшія, которыя называются «подчалками»; ихъ имѣютъ для большаго удобства осматривать порядокъ, т. е. перебирать снасть съ удочками, что называется дѣлать переборку. При этомъ рыбакъ, снявъ руль съ подчалка, ложится ничкомъ на кормовую его часть и доставъ изъ воды веревку, къ которой прикрѣплены удочки, ведется по ней кормою впередъ во всю длину порядка (смотри въ объясненіи рисунковъ «снасть самоловная»).—Ловецъ имѣетъ подъ рукою «чекушу» (колотушку), багорчикъ и куканъ, которыми распоряжается мастерски и если хочетъ рыбу доставить живою, то не чекушитъ, а только продѣваетъ ей въ ротъ послѣдній и привязываетъ его къ лодкѣ. Если рыба не велика, то на одномъ куканѣ бываетъ ихъ по нѣсколько штукъ и всѣ плывутъ за лодкой. Въ такомъ положеніи красная рыба можетъ пробыть сутки и даже болѣе, смотря по тому много или мало ранена крючками снасти и по времени года. Для предохраненія отъ мокроты, ловцы, отправляясь на переборку, надѣваютъ на себя «кожаны», т. е. кафтаны изъ кожи.

ное вліяніе на развитіе мѣстныхъ рыбаковъ, о которыхъ можно сказать вообще, что они народъ ловкій, практическій, но пальца къ нимъ въ ротъ не клади! Есть таки между ними плуты, за которыми нужно смотрѣть въ оба! Слѣдовательно я слишкомъ далекъ отъ того, чтобы представлять рыбаковъ существами идеальными, преисполненными всяческихъ добродѣтелей! Нѣтъ, они люди обыкновенные, но неутомимо и сознательно-трудящіеся, слѣдовательно полезные. Вотъ чѣмъ хороши они.

Нельзя также оставить безъ вниманія, что какъ ни сурово поприще рыбака, однакоже оно не ожесточаетъ человѣка: промысловые старцы, всю жизнь рыбачившіе на морѣ, не только не имѣютъ въ себѣ ничего отталкивающаго, но отличаются кротостью, привѣтливостью, до преклонныхъ лѣтъ не покидаютъ труда по силамъ, чтобы не быть въ тягость семействамъ, и вообще ни единою чертою не походятъ на уродливыхъ героевъ морскихъ романовъ въ родѣ Плика и Плока съ К°, героевъ, представляющихъ что то среднее между тюленемъ и чортомъ!

Нравственность рыбаковъ и рыбачекъ въ отношеніи къ супружескому цѣломудрію очень удовлетворительна, по крайней мѣрѣ не слыхать здѣсь про «снохачей».

Грамотность весьма уважается въ промысловыхъ селеніяхъ: безъ нея трудно попасть и въ разъѣздные (въ надсмотрщики надъ ловцами), не только въ болѣе значительныя промысловыя должности, о которыхъ будетъ сказано далѣе. Кромѣ того многіе любятъ читать Божественныя книги и берутъ ихъ съ собой, отправляясь на ловъ. Правда, не всѣ эти книги православной редакціи, но все же лучше сказокъ о Бовѣ королевичѣ и тому подобныхъ, искажающихъ здравый смыслъ сочиненій; грамотному конечно легче и объяснить догматы святой истины и обязанности гражданскія и-были бы только наставники *разумно-ревностные*—расколъ не устоитъ передъ просвѣщеніемъ!

Правда также, что родъ жизни, который ведутъ рыбаки, не дозволяетъ имъ всякій праздникъ бывать въ церкви; но за то нерукотворенный храмъ Божій, сводъ неба, то ясный, то незримый поверхъ кристалла водъ, всегда открытъ пловцу—молись когда угодно! Въ особенности располагаютъ къ этому темныя, тихія ночи, когда вниманіе ничѣмъ не развлечено, и человѣкъ невольно со-

средоточивается въ самомъ себѣ, въ бесѣдахъ съ своею совѣстью! Тихо колеблятся волны вокругъ лодки; тихо становится и на душѣ человѣка послѣ искренней слезы раскаянія, послѣ чистосердечнаго обращенія къ Богу! а такихъ ночей, такихъ минутъ много доводится переживать скитальцу между водой и небомъ—морскому рыбаку!

ГЛАВА III.

На какихъ основаніяхъ и какъ ведется промысловое дѣло.—Промысловая полиція.—Начальства, мастера и мастерицы.—Приготовленіе рыбныхъ товаровъ: участіе женщинъ; промысловый день.—Пища рыбаковъ.—Радушіе рыбныхъ промышленниковъ; гостепріимство. — Сравненіе рыбнаго промысла съ земледѣльческимъ хозяйствомъ.

Ловцы главнаго рыболовства раздѣляются на черневыхъ и морскихъ, смотря по тому вблизи или вдали отъ береговъ производятъ ловлю (*).

Тѣ и другіе снаряжаются на задатки, получаемые отъ содержателей промысловъ, и должны отработать полученную ссуду доставленіемъ рыбы и икры въ промысловое хозяйство по условленной обоюднымъ согласіемъ цѣнѣ. Клей и вязига поступаютъ отъ ловцовъ безъ особой за нихъ платы.

Задатокъ для морскаго лова, требующаго и болѣе исправной и въ большемъ количествѣ снасти, а также и лодокъ бо́льшихъ размѣровъ, дается по этому бо́льшій, чѣмъ на черневой ловъ, и въ обоихъ случаяхъ соображается съ искуствомъ и честностью промышленника, съ количествомъ снасти (**), которое онъ обязывается имѣть на лову. Все это аптекарски взвѣшивается промысловою конторою, которая самымъ точнымъ образомъ вноситъ въ контрактъ свои

(*) Чернями вообще называются острова подъ W берегомъ N трети отъ слова: «чернѣть»—обозначаться издали. Когда завидятъ ихъ съ моря, говорятъ: «черни примаячиваютъ». Черневой ловъ простирается отъ устьевъ до глубины 1½ саж., далѣе ловъ уже морской, и хотя для обоихъ употребляются одинаковыя снасти, но справа на первый обходится дешевле, да и ловцы бываютъ похуже, чѣмъ на послѣднемъ.

(**) На морскую лодку полагается не менѣе 100 и до 300 «счаловъ»; объясненіе этого слова читатели найдутъ въ описаніи «самоловной снасти».

отношенія къ промышленнику и его обязанности къ ней для обезпеченія обоюдныхъ интересовъ.

Хотя конечно на сторонѣ дающаго деньги всегда есть преимущество передъ получающимъ ихъ, но оно уравновѣшивается тѣмъ, что отъ усердія и добросовѣстности ловца много зависятъ пользы его хозяина, который очень хорошо это понимаетъ, ловецъ тоже, и потому кромѣ обыкновенныхъ мѣръ къ предупрежденію контрафакцій никакой лишней «кабальщины» въ контрактъ не вводится.

При наймѣ калмыцкихъ и русскихъ артелей для рѣчнаго лова требуется круговая другъ за друга порука; но вообще это не очень надежная гарантія. Извольте тягаться съ ловцами, которые не явились къ сроку или не въ томъ числѣ исправныхъ работниковъ, какъ было условлено при выдачѣ задатка, или вовсе не пришли, поступивъ куда нибудь на другой промыселъ! Время уже прошло и задатокъ вашъ пропалъ, а вмѣстѣ съ нимъ и то, что могло быть пріобрѣтено на него ловомъ. Если ловцы изъ государственныхъ крестьянъ, или калмыки, мѣстное начальство считаетъ долгомъ брать сторону этихъ послѣднихъ, не расчитывая того, что кліенты за безнаказанное плутовство и такъ сказать потачку имъ весьма могутъ остаться безъ работы на будущее время.

Заловная плата различается: по сорту и величинѣ рыбы и по времени года, въ которое промышлена.

По сортамъ рыба раздѣляется на *красную* и *частиковую*; по величинѣ на *мѣрную* и *полумѣрную*; по времени года на *холодную* и *жаркую*.

Красною рыбою называются бѣлуга, осетръ, шеврига и сомъ, а всѣ прочіе сорты *частиковою* (*).

Мѣрною въ сортахъ красной рыбы считается:

Бѣлуга . .	въ 25	вершковъ (**).	
Осетръ . .	— 21	—	—
Шеврига .	— 17	—	—
Сомъ . . .	— 16	—	—

(*) Объясненіе этого названія читатели найдутъ въ описаніи невода.

(**) Бѣлуга въ 12 четвертей считается за 2, въ 13—за 3, въ 4—за 14, въ 15 и выше за 5 рыбъ. Такъ расчитывается и заловная плата: вдвое, втрое и проч. Попадаются бѣлужки и въ 30 четвертей и подлиннѣе!... Самые большіе осетры и шевриги длиною до 2-хъ аршинъ.

Въ сортахъ частиковой:

сазанъ мѣрный . . . 11 вершковъ.
— полумѣрный . 10 —
— третной . . . 9 —
судакъ мѣрный . . . 8 в.—
лещъ . . . . 5½ —

Мѣру считаютъ отъ половины глаза по конецъ краснаго пера на махалкѣ и производятъ ее тростью съ крючкомъ на концѣ, раздѣленною на четверти и вершки.

Холодною называется рыба, вытягиваемая зимой изъ садковъ (*), накопляемыхъ съ половины лѣта до морозовъ, также поздне-осенняя, которую продаютъ «колодкою» (свѣжею) на малосолъ, и ранняя весенняя. Изъ послѣдней лучшіе осетры и бѣлуги идутъ на балыки.

Жаркая рыба ловится съ 8 іюля (**) до сентября.

(*) Изъ частиковой рыбы только стерлядь сажаютъ въ садки и продаютъ по одной цѣнѣ съ бѣлугой; а шеврига и осетръ идутъ въ другой, высшей. Сома въ садки не сажаютъ.

(**) Этимъ числомъ начинается и оканчивается промысловый годъ, что хотя и несогласно съ календаремъ, однакоже вошло въ правило на томъ основаніи, что рыбы и икра, въ этотъ періодъ добываемыя, рѣзко отличаются и гораздо хуже чѣмъ въ періоды предшествующій и послѣдующій; тѣло какъ будто ослизлое; а икра иногда бываетъ такъ жидка, что ни зерномъ, ни въ видѣ паюсной приготовить ее нельзя, а потому и солится не пробитою, а въ ястыкахъ (жилистая плена, облекающая зерны). Въ это время, по всей вѣроятности да и по показанію старыхъ рыбаковъ, долго промышлявшихъ, красная рыба, преимущественно бѣлуга, мечетъ икру, а потому для сбереженія ея въ Каспійскомъ морѣ весьма полезно было бы воспретить жаркой ловъ, чтобъ не препятствовать размноженію самыхъ дорогихъ сортовъ рыбы. Но при теперешнихъ высокихъ арендахъ за казенныя воды, при повинностяхъ, лежащихъ на промысловыхъ имѣніяхъ, никакія ограничительныя мѣры по рыболовству не могутъ имѣть мѣста. И только одни Уральцы могутъ наблюсти въ своихъ водахъ экономическій порядокъ, потому что все теченіе рѣки Урала принадлежатъ имъ; тогда какъ большому Астраханскому рыболовству принадлежатъ только низовья рукавовъ Волги. Чѣмъ ближе къ осени, чѣмъ раньше весной, тѣмъ рыба и икра крѣпче, вкуснѣе, а зимою та и другая бываютъ наилучшія. Но нѣтъ никакой вѣроятности допускать, чтобы рыба могла метать икру въ то время, когда ея зерны крѣпки и такъ сказать еще не созрѣли для соединенія съ молокомъ, въ какомъ состояніи видимъ ее (въ породахъ красной рыбы) о лько въ жаркое время года.

Плата за икру также различается: дороже всего даютъ ловцу за зимнюю, потомъ за осеннюю, изъ которой лучшая приготовляется зерномъ для отправленія за границу, преимущественно въ Берлинъ; потомъ за разройную (весеннюю), приготовляемую паюснымъ передѣломъ, и наконецъ за жаркую, промышляемую въ вышеозначенный періодъ. . . . . .

Такимъ образомъ по красноловью плата ловцу соображается съ цѣнностью рыбы, доставляемой имъ въ промысловое хозяйство, и выражаетъ хорошій процентъ съ той суммы, которую содержатель промысла самъ можетъ выручить. Отработавъ задатокъ и промысливъ сверхъ того, ловецъ получаетъ плату за *переловъ*, и тогда онъ уже въ чистомъ барышѣ; если только свелъ концы съ концами, и то не въ убыткѣ; если даже онъ остался въ незаловѣ, напримѣръ, весной, то можетъ еще поправиться осенью или зимой. Слѣдовательно, трудъ его во всякомъ случаѣ вознаграждается и бытъ обезпеченъ. Собственно говоря, ловецъ живетъ на задатокъ, и съ поддержкою женскаго хозяйства, о которомъ упомянуто было во 2-й главѣ, живетъ безбѣдно; а деньги наживаетъ отъ перелова, и чѣмъ больше его будетъ, тѣмъ это выгоднѣе для содержателя промысла, потому что относительная цѣнность рыбныхъ товаровъ весьма много зависитъ отъ количества ихъ, предлагаемаго покупателю, т. е. при большой партіи продающій всегда можетъ настоять въ цѣнѣ, а при малой она зависитъ уже отъ послѣдняго. Кромѣ того незаловы однихъ ловцовъ, много или мало ощутительные, вознаграждаются переловами другихъ и поддерживаютъ равновѣсіе промысловаго баланса.

Въ свою очередь и многіе промыслы поддерживаются задатками отъ запродажи будущихъ улововъ; а рыбные торговцы, дающіе задатки, исправностью промышленниковъ. Эта круговая порука, этотъ умный союзъ между непосредственными производителями рыболовства и тѣми, которые доставляютъ имъ къ тому матеріальныя средства,—союзъ, основанный на обоюдной пользѣ, составляетъ твердую основу рыбной промышленности; оттого-то она и можетъ еще выдерживать многія стѣсняющія ее постановленія.

Но толи мы видимъ въ земледѣльческихъ хозяйствахъ, основанныхъ на обязательномъ трудѣ?....

Съ того начать, что крестьянинъ какъ на главное обезпеченіе своего положенія можетъ разсчитывать только на два шанса: на урожай

озимаго и яроваго хлѣба; а у рыбопромышленника ихъ три, пожалуй вмѣстѣ съ жаркимъ ловомъ и четыре—отъ одного тѣла рыбы, а пятый отъ икры, которой и въ небольшомъ количествѣ первой иногда бываетъ много. Если же такая удача выпадетъ осенью, зимой или весной, когда икра дорога, то ясно, что промышленникъ, которому за его трудъ уже заплачено впередъ, можетъ на худой конецъ жить безъ нужды.

Но урожай на нивахъ земледѣльца не составляетъ еще ручательства въ томъ, что онъ будетъ съ деньгами, что трудъ его окупится; нѣтъ, надобно еще знать, какія будутъ цѣны на хлѣбъ, а нужда не терпитъ! и если говорится вообще, что «цѣну Богъ строитъ», то когда крестьянинъ привозитъ на рынокъ свои сельскіе продукты—правило это измѣняется и цѣна на нихъ вполнѣ зависитъ отъ стачки кулаковъ, отъ ихъ произвола.

О томъ, что для крестьянина нѣтъ никакой радости при урожаѣ на поляхъ помѣщика, ни печали, если вмѣсто хлѣба соберутъ съ нихъ одну солому—и говорить нечего. Интересы разрознены и часто каждый думаетъ только о самомъ себѣ. Въ послѣднемъ случаѣ для крестьянина еще лучше: меньше работы! Но когда у нихъ нѣтъ хлѣба, помѣщикъ весьма можетъ призадуматься; обязательный трудъ крестьянина налагаетъ на владѣльца весьма важную и нельзя сказать, чтобы легкую обязанность: прокармливать его въ голодные годы, послѣ которыхъ земледѣлецъ не вдругъ поправляется. Оскудѣніе же одной изъ главныхъ производительныхъ силъ имѣнья прямо въ убытокъ помѣщику!..

— Нѣтъ; то ли дѣло свободный трудъ, основанный на обоюдныхъ выгодахъ: обѣ стороны стремятся къ одной общей цѣли и для скрытой вражды между дающимъ и получающимъ уже нѣтъ мѣста.

Теперь, когда рубликъ быстрѣе покатился по рынку, какъ свидѣтельство того, что время застоя миновалось (а можетъ быть и въ слѣдствіе ненормальнаго его положенія, т. е. упадка въ цѣнѣ), задатки ловцамъ даются вдвое бо̀льшія, чѣмъ пять лѣтъ назадъ, и простираются подъ одинъ весенній уловъ красной рыбы до 300 руб. сер. на лодку! Но хорошіе ловцы (разумѣется при надбавкѣ къ прежней заловной платѣ) отработываютъ ихъ и еще остаются въ переловѣ!

Не прилагаю среднихъ цѣнъ, которыя получаютъ ловцы отъ

содержателей водъ за рыбу, потому что по неодинаковости ихъ на разныхъ промыслахъ и въ разные періоды лова, тѣмъ болѣе, что на нѣкоторыхъ промыслахъ стали давать плату съ вѣса, а не съ мѣры,—это было бы невозможно.

Ловъ частиковый производится: а) отъ вскрытія водъ до 9-го мая, когда онѣ возвышаются до уровня береговъ или уже начинаютъ затоплять ихъ и теченіе такъ усиливается, что невода «выдуваетъ» имъ въ обратную сторону; б) въ самый періодъ разлива на полойныхъ (заливаемыхъ) мѣстахъ: ловъ этотъ производятъ русскіе изъ мѣстныхъ крестьянъ, артелями (сѣтчики и волокушники); в) съ первыхъ чиселъ іюля, когда тяга неводовъ на рѣкахъ снова сдѣлается возможной и до заморозовъ (*), и г) зимой неводами, вентерями и сидебками (см. рисунки и ихъ объясненія) (**).

Плата подряднымъ ловцамъ по частиковому лову слѣдующая:

За тысячу мѣрнаго:

сазана	40 руб. сер.
судака	8 — —
леща	4 — —
касп. сельди, на которую мѣры не назначается . .	2 руб. сер.

За бѣлорыбицу, которая чѣмъ ближе къ веснѣ, тѣмъ дешевле, отъ 80 до 20 коп. за штуку.

Изъ прочихъ сортовъ частиковой рыбы имѣютъ промысловое значеніе *бершъ*, который идетъ на малосолъ, и *вобла*, улавливаемая весной. Ее *спьютъ*, т. е. солятъ и сушатъ частію для мѣстнаго потребленія, частію для продажи верховому простонародью; но на большихъ промыслахъ этимъ не занимаются и даже стерлядь, рыба гастрономическая для Москвы, Петербурга и проч., очень мало

(*) Промышляемую въ это время красную рыбу и стерлядь сажаютъ въ садки, которыя устроиваютъ въ небольшихъ протокахъ посредствомъ забоекъ въ родѣ учужныхъ. Когда садки наполняются подрядными ловцами, то они кладутъ на рыбѣ свои мѣтки, на ея перьяхъ, и по мѣткамъ распознаютъ ее; когда же садки вытягиваютъ, тогда получаютъ и плату за рыбу.

(**) Зимній частиковый ловъ въ подгородныхъ Астраханскихъ водахъ иногда производится изъ половины, даже изъ третьей части добычи ловцами, неполучающими отъ арендатора никакой ссуды на справу, и мнѣ кажется, что въ этомъ обычаѣ есть указаніе на надѣлъ крестьянъ тѣхъ промысловыхъ имѣній, въ которыхъ или очень мало земли, или она вовсе не имѣетъ цѣнности.

цѣнится на низовыхъ ватагахъ. Промысловую статью она составляетъ только въ видѣ садковской и въ подгородныхъ водахъ, откуда ее удобно доставлять въ городъ. Такъ какъ частиковый ловъ производится преимущественно наемными неводными, то плата имъ за разные періоды лова производится слѣдующая:

Простой работникъ получаетъ:

отъ вскрытія водъ до 9 мая	25 руб. сер.
съ іюля до заморозовъ	35 — —
за зиму	15 — —

Состоящіе же въ каждой неводной артели *пятчикъ* получаетъ 10, а *неводчикъ*, начальникъ артели, 20% болѣе противъ рабочаго. Всѣ эти такъ сказать постоянные неводные, большею частію, изъ калмыковъ. Они обязаны дѣлать по три тони въ ночь; а когда рыба сильно идетъ, то и четыре;—ночная же тяга неводовъ, разумѣется кромѣ зимы, принята за правило на томъ основаніи, что въ эту пору рыба лучше ловится.

Общее количество добычи отъ частиковаго лова простирается до десятковъ милліоновъ одпихъ промысловыхъ, т. е. поступающихъ въ оптовую продажу сортовъ рыбы; а сколько еще идетъ ее на вытопку жира и употребляется въ пищу мѣстнымъ промысловымъ населеніемъ и горожанами? Но Каспійская сажалка неистощима, по крайней мѣрѣ, для частиковой рыбы, какъ думаетъ объ этомъ нашъ знаменитый академикъ докторъ Бэръ. Нельзя однако сказать того же на счетъ красной и потому, чтобы сберечь ее для будущаго, необходимо нужно оставлять ее въ покоѣ мѣсяца на два въ теченіи года, или на одинъ годъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Но первое было бы удобнѣе. Не надо забывать, а нужно держать въ памяти, что Каспійское рыболовство составляетъ очень важную статью въ государственномъ и народномъ хозяйствѣ и потому для расчетовъ промысловой мелкоты тутъ уже не должно быть мѣста, также какъ и для жадности корыстолюбцевъ. Вообще промышленники не отличаются экономическими соображеніями для сбереженія промышляемаго на будущее время (будь это звѣрь, птица или рыба, имъ все равно), и едва ли когда бываютъ они довольны количествомъ пріобрѣтенной добычи. Сколько бы ее ни промышляли, а все кажется, что *еще хоть горсточку*—не мѣшало бы! И потому напрасно стали бы ожидать, что они сами согласятся на какія

нибудь хозяйственно-экономическія мѣры къ сбереженію рыбы, и только правительство можетъ постановить ихъ. Повторю, однакоже, сказанное выше въ примѣчаніи, что безъ нѣкоторыхъ пожертвованій съ его стороны онѣ невозможны и что ни въ какомъ случаѣ не могутъ примѣняться къ одному большому рыболовству, но должны быть распространены и на прочіе промыслы по крайней мѣрѣ до Царицына, т. е. до того мѣста, гдѣ вытекаетъ изъ Волги первый и главный ея отдѣлъ—рѣка Ахтуба. Немного или вовсе не сбережется рыбы если ловъ ея будетъ на нѣкоторое время прекращаемъ на взморьѣ, и безпрерывно производимъ въ рѣкахъ!

Содержатели промысловъ, предоставляя рыбакамъ полное право брать «на котелъ столько рыбы, сколько понадобится», имѣютъ однакоже для обезпеченія своихъ главныхъ интересовъ и на морскомъ лову и при неводахъ надзирателей, называющихся *разъѣздными,* которые наблюдаютъ, чтобы ловцы не передавали рыбы на сторону, не утаивали добычи, но доставляли ее на промыселъ и чтобы чужіе рыбаки не облавливали водъ. Кромѣ того есть надзиратели *набережные*, осматривающіе лодки, отправляющіяся изъ своего въ другія селенія или въ городъ, чтобы обыватели, подъ предлогомъ отвоза туда продуктовъ своего домашняго хозяйства, не провозили рыбной контрабанды, къ которой принадлежатъ всѣ сорты красной рыбы, также ея икра, клей и вязига. Когда идетъ съ промысла лодка съ такимъ грузомъ, то при ней находится «надежный человѣкъ», служащій при промыслѣ, обязанный, по прибытіи въ Астрахань, явиться въ свою контору и сдать рыбу и проч. по накладной. Здѣсь есть также *набережные*, свидѣтельствующіе эти накладныя, и если бы обнаружилось, что рыба воровская, то лодку вмѣстѣ со всѣмъ, что на ней найдется, конфискуютъ, а лично съ обловщикомъ поступаютъ по усмотрѣнію, т. е. или отпускаютъ его общипанымъ пѣтухомъ или передаютъ въ руки полиціи. Строгость въ этомъ случаѣ необходима, потому что содержаніе промысловъ (при чемъ всѣ главные расходы нужно дѣлать впередъ) и безъ того обходится дорого и что при потачкѣ обловщикамъ не только нельзя было бы расчитывать на пользу, но даже и на то, чтобы сводить концы съ концами. Но какъ ни бдительна промысловая полиція, какъ ни строги бываютъ подъ часъ конфискаціи, однако же обловщики, эти своего рода контрабандисты, находятъ средства провозить и сбы-

вать тайно воровскую рыбу и икру, на которыя всегда есть покупатели изъ исадчиковъ (торговцы на съѣстныхъ рынкахъ) (*) и другихъ, неотличающихся честностью, по крайней мѣрѣ разборчивостью въ пріобрѣтеніи товара. Зло этихъ контрафакцій пустило глубокіе корни въ промышленности и тяготѣетъ почти безразлично надъ всѣми морскими промыслами, гдѣ за рыбакомъ усмотрѣть трудно. Есть однакоже конторы, которыя нерасчетливымъ и стѣснительнымъ образомъ дѣйствій сами способствуютъ передачѣ рыбы на сторону, именно тѣ, которыя затягиваютъ расчеты съ ловцами или въ число задатка даютъ болѣе снастью и припасами по дорогой цѣнѣ, чѣмъ деньгами, чтобы ловецъ самъ могъ снарядиться и купить что нибудь для обезпеченія своихъ домашнихъ нуждъ. Промыслы съ такими порядками—кладъ для сосѣднихъ, на которыхъ болѣе входятъ въ нужды рабочихъ, не имѣющихъ ни воды, ни земли, чтобы кормиться независимымъ образомъ и оплачивать государственныя, а иногда господскія повинности. Если при этомъ и заловная плата за рыбу ниже, чѣмъ на другихъ, то контрабанды становятся еще неизбѣжнѣе, и на оборотъ, гдѣ щедры на деньгу, тамъ и рыбы будетъ больше. Ловцы всегда съумѣютъ передать ее одинъ другому, обманувъ бдительность разъѣздныхъ или стакнувшись съ ними. Деньги чего не дѣлаютъ?....

Вся красная рыба, свозимая ловцами на рыбопріемный плотъ, подвергается обмѣреванію и браковкѣ въ качествѣ; а икра въ томъ видѣ, какъ вынута изъ рыбы, принимается на вѣсъ, что̀ лежитъ на обязанности плотоваго, который ведетъ поденный журналъ и вноситъ въ него противъ именъ ловцовъ и въ ихъ отдѣльные листы количество добычи, различая ее по сорту и мѣрѣ.

Поэтому должность плотоваго, кромѣ грамотности, требуетъ еще й «нарочитой» честности и отсутствія излишней притязательности къ ловцамъ, дабы съ одной стороны не потакать имъ, принимая настоящіе полумѣрки за мѣрную рыбу, или попортившуюся во время перевозки (**) за свѣжую; а съ другой, чтобы изъ за какой нибудь $1/_{10}$ доли вершка, недостающаго къ мѣрѣ рыбы, не помѣчать ее

(*) Слово рынокъ здѣсь неупотребительно, оно замѣняется татарскими: базаръ, исады.

(**) Это случается въ жаркое время года.

полумѣркомъ или складывать лишніе проценты на жидкость икры, если ловецъ долженъ былъ раздѣлать рыбу въ морѣ. Излишняя придирчивость плотоваго можетъ побуждать ловцовъ къ передачѣ рыбы чужимъ людямъ; слѣдовательно подъ видомъ охраненія интересовъ хозяина онъ будетъ дѣлать ему вредъ. Но хорошій плотовый всегда съумѣетъ соединить обоюдныя пользы и потому должность эта весьма уважается на промыслахъ и какой бы ни былъ плутъ прикащикъ, т. е. смотритель промысла, онъ безъ содѣйствія плотоваго ничего сдѣлать не можетъ.

Принятая рыба раздѣлывается «рѣзальщикомъ», своего рода прозекторомъ, который вынимаетъ изъ нея клепну, вязигу, икру, или молоки и кишки. Клей и вязига поступаютъ на выдѣлку къ клеевщику или клеевщицѣ; икра, отъ которой отдѣляются жирныя жилки и оболочка, называемая пробойками (*), къ мастерамъ по этой части, а рыба, по окончаніи процесса «раздѣлки», къ солельщику, который по достаточномъ охлажденіи ея на ледникѣ сверхъ колодъ, чтобы животная теплота изъ нея вышла (**), укладываетъ потомъ въ лари плашмя и посыпаетъ такимъ количествомъ соли, которое по сорту рыбы нужно для ея приготовленія въ прокъ.

На	1	пудъ	бѣлуги	кладутъ соли . . .	12	фунт.
—	—	—	осетра	— — . . .	9	—
—	—	—	шевриги	— — . . .	7	—
—	—	—	сома	— — . . .	10	—

Въ жаркое время года на первый и послѣдній сортъ кладутъ и больше.

Молоки и пробойки также солятся и находятъ покупателей въ простомъ народѣ; а кишки идутъ на вытопку жира, котораго не смѣшиваютъ съ жиромъ изъ частиковой рыбы: хорошо приготовленный, онъ не имѣетъ никакого запаха, горитъ безъ копоти, и употребляется на промыслахъ въ пищу вмѣсто постнаго масла. Для приготовленія икры зернистой и паюсной ее сначала пробиваютъ сквозь грохотку, потомъ кладутъ на нѣкоторое время въ «тузлукъ» (раз-

(*) Отъ слова пробивать сквозъ грохотку (смотр. рисунокъ.)

(**) Это необходимо нужно, иначе рыба, не смотря на соль и холодную температуру выхода, сгорится, получитъ противный запахъ и попортитъ лежащую около нея другую рыбу.

солъ болѣе или менѣе крѣпкій), потомъ, когда, по соображенію икрянника, взмѣшивающаго зерна веселкой, икра достаточно просолилась—въ рѣшето, чтобы стекла, и наконецъ въ кульки или холщевые мѣшечки, въ которыхъ ее или посредствомъ пресса или просто руками окончательно отжимаютъ, и такимъ образомъ паюсная икра готова; а если приготовляется зерномъ, то прямо изъ рѣшетъ кладутъ ее въ боченки или въ *ушатки* съ крышками. Зернистая икра идетъ въ оптовую продажу только осенью и зимой, а то большею частію паюснымъ передѣломъ (*), при чемъ посуду для икры обкладываютъ внутри салфеткой или холстомъ, или же прямо продаютъ въ мѣшечкахъ, въ которыхъ она приготовлялась: отсюда названія салфеточной, мѣшечной икры.

Рыба частиковая, смотря по ея сортамъ, приготовляется различно: весенній сазанъ, судакъ и лещь по просолкѣ высушиваются и въ этомъ видѣ продаются; большая часть улова каспійской сельди приготовляется въ родѣ иностранной. Въ послѣдніе годы сбытъ ея чрезвычайно увеличился, а прежде она шла преимущественно на вытопку жира (**), что было гораздо менѣе выгодно.

На тысячу судака, приготовляемаго сухимъ, кладется соли			10½ п.	
— — — осенью малосоломъ	—	—	7	—
— — леща въ сушку	—	—	7	—
— — — малосолъ	—	—	5	—

Что касается до содержанія служащихъ по рыбнымъ промысламъ, то промысловый смотритель, плотовый, разъѣздные, набережные и жиротопы служатъ по найму, а «художники,» приготовляющіе рыбные товары, получаютъ задѣльную плату по количеству приготовленнаго, и отъ ихъ искусства очень много зависятъ доходы и репу-

(*) На пудъ паюсной икры нужно употребить свѣжей отъ 8 до 12 ф. болѣе противъ того, сколько идетъ на зернистую.

(**) Для вытопки частиковаго жира устроиваются временныя жиротопни, т. е. на берегу притока кладутъ печи, вмазываютъ въ нихъ котлы для кипяченія воды, и разставляютъ около нихъ обрѣзы, въ которые кладутъ мелкую рыбу и заливаютъ ее кипяткомъ. Такимъ образомъ она подвергается гноенію и по мѣрѣ того какъ отдѣляется отъ нея жиръ его снимаютъ,—вотъ и весь процессъ; но запахъ у жиротопень едвали еще не хуже, чѣмъ въ извѣстныхъ мѣстахъ, и потому ихъ устраиваютъ въ отдаленіи отъ ватагъ и селеній.

тація промысла. Но не подумайте, чтобы одни мужчины знали и отправляли промысловое дѣло; нѣтъ, прекрасный полъ, эти бой-бабы и красныя, но рѣдко прекрасныя дѣвушки, имѣютъ свою и очень важную долю въ общемъ трудѣ. Конечно ни морскаго, ни рѣчнаго лова онѣ не производятъ, но за то при ватагахъ находятъ много занятій, замѣняя мужчинъ. Такъ на многихъ промыслахъ женщины занимаются приготовленіемъ икры, выдѣлкою клея, вязиги; дѣвушки и бездѣтныя вдовушки нанимаются вмѣсто гребцовъ къ рѣчнымъ разъѣзднымъ, также для перевозки соли изъ соляныхъ магазиновъ (*) на промыслы, и разныхъ припасовъ изъ города; туда же отвозятъ рыбу. На нѣкоторыхъ занимаются еще вытопкою частиковаго жира у себя на дому и на всѣхъ вообще рѣзкою (раздѣлкою) частиковой рыбы, что̀ составляетъ исключительно женскую профессію. За все это онѣ получаютъ деньги отъ промысловыхъ конторъ независимо отъ счетовъ, которые имѣются съ мужчинами. Слѣдовательно участіе ихъ въ рыбной промышленности также самостоятельно, какъ и первыхъ.

Теперь изображу въ одной картинѣ занятія при промыслѣ въ весенній день, когда общая дѣятельность бываетъ особенно оживлена.

Раннимъ утромъ собирается на рыбопріемномъ плоту промысловое начальство, важно расхаживающее, опираясь на свои мѣрныя трости; тутъ же «художники» рыбнаго дѣла и множество взрослыхъ особъ женскаго пола, одѣтыхъ весьма неизящно по мужскому, и вооруженныхъ багорчиками и ножами; у каждой сверхъ того (или на двухъ по одной) припасены небольшія скамейки, ведра, и по пучку мочальныхъ веревочекъ, называемыхъ петлями.

При видѣ этихъ приготовленій и страннаго наряда женщинъ съ оружіемъ въ рукахъ, человѣкъ непредупрежденный и нерусскій право можетъ подумать, что «амазонки» готовятся дать отпоръ непріятелю, устроивъ на плоту баррикады изъ скамеекъ, чтобъ изъ за нихъ поливать врага кипяткомъ или смолой, прежде чѣмъ дойдетъ до рукопашной схватки, а веревочками вязать или душить плѣнниковъ!

(*) Для оптовой продажи соли, въ томъ числѣ и на рыбную промышленность есть два соляныхъ магазина—Бертюльскій, ниже, Алгаринскій выше Астрахани; но первый главный.

Но вотъ подплываютъ къ плоту рыбницы (*) отъ неводовъ, наполненныя частиковой рыбой, пойманной минувшей ночью, и дѣло само собою объясняется. Рыбу выбрасываютъ на плотъ; плотовый съ своими помощниками принимаютъ ее, какъ было сказано, на мѣру, сортируютъ, считаютъ,—откидываютъ послѣ каждой сотни рыбъ одну въ особую груду и такимъ образомъ ведется общій счетъ, и о количествѣ принятой отъ неводчиковъ разныхъ артелей, заносится въ ихъ отдѣльные листы и въ плотовый журналъ.

Между тѣмъ «амазонки», размѣстясь на скамеечкахъ около принятой рыбы и сидя на нихъ верхомъ, начинаютъ ловко и проворно потрошить ее, поднимая съ полу и придерживая на скамейкѣ багорчикомъ, а ножемъ взрѣзываютъ брюшную полость, вынимаютъ внутренности, изъ коихъ икру каждая рѣзальщица кладетъ въ одно, а кишки и проч. въ другое ведро. Первая, называющаяся «тарасуномъ», поступаетъ большею частію въ ихъ собственность (**): она высушивается и дается въ кормъ домашней птицѣ и свиньямъ, отчего мясо тѣхъ и другихъ пахнетъ рыбой, что̀ очень непріятно; а изъ послѣднихъ вытапливается жиръ. Вычищенную рыбу нижутъ на петли, судака по двѣ, леща по пяти штукъ на каждую, потомъ сполоснувъ кладутъ рыбу въ лари или въ чаны, врытыя въ землю, посыпаютъ такимъ количествомъ соли, какое по ея сорту нужно, и заливаютъ «тузлукомъ»—разсоломъ, остающимся отъ красной рыбы: это и сдабриваетъ ее и составляетъ болѣе или менѣе значительную экономію въ свѣжей соли. На промыслѣ ничто не пропадаетъ: тузлуки, остающіеся въ ларяхъ, послѣ вынутія изъ нихъ красной рыбы, сливаются въ колоды и употребляются какъ вспомогательный разсолъ, а когда онъ отъ долговременнаго употребленія становится негоднымъ (***), отъ него отдѣляютъ неразложившуюся соль,

---

(*) Большія лодки, въ которыя выбагриваютъ изъ неводовъ пойманную рыбу, а если хотятъ доставить ее живою, то кладутъ въ прорѣзи или лодки сажалки; наконецъ употребляемыя для завоза неводовъ называются неводниками.

(**) Въ послѣднее время стали однакоже на нѣкоторыхъ промыслахъ приготовлять судачью икру для продажи въ пользу содержателей.

(***) Можно было бы указать на это обстоятельство какъ на вредное въ гигіеническомъ отношеніи, да опасно: полиція и врачебная управа, вмѣшавшись въ дѣло, пріобщатъ его къ числу *вѣчно текущихъ*; а на долю гигіены тутъ

которая называется «жировою». Дѣвочки подростки,—тутъ же на плоту—на помощь взрослымъ и науки ради; по рѣзкою онѣ не занимаются и одѣты по обыкновенному; а мальчишки—мелкота—вертятся между большими въ качествѣ восхищенныхъ зрителей!

Когда рыба достаточно просолится (недѣли черезъ три), ее вынимаютъ изъ ларей и чановъ, споласкиваютъ леща въ тузлукѣ, судака въ водѣ и вывѣшиваютъ для просушки на воздухѣ. Для этого на мѣстахъ, къ которымъ вода не подходитъ, врываются столбы въ ростъ человѣка съ толстыми перекладинами, на которыя кладутся жерди и уже на нихъ вѣшаютъ рыбу. Оттого весь аппаратъ называется «вѣшелами». Надъ ними устраиваютъ вышки для мальчиковъ-караульщиковъ, которыхъ нанимаютъ рубли за 3—4 пугать корогъ (воронъ), чтобы не портили рыбу. Въ іюнѣ она поспѣваетъ, грузится въ большія суда, приходящія къ промыслу, и отправляется въ верховые города. За рѣзку и мойку женщины получаютъ съ тысячи отъ 25 до 40 коп. сер., а какъ на иномъ промыслѣ поймаютъ въ одну весну милліона три штукъ, не считая сельди, то женщинамъ вообще есть на что сшить себѣ обновки.

Сельдь, которая продается въ разсолѣ, или вовсе не потрошится, или внутренности вынимаются изъ нея маленькими крючками сквозь небольшой разрѣзъ въ брюшной полости. Усилившійся сбытъ этой рыбы, составивъ очень важный расчетъ для многихъ рѣчныхъ промысловъ, отозвался также и на промысловомъ населеніи женскаго пола, который, какъ уже было замѣчено, не сидитъ сложа руки. Неграціозенъ костюмъ женщинъ на плоту и неженственны вообще ихъ промысловыя занятія, но за то полезны и весьма содѣйствуютъ благосостоянію ихъ семействъ.

Одновременно съ рѣзкою частиковой рыбы раздѣлывается и красная, которую привозятъ съ морскаго лова. Операція надъ нею производится слѣдующая: сначала ее кладутъ рядомъ спиною къ верху, и рѣзальщикъ разрубаетъ башки вдоль, для того, во-пер-

---

ровно ничего не придется. Нѣтъ, лучше положиться на совѣсть содержателей промысловъ и на успѣхи просвѣщенія, которое, вмѣстѣ съ гласностію, выдвинувъ впередъ многіе человѣческіе вопросы, не забудетъ конечно и о *рыбьемъ ядѣ,* котораго нужно искать скорѣе въ способахъ приготовленія, въ качествѣ соли для этого употребляемой, чѣмъ въ самой рыбѣ: многолѣтній ржавый тузлукъ конечно не безъ вреднаго вліянія на ея качество.

выхъ, чтобы соль удобнѣе въ нихъ проникла, а во вторыхъ, чтобы можно было совершенно распластать рыбу; кромѣ того часто случается, что она привозится еще живою, такъ нужно, для дальнѣйшей, мучительной операціи, сначала убить ее. (У матерыхъ бѣлугъ также какъ и у сомовъ вовсе отрубаютъ башки (*).) Потомъ рыбу переворачиваютъ навзничь, вскрываютъ брюшную полость, вынимаютъ икру или молоки, кишки, пупочки, отдираютъ отъ спинной части клепку (толстый пузырь), взрѣзываютъ позвоночный хребетъ по самой серединѣ, вынимаютъ изъ него вязигу въ видѣ двухъ ремней и при этомъ, когда одни ихъ концы вырываютъ изъ рыбы, она дѣлаетъ послѣднее конвульсивное движеніе; но едва ли съ разрубленной башкой или вовсе безъ нея и вскрытая она можетъ быть еще живой; а впрочемъ какъ знать: рыба не кричитъ и тогда, когда ее трепещущую кладутъ на горячую сковороду! Но она не долго мучается: процессъ раздѣлки совершается очень проворно, иначе рѣзальщикъ не успѣлъ бы управиться съ нѣсколькими сотнями осетровъ, бѣлугъ, шевригъ, которыхъ въ теченіи дня привезутъ на плотъ. Лучшіе осетры и бѣлуги (средней мѣры) поступаютъ, какъ было сказано, къ балыщику, если онъ есть при промыслѣ, или продаются, для той же цѣли; изъ спинокъ этой рыбы и вырѣзываются балыки, а изъ брюшной полости—теша (**). Для приготовленія балыковъ вырѣзанныя спинки сперва просаливаютъ, натираютъ селитрой, потомъ вывѣшиваютъ на открытомъ воздухѣ, но въ тѣни (подъ навѣсомъ), и нѣсколько разъ переворачиваютъ, то однимъ, то другимъ концемъ вверхъ, чтобы жиръ и сокъ равно

(*) Въ иной бѣлужьей башкѣ бываетъ до 10 пуд. вѣсу на 50 или 60 общаго во всей рыбѣ, въ которой иногда находятъ и тюленьковъ и камни! Перваго покуда еще онъ бѣленькій (щенокъ) и даже сиварь (годовалый) большая бѣлуга легко проглотить можетъ; но послѣдніе вѣроятно образуются въ ней какъ и въ человѣкѣ въ слѣдствіе болѣзни. Ни то, ни другое не уменьшаетъ однакоже промысловой стоимости рыбы. Башки матерыхъ бѣлугъ продаются отдѣльно отъ рыбы, а сомовьи вовсе не употребляются. Изъ внутренности сомовъ идетъ въ продажу только клей,—прочее бросается.

(**) Крупная бѣлуга раздѣлывается на пять частей: два куска теши, два бока, спинная часть до хвоста и сей послѣдній, а башка не въ счетъ. Въ жаркое время года бѣлугу разрѣзываютъ кружками, поперегъ, для того, чтобы удобнѣе просаливались.

разливалось по всему пласту, дѣлали его одинаково мягкимъ, сочнымъ, вкуснымъ!

Лѣтомъ балыковъ не «спѣютъ»—слишкомъ жарко, весь жиръ стечетъ, заведется «шашалъ» (червякъ), да и рыба не того уже качества, какъ весенняя.

Самая легкая работа и менѣе всего хлопотъ клеевщицѣ, потому что клепны не вдругъ поступаютъ въ выдѣлку, но предварительно вымачиваются въ пресной водѣ, чтобы легче было отдѣлить отъ нихъ жирный мясистый слой. Когда клепны достаточно для этого подготовятся, ихъ растилаютъ на лубки, бережно счищаютъ съ нихъ лишнее (*) и выставляютъ на солнцѣ, чтобы провяли, а потомъ раскладываютъ на холстъ подъ навѣсомъ, съ рѣшетчатыми стѣнами (грильяжный мезонинъ), чтобы воздухъ могъ проходить свободно. Тутъ же высушиваютъ вязигу, которую только споласкиваютъ,—и тотчасъ развѣшиваютъ. Когда клей просохнетъ, его вяжутъ въ пачки, бѣлужій особо по десяти клепнъ, а осетриный, шеврижій вмѣстѣ по двадцати пяти клепнъ въ пачку (**); сомовій свертывается сырымъ на подобіе того, какъ свертываютъ молочные блинки, и въ этомъ видѣ высушиваютъ; стерляжій же клей, хотя совершенно однородный съ шеврижьимъ, не собирается. Вязигу всю безразлично свиваютъ въ пучки, которые тѣмъ длиннѣе выходятъ, чѣмъ крупнѣе была рыба, изъ которой вязига вынута. Зимою клея не выдѣлываютъ, а оставляютъ клеевые пузыри до весны во льду или въ снѣгу; отъ этого зимній клей всегда бываетъ темнѣе свѣжаго, точно также, какъ и приготовляемый на судахъ; а потому и цѣны на тотъ и другіе различаются на 30 до 50%. Вязига изъ зимней рыбы также не вынимается, но не смотря на то мастеръ или мастерица, которые приготовляютъ ее и клей, могутъ на хорошемъ промыслѣ заработать 200, 300 руб. сер. въ годъ. Приготовляющіе икру добываютъ столько же; а счастливый ловецъ, и конечно уже не лѣнтяй, можетъ промыслить еще болѣе и отрабо-

(*) Отдѣленныя жирныя частицы клепны называются сдирками; а кусочки отъ выдѣланныхъ крошками. Послѣднія продаются втрое дешевле цѣльныхъ клепнъ, но тѣ и другія на вѣсъ.

(**) Очень странно слышать, когда торговцы въ Петербургѣ и въ другихъ мѣстахъ увѣряютъ, что дескать клей настоящій осетровый или шеврижій, когда на промыслахъ и въ оптовой продажѣ оба сорта смѣшаны.

тавъ задатокъ получить кромѣ того сотню другую за переловъ, а вѣдь это деньги, когда и задатка съ домашнимъ хозяйствомъ, съ выручкою женщинъ, на обиходъ, на оплату повинностей достанетъ. Мужичку средней Россіи, если онъ не мельникъ, не пчеловодъ, не содержатель постоялаго двора или «увеселительнаго заведенія, кабакомъ именуемаго», какъ сказалъ незабвенный Пушкинъ, такая благодать и во снѣ не приснится!

Такъ проходитъ день на промыслѣ, день, исполненный усиленнаго труда, съ которымъ можно сравнить развѣ что работу пчелъ и муравьевъ. И всѣ довольны, кромѣ какого нибудь неудалаго ловца, прибывшаго изъ моря съ яловыми полумѣрками! Но нельзя передать словами того счастія, которое ощущаетъ рыбакъ, возвратившись на промыселъ съ хорошей добычей! И опять таки скажу, что удача чаще выпадаетъ на долю ловца трудолюбиваго и искуснаго, чѣмъ на дюжиннаго.

Но послѣ такихъ трудовъ промысловому народу конечно не до пѣсень и хороводовъ! Завтре предстоитъ такая же работа управляться съ полутысячью и побольше красныхъ рыбъ, да съ десятками пятью, шестью тысячъ частиковой! А потому женщины спѣшатъ, поскорѣе сбросивъ съ себя несвойственное имъ одѣяніе, обрызганное кровью, мокрое и грязное, умыться, и приготовить на ужинъ уху, жереху (родъ соуса), жаркое, пельмени изъ свѣжей рыбы, которую берутъ на плоту, и приготовить не въ домашней печкѣ, а на открытомъ воздухѣ, на таганчикахъ, разставляемыхъ каждою семьею въ такомъ разстояніи отъ жилья, что пожаръ не возможенъ (*). Общность этой картины трапезующихъ при свѣтѣ пылающихъ костровъ, подъ покровомъ неба, и трапезующихъ обильно и вкусно,—отъ трудовъ своихъ; этотъ видъ всеобщаго довольства веселитъ сердце, наводитъ на самыя отрадныя думы о благородствѣ и преимуществѣ свободнаго труда, при которомъ весьма сглаживается рѣзкость сословныхъ различій между господиномъ и

(*) Какъ на примѣръ, достойный подражанія въ деревенскомъ быту, укажу на этотъ обычай, наблюдаемый во всѣхъ промысловыхъ селеніяхъ. Кромѣ случаевъ выпечки хлѣба или пироговъ, лѣтомъ печей въ избахъ не топятъ, а потому и случаи пожаровъ по деревнямъ очень здѣсь рѣдки. Въ иныхъ же имѣніяхъ есть лѣтнія, общія кухни.

крестьяниномъ, и зависимость послѣдняго не составляетъ уже ярма, гнетущаго, унижающаго человѣческое достоинство!.... Но не одной рыбой питаются промышленники: молоко пресное и кислое никогда не бываетъ лишнимъ за ихъ столомъ; лѣтомъ прибавляются къ тому арбузы, дыни, яблоки, иногда квасъ, и все это отлично переваривается въ здоровыхъ желудкахъ рыбаковъ и рыбачекъ. А что такая сложная пища дѣйствительно не вредна, тому служатъ доказательствомъ весьма древніе старики и старухи, цѣлый вѣкъ ею питавшіеся. Ихъ можно найти въ каждомъ промысловомъ селеніи, и эти живые аргументы, вмѣстѣ съ здоровою молодежью, составляютъ фактическое опроверженіе воображаемой злокачественности здѣшняго климата.

Теперь слѣдуетъ упомянуть о похвальномъ обычаѣ, которымъ проникнуты всѣ слои рыбопромышленниковъ. Вы, напримѣръ, проѣзжаете мимо ватаги, и вамъ бы хотѣлось перекусить чего нибудь, отдохнуть, переночевать; не затрудняйтесь-же пристать къ ней. Вездѣ васъ примутъ вѣжливо и радушно, накормятъ чѣмъ Богъ послалъ, т. е. превосходной селянкой и жаркимъ изъ рыбы; къ закускѣ подадутъ икру паюсную или зернистую или ту и другую, и какую еще?... истинно сожалѣю объ васъ, столичные гастрономы! вамъ, никогда не приходится полакомиться такою же, не говорю уже—насытиться; предложатъ еще чаю, а на большихъ поставятъ на столъ бутылку вина, на дорогу дадутъ чего нибудь изъ рыбнаго. О гребцахъ вашихъ и не безпокойтесь: они въ одно время съ вами также позавтракаютъ, пообѣдаютъ или поужинаютъ.

Пристаньте къ рыбницѣ у неводовъ, попросите рыбы на котелъ (на уху), и вамъ не затруднятся набросать въ вашу лодку столько, сколько по глазомѣрному соображенію для васъ и вашихъ гребцовъ нужно на варево и на жареное, да пожалуй еще и домой въ гостинецъ! Наконецъ вы въ морѣ—мясная и соленая пища вамъ прискучила, или запасъ истощился; матросы изъ Астраханцевъ, которые любятъ рыбу больше, чѣмъ говядину, горохъ и кашу, тоже бы хотѣли полакомиться. Вотъ вы подходите къ лодкѣ, стоящей на якорѣ у порядка снасти (*) или идущей подъ парусами; спро-

(*) Когда ловцы уѣзжаютъ на промыселъ съ рыбой или за провизіей.

сите у коршика: «нѣтъ ли рыбки?»... и если есть, то повѣрьте, не поскупится отдать вамъ ее, хотя бы то была единственная добытая на послѣдней переборкѣ, и платы за угощеніе, за рыбу, нигдѣ и никто съ васъ не спроситъ. Отдѣльному ловцу если дадите чарку-другую водки, то тѣмъ онъ и доволенъ! Такое радушіе рыбопромышленниковъ, и крупныхъ и мелкихъ, такое полное отсутствіе гнусной скаредности, оставившей за иными національностями эпитетъ «благоразумной экономіи», заслуживаетъ самой справедливой похвалы! И нельзя не желать всѣмъ этимъ умнымъ, трудящимся людямъ успѣха въ ихъ промышленности и вообще добра! Не одинъ день и не одинъ какой нибудь годъ провелъ я въ ихъ обществѣ; а потому коротко ихъ зная, всегда буду говорить объ нихъ съ уваженіемъ и признательностію, не за рыбу конечно или икру, которою меня подчивали, а за радушіе, съ которымъ это предлагалось!... Но ничего такого, или очень рѣдко можно встрѣтить подобное въ земледѣльческихъ хозяйствахъ, хотя между ними есть и весьма богатыя. Въ иной усадьбѣ полей подъ хлѣбомъ глазомъ не окинешь; въ амбарахъ закромы отъ него ломятся и всякаго съѣстнаго столько, что цѣлый городъ прокормить можно, а попробуйте подъѣхать въ перекладной тележкѣ или въ кибиточкѣ скромнаго вида къ крыльцу господскаго дома этой усадьбы, да попросить не только въ самыхъ палатахъ, но хоть гдѣ нибудь въ надворныхъ службахъ пріюта отъ непогоды, или чтобы дали мѣстечка отдохнуть отъ дальней дороги, совершенной въ проголодь,—навѣрное откажутъ, въ особенности если вмѣсто помѣщика живетъ въ усадьбѣ брюзгливый чухонецъ управляющій (для благоустройства русскихъ помѣстій онъ признанъ такою же необходимостью, какъ удобреніе для полей, какъ Французы для воспитанія благороднаго юношества—это уже извѣстно); и такъ, говорю, лучше и не пытайтесь заѣзжать на барскій дворъ, а то засмѣетъ васъ лакейская челядь! А вотъ гдѣ ничего такого нѣтъ, т. е. въ любомъ изъ промысловыхъ имѣній, будь оно графское или княжеское (главные астраханскіе помѣщики дворяне очень знатные), вамъ прямо укажутъ на господскій домъ, и располагайтесь тамъ не стѣсняясь, по-

въ участкахъ остаются караульщиками разъѣздные, чтобы чужіе ловцы не могли дѣлать переборки и не выдрали (не украли) снасть; но случается и то и другое.

тому что на случай вашего и чьего бы то ни было пріѣзда сдѣлано уже владѣльцемъ или содержателемъ промысла однажды навсегда такое распоряженіе: «принимать и угощать чѣмъ Богъ послалъ», а ужъ извѣстно, что радушному Господь посылаетъ больше, чѣмъ какому нибудь скрягѣ и что «рука дающаго не оскудѣетъ.»

ГЛАВА IV.

О главныхъ мѣстахъ промысла и сбыта рыбы и рыбныхъ товаровъ.—Общая ихъ разцѣнка и состояніе этой промышленности.

Порядокъ, въ которомъ я помѣщу здѣсь главные промыслы Каспійскаго моря, будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ указаніемъ относительнаго достоинства добываемыхъ на нихъ рыбныхъ товаровъ, а именно:

а) Учужные.

б) Прочіе Волжскіе, Уральскіе и Ставропольскіе (*).

в) Эмбенскіе, Аграханскіе вольные промыслы.

г) Сальянскіе, и

д) у береговъ Персидскихъ и Туркменскихъ.

Такое распредѣленіе не произвольно, но основано на самой возможности лучшаго приготовленія рыбы въ прокъ.

Главнѣйшими для этого условіями и пособіями служатъ: а) близость лова отъ мѣста, куда ее нужно свозить для посола (Если ватага отстоитъ далеко, верстъ за 50, за 60, то не всегда бываетъ возможно доставлять рыбу совершенно свѣжею, въ особенности лѣтомъ; или

(*) Приморская часть теперешней Ставропольской губерніи, смежная съ Астраханской, была при образованіи владѣльческаго рыболовства въ составѣ Астраханскаго намѣстничества и тамошніе промыслы (чернерынскій и брянскій) принадлежали государственному прокурору князю Вяземскому. Добываемые на нихъ товары одного качества съ Волжскими. Но кромѣ того на Чернорынскомъ, находящемся на прорвѣ Терека, много добываютъ лосося, лоха и шаман (шахъ маё, т. е. царская рыба): послѣдней въ Волгѣ не ловится, а первые попадаются какъ рѣдкость. Главное отличіе между лососемъ и лохомъ состоитъ въ цвѣтѣ тѣла, которое у перваго очень близко подходитъ къ цвѣту семги, а на вкусъ мало чѣмъ уступаетъ ей; но у лоха оно гораздо блѣднѣе, а на вкусъ много хуже. Третій видъ той же породы составляетъ рыба съ птичьимъ названіемъ: аиста. Тѣло этой еще блѣднѣе, чѣмъ у лоха; на вкусъ по Астраханскм также какъ н. п. щука считается просто дрянью, но въ другихъ мѣстахъ, можетъ быть, была бы и въ почетѣ.

если она попалась на снасть въ свѣжую погоду да останется неснятою дня два-три, когда нельзя дѣлать переборки); б) рыбохранительные выходы со льдомъ и в) качество соли. Послѣднія два условія независимо отъ искусства мастеровъ имѣютъ необходимое вліяніе на качество и такъ сказать прочность соленой рыбы, которую будутъ употреблять не прежде, какъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ ея улова; и такъ какъ всѣ три наиболѣе концентрируются на промыслахъ учужныхъ и всего менѣе у береговъ персидскихъ и туркменскихъ, гдѣ не только ледниковъ, но и никакихъ выходовъ нѣтъ, нѣтъ также и хорошей соли (*), то понятно и различіе въ качествѣ тѣхъ и другихъ товаровъ.

Рыба, добываемая въ Южно-Каспійскихъ водахъ, терпитъ еще отъ дальней перевозки (500,800 миль), при чемъ, бывъ погружена въ суда, она сдавливается собственною тяжестью, теряетъ свою сочность, и кромѣ того спертый воздухъ судоваго трюма, въ которомъ во время перевозки въ Астрахань рыба иногда долго находится, также не безъ вреднаго вліянія на ея качество; а потому рыба Эмбенская, солимая въ судовыхъ ларяхъ, по хорошей Астраханской солью, и промышляемая въ холодные періоды весенняго и осенняго лова, наконецъ доставляемая всего изъ за 200 миль цѣнится дороже не только Туркменской, Персидской, но и Сальянской, а также и добываемой на Аграханскихъ промыслахъ (**). Послѣднюю большею частію досаливаютъ въ Астрахани.

(*) Хотя туркменская соль, добываемая на о. Челекенѣ, очень бѣла и въ обыкновенномъ употребленіи весьма хороша, но для приготовленія въ прокъ рыбы она много слабѣе, т. е. съ меньшимъ содержаніемъ натра чѣмъ Астраханская. Тотъ же недостатокъ имѣетъ соль Бакинская, употребляемая на промыслахъ сальянскихъ и персидскихъ, и Тарковская (Шуралинская), употребляющаяся на промыслахъ Аграханскихъ; Уральская же соль самая лучшая.

(**) Сальянскіе промыслы находятся при устьяхъ Куры и главный называется «Божьимъ промысломъ»; Аграханскіе при устьѣ р. Сулака, пересѣкающей теченіемъ своимъ полуостровъ того-же имени, и на островѣ Малый Лопатинъ между О. О. Чечень и Учь,—въ 150 м. отъ Астрахани. Первые сдаются въ аренду отъ казны, послѣдніе отъ Шамхала Тарковскаго, владѣльца Аграханскаго полуострова и приморской части N-го Дагестана. Владѣлецъ этотъ ленникъ Россіи. При теперешнемъ состояніи дѣлъ на Кавказѣ можно перенести Лопатинскій промыселъ на О. Учь, устроить выходъ съ ледниками (ледъ можно имѣть съ ледяныхъ бугровъ, образующихся на морѣ) и тѣмъ самымъ возвысить значеніе промысла.

Икра Астраханская, какъ и рыба, также цѣнится дороже всѣхъ прочихъ, кромѣ Уральскихъ, которыя нейдутъ черезъ Астрахань, а потому и сличаемы быть не могутъ. Но клея Сальянскіе и Аграханскіе выдерживаютъ браковку наравнѣ съ первыми; добываемые же на судахъ Эмбенскихъ и отдѣльно промышляющими на всемъ морѣ по самой невозможности хорошей выдѣлки оныхъ стоятъ ниже. Впрочемъ нужно замѣтить, что въ продажѣ цѣнность и однокачественныхъ рыбныхъ товаровъ весьма много зависитъ отъ ихъ *количества*, т. е. продажа большими партіями всегда выгоднѣе, а таковыя не всѣ промышленники имѣть могутъ, и что на второстепенныхъ рынкахъ и въ розничной продажѣ вся эта разцѣночная математика утрачивается и всѣ товары слывутъ непремѣнно отличнѣйшими и перваго сорта! За исключеніемъ Уральскихъ и части Сальянскихъ товаровъ, расходящихся по Закавказью, всѣ прочіе, добываемые на Каспійскомъ морѣ, первоначально свозятся въ Астрахань и подъ ея фирмою развозятся уже по Россіи и за границу: отъ того и слыветъ вся Каспійская рыба за Астраханскую!

Съ этого перваго рынка рыбные товары идутъ въ Саратовъ, въ Казань, гдѣ главныя складочныя мѣста сухихъ частиковыхъ товаровъ, въ Нижній (икра, сельдь и коренная рыба) и въ обѣ столицы рыба и икра зимняго улова. Икра осенняя идетъ въ Берлинъ и Кіевъ, а клея въ Петербургъ для продажи за границу.

Въ 1859 году первоначальныя, т. е. Астраханскія цѣны за рыбу и рыбные товары были слѣдующія:

Клей осетровый и шевриніжій	120	руб. сер.
— бѣлужій	90	— —
— сомовій	10	— —
— вязига	18	— —
Икра паюсная промысловая	отъ 15 до 18	пудъ.
Эмбенская	— 14 — 15	—
Сальянская и Персидская	— 11 — 12	—
Икра осенняя, бѣлужья, отправляемая зерновымъ передѣломъ за границу запродана	около 25	руб. пудъ.

Рыба промысловая коренная:

Осетръ . . . . 3 руб.
Шевpига . . . . 2 — 80.
Бѣлуга . . . . 2 — 50.
Эмбенская шевpига и осетръ . . . . . 2 — 20.
Бѣлуга и бѣлужьи куски (*) . . . . . 2 —
Сомъ . . . . отъ 1 — 50 до 1 руб. 60 к.
Рыба Сальянская и Персидская,
преимущественно шевpига. . . . . — 1 — 30 — 1 — 50—
Вся садковская красная и стерлядь запродана (цѣна небывалая) . . . . по 4 руб. пудъ (**).

Рыба частиковая:

Бѣлорыбица . . . . 4 — —
Сазанъ сухой . . . . 4—20 —
— коренной . . . . отъ 70 до 80 к. за пудъ.
Судакъ сухой . . . . — 1 до 10—1—20—
Лещь — лучшій . . . . — 20 до 25 за тысячу.
— — втораго сорта . . . . — 12 — 15 —
Тарань (живая) . . . . — 5 — 7 р. —
Вобла сушеная . . . . — 2 — 2½ —
Селедка . . . . — 7 — 9 —
Жиръ рыбій . . . . 2 р. пудъ

Много ли же всего этого добывается, можетъ быть, полюбопытствуютъ узнать читатели?...Да таки порядочно: въ началѣ 50-хъ годовъ первоначальная стоимость добычи съ Каспійскихъ рыбныхъ промысловъ (кромѣ уральскаго) простиралась на сумму 5 мил. руб. сер. и народу было при нихъ занято до 50 т. человѣкъ!

Сколько того и другаго теперь,—достовѣрно сказать не могу; но не думаю, чтобы меньше. Всѣ главные Каспійскіе промыслы нахо-

(*) Въ жаркое время года крупная бѣлуга раздѣлывается нетолстыми кусками поперегъ тѣла, чтобы удобнѣе могли просаливаться и помѣщаться въ судовыхъ ларяхъ кусовичей, промышляющихъ на животѣ.

(**) Это та самая, которая привозится въ столицы зимою (замороженная) и въ 1858 году продавалась въ Петербургѣ отъ 25 до 30 руб. за пудъ.

дятся въ рукахъ людей и компаній сильно капитальныхъ и ведутся на широкую руку, что́ конечно требуетъ большаго числа рабочихъ, при чемъ почти единственнымъ условіемъ для обезпеченія интересовъ содержателей можетъ служить только количество добычи; я говорю почти, потому что и цѣны на рыбные товары имѣютъ неизбѣжное вліяніе на состояніе промысловаго баланса. Цѣны теперь очень высоки, отъ 30 до 50% выше противъ бывшихъ за 7, за 5 лѣтъ! Но какъ вмѣстѣ съ рыбою возвысились въ цѣнѣ и другіе предметы и цѣна за трудъ, то надо сказать правду, что теперь не только нельзя уже думать о пріобрѣтеніи милліоновъ отъ рыбной промышленности (даже и потому, что число промышляющихъ самостоятельно на отдѣльные капиталы весьма умножилось), но что вообще положеніе содержателей водъ по большому Астраханскому рыболовству, окупаемому значительными повинностями и высокими арендами, стало чрезвычайно затруднительнымъ. (Это будетъ пояснено въ слѣдующей главѣ.)

ГЛАВА V.

Рыбная промышленность, какъ государственная повинность и оброчная статья.

Не приложивъ вѣдомости о количествѣ годоваго улова красной и частиковой рыбы, добываемыхъ на Каспійскихъ промыслахъ, я имѣлъ то основаніе, что точныхъ свѣдѣній получить нельзя, а кой какія ровно ни къ чему не служатъ. Спрошу васъ, читатель, скажете ли вы мнѣ откровенно: сколько у васъ прихода и расхода; сколько у васъ долговъ или въ долгу; сколько имѣете наличныхъ денегъ? Конечно нѣтъ, потому что подобная откровенность возможна только съ другомъ, да еще въ то время, когда при свидѣтеляхъ составляются духовныя завѣщанія, либо опись имуществу.... Къ тому же дѣла торговыхъ домовъ (къ числу которыхъ принадлежатъ и промысловыя) ограждены самимъ закономъ отъ посторонняго любопытства, и конторскія книги, изъ которыхъ только и можно извлечь фактическія свѣдѣнія, открываются не прежде какъ домъ объявляетъ о своемъ банкротствѣ... Но тутъ дѣло не съ банкротами, а съ людьми, желающими вести свою промышленность съ

благоразумной и необходимой скрытностью; а потому понятно, что если какой нибудь собиратель свѣдѣнiй въ родѣ полицейскаго чиновника присталъ бы къ промышленнику, какъ съ ножемъ къ горлу: «давайте, дескать, подробныя свѣдѣнія о вашихъ оборотахъ, это нужно для Статистическаго Комитета», то ему и напишутъ въ графахъ, составленныхъ по программѣ, что на умъ взбредетъ! Справедливо-ли, до того собирателю свѣдѣній по казенной надобности мало нужды: приказаніе выполнено, и онъ правъ. Но и полицейскіе чиновники нерѣдко поставляются просто въ тупикъ учеными программами: «Сколько въ вашемъ уѣздѣ родовъ птицъ перелетныхъ и зимовыхъ?» сдѣлали однажды запросъ одному изъ исправниковъ Оренбургской губерніи. Сколько?.. А Богъ ихъ знаетъ! хотѣлъ было написать онъ; но опытный письмоводитель замѣтилъ своему начальнику, что уже нѣсколько лѣтъ сряду на подобные вопросы отвѣчаютъ утвердительно, весьма приличною цифрою 5 тыс.!— Какъ неужели столько?... А если не окажется, что тогда?—«Скажемъ, что въ другой уѣздъ перелетѣли!» Я привелъ этотъ анекдотъ, чтобы показать, какую степень довѣрія можно имѣть къ статистическимъ подробностямъ, собираемымъ форменнымъ образомъ; но что вмѣшательство статистики въ коммерческія тайны весьма неумѣстно, это ясно, ибо состоитъ въ противорѣчіи съ закономъ, а съ другой стороны положеніе, напримѣръ, промысловыхъ помѣщиковъ, обязанныхъ объявлять на нѣсколько лѣтъ впередъ о будущихъ доходахъ съ имѣній (такъ какъ доходы обложены податью), чрезвычайно щекотливо и въ случаѣ, если они сами ведутъ промыселъ, крайне затруднительно, ибо какъ знать, что можетъ случиться черезъ два, три года?..

Если бы доходъ отъ рыболовства, подобно доходу отъ золотопромышленности, зависѣлъ только отъ количества добытаго, то еще можно было бы хоть приблизительно судить объ немъ заранѣе; но онъ также зависитъ отъ цѣнъ на рыбные товары, которые, какъ мы показали въ предъидущей главѣ, весьма измѣнились въ послѣднее время, тогда какъ цѣны на золото гораздо постояннѣе. Но не одно только состояніе денежнаго курса имѣетъ вліяніе на первыя: сильный урожай и неурожай хлѣбовъ въ полосѣ главнаго сбыта коренной и сушеной рыбы тоже; ибо та и другая расходятся преимущественно въ массѣ народа, которому при особенной дешевизнѣ хлѣба

или недостаткѣ его для пропитанія въ слѣдствіе неурожая—не на что купить рыбы. А какъ большинство главныхъ промышленниковъ и арендаторовъ суть вмѣстѣ съ тѣмъ и оптовые торговцы рыбою, то естественно, что помянутыя неблагопріятныя для ея сбыта обстоятельства отражаются и на промысловыхъ доходахъ. Вообще я полагаю, что относительно промышленности онѣ, какъ прямое выраженіе труда, знанія и затраченнаго на дѣло капитала, *непринадлежащихъ Государству*, не могутъ поэтому и облагаться никакою пошлиной въ его пользу и что правильнѣе было бы расчитывать доходъ и оброки по пространству рыболовныхъ участковъ, предоставляемыхъ въ пользованіе владѣльцевъ или сдаваемыхъ на аренду, для которой (кстати замѣтить) не существуетъ теперь рѣшительно никакой нормы, а все дѣло зависитъ отъ степени риска и азарта торгующихся! Слѣдовательно, такія аренды никакъ не могутъ составлять солиднаго фонда, на который можно было бы расчитывать какъ на доходъ постоянный. Самые сроки, на которые сданы главные Астраханскіе рыболовные участки, не составляютъ полнаго ручательства въ томъ, что условная сумма будетъ исправно выплачена: аренды слишкомъ высоки, слишкомъ большихъ оборотныхъ капиталовъ требуютъ, и если бы, чего я конечно не желаю, случилось, что какой нибудь содержатель водъ оказался несостоятельнымъ, то конечно не вдругъ нашелся бы охотникъ стать на его мѣсто!....

Обращаясь къ повинностямъ, лежащимъ на промысловыхъ имѣніяхъ, скажу, что, независимо отъ слѣдующаго по числу ревизскихъ душъ, каждые 3 руб. сер. объявленнаго дохода принимаются за таковыя, и съ этихъ единицъ взыскивается по $54\frac{1}{2}$ коп., что составляетъ нѣсколько болѣе 18%.

Сверхъ того за пользованіе морскими участками взимается еще акциза съ водъ кн. Юсупова и генер. Чубаровой по 15, а съ гр. Безбородко по 10%. Такимъ образомъ при морскихъ участкахъ общій промысловый налогъ составляетъ 33 и 28%, а безъ нихъ—18, средній же будетъ 26%! Тяжело платить ихъ съ дохода, пріобрѣтаемаго чрезъ множество случайностей, т. е. болѣе или менѣе рисковымъ образомъ и съ затратою на дѣло собственнаго капитала! Нельзя не видѣть, что основная единица (3 р.) слишкомъ мала для выраженія сколько нибудь правильной, т. е. справедливой со-

размѣрности между пользою производителя и государствомъ, которому, какъ уже было замѣчено, принадлежатъ оброчныя статьи, то есть *ихъ пространство*, *а не трудъ*, *не капиталъ*, *не знанія производителей*, безъ приложенія коихъ *оно* и заключающіяся въ немъ естественныя богатства были бы мертвымъ капиталомъ.

Такъ какъ поступающее съ номинальныхъ душъ идетъ какъ и подати съ дѣйствительныхъ крестьянъ на разныя государственныя потребности, то чистымъ доходомъ казны отъ владѣльческаго рыболовства нужно считать только акцизъ за морскія участки, котораго поступаетъ до 25 т. рубл. сер. За арендованіе:

Бывшихъ Куракинскихъ водъ	220 т.	руб. сер.
Бекетовскихъ	72 т.	— —
Ставропольскихъ	100 т.	— —
Итого . .	417 т.	руб. сер.

Соли для приготовленія рыбы, добываемой изъ Астраханскихъ озеръ, продается 1-нъ милліонъ пуд. и за расчетомъ стоимости пріобрѣтенія ея въ магазины и проч., составляющей расходу по 5 коп. на пудъ, на . . . . 250 т. руб. сер.

Итого общій доходъ съ большаго Астраханскаго рыболовства составляетъ около . . . 667 т. руб. сер.

Прибавивъ къ этому аренду за Сальянскія воды. 312 т. руб. сер.

Полный доходъ Государства отъ Каспійскихъ морскихъ и рѣчныхъ водъ со включеніемъ второстепенныхъ оброчныхъ статей и съ вольной промышленности будетъ слишкомъ въ 1.000,000 руб. сер.

А потому отмѣна акциза за владѣльческое рыболовство и пониженіе арендной платы хоть на ⅓ часть не было бы для Государства жертвою чувствительною, да и никакою, потому въ особенности, что первый совершенно исчезаетъ въ громадномъ итогѣ; послѣднія же не только не могутъ быть *постоянными*, *но и продолжительными* на будущее время.

На вопросъ, справедливо ли такое предположеніе, скажу достовѣрно мнѣ извѣстное, что для возможности выплачивать одну изъ меньшихъ означенныхъ арендъ нужно было ввести въ промысловый оборотъ капиталъ *почти въ 6 разъ большій*, слѣдовательно аренда

въ отношеніи къ нему составляетъ слишкомъ 17%! Положеніе другихъ арендаторовъ не легче! Какого же вознагражденія могутъ они послѣ того ожидать за свои труды, за весьма рисковую затрату капитала?... Полученія еще одного, много двухъ жалкихъ процентовъ? Да это отобьетъ и охоту отъ снятія въ наемъ крупныхъ оброчныхъ статей, потому что теперь большіе капиталы весьма выгодно употреблять на пріобрѣтеніе государственныхъ облигацій, что, не подвергая человѣка никакому риску, доставляетъ 4½, 5%. И къ чему могутъ привести чрезмѣрно высокія платы за аренды и усиленные налоги на промысловыя имѣнія?... Къ неизбѣжному возвышенію цѣнъ на рыбу! Къ тому, что она сдѣлается лакомствомъ для богатыхъ горожанъ и недоступною для сельскаго населенія, т. е. для большинства потребителей!..

А потому поощрительныя мѣры, къ которымъ относятся и умѣренныя цѣны за арендованіе принадлежащихъ казнѣ рыболовныхъ участковъ, весьма необходимы для поддержанія Каспійскаго рыболовства въ его значеніи не только для Астраханскаго края, но вообще для всего Государства.

Кромѣ десятковъ тысячъ непосредственныхъ производителей рыболовства, имѣющихъ отъ него вполнѣ обезпеченное существованіе, оно доставляетъ еще средства къ заработкамъ другимъ тысячамъ изъ массы народа, которые развозятъ Астраханскую рыбу почти по всей Европейской Россіи; оно же питаетъ особыя, вспомогательныя для него роды промышленности: сѣтьми, снастями и проч., сбываемыми въ огромномъ количествѣ; о торговлѣ рыбою, вносящею свою долю полезнаго въ общій обиходъ государства, также упомянуть слѣдуетъ, и если принять въ соображеніе, что въ процессѣ сбыта первоначальная стоимость рыбныхъ товаровъ только удвоивается, то при теперешнихъ на нихъ цѣнахъ оборотъ торговли рыбою составитъ капиталъ до 15 милліоновъ рублей, и прибавивъ къ этому капиталу потребный для орудованія одного главнаго рыболовства, т. е. не менѣе 5 милліоновъ,—въ суммѣ получимъ весьма утѣшительную цифру—20 мил. рублей, которая даетъ право поставить Астраханское рыболовство въ ряду главныхъ предметовъ русской промышленности. Въ видахъ сочувствія этому дѣлу, извѣстному мнѣ и по многолѣтней наглядкѣ и по непосредственному участвованію въ немъ, къ дѣлу вполнѣ изъятому отъ монополіи,

въ чемъ можно удостовѣриться изъ того, что главные собственно Астраханскіе и Ставропольскіе промыслы ведутся шестью отдѣльными лицами и компаніями и стачки между ними допустить нельзя, а конкуренція со стороны промысловъ Сальянскихъ, Персидскихъ и тысячи мелкихъ промышленниковъ (Эмбенцевъ кусовичей и проч., промышляющимъ по билетамъ рыбной экспедиціи) весьма естественна, потому что если не по качеству, такъ по количеству рыбные товары этой категоріи могутъ соперничать съ товарами, собственно Астраханскими, въ составъ которыхъ никогда не входятъ, но продаются отдѣльнымъ лицамъ, также какъ и рыба зимняго улова, однимъ словомъ вся добыча дробится между многими торговцами, а количество ея такъ велико, что одно уже это обстоятельство составляетъ весьма фактическій доводъ противъ возможности монополіи,—и такъ, говорю, въ видахъ сочувствія къ дѣлу, къ пользамъ рыбной промышленности желательно и нужно (кромѣ отмѣны ничтожнаго для Государства, но стѣснительнаго для частныхъ лицъ акциза, также какъ и уменьшенія арендной платы) подчинить надзоръ за рыболовствомъ коммисіи, составленной изъ депутатовъ отъ разныхъ категорій промышленниковъ, при депутатѣ отъ Правительства, который не имѣлъ бы права приказывать, но только могъ подавать свое мнѣніе наравнѣ съ каждымъ изъ прочихъ членовъ. Интересы главныхъ, второстепенныхъ и мелкихъ промышленниковъ, которыхъ однакоже очень много, на столько разрознены, что каждый за каждымъ будетъ смотрѣть въ оба, тогда какъ теперь за этимъ наблюдаютъ чиновники, ничего не теряющіе отъ того, если одна категорія промышленниковъ будетъ дѣйствовать во вредъ другой или если въ постановленія о рыболовствѣ введено много непрактическаго и хотя обязательнаго по силѣ закона, но неисполняемаго по совершенной къ тому невозможности. Такъ н. п. постановленіе о выставкѣ маячныхъ судовъ на пограничную линію между водами большаго и вольнаго рыболовства, о запрещеніи лова прежде чѣмъ эта чудовищная линія въ 300 верстъ займется 50-ю судами и т. п., вовсе лишенное практическаго смысла, должно быть отмѣнено. Сознавая однакоже необходимымъ разграниченіе водъ, я полагаю, что вмѣсто судовъ, которыхъ никто не выставляетъ, слѣдовало бы употребить желѣзные баканы, которые весьма удобно положить по румбу, верстъ черезъ 30 и не чаще какъ черезъ 20

одинъ отъ другаго. Употребивъ для этого пароходъ, можно окончить дѣло сутокъ въ трое, тогда какъ для точной выставки 50 судовъ на столь огромномъ разстояніи потребно нѣсколько мѣсяцевъ, потому что и на сухомъ пути, на степи, напримѣръ, ровной и открытой, поставить 50 шестовъ по прямой линіи въ разстояніи одинъ отъ другаго 6 верстъ—дѣло трудное и мѣшкотное; а тутъ море, зыбь, порою бури, легко ли поставить 50 судовъ на грани, имѣющей только одинъ опознательный пунктъ: О. Тюленій, и цѣлое лѣто удерживать свои мѣста и въ отношеніи къ общему направленію и къ интерваламъ?.. Да это такая математика, которая по силамъ только хорошимъ военнымъ командирамъ на судахъ, исправно снабженныхъ и со всѣми навигаціонными пособіями. Содержатели же водъ могутъ располагать только простыми кусовыми лодками, росшивами да неучеными лоцманами, а потому и выполненіе обязательнаго условія, введеннаго въ законъ и въ контракты, физически невозможно. Но свѣтъ не безъ добрыхъ людей! И по бумагамъ маячная линія содержится въ отличной исправности! Не меньшую странность составляетъ еще то, что обязанность содержать маячныя суда отнесена на счетъ одного большаго рыболовства, а вольные промышленники, для которыхъ главнымъ образомъ и разграничены воды, не участвуютъ въ расходахъ, что̀ весьма несправедливо. Сколько нибудь должны же платить и они на дѣло общее!.. При замѣнѣ воображаемыхъ 50 судовъ десятью или 15-ю баканами можно будетъ сдѣлать безобидную раскладку, также какъ на наемъ парохода и разъѣздныхъ судовъ для надзора, но все это нужно предоставить самимъ промышленникамъ, безъ всякаго вмѣшательства со стороны начальства; право, будетъ лучше и справедливѣе... Ничего не можетъ быть естественнѣе какъ допустить къ непосредственному смотрѣнію за интересами промышленниковъ ихъ же самихъ, вмѣсто людей совершенно постороннихъ, какъ чиновники рыбной экспедиціи. Что они смотрятъ да не въ ту сторону, въ какую нужно, довольно указать на гласный, но запрещенный промыселъ плавичей, облавливающихъ законныхъ промышленниковъ, на распорные и перетяжные невода, о чемъ въ описаніи плавныхъ сѣтей и неводовъ читатели найдутъ нужныя подробности, и наконецъ на безпрепятственное полученіе однимъ и тѣмъ же ловцомъ въ одно и то же время билетовъ въ разные участки, свободной

промышленности предоставленные (эмбенскіе, чеченской и вольнаго промысла), что открываетъ обловщику обширное поприще для контрафакціи. Съ разными билетами онъ вездѣ считается на мѣстѣ и рѣдко можетъ быть обличенъ, развѣ уже разъѣздной поймаетъ его въ то время, когда онъ перенимаетъ рыбу отъ подрядныхъ ловцовъ большаго рыболовства; но такіе случаи бываютъ рѣдко и контрафакторъ, имѣющій у себя на лодкѣ только для виду нѣсколько сѣтей или снасти, можетъ безнаказанно промышлять, не опуская ихъ въ воду, но покупая рыбу на деньги или на вино! Много такого народу развелось со времени открытія водъ вольнаго промысла (промежуточныхъ между главными Уральскими, Эмбенскими и Чеченскими) и всего грустнѣе то, что при образованіи этого участка имѣлась въ виду польза общественная и государственная! Да, нечего сказать, большая польза: 20 лодокъ будутъ дѣйствительно заниматься въ немъ ловомъ, а 200 обловомъ! Отсюда убытки для Эмбенцевъ, занимающихся промысломъ только періодически, и убытки главныхъ промышленниковъ, которые такъ дорого платятъ за свои права!.. Но это и другія вышепомянутыя злоупотребленія искоренятся не прежде и не иначе, какъ если сами законные промышленники, посредствомъ избранной изъ среды своей депутаціи, призовутся къ смотрѣнію за порядкомъ рыболовства, за соблюденіемъ обоюдныхъ пользъ..... Чиновники, случайно поступающіе на должности и безъ всякихъ спеціальныхъ познаній въ рыболовствѣ, ничего не сдѣлаютъ для него хорошаго, какъ и до сихъ поръ не сдѣлали! Я разумѣю здѣсь чиновниковъ мѣстныхъ, по милости которыхъ, со временъ кн. Тенишева до позднѣйшихъ, Полное Собраніе законовъ и теперешній Сводъ ихъ, заключаютъ (по рыболовству) бо̀льшею частію такія подробности, которыя обличаютъ или совершенное непониманіе дѣла или пристрастный и односторонній взглядъ на государственную и общественную пользу, или же чистую спекуляцію на довѣріе высшаго Правительства, которое, при обширности круга дѣйствій по каждому министерству, не можетъ знать непосредственно всѣхъ мѣстныхъ условій различныхъ странъ Россіи и по необходимости основывается на представленіяхъ провинціальныхъ чиновниковъ.

О пользѣ расширенія круга дѣйствій вольной промышленности, чрезъ открытіе безопасности отъ туркменовъ въ большихъ заливахъ

у восточнаго берега средней и южной части Каспійскаго моря, я уже говорилъ, остается только пожелать, чтобы мелкіе промышленники образовали одну или нѣсколько компаній, что̀ при продажѣ товара бо̀льшими противъ теперешняго партіями доставитъ имъ несомнѣнную выгоду, и чтобы наконецъ въ опору ихъ дѣйствій былъ учрежденъ въ Астрахани Ссудный банкъ, чтобы, такъ сказать, вырвать одиопайныхъ ловцовъ изъ когтей лихоимцевъ, ссужающихъ большинство эмбенцевъ и кусовичей деньгами, подъ залогъ улова и судна, и весьма охотно разсрочивающихъ уплату на тѣхъ же условіяхъ, изъ чего и выходитъ, что множество мелкихъ промышленниковъ работаютъ на другихъ, сами же за всѣ труды, лишенія и опасности получаютъ только дневное пропитаніе. Поэтому положеніе подрядныхъ ловцовъ главнаго рыболовства, промышляющихъ на задатки отъ содержателей промысловъ, безъ всякаго сравненія лучше, потому что вполнѣ обезпечено!... О положеніи русскихъ промышленниковъ, поселенцевъ на Мангишлагѣ, читателямъ уже извѣстно изъ статьи, помѣщенной въ первой книгѣ этого журнала, и наконецъ на счетъ Уральцевъ нужно сказать, что главныя средства къ жизни они имѣютъ отъ рыболовства въ родной рѣкѣ и въ прилегающемъ къ ея устьямъ морскомъ участкѣ водъ.

Дополнительное описаніе разныхъ ловитвенныхъ орудій, употребляемыхъ для рыболовства по Астраханскимъ рѣкамъ и на Каспійскомъ морѣ.

---

1) *Неводъ стрежневой, для весенняго и осенняго лова.*

Онъ устраивается изъ сѣтокъ, извѣстныхъ въ продажѣ подъ названіемъ «дѣлей» частика, рѣдиля и межеумка, различаемыхъ по величинѣ ячей или клѣтокъ. Въ первомъ онѣ имѣютъ 2 дюйма въ сторонѣ, во второмъ по 4 и въ третьемъ по 3.

Всѣ эти дѣли сшиваются и составляютъ одну сѣть, длиною отъ 250 до 500 саж., шириною или «погами» отъ 5 до 14 саж., что зависитъ отъ ширины и глубины рѣки на тонѣ (*). Матня или мѣшокъ, помѣщаемая на $1/_3$ длины невода, и нѣкоторая его часть по обѣ ея стороны дѣлаются изъ частика, потомъ слѣдуетъ межеумокъ; а крылья изъ рѣдиля. На невода означенныхъ размѣровъ нужно дѣлей отъ 270 до 550 штукъ; въ этомъ числѣ частику и межеумку почти поровну, а редилю втрое больше противъ обоихъ вмѣстѣ.

Вся эта составная сѣть насаживается по длинѣ на два подбора (веревки) и къ одному изъ нихъ привязываются «плутцы»—поплавки, на подобіе призмъ, выдѣлываемые изъ сокоревой коры, и надъ серединою матни боченокъ; а къ другому «таши» (грузъ), имѣющіе видъ сплюснутыхъ шариковъ съ дырочкой у обода (ихъ дѣлаютъ изъ обожженной глины). Плутцовъ потребно на каждую сажень длины невода по 10 шт., ташей по одному.

Отъ крыльевъ невода, т. е. отъ оконечностей подборовъ идутъ двѣ веревки, между которыми ввязываются распоры, называемыя клячами, изъ коихъ тотъ, что у короткаго крыла, называется пят-

---

(*) Не всякое мѣсто на рѣкѣ годится для тяги невода: гдѣ она течетъ между крутыми берегами (ярами), гдѣ дно неровно или засорено каршами, затонувшими днищами судовъ, тяги не производятъ. Кромѣ того въ промысловомъ отношеніи очень важно имѣть тоню вблизи устья или на приверхѣ раздѣла рѣки на рукава.

нымъ, а у длиннаго бѣжнымъ; далѣе обѣ соединяются и къ вершинамъ образуемыхъ ими и клячами треугольниковъ привязываются къ сторонѣ пятной короткій конецъ; а къ противуположной длинная снасть, называемая *бѣжною*.

Неводъ для весенняго и осенняго лова осмаливается; употребляется же онъ слѣдующимъ образомъ: его набираютъ (укладываютъ) на большую лодку, называемую «неводникомъ», такъ, чтобы пятное крыло приходилось сверху и оно предъ отправленіемъ лодки для закидки невода оставляется на берегу. Тогда одинъ изъ неводныхъ, называемый въ артели «пятчикомъ», привязываетъ къ пятному концу колъ, втыкаетъ его въ землю въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега и самъ придерживаетъ; лодка же, отваливъ, гребетъ поперегъ теченія до другаго берега, при чемъ весь неводъ постепенно выбрасывается. Послѣ этого лодка съ бѣжною снастью спускается по теченію «урѣзомъ» (наискось) и пристаетъ ниже того мѣста, гдѣ стоитъ пятчикъ и начинается тяга сначала выборкою снасти или въ ручную или на шпилѣ (воротъ), а потомъ бѣжнаго крыла. Здѣсь кстати замѣтить, что какъ только оно сбросится въ воду и предоставится дѣйствію теченія, то верхній подборъ съ поплавками образуетъ на поверхности рѣки дугу, вершина которой никогда не переходитъ за «стрежень» (середину), иначе говоря: неводъ, имѣющій длину, равную ширинѣ рѣки, не можетъ охватить болѣе ея половины, оставляя другую свободною для хода рыбы. Между тѣмъ есть постановленіе, обязывающее имѣть невода не длиннѣе «половины ширины рѣки», которыми можно захватывать только *подбережное ея пространство*; а рыба идетъ срединой, то какъ же промышлять ее?... Не смотря однакоже на это ограниченіе аренды за пользованіе казенными водами не понижены, и всѣ повинности промысловыхъ имѣній должны окупаться рыболовствомъ! Ясно, что такое постановленіе, какъ совершенно неисполнимое, можетъ вести только къ различнымъ расходамъ на земскую полицію, отъ которыхъ давно бы пора избавить рыбопромышленниковъ. Обращаюсь къ закинутому неводу.

По мѣрѣ того какъ бѣжное крыло выбирается изъ воды, пятчикъ переноситъ свой колъ съ мѣста на мѣсто и приближается къ тому, на которомъ должна произойти вытяжка невода; когда же оба крыла сравняются, и бочонокъ придется на серединѣ, то рабочіе раздѣ-

ляются поровну на каждое и такимъ образомъ доходитъ до матни, и тогда выбагриваютъ или вычерпываютъ «зюзьгами» (сакми) попавшуюся въ нее рыбу въ лодки, называемыя рыбницами, и сортируютъ ее.

Вычерпывать матню случается во время хода «бѣшенки» (Каспійской сельди), которая если направится по неширокому протоку, то сплошь занимаетъ его, хоть палками бей; равнымъ образомъ и другую мелкую рыбу, идущую на жиротопленіе, также вычерпываютъ.

2) *Волокуша.*

Это точно такой же неводъ, но только меньшихъ противъ стержневаго размѣровъ: длина его бываетъ отъ 150 до 220 саж., ширина отъ 3-хъ до 7-ми саж.; употребляется въ рѣкахъ, и по ильменямъ во время разлива.

Въ прежнее время, когда устья были глубоки и красная рыба заходила въ рѣки въ большомъ количествѣ, морскимъ ловомъ занимались мало, а промышляли ее преимущественно неводами, дѣлая ихъ изъ редилю или еще съ большими клѣтками; для мелкой же рыбы неводъ долженъ имѣть сѣти частыя, отъ чего она и получила общее названіе «частиковой».

3) *Невода.*

1) Неводъ жиротопенный. Онъ дѣлается изъ самыхъ частыхъ сѣтей, имѣетъ длины 500 саж., ширина же его смотря по глубинѣ рѣки. Употребляется въ опредѣленный закономъ срокъ (отъ 20-го апрѣля по 5 мая) для ловли по рѣкамъ бѣшенки и другой мелкой, частиковой и даже красной рыбы, обращаемой на вытапливаніе жира.— Здѣсь кстати замѣтить, что бѣшенка, на которой основанъ законъ о жиротопленіи, не всегда идетъ въ означенный періодъ и что нѣкоторые, подъ предлогомъ недосуга, получили право производить жиротопленіе двумя недѣлями ранѣе или позднѣе означеннаго періода.

Лучшій частиковый жиръ получается изъ судака.

2) Неводъ поѣздуха. Длина его 8 саж., ширина 6. Этотъ неводъ

видомъ подобенъ мѣшку или матнѣ, съ небольшими крыльями; употребляется въ холодное время (осенью и весною) для ловли лежащей на ямахъ рыбы: сома, сазана и стерляди, такимъ образомъ: два кляча принимаются на двѣ лодки, и погрузивъ въ воду поѣздуху волокутъ ее по дну, потомъ чрезъ нѣкоторое время выбираютъ на обѣ лодки.

3) *Рѣжакъ.* Длина его 300 саж., ширина 3 аршина. Употребляется въ рѣкахъ для лова осетра, съ начала убыли воды до августа мѣсяца. На низу имѣетъ подборъ съ грузомъ, какъ у плавной рѣчной сѣтки и такъ же какъ она употребляется. Ячея его равна 3-мъ вершкамъ.

4) *Неводъ распорный морской.* Длина его 1000, 1200 и до 1500 сажень, ширина или вышина зависитъ отъ глубины мѣста. Онъ имѣетъ матню на серединѣ и имъ ловятъ на взморьѣ частиковую рыбу, когда она идетъ въ рѣки ложиться на ямы.—Это бываетъ въ позднюю осень.

Употребленіе распорнаго невода слѣдующее: прежде всего отыскивается мѣсто, по которому слѣдуетъ рыбій «косякъ», и это дѣлается такимъ образомъ: нѣсколько лодокъ, имѣя прикрѣпленныя къ форштевнямъ или къ бортамъ камышины или палки, погруженныя въ воду глубже, чѣмъ сидятъ лодки, рѣютъ по разнымъ направленіямъ до тѣхъ поръ, покуда нащупаютъ или настигнутъ косякъ рыбы, что тотчасъ обнаруживается; потомъ вокругъ этого мѣста обметывается неводъ, вытягиваемый на крестъ на двухъ смежныхъ дощенникахъ, поставленныхъ на якоря, и когда наибольшая часть крыльевъ выберется на дощенники, то сгурбившуюся въ тѣсномъ пространствѣ рыбу черпаютъ саками и багрятъ, размѣщая по сортамъ въ рыбницы, при чемъ гибнетъ множество такой, которая по величинѣ или сорту не подходитъ къ потребной для оптовой промысловой торговли. Вообще при ловѣ распорными неводами не столько пріобрѣтется добычи, сколько бываетъ распугано шумомъ при обметываніи невода и погублено напрасно при сортировкѣ, а потому употребленіе распорныхъ неводовъ противъ устьевъ рѣкъ, какъ средство, препятствующее дальнѣйшему ходу рыбы, весьма вредно. Впрочемъ здѣсь кстати замѣтить, что инстинктъ рыбы оставляетъ многое совершенно необъяснимымъ: извѣстно, напримѣръ, что уловляемая по прото-

камъ Волги приходитъ въ нихъ изъ моря; но отъ чего же, когда на нижнихъ и верхнихъ промыслахъ рыбы нѣтъ, она вдругъ появляется, и въ огромномъ количествѣ, на промыслахъ «среднихъ»?.... Это повторяется акуратно каждый годъ въ извѣстные періоды въ протокахъ большомъ и маломъ «Ямныхъ» и въ Бахтемірѣ и заслуживаетъ основательнаго изслѣдованія натуралистовъ.

4) *Сѣти.*

1) Рѣчная плавная сѣть. Она состоитъ изъ двухъ сѣтокъ: частой и рѣдкой, сшитыхъ по краямъ; у поперечныхъ сторонъ имѣются клячи, а у долевыхъ подборы, изъ коихъ на верхнемъ привязываются поплавки (балберы), на нижнемъ свинцовыя гайки.—Сѣть бываетъ длиною отъ 50 до 80 саж., шириною отъ 2-хъ до 2 ½ саж. Впрочемъ размѣръ сѣти соображается съ шириною и глубиною рѣки.

Эту сѣть употребляютъ такимъ образомъ: за одинъ ея пріухъ (огонъ у кляча) привязывается веревка, длина которой не превышаетъ глубину рѣки избраннаго для плавни мѣста, а на конецъ веревки пустой, плотно закупоренный боченокъ, веревка же отъ другаго пріуха принимается на лодку, въ коей, отъѣхавъ отъ боченка поперегъ рѣки во всю длину сѣти, предоставляютъ ее и лодку дѣйствію теченія (сѣтка съ широкими ячеями обращается къ устью рѣки). Свинцовый грузъ на нижнемъ подборѣ, балберы на верхнемъ, а клячи по бокамъ не дозволяютъ ей слишкомъ свертываться или разстилаться.—Такою сѣтью ловятъ севрюгъ и стерлядей съ открытія льда до іюля мѣсяца, тоже и во время осенней громки.

2) Морская ставная (Эмбенская) *сѣть.* Она имѣетъ широкія ячеи по 2 вер. въ сторонѣ; насаживается на два подбора, соединяемые клячами. Длина сѣти 12 саж., въ ширину или въ вышину до 2-хъ сажень (отъ 17 до 19 ячей). Ставится на глубинѣ отъ 3-хъ до 10 сажень и утверждается на избранномъ мѣстѣ посредствомъ сторожей—веревокъ, идущихъ отъ клячей къ чипчику (колъ длиною отъ 1 до 2-хъ аршинъ), вбиваемому въ грунтъ. Какъ это дѣлается будетъ объяснено въ описаніи самоловной снасти. Сѣти ставятся рядами, соединяясь одна съ другой, и смотря по достатку промышленника число ихъ бываетъ больше или меньше.

3) Плавныя морскія сѣти. Онѣ тѣмъ отличаются отъ сѣтей ставныхъ, что имѣютъ только одинъ верхній подборъ, къ которому при

крѣпляются 50 сѣтей, длиною 12 саж., каждая вышиною отъ 34 до 38 ячей, нижняго же подбора сѣти не имѣютъ, опускаются въ воду свободно и плывутъ на слаби, такъ что и мелкая рыба можетъ въ нихъ запутаться. Ими ловятъ красную рыбу въ морѣ на глубинѣ отъ 3 до 20 сажень. Сѣти эти формально запрещены и дѣйствительно ловля ими наноситъ большой вредъ, какъ главной, такъ и эмбенской и вообще всей рыбной промышленности тѣмъ, что перехватываетъ и распугиваетъ рыбу, идущую въ рѣчныя и эмбенскія воды, а кромѣ того истребляетъ очень много мелкой, недостигшей возраста красной рыбы, продающейся за безцѣнокъ.

Въ жаркое время года, когда рыба, покинувъ бездонныя пучины моря и сгурбясь въ косяки, идетъ на сравнительное мелководье N-ой трети,—жируетъ, играетъ, часто выпрыгивая изъ воды, чѣмъ обнаруживаетъ не только путь свой, но и массу косяка, плавничи не дремлютъ и какъ только замѣтятъ его, тотчасъ стараются окружать, обметать своими длинными сѣтями по 600 саж. каждая!—Промышляя не въ одиночку, но артелями по нѣскольку лодокъ, имъ это удобно дѣлать и въ иной разъ добыча плавничей бываетъ огромна, что̀ и составляетъ расчетъ всякой контрафакціи. Но еслибъ промыселъ этотъ и не вредилъ большому рыболовству, которое такъ дорого покупаетъ свое право, онъ всетаки былъ бы вреденъ для экономіи природы; ибо, какъ было сказано, истребляется очень много молодой рыбы, изъ которой выдираютъ только клепны, а тѣло бросаютъ, потому что на пудъ и 40 штукъ мало! Между тѣмъ взрослая красная рыба въ самомъ легковѣсномъ сортѣ (шеврига) менѣе 20-ти фунт. не тянетъ; слѣдовательно полагая, что молодой рыбы только въ 10 разъ болѣе противъ взрослой и подрастающей (иначе она давно бы перевелась въ каспійскомъ бассейнѣ) плавнею можно истребить красной рыбы по общему ея вѣсу по крайней мѣрѣ въ 200 разъ болѣе, чѣмъ снастью самоловною или ставными сѣтями, совершенно безвредными для фунтовой рыбки! Поиграла бы на мелководьѣ да и ушла обратно подростать въ недосягаемыхъ пучинахъ!...Тѣмъ не менѣе промыселъ плавничей съ каждымъ годомъ усиливается новыми артелями, снаряжаемыми на счетъ Нижегородцевъ и Горбатовцевъ, и всѣ объ этомъ знаютъ, но отъ того не легче законнымъ промышленникамъ, не имѣющимъ никакого участія въ полицейскомъ надзорѣ за рыболовствомъ, состоящимъ

на попеченія чиновниковъ. Они и пекутся, да только не о немъ, иначе существованіе плавичей на небольшомъ пространствѣ водъ, предоставленномъ вольному промыслу, было бы совершенно невозможнымъ.

5) *Снасти.*

1) Снасть самоловная. Она состоитъ изъ «хребтины» (веревка въ палецъ толщиною) и «поводцевъ» (тонкіе кончики съ удочками). Разстояніе между поводцами около 1½ ф.; длина ихъ, если для морскаго лова, то нѣсколько болѣе; менѣе же 14 дюймовъ не дѣлается и менѣе, чѣмъ на 2-хъ фут. глубины снасть не ставится, потому что при выгонномъ вѣтрѣ (*) удочки ложатся на дно и ихъ заноситъ грунтомъ. Чтобы держать снасть на потребной глубинѣ, сообразно тому какъ идетъ рыба, именно: весной и осенью «грузнѣе» (ближе ко дну), въ жаркое время года «вершнѣе» (ближе къ поверхности) — къ хребтинѣ привязываются длиннѣе или короче концы съ балберками (поплавками); а чтобы снасть не относило съ избраннаго мѣста—къ хребтинѣ же чрезъ каждыя 27 саж. прикрѣпляются «сторожи»—мочальныя веревки, въ которыя ввязываются «чипчики», колушки, вколачиваемыя въ грунтъ посредствомъ набойника—шеста съ желѣзнымъ цилиндромъ на концѣ. Въ этотъ цилиндръ вставляется верхняя часть чипчика и потомъ шестъ вмѣстѣ съ нимъ и сторожемъ опускается на дно; а чтобы утвердить въ немъ чипчикъ къ шесту въ той его части, которая придется сверхъ воды и въ ровень съ бортомъ лодки, привязывается деревянная конической формы обойма широкимъ концомъ къ верху, по которому (придерживая шестъ) колотятъ мушкилемъ (деревянный, двуконечный окованный молотокъ) до тѣхъ поръ, пока часть чипчика ниже сторожа войдетъ въ грунтъ на футъ или около того. Потомъ набойникъ подымаютъ и такимъ же образомъ вколачиваютъ другіе чипчики сколько ихъ по длинѣ снасти придется. Весь этотъ

(*) Таковыми называются дующіе съ берега, а противуположные имъ морскіе нагонными; при продолжительности тѣхъ и другихъ горизонтъ воды на барѣ, противъ устьевъ Волги и въ самыхъ устьяхъ весьма ощутительно измѣняется, что имѣетъ значительное вліяніе на успѣхъ ближняго рыболовства.

процессъ называется: «выложить снасть», а дѣйствіе обратное, когда нужно ее совсѣмъ вынуть, «выдиркою», «выдраться».

Выложенная снасть называется «порядкомъ» и длина его зависитъ отъ числа «перетягъ», вошедшихъ въ составъ снасти. Въ перетягѣ бываетъ 3 *длинника* по 9 саж. и 50 удочекъ каждый; слѣдовательно 27 саж. и 150 удочекъ; а два длинника составляютъ *счалъ*. Длинникъ съ длинникомъ соединяются безъ промежутка; а между перетягами онъ бываетъ въ аршинъ (въ этихъ промежуткахъ вяжутся сторожья, о которыхъ было сказано). Но обыкновенно снасть расчитывается по числу счаловъ, которыхъ рыбаку, поступающему въ подрядъ на морской ловъ, ставится въ обязанность имѣть *не менѣе 100*.

Такое количество снасти стоитъ до	125 р. с.
Къ ней сторожьевъ и чипчиковъ на	5 ——
Итого	130 р. с.
Кромѣ того морская лодка стоитъ	100 ——
Подчаловъ къ ней	25 ——
Итого, не считая найма работника, самая умѣренная справа на морской ловъ обходится промышленнику не менѣе	255 ——

2) *Снасть животная*. Это есть крючекъ, стержень котораго безъ загиба равенъ 5-ти вершкамъ, прикрѣпленный поводцомъ въ 6-ть четвертей къ хребтинѣ (концу) въ 60 сажень; на ней такихъ удочекъ посажено 30, на разстояніи одна отъ другой 2 саж., что и называется «гнѣздомъ». Всѣхъ гнѣздъ въ порядкѣ 30 и 33, слѣдовательно удочекъ будетъ до 1.000, на каждый же крючекъ насаживается живая рыба (тарань), для помѣщенія которой устраивается на срединѣ лодки большой чанъ и въ немъ посредствомъ помпы безпрестанно освѣжаютъ воду; а по окончаніи лова онъ же служитъ и ларемъ для пойманной красной рыбы, преимущественно бѣлуги. Отъ употребленія для наживки живой рыбы—и снасть и лодка (съ чаномъ по срединѣ) называются животными. Эта снасть кладется на всякой глубинѣ отъ 5 до 100 саж. слѣдующимъ образомъ: за опущенный въ воду якорь (кошку) привязывается конецъ снасти и протягивается по желаемому направленію; второй конецъ прикрѣпленъ или къ якорю самой кусовой лодки, или посредствомъ

конца въ родѣ буйрепа къ пловучему маяку (родъ вѣхи).—Переборка спасти производится такъ же какъ и самоловной.

5) Тычковая спасть. Это есть крючекъ, подобный первому, прикрѣпленный только не къ поводцу, но къ веревкѣ отъ 4-хъ до 8 саж. опущенной въ прорубь, поперегъ которой кладется палка.—Спастью этой ловятъ зимою бѣлугу на наживку изъ молодаго тюленя.

ОБЪЯСНЕНІЕ РИСУНКОВЪ.

1) *Рыбопріемный плотъ.* Это большой сарай, устроиваемый на сваяхъ и частію надъ водой, съ сквознымъ нѣсколько покатымъ къ лицевой сторонѣ поломъ, дабы удобнѣе было содержать его въ постоянной опрятности. Подъѣздъ къ плоту *(a)*, спускающійся въ наклонномъ положеніи къ рѣкѣ, имѣетъ по серединѣ слизъ, по которому втаскиваютъ крупную рыбу, привозимую на лодкахъ, а по бокамъ лѣстницы.

Часть сарая отгорожена для кладовой, въ которой лѣтомъ приготовляютъ икру; а на другомъ концѣ, устраивается конторка или канцелярія плотоваго смотрителя. Сверхъ сарая имѣется грильяжный мезонинъ *(b)* для просушки въ лѣтнее время клея и вязиги.

Рыбопріемный плотъ сообщается съ *жиротопней* и съ *выходомъ*, въ которомъ солится красная рыба.

2) *Рыбохранильный выходъ.* Онъ имѣетъ слѣдующія отдѣленія: предвыходье и по сторонамъ его амбары для храненія соли; лари для помѣщенія въ нихъ солимой рыбы; между ларями колоды, для слива въ нихъ тузлуковъ (разсола), послѣ того какъ рыба изъ ларей вынута; а иногда при хорошемъ ловѣ и колоды служатъ ларями. Кругомъ ларей пространство между ними и ледниками *(e)* набивается землей. Чтобы удобнѣе проходилъ холодъ въ выходъ, во внутреннихъ стѣнахъ ледниковъ дѣлаются прорубы *(d)*, называемые «гудками»; а для набивки ледниковъ устроены сверхъ нихъ люки *(c)* и наконецъ надъ серединою выхода имѣется стеклянная буточка *(b)* съ подъемными рамами для очищенія воздуха отъ скопляющихся въ выходѣ въ теченіи лѣта особаго рода міазмовъ (рамы открываютъ

осенью, когда вся рыба изъ ларей уже вынута). Чѣмъ холоднѣе въ выходѣ, тѣмъ это лучше для сбереженія рыбы, потому что онъ имѣетъ предвыходье, безъ нужды неотпираемое, и устраивается въ бугрѣ или осыпается кругомъ и сверхъ наката (потолка) землею, препятствующею проникновенію наружнаго воздуха внутрь зданія.

Выходъ и плотъ въ одной связи имѣть удобнѣе, чѣмъ раздѣльно; но не на всѣхъ промыслахъ это бываетъ. Тотъ и другой, въ томъ видѣ, какъ они представлены на рисункѣ, сняты съ натуры и постройка перваго (8 лѣтъ тому назадъ) стоила 6 т. руб. сер.; теперь же, когда лѣса вообще и особенно въ Астрахани вздорожали, такой выходъ изъ чистаго сосноваго лѣса обойдется гораздо дороже.

3) *Икряный прессъ*. Употребленіе его слѣдующее: икра, пробитая сквозь грохотку, накладывается въ кулекъ, помѣщаемый между двумя стѣнками *(a)*, покрывается доскою *(b)*, а потомъ жомомъ *(c)*, одинъ конецъ котораго находится въ кольцѣ веревки *(d)*, а другой притягивается веревкою *(e)* къ нижней доскѣ пресса *(f)*. Въ такомъ положеніи икра находится въ прессѣ, пока вся жидкость изъ нея стечетъ.

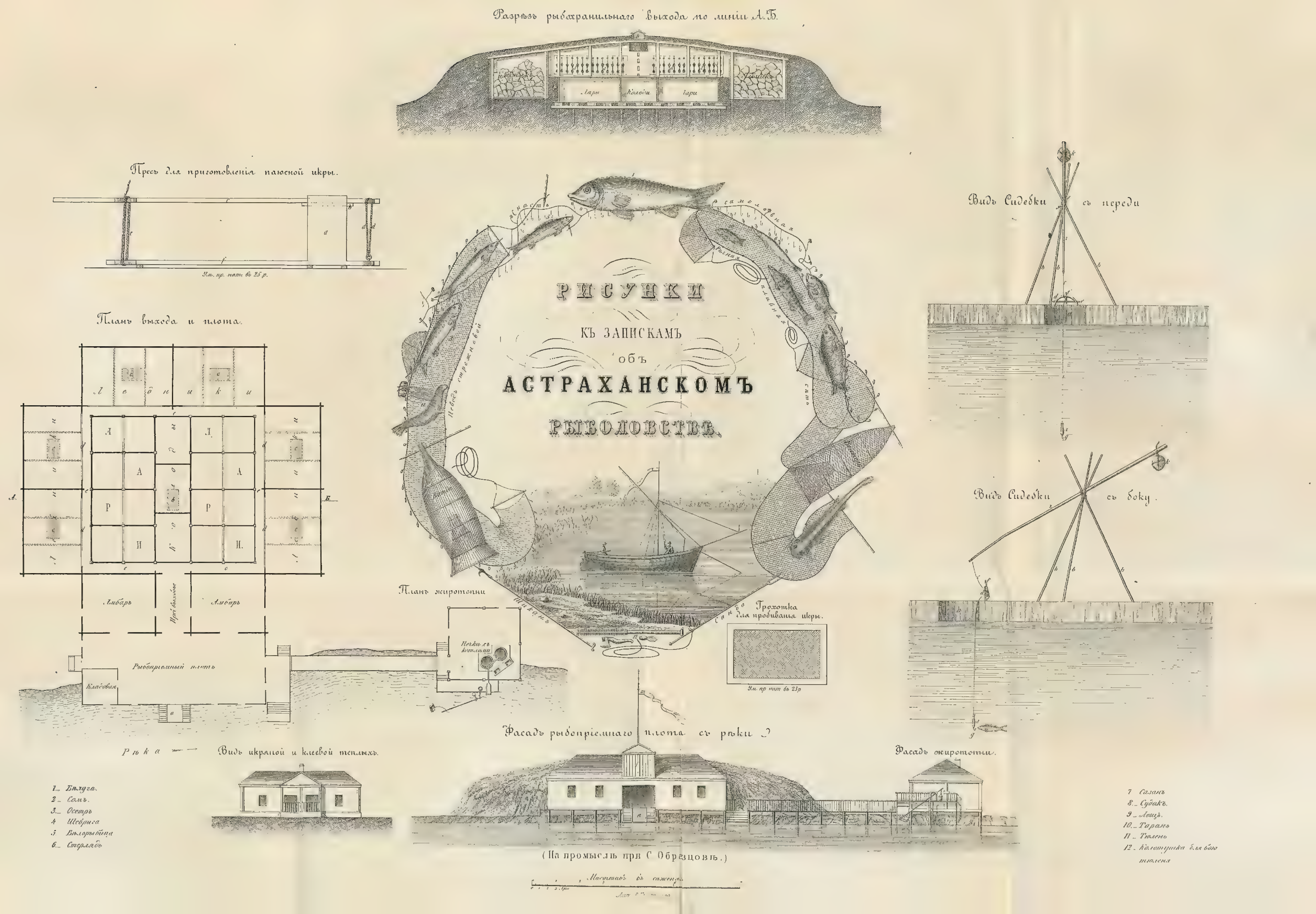
4) *Сидебка:* а) *прорубь*, сдѣланная во льду; б) *три кола*, поддерживающіе рычагъ *(и)*, къ одному концу котораго привязывается грузъ *(к)*, а къ другому шелковая нить *(с)* съ «блесною»—рыбкою *(л)*, сдѣланною изъ олова; въ одномъ концѣ ея заливается крючекъ или удочка *(g)*; в) *дуга* (дужка) укрѣпляется во льду за нѣсколько дней прежде постановленія всего снаряда, для того чтобъ могла хорошенько вмерзнуть; къ дужкѣ накладывается перекладинка *(е)*, удерживающая палочку *(f)*, привязанную къ нити (с). Рыба, попавшаяся на уду *(g)*, потянетъ нить *(с)*, чрезъ-что упадетъ перекладинка *(е)* и спрыгнетъ палочка *(f)*, а чрезъ рычагъ *(r)* заставитъ вытащить нить и уду *(g)* съ рыбою. Сидебки ставятъ для лова бѣлорыбицы, которая идетъ зимой.

Вентирь и *ванда* или *неротъ*. Такъ какъ они употребляются и въ другихъ мѣстностяхъ, то и не требуютъ описанія, равно какъ и *багоръ* или, по мѣстному названію, *шиканъ*, составляющій необходимую принадлежность промышленника во время зимнихъ поѣздокъ.

Санда или *сандовъ* употребляется здѣсь для бою сазана по полойнымъ мѣстамъ, куда онъ заходитъ метать икру; а колотушка для бою тюленя есть коротенькая дубинка, конецъ которой обтыканъ гвоздями.

Лодка, изображенная на рисункѣ, употребляется для морскаго промысла; она можетъ поднимать груза до 300 пуд.

Н. БОЧЕЧКАРОВЪ.


Разрѣзъ рыбохранильнаго выхода по линіи А.Б.
Лари
Колодцы
Лари
Пресъ для приготовленія паюсной икры.
Планъ выхода и плота.
Лари
Лари
Амбаръ
Амбаръ
Рыбопріемный плотъ
Кладовая
Планъ жиротопни
Печки съ котлами
РИСУНКИ
КЪ ЗАПИСКАМЪ
объ
АСТРАХАНСКОМЪ
РЫБОЛОВСТВѢ.
Видъ Сидебки съ переди
Видъ Сидебки съ боку.
Грохотка для пробиванія икры.
Рѣка
Видъ икряной и клеевой теплыхъ.
Фасадъ рыбопріемнаго плота съ рѣки.
Фасадъ жиротопни.
1.– Бѣлуга.
2.– Сомъ.
3.– Осетръ
4 Шевряга
5 Бѣлорыбица
6.– Стерлядь
7 Сазанъ
8.– Судакъ.
9.– Лещъ.
10.– Тарань
11.– Тюлень
12.– Колотушка для боя тюленя
(На промыслѣ при С. Образцовѣ.)
Масштабъ въ саженяхъ

О СОСТОЯНІИ РОССІИ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ МИХАИЛА ѲЕДОРОВИЧА И АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

(третья книга «путешествія» Олеарія).

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ (*).

О доходахъ и расходахъ великаго князя.

Всѣ упомянутыя нами въ царскомъ титулѣ земли и кромѣ ихъ еще другія области и города приносятъ въ казну его царскаго величества огромные доходы, простирающіеся до нѣсколькихъ милліоновъ; все это идетъ отъ податей, налоговъ, пошлинъ, царскихъ кружечныхъ дворовъ, торговли и помѣстій. Хотя подданные его царскаго величества платятъ и небольшую подать, но все таки она, по множеству подвластныхъ ему земель, приноситъ большой доходъ. Кромѣ того, во время войны, всѣ граждане, принадлежащіе къ торговому и ремесленному сословію, обязаны доставлять особенное, довольно значительное вспомоществованіе; такъ во время войны за Смоленскъ, при прежнемъ великомъ князѣ, они должны были дать *пятину* (Pettina), т. е. пятую часть ихъ дохода, пятый пфеннигъ. Нынѣшній же государь взялъ только десятую часть. Бояре и знатные вельможи, будучи всѣ очень богаты, должны выставлять на войну извѣстное число воиновъ; дѣти же боярскія (Edelleute) обязаны сами съ своими слугами выступать въ поле. Монастыри, обладая богатыми, большими деревнями, населенными крестьянами, также должны выставлять извѣстное число солдатъ и сами содержать ихъ. Огромный доходъ приносятъ великому князю пошлины, взимаемыя съ приморскихъ и пограничныхъ торговыхъ городовъ. Я слышалъ въ Москвѣ отъ одного богатаго

(*) Первыя одиннадцать главъ см. въ третьей и четвертой книгахъ Архива.

купца, что торговый городъ Архангельскъ ежегодно приноситъ въ казну его царскаго величества до 300,000 руб., что составляетъ около шести тоннъ золота. Шинки, или кружечные дворы, какъ они теперь называются, приносятъ государю (онъ одинъ только имѣетъ право держать ихъ), при большомъ употребленіи вина, огромныя деньги. Прежде бояре и другіе знатные вельможи имѣли право содержать въ различныхъ мѣстахъ государства свои кабаки; всѣ они, подобно великому князю, отдавали ихъ въ аренду извѣстнымъ лицамъ, но такъ какъ арендная цѣна была ими поднята очень высоко, то многіе изъ откупщиковъ должны были раззориться. Поэтому, въ настоящее время, постановлено, чтобы никто изъ бояръ или вельможъ не смѣлъ содержать кабаковъ; всѣ они теперь находятся въ управленіи великаго князя. Онъ повелѣлъ выстроить въ каждомъ городѣ особенные дома, откуда можно бы было за извѣстную цѣну получать водку, пиво и медъ, а деньги вносить въ его казну. Прежде въ Новгородѣ каждый изъ находящихся тамъ трехъ кабаковъ ежегодно приносилъ до 2,000 рублей, а всѣ вмѣстѣ до 12,000 рейхсталеровъ; теперь же, при новомъ постановленіи, эта сумма еще увеличилась. Въ настоящее время такихъ кружечныхъ дворовъ (хотя и не каждый изъ нихъ приноситъ одинаковые доходы) во всемъ государствѣ считается до 1,000. Большой доходъ приноситъ также великому князю торговля соболями и другими пушными товарами, которые онъ получаетъ изъ сѣверныхъ странъ. Кромѣ того онъ ведетъ большую торговлю и другими товарами внѣ своего государства. Торгуютъ за него извѣстныя избранныя имъ лица, которымъ онъ ввѣряетъ товары, ссужаетъ большими суммами денегъ и посылаетъ ихъ въ сосѣдственныя Россіи земли, по большей части въ Персію и Турцію. Такого великокняжескаго купца или маклера, по имени *Савелья* (Savelli), встрѣтили мы въ Персіи, который отправленъ былъ туда съ 4,000 талеровъ для производства торговли въ пользу великаго князя. Купецъ этотъ, вмѣсто того, чтобы употребить въ дѣло данныя ему деньги, во время трехъ-лѣтняго пребыванія своего въ Персіи истратилъ ихъ до копѣйки, вслѣдствіе чего великій князь приказалъ посланнику своему *Алексѣю Савичу Романчикову* (Alexei Savinovitz Romantzikov), отправленному съ нами въ Персію, заковать въ цѣпи невѣрнаго купца и привезть его въ Москву. Посланникъ нашелъ его въ горо-

дѣ Шемахѣ, лежащемъ въ Медіи (смотр. карту Персіи, составл. Олеаріемъ, стр. 112). Потерявъ въ это время своего переводчика, онъ хотѣлъ замѣнить его этимъ купцомъ, не исполнялъ даннаго ему приказанія, обходился съ нимъ весьма дружески и взялъ его съ собою изъ Шемахи въ Персію, имѣя намѣреніе заманить его съ собою въ Россію. Савелій догадался объ угрожающей ему опасности, и когда посланникъ возвращался обратно въ Россію, то онъ убѣжалъ въ городъ Алакапи (Alacapi—тоже, что свобода), гдѣ обрѣзался, отдалъ себя подъ защиту Магометанъ и остался въ Персіи.

Въ разныхъ мѣстахъ своего государства его царское величество владѣетъ богатыми помѣстьями, которыя отдаетъ въ аренду и получаетъ за нихъ огромныя деньги. Рудники, о коихъ мы уже упоминали выше, находящіеся въ окрестностяхъ Тулы, также приносятъ ему большія выгоды.

При такихъ огромныхъ доходахъ у его царскаго величества не мало и расходовъ; такъ ежегодно онъ долженъ платить стрѣльцамъ и солдатамъ полковъ, которые стоятъ по пограничнымъ городамъ, такъ какъ къ сосѣдственнымъ землямъ нельзя имѣть большаго довѣрія. Въ одной Москвѣ долженъ онъ содержать 16,000 войска, въ царствѣ Казанскомъ до 6000, и всѣмъ платить жалованье; войска, расположенныя по провинціямъ, числомъ до 100,000, также находятся на его содержаніи.

Кромѣ того, въ Москву приходитъ ежегодно татарское посольство и получаетъ немалыя деньги, которыми великій князь, такъ сказать, замиряетъ Татаръ, грозящихъ своими частыми и неожиданными нападеніями. На войну выводитъ онъ огромное число солдатъ, содержаніе которыхъ стоитъ еще большихъ денегъ; сверхъ этого долженъ онъ платить большое жалованье нѣмецкимъ офицерамъ, изъ коихъ нѣкоторые, по желанію ихъ, получаютъ деньги впередъ за нѣсколько мѣсяцевъ. Не мало также идетъ денегъ на содержаніе различныхъ посольствъ, довольно часто посѣщающихъ его царское величество. Такъ иногда сходятся въ Москвѣ въ одно время по два и по три посольства отъ иностранныхъ государей, и всѣ они получаютъ готовое содержаніе во все время пребыванія ихъ въ столицѣ. Великій же князь содержитъ многочисленный придворный штатъ; за его роскошнымъ

столомъ, въ Кремлѣ и внѣ его, ежедневно обѣдаетъ до тысячи человѣкъ.

Обѣды царскіе совершаются слѣдующимъ образомъ: при приближеніи обѣденнаго времени, не трубятъ, какъ это обыкновенно дѣлается при другихъ Дворахъ, но одинъ изъ служителей бѣжитъ на кухню и погреба и кричитъ громко: *Государю кушанье* (Gosudar Kusschinung, т. е. великій князь желаетъ кушать). Кушанья приготовляютъ за тѣмъ въ скоромъ времени. Ихъ царскія величества сидятъ за столомъ одни; если же къ ихъ обѣду приглашается патріархъ, или кто либо изъ знатныхъ вельможъ, то подлѣ царскаго стола ставятся другіе столы. Кушанья, числомъ до 50 и болѣе, но всѣ ставятся на столъ; ихъ держатъ служители, которые по знаку, данному стольникомъ (находящимся теперь въ большой милости у великаго князя), подаютъ и ставятъ ихъ на столъ. Нѣкоторыя изъ этихъ кушаній разсылаются въ знакъ царской милости вельможамъ и чиновникамъ, Нѣмцамъ и Русскимъ безразлично, въ особенности же лейбъ-медикамъ и господамъ докторамъ и лекарямъ. Въ настоящее время состоитъ на службѣ у великаго князя одинъ только докторъ лейбъ-медикъ, *Г. Гартманъ Граманъ* (Hartman Graman), бывшій съ нами въ Персіи; онъ отлично изучилъ свойства лекарствъ меркуріальныхъ и до сихъ поръ лечитъ съ удивительнымъ успѣхомъ, за что великій князь его очень любитъ, а бояре, князья и другіе вельможи охотно принимаютъ его къ себѣ и оказываютъ должное почтеніе. Онъ получаетъ ежемѣсячно жалованья до 62 руб., или 124 талера, и сверхъ этого еще ежегодно до 300 (что составитъ вмѣстѣ 2088 талеровъ), пользуясь притомъ готовымъ хлѣбомъ, солодомъ, мёдомъ и всѣмъ, что только необходимо въ домашнемъ хозяйствѣ. Великій князь очень уважаетъ его и всякій разъ, когда онъ открываетъ ему кровь, или оказываетъ какое либо другое медицинское пособіе, даритъ его сотнею талеровъ, нѣсколькими кусками атласа, или дамаша, сорокомъ соболей и другими подобными вещами.

Доктора и лекаря за леченіе рѣдко получаютъ отъ бояръ, князей и вельможъ чистыми деньгами, но болѣе соболями, полотнами, водкою и другими припасами. Всѣ они ежедневно должны являться во дворецъ и бить челомъ знатнымъ вельможамъ, въ особенности инспектору царской аптеки, которая устроена великолѣпно.

Его царское величество содержитъ на свой счетъ многихъ толмачей для перевода съ различныхъ языковъ, а также множество служителей, какъ изъ Русскихъ, такъ и изъ иностранцевъ. Особенно большое жалованье получаютъ иностранные офицеры высшаго ранга, какъ въ военное время, такъ и въ мирное; многiе изъ нихъ перемѣнили свою вѣру и перекрестились.

Между толмачами его царскаго величества особенно замѣчателенъ *Іоаннъ Бѣкеръ Фонъ-Делденъ* (Johann Bäker von Delden), человѣкъ отличный, знающiй нѣсколько языковъ, свѣдущiй во многихъ наукахъ и притомъ много путешествовавшiй. Такого человѣка еще не бывало въ Москвѣ между толмачами. Его царское величество далъ ему должность *генералъ-интерпретета* (General Interpreten) и обыкновенно посылаетъ его въ иноземныя государства по дѣламъ посольскимъ, требующимъ особеннаго вниманiя; такъ недавно былъ онъ въ Вѣнѣ у римскаго императора съ двумя царскими послами *Иваномъ Ивановичемъ Баклановскимъ* (Baklakovsky), царскимъ камеръ-юнкеромъ, и дьякомъ *Иваномъ Михайловымъ Поликарповымъ* (Ivan Polycarpou syn Michailow). Тогда пожаловалъ ему его царское величество за его отличныя способности и услуги дворянскiй дипломъ (дворянскую грамоту), о чемъ извѣстилъ меня изъ Вѣны одинъ хорошiй мой прiятель и прислалъ притомъ и копiю съ этого диплома. Между придворными чинами и служителями его царскаго величества, особенно между Русскими, происходило въ прежнiя времена почти тоже, что и при иностранныхъ Дворахъ, гдѣ добро и зло постоянно враждуютъ между собою и гдѣ нерѣдко послѣднее беретъ верхъ надъ первымъ. Тѣ изъ придворныхъ, которые болѣе другихъ приближены къ государю, пользуются болѣе свободнымъ къ нему доступомъ, бываютъ обыкновенно гораздо заносчивѣе, грубѣе, тщеславнѣе и притомъ скупѣе и своекорыстнѣе прочихъ; поэтому, если кто желаетъ скорѣе выиграть какое либо тяжебное дѣло, долженъ высоко чтить такихъ придворныхъ, бить имъ челомъ до земли и часто дарить ихъ, не въ видахъ полученiя отъ нихъ добра, а напротивъ, для того, чтобы они не причиняли ему вреда. Такъ точно и Москва за нѣсколько лѣтъ предъ симъ находилась въ самомъ бѣдственномъ состоянiи; каждый, давая подарокъ (который они называютъ посуломъ— Poschul), могъ надѣяться, что выиграетъ затянутое имъ дѣло. Мож-

но было даже (если кто хотѣлъ) завладѣть чужимъ имуществомъ и присвоить его себѣ, не смотря на то, что грабитель не имѣлъ на то никакого права. Такія несправедливости, будучи доведены до крайности нѣкоторыми изъ родственниковъ великаго князя и другими вельможами, были причиною, вскорѣ послѣ царскаго бракосочетанія, страшнаго возмущенія, въ которомъ многіе дорого поплатились за свои безчинства, а нѣкоторые потеряли свои головы (объ этомъ подробнѣе сказано будетъ въ слѣдующихъ главахъ).

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

О свадьбѣ и бракосочетаніи великаго князя Алексѣя Михайловича.

Государь Алексѣй Михайловичъ былъ еще очень молодъ, когда вступилъ на престолъ; бывшій его гофмейстеръ и воспитатель *Морозовъ* (Morosov) пользовался большимъ расположеніемъ и почетомъ у молодаго царя, такъ что произвольно правилъ вмѣсто него государствомъ. Онъ склонилъ на свою сторону всѣхъ придворныхъ, безпрекословно исполнявшихъ его волю, родственниковъ же великаго князя, и въ особенности приближенныхъ прежней великой княгини—матери царя, какъ людей, могущихъ имѣть вліяніе на молодаго государя, удалилъ отъ Двора, разославъ ихъ воеводами по различнымъ городамъ; въ этомъ случаѣ поступалъ онъ подобно *Ликогену* (Lycogenes у Барклая lib. 1 cap. 2), который, наполнивъ Дворъ людьми одинхъ съ нимъ мыслей и дѣйствующихъ въ его пользу, надѣлялъ ихъ значительными должностями, съ цѣлью привлечь ихъ на свою сторону. Никто изъ знатныхъ вельможъ придворныхъ не смѣлъ въ присутствіи государя превзойти Морозова въ угодничествѣ и потворствѣ молодому великому князю. Такъ, желая удалить нѣкоторыхъ изъ бояръ, которые могли наскучить царю непріятными и притомъ тягостными въ его лѣта занятіями дѣловыми, Морозовъ часто доставлялъ ему случай охотиться и проводить время съ нимъ однимъ въ разнаго рода увеселеніяхъ. Изыскивая средства, какимъ бы образомъ навсегда удержать милость и расположеніе великаго князя, онъ рѣшился вступить съ нимъ въ

близкое родство. Этотъ хитрый вельможа зналъ очень хорошо, что великому князю пора уже жениться и потому задумалъ предложить ему въ жены дочь одного боярина, на сестрѣ котораго онъ самъ намѣревался жениться; это дѣлалъ онъ на томъ основаніи, что ему хотѣлось остаться въ среднемъ сословіи, изъ котораго онъ и происходилъ. Тогда между камеръ-юнкерами великаго князя былъ нѣкто по имени *Илья Даниловичъ Милославскій* (Ilia Danilovitz Miloslavski), имѣвшій двухъ прекрасныхъ дочерей, но ни одного сына. Милославскій часто посѣщалъ Морозова (игравшаго тогда при Дворѣ главную роль, fac totum, какъ обыкновенно о немъ говорили) и охотно во всемъ помогалъ ему, въ слѣдствіе чего пользовался у него большою милостію; онъ имѣлъ всегда свободный къ нему доступъ уже и потому, что исполнялъ во всемъ его волю, не говоря о томъ, что у него были прекрасныя дочери. Однажды, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, Морозовъ началъ выхвалять государю красоту дочерей Милославскаго и возбудилъ въ немъ охоту видѣть ихъ. Обѣ сестры, какъ бы для посѣщенія, приглашены были къ сестрамъ великаго князя. Тутъ видѣлъ ихъ государь и влюбился въ старшую изъ нихъ. Тотчасъ дано было знать Милославскому о желаніи государя быть его зятемъ. Милославскій, не долго думавши, далъ свое согласіе и спѣшилъ благодарить царя за оказанную ему милость. Вслѣдъ за тѣмъ послана была ему на домъ большая сумма денегъ съ многими другими драгоцѣнностями (Милославскій былъ не очень богатъ), для того чтобы онъ могъ принарядить какъ себя, такъ и своихъ дѣтей. Вскорѣ стали приготовляться къ свадьбѣ, и въ 1647 году по Рожд. Хр. совершено было бракосочетаніе государя (невѣстѣ было 22 года и 70 дней отъ роду) тихо, безъ всякой пышности и великолѣпія, на тотъ конецъ, чтобы не околдовали жениха съ невѣстою — суевѣріе, бывшее тогда въ большой силѣ, и чего всѣ боялись въ высшей степени. 8 дней спустя послѣ свадьбы царской, бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ женился на младшей дочери Милославскаго, сестрѣ великой княгини, и сталъ такимъ образомъ свояшкомъ великаго князя.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

О томъ, какъ поступали родственники великой княгини послѣ свадьбы царской, о злоупотребленіяхъ въ судопроизводствѣ и о томъ, что происходило потомъ замѣчательнаго.

Вступивъ въ родство съ государемъ, Милославскій въ скоромъ времени занялъ при Дворѣ первое мѣсто. Въ Кремлѣ отведенъ былъ ему особенный домъ, стоявшій подлѣ царскаго дворца, въ которомъ онъ долженъ былъ жить съ своею женою; онъ приказалъ срыть его и выстроить вмѣсто него великолѣпный дворецъ. Затѣмъ удалилъ онъ прежнихъ слугъ своихъ отъ Двора и замѣнилъ ихъ другими, по большей части своими-же родственниками, которые, находясь до этого времени въ бѣдности, съ жадностію начали набивать свои сундуки. Между ними особенно замѣчателенъ былъ *Леонтій Степановичь Плещеевъ* (Leonti Stepanovitz Plescov), назначенный главнымъ судьею въ Земскомъ Приказѣ (Semische Dwor) или Ратушѣ; онъ обиралъ и притѣснялъ простой народъ до такой степени, что не довольствовался подарками, а бралъ взятки съ тяжущихся до тѣхъ поръ, пока они не приходили въ крайнюю бѣдность. Кромѣ того, онъ обыкновенно нанималъ за деньги такихъ людей, которые дѣлали ложные доносы на кого либо изъ честныхъ и невинныхъ гражданъ, изъ мести или ненависти къ нимъ, или изъ желанія посмѣяться надъ ними; такъ они обвиняли ихъ въ воровствѣ, убійствѣ или другихъ важныхъ преступленіяхъ. По такимъ ложнымъ доносамъ, обвиняемыхъ людей сажали въ тюрьму, варварски обходились съ ними, давали въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ весьма скудное содержаніе, однимъ словомъ, приводили ихъ въ совершенное отчаяніе. Между тѣмъ безбожные слуги Плещеева умышленно заводили съ ними дружбу, принимали въ нихъ притворное участіе и предлагали имъ совѣты касательно освобожденія ихъ изъ тюрьмы; чрезъ посредство этихъ-то мошенниковъ Плещеевъ велъ переговоры съ обвиненными, выторгавывая у каждаго изъ нихъ извѣстную сумму денегъ въ видѣ выкупа за ихъ освобожденіе, такъ какъ самъ не удостоивалъ своимъ посѣщеніемъ ни заключенныхъ, ни друзей ихъ.

Въ числѣ подобныхъ безбожныхъ чиновниковъ былъ другой, по

имени *Петръ Тихоновичъ Троханіотовъ* (Peter Tychonovitz Trochoniotov), зять Плещеева; онъ былъ уже окольничимъ (ocolnitz), что, по чиноположенію Русскихъ, считается самою близкою степенью къ сану боярскому. Кромѣ того онъ управлялъ *Пушкарскимъ Приказомъ* (Puskarche Pricas); подъ его же начальствомъ были и стрѣлки, ружейные мастера, пушкари и всѣ тѣ, кои служатъ при Оружейной Палатѣ. Съ этими людьми обходился Троханіотовъ весьма жестоко, отнимая у нихъ заработанныя ими деньги. По обычаю, существующему еще въ Москвѣ и до настоящаго времени, всѣ царскіе слуги и ремесленники ежемѣсячно получаютъ отъ великаго князя въ видѣ награды довольно значительныя суммы денегъ; нѣкоторымъ изъ нихъ приносятъ жалованье даже на домъ. Троханіотовъ заставлялъ ихъ по нѣскольку мѣсяцевъ ждать награжденія; приходившіе же къ нему за полученіемъ денегъ получали только половину, другіе же еще меньше и притомъ должны были давать квитанцію въ томъ, что получили деньги сполна. Слѣдствіемъ всего этого было то, что торговля и промышленность стали приходить въ упадокъ, появилось много монополистовъ; тотъ кто приносилъ значительный подарокъ любимцу его царскаго величества, съ радостью отправлялся домой, получивъ отъ него милостивое охранное письмо.

Такъ одинъ изъ подобныхъ притѣснителей народа придумалъ дѣлать желѣзные аршины, заклеймённые орломъ; за такой аршинъ должно было платить рейхсталеръ, тогда какъ прежде платили за него только 10 копѣекъ или шиллингъ. Старые же аршины были запрещены въ продажѣ и наложенъ былъ большой штрафъ на того, кто бы осмѣлился нарушить это постановленіе. Продажа такихъ аршиновъ, по рейхсталеру за штуку, при большомъ расходѣ ихъ по всему государству, приносила большой доходъ, простиравшійся до нѣсколькихъ тысячъ талеровъ.

Другой изъ притѣснителей народа, въ видахъ увеличенія царскихъ доходовъ и снисканія милости и любви его царскаго величества, предложилъ увеличить акцизную пошлину на соль цѣлою гривною болѣе прежней съ пуда, который стоилъ прежде всего 2 гривны и 20 грошей. При этомъ онъ высчиталъ, сколько тысячъ рублей отъ такого налога ежегодно должно было приходить въ казну его царскаго величества. Годъ спустя, при отчетности по этой статьѣ, увидѣли, что, по причинѣ дороговизны соли, потеряно

до нѣсколькихъ сотъ тысячъ пудовъ соленой рыбы, употребляемой въ Россіи гораздо болѣе сравнительно съ мясомъ: она гнила, такъ какъ посолена была недостаточно. Тутъ замѣтили также, что и соли въ продолженіи года продано было очень немного: при высокой цѣнѣ своей, она мало шла въ продажу, портилась и таяла въ пакгаузахъ. Вскорѣ простой народъ началъ выражать негодованіе на подобныя тягостныя для него постановленія и невыносимыя притѣсненія. Большими толпами началъ онъ сходиться по утрамъ и вечерамъ около церквей и разсуждалъ, какимъ бы образомъ избавиться отъ такой бѣды. Многіе видѣли и понимали ясно, что приближенные его царскаго величества не хотятъ выслушивать ихъ жалобъ, еще менѣе намѣрены помочь имъ въ крайне стѣсненномъ положеніи, и потому единодушно рѣшили предстать предъ его царское величество, когда онъ выѣдетъ или отправится въ процессіи изъ Кремля въ городскую церковь, и собственноручно подать ему челобитную отъ имени всего народа. Въ этой челобитной положили они жаловаться царю на Леонтія Степановича Плещеева за его несправедливые поступки, за его ежедневное злоупотребленіе власти, и просить, чтобы онъ отставилъ его отъ должности, опредѣливъ вмѣсто него другаго, честнаго человѣка. Не смотря однакожъ на подобныя попытки, положеніе народа не облегчалось, такъ какъ каждый разъ такія челобитныя отбирались боярами, сопровождавшими государя. Его царское величество самъ не читалъ этихъ челобитныхъ, но узнавалъ только то, что ему сообщалось потомъ боярами, и потому не могъ знать настоящей нужды народа. Челобитныя оставались безъ отвѣта. Между тѣмъ притѣсненія продолжались, и народъ раздражался все болѣе и болѣе. Огромными, многочисленными толпами, съ громкими криками и воплемъ, началъ онъ снова сходиться у церквей, рѣшившись, въ случаѣ новыхъ притѣсненій, устно высказать жалобу свою его царскому величеству. Вскорѣ представился удобный тому случай. 6 іюля 1648 г. былъ праздникъ, и его царское величество, въ сопровожденіи своихъ бояръ, отправился въ *Стрѣтенскій* (Stretenskoi) *монастырь*, лежащій въ городѣ. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, народъ многочисленными толпами началъ сходиться на большомъ рынкѣ и на улицахъ, по которымъ должна была проходить процессія. Выслушавъ обѣдню, царь отправился обратно, но толпы народа

бросились къ нему на встрѣчу; нашлись смѣльчаки, которые, схвативъ за узду царскаго коня, умоляли государя выслушать ихъ жалобу, громко негодовали на Плещеева, просили, чтобы онъ отрѣшилъ его отъ должности и назначилъ другаго честнаго человѣка, ибо, въ противномъ случаѣ, народъ раззорится въ конецъ. Царь обратился къ народу съ дружелюбною рѣчью, уговаривалъ его успокоиться, обѣщалъ разузнать все дѣло и удовлетворить его просьбѣ. Выслушавъ такое милостивое обѣщаніе, толпы успокоились, благодарили его царское величество и желали ему добраго здравія и долгой жизни. Царь отправился далѣе и благополучно достигъ Кремля. Между тѣмъ нѣкоторые изъ бояръ, приверженцевъ Плещеева, начали поносить чернь бранью, били иныхъ по головамъ своими плётками, иныхъ же сбили съ ногъ. Толпы народа возрастали все болѣе и болѣе. Дерзкій поступокъ бояръ раздражилъ ихъ, и нѣкоторые начали бросать въ обидчиковъ каменьями. Бояре, непривыкшіе сносить подобный градъ на своихъ спинахъ, быстро рванулись за его царскимъ величествомъ и поспѣшили убраться въ Кремль. Но здѣсь народъ, стоявшій предъ дворцомъ, принялъ ихъ точно такимъ же образомъ; они соскочили съ лошадей и, тѣснимые раздраженною чернью, съ трудомъ едва-едва добрались до большаго крыльца, ведущаго въ комнаты его царскаго величества. Стрѣльцы, ежедневно держащіе стражу предъ крыльцомъ, до тѣхъ поръ удерживали напоръ народа, пока бояре не вошли въ великокняжескіе покои. Тогда народъ, раздражившись до крайности, началъ неистовствовать и кричать, чтобы ему выдали Плещеева. Бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ вышелъ на крыльцо и отъ имени великаго князя началъ уговаривать народъ, чтобы онъ отказался отъ подобнаго требованія; но въ толпѣ раздались крики: «и тебя хотимъ мы взять въ свои руки»! Опасаясь за свою безопасность, Морозовъ спѣшилъ удалиться съ крыльца. Раздраженная чернь напала на домъ его — великолѣпный дворецъ, выстроенный имъ въ Кремлѣ. Выбили ворота и двери, рубили все, что ни попадалось на встрѣчу, грабили, опустошали и чего не могли взять съ собою, то предавали огню. Одинъ изъ слугъ Морозова вздумалъ было сопротивляться, но его выбросили въ окно изъ самой верхней комнаты, такъ что несчастный тутъ же испустилъ духъ.

Въ домѣ Морозова нашли они и жену его, но не нанесли ей нака-

кого оскорбленія, даже не дотронулись до нея, а сказали только: «если бы ты не была сестра великой княгини, то мы изрубили бы тебя въ куски»!

Между прочими многими драгоцѣнными вещами разбили они богатую карету, внутри и снаружи обитую золотою матеріею, съ соболями въ подбоѣ; вся она, не исключая даже и колесныхъ шинъ, обыкновенно дѣлаемыхъ изъ желѣза, была окована чистымъ серебромъ. Карету эту подарилъ Морозову его царское величество въ день его свадьбы.

Нѣкоторые изъ народа бросились въ погреба, наполненные мёдомъ и виномъ, и чего не могли выпить, то разбивали, такъ что почти по колѣно бродили въ винѣ и почти всѣ сгорѣли, когда огонь, разложенный на дворѣ, дошелъ до погреба.

Отмстивъ Морозову, народъ раздѣлился на партіи. Нѣкоторыя изъ нихъ направились къ дому Плещеева, другія къ Тихоновичу, иныя къ дому государственнаго канцлера и другихъ вельможъ, бывшихъ у нихъ въ подозрѣніи. Даже дьяки, находившіеся въ дружбѣ съ ненавистными народу людьми, и подьячіе должны были подвергнуться той же участи. Раздраженная чернь разграбила дома своихъ притѣснителей и опустошила все, что ни попадалось ей подъ руку. Здѣсь найдены были огромныя богатства и драгоцѣнности, въ особенности въ домѣ Морозова; жемчугъ брали пригоршнями, шапку, наполненную жемчугомъ, отдавали за 30 талеровъ, за одинъ талеръ—пару отличныхъ лисицъ или черныхъ соболей. Что же касается до золотыхъ слитковъ, то эту добычу дѣлили они между собою, разрубая ихъ ножомъ.

Горькая участь постигла государственнаго канцлера *Назарья Ивановича Ртищева* (Nazari Ivanovitz Tzistov), взявшаго на себя продажу соли (какъ выше объ этомъ сказано) и повысившаго на нее пошлину. За три дня до народнаго бунта возвращался онъ изъ Кремля верхомъ на лошади; на дорогѣ повстрѣчалась ему бѣшеная корова, и испуганная лошадь сбросила съ себя сѣдока. Почти замертво принесли домой Ртищева. По этому, во время бунта, онъ оставался дома и лежалъ въ постелѣ. Услышавъ, что разъяренная чернь разграбила домъ Морозова и готова уже идти къ нему для расплаты, Ртищевъ съ трудомъ поднялся съ постели и приказалъ спрятать себя подъ вѣниками, которые, какъ выше объ этомъ ска-

зано, дѣлаются изъ березовыхъ вѣтвей, связываемыхъ въ пучки на подобіе метлы, употребляются въ баняхъ и сохраняются въ продолженіи цѣлаго года. Накрывшись такимъ образомъ вѣниками, онъ велѣлъ еще сверху положить нѣсколько кусковъ полоти (боковая половина окорока). Но къ несчастію Ртищева, одинъ изъ слугъ его за нѣсколько сотъ червонцевъ рѣшился измѣнить своему господину и открыть убійцамъ его убѣжище, а самъ тотчасъ же убѣжалъ съ деньгами въ Нижній Новгородъ. Разъяренная чернь, ворвавшись въ домъ Ртищева, вытащила несчастнаго боярина изъ подъ вѣниковъ и сдернула его за ноги внизъ по лѣстницѣ на дворъ: здѣсь его забили палками до смерти и изуродовали до такой степени, что невозможно было узнать его лица. Трупъ бросили потомъ въ помойную яму. Покончивъ такимъ образомъ дѣло съ хозяиномъ, они принялись ломать его лари и сундуки. Въ бытность нашу въ Москвѣ, мы сами на себѣ должны были испытать злой нравъ этого боярина. Сильный при Дворѣ и притомъ одинъ изъ первѣйшихъ сановниковъ въ государствѣ, онъ доставилъ намъ не мало непріятностей, задерживая отправленіе нашего посольства изъ за того только, что не тотчасъ, какъ ему хотѣлось, получилъ отъ насъ подарки. 7-го іюня, на другой день послѣ этого возмущенія, происходившаго внѣ Кремля, рано поутру, всѣмъ офицерамъ изъ иноземцевъ тайно отданъ былъ приказъ собраться и, вооружившись, придти въ Кремль, такъ какъ мятежная чернь продолжала волноваться и начала снова подступать къ запертому Кремлю. Нельзя было безъ удивленія смотрѣть, какъ мятежники охотно уступали имъ дорогу, приговаривая весьма дружелюбно: «вы, Нѣмцы, честные люди, не сдѣлали намъ никакого вреда, и мы отнынѣ не будемъ васъ обижать». Прежде же Русскіе были очень не расположены къ Нѣмцамъ и старались, при всякомъ удобномъ случаѣ, нанести имъ какое нибудь оскорбленіе. Тотчасъ по прибытіи иноземныхъ солдатъ, Кремлевскія ворота были отворены. Нѣмцы вошли въ Кремль, раздѣлились на партіи и стали держать стражу. Вскорѣ послѣ этого его царское величество выслалъ къ мятежнымъ толпамъ своего двоюроднаго брата Никиту Ивановича Романова, любимца народнаго, желая испытать, не будетъ ли онъ въ состояніи успокоить озлобленные умы и прекратить волненіе. Съ открытою головою вышелъ Никита Ивановичъ

къ народу. Мятежники называли его своимъ отцемъ благодѣтелемъ, оказали ему должную почтительность и готовы были выслушать умную рѣчь его. Тогда Никита Ивановичъ, въ весьма трогательныхъ словахъ, сказалъ слѣдующее: «его царскому величеству весьма прискорбно видѣть несчастіе его народа. За нѣсколько дней тому назадъ онъ обѣщалъ вамъ тщательно разобрать вашу жалобу и удовлетворить вашей просьбѣ. Теперь, чрезъ меня, онъ приказалъ сказать вамъ, что непремѣнно сдержитъ свое слово, а потому вамъ слѣдуетъ успокоиться и смириться».

Едва только успѣлъ онъ сказать это, какъ многіе изъ толпы закричали, что они готовы успокоиться и смириться предъ его царскимъ величествомъ, но просятъ выдать имъ виновниковъ ихъ несчастія, а именно: боярина Бориса Ивановича Морозова, Леонтія Степановича Плещеева и Петра Тихоновича Трахаціотова, съ которыми они расправятся по своему. Никита Ивановичъ, поблагодаривъ народъ за покорность государю, обѣщалъ передать царю его желаніе, причемъ увѣрялъ, что Морозова и Петра Тихоновича нѣтъ въ Кремлѣ, но что они убѣжали и теперь спасаются бѣгствомъ. Тогда народъ потребовалъ выдачи Плещеева. Никита распрощался съ народомъ и ускакалъ обратно въ Кремль.

Вскорѣ пришла вѣсть изъ Кремля, что его царское величество приказалъ выдать Плещеева и казнить его предъ народомъ, и что если отыщутъ двухъ остальныхъ, то и съ ними будетъ поступлено по справедливости. Тотчасъ велѣно было отыскать палача. Мятежники не заставили ждать себя, сыскали палача и подошли съ нимъ къ Кремлевскимъ воротамъ. Ворота были отворены и палачъ съ нѣсколькими служителями вошелъ въ Кремль. Между тѣмъ мятежники условились раздѣлиться на партіи (многіе изъ нихъ были верхами) и разъѣзжали вдоль и поперегъ по всѣмъ улицамъ для поимки бѣжавшихъ; большая награда была назначена тѣмъ, кто отыщетъ и поймаетъ ихъ. Палачъ пробылъ въ Кремлѣ не больше четверти часа и воротился назадъ, ведя съ собою Плещеева. Завидѣвъ послѣдняго, толпы не могли дождаться даже того, чтобы его вывели на площадь, прочли ему смертный приговоръ и потомъ уже казнили; съ неистовствомъ бросились онѣ на него, и подъ руками палача, до такой степени избили палками, что голова несчастнаго обратилась въ кисель, а мозгъ разлетѣлся въ разныя сторо-

ны, забрызгавъ лице палачу. Раздѣвъ убитаго и разодравъ на части его платье, они таскали его по рынку за ноги и кричали: «такъ должно угощать подобныхъ воровъ и мошенниковъ! Боже продли вѣку батюшкѣ царю»!

Борисъ Ивановичъ Морозовъ, по показанію Никиты Ивановича, дѣйствительно думалъ спастись бѣгствомъ, ушелъ изъ Кремля, но къ несчастію замѣченъ былъ извощиками (Samtziken), которые перерѣзали ему дорогу. Бѣглецъ принужденъ былъ вернуться назадъ. Къ счастію, удалось ему ускользнуть отъ преслѣдователей и тайнымъ проходомъ снова пробраться въ Кремль. Никто изъ преслѣдователей не замѣтилъ этого. Между тѣмъ государь, желая доказать народу, что онъ не на шутку занялся преслѣдованіемъ бѣжавшихъ лицъ, выслалъ къ народу князя *Семена Пожарскаго* (Simon Posarski) съ тѣмъ, чтобы онъ вмѣстѣ съ нимъ отыскалъ Петра Тихоновича. Имъ удалось поймать Тихоновича близь монастыря Троицкаго (Kloster Troitze), лежащаго въ 12 миляхъ отъ Москвы. 8-го іюля привезли его въ Москву, и не въ Кремль, а прямо на Земскій Дворъ (Semske Dwor). Узнавъ объ этомъ, его царское величество приказалъ, чтобы палачъ сначала въ продолженіи часу водилъ его по базару съ колодкою на шеѣ и потомъ отрубилъ ему голову.

Такими мѣрами удалось наконецъ успокоить озлобленные умы возмутившихся. Народъ благодарилъ его царское величество за правый судъ, желалъ ему долголѣтней жизни и просилъ такого же суда Морозову. Отъ извощиковъ и ямщиковъ мятежники знали, что Морозовъ былъ замѣченъ на городскихъ улицахъ, и что онъ скрылся, но не знали, куда именно, а потому не могли настоятельно требовать его выдачи, а только просили, чтобы, въ случаѣ его поимки, съ нимъ было поступлено точно такимъ же образомъ, какъ и съ прочими притѣснителями. Тѣмъ кончилось на первый разъ возмущеніе народа. Удовлетворенная чернь успокоилась и пріутихла. Это было незадолго до полудня. Вскорѣ послѣ 12 часовъ (по полудни) въ разныхъ мѣстахъ улицъ Тверской и Дмитровской занялись большіе пожары. Тогда разъяренная чернь толпами бросилась на пожары, не столько для спасенія имущества погорѣвшихъ, сколько для грабежу. Въ недолгое время огонь разлился на огромное пространство и уничтожилъ все, что находилось внутри Бѣлой

Стѣны, вплоть до самой Неглинки; отсюда огонь перешелъ за Красную Стѣну къ замѣчательному въ то время большому кружечному двору его царскаго величества и отъ него распространился далѣе, угрожая большою опасностью всему городу и даже самому Кремлю. Никто не думалъ ни о спасеніи имущества, ни о прекращеніи пожара, да и врядъ ли кто и могъ это сдѣлать, такъ какъ водка, добытая изъ кружечнаго двора, у всѣхъ помутила умы. Народъ одичалъ совершенно. Будучи не въ состояніи вытащить изъ погребовъ большихъ бочекъ съ водкою, Русскіе выбивали дно и наполняли виномъ все, что только имъ ни попадалось подъ руку: шапки, шляпы, сапоги, рукавицы, выносили ихъ на улицу, выпивали и снова наполняли, что повторялось до тѣхъ поръ, пока улицы не покрылись пьяными замертво. Многіе изъ нихъ, въ безчувственномъ своемъ состояніи, задыхались отъ дыму и жару, иные же сгарали на мѣстѣ. Къ вечеру, около 11 часовъ (дня), нѣсколько человѣкъ изъ Нѣмцевъ, стоявшихъ и съ ужасомъ смотрѣвшихъ на пылавшій кружечный дворъ, замѣтили, что къ нимъ приближается какой-то монахъ въ черномъ одѣяніи. Въ сильномъ волненіи и запыхаясь, несъ онъ какую то тяжесть. Подошедши поближе, онъ остановился и громко началъ сзывать народъ на помощь, крича, что пожаръ прекратится тогда только, когда трупъ безбожнаго Плещеева (который онъ, въ самомъ дѣлѣ, тащилъ за собою) будетъ брошенъ въ огонь и сгоритъ въ немъ. Не смотря на то, никто не вызывался помочь ему въ этомъ дѣлѣ, и монахъ началъ сильно клясться; наконецъ нѣсколько молодыхъ парней подошли къ нему и помогли дотащить трупъ до пожарища и бросили его въ огонь. И дѣйствительно, какъ только началъ горѣть трупъ Плещеева, огонь сталъ гаснуть самъ собою и вскорѣ потухъ, къ величайшему изумленію всѣхъ присутствовавшихъ.

Спустя нѣсколько дней, его царское величество приказалъ угостить водкой стрѣльцовъ, бывшихъ при немъ во время возмущенія; равнымъ образомъ и тесть его Илья Даниловичъ Милославскій очень милостиво началъ обходиться съ знатными гражданами, ежедневно приглашалъ къ себѣ на обѣдъ, поочередно, разные цехи и гильдіи, угощалъ ихъ на славу и ревностно заботился о снисканіи ихъ благорасположенія. Патріархъ съ своей стороны приказалъ священникамъ исподоволь успокоить взволнованные умы народа. Его царское величество, отставивъ отъ должности прежнихъ своекорыстныхъ

чиновниковъ, посадилъ на ихъ мѣста людей новыхъ, притомъ молодыхъ, благочестивыхъ и много уважаемыхъ въ народѣ. Страшная гроза утихла, и можно было полагать, что все успокоится въ скоромъ времени. Тогда его царское величество, въ праздничный день, когда назначена была процессія, приказалъ собрать народъ на площадь и вышелъ къ нему въ сопровожденіи многихъ бояръ, въ томъ числѣ и Никиты Ивановича Романова. Царь началъ свою рѣчь выраженіемъ сожалѣнія о томъ, что безбожные Плещеевъ и Тихоновичъ, по незнанію его, столь дурно обходились съ любезнымъ ему народомъ (за что впрочемъ они получили должное возмездіе), что на мѣсто ихъ онъ назначилъ благочестивыхъ и богобоязненныхъ людей, которые будутъ обходиться съ народомъ кротко и справедливо, смотрѣть за его пользой и благосостояніемъ, и что онъ самъ съ этого времени будетъ обращать на него милостивое свое вниманіе. «Высокая пошлина на соль будетъ уничтожена, продолжалъ государь, и выданныя мною монопольные листы, смотря по обстоятельствамъ, будутъ отбираемы. Вмѣстѣ съ тѣмъ я увеличу права и прежде дарованныя народу вольности и отнынѣ навсегда пребуду милостивымъ отцомъ своихъ подданныхъ.» Народъ билъ челомъ государю за ласковое слово его, благодарилъ и желалъ ему долголѣтней жизни. За тѣмъ царь продолжалъ: «что же касается до Бориса Ивановича Морозова, котораго я обѣщалъ вамъ выдать, то я, хотя и не совсѣмъ оправдываю его поведеніе, но всетаки не считаю его совершенно виновнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я увѣренъ, что народъ мой не откажетъ мнѣ въ моей первой просьбѣ (ибо я еще ни о чемъ не просилъ васъ) простить Морозову во всемъ, что онъ сдѣлалъ вамъ дурнаго; ручаюсь, что съ этихъ поръ, въ отношеніи къ вамъ, онъ постоянно будетъ милостивъ, довѣрчивъ и добръ. Если хотите, чтобы я отрѣшилъ его отъ должности государственнаго совѣтника, то я охотно исполню вашу просьбу; выдать же вамъ головою моего втораго отца, вскормившаго и воспитавшаго меня, я не могу. Я не перенесу этого несчастія и думаю, что народъ мой не потребуетъ отъ меня новой жертвы.» Увидавъ слёзы на глазахъ государя—явное доказательство любви его къ Морозову—народъ единодушно ударилъ челомъ въ землю и закричалъ громко: Боже сохрани въ добромъ здравіи царя на долгія лѣта! Да будетъ такъ, какъ угодно Богу и государю!» Радость царя при этихъ восклицаніяхъ

народа была сильнѣе огорченія, испытаннаго имъ въ то время, когда отъ него требовали выдачи Морозова. Сказавъ, чтобы народъ успокоился, и былъ послушенъ, государь въ сопровожденіи бояръ и приближенныхъ своихъ спокойно возвратился въ Кремль.

Вскорѣ послѣ этихъ происшествій, его царское величество, вмѣстѣ съ Морозовымъ, отправился въ Троицкій монастырь. Борисъ Ивановичъ ласково кланялся народу, толпившемуся около его лошади. Съ этихъ поръ всякій подавшій просьбу или челобитную въ руки Морозову къ его царскому величеству никогда не получалъ отказа. Въ настоящее время сдѣлался онъ, какъ мнѣ достовѣрно извѣстно, истиннымъ благодѣтелемъ и покровителемъ народа, какъ Русскихъ, такъ и Нѣмцевъ.

Изъ предъидущаго видно, что большой опасности подвергались тогда и молодой государь и подданные его, когда государствомъ управляли люди своекорыстные и неблагонамѣренные.

Исполняя свое обѣщаніе, я упомяну здѣсь еще о возмущеніи, вспыхнувшемъ въ Псковѣ. Нельзя не замѣтить, что въ этомъ городѣ причиною возмущенія служили также своекорыстные и несправедливые поступки нѣкоторыхъ чиновниковъ, которые крайне раздражили и озлобили противъ себя народъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

О бунтѣ, бывшемъ въ Псковѣ.

Въ 1649 году его царское величество отправилъ къ ея королевскому величеству, королевѣ шведской Христинѣ знатное посольство, въ главѣ котораго стоялъ окольничій *Борисъ Ивановичъ Пушкинъ*, (Okolnitza Boris Ivanovitz Puscin). Посольство это, между прочими возложенными на него порученіями, должно было положить конецъ обоюднымъ неудовольствіямъ по поводу перебѣжчиковъ, разобрать тяжбы, возникшія по этому предмету, и удовлетворить взаимныя притязанія, въ продолженіе 23 лѣтъ остававшіяся безъ всякаго изслѣдованія. Вскорѣ послѣдовало рѣшеніе, состоявшее въ томъ, чтобы тѣ, которые перебѣжали за 30 лѣтъ тому назадъ (ибо многіе изъ нихъ уже умерли, а иные разошлись по разнымъ странамъ)

оставались на своихъ мѣстахъ, тѣ же, кои перебѣжали въ послѣднiе два года, съ той и другой стороны, должны быть выданы. Такъ какъ на русской сторонѣ Шведовъ было гораздо меньше, чѣмъ Русскихъ на шведской, то его царское величество обязанъ былъ уплатить за то 190,000 рублей (или 380,000 рейхсталеровъ) частью чистыми деньгами, частью же хлѣбомъ. Платежъ назначенъ былъ весною слѣдующаго 1650 года, и къ этому времени долженъ былъ прибыть въ Москву шведскiй королевскiй коммисаръ *Г. Іоаннъ де Родъ* (Jagan du Rodes) для полученiя чистыми деньгами (дукатами и копѣйками) 150,000 рублей. Остальныя деньги 40,000 руб. должно было выплатить хлѣбомъ. По этому случаю его царское величество приказалъ русскому купцу въ Псковѣ, по имени *Өеодору Емельянову* закупить въ срокъ извѣстное количество хлѣба (ржи); но этотъ купецъ, будучи человѣкомъ грубымъ и притомъ своекорыстнымъ, упустилъ время, и когда никто не хотѣлъ продать ни одного четверика хлѣба (шефель—Scheffel—хлѣбная мѣра), если онъ не набавитъ цѣны, то Емельяновъ сталъ говорить, что закупаетъ хлѣбъ по приказанiю его царскаго величества, который долженъ уплатить имъ долгъ Шведамъ. Это было причиною тому, что псковская чернь возненавидѣла самое имя Шведовъ. Большими толпами стали сходиться Псковичи въ кабакахъ и кружечныхъ дворахъ и обвинять бывшаго посла Пушкина въ измѣнѣ, состоявшей, по ихъ мнѣнiю, въ томъ, что онъ выманилъ у нихъ деньги и обѣщалъ отдать шведскому правительству. Нѣкоторые заподозрили въ этомъ дѣлѣ и Морозова, еще по старой памяти о случившемся въ Москвѣ два года тому назадъ, и воображали, что все это произошло безъ вѣдома его царскаго величества. Немедленно обо всемъ случившемся дано было знать въ Новгородъ. Уже нашлись безпокойные люди, которые стали поджигать народъ къ возстанiю и говорить воеводѣ, чтобы онъ задержалъ людей, назначенныхъ для вывоза денегъ въ Швецiю, и что, въ противномъ случаѣ, они сами остановятъ ихъ на дорогѣ. На закупку же хлѣба, слѣдуемаго Шведамъ, въ видѣ уплаты долга, они никакимъ образомъ не хотѣли согласиться, утверждая, что вывозъ причинитъ въ немъ дороговизну. Оставаясь при такомъ мнѣнiи, они немедленно отправили въ Москву посольство, состоявшее изъ одного купца, стрѣльца и казака, съ тѣмъ, чтобы они обо всемъ случившемся довели до свѣдѣнiя государя. Между

тѣмъ Псковичи огромной толпою направились къ дому Емельянова, разбили, разграбили его и взявъ жену этого купца (самъ Емельяновъ успѣлъ убѣжать и скрыться отъ нихъ), мучили и пытали ее, требуя, чтобы она сказала имъ, гдѣ лежатъ деньги ея мужа. Недопытавшись отъ нея ничего, они взяли все, что только нашли драгоцѣннаго въ домѣ, разграбили и опустошили все, что только ни попадалось имъ подъ руку и, безъ сомнѣнія, убили бы Емельянова, если бы онъ не успѣлъ скрыться отъ нихъ. За тѣмъ выгнали они своего воеводу, выказавшаго сопротивленіе, призвали въ городъ всѣхъ боярскихъ дѣтей, жившихъ внѣ его, и подъ клятвеннымъ обѣщаніемъ принудили ихъ дѣйствовать съ ними заодно. Между тѣмъ прибывшіе въ Новгородъ три депутата, посланные Псковичами, приказали заковать воеводу въ цѣпи и отослать его въ Москву къ великому князю. Вскорѣ прибылъ въ Москву убѣжавшій Емельяновъ и вмѣстѣ съ воеводою извѣстилъ государя о всемъ случившемся въ Псковѣ; вслѣдъ за ними пріѣхалъ другой гонецъ съ вѣстью, что мятежные Псковичи, схвативъ одного богатаго шведскаго купца, по имени *Левина Нуминса* (Levin Numins), изъ Нарвы, отняли у него деньги на сумму нѣсколькихъ тысячъ рейхсталеровъ, били, подвергали пыткѣ (тряскѣ—gewippelt—особеннаго рода пытка), съ позоромъ выставляли на пивные чаны, насмѣхались надъ нимъ и причиняли ему другія разнаго рода обиды. Выслушавъ гонца, государь отправилъ къ нимъ одного знатнаго боярина, съ тѣмъ, чтобъ онъ толкомъ разузналъ обо всемъ случившемся и успокоилъ народъ; но мятежники не хотѣли сначала его и выслушать, заперли городъ и рѣшились не впускать къ себѣ ни боярина, ни воеводу. Только нѣсколько дней спустя, они впустили ихъ въ городъ, но едва только они вошли въ него, какъ ихъ постигла горькая участь. Воеводу тотчасъ посадили въ тюрьму, а боярина, начавшаго довольно сурово выговаривать имъ отъ имени великаго князя, схватили и избили жестокимъ образомъ; бояринъ искалъ спасенія въ одномъ по близости находящемся монастырѣ, но мятежники выломали дверь, вытащили его оттуда и до такой степени изувѣчили побоями, что долгое время опасались за его жизнь.

Между тѣмъ въ Москвѣ, вмѣсто хлѣба, рѣшили дополнить должную сумму чистыми деньгами. Шведскій коммисаръ, снабженный

такимъ образомъ полною суммою, отправился изъ Москвы въ сопровожденіи сильнаго отряда солдатъ и стрѣльцовъ, долженствовавшихъ провожать его до самой шведской границы.

Рѣшившись строго наказать мятежниковъ, Государь отправилъ въ Псковъ князя Ивана Никитича Хованскаго съ значительнымъ коннымъ войскомъ. Полковникамъ *Мунгу Кормихелю и Гамельтону* (Mungo Karmichel und Hamelthon), стоявшимъ у города Онеги, на шведской границѣ, съ 4,000 войска, приказано было немедленно двинуться къ Пскову и соединиться съ Хованскимъ. Увидѣвши, что дѣло пошло не на шутку, Псковитяне упали духомъ. Сначала они еще оборонялись, но вскорѣ, полагаясь на милость великаго князя, сдались, сознались въ винѣ своей и просили пощады. Главные мятежники и бунтовщики были частью казнены, частью разосланы по Сибирскимъ городамъ. Такимъ образомъ усмирено было это опасное возмущеніе.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

О боярахъ или государственныхъ совѣтникахъ, окольничихъ и другихъ засѣдающихъ въ судахъ чиновникахъ.

Въ настоящее время гражданское управленіе Россіи находится гораздо въ лучшемъ положеніи, чѣмъ въ прежнія царствованія; теперь правительство гораздо строже смотритъ за чиновниками, засѣдающими въ судахъ, да притомъ и самые суды приведены въ гораздо лучшее положеніе. Но за исключеніемъ Морозова, Милославскаго и патріарха, заботящихся о полезныхъ нововведеніяхъ, всѣ почти прочіе вельможи еще остаются при прежнихъ устарѣлыхъ правилахъ относительно находящихся въ ихъ вѣдѣніи государственныхъ и частныхъ дѣлъ; до сихъ поръ еще крѣпко держатся они укоренившихся въ нихъ прежнихъ убѣжденій, происходящихъ частью отъ особеннаго сословнаго ихъ положенія, а частью отъ рода занимаемыхъ ими должностей. Въ настоящее время, по обыкновенію, при Дворѣ находится до 30 *бояръ*, или государственныхъ совѣтниковъ; иногда бываетъ впрочемъ двумя боярами болѣе

или менѣе. Годъ тому назадъ, при началѣ войны за Смоленскъ, въ Москвѣ считалось до 29 бояръ. Вотъ имена ихъ:

1) Бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ.
2) — — князь Никита Ивановичъ Романовъ.
3) — — Иванъ Васильевичъ Морозовъ.
4) — — князь Иванъ Андреевичъ Голицынъ.
5) — — князь Никита Ивановичъ Одоевскій (Odoevski).
6) — — князь Яковъ Куденетовичъ Черкасскій (Kudenietovitz Tzerkaski).
7) — — князь Алексѣй Никитичъ Трубецкій.
8) — — Глѣбъ Ивановичъ Морозовъ.
9) — — Василій Петровичъ Шереметевъ (Tzeremetov).
10) — — князь Борисъ Александровичъ Рѣпнинъ (Reppenin).
11) — — Петръ Михайловичъ Салтыковъ.
12) — — Василій Ивановичъ Стрѣшневъ.
13) — — князь Василій Семеновичъ Прозоровскій (Prosorouski).
14) — — князь Григорій Семеновичъ Куракинъ.
15) — — князь Ѳеодоръ Семеновичъ Куракинъ.
16) — — князь Юрій Петровичъ Буйносовъ-Ростовскій (Bojnessov Rostouski).
17) — — Иванъ Ивановичъ Салтыковъ.
18) — — Григорій Васильевичъ Пушкинъ.
19) — — князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Волконскій.
20) — — Лаврентій Дементьевичъ Салтыковъ.
21) — — князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій.
22) — — Илья Даниловичъ Милославскій.
23) — — Василій Васильевичъ Бутурлинъ.
24) — — князь Михаилъ Петровичъ Пронскій.
25) — — Иванъ Петровичъ Пронскій.
26) — — князь Иванъ Никитичъ Хованскій.
27) — — князь Ѳедоръ Юрьевичъ Хворостининъ (Schworosting).
28) — — Василій Борисовичъ Шереметевъ.
29) — — Никита Алексѣевичъ Зюзинъ (Susin).

За боярами слѣдуютъ *окольничіе* (Okolnitzen); изъ нихъ то избираются бояре. Вотъ имена ихъ:

1) Окольничій Князь Андрей Ѳедоровичъ Литвиновъ Масальскій (Litvinov Massalsky).

2) Окольничiй князь Иванъ Өедоровичъ Хилковъ.
3) — — Никифоръ Сергѣевичъ Собакинъ.
4) — — князь Дмитрiй Петровичъ Львовъ (Lewov).
5) — — князь Василiй Петровичъ Львовъ.
6) — — князь Семенъ Петровичъ Львовъ.
7) — — князь Иванъ Ивановичъ Ромадановскiй.
8) — — Василiй Григорьевичъ Ромадановскiй.
9) — — Степанъ Гавриловичъ Пушкинъ (Stepan Gavrielovitz).
10) — — князь Семенъ Романовичъ Пожарскiй.
11) — — Богданъ Матвѣевичъ Петровъ.
12) — — Петръ Петровичъ Головинъ.
13) — — Иванъ Андреевичъ Милославскiй.
14) — — князь Иванъ Ивановичъ Лобановъ-Ростовскiй.
15) — — князь Дмитрiй Алексѣевичъ Долгорукой.
16) — — Петръ Алексѣевичъ Долгорукой.
17) — — Семенъ Лукьяновичъ Стрѣшневъ.
18) — — Иванъ Өедоровичъ Большой Стрѣшневъ.
19) — — Михаилъ Алексѣевичъ Ртищевъ (Artichov).
20) — — Прокофiй Өедоровичъ Соковнинъ.
21) — — князь Борисъ Ивановичъ Троекуровъ.
22) — — князь Алексѣй Дмитрiевичъ Кольцовъ.
23) — — Василiй Александровичъ Чоглоковъ (Zoglokov).
24) — — Иванъ Васильевичъ Алферьевъ.

За окольничими слѣдуютъ 6 думныхъ дворянъ (Dumeny Duorany), называемыхъ также дѣтьми боярскими (Sin boiarski), или придворными юнкерами. Вотъ имена ихъ:

1) Иванъ Аөонасьевичъ Гавреневъ (Gabrienow).
2) Өедоръ Кузьмичъ Елизаровъ.
3) Богданъ Өедоровичъ Нарбековъ.
4) Жданъ (Stan) Васильевичъ Кондыревъ.
5) Аөонасiй Осиповичъ Прончищевъ (Pronzissov).
6) Василiй Өедоровичъ Яновъ (Ianov).

Думныхъ дьяковъ (Dumnoj Diaci) три:

1) Алмазъ Ивановичъ.
2) Семенъ Ивановичъ Заборовскiй (Saborovski).
3) Ларiонъ Дементьевичъ Прончищевъ.

Вотъ имена вельможъ, занимающихъ теперь самыя почетныя мѣста при Царскомъ Дворѣ. Ими производятся и рѣшаются въ Приказахъ или канцеляріяхъ всѣ дворцовыя, государственныя и частныя дѣла, значительныя и маловажныя, какъ тайныя, такъ и обыкновенныя.

Что же касается до чиновъ, даваемыхъ за разнаго рода услуги государству, то самымъ высшимъ изъ нихъ считается должность *государственнаго конюшаго* (Reichs-Stallmeister); впрочемъ должность эта остается незанятою со времени великаго князя Василья Ивановича Шуйскаго,

За должностью государственнаго конюшаго идетъ, какъ самая ближайшая къ нему, *дворецкаго* (dvoretsky). Состоящій въ этой должности считается теперь самымъ знатнымъ изъ вельможей и управляетъ всѣми дѣлами, касающимися Двора и придворнаго штата; предметомъ же особеннаго его завѣдыванія служитъ столъ его царскаго величества. Третье мѣсто, по важности должностей, занимаетъ *оружейничій* (Orusnitschei), завѣдывающій Оружейною Палатою, всѣми царскими оружіями: кинжалами, саблями, пистолетами, ружьями, мушкетами, также лошадьми, убранствомъ ихъ и т. п. вещами, относящимися къ украшеніямъ и парядамъ. За нимъ слѣдуютъ *бояре*, *окольничіе*, *думные дьяки* или государственные канцлеры, *постельничій* (Postelnitzei), *комнатный* (Comnatnj), *ключникъ* или ключарь (Klulziom), *кравчій* (Crafftzei—Vorschneider, который рѣжетъ, раздаетъ кушанья и отвѣдываетъ ихъ), *стольники* (Stolniki), *стряпчіе* (Stracpzi=Kammer=Junker), находящіеся при государѣ во время его поѣздовъ и путешествій, *дворяне* (Duoraini), обыкновенные камеръ-юнкеры—*жильцы* (Silzi, Edel-Knaben), *дьяки* (Diaci), секретари въ Приказахъ (называемые также вице-канцлерами), и *подьячіе* (Poddozei), писцы, засѣдающіе въ Приказахъ или канцеляріяхъ.

Большая часть государственныхъ совѣтниковъ и придворныхъ чиновниковъ состоитъ изъ князей и богатыхъ вельможъ, владѣющихъ собственными землями и крестьянами; всѣ они сами не управляютъ ими, но посылаютъ отъ себя своихъ дворецкихъ, управляющихъ и старшинъ. Сами они обязаны жить въ Москвѣ, ежедневно являться ко Двору, хотябъ и не имѣли особенныхъ дѣлъ, и бить челомъ его царскому величеству. Это дѣлается для того, чтобъ ст-

нять у бояръ возможность составлять заговоръ противъ государя, что можетъ случиться, если они будутъ жить въ своихъ деревняхъ, имѣя подъ рукой подвластныхъ имъ людей.

Русскіе бояре живутъ въ богатыхъ палатахъ, содержатъ большой дворъ и придворный штатъ. Если они выходятъ изъ дому, то надѣваютъ великолѣпныя платья; сани, въ которыхъ они ѣздятъ по городу, запрягаются въ нѣсколько лошадей; подлѣ лошадей обыкновенно бѣгутъ слуги изъ крѣпостныхъ людей. Намѣреваясь выѣхать верхомъ, они приказываютъ къ сѣдламъ лошадей своихъ прикрѣплять небольшія литавры; въ литавры эти они бьютъ кнутомъ, когда нужно разогнать народъ, обыкновенно толкущійся по улицамъ и рынкамъ.

Проживая въ своихъ деревняхъ, нѣкоторые князья довольствуются не слишкомъ большимъ содержаніемъ, такъ какъ многіе изъ нихъ владѣютъ небогатыми помѣстьями и потому не могутъ жить сообразно съ своимъ званіемъ. Часто случается, что ихъ невозможно отличить отъ простыхъ крестьянъ. Такъ однажды, проѣзжая по Россіи, я самъ былъ этому очевидцемъ. Когда мы остановились въ *Пудевѣ* (Pudeva), то толмачъ нашъ, желая видѣть проживавшаго здѣсь князя, но не зная гдѣ онъ живетъ, спросилъ о томъ его же самого, высунувшагося въ это время изъ окна избы, принявъ его за крестьянина. Князь замѣтилъ ему, что онъ оскорбилъ его подобнымъ вопросомъ, за что толмачъ долженъ былъ просить у него извиненія въ неумышленной съ его стороны обидѣ.

Русскіе князья происходятъ отъ великаго князя Владиміра, о чемъ подробнѣе можно читать у Кромера во 2-мъ томѣ его Польской Исторіи (Cromerus 2 tom. Polonicarum rerum).

Вышеупомянутые мною бояре или государственные совѣтники собираются для обсужденія важныхъ государственныхъ дѣлъ послѣ полуночи; въ такихъ случаяхъ, они обыкновенно отправляются въ Кремль въ 1 или 2 часа и возвращаются оттуда обратно въ 9 и 10 часовъ дня.

Постановленія, приговоры, указы, договоры и опредѣленія къ должности, выдаваемыя отъ имени великаго князя, не подписываются имъ самимъ, какъ уже выше упомянуто объ этомъ: ихъ подписываютъ всегда бояре и государственные канцлеры и за тѣмъ скрѣпляютъ царскою печатью. Когда великій князь заключаетъ

мирный договоръ съ кѣмъ либо изъ сосѣдственныхъ государей и притомъ самъ долженъ доказать, что исполнитъ его, то клянется въ томъ и цѣлуетъ крестъ.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

О Приказахъ (Cantzelejen) *Московскихъ и о дѣлахъ, рѣшаемыхъ въ нихъ.*

Государственные совѣтники или бояре вѣдаютъ не только дѣла, относящіяся до Двора, но занимаются также и въ Приказахъ дѣлами частными или гражданскими и судопроизводствомъ; такихъ канцелярій, или, какъ называютъ ихъ въ Москвѣ, *Приказовъ*, (Prikazen) считается до 33-хъ. Я постараюсь исчислить ихъ здѣсь, такъ, какъ они слѣдуютъ одинъ за другимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ поименую тѣхъ чиновниковъ, которые ими нынѣ управляютъ.

1) *Посольскій Приказъ* (Posolskoi Prikas); въ немъ рѣшаются дѣла государственныя, посольскія и купеческія. Теперь управляетъ имъ думный дьякъ или канцлеръ Алмазъ Ивановичъ.

2) *Розрядный Приказъ* (Roseradny Prikas); въ немъ ведутся списки боярамъ и дворянамъ, вмѣстѣ съ ихъ родословными; въ спискахъ этихъ отмѣчается также все то, что сдѣлано было кѣмъ либо изъ бояръ или дворянъ на пользу или въ ущербъ государству. Правителемъ этого Приказа теперь дворянинъ и думный дьякъ Иванъ Аѳонасьевичъ Гавреневъ.

3) *Помѣстный Приказъ* (Pomiestnoj Prikas); вѣдѣнію этого Приказа подлежатъ списки наслѣдственнымъ помѣстьямъ, также мировыя сдѣлки и спорныя дѣла, возникавшія когда либо за право владѣнія ими; въ немъ же ведутся счетныя книги, въ которыя вносится царская пошлина, взимаемая при продажѣ помѣстій и владѣній. Правителемъ этого Приказа теперь Ѳеодоръ Кузьмичъ Елизаровъ.

4 и 5) *Казанскій* и *Сибирскій Приказы* (Kasanskoi Prikas und Sibirskoi Prikas). Они завѣдываютъ дѣлами Царства Казанскаго и Сибирскаго; въ нихъ также ведется приходъ и расходъ соболямъ и другимъ пушнымъ товарамъ. Приказами этими управляетъ теперь князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой.

6) *Дворцовый Приказъ* (Dworzowoj Pricaz) завѣдываетъ дѣлами,

относящимися до Двора и его содержанія. Управляетъ имъ бояринъ Василій Васильевичъ Бутурлинъ.

7) *Иноземскій Приказъ* (Inosemskoj Pricas), вѣдѣнію котораго подлежатъ всѣ военноначальники и полковники; въ мирное время получаются отсюда приказанія и инструкціи. Управляетъ теперь этимъ Приказомъ Илья Даниловичъ Милославскій, тесть царскій.

8) *Рейтарскій Приказъ* (Reitarskoi Pricas) завѣдываетъ всею конницею; отсюда получаютъ рейтары приказы и жалованье въ мирное время. Простые рейтары (по большей части бѣдные дворяне, имѣющіе не болѣе одного помѣстья) получаютъ ежегодно 30 или 60 рейхсталеровъ. Приказомъ этимъ управляетъ также Илья Милославскій.

9) *Большой Приходъ* (Bolchoi Prihod), куда мытники должны представлять свои отчеты. Приказъ этотъ надзираетъ за тѣмъ, чтобы хлѣбъ продавался по вѣрнымъ вѣсамъ, наблюдаетъ за цѣною пшеницы и ржи, за винными погребами, въ которыхъ продаются разнаго рода иностранныя вина, а также и за тѣмъ, чтобы онѣ продавались по умѣреннымъ цѣнамъ и притомъ въ надлежащей мѣрѣ. Изъ этого же Приказа получаютъ жалованье, какъ ежегодное, такъ и мѣсячное, всѣ иностранцы, состоящіе на службѣ—военной или при Дворѣ его царскаго величества; жалованье ежегодное выдается около Рождества Христова. Управленіе этимъ Приказомъ поручено боярину князю Михаилу Петровичу Пронскому.

10) *Судной Владимірской Приказъ* (Sudnoi Volodimirskoi Pricas) вѣдаетъ всѣхъ Московскихъ бояръ и вельможъ; сюда обращаются на нихъ съ жалобами по частнымъ дѣламъ и получаютъ правый судъ. Теперь управляетъ этимъ Приказомъ бояринъ князь Ѳедоръ Семеновичъ Куракинъ.

11) *Судной Московскій Приказъ* (Sudnoi Moskowskoi Prikas). Здѣсь получаютъ судъ и расправу стольники, стряпчіе, дворяне, жильцы; этимъ Приказомъ управляетъ тотъ же Куракинъ.

12) *Разбойный Приказъ* (Rasboinoj Pricas) вѣдаетъ всякаго рода грабительства, происходящія на улицахъ, убійства, воровства и насилія; здѣсь производятъ слѣдствія, пытаютъ и, смотря по роду преступленія, назначаютъ наказанія. Управляетъ этимъ Приказомъ бояринъ Борисъ Александровичъ Рѣпнинъ.

13) *Пушкарскій Приказъ* (Puscarskoi Pricas) вѣдаетъ людей,

льющихъ пушки и колокола и разнаго рода оружіе; здѣсь судятся и получаютъ жалованье литейщики, кузнецы, шпажники, констапели и мастера мушкетныхъ стволовъ и пистолетовъ. Правителемъ этого Приказа назначенъ теперь бояринъ князь Юрій Александровичъ Долгорукій.

14) *Ямской Приказъ* (Jamskoi Pricas), въ вѣдомствѣ котораго находятся всѣ почтари, извощики или ямщики, какъ ихъ называютъ Русскіе (Jamisiken Podvodden); отсюда выдаются ямщикамъ деньги, равно какъ и всѣмъ тѣмъ, которые ѣдутъ на счетъ его царскаго величества, сообразно съ данными имъ паспортами (пропускная грамота, прокормёжная). Начальникомъ этого Приказа окольничій Иванъ Андреевичъ Милославскій.

15) *Челобитный Приказъ* (Tsiolobitnioi Pricas), въ который подаются жалобы на дьяковъ, подьячихъ, старостъ и привратниковъ приказныхъ; здѣсь же производится и судъ надъ ними. Начальникомъ этого Приказа назначенъ теперь окольничій Петръ Петровичъ Головинъ.

16) *Земскій Дворъ* или *Земскій Приказъ* (Semskoj Dwor oder Semskoj Pricas). Сюда всякій изъ простолюдиновъ можетъ подавать другъ на друга жалобу въ несправедливыхъ тяжебныхъ дѣлахъ. Здѣсь же производится размежеваніе земель, высчитываются и записываются въ книги пошлины при покупкѣ или продажѣ домовъ или пустопорожнихъ мѣстъ; сюда же вносятся и выплачиваются податныя деньги съ домовъ, мостовъ, заставъ. Теперь управляетъ этимъ Приказомъ окольничій Богданъ Матвѣевичъ Хитровъ.

17) *Холопій Приказъ* (Cholopoi Pricas), въ которомъ составляются письменные акты (называемые у Русскихъ кабалою (Kabal-len), когда кто либо отдаетъ себя другому въ крѣпостное услуженіе. Приказомъ этимъ управляетъ Степанъ Ивановичъ Исленевъ (Isle-new).

18) *Приказъ Большой Казны* (Bichi kasni Pricas) завѣдываетъ золотомъ и серебромъ въ слиткахъ, бархатомъ, сукномъ и разнаго рода матеріями, идущими для придворнаго штата и для подарковъ, коими обыкновенно надѣляетъ его царское величество должностныя лица за оказанныя ими услуги. Подъ этимъ Приказомъ находится царская сокровищница (Нѣмцы называютъ ее Большою), состоящая изъ глубокихъ и большихъ погребовъ, съ каменными

сводами; въ ней хранятся всѣ сокровища государства, доходы съ податей и городовъ, равно какъ и всѣ тѣ суммы, которыя остаются отъ ежегоднаго расхода въ Приказахъ. Всѣмъ этимъ завѣдываетъ царскій тесть Илья Даниловичъ Милославскій.

19) *Казенный Приказъ* (Casennoi Pricas), въ которомъ вѣдаются всѣ гости (Gosten), купцы и торговые русскіе люди. Начальникомъ этого Приказа также Илья Милославскій.

20) *Монастырскій Приказъ* (Monastersky Pricas) судитъ монаховъ, священниковъ и прочіе духовные чины, также разбираетъ тяжбы и иски ихъ по дѣламъ мірскимъ. Приказомъ этимъ управляетъ окольничій князь Иванъ Васильевичъ Хилковъ.

21) *Каменный Приказъ* (Camennoi Pricas) вѣдаетъ плотниковъ, каменьщиковъ и столяровъ; здѣсь могутъ они искать суда и расправы и отсюда же получаютъ плату. При этомъ Приказѣ находится большой дворъ, на которомъ хранится огромный запасъ необходимыхъ матеріаловъ для царскихъ построекъ, какъ то: дерева, камня, извести, желѣза, и т. п. Приказомъ этимъ управляетъ дворянинъ Яковъ Ивановичъ Загряжскій (Iacob Ivanowiz Sagraiskoi).

22) *Приказъ Новгородской Четверти* (Pricas Novogorodski Zelvert); сюда вносятся денежныя суммы изъ Новгорода и Нижняго Новгорода, коимъ ведутся здѣсь и счетныя книги. Приказъ этотъ обязанъ помогать городамъ въ постигшемъ ихъ несчастіи; онъ же иногда рѣшаетъ споры между гражданами. Не смотря на то, что на рѣшеніе воеводъ не бываетъ апелляціи ко Двору (какъ выше уже упомянуто нами), воеводы провинціальные въ сомнительныхъ дѣлахъ обязаны относиться въ Москву въ Приказъ, соотвѣтствующій этимъ дѣламъ. Правителемъ этого Приказа назначенъ теперь думный дьякъ или государственный канцлеръ Алмазъ Ивановичъ.

23) *Галицко-Владимірскій Приказъ* (Gallitzko-Wolodimirski Pricas) ведетъ счетныя книги доходовъ отъ провинцій Галицкой и Владимірской и удовлетворяетъ нуждамъ и потребностямъ народа во времена тяжелыя для этихъ провинцій. Начальникомъ этого Приказа назначенъ окольничій Петръ Петровичъ Головинъ.

24) *Приказъ Новая Четверть* (Nova Zelvert), въ который вносятся деньги изъ кабаковъ и шинковъ всѣхъ областей, обязанныхъ ему отчетностію; этотъ же Приказъ снабжаетъ всѣ кружечные дворы и

шники водкою и разными другими напитками. Уличенные въ тайномъ куреніи вина или вареніи пива судятся въ этомъ Приказѣ и тутъ же получаютъ должное наказаніе. Въ настоящее время запрещено курить вино и заниматься прозводствомъ табаку подъ опасеніемъ строгаго наказанія; уличенные въ продажѣ того или другаго предмета потребленія подвергаются большому денежному штрафу или наказываются кнутомъ, смотря по правамъ и состоянію лица, и ссылаются въ Сибирь. Только однимъ Нѣмцамъ предоставлено право свободнаго куренія вина и продажи табаку, но только между собою. Приказомъ этимъ завѣдываетъ окольничій Богданъ Матвѣевичъ Хитровъ.

25) *Устюжскій Приказъ* (Ustogskoi Prikas) управляетъ Устюгомъ и Холмогорами; его же вѣдѣнію подлежатъ и дѣла судныя этихъ двухъ городовъ. Приказомъ этимъ правитъ окольничій князь Дмитрій Васильевичъ Львовъ.

26) *Костромской Приказъ* (Costromskoi Pricas), вѣдѣнію котораго подлежатъ всѣ доходы и судопроизводство города Костромы, Ярославля и другихъ, принадлежащихъ къ нимъ мѣстъ. Начальникомъ этого Приказа назначенъ бояринъ и оберъ-цейхмейстеръ (по артиллеріи) Григорій Гавриловичъ Пушкинъ.

27) *Золотой и Алмазный Приказъ* (Sololoja Almasnoi Pricas), куда представляютъ, съ полученіемъ платы, разные драгоцѣнные камни, также золотыя и серебряныя вещи, работы золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ; здѣсь же производится и судъ надъ мастерами. Приказомъ этимъ также управляетъ Григорій Пушкинъ.

28) *Оружейный Приказъ* (Russannoi Pricas), гдѣ хранится все царское оружіе (кинжалы, сабли и пистолеты), также орудія огнестрѣльныя и всѣ украшенія, употребляемыя при выѣздахъ царскихъ и торжественныхъ процессіяхъ. При этомъ Приказѣ находится цейхгаусъ или Оружейная Палата. Здѣсь же судятся тѣ, которые завѣдываютъ этими вещами. Управляетъ этимъ Приказомъ также вышеупомянутый Пушкинъ.

29) *Аптекарскій Приказъ* (Apotekarskoi Pricas), съ находящеюся при немъ царскою аптекою; сюда ежедневно должны являться лейбъ-медики, лекаря, цырульники и спрашивать, нѣтъ ли имъ какого дѣла. Они должны бить челомъ начальнику этого Приказа Ильѣ Даниловичу Милославскому.

30) *Таможенный Приказъ* (Tamoseni Pricas); въ Приказѣ этомъ засѣдаетъ одинъ изъ почетнѣйшихъ гостей, съ нѣсколькими товарищами, обязанный взимать пошлину со всѣхъ товаровъ. По истеченіи года сводитъ онъ счеты и сдаетъ ихъ въ Приказъ Большаго Прихода, и тогда на мѣсто его назначается другой гость.

31) *Приказъ сбора десятой деньги* (Pricas sbora Dezatti Dengi), куда идетъ десятая деньга (пфеннингъ) собираемая, на военныя издержки. Приказомъ этимъ въ настоящее время управляютъ бояринъ Михайло Петровичъ князь Пронскій и окольничій Иванъ Васильевичъ Алферьевъ.

32) *Сыскной Приказъ* (Sisknoi Pricas), вѣдомству котораго подлежатъ всѣ дѣла новыя, еще не бывалыя, а потому и не могущія быть разрѣшены въ какомъ либо изъ вышеупомянутыхъ Приказовъ. Приказомъ этимъ управляетъ князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій.

Вотъ всѣ Приказы или канцеляріи его царскаго величества, предметы ихъ вѣдомствъ и ихъ начальники.

Кромѣ исчисленныхъ мною Приказовъ, подъ вѣдомствомъ патріарха находятся еще 3 Приказа:

1) *Разрядный Приказъ* (Roserad); въ немъ ведутся списки имѣній духовныхъ лицъ, и помѣщается архивъ.

2) *Судный Приказъ* (Sudni), гдѣ патріархъ производитъ судъ и расправу надъ духовными лицами.

3) *Казенный Приказъ* (Casanoi); сюда идутъ ежегодные доходы и здѣсь же сохраняется казна патріарха.

Въ трехъ этихъ Приказахъ засѣдаютъ лица изъ духовнаго званія, пользующіяся довѣренностью патріарха; они обязаны отдавать ему отчеты по своимъ дѣламъ, представлять донесенія и исполнять его приказанія и приговоры.

Во всѣхъ этихъ Приказахъ, какъ царскихъ, такъ и патріаршихъ, находится огромное число подьячихъ (Schreiber), искусныхъ въ письмѣ и разнаго рода вычисленіяхъ, для чего вмѣсто счетовъ (жетоновъ) употребляютъ зёрна сливъ; зерна эти имѣютъ они при себѣ въ небольшихъ кожаныхъ кошелькахъ. Что касается до подарковъ или *посуловъ* (Pocsul), какъ ихъ называютъ Русскіе, то ихъ запрещается брать, подъ опасеніемъ строгаго наказанія; при всемъ томъ втайнѣ ихъ принимаютъ весьма охотно, особенно подьячіе, отъ которыхъ такимъ путемъ можно узнать о самыхъ важныхъ

тайныхъ дѣлахъ, проходящихъ чрезъ ихъ руки. Часто случается, что они отправляются къ тяжущимся и за извѣстную сумму денегъ открываютъ имъ весь ходъ дѣла. При этомъ иногда бываетъ и не безъ обмана: частью изъ опасенія быть уличену въ открытіи дѣла, а частью и по незнанію хода и положенія его, они сообщаютъ тяжущимся совершенно ложныя свѣдѣнія. Подобное случилось со мною, въ бытность мою въ Москвѣ въ 1643 году, когда я получилъ письмо отъ его царскаго величества къ его свѣтлости, моему герцогу. Одинъ знатный, проживавшій въ то время въ Москвѣ агентъ пожелалъ узнать о содержаніи письма, и ему тотчасъ же выдана была съ него копія, притомъ съ просьбою держать ее въ тайнѣ. Находясь въ дружественныхъ отношеніяхъ съ этимъ агентомъ, я получилъ отъ него данную ему копію, и когда сличилъ ее съ оригиналомъ, то нашелъ въ ней совершенно противное, притомъ много такого, чего вовсе и не было въ оригиналѣ.

Акты, тяжбы, процессы, протоколы и другія дѣла записываются не въ книги, а въ бумажные свитки (столбцы). Свитки эти приготовляются Русскими слѣдующимъ образомъ: они разрѣзываютъ бумагу въ длину на нѣсколько кусковъ, склеиваютъ ихъ между собою и потомъ свертываютъ въ трубки; нѣкоторые изъ подобныхъ свитковъ бываютъ длиною въ 20, 30 и 60 аршинъ. Огромныя стопы такихъ свитковъ можно видѣть въ Приказахъ, гдѣ они складываются кучами на полкахъ.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

О Русскихъ судахъ, законахъ и разнаго рода наказаніяхъ.

Всѣ судебныя дѣла рѣшаются въ вышеупомянутыхъ нами Приказахъ. Каждый бояринъ, начальникъ Приказа, имѣетъ при себѣ дьяка (Diak) или секретаря, вмѣстѣ съ нѣсколькими засѣдателями или ассесорами; обѣ тяжущіяся партіи обязаны являться предъ ними, выслушиваются и получаютъ отъ нихъ рѣшенія. До сихъ поръ Русскіе довольствовались только немногими писанными законами и постановленіями прежнихъ государей; законы эти преимущественно заключали въ себѣ опредѣленія наказаній за измѣну,

оскорбленіе его царскаго величества, воровство, убійства и неплатежъ долговъ. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ судьи руководствовались обыкновенно древними обычаями, или рѣшали дѣла по собственному усмотрѣнію. Случалось, что дѣлали пристрастные, несправедливые приговоры, смотря потому, кому изъ тяжущихся желали добра или зла. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ, именно въ 1647 г., по указу его царскаго величества, выборные умные люди всѣхъ сословій должны были собраться вмѣстѣ и написать нѣсколько новыхъ законовъ; собравшіеся депутаты дѣйствительно исполнили возложенное на нихъ порученіе, составивъ сводъ узаконеній, частью изъ новыхъ, частью изъ старыхъ постановленій. Законы эти скрѣплены были его царскимъ величествомъ, его боярами и вскорѣ напечатаны. Изъ новыхъ и старыхъ постановленій составилась такимъ образомъ довольно большая книга in folio, толщиною въ два пальца, и названа была *Соборнымъ уложеніемъ* (Soborna Ulosienia), что значитъ «по единодушному согласію собранные законы». Теперь отъ имени его царскаго величества пишутся всѣ судебные приговоры, долженствуемые приниматься и исполняться безъ всякаго прекословія, безъ всякой дальнѣйшей на нихъ апелляціи.

Прежде тяжебныя дѣла рѣшались слѣдующимъ образомъ: если кто либо изъ тяжущихся жаловался на другаго, но не могъ подкрѣпить жалобы своей никакимъ доказательствомъ, то судъ рѣшалъ тѣмъ, что противники должны были идти къ присягѣ. Потомъ спрашивали истца или отвѣтчика, смотря потому, кому выпадалъ жребій: «хочешь ли ты взять присягу на свою душу, или дать ее на душу истца»? Въ случаѣ если кто либо изъ тяжущихся рѣшался присягнуть, то его въ продолженіи трехъ недѣль три раза приводили въ судъ (разъ въ недѣлю), причемъ поучали его, наставляли и отсовѣтывали ему произносить клятву, говоря, что присяга важное и весьма опасное дѣло. Если же онъ, не смотря на эти увѣщанія, присягалъ, то каждый изъ присутствующихъ могъ наплевать ему въ лицо и вытолкать вонъ изъ церкви, въ которой онъ присягалъ, не смотря на то, что присяга дана была имъ по справедливости. Тогда такого человѣка начинали презирать и указывать на него пальцами.

Въ настоящее время обычай этотъ подвергся нѣкоторымъ измѣ-

неніямъ. Такъ, если кто либо изъявитъ желаніе присягнуть, то его опрашиваютъ предъ св. иконами, «дѣйствительно ли хочетъ онъ дать клятву на душу свою и вѣчность?» Въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, долженъ онъ, перекрестившись и произнеся клятву, сначала поцѣловать крестъ, а за тѣмъ икону, которая снимается по этому случаю со стѣны. Если въ послѣдствіи будетъ дознано, что онъ присягнулъ ложно, то, раздѣвъ до пога, сѣкутъ его плетьми, потомъ ссылаютъ въ Сибирь (*). Присягнувшій два или три раза считается у Русскихъ за самаго негоднаго человѣка. Казалось бы, что подобное мнѣніе должно заставить ихъ воздерживаться отъ произношенія клятвы, но не смотря на то, часто можно видѣть и слышать какъ Русскіе клянутся и божатся другъ предъ другомъ въ своихъ собраніяхъ и на рынкахъ, при продажѣ или покупкѣ ими товаровъ, при чемъ крестятся, по своему обыкновенію, пальцами. Подобнымъ клятвамъ и божбамъ ихъ невсегда однакожъ можно вѣрить.

У Русскихъ въ обычаѣ выпытывать правду отъ подсудимыхъ разнаго рода мученіями. Между прочими родами пытки, вотъ одинъ, часто употребляемый Русскими: преступнику стягиваютъ руки на спину и въ такомъ положеніи поднимаютъ его на веревкѣ, между двумя столбами, похожами на висѣлицу; для бóльшаго мученія привязывается къ погамъ его довольно тяжелый деревянный обрубокъ, на который палачъ становится еще ногами, вслѣдствіе чего все тѣло преступника растягивается до-нельзя. Иногда подъ поднятымъ такимъ образомъ преступникомъ раскладывается огонь; страданія, причиняемыя несчастному жаромъ и дымомъ, ужасны. Иногда преступнику на выбритую голову льютъ холодную воду, капля по каплѣ, что причиняетъ пытаемому новое, невыносимое мученіе. Другихъ преступниковъ, смотря по роду ихъ преступленія, бьютъ кнутомъ и раны прижигаютъ раскаленнымъ желѣзомъ.

Изъ уличенныхъ въ дракѣ признается виновнымъ тотъ, кто первый началъ ее, тотъ же, кто первый подалъ въ судъ жалобу—правымъ.

Если кто-либо убьетъ другаго, не будучи къ тому вынужденъ (въ

(¹) При этомъ Олеарій упоминаетъ и о духовныхъ наказаніяхъ, существовавшихъ въ древней Россіи за присягу; но показанія его не совсѣмъ вѣрны. Ср. XIV главы Уложенія ст. 10. *Редакторъ.*

противномъ случаѣ у Русскихъ убійство не считается преступленіемъ) противузаконнымъ, насильственнымъ образомъ, то такого убійцу бросаютъ въ тюрьму, держатъ его тамъ въ продолженіи 6 недѣль на хлѣбѣ и водѣ, потомъ пускаютъ къ св. причастію и затѣмъ обезглавливаютъ.

Уличеннаго въ воровствѣ подвергаютъ пыткѣ, и если обвиненный не сознается, то его на первый разъ бьютъ кнутомъ, на пространствѣ отъ Кремля до большаго рынка; за тѣмъ палачъ отрѣзываетъ ему правое ухо и преступника заключаютъ въ тюрьму па два года, послѣ чего его освобождаютъ. Если же онъ снова будетъ уличенъ въ воровствѣ, то ему отрѣзываютъ другое ухо и отсылаютъ въ тюрьму, гдѣ онъ содержится до тѣхъ поръ, пока не сыщутся еще нѣсколько подобныхъ ему мошенниковъ, и тогда уже всѣхъ вмѣстѣ отправляютъ въ Сибирь. Никогда еще не случалось, чтобы кого либо за одно воровство, если онъ не уличенъ въ смертоубійствѣ, предавали смертной казни. Въ случаѣ если воръ сознается на пыткѣ въ своемъ преступленіи и укажетъ, кому продана имъ украденная вещь, то купившій ее вытребывается въ судъ, гдѣ ему присуждаютъ возвратить истцу украденное имущество, и кромѣ того взыскиваютъ большой штрафъ, который называется у Русскихъ vith (?). Подобною мѣрою Правительство удерживаетъ многихъ отъ покупки краденныхъ вещей. Въ Русскомъ судопроизводствѣ особенное, едва ли не самое большое вниманіе обращается на должниковъ, не хотящихъ или не могущихъ уплатить своего долга. Обвиняемый въ неплатежѣ долга должникъ берется сначала *приставами* (Pristaffen), т. е. содержится въ домѣ у одного изъ служителей судьи, подобно тому какъ у насъ берутъ подъ арестъ, или заключаютъ въ смирительный домъ. Если платежъ долга не послѣдуетъ въ извѣстный, дозволенный должнику срокъ, то въ такомъ случаѣ его заключаютъ въ тюрьму и не смотря на то, Русскій ли онъ или Нѣмецъ, мужчина или женщина, купецъ или ремесленникъ, священникъ, монахъ или монахиня, каждый день выводятъ его предъ Приказомъ на публичную площадь и бьютъ по колѣнамъ гибкими палками, толщиною въ мизинецъ, такъ сильно, что несчастный, изнемогая отъ жестокой боли, испускаетъ громкіе крики и стоны. Случается, что наказываемый подкупаетъ палача подарками или посуломъ, за что тотъ бьетъ его легче, а иногда даетъ

и промахи. Нѣкоторые кладутъ въ сапоги жестяныя бляхи, также лубки, желая тѣмъ защитить тѣло отъ ударовъ. Наказывать такимъ образомъ по Русски значитъ *ставить на правежъ* (auf die Prawe stellen). Вытерпѣвъ такого рода наказаніе, должникъ отводится въ тюрьму и на другой день снова выводится на пытку. Если же онъ окажется рѣшительно несостоятельнымъ въ уплатѣ долга, то въ такомъ случаѣ идетъ въ услуженіе къ своему заимодавцу и становится его холопомъ.

Между наказаніями наиболѣе употребительно разрѣзываніе ноздрей, также наказаніе батогами и кнутомъ, коими бьютъ преступника по обнаженной спинѣ. Ноздри разрѣзываютъ обыкновенно тѣмъ, кто наслаждается нюханьемъ табаку. Намъ часто случалось встрѣчать наказанныхъ подобнымъ образомъ.

Каждый владѣлецъ помѣстій имѣетъ право наказывать батогами (Battoki geben) своихъ людей и тѣхъ, надъ кѣмъ онъ имѣетъ хотя малѣйшую власть. Присужденный къ такому наказанію преступникъ долженъ снять съ себя платье, и, оставаясь въ одной рубашкѣ, лечь животомъ на землю. Тогда садятся на него два человѣка, одинъ на ноги, другой на голову, и бьютъ тонкими гибкими розгами или прутьями. Во время нашего путешествія по Россіи намъ нерѣдко случалось быть свидѣтелями такого рода наказанія. Изъ всѣхъ же наказаній, какія намъ удавалось видѣть, самое жестокое,—это *битье кнутомъ* (Knut geben). Въ 1634 году, 24 сентября видѣлъ я, какъ наказывали кнутомъ какую-то женщину, осмѣлившуюся, вопреки запрещенію его царскаго величества, продавать вино и табакъ. Наказаніе совершалось предъ Приказомъ, называемымъ Новою Четвертью. Преступницѣ обнажили тѣло по поясъ и положили на спину одному изъ палачей, за шею котораго она должна была держаться руками, ноги же связали ей накрѣпко веревкою (конецъ этой веревки держитъ въ рукахъ служитель палача), такъ что она не могла сдѣлать никакого движенія. Тогда подошелъ къ ней палачъ и, вставъ отъ нея на разстояніе трехъ большихъ шаговъ, сталъ бить ее толстымъ длиннымъ кнутомъ такъ сильно, что на спинѣ несчастной послѣ каждаго удара выступала кровь, ибо къ концу кнута прикрѣпляются три ремня изъ жесткой лосиной кожи, прорѣзывающей тѣло точно ножемъ. Случается нерѣдко, что нѣкоторыхъ за большія преступленія забиваютъ кнутомъ до смерти.

Предъ исполненіемъ наказанія, стоявшій тутъ подьячій прочелъ изъ особенной находившейся при немъ записки, сколько ударовъ должна была получить преступница, и когда палачъ отсчиталъ извѣстное число ударовъ, то онъ сказалъ «полно» (polno, т. е. genug). Мужчинѣ полагается обыкновенно отъ 20 до 26 ударовъ, женщинѣ же 16 и при послѣднихъ ударахъ она уже падаетъ въ обморокъ. Послѣ такого наказанія, на спинахъ преступниковъ остается цѣлой кожи небольше какъ на палецъ въ ширину, и тогда эти несчастные болѣе походятъ на ободранную скотину, чѣмъ на людей. Тѣмъ, кого уличатъ въ запрещенной продажѣ нюхательнаго табаку, привѣшиваютъ на шею пачку табаку, а занимающемуся запрещенной продажей водки фляжку съ водкою; такимъ образомъ водятъ ихъ попарно отъ площади до Кремля и обратно, въ сопровожденіи двухъ помощниковъ палача, и все это время бьютъ кнутомъ.

Говорятъ, что нѣкоторые изъ битыхъ кнутомъ тотчасъ же послѣ наказанія надѣваютъ на избитую спину свои овчинные тулупы и потомъ уже лечатся.

Въ прежнія времена съ наказанными такимъ образомъ обходились весьма хорошо, не отличали ихъ отъ прочихъ, пили и ѣли съ ними; въ настоящее же время совсѣмъ другое: такихъ людей не только никто не считаетъ уже достойными своего сообщества, но всѣ смотрятъ на нихъ съ презрѣніемъ и отвращеніемъ.

Нельзя не замѣтить здѣсь, что взглядъ Русскихъ на честь и безчестіе въ настоящее время значительно облагородился, какъ облагороживается онъ и въ другихъ условіяхъ жизни гражданской, вслѣдствіе общенія ихъ съ иностранцами. Такъ, на палачей смотрятъ теперь какъ на людей безчестныхъ. Совсѣмъ другое понятіе имѣли объ нихъ Русскіе въ прежнее время. Теперь никто изъ честныхъ и знатныхъ гражданъ не захочетъ знаться съ высѣченнымъ человѣкомъ, и если еще обходятся съ нимъ хорошо, то только въ такомъ случаѣ, когда знаютъ, что онъ наказанъ несправедливо, и по ненависти судьи, или по ложному доносу. Такому человѣку оказывается расположеніе единственно изъ сожалѣнія къ его несчастному положенію, и, какъ бы въ доказательство его невинности, честные люди не стыдятся съ нимъ знаться. Честные люди чуждаются теперь сообщества палачей, не смотря на то, что эти послѣдніе имѣютъ право вести мелкую торговлю, чѣмъ занимаются они впрочемъ не очень

охотно, такъ какъ настоящая должность ихъ приноситъ имъ бо̀льшіе доходы. Такъ, кромѣ того, что они получаютъ за труды свои отъ правительства, сами преступники задариваютъ ихъ иногда значительными суммами, желая тѣмъ задобрить ихъ въ свою пользу и не подвергнуться уже слишкомъ сильному наказанію; сверхъ того они продаютъ вино, хотя и тайно отъ Правительства, плѣннымъ, которыхъ во множествѣ можно видѣть на рынкахъ. Въ прежнее время нѣкоторые изъ палачей продавали свою должность, но теперь уже никто не смѣетъ дѣлать этого. Въ случаѣ, если кто либо изъ палачей, во время продолжительныхъ наказаній, нуждается въ съѣстныхъ припасахъ, то мясный цѣхъ обязанъ, по средствамъ своимъ, доставлять имъ все необходимое.

ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГРОЗНЫЙ.

Царю Ивану Васильевичу Грозному неожиданно посчастливилось въ наше время: нашлись люди, которые сдѣлались не только его адвокатами, но даже возвели его на высокую степень государственнаго величія, надѣлили геніальными способностями, представили въ немъ необыкновеннаго правителя, гуманнаго прогрессиста, чуть не селадона—и Грозный вдругъ изъ тигра сдѣлался львомъ современной критики.

Много лѣтъ прошло, какъ я представилъ публикѣ подробное изслѣдованіе объ этомъ примѣчательномъ характерѣ, но у насъ, при неустановившемся общемъ мнѣніи, увлекаясь всякою новизною, не любятъ обращаться къ старому.

Считаю нужнымъ для нынѣшнихъ читателей повторить главныя черты моего изслѣдованія, присоединивъ къ нимъ нѣкоторыя разсужденія, вызванныя послѣдними воззрѣніями.

Іоаннъ родился на пятомъ году втораго брака Василіева съ молодою польскою княжною Еленою Глинской.

Черезъ два года по его рожденіи умеръ отецъ, черезъ восемь лѣтъ мать.

Онъ остался сиротою на рукахъ бояръ, которые, среди безпрерывныхъ крамолъ, не заботились нисколько объ его воспитаніи, и баловали его всячески.

Онъ скакалъ по улицамъ, набравъ себѣ сверстниковъ, давилъ людей, мучилъ животныхъ и «дѣла разбойническія дѣлалъ».

По тринадцатому году онъ началъ уже изрекать смертные приговоры: въ 1543 году велѣлъ онъ схватить князя Андрея Шуйскаго, перваго вельможу, и выдать псарямъ, которые его умертвили. Многія другія казни и опалы послѣдовали отъ его имени.

Въ 1546 году новогородскіе жалобщики остановили его на охотѣ.

Онъ велѣлъ разогнать ихъ. Началась драка. Нѣсколько человѣкъ убито. Іоаннъ велѣлъ отрубить головы троимъ боярамъ, подозрѣннымъ въ наученіи провинившихся, и между ними былъ одинъ, Воронцовъ, имъ нѣкогда особенно любимый.

Семнадцати лѣтъ Іоаннъ вѣнчался на царство и женился, но продолжалъ вести прежнюю жизнь: такъ, разсердившись на псковскихъ жалобщиковъ, которые также помѣшали ему охотиться въ Островѣ, онъ велѣлъ облить ихъ горячимъ виномъ, запалить бороды, разложить нагихъ по землѣ, и только внезапный отъѣздъ Іоанна въ Москву по случаю паденія колокола спасъ ихъ отъ вѣрной смерти.

Страшный пожаръ случился въ Москвѣ: весь городъ почти выгорѣлъ. Іоаннъ принужденъ былъ искать себѣ убѣжища на Воробьевыхъ горахъ.

Туда явился къ нему новогородскій священникъ Сильвестръ—умѣлъ воспользоваться искусно его страхомъ, овладѣлъ его воображеніемъ и заставилъ себѣ повиноваться, «претяще ему отъ Бога священными писаньми и строзѣ заклинающе его страшнымъ Божіимъ именемъ».

Добрая, кроткая жена Іоаннова, Анастасія Романова, и товарищъ, ровесникъ его, Адашевъ, начали дѣйствовать совокупно съ Сильвестромъ—и все при Дворѣ и въ Государствѣ измѣнилось.

Призываются новыя лица окружать государя, избираются другіе совѣтники, назначаются на мѣста другіе начальники, (ни единыя власти не оставиша, идѣже своя угодники не поставиша,) и производится совершенная реформа въ правленіи.

Созываются выборные люди со всей земли Русской (первый извѣстный земскій соборъ), и государь на лобномъ мѣстѣ приноситъ раскаяніе въ своихъ прегрѣшеніяхъ, и проситъ прощенія у народа, приписывая всю вину боярамъ.

Созываются думные люди, и издается собраніе свѣтскихъ законовъ, извѣстное подъ именемъ Судебника.

Созываются духовные сановники, и составляется собраніе церковныхъ правилъ, извѣстное подъ именемъ Стоглава.

Издается постановленіе объ ограниченіи мѣстничества, столько мѣшавшаго ходу военныхъ дѣлъ.

Распространяется повсемѣстно новогородскій и псковскій обычай

избирать старостъ и цѣловальниковъ для суда вмѣстѣ съ намѣстниками и тіунами въ городахъ, а сотскихъ и пятидесятниковъ для сельской расправы.

Раздаются земли въ жалованье дворянамъ, смотря по достоинству и обязанностямъ.

Учреждаются училища, въ особенности для приготовленія священниковъ.

Запрещается епископамъ и монастырямъ покупать отчины безъ вѣдома и согласія царскаго.

Запрещается строить лишнія церкви.

Принимаются мѣры для вызова изъ чужихъ краевъ не только ремесленниковъ, художниковъ, лекарей, аптекарей, типографщиковъ, но и людей искусныхъ въ древнихъ и новыхъ языкахъ, даже ѳеологовъ.

Спрашивается, во имя здраваго смысла, во имя естественной логики, можетъ ли молодой человѣкъ 17—20 лѣтъ, проведшій свою жизнь такъ, какъ провелъ Іоаннъ, не выѣзжавшій изъ Москвы никуда кромѣ охоты и богомолья, не занимавшійся ничѣмъ внимательно, не имѣвшій случая узнать что-либо порядочно, можетъ ли такой молодой человѣкъ вдругъ просвѣтиться, и сочинить законы церковные, гражданскіе, военные? Вѣроятна ли подобная импровизація?

Іоаннъ могъ оставить прежній буйный образъ жизни, могъ утихнуть, остепениться, заняться дѣломъ, могъ охотно соглашаться на предлагаемыя мѣры, утверждать ихъ—вотъ и все, это естественно и вѣроятно; но чтобъ онъ могъ понять вдругъ необходимость въ единствѣ богослуженія, отгадать нужды и потребности народныя, узнать мѣстныя злоупотребленія, найти противодѣйствующія мѣры, дать нужныя правила касательно суда, напримѣръ, объ избраніи цѣловальниковъ и старостъ въ городахъ, сотскихъ и пятидесятниковъ въ деревняхъ, или касательно службы, о разрядныхъ счетахъ, вздумать о вызовѣ иностранцевъ—это ни съ чѣмъ не сообразно!

Такъ говоритъ простой здравый смыслъ, естественная логика. И точно то же подтверждаютъ современные свидѣтели. Мы не станемъ ссылаться на Курбскаго, хотя его показанія, преувеличенныя, можетъ быть, вослѣдствіи раздраженіемъ и пристрастіемъ, о первомъ времени представляются согласными съ истиною, есте-

ственнымъ ходомъ дѣлъ и прочими источниками. Мы не станемъ, говорю, ссылаться на Курбскаго, но сами лѣтописи наши свидѣтельствуютъ, что правленіемъ завѣдывалъ вполнѣ Сильвестръ, которому недоставало только царскаго и митрополичьяго мѣста,—съ партіей, имъ избранной и составленной.

Наконецъ самъ Іоаннъ подтверждаетъ ясно и рѣшительно всѣ выше предложенныя положенія. Двадцать мѣстъ можно указать изъ его писемъ, кои не оставляютъ никакого въ томъ сомнѣнія.

«Не токмо повинны хотѣста мнѣ быти и послушны, но и мною владѣста, и всю власть съ меня сняста, и сами государилися какъ хотѣли, а съ меня все государство сняли: словомъ азъ былъ государь, а дѣломъ ничего не владѣлъ.»

«Аки пѣсть насъ, вся строенія и утвержденія по своей волѣ и своихъ совѣтниковъ хотѣнію творяше.»

«Во внутреннихъ же, ни въ малѣйшихъ и худѣйшихъ, глаголю же до обуща и спанія, вся не по своей волѣ бяху, но по ихъ хотѣнію творяхуся, намъ же аки младенцемъ пребывающимъ.»

Ясны ли эти слова, сказанныя и повторенныя нѣсколько разъ Іоанномъ? Какъ же мы станемъ теперь спорить съ нимъ самимъ и навязывать, ему на перекоръ, мысли, намѣренія, дѣйствія, отъ которыхъ онъ и руками и ногами отмахивается? Вѣдь это доходитъ до высшей степени смѣшнаго! Іоаннъ говоритъ: я ничего не дѣлалъ, дѣлали что̀ хотѣли Сильвестръ и Адашевъ, меня какъ-будто не было, мнѣ давали ѣсть и пить въ мѣру, назначали, ка̀къ жить съ царицею, со мной обходились какъ съ младенцемъ, я носилъ только имя царя. Современныя свидѣтельства показываютъ то же. А мы будемъ твердить ему: нѣтъ, это неправда, ты великій человѣкъ, ты дѣлалъ вотъ что̀, ты хотѣлъ вотъ чего, ты имѣлъ такія-то и такія-то высшія мысли!

Спрашивается: если бъ Іоаннъ что нибудь сдѣлалъ въ это время, для чего же бы ему послѣ скрывать того, для чего отпираться? Обвинить опротивѣвшихъ ему людей онъ могъ найти предлоговъ сколько угодно, и безъ собственнаго самоуниженія.

Мы слушали историческія современныя свидѣтельства, послушаемъ теперь новыхъ историковъ. Вотъ какъ описываетъ г. Соловьевъ дѣтство Іоанново: «Пытливый умъ ребенка требовалъ пищи: онъ съ жадностью прочелъ все что̀ могъ прочесть, изучилъ

священную, церковную, римскую исторію, русскія лѣтописи, творенія св. отцевъ; но во всемъ, что ни читалъ, онъ искалъ доказательствъ въ свою пользу; занятый постоянно борьбою, искалъ средствъ выйти побѣдителемъ изъ этой борьбы, искалъ вездѣ, преимущественно въ священномъ писаніи, доказательствъ въ пользу своей власти противъ беззаконныхъ слугъ, отнимавшихъ ее у него.»

Да откуда же взялъ г. историкъ всѣ эти показанія? Гдѣ это написано? Гдѣ есть объ этомъ хоть какіе-нибудь намеки? Нигдѣ, нигдѣ нѣтъ подобныхъ извѣстій. Вмѣсто словъ г. Соловьева мы читаемъ не только въ Курбскомъ, но и въ лѣтописи вотъ что: «а князь великій все гонялъ на мскахъ, и христіаномъ многи проторы училъ.»

Да и самъ Іоаннъ говоритъ о себѣ въ этомъ времени: «навыкохъ ихъ злокосненнымъ обычаемъ (боярскимъ) также мудрствовати (т. е. своевольничать), якоже и они, и отъ того времени какихъ золъ не сотворихомъ предъ Богомъ!»

Къ 1553 году Іоанну исполнилось двадцать два года. Предпринятъ былъ походъ на Казань.

Подъ Казанью самъ онъ лично не отличился, но уже показалъ, что заговоренный гнѣвъ его и сдержанный, подъ вліяніемъ Сильвестра, произволъ готовъ прорваться. Разсердившись на одного боярина, онъ воскликнулъ: нынѣ оборонилъ меня Богъ отъ васъ! Взявъ Казань, онъ не хотѣлъ тамъ оставаться для окончательнаго покоренія страны и сосѣднихъ племенъ, не смотря на совѣты, а спѣшилъ назадъ въ Москву для отдыха, по шептаніямъ шурьевъ.

Такъ начала обнаруживаться перемѣна въ расположеніи Іоанна.

Къ несчастію, возвратившись въ Москву, гдѣ былъ онъ обрадованъ рожденіемъ сына, онъ занемогъ, и занемогъ отчаянно.

При Дворѣ произошла распря: большинство управлявшей партіи и самъ Сильвестръ, также отецъ Адашева, склонились на сторону двоюроднаго брата Іоаннова, Володиміра Андреевича, въ нарушеніе правъ Іоаннова первенца. Основаніе такого образа ихъ дѣйствій была боязнь, чтобъ правленіе во время малолѣтства настоящаго наслѣдника не перешло въ руки Захарьиныхъ-Юрьевыхъ, имѣвшихъ, кажется, незавидную славу.

Между тѣмъ Іоаннъ выздоровѣлъ, и, разумѣется, въ прежнихъ своихъ друзьяхъ и совѣтникахъ увидѣлъ личныхъ къ себѣ недобро-

желателей, охладѣлъ мало по малу въ любви къ нимъ и подвергся вліянію другой партіи, противоположной, призывавшей къ удовольствіямъ и веселіямъ, вмѣсто умѣренности и трудовъ, къ жизни чувственной, къ которой онъ имѣлъ, какъ мы видѣли, и природное расположеніе. Сама Анастасія, подвергавшаяся опасности, по многимъ прежнимъ примѣрамъ, лишиться жизни, не только свободы, съ своимъ младенцемъ, естественно оставила Сильвестра и Адашева, и соединилась съ своими родными.

Подалъ еще злую мысль, говорятъ, среди богомолья, по случаю выздоровленія, одинъ знаменитый отшельникъ Вассіанъ Топорковъ: не держи совѣтниковъ умнѣе себя,—мысль, которая ему, подготовленному несчастными обстоятельствами, природными свойствами и полученнымъ воспитаніемъ, пришлась совершенно по сердцу: ему давно уже стало тяжело и несносно въ мѣру ясти и пити и съ царицею жити, какъ требовали незваные опекуны. Изъ слѣдственнаго дѣла о Матвѣѣ Башкинѣ (1554 года), при коемъ Сильвестръ долженъ былъ опрáвдываться и объясняться, видно, что его вліяніе и значеніе были уже не прежнія.

Іоаннъ началъ дѣйствовать по своему: совѣтники указывали ему Крымъ, какъ гнѣздо разбойниковъ, нападавшихъ на Россію, а онъ затѣялъ войну въ Ливоніи.

Сильвестръ и Адашевъ, увидя, что ихъ вліяніе миновалось и что имъ ничего не остается дѣлать, что присутствіе ихъ около царя безполезно, принуждены были удалиться: первый скрылся въ монастырѣ, второй пошелъ на войну.

Новая партія, давно нашедшая доступъ, усиливалась безпрестанно. Вдругъ умираетъ Анастасія, Іоаннъ плачетъ, но уже чрезъ недѣлю пируетъ, и пошла писать! Въ смерти Анастасіи обвиняются Сильвестръ и Адашевъ, и, отсутствующіе, осуждаются своими врагами, которые все-еще боялись, чтобъ тѣ не возвратили своего вліянія; враги поспѣшили воспользоваться открывшимся случаемъ для окончательнаго ихъ низверженія. Чувство самосохраненія побуждало ихъ къ тому, кромѣ ненависти. Вся пораженная партія подвергается подозрѣнію вмѣстѣ съ своими начальниками, и ожидаетъ себѣ подобной участи. Иные спасаются бѣгствомъ: бѣгство служитъ оправданіемъ строгости и подаетъ поводъ къ обвиненію остальныхъ.

Іоаннъ начинаетъ видѣть вездѣ измѣнниковъ, неистовствуетъ, предается разврату, и становится тираномъ, какому исторія мало представляетъ подобныхъ.

Какъ все это ясно, естественно, согласно съ здравымъ смысломъ и ходомъ вещей. И на все есть свидѣтельства, свидѣтельства разнообразныя и между собою согласныя: лѣтописи, грамоты, очевидцы домашніе и иностранные.

Нѣтъ, новые историки ничего этого знать не хотятъ. Не обращая никакого вниманія на свидѣтельства, увлекаясь собственнымъ вымысломъ, они восклицаютъ: «вѣкъ задавалъ важные вопросы, а въ главѣ государства стоялъ человѣкъ, по характеру своему способный приступить немедленно къ ихъ рѣшенію» (с. 440).

Ну да укажите же мнѣ эти рѣшенія, эти отвѣты на заданные, по вашему, вѣкомъ вопросы! Укажите мнѣ изъ послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ Іоанновой жизни (1560—1584) какіе нибудь законы, постановленія, распоряженія, мѣры, дѣйствія Іоанновы, изъ коихъ былъ бы видѣнъ государственный умъ его, можно бъ было заключить объ его вѣрныхъ цѣляхъ и понять правительственныя мысли!

Но что я спрашиваю законовъ, постановленій, дѣйствій, мѣръ, распоряженій—дайте мнѣ хоть одинъ значительный законъ, одно значительное распоряженіе или дѣйствіе въ продолженіе этого времени!

Нѣтъ ни одного такого, нѣтъ ничего, кромѣ казней, пытокъ, опалъ—дѣйствій разъяреннаго гнѣва, взволнованной крови, необузданной страсти! (Частныя, иногда дѣльныя распоряженія Приказовъ не принимаются здѣсь въ расчетъ: онѣ идутъ своимъ чередомъ безостановочно—при Іоаннахъ, Борисѣ, Самозванцахъ, Романовыхъ, Аннѣ и проч.)

Вы мнѣ не укажете ни одного примѣчательнаго въ вашемъ смыслѣ событія, а я представлю вамъ множество доказательствъ противнаго мнѣнія, доказательствъ, не оставляющихъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ совершенномъ отсутствіи государственнаго взгляда, благороднаго сознанія, высокихъ цѣлей, при неограниченности эгоизма, которому приносилось въ жертву все.

Іоаннъ раздѣлилъ все государство на опричину и земщину. Его опричникъ—господинъ, а земецъ—рабъ, который не находитъ себѣ нигдѣ ни малѣйшей защиты. Опричина—это мое, а земщина—

то, чего я знать не хочу: неужели такое постановленіе обличаетъ государственнаго человѣка?

Царскимъ вѣнцомъ чрезъ нѣсколько времени Іоаннъ вѣнчалъ Касимовскаго царя Симеона Бекбулатовича и поручилъ ему управленіе всѣми земскими дѣлами: неужели здѣсь видѣнъ высокій правитель?

Іоаннъ посылаетъ пословъ просить мира у Баторія и велитъ имъ терпѣть даже побои; посылаетъ пословъ къ крымскому хану и велитъ имъ бить челомъ: видно ли здѣсь сознаніе царскаго достоинства?

Ему мерещится безпрестанно опасность, и онъ посылаетъ пословъ готовить себѣ убѣжище въ Англіи.

Да и въ духовномъ завѣщаніи его есть ли какой намекъ о государствѣ, о верховной власти, о народѣ: «что я учредилъ опричину, то на волѣ дѣтей моихъ Ивана и Ѳедора, какъ имъ прибыльнѣе, такъ пусть и дѣлаютъ, а образецъ имъ готовъ». «Какъ имъ прибыльнѣе»—не должно ли покрыть его позоромъ одно такое слово? А это слово повторяется у Іоанна нѣсколько разъ. Государство онъ совершенно забылъ и толкуетъ только о томъ, что дѣлать дѣтямъ, когда ихъ выгонятъ.

А казни продолжались... За что? Было ли сопротивленіе? Были ль заговоры? Были ль какія-нибудь покушенія свергнуть ненавистное иго? Ничего и ничего. Головы летятъ, пытки учащаются, и все тихо, спокойно, послушно, безпрекословно, до послѣдней минуты злодѣевой жизни. Ужасныя свои казни онъ повершилъ умерщвленіемъ, хоть и безумышленнымъ, собственнаго, любимаго сына, въ которомъ ему померещилась также измѣна, какъ въ боярахъ: онъ ударилъ его жезломъ по головѣ, и тотъ покатился мертвый на землю. Одно это происшествіе достаточно указываетъ источникъ злодѣяній Іоанновыхъ, чуждый всякихъ государственныхъ соображеній.

Надо же вѣдь, чтобъ такое существо, потерявшее даже образъ человѣческій, не только высокій ликъ царскій, нашло себѣ прославителей!

Вотъ до чего доводитъ страсть систематизировать и ради этого отыскивать новыя начала!

Разберемъ теперь послѣдніе толки пообстоятельнѣе и поподробнѣе.

Старый порядокъ вещей, новый порядокъ вещей, восклицаютъ преобразователи. Какія звучныя слова! Надо навербовать представителей тому и другому порядку. Представителей подобранныхъ нельзя оставить безъ занятій: имъ внушаются намѣренія, какихъ и въ голову не приходило, затѣвается между ними небывалая борьба, съ сраженіями, маршами, превращеніями и великолѣпнымъ спектаклемъ; всѣ событія, кои вообще обладаютъ въ высшей степени свойствомъ эластичности, объясняются соотвѣтственно сочиненной теоріи, и изъ исторіи выдѣлывается фантасмагорія, увеселяющая зрѣніе, привлекающая взоры толпы, падкой на всякіе фокусы.

Старый порядокъ, новый порядокъ! Ну, попробуйте перевести этотъ отвлеченный языкъ на языкъ дѣлъ, и вы увидите сами, что всѣ звучныя фразы разлетятся какъ дымъ.

Въ чемъ состоялъ новый порядокъ вещей?

Въ чемъ состоялъ старый порядокъ вещей?

Къ старому порядку относится боярское право совѣта и право перехода.

Къ новому порядку неограниченная власть государя.

Какъ внимательно ни искалъ я основныхъ положеній новой теоріи, я не нашелъ ничего болѣе этихъ положеній.

Во-первыхъ: что̀ это за отличительные признаки стараго и новаго порядка? Въ чемъ заключается именно государственный прогрессъ? Стараться объ увеличеніи власти, какъ власти—Али-паша янинскій, Магометъ-паша египетскій, султанъ Махмудъ не ударятъ себя лицомъ въ грязь. Они о томъ только и думали, ка̀къ бы увеличить свою власть.

Во-вторыхъ: этотъ новый такъ называемый порядокъ вещей былъ уже очень старъ. При Іоаннѣ Грозномъ, и не только при немъ, но и при его отцѣ, при его дѣдѣ, даже при прадѣдѣ власть государя не имѣла уже никакихъ предѣловъ. Не помнятъ наши историки, что въ малолѣтство свое Іоаннъ велѣлъ отрубить головы не одному князю и боярину, и головы были отрублены безъ прекословія. Отецъ его Василій дѣлалъ съ князьями и боярами что̀ хотѣлъ, не спрашивая у нихъ совѣта: мало-ли онъ ихъ переказнилъ! Дѣдъ Іоаннъ Васильевичъ—кто могъ оказать ему малѣйшее сопротивленіе? Герберштейнъ прямо говоритъ о власти русскаго госуда-

ря: скажетъ, и сдѣлано. Жизнь, достояніе людей мірскихъ и духовныхъ, вельможъ и гражданъ, совершенно зависитъ отъ его воли. Нѣтъ противорѣчія, и все справедливо, какъ въ дѣлахъ божества: ибо Русскіе увѣрены, что великій князь есть исполнитель воли небесной. Обыкновенное слово ихъ: такъ угодно Богу и государю; вѣдаетъ Богъ и государь. Усердіе сихъ людей невѣроятно (1).

А за сколько времени до Іоанна Грознаго писалъ Герберштейнъ? Какой власти хотите вы болѣе? Что новаго было желать Грозному? Какой новый порядокъ вещей ему оставалось придумывать? Вся ваша теорія разсыпается объ эти слова.

Да самъ Василій Темный, неспособный, ослѣпленный, полопенный, былъ уже такъ силенъ подъ конецъ, что, присвоивъ многіе частные удѣлы, повелѣ всѣхъ имати и казнити, бити кнутьемъ, сѣчи руки и носы рѣзати, а инымъ главы отсѣкати. И съ князьями управлялся онъ порядочно!

Этого мало: Іоаннъ казнилъ бояръ, а отецъ его Василій, дѣдъ Іоаннъ I губили собственныхъ своихъ родныхъ братьевъ, могшихъ имѣть притязанія на участіе въ управленіи. Нѣкоторые захвачены на пути бѣгства въ Литву. Въ сихъ дѣйствіяхъ, пожалуй, больше государственныхъ видовъ, чѣмъ въ казняхъ совершенно частныхъ, личныхъ, Іоанна Грознаго.

Для новаго такъ называемаго порядка вещей гораздо болѣе сдѣлано дѣдомъ Іоанна Грознаго, чѣмъ имъ. И все это извѣстно, замѣчено и описано.

Въ-третьихъ: правомъ переходить бояре и дворяне пользовались всегда только въ крайнихъ случаяхъ: въ древней исторіи, даже при множествѣ удѣльныхъ князей, переходовъ извѣстно очень мало; въ средней исторіи это право оставалось почти номинально, и случайное употребленіе его не показывало ни малѣйшаго вліянія на государственное устройство, ни тамъ, откуда то или другое лицо переходило, ни тамъ, куда оно переходило. Это явленіе совершенно незначительное. При Иванѣ Васильевичѣ I удѣльные князья переходили къ намъ изъ Литвы вслѣдствіе притѣсненій религіозныхъ, коихъ у насъ естественно быть не могло; а при Иванѣ Василье-

(1) Карамзинъ, VII, стр. 200.

вичѣ II наши бояре устремились въ Литву и Польшу, спасаясь отъ казней.

Такъ точно и до его управленія, въ продолженіи малолѣтства, многіе бояре бѣгали туда отъ домашнихъ смутъ, и не предъявляя своего права, не споря, что могутъ убѣжать, хотѣли только спасти свою жизнь. Право перехода, такъ нами называемое, давно уже обветшало, вышло изъ употребленія (tomba en désuétude), а это было просто бѣгство, тайкомъ, исканіе лучшей жизни гдѣ-нибудь. Точно также приходили иностранцы служить московскимъ князьямъ, начиная съ Калиты, и даже прежде, къ Невскому пришло много знатныхъ людей, отъ которыхъ ведетъ свой родъ большая часть нашихъ дворянскихъ фамилій.

Г. Соловьеву представляется, что бояре хотѣли чего-то. Да чего же? Нигдѣ нѣтъ ни малѣйшаго указанія ихъ желаній, кромѣ безопасности. Пусть разсудилъ бы онъ хоть вотъ что̀: бояре имѣли въ своихъ рукахъ власть нѣсколько разъ—Глинскіе, Оболенскіе, Шуйскіе, Бѣльскіе: что̀ же они сдѣлали съ этой властью? Они не дѣлали ничего, въ смыслѣ сословія, не дѣлали ничего для сословія, а напротивъ, старались только утвердить царскую власть, и точно та̀къ раздѣлались съ дядями Іоанна, какъ раздѣлался съ своими Василій, и прежде Іоаннъ. Гдѣ же боярскіе политическіе замыслы?

Бояре желали совѣта: да въ чемъ же, когда обнаружилось такое желаніе? Они могли желать про себя, какъ могли желать прежде, какъ желали послѣ, какъ желаютъ теперь тѣ или другія лица принимать участіе въ правленіи, совѣтовать, но это желаніе было частное, личное, случайное, никогда не было никакихъ союзовъ, замышленій, притязаній, жалобъ. Да и прежнее право совѣта въ чемъ состояло? Оно не имѣло никогда характера права или обязанности, а только обычая. Наконецъ г. Соловьевъ забываетъ, что именно въ это время начинаетъ образовываться Царская Дума и заводятся земскіе соборы. Древнее право совѣта получаетъ новую форму, соотвѣтственную развитію государства и монархической власти, коей Іоаннъ только мѣшаетъ жестокими порывами своей страсти.

Г. Соловьевъ указываетъ на борьбу стараго своего порядка съ новымъ своимъ порядкомъ:

«Древнее начало (?) было сильно, вело упорную борьбу (?); но уже государству пошелъ седьмой вѣкъ, оно объединилось, ста-

«рое (?) съ новымъ (?) начало сводить послѣдніе счеты (?): немудре-«но, что появилось много важныхъ вопросовъ (?), важныхъ требова-«ній (?). Вторая половина XVI вѣка, царствованіе Іоанна IV ха-«рактеризуется преимущественно поднятіемъ этихъ важныхъ вопро-«совъ въ государственной жизни, наибольшею выставкою этихъ «вопросовъ, если начали они подниматься и прежде, ибо въ Исто-«ріи ничего не дѣлается вдругъ (ч. VII, с. 439)».

Гдѣ эта борьба, опять спрашиваю я? Ея не было. Всѣ осужденые бояре несли безпрекословно свои головы на плаху, а Иванъ Васильевичъ рубилъ ихъ направо и налѣво, пользуясь всякимъ предлогомъ или поводомъ—за измѣну, за предательство, за умыслы, за вражду, кои мерещились въ его разстроенномъ воображеніи. Да и бороться-то было не за что̀: какія права были у нихъ нарушены? что̀ было отнимаемо? Чѣмъ кто владѣлъ самобытно? Чего хотѣли бояре? Что̀ имъ было нужно?

Впрочемъ самъ г. Соловьевъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 53) говоритъ, что «митрополитъ и бояре заплакали отъ радости, видя (при объявленіи о бракѣ), что государь такъ молодъ, а между тѣмъ ни съ кѣмъ не совѣтуется.»

Изъ всего сказаннаго читатели видятъ, я надѣюсь, что толки г. Соловьева о такъ называемомъ имъ старомъ порядкѣ и новомъ порядкѣ, въ отношеніи къ царю Ивану Васильевичу, не имѣютъ никакого основанія.

Собственно старый порядокъ, извѣстный и переизвѣстный, состоялъ въ наслѣдованіи брата брату, а новый—сына отцу. Начиная съ сыновъ Донскаго, дяди, до послѣдняго, не признавали, открыто или тайно, новаго порядка, и всякое царствованіе начиналось ихъ покушеніями и казнями, заточеніями, ссылками. Но такое явленіе слишкомъ просто и ясно, и потому не нравится г. Соловьеву; не имѣя возможности устранить эти дѣйствительные, историческіе, безспорные порядки, онъ упоминаетъ о нихъ только вскользь.

Власть царская увеличилась при Іоаннѣ Грозномъ—это также извѣстно и переизвѣстно: власть эта увеличивалась по естественному ходу вещей еще задолго до Іоанна. Гордый былъ сильнѣе Калиты въ этомъ смыслѣ, Донской сильнѣе Гордаго, Василій сильнѣе Донскаго, Темный сильнѣе Василія, Іоаннъ сильнѣе Темнаго. При Грозномъ власть увеличилась, или лучше сказать, распростани-

лась вслѣдствіе погубленія множайшихъ знатныхъ родовъ, вслѣдствіе безпрерывныхъ казней, вслѣдствіе постояннаго страха и т. п. Уже тридцать лѣтъ было у меня сказано, что есть еще точка, съ которой можно смотрѣть на Іоанна—вмѣстѣ съ Людовикомъ XI, Генрихомъ VIII, Филиппомъ II, Христіерномъ и пожалуй Фердинандомъ, которые предназначены были утвердить единодержавіе на развалинахъ феодальной системы.

А что̀ сдѣлалъ Іоаннъ съ этою неограниченною своею властію, объ этомъ г. Соловьевъ не упоминаетъ.

Видѣть прогрессъ въ этомъ чудовищномъ развитіи не монархической власти разумной, а личнаго, слѣпаго произвола—это совершенная аномалія. Если одна власть въ государствѣ развивается и увеличивается до-нельзя, а всѣ другія не только умаляются, но совершенно уничтожаются, развѣ это успѣхъ государственный?

И вотъ вышли самозванщина и междуцарствіе, по примѣчательной мысли г. П. Павлова, которая важнѣе всей его диссертаціи.

Истинный прогрессъ условливается развитіемъ всѣхъ элементовъ государственныхъ, а исключительное преобладаніе ведетъ всегда къ погибели.

Къ новому порядку, по мнѣнію г. Соловьева, принадлежитъ также приближеніе къ престолу людей незнатныхъ. Вотъ какъ объяснялъ онъ это явленіе въ своей Исторіи отношеній между русскими князьями Рюрикова дома: «до сихъ поръ (до московскаго пожара) Иванъ занятъ былъ только отношеніями къ боярамъ, но теперь бояре вздумали осоюзиться съ народомъ, употребить народъ для достиженія своихъ цѣлей: царь увидалъ эту опасность, и хотѣлъ прервать этотъ союзъ» (стр. 631).

Гдѣ же нашелъ г. Соловьевъ, что бояре вздумали осоюзиться съ народомъ?

Вотъ гдѣ: во время пожаровъ одна партія боярская распустила изъ ненависти слухъ, что поджигаютъ Москву Глинскіе, захватившіе тогда власть въ свои руки, изъ которыхъ одинъ во время мятежа и былъ убитъ.

Да вѣдь это былъ случай, безъ образца и подражанія: о какомъ же союзѣ можетъ быть тутъ рѣчь? Одна партія обвинила другую, воспользуясь благовиднымъ для себя предлогомъ, и въ томъ успѣла. Вотъ и все.

Нѣтъ, г. Соловьевъ идетъ дальше: онъ говоритъ, что царь, шестнадцатилѣтній, увидѣлъ опасность союза бояръ съ народомъ. Какую же опасность? Что бояре съ народомъ пойдутъ противъ него? Для того, чтобъ разорвать союзъ, онъ созвалъ народъ чрезъ два года (!), обвинилъ бояръ, покаялся въ своихъ проступкахъ, приблизилъ къ себѣ Адашева и Сильвестра, и проч. Но г. Соловьевъ позабылъ, что народъ былъ прежде наказанъ, и что все дѣло о пожарѣ было давно покончено. Онъ не хочетъ знать, что созваніе народа и покаяніе не имѣли никакой связи съ прежнимъ пожаромъ, и соединяетъ ихъ воедино.

И вотъ въ Исторію Россіи вносится новая мысль:

«Все это (оскорбленія отъ бояръ, сильная по лѣтамъ степень развитія ума и воли... бракъ, пожаръ, мятежъ) заставило Іоанна порѣшить окончательно съ князьями и боярами, искать опоры въ лицахъ другаго происхожденія и въ лицахъ испытанной вѣрности» (стр. 59).

Но бояре вѣдь все-таки продолжали окружать Іоанна до самой кончины, не тѣ, такъ другіе. Самую опричину составляли князья, бояре и вообще дворяне.

А что прежде Іоанна начали участвовать въ управленіи люди низшаго званія, то вотъ собственныя слова г. Соловьева, имъ вѣроятно забытыя:

«Такъ, напримѣръ, у насъ утвердилось мнѣніе, говоритъ онъ (ч. VII, с. 36), что до Іоанна IV присутствовали въ думѣ только бояре и окольничіе, и что только этотъ государь, изъ противоборства вліянію знатныхъ людей, ввелъ въ думу третій, низшій разрядъ членовъ, такъ называемыхъ думныхъ дворянъ; но при описаніи пріема польскаго посла Никодима Техановскаго, въ правленіе Елены, читаемъ: князь великій сидѣлъ въ брусяной избѣ, а у него бояре, окольничіе и дворецкіе, и дѣти боярскіе, которые живутъ въ думѣ, и дѣти боярскіе прибыльные, которые не живутъ въ думѣ».

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ о новомъ объясненіи г. Соловьевымъ вліянія Сильвестрова.

«Изъ словъ Курбскаго мы не имѣемъ никакого права заключать, что Сильвестръ явился только тутъ (на Воробьевыхъ горахъ, см. выше) внезапно предъ Іоанномъ, но будучи вовсе извѣстенъ ему прежде. По всѣмъ вѣроятностямъ, Сильвестръ уже давно переселился изъ Новагорода въ Москву и былъ однимъ изъ священниковъ

придворнаго Благовѣщенскаго собора, поэтому самому былъ давно на глазахъ Іоанна, обратилъ на себя его вниманіе своими достоинствами; но теперь его внушенія, его вліяніе получили бо̀льшую силу. Царственная Книга говоритъ, что Сильвестръ былъ очень друженъ съ удѣльнымъ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ и его матерью, что по его старанію они были выпущены изъ заключенія—свидѣтельство чрезвычайно важное, ибо мы знаемъ, что князь Владиміръ Андреевичъ былъ освобожденъ вмѣстѣ съ отцемъ, и освобожденъ изъ заключенія во время правленія князя Бѣльскаго и митрополита Іоасафа; о вторичномъ заключеніи его мы не находимъ нигдѣ извѣстія. Слѣдовательно, не допуская невѣроятнаго предположенія, что всѣ лѣтописцы, говоря объ опалахъ и казняхъ боярскихъ, пропустили извѣстіе о заключеніи двоюроднаго брата царскаго, и принимая, что Царственная Книга говоритъ о единственномъ освобожденіи князя Владиміра при Бѣльскомъ, мы должны заключить, что Сильвестръ уже тогда имѣлъ важное значеніе».

Вотъ слова Царственной Книги, кои послужили основаніемъ г. Соловьеву: «бысть же сей Селиверстъ совѣтенъ и въ великой любви у князя Владиміра Андреевича и у матери его княгини Ефросиніи: его бо промысломъ изъ пятства выпущены» (с. 343).

Карамзинъ еще замѣтилъ (VIII, пр. 378) объ этомъ извѣстіи Царственной Книги: «Тутъ несправедливо сказано, что князь Владиміръ Андреевичъ былъ его заступленіемъ выпущенъ съ матерью изъ-подъ стражи: тогда еще властвовалъ князь Иванъ Бѣльскій, а государь находился въ младенчествѣ».

Арцыбашевъ (II, с. 158) относится къ этому событію слегка: «государь (12 лѣтъ), убѣжденный просьбою митрополита и бояръ, допустилъ къ себѣ князя Владиміра Андреевича... и далъ отчину родительскую». А на с. 216 повторяетъ безъ изслѣдованія слова̀ Царственной Книги: «которые его ходатайствомъ (Сильвестровымъ) и были освобождены изъ темницы».

Разумѣется, степень довѣренности, какой заслуживаетъ Царственная Книга, должна быть изслѣдована по образцу, предложенному мною о Несторѣ и прочихъ лѣтописяхъ.

Но здѣсь я могу замѣтить вотъ что̀:

Лицо Сильвестра должно быть, кажется, соединено съ лицемъ митрополита Макарія: вѣроятно Макарій призвалъ въ Москву Силь-

вестра, котораго онъ узналъ въ Новѣгородѣ (1526—1542), по его уму, дару слова и прочимъ достоинствамъ (*).

Макарій былъ назначенъ митрополитомъ и прибылъ въ Москву 1543 года марта 4.

Князь же Владиміръ Андреевичъ съ матерью выпущенъ былъ 1542 года декабря 25.

Самъ г. Соловьевъ при этомъ случаѣ сказалъ (с. 41): «ходатайству митрополита и бояръ лѣтописи приписываютъ освобожденіе изъ темницы семейства удѣльнаго князя Андрея Ивановича, жены его Евфросиніи и сына Владиміра». Эти слова впослѣдствіи онъ позабылъ.

Въ 1547 году еще духовникомъ Іоанновымъ былъ благовѣщенскій протоіерей Ѳедоръ Барминъ, замѣшанный въ дѣлѣ объ умерщвленіи Глинскаго.

Если бъ Сильвестръ былъ прежде въ Москвѣ, то Курбскій непремѣнно далъ бы понять это такъ или иначе; напротивъ, онъ именно говоритъ, что Сильвестръ, дотолѣ неизвѣстный въ Москвѣ, вдругъ показался предъ Іоанномъ, на Воробьевыхъ горахъ. Появленіе человѣка новаго и неизвѣстнаго, при такихъ обстоятельствахъ, съ сильною рѣчью, можетъ произвести, говоря психологически, дѣйствіе сильнѣе, чѣмъ бесѣда съ человѣкомъ знакомымъ. Знакомому человѣку страшно показывать страшила, между тѣмъ какъ незнакомый могъ рѣшиться скорѣе на такое благокозненіе.

Вотъ причины, почему я отвергаю толкованіе г. Соловьева и принимаю, вмѣстѣ съ Карамзинымъ, извѣстіе Царственной книги ошибочнымъ.

А какъ объясняетъ г. Соловьевъ вліяніе Сильвестра?

«Эта самая раздражительность» (г. Соловьевъ говорилъ передъ тѣмъ о казняхъ, опредѣленныхъ молодымъ Іоанномъ), «впечатлительность, женственность природы Іоанна дѣлала его способнымъ

(*) Можетъ быть Сильвестръ участвовалъ и въ составленіи его Четій-Миней. У меня въ древлехранилищѣ было Житіе св. Ольги, напечатанное въ Степенной Книгѣ, подъ которымъ было на первой страницѣ внизу написано: «списано любомудрецомъ пресвитеромъ Сильвестромъ». Я имѣлъ также его харатейный псалтирь на греческомъ языкѣ. Много книгъ его хранится въ Кирилловомъ монастырѣ. Авторство Сильвестра сдѣлалось у насъ извѣстнымъ въ послѣднее время по знаменитому Домострою.

къ особенному принятію добраго вліянія, если это вліяніе шло отъ лица, имѣющаго нравственное достоинство, религіозное значеніе, и не подозрительнаго для Іоанна» (стр. 57).

Скажите, приходило ли кому въ голову, при видѣ тысячъ, казненныхъ Іоанномъ, при видѣ семействъ и цѣлыхъ населеній, погубленныхъ мучителемъ, о которыхъ велѣлъ онъ молиться: «помяни, Господи 1307 Новогородцевъ, что отдѣлалъ Григорій Ловчиновъ, ихъ же имена Ты вѣси, Господи», и т. п.,—приходило ли кому въ голову объяснять что-нибудь въ этомъ характерѣ *женственностію!*

Послѣ неправильнаго своего толкованія, г. Соловьевъ уже смѣло говоритъ: «чѣмъ болѣе выросталъ Іоаннъ (послѣ освобожденія князя Владиміра Андреевича въ 1541 г., когда ему было только девять лѣтъ), тѣмъ болѣе прилѣплялся къ Сильвестру и усиливалось вліяніе послѣдняго на дѣла» (с. 634).

Гдѣ же это прилѣпленіе? Гдѣ вліяніе? Вѣдь Іоаннъ продолжалъ буйствовать, неистовствовать въ продолженіи этого періода до самаго пожара московскаго, послѣ котораго вдругъ перемѣнился.

Разобрать, что̀ говоритъ въ разныхъ мѣстахъ г. Соловьевъ о Сильвестрѣ, это можетъ быть предметомъ особой статьи. Онъ исказилъ эту великую личность Русской Исторіи, какъ исказилъ послѣ личность Бориса Годунова и многихъ другихъ.

М. Погодинъ.

Августа 19, 1859.

О Славянахъ въ Малой Азіи, въ Африкѣ и въ Испаніи. Сочиненіе Владиміра Ламанскаго. С. П. Б. 1859.

Нерѣдко случается слышать нареканія на ученыя историческія сочиненія такого рода, гдѣ разсматриваемые предметы не имѣютъ ощутительнаго соотношенія съ современностью, гдѣ не чувствуется общей потребности ихъ изслѣдованій, гдѣ, по недостатку вѣрныхъ, положительныхъ и подробныхъ свѣдѣній, не предвидится даже возможности возбудить въ читателѣ яснаго о нихъ представленія, гдѣ, по запутанности и неясности источниковъ, вопросы остаются вопросами и ученая постройка держится на предположеніяхъ, догадкахъ, сближеніяхъ и сравненіяхъ. Но вглядываясь въ дѣло пристальнѣе, надобно признаться, что такого рода сочиненія заслуживаютъ нареканія болѣе отъ способа обработки вопросовъ и отъ неправильности размѣщенія предметовъ изслѣдованія, а не отъ самаго ихъ существа. Въ области исторіи нѣтъ такого предмета, который бы можно было назвать безусловно ненужнымъ для знанія, но пусть каждый занимаетъ свое мѣсто, и сужденіе о немъ не должно увлекаться за предѣлы его дѣйствительнаго отношенія къ возможности узнать его. Такимъ образомъ есть много вопросовъ, разрѣшаемыхъ только до извѣстной степени, но естественно возбуждающихъ за собою рядъ другихъ вопросовъ, которыхъ разрѣшить нельзя. Мы увѣрены, что планеты, извѣстныя намъ на столько, на сколько можемъ мы составить о нихъ понятіе на основаніи математическихъ выводовъ, заключаютъ въ себѣ множество данныхъ, относящихся къ физическому ихъ устройству, недоступному для насъ при томъ состояніи, въ какомъ находятся наши телескопы; и если бъ астрономъ сталъ входить въ подробности о такихъ данныхъ, то естественно впалъ бы въ предположенія, можетъ быть очень остроумныя, но не входящія въ область вѣрнаго знанія, и всѣ дальнѣйшіе выводы изъ такихъ предположеній не возбуждали бы къ себѣ довѣрія. Точно такъ и въ исторіи: если ученый захочетъ силою своего ума проникнуть въ такую глубину, для которой недостаточенъ свѣтъ руководящихъ его источниковъ, онъ или вступаетъ

въ область вымысла, или, если думаетъ избавиться отъ него соблюденіемъ ученой формы, строитъ скучное, вялое, натянутое изслѣдованіе, основанное на догадкахъ и натяжкахъ и ненужное для читателя, ищущаго во всякомъ изслѣдованіи прямаго результата, возбуждающаго въ немъ лѣнь и ясное сознаніе предмета. Такія изслѣдованія могутъ быть интересны только для немногихъ спеціалистовъ, способныхъ цѣнить самый процессъ черной работы безъ отношенія къ цѣли, достигаемой работою. Великая заслуга для ученаго, послѣ тщательнаго изслѣдованія какого-нибудь вопроса, сказать: я не знаю! Много такихъ вопросовъ, которые давно уже разрѣшены, на сколько ихъ можно разрѣшить, разрѣшены въ нѣсколькихъ словахъ, послѣ чего на всѣ послѣдующіе, вытекающіе изъ нихъ вопросы одинъ добросовѣстный отвѣтъ: неизвѣстно. Но мужи знанія идутъ далѣе, хотятъ изъ неизвѣстнаго сдѣлать извѣстное, при ограниченныхъ средствахъ, и порождаютъ безплодныя разсужденія, не подвигающія науки ни на шагъ, и только пугающія читателей неосмысленною яснымъ сознаніемъ постройкою нагроможденныхъ безъ живой связи и противорѣчащихъ одно другому предположеній, подпираемою примѣрами и свидѣтельствами слишкомъ нетвердыми, для того чтобъ поддержать ее. Ошибка такихъ ученыхъ происходитъ отъ того, что «могло быть» они принимаютъ за «было». Но «могло быть» до чрезвычайности разнообразно, тогда какъ то, что̀ «было», не можетъ не быть тѣмъ, чѣмъ оно уже было. Въ исторіи слѣдуетъ считать достояніемъ науки только то, что̀ было или должно быть: подъ послѣднимъ разумѣется такой выводъ, который, если о немъ прямо и не говорятъ источники, то все-таки онъ исключаетъ всякаго рода возможность представить дѣло въ иномъ видѣ. Но темные вопросы, которые не могутъ разрѣшаться какъ только посредствомъ «могло быть», остаются по прежнему темными, уже и потому, что допускаютъ нѣсколько объясненій разомъ: могло быть та̀къ, могло быть и иначе. «Могло быть» не подвигаетъ знанія ни на волосъ. Какъ безполезно для науки лѣнивое повтореніе лѣтописныхъ сказаній въ иныхъ фразахъ, та̀къ ни къ чему не ведутъ мудрованія надъ тѣмъ, что̀ при всей кропотливой работѣ и умственной натугѣ оставляетъ насъ на прежней сухой почвѣ лѣтописнаго сказанія. Такая участь особенно постигаетъ тѣхъ ученыхъ, которые углубляются въ темныя

эпохи доисторическихъ (т. е. плохо записанныхъ въ свое время) судебъ народовъ. Вопросы, которыми они занимаются, сами по себѣ чрезвычайно важны и многознаменательны даже для исторіи послѣдующихъ эпохъ; но что же дѣлать, когда ихъ разрѣшить нельзя, когда на это средствъ не хватаетъ. Между тѣмъ были ученые, думавшіе, что они уже ихъ порѣшили и что ихъ способъ рѣшенія есть неоспоримая истина; въ самомъ же дѣлѣ, если что-нибудь имъ и удалось, то сумма всего этого совершенно незначительна въ сравненіи съ тѣмъ, что, не смотря на ихъ самоувѣренность, остается нерѣшеннымъ. Неудивительно, что сочиненія такихъ ученыхъ не возбуждаютъ никакого сочувствія, а публика оказываетъ даже отвращеніе вообще къ занятіямъ подобнаго рода. Не должно приписывать его тому, будто бы публика не доросла до того, чтобъ сочувствовать самымъ предметамъ науки: нѣтъ, оно проистекаетъ оттого, что ученые слишкомъ часто угощали публику изслѣдованіями, которыя показывали не болѣе какъ ихъ собственное трудолюбіе, до котораго другимъ нѣтъ дѣла. А ученое изслѣдованіе должно вести къ цѣли; притомъ же несправедливо мнѣніе, будто бы для изслѣдователя достаточно эрудиціи: для него, какъ для историка, необходима своего рода художественность, которая бы каждому матеріалу указала свое мѣсто, не допустила бы одному высовываться впередъ другаго, торчать наверху, когда ему слѣдуетъ быть внизу, ставить рядомъ такія краски, которыя по своей природѣ не могутъ согласоваться между собою, искать смысла и дѣйствительности въ явныхъ ошибкахъ, въ случаѣ потери прямаго пути уклоняться въ окольные, не ведущіе къ цѣли, и замѣнять пустословіемъ комментарія скромную выжимку ясной стороны скуднаго источника;—та художественность, которая бываетъ слѣдствіемъ яснаго уразумѣнія того, о чемъ ведется рѣчь. Вѣдь извѣстно, чѣмъ менѣе понимаетъ авторъ предметъ, о которомъ судитъ, тѣмъ мудренѣе и ученѣе кажется съ виду его изслѣдованіе.

Все это приводится здѣсь не съ той цѣлью, чтобъ примѣнить подобные недостатки ученыхъ изслѣдованій къ книгѣ г. Ламанскаго. Если что-нибудь въ ней даетъ намъ поводъ предъ разборомъ ея высказать приведенныя здѣсь мнѣнія, то единственно то, что она въ свою очередь не изъята отъ недоказанныхъ предположеній. За то авторъ не только обладаетъ глубокой ученостью и знакомствомъ

съ источниками, но и большимъ дарованіемъ, которое выказывается въ умѣньи придать предмету занимательность. Книга его указываетъ на возможность искать остатковъ славянскаго племени въ странахъ, означенныхъ въ заглавіи его сочиненія и въ этомъ отношеніи можетъ быть руководствомъ для путешественника, который захочетъ, посѣщая эти страны, поискать тамъ Славянъ или ихъ слѣдовъ.

Книга г. Ламанскаго раздѣляется на четыре отдѣла: 1) Славяне въ Малой Азіи, 2) Славяне въ Африкѣ, 3) Славяне въ Испаніи, 4) историческія замѣчанія ко всему этому. Первая часть, о Славянахъ въ Малой Азіи, заключаетъ 191 страницу. Въ ней читается съ особеннымъ любопытствомъ извлеченіе изъ описанія маньясской казачьей колоніи въ Малой Азіи, составленнаго англійскимъ путешественникомъ Макъ-Фирленомъ. Эта колонія донскихъ казаковъ, некрасовцевъ, раскольниковъ, поселившихся сначала на Дунаѣ и уже въ XIX вѣкѣ перешедшихъ на новое мѣсто. Упоминается о другой такой же русской колоніи близъ Синопа. Также любопытны извѣстія итальянца Пьетро де ла Валле, временъ начала XVII вѣка, о малороссійскихъ казакахъ, ихъ походахъ на Черное море и о сношеніяхъ съ Персіею, постоянной соперницею Турціи, съ которою казаки вели непрерывную войну. Собственно указанія на старинныя поселенія Славянъ въ Малой Азіи ограничиваются слѣдующими извѣстіями: 1) по сказанію историка византійскаго Ѳеофана, императоръ Юстиніанъ II вывелъ Славянъ съ Балканскаго полуострова и поселилъ въ Малой Азіи: онъ выбралъ изъ нихъ отрядъ въ 30.000, назначилъ надъ ними начальникомъ Небула и повелъ противъ Арабовъ; но 20.000 Славянъ измѣнили и передались непріятелю, противъ котораго выведены были драться; тогда Юстиніанъ приказалъ всѣхъ остальныхъ истребить съ ихъ женами и дѣтьми. 2) Другое извѣстіе того же Ѳеофана и Никифора относится къ 762 г. и гласитъ, что, по поводу переворота, случившагося въ Болгаріи, 208.000 Болгаровъ перешли за Эвксинъ и поселились на рѣкѣ Артянѣ. 3) Въ IX, XII и XIII вѣкахъ переселились въ Малую Азію Сербы: на это приводится доказательствомъ то, что въ спискѣ церквей, подчиненныхъ цареградскому патріарху, составленномъ Львомъ Мудрымъ при перечисленіи епископскихъ областей упоминается о Γορδοσερβον, а въ грамотѣ о раздѣлѣ греческой имперіи, по случаю завоеванія ея Латинами въ 1204 году, читается:

Provincia Optimati, provincia Nicomediae, provincia Tharsiae, Plusiade et Metanoliscum Seruochoriis cum omnibus sub ipsis. 4) У Өеофана есть извѣстіе, что въ Сиріи въ арабскомъ войскѣ были Славяне въ VIII столѣтіи.

По нашему мнѣнію, только второе свидѣтельство можетъ считаться доказательствомъ существованія славянскихъ поселеній въ Малой Азіи. Разсмотримъ остальныя.

а) Славяне, поселенныя въ Малой Азіи Юстиніаномъ II, были имъ же истреблены, слѣдовательно и не оставили слѣда. Хотя г. Ламанскій и сомнѣвается, чтобъ они позволили себя истребить, но дѣло въ томъ, что это сообщаетъ тотъ же историкъ, который говоритъ о ихъ поселеніи. Вѣря одному, на какомъ основаніи сомнѣваться въ другомъ? При томъ допустивъ, что Славяне не позволили себя перебить, надобно допустить, что они не остались въ той землѣ, гдѣ ихъ хотѣли всѣхъ перебить и ушли куда-нибудь, да и другимъ своимъ собратьямъ сказали, чтобъ не ходили селиться тамъ, гдѣ по указу его византійскаго величества они могли въ одну минуту потерять жизнь со всѣмъ приплодомъ своимъ.

б) На однихъ словахъ Seruochoriis и Γορδοσερβον ничего нельзя выводить: здѣсь можетъ быть сходство и случайное, а если даже слова эти дѣйствительно относятся къ чему-то сербскому, то почему же именно къ поселенію? Еще прежде слѣдуетъ самыя загадочныя слова подвергнуть, если возможно, разъясненію, а потомъ уже брать ихъ за доказательства.

в) Служба Славянъ въ арабскомъ войскѣ не значитъ еще поселенія. Ратныя дружины могли шататься по свѣту, не оставляя по себѣ никакого потомства. Эти Славяне, которые являются въ арабскомъ войскѣ, могли быть легко перебиты на первомъ сраженіи. Конечно, часть изъ нихъ могла и поселиться, но также точно могла и не поселиться; и если предположить возможность поселиться, то равнымъ образомъ и въ Африкѣ, и въ Европѣ, какъ и въ Азіи. Да притомъ и Сирія, гдѣ являются эти Славяне-воины, не Малая Азія.

И такъ, остается собственно одно свидѣтельство о славянскихъ поселеніяхъ—переходъ Болгаръ.

Г. Ламанскій ищетъ слѣдовъ бывшихъ въ Малой Азіи славянскихъ поселеній въ послѣдующія времена. Онъ приводитъ сказаніе извѣстнаго кіевскаго путешественника Барскаго, проведшаго всю

жизнь въ странствіяхъ, о видѣнныхъ имъ на востокѣ христіанахъ, говорящихъ по турецки, но непохожихъ на Турковъ, и находитъ вѣроятнымъ, что они Славяне. Осмѣливаемся возразить почтенному изслѣдователю, что, по нашему крайнему разумѣнію, тутъ нѣтъ славянскихъ слѣдовъ. Точно также нельзя находить ихъ на основаніи извѣстія англійскаго путешественника Эйнсверта, который, подобно Барскому, нашелъ въ Малой Азіи людей, говорившихъ по турецки и непохожихъ не Турковъ. Малая Азія издавна была заселена разноплеменными народцами, и что жъ удивительнаго, когда, слившись съ турецкимъ населеніемъ, какой-нибудь изъ этихъ народцевъ сохранилъ въ себѣ черты, отличающія его до сихъ поръ отъ господствующаго турецкаго населенія? Г. Ламанскій, напротивъ, увѣренъ въ славянствѣ этихъ непохожихъ на турецкій народъ турковъ и говоритъ: это единственный извѣстный мнѣ фактъ бытности на означенномъ полуостровѣ народа, который подъ именемъ Сербовъ, Болгаръ и проч., составляетъ такую значительную часть населенія Европейской Россіи. Также кажутся неудовлетворительными доказательства, что люди, выставившіе въ XIV в. въ Никеѣ самозванца, были Славяне. И это выводится единственно изъ того, что характеръ ихъ возстанія—самозванецъ, и другія черты—чисто славянскія. Мы знаемъ, что и у другихъ народовъ были самозванцы, да и едва ли такое явленіе, какъ самозванецъ, можетъ назваться отличительною чертою какого нибудь племени: если у насъ въ XVII вѣкѣ являлись самозванцы, то ихъ произвели сложившіяся обстоятельства тогдашней исторіи народа и государственнаго строя, а вовсе не лежало это явленіе въ характерѣ славянскаго племени. Русь существовала много вѣковъ и обходилась безъ самозванцевъ. Исторія другихъ славянскихъ народовъ не представляетъ намъ ничего такого, что бы побуждало искать причинъ явленія самозванцевъ въ началахъ общеславянскихъ. Несчастное было бы наше племя, если бъ по такимъ чертамъ можно было узнавать его подъ чужой одеждой! Но г. Ламанскій говоритъ еще о другихъ чертахъ, обличающихъ славянское происхожденіе народа, говорящаго по-турецки. «Эти люди были отличные землепашцы и отличные воины; занимались, по всей вѣроятности, и рукомеслами» (стр. 13). На это возразимъ, что ни хлѣбопашество, ни воинственность, ни то и другое въ соединеніи не составляютъ отличительныхъ чертъ славянскихъ народовъ пре-

мущественно предъ другими, потому что соединеніе того и другаго бываетъ слѣдствіемъ извѣстнаго возраста цивилизаціи народовъ, и при большемъ или меньшемъ содѣйствіи обстоятельствъ выказывается полнѣе и слабѣе, существуетъ долѣе или короче. Если мы не ошибаемся, то въ заключеніяхъ г. Ламанскаго проглядываетъ теорія признанія за племенами и народами опредѣленныхъ характеровъ, назначаемыхъ какимъ-то фатализмомъ заранѣе. Дѣйствительно, въ развитіи нравственнаго бытія нѣтъ ничего случайнаго какъ и въ физической природѣ: все законно, потому что все имѣетъ свою причину. Немыслимъ фактъ, который не былъ условливаемъ другимъ фактомъ, предъидущимъ, и слово случайность есть только выраженіе нашей ограниченности въ уловленіи чрезвычайно сложнаго сплетенія фактовъ, взаимно дѣйствующихъ и порождающихъ новые факты. То, что мы называемъ народнымъ характеромъ, есть явленіе, происходящее отъ такого сплетенія; но самая подвижность фактовъ производитъ ихъ измѣняемость, а потому и народный характеръ не можетъ быть всегда одинъ и тотъ же. Земледѣліе же и воинственность—такія черты общественной жизни, которыя относятся болѣе къ нравамъ, чѣмъ къ характеру и зависятъ отъ обстоятельствъ. Русскіе Славяне, брошенные въ болота неплодороднаго сѣвера, гдѣ земледѣліе не вознаграждало труда, образовали изъ себя торговое общество въ образѣ великаго Новгорода; на югѣ, гдѣ плодородіе земли располагало къ земледѣльческому труду, но гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ хищническіе набѣги сосѣдей заставляли жителей для ихъ отраженія держать на готовѣ оружіе, въ образѣ казачества явилось соединеніе земледѣльческаго быта съ воинственнымъ. У подножія Кавказа долго, быть можетъ, земледѣлецъ разомъ будетъ и воинъ, и, разумѣется, его оружіе покроется ржавчиной, коль скоро исчезнетъ опасность быть схваченнымъ на нивѣ и уведеннымъ въ горы. Воинственность есть качество, преходящее скорѣе другихъ народныхъ свойствъ. Мордва была нѣкогда свирѣпымъ народомъ, а теперь это народъ чрезвычайно кроткій и тихій; въ нынѣшнихъ литовцахъ нельзя отыскать жестокости и страсти къ грабежамъ ихъ предковъ XIII вѣка; крымскіе татары еще не такъ давно были страхомъ Россіи и Польши, но въ одно столѣтіе измѣнились. Конечно, есть такія черты, которыя общи всему племени славянскому, но не воинственность, не любовь къ земледѣ-

лію и не самозванцы. Существенныя черты, составляющія то, что называется народнымъ или племеннымъ характеромъ вообще—не занятія народа, не образъ его жизни общественной и семейной, даже не нравы: съ измѣненіемъ всего этого характеръ отражается въ новыхъ формахъ, какъ отражался въ прежнихъ; это—своеобразный пріемъ, съ которымъ народъ совершаетъ теченіе своей жизни, пріемъ, переживающій разные періоды, и потому-то болѣе всего можетъ онъ назваться народнымъ достояніемъ. Конечно, не вѣченъ и онъ, потому что самъ народъ не вѣченъ. Такимъ образомъ, прослѣдя историческую жизнь славянскаго племени въ его судьбахъ и наблюдая ее въ наибольшей суммѣ явленій частнаго быта, можно сказать, что Славяне преимущественно устроивали свою жизнь по движеніямъ чувства, избѣгая предначертанности въ дѣйствіи, сковывающей чувство, и отсюда такая неулегаемость явленій славянской жизни въ рамки научной системы, такая неуловимость побужденій, изъ которыхъ возникали эти явленія, такая неопредѣлительность укладовъ славянской гражданственности, такіе противорѣчивые примѣры всеобщаго одушевленія массъ и скоро замѣняющей его всеобщей апатіи, такая приверженность къ своенароднымъ обычаямъ и такое легкое и скорое увлеченіе чужимъ, такое поклоненіе правдѣ и добродѣтели, и вмѣстѣ отсутствіе положительной законности, сознаніе роднаго въ разрозненныхъ, отрѣзанныхъ другъ отъ друга племенныхъ вѣтвяхъ, при различіи странъ и климатовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ неумѣнье создать собственными силами централизованное государственное тѣло. Исторія не знаетъ государства славянскаго, основаннаго собственными силами, государства ни въ смыслѣ западно-европейской легальности, ни въ безсмысліи восточно-азіатскаго деспотизма. Гегель справедливо призналъ за Славянами эту несостоятельность и указалъ на необходимость нѣмецкихъ няпекъ для славянскаго государства. Россія организовалась въ централизованное государство подъ вліяніемъ чуждымъ—татарскимъ, византійскимъ, нѣмецкимъ, а не на славянскихъ началахъ, и даже въ настоящее время, какъ государство, она сильна и могуча потому, что въ ней не ослабѣваетъ введенное Петромъ Великимъ нѣмецкое начало и вліяніе нѣмецкаго элемента: будущему историку Россіи предстоитъ показать всю важность присоединенной къ Россіи Ливоніи для поддержки нашей государственной жизни постояннымъ,

неослабнымъ движеніемъ среди насъ нѣмецкой крови и нѣмецкаго духа. Польша хотя и носила названіе королевства, но ни монархія, ни республика въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаетъ эти виды развитая на романской и германской почвѣ цивилизація, не привились къ ней—и нѣмецъ Шлоссеръ справедливо, съ своей западной точки зрѣнія, въ исторіи XVIII вѣка покрываетъ Польшу тѣнью своего презрѣнія; въ ней все для западнаго человѣка не на мѣстѣ: король не государь, аристократія демократична, демократія аристократична, чужое дѣлается своимъ, свое чужимъ, слабость въ силѣ, сила въ паденіи... Но за то у Славянъ, при несознаніи государственныхъ началъ, болѣе сознанія народнаго и племеннаго единства, чѣмъ у другихъ племенъ; государства славянскія было легко потрясть, но когда затрогивали народную святыню, вставала вся Польша какъ одинъ человѣкъ и выгоняла Шведовъ, вставала Россія и выгоняла Поляковъ и Французовъ. Триста лѣтъ удѣльныхъ смутъ не разорвали единства русскаго народа; Новгородъ и Псковъ съ плачемъ простились съ своими вѣчевыми колоколами ради этого единства; для него пожертвовала Украйна своею казацкою волею; въ Червонной Руси и теперь остается нравственное тяготѣніе къ Русскому народу, а занимающаяся заря всеславянскаго братства уже порождала стремленіе искать обширнѣйшаго взаимнаго тяготѣнія одноплеменныхъ народовъ на Пражскомъ съѣздѣ 1848 года. Пора развитія славянскихъ государственныхъ началъ еще не пришла, высокое, крѣпкое дерево не скоро растетъ, и расти ему мѣшали: вотъ характеръ славянства.

Мы отклонились отъ нашего предмета, чтобъ показать, что не въ воинственности, не въ земледѣліи и не въ самозванцахъ можемъ мы узнавать нашихъ братьевъ; да о такихъ братьяхъ, которые говорятъ по турецки, здѣсь и рѣчи быть не можетъ.

Г. Ламанскій не ограничивается указаніемъ Славянъ въ Малой Азіи, но приводитъ множество свидѣтельствъ въ доказательство того, что Славяне, и особенно Русскіе, находились въ сношеніяхъ съ востокомъ вообще, съ Крымомъ, Персіею, Хазарами, Хивою, и проч. Кажется, эти любопытныя извѣстія были бы умѣстнѣе, еслибъ составляли особую статью въ сочиненіи, а не присоединялись бы къ изслѣдованію о Славянахъ въ Малой Азіи, потому что такимъ образомъ они нарушаютъ цѣлость и отвлекаютъ вниманіе чи-

тателя. Едва ли удовлетворителенъ при этомъ методъ сближенія событій различныхъ вѣковъ, когда сходство между ними часто случайное. Такъ напримѣръ, говоря о сношеніяхъ съ Половцами, авторъ отступаетъ отъ своего разсказа и приводитъ разные случаи побѣговъ Русскихъ въ позднѣйшія времена и даже въ наше время въ Персію, Хиву, Бухару, Туркестанъ; все это дѣлается съ тѣмъ, чтобъ пояснить читателю побѣги къ Половцамъ; на самомъ же дѣлѣ изъ самыхъ побѣговъ къ Половцамъ исторически извѣстенъ одинъ— побѣгъ одной княгини къ половецкому хану (стр. 65).

Г. Ламанскій доказываетъ, что въ древности Русскіе имѣли поселенія на Дону и доставали тамъ серебряную руду: открытіе чрезвычайно важное, но, къ сожалѣнію, историки не дали г. Ламанскому возможности осилить его непреложными доказательствами. Авторъ руководствуется Ибнъ-Батутою, арабскимъ путешественникомъ XIV вѣка, посѣщавшимъ хана Узбека въ кипчакскомъ царствѣ. Онъ ѣхалъ изъ города Haddj Terkhan'а въ Константинополь, сопровождая одну изъ хатунъ (женъ) хана Узбека. Изъ Haddj Terkhan'а, который г. Ламанскій, слѣдуя французскому переводчику, почитаетъ Астраханью, Ибнъ-Батута отправился въ Окакъ, богатый городъ, лежащій въ холодномъ климатѣ. Между Окакомъ и городомъ Сера, столицею хана, десять дней пути. Въ разстояніе одного дня пути отъ Окака находятся русскія горы. Руссы—народъ съ рыжими волосами и съ голубыми глазами, дурнымъ лицомъ и хитрымъ нравомъ, добываютъ въ этихъ горахъ серебро и приносятъ продавать куски его, вѣсомъ по пяти унцій каждый, а на вырученную сумму покупаютъ что имъ нужно. Выѣхавши изъ Окака, путешественникъ черезъ десять дней прибылъ въ Сордакъ, лежащій въ пространной равнинѣ Кипчака на берегу моря, и портъ его одинъ изъ самыхъ большихъ и красивыхъ портовъ; около него рѣки и сады.

По мнѣнію г. Ламанскаго, Окака слѣдуетъ искать гдѣ-нибудь по близости донецкаго кряжа, гдѣ находятъ серебристый свинцовый блескъ, а городъ Сордакъ въ Крыму—нынѣшній Судакъ. Г. Ламанскій говоритъ, что въ свинцѣ, находимомъ по р. Нагольной, въ двухъ съ половиной пудахъ добываются три золотника серебра. Но самъ г. Ламанскій не скрылъ слѣдующихъ строкъ французскаго инженера Леплэ въ изслѣдованіяхъ каменно-угольнаго донецкаго бассейна, произведенныхъ имъ по распоряженію А. Н. Демидова. «Наблюде-

нія не даютъ никакого повода думать, чтобъ формаціи донецкаго кряжа были богаты металлами или рудами; кромѣ желѣзной руды, здѣсь открыты только признаки свинцоваго блеска. Этотъ минералъ находится въ квасцовыхъ прожилкахъ, въ псаммитѣ, близь Нагольной, на рѣчкѣ, составляющей притокъ Міуса и также называющейся Нагольною. Систематическія изслѣдованія, производенныя горными инженерами, убѣдили, что означенная руда встрѣчается здѣсь въ столь маломъ количествѣ и такъ бѣдна серебромъ, что не можетъ быть предметомъ выгодной разработки.» Не смотря на это свидѣтельство инженера, г. Ламанскій, судя по сообщеннымъ ему изустнымъ свѣдѣніямъ о благонадежности металлоносныхъ жилъ донецкаго кряжа, полагаетъ, что въ древнѣйшія времена, напр. при Массуди, Марко-Поло, Ибнъ-Батутѣ, свинцовая руда не была такъ бѣдна серебромъ, какъ въ настоящее время. Но дѣло въ томъ, что самое сказаніе Ибнъ-Батуты заключаетъ въ себѣ очевидныя невѣрности. Еще почтенный нашъ оріенталистъ Френъ опредѣлялъ мѣстоположеніе Окака на Волгѣ, близь нынѣшняго Саратова. Мнѣніе Френа подтверждается множествомъ мѣдныхъ и значительнымъ количествомъ серебряныхъ татарскихъ монетъ, находимыхъ въ двѣнадцати верстахъ ниже Саратова, близь сельца Устьнабережнаго Увѣка. На нѣкоторыхъ изъ этихъ монетъ вычеканено: бита въ Окакѣ или Укакѣ. На этомъ мѣстѣ все говорятъ о нахожденіи нѣкогда большаго города: линія валовъ цитадели, основанія кирпичныхъ зданій, обломки разноцвѣтныхъ татарскихъ изразцовъ и глиняныхъ сосудовъ, наконецъ множество разныхъ домашнихъ вещей и украшеній. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, пространствомъ этого замѣчательнаго городища владѣлъ одинъ помѣщикъ, собравшій значительный запасъ разнаго рода древностей въ своемъ имѣніи. Онъ не производилъ раскопокъ, ему приносили археологическія драгоцѣнности деревенскія дѣти, собиравшія ихъ на поверхности земли, и такимъ дешевымъ способомъ владѣлецъ нажилъ себѣ порядочный археологическій и нумизматическій музеумъ. Можно себѣ представить богатство, которое ожидало бы археологію, еслибъ на Окакскую почву обратили вниманіе. Но всего того, что собрано, достаточно, чтобъ не сомнѣваться въ нахожденіи близь села Увѣка на Волгѣ древняго татарскаго города, а надписи на монетахъ заставляютъ думать, что этотъ городъ былъ именно Окакъ, Укакъ или

Укекъ. Народное преданіе съ давнихъ временъ сохранило память о древнемъ Укекѣ на этомъ самомъ мѣстѣ. Если бы были разобраны всѣ монеты, найденныя въ Увѣкѣ, тогда бы можетъ быть открылось, какъ давно основанъ былъ этотъ городъ и не существовалъ ли онъ еще до пришествія Монголовъ. Но соглашая мѣстоположеніе Окака на Волгѣ съ путешествіемъ Ибнъ-Батуты и принимая Сордакъ за Судакъ, откроется, что Ибнъ-Батутѣ вовсе не-зачѣмъ было подыматься по Волгѣ верстъ около тысячи вверхъ. Г. Ламанскій, видя эту несообразность, переноситъ Окакъ непремѣнно на Донъ и говоритъ: «Позволяемъ себѣ не согласиться съ мнѣніемъ глубоко уважаемаго нами ученаго (Френа) о мѣстоположеніи г. Окака.» Напрасно! скажемъ мы г. Ламанскому. Дай Богъ, чтобы мѣстоположеніе множества нашихъ городовъ было опредѣлено съ такою вѣрностью, какъ мѣстоположеніе этого татарскаго города, и если бъ возможно было такъ легко ихъ опредѣлить! Впрочемъ г. Ламанскому и нѣтъ нужды безпокоить прахъ почтеннаго оріенталиста недовѣріемъ. Оставя въ покоѣ приволжскій Укекъ или Окакъ съ его древностями, на поверхности земли представляющими письменныя свидѣтельства о его существованіи, и съ его монетнымъ дворомъ, котораго остатки можетъ быть сохранились въ одномъ укрѣпленномъ четвероугольникѣ, развѣ нельзя предположить другаго Окака поближе къ цѣли? Развѣ у насъ не было нѣсколькихъ Бѣлгородовъ, Переяславовъ, Новгородовъ, Звенигородовъ? Почему жъ и во владѣніяхъ Узбека не быть двумъ Окакамъ? Ибнъ-Батута не былъ въ приволжскомъ Окакѣ; даже и тогда, когда ѣздилъ въ Булгаръ, не упомянулъ о немъ, хотя ужъ вѣрно проплылъ мимо него, если не полюбопытствовалъ завернуть туда. Ибнъ-Батута говоритъ объ Окакѣ, расказывая о пути въ Константинополь: слѣдовательно онъ былъ въ Окакѣ, да не въ томъ, а въ другомъ. Но вотъ что̀: самый Сордакъ не похожъ на Судакъ. Сордакъ лежитъ на равнинѣ, а развѣ Судакъ на равнинѣ? Около Сордака рѣки, а гдѣ жъ рѣки около Судака? Слѣдовательно Ибнъ-Батута ошибся. Да какъ же онъ ошибся, указывая равнины, около города, гдѣ самъ былъ, когда около этого города не равнины, а горы? Слѣдовательно Ибнъ-Батута представляетъ невѣрныя черты и о такихъ мѣстахъ, гдѣ самъ былъ? И такъ, Ибнъ-Батутѣ вѣрить нельзя. А когда нельзя вѣрить ему въ томъ, что̀ онъ говоритъ о Сордакѣ, то столь же мало заслуживаетъ онъ довѣрія и относительно

Окака, и наконецъ его сказаніе о серебрѣ также не можетъ быть принято за достовѣрное. Кажется, выводъ простъ и логиченъ. А потому, какъ бы намъ ни хотѣлось, чтобъ Русскіе добывали серебро въ донецкомъ кряжѣ, да что́ же дѣлать, когда его тамъ нѣтъ и не было, и Русскіе никогда его тамъ не добывали! Придется разстаться съ донецкимъ серебромъ и ограничиться сибирскимъ, а это тѣмъ прискорбнѣе, что и послѣдняго очень мало.

Въ концѣ своего изслѣдованія о Славянахъ въ Малой Азіи авторъ останавливается на Генетахъ, народѣ, упоминаемомъ въ Малой Азіи во времена Омира, и доказываетъ ихъ единство съ Венетами адріатическими и оба народа считаетъ за Славянъ. Онъ превосходно доказываетъ, что въ древнемъ мірѣ существовало преданіе о происхожденіи адріатическихъ Венетовъ отъ пафлагонскихъ; а чтобъ доказать славянство тѣхъ и другихъ, ему помогаютъ: 1) свидѣтельство паннонскаго житія св. Климента, гдѣ говорится, что Славяне рукою Александра македонскаго съ Олимпа, что́ подлѣ Бруссы, откинуты были къ Сѣверному Океану и Ледовитому морю; потомъ, спустя довольно продолжительное время, перешли Истръ (Дунай) и заняли сосѣднія земли Паннонію, Далмацію, Ѳракію и Иллирикъ и большую часть Македоніи и Ѳессаліи; 2) названія городовъ въ Пафлагоніи: Κιος, напоминающій Кіевъ, Либусса, напоминающая Любушу, мѣстности Ζαγορον, напоминающія Загорье. Страбонъ, правда, признаетъ Венетовъ адріатическимъ народомъ кельтскимъ, но въ другомъ мѣстѣ объясняетъ, что Венеты были отличны отъ Кельтовъ по образу жизни, нравамъ и языку. Если присоединить къ этому названія Тергесте (что́ звучитъ подобіемъ съ словомъ «торгъ»), Плависъ (р. Пьява), Тимаву (р. Тимава), т. е. тьмавая, аквилейскій городъ Gradus, т. е. градъ, тогда ничто не препятствуетъ видѣть въ нихъ Славянъ. Г. Ламанскій однако не рѣшается признать ихъ Славянами, изъ уваженія къ авторитету Шафарика, который ихъ не признавалъ достойными этой чести. Да позволитъ намъ г. Ламанскій быть къ нему довѣрчивѣе, чѣмъ онъ къ самому себѣ. Его доказательства чрезвычайно убѣдительны; изъ нихъ совершенно ясно видно, что адріатическіе Венеты *могли* быть Славяне: такимъ образомъ опровергается предположеніе, что они ни въ какомъ случаѣ не были ими!

Въ главѣ о Славянахъ въ Африкѣ авторъ собственно не ищетъ

славянскихъ поселеній въ Африкѣ, кромѣ того что полагаетъ нѣкоторое количество Славянъ, вошедшихъ въ эту страну съ Вандалами. Г. Ламанскій указываетъ только на нѣкоторыя свидѣтельства арабскихъ писателей, упоминающихъ о пребываніи въ Африкѣ отдѣльныхъ лицъ славянскаго происхожденія и излагаетъ сношенія Дубровника (Рагузской республики) съ Африкою. Между прочимъ онъ приводитъ доказательства того, что славянскій языкъ былъ въ чести при дворѣ оттомановъ.—Переходя къ Славянамъ въ Испаніи, г. Ламанскій не соглашается съ слѣдующимъ мнѣніемъ извѣстнаго оріенталиста Рено: писатели арабскіе всѣмъ арабамъ нѣмецкимъ и славянскимъ приписываютъ славянское происхожденіе и даютъ имъ общее названіе «саклаби,» откуда по всей вѣроятности произошло наше слово ésclave. Большая часть гвардіи эмировъ и халифовъ кордовскихъ состояла изъ «саклаби» (de saclabis, во множ. сакалиба). Много этихъ «сакалиба» было у Сарацынъ сицилійскихъ, именно въ Палермо, гдѣ цѣлый кварталъ носилъ ихъ имя. Такъ надо объяснять многочисленныя мѣста арабскихъ лѣтописей, гдѣ упоминаются Сакалиба (des saclabis), и которыя иначе остались бы непонятными. По мнѣнію Рено и другихъ оріенталистовъ, Славяне проникали въ Испанію черезъ Франковъ, какъ рабы и плѣнники. Г. Ламанскій не раздѣляетъ такого мнѣнія: Славяне не могли такъ легко сдаваться въ плѣнъ Франкамъ въ огромномъ количествѣ. У арабскаго писателя XVII вѣка Аль-Макари есть извѣстіе о дворцовомъ евнухѣ одного халифа первой половины XI вѣка, Габибѣ, родомъ Славянинѣ, написавшемъ на арабскомъ языкѣ книгу: «Ясныя и побѣдоносныя доказательства противъ тѣхъ, которые отрицаютъ превосходныя качества Славянъ.» Другой Славянинъ Фатинъ не имѣлъ себѣ соперника въ знаніи арабскаго языка. Эти извѣстія побудили г. Ламанскаго заявить предположеніе въ добровольномъ переходѣ къ Арабамъ въ Испанію охочихъ вольныхъ и гулящихъ Славянъ, ибо если-бъ Славяне были малочисленны въ Испаніи и только одни рабы или евнухи, то нельзя бы было указывать Арабамъ на то, что Славяне, жившіе въ Испаніи, занимались литературою и науками и имѣли писателей весьма замѣчательныхъ; еслибъ ихъ было мало, то ихъ никто бы не замѣтилъ, и если бъ они были только рабы и евнухи, то, попадая въ Испанію юношами и мальчиками, они легко должны были за-

бывать свой родной языкъ, скоро утрачивать свою народность, и тогда нѣтъ удивительнаго и даже заслуживающаго вниманія въ томъ, что такіе-то Славяне писали по-арабски и упражнялись въ разныхъ родахъ литературы. Притомъ же, если бъ въ Славянахъ испанскихъ не жило чувство народной гордости, то не было бы возможно явленіе Габиба, такого славянина-историка, который поставилъ себѣ задачею сохранить на память вѣкамъ позднѣйшимъ дѣла и подвиги своихъ единоплеменниковъ. По мнѣнію г. Ламанскаго, явленіе Габиба легко и просто объясняется многочисленностью Славянъ въ Испаніи и ихъ положеніемъ въ ней, которое, въ свою очередь, необходимо указываетъ на эту многочисленность. Затѣмъ г. Ламанскій приводитъ въ послѣдовательномъ порядкѣ изъ сочиненія Альмакари мѣста, доказывающія какъ многочисленность, такъ еще болѣе важность значенія Славянъ въ Испаніи. Уже Славяне являются не только въ рядахъ дворцовой гвардіи, но два изъ нихъ Джафаръ, а потомъ Води съ помощью Славянъ производили дворцовые перевороты и сдѣлались визирями (гаджибабами). Впрочемъ г. Ламанскій не привелъ достаточныхъ доказательствъ, что Води былъ славянскаго происхожденія. Далѣе, въ періодъ безпорядковъ и смутъ, среди которыхъ, при безпрестанныхъ низверженіяхъ халифовъ и появленіи на ихъ мѣстахъ новыхъ лицъ, въ Испаніи образовывались отдѣльныя государства, которыя, не имѣя твердой почвы, такъ же скоро исчезали и смѣнялись другими, какъ возникали, Славяне являются владѣтелями такихъ государствъ. Хайранъ и преемникъ его Зогафъ царствуютъ въ Альмеріи въ южной полосѣ Испаніи, другой владѣтель Моджегидъ утверждается на Балеарскихъ островахъ. Но славянское происхожденіе этихъ лицъ у г. Ламанскаго также требуетъ болѣе твердыхъ основаній; изъ приведенныхъ имъ мѣстъ можно только видѣть, что въ массахъ, которыми они располагали, были славяне; но были ли они сами Славяне родомъ, указанія на это очень темны. Во всякомъ случаѣ заслуга г. Ламанскаго здѣсь состоитъ въ томъ, что онъ указалъ на существованіе Славянъ въ испанскомъ халифатѣ и на участіе ихъ въ тамошнихъ переворотахъ. Задавая вопросъ, какими путями вошли Славяне въ сферу политической жизни Испаніи, г. Ламанскій допускаетъ, что они поступали туда какъ рабы, но вмѣстѣ съ тѣмъ думаетъ, что появленіе ихъ въ Испаніи возникло

вслѣдствіе знакомства Арабовъ съ Славянами въ Азіи, и потомъ Славянское народонаселеніе могло прибывать, вмѣстѣ съ Норманнами, опустошавшими берега западной Европы. Авторъ допускаетъ, что въ рядахъ Норманновъ могли быть прибалтійскіе Славяне, вопреки мнѣнію академика Куника, отрицавшаго это участіе. Относительно послѣдняго надобно сказать, что участія прибалтійскихъ Славянъ невозможно ни отрицать, ни принимать, потому что на это нѣтъ прямыхъ историческихъ свидѣтельствъ. Впрочемъ г. Ламанскій отлагаетъ до другаго времени приведеніе подробныхъ доказательствъ въ пользу того положенія, что вслѣдствіе непрерывныхъ и давнишнихъ связей Славянъ съ Датчанами, въ походахъ Норманновъ на нынѣшнюю Францію участвовали и Славяне.

Далѣе г. Ламанскій говоритъ о сношеніяхъ Дубровника (Рагузы) съ Испаніею. Мы не станемъ выписывать эти мѣста, совѣтуя тѣмъ, которымъ будетъ любопытно познакомиться съ этою интересною страною, прочитать живое и богатое малоизвѣстными у насъ свѣдѣніями изложеніе этого предмета въ книгѣ г. Ламанскаго. Вообще исторія и внутренній бытъ Дубровника стоитъ того, чтобъ обратить на него особое вниманіе, и очень было бы желательно, если бъ ученый съ такимъ дарованіемъ, какъ г. Ламанскій, принялъ на себя этотъ трудъ.

Изъ приложеній, находящихся въ книгѣ г. Ламанскаго, особенно интересно его разсужденіе о названіи Русь. Основываясь преимущественно на свидѣтельствѣ венгерскаго историка Нотарія Белы и нѣмецкаго Виппо, г. Ламанскій опровергаетъ мнѣніе г. Куника, хотѣвшаго доказать, что слово Русь занесено къ намъ единственно изъ Швеціи, и въ свою очередь доказываетъ, что названіе Русь издревле было присуще карпатскимъ жителямъ. Мы не станемъ повторять здѣсь всей процедуры его доказательствъ, предоставляя читателямъ познакомиться съ изслѣдованіями автора, но не можемъ не замѣтить, что г. Ламанскій съ своей стороны также нѣсколько увлекся въ область предположеній, не поясняющихъ вопроса. Онъ признаетъ Русь, будто бы находившуюся въ Швеціи подъ именемъ Rodsen, тоже Славянскою колоніею, не приводя на то никакихъ несомнѣнныхъ свидѣтельствъ. По его мнѣнію, слово Русь есть слово славянское, а такъ какъ по слѣдамъ Куника г. Ламанскій видитъ въ Шведскихъ Rods'ахъ Русь, то и полагаетъ, что

если славянское слово зашло къ Скандинавамъ, то вѣроятно съ нимъ зашло и славянское племя и поселилось въ Швеціи. Это-то племя и призвали Русскіе Славяне. Въ подтвержденіе своей гипотезы, г. Ламанскій приводитъ нѣсколько извѣстій о мирныхъ и враждебныхъ сношеніяхъ Славянъ съ Шведами въ разныя времена. Выраженіе въ нашей лѣтописи «пояша по себѣ всю Русь» убѣждаетъ его еще болѣе въ этомъ: вѣрно Руси было такъ мало, когда ее всю можно было привести въ нынѣшнюю Русь. Славянское происхожденіе слова Русь ни г. Ламанскимъ, ни кѣмъ-либо другимъ прежде его не доказано; созвучныхъ этому слову названій чрезвычайное множество въ разныхъ краяхъ Славянскихъ и неславянскихъ, и основываться на такихъ созвучіяхъ, безъ историческихъ свидѣтельствъ, невозможно. Нужно только найти слово, въ которомъ есть буквы р и с, отдѣленныя какою-нибудь гласною и даже согласною и гласною—и непремѣнно найдете тамъ аналогію съ нашей Русью! А такихъ словъ вѣрно можно отыскать во всѣхъ языкахъ земнаго шара. Если признавать, что наши Руссы вышли изъ Швеціи, на томъ единственно основаніи, что въ Швеціи было названіе Rods, то почему же не выводить ихъ и съ острова Родоса? Даже по нашему мнѣнію, послѣднее основательнѣе. Хотя лѣтописецъ и не говоритъ, что они оттуда вышли, за то по крайней мѣрѣ не говоритъ, что они оттуда не выходили; а о Швеціи онъ сказалъ именно послѣднее, отличивши Свеевъ (Свое) отъ Руси словомъ «друзіи», т. е. тѣ, которыхъ Славяне и Финны призывали. Чудные, право, эти господа восточные историки! Чрезвычайно услужливый народъ: на нихъ опираясь, можно доказывать и скандинавство, и славянство, и турецство, и финнство Руссовъ! А едва ли эти Русы, или чаще Расы, у арабскихъ писателей не просто жители береговъ рѣки Раса (Ра), т. е. поволжскіе, и тѣ бурлаки, которыхъ намъ описалъ такъ наглядно и занимательно Ибнъ-Фоцланъ, едвали не были какая-нибудь Мордва; по крайней мѣрѣ вѣдь причисляютъ же арабскіе писатели къ Руссамъ Эрзіанъ, а Эрзіане или Эрзя и теперь называется мордовское племя.

Въ заключеніе остается намъ пожелать, чтобъ почтенный изслѣдователь, обладающій такой ученостью и такимъ даромъ изложенія, захотѣлъ посвятить свой трудъ предмету болѣе благодарному и болѣе для всѣхъ занимательному, вмѣсто того, чтобъ охотиться за Сла-

вяками въ непроходимыхъ дебряхъ восточныхъ историковъ. Тѣмъ болѣе въ правѣ мы ожидать отъ него прекрасныхъ плодовъ, что настоящій трудъ у него сдѣлался во многихъ отношеніяхъ полезнымъ для науки, тогда какъ подъ другимъ перомъ остался бы совершенно безплоднымъ и лишнимъ. Г. Ламанскій показалъ намъ, что дѣйствительно Славяне въ старину были въ Малой Азіи, Африкѣ и Испаніи, и тѣмъ самымъ расширилъ кругъ историческаго значенія нашего племени въ старыя времена; только лѣнивое легкомысліе можетъ отвергнуть всякое достоинство книги г. Ламанскаго.

Н. Костомаровъ.

СПОРЪ УЧЕНЫХЪ О КРѢПОСТНОМЪ ПРАВѢ.

Скудны преданія о томъ, когда и какъ послѣдовало прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ разныхъ владѣльцевъ. Сомнѣніе или остроуміе ученыхъ отвергаетъ самыя эти преданія.

Недавно, обновляя намеки Карамзина въ этомъ смыслѣ, г. Погодинъ старался дать новый видъ вышесказанному вопросу. Соображенія его можно раздѣлить на отрицательныя и положительныя.

Отрицательные доводы. Изъ государственныхъ узаконеній, служащихъ основаніемъ общепринятому мнѣнію, г. Погодинъ отрицаетъ существованіе перваго (1592 года) и подлинность послѣдняго (1607 г.); объ указахъ же 1597, 1601, 1602 и о приговорѣ 1606 годовъ полагаетъ, что они «не имѣютъ никакого отношенія къ крѣпостному праву и значатъ совсѣмъ иное», т. е. указъ 1597 года опредѣляетъ только законную давность иска о бѣглыхъ, а прочіе указы и приговоръ—временныя распоряженія о переводѣ крестьянъ отъ одного владѣльца къ другому, и о бѣжавшихъ въ голодное время.

Г. Костомаровъ разобралъ подробно, съ отмѣнною ясностію, эти отрицанія. Всѣ читали его объясненія: повторять ихъ здѣсь не нужно.

Скажемъ вообще: въ смутный періодъ Исторіи (который можно бы начинать съ Ѳеодора Іоанновича, потому что на престолѣ былъ уже только призракъ царскій, правилъ же другой), сложился, а

потомъ все болѣе затягивался узелъ крѣпостнаго права прекращеніемъ вольнаго выхода крестьянъ. Роковое время это двадцатилѣтіе, считая съ 1592 года (на который наводятъ указъ 1597 г. и прочія частныя разрѣшенія, свидѣтельствующія о запрещеніи общемъ) по 1611-й годъ, когда сохраненіе крѣпостной зависимости вмѣняется уже въ непремѣнное условіе шведскому королевичу, призываемому на престолъ Русскій!

Позволимъ же себѣ сгруппировать приводимые здѣсь документы такимъ образомъ: съ одной стороны указъ 1607 года, съ другой—прочіе указы. Первый содержитъ въ себѣ перечень, исторію послѣднихъ, а эти служатъ ему какъ бы оправданіемъ. Будь одно безъ другаго, можно бы еще было изъявлять сомнѣніе, недоумѣвать, спорить. Справедливо дорожилъ Татищевъ указомъ 1607 г. И вотъ, противъ этого именно указа и противъ Татищева (за то, что онъ сообщилъ его, сохранилъ потомству), г. Погодинъ направилъ главныя свои возраженія. Указъ, по мнѣнію его, подложный: 1) его нѣтъ въ извѣстныхъ намъ сборникахъ; 2) выраженія его отзываются подделкой; 3) въ контекстѣ его—явныя противорѣчія.

Но кому неизвѣстна жалкая судьба рукописей и некритическое съ ними обращеніе даже въ позднѣйшее время? Всего опаснѣе для нихъ—пора разсвѣта, когда начинаютъ ими интересоваться, но еще не знаютъ какъ приступить къ дѣлу, или же вовсе не берегутъ ихъ и теряютъ. При Императрицѣ Екатеринѣ II, въ слѣдствіе записки гр. Мусина-Пушкина, свезены были въ Петербургъ, изъ монастырей, разныя славянскія рукописи, которыя велѣно внесть въ Кабинетъ Ея Величества, гдѣ онѣ долго лежали, за недосугомъ. Преемникъ Ея приказалъ возвратить ихъ на прежнія мѣста. Приступлено тотчасъ къ исполненію: наняты извощики, и хотя то было въ великій постъ, въ самую страшную грязь и распутицу, эти ненужныя казнѣ бумаги отправлены «въ коробахъ», и развезены по указу; но въ какомъ видѣ, въ полной ли наличности, и туда-ли куда слѣдовало.... о томъ знаетъ Богъ! Сколько письменныхъ сокровищъ погибло въ пожарѣ Москвы 1812 года! Сколько погибло ихъ прежде, въ междуцарствіе, и при другихъ случаяхъ, посѣщавшихъ землю Русскую!—Татищевъ, сообщая указъ 1607 года, не объяснилъ критически достоинство того источника, откуда заимствовалъ его; но вѣдь точно такъ же поступлено и со многими дру-

гими свѣдѣніями и документами. Самъ г. Погодинъ догадывается, что у Татищева могли быть рукописи, которыя не дошли до насъ.

Что же касается неканоническихъ выраженій въ указѣ, то г. Костомаровъ достаточно ослабилъ этотъ доводъ скептиковъ, объяснивъ, что въ выраженіяхъ сихъ нѣтъ ничего страннаго (*), да и повода не имѣется предполагать, чтобы искусный «сочинитель» указа далъ поймать себя па словахъ и выраженіяхъ, къ которымъ, во всякомъ случаѣ, легко поддѣлаться: горшки не боги обжигаютъ.

Самый сильный доводъ—явныя противорѣчія, которыхъ «при толковитости старинной администраціи, въ оффиціальной бумагѣ», быть не могло. Какъ же, въ самомъ дѣлѣ? Сперва осуждается Борисъ за прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, а потомъ то же крѣпостное право утверждается тѣмъ же указомъ! Обвиненіе тяжкое, и прямо бьетъ въ глаза. Здѣсь, г. Костомаровъ, хотя и защищался, но защищался слабо, и спасая указъ, спасъ его, можно сказать, собственною его нелѣпостію, допустивъ, что толковитости и въ старину у приказныхъ не было. «Въ указѣ двѣ части, докладъ и постановленіе; докладъ изготовленъ былъ въ такомъ то смыслѣ, постановленіе выпало въ другомъ: о согласованіи частей—не позаботились». Правду сказать, отъ такой защиты не поздоровится, хотя бы и указу Шуйскаго.

(*) Возраженія г. Бѣляева, въ статьѣ его очень дѣльной, погрѣшающей лишь произволомъ выводовъ (Русская Бесѣда 1859, III, 72), опровергнуть не трудно. Онъ полагаетъ, что указъ (1607) «сочиненъ кѣмъ то въ началѣ XVIII вѣка и прямо по указамъ Петра I, потому что: 1) указъ смѣшиваетъ крестьянъ съ холопами». Отвѣтствуемъ: сопоставляетъ ихъ не въ отношеніи правъ, а въ томъ, что они имѣютъ между собою общаго; бѣгство крестьянина, приписаннаго къ землѣ, и холопа, записаннаго въ крѣпость, ведетъ къ сыску и возвращенію того и другаго, и только». 2) Указъ повелѣваетъ сыщикамъ навѣдываться чрезъ сотскихъ и священниковъ, нѣтъ ли пришлыхъ вновь людей», а отвѣтственность «сотскихъ» въ такихъ случаяхъ, по замѣчанію г. Бѣляева, категорически выражена въ узаконеніяхъ Петра. Пусть такъ; но одно другому не мѣшаетъ. Позже, наблюденіе за бѣглыми прямо поручено, подъ страхомъ наказанія, сотскимъ; при Шуйскомъ, сыщики должны были обращаться не только къ нимъ, но и къ мѣстнымъ священникамъ, какъ къ людямъ знающимъ, для справокъ, не болѣе». 3) Въ указѣ, духовныя имѣнія поставлены рядомъ съ казенными, а они въ XVI вѣкѣ считались наравнѣ съ частными». Но вѣдь въ указѣ 1601 года, духовныя, казенныя и частныя имѣнія упоминаются вмѣстѣ и рядомъ. Слѣдовательно, все это—не доказательства.

Мы, съ своей стороны, полагаемъ, что никакого противорѣчія въ этомъ указѣ 1607 года нѣтъ, и представимъ свои доводы.

Уясните себѣ напередъ слѣдующія историческія положенія: а) Годуновъ и Шуйскій дѣйствуютъ въ духѣ одинъ другому противоположномъ; б) Годуновъ, человѣкъ случайный, продолжая политику Іоанна, къ которой успѣлъ приглядѣться, благоволитъ людямъ средней статьи; Шуйскій, знатный бояринъ, мирволитъ знати богатой; в) въ государственномъ правѣ эпохи господствуютъ то̀ общее правило, то̀ исключенія (привилегіи), которыя окончательно замѣняются опять общимъ правиломъ (неволей); г) перемѣны совершаются въ пользу владѣльческаго класса; народъ, во всякомъ случаѣ, служитъ жертвою или жертвенникомъ.

Указъ начинается общимъ мѣстомъ. Бояре докладываютъ: «переходомъ крестьянъ причинились немощнымъ отъ сильныхъ великія насилія, чего при Іоаннѣ не было, потому что крестьяне выходъ имѣли вольный». Казалось бы противорѣчіе: переходъ то̀ родитъ, то̀ устраняетъ насилія. Но здѣсь, очевидно, «переходомъ», выраженіе эллиптическое, означается переходъ *ограниченный*, именно такой, какой имѣли передъ собою бояре-докладчики. Они съ удовольствіемъ вспоминаютъ о завѣтномъ общемъ правилѣ, о вольномъ переходѣ Іоаннова времени, когда сами могли, по волѣ и усмотрѣнію, населять пространныя свои вотчины, въ ущербъ мелкимъ владѣльцамъ; это имъ нравилось. И вотъ, наговорщикъ Борисъ заказалъ выходъ крестьянамъ: замѣтьте, *не слушая* «старѣйшихъ» бояръ, вопреки имъ и ихъ выгодамъ. Люди помельче выиграли тѣмъ, что, не боясь перевѣса богатыхъ, спокойно остались каждый при своемъ. Народъ какъ бы окаменѣлъ на мѣстѣ; въ народѣ волненіе. Борисъ, уже царь, видитъ народное горе, по ему это полу-горе. Чтобъ еще болѣе угодить владѣльцамъ, имъ особенно покровительствуемымъ, и привлечь ихъ къ себѣ, онъ даетъ выходъ крестьянамъ, *да не совсѣмъ*, т. е. не всѣмъ; интересъ крестьянъ вещь не существенная. Указомъ 1601 года предоставляется нѣкоторымъ владѣльцамъ особое преимущество «возить крестьянъ промежъ себя.» Боярамъ завидно до крайности. Они, словно вступаясь за «немощныхъ», черно, но должно быть вѣрно описываютъ пагубу этой новизны, неурядицу, распри, разбои. Судьи въ недоумѣніи: а) кому дозволено, кому запрещено; разграниченія шатки, особен-

но въ примѣненіи, на дѣлѣ; б) какъ наблюсти, чтобъ за одного выходящаго крестьянина или за двухъ, брали одного или двухъ, а не трехъ или четырехъ? Система исключеній—система сложная, ненавистная боярамъ и народу! Мелкопомѣстные всѣмъ какъ спица въ глазу.—Наконецъ, Годунова не стало. Солнце красное, царь Василій Іоанновичъ утверждаетъ правило, отмѣняя привилегію: Славянскому племени она всегда несносна! Что жъ вышло? Воротиться къ тому, что было при Іоаннѣ, о томъ никто не думаетъ; вѣдь царь изъ вельможъ, народъ безгласенъ; бояре уже свыклись съ первою мѣрою Бориса, поприменились къ ея послѣдствіямъ, и требуютъ ея обобщенія. Такъ узаконяется одно безразличное, безусловное, общее крѣпостное право. Народу остается одинъ родъ протеста—бѣгство: указы о бѣглыхъ множатся безъ числа.

При толкованіи тѣхъ «учредительныхъ» указовъ XVII столѣтія, главное помнить, что всѣ они (по выраженію г. Погодина) «помѣщичьи», то есть имѣютъ въ виду владѣльцевъ той или другой статьи, а не народъ. Этою путеводною мыслію объясняется, *дополнительно*, то, что г. Костомаровъ изложилъ, толкуя затруднявшія г. Погодина слова указа 1601 года: «возити одному человѣку изъ за одного человѣка одного крестьянина или двухъ, а трехъ и четырехъ одному изъ за одного никому не возити.» Попеченіе правительства, ревнивая заботливость Бориса о мелкопомѣстныхъ доходитъ здѣсь до крайней тонкости: цѣль—оградить мелкопомѣстныхъ отъ собственнаго ихъ совмѣстничества, установить между ними родъ искусственнаго, ненарушимаго равенства, чтобъ и послѣднему изъ нихъ было хорошо. И для того,—возить поровну, сохраняя status quo въ вотчинахъ, отнюдь не усиливая населеніе однихъ на счетъ другихъ. Народу это ограниченіе вредно: при совмѣстничествѣ владѣльцевъ, народъ могъ бы получить выгоднѣйшія для себя условія, собраться тамъ, гдѣ лучше. Но указу нѣтъ дѣла до того.

Одинаковыя причины производятъ одинаковыя послѣдствія. Кстати будетъ напомнить здѣсь аналогическое явленіе.

Курляндское Рыцарство, ограждая себя, всѣхъ членовъ сословія, отъ невыгодныхъ случайностей, при увольненіи крестьянъ своихъ, постановило такое же ограниченіе. Положеніе 1817 года гласитъ: § 58. «Въ продолженіе четырнадцати лѣтъ временнаго состоянія ни одинъ помѣщикъ не имѣетъ права селить на своихъ земляхъ

способныхъ къ работѣ Курляндскихъ крестьянъ свыше того числа ихъ, которое значится, при имѣніи его, въ ревизской сказкѣ 1816 года»; § 59 (Кто поселитъ ихъ болѣе, платитъ штрафа 5 руб. ас. съ души)... «или долженъ доказать, что учинилъ сіе съ согласія помѣщика, коему тѣ крестьяне принадлежали, и что никому не произошло отъ того ущерба.» Интересъ одной стороны, опасеніе, чтобъ никто изъ владѣльцевъ *каковъ бы онъ ни былъ*, не остался безъ рабочей силы: вотъ основаніе этой мѣры Курляндскаго Рыцарства.

И образцы ея встрѣчаются, неоднократно, въ Литовскихъ узаконеніяхъ XVI вѣка, съ тою же цѣлію изданныхъ, при подобныхъ же обстоятельствахъ.

Смѣемъ думать, что эти указанія и сближенія послужатъ къ утвержденію подлинности царскихъ указовъ и справедливости общепринятаго доселѣ мнѣнія, свидѣтельствуя о сознательномъ направленіи тѣхъ указовъ къ односторонней, но опредѣленной цѣли.

Положительныя заключенія г. Погодина состоятъ въ слѣдующемъ. «Кто же былъ основателемъ крѣпостнаго права? Никто.— Кого винить въ его развитіи? Обстоятельства.—Въ Англіи, по свидѣтельству Маколея, нравственныя причины изгладили, безъ шума, различіе между господиномъ и рабомъ. Точно такъ же, въ Россіи, это различіе установилось само собою, безъ шума... Нѣтъ возможности поймать моменты водворенія у насъ рабства. Оно закралось къ намъ изъ-подтишка...Виноваты ни Борисъ, ни Іоаннъ, ни Петръ, а болѣе всего народный характеръ...»

Такой вольный, высшій взглядъ на факты можетъ имѣть свою цѣну и пользу, устраняя суевѣрное поклоненіе частностямъ, объясненіе важнѣйшихъ событій дѣйствіемъ мелкихъ, побочныхъ причинъ. Но, съ другой стороны, чрезмѣрное обобщеніе лишаетъ Исторію всякой опредѣленности: ее замѣняетъ произволъ личныхъ воззрѣній. За смѣлымъ отрицаніемъ фактовъ слѣдуетъ построеніе вѣроятностей. Подъ перомъ доктринеровъ все объясняется, *оправдывается* «обстоятельствами.» Образцы такого направленія исторической науки встрѣчаются нынѣ очень часто, между прочимъ въ приводимыхъ г. Погодинымъ отзывахъ нѣкоторыхъ новѣйшихъ писателей.

В. ПОРОШИНЪ.

Начала Политической Экономіи. Соч. И. Горлова. С-Петербургъ, 1859 г. Томъ I-й, 8°, 493 стр.

Въ нашей литературѣ довольно много отдѣльныхъ замѣчательныхъ изслѣдованій о разныхъ экономическихъ вопросахъ, имѣются и нѣкоторые учебники (1), но нѣтъ сочиненія, въ которомъ бы ясно, послѣдовательно, современно и самостоятельно были развиты законы экономической науки.

Профессоръ С.-Петербургскаго Университета, извѣстный уже своими трудами по Политической Экономіи, И. Я. Горловъ издалъ недавно *Начала Политической Экономіи*, какъ результатъ долгаго анализа, какъ плодъ многолѣтняго труда.

Въ дѣлѣ объясненія началъ Политической Экономіи дорогъ голосъ такого ученаго спеціалиста, особенно если взять во вниманіе, что еще недавно профессоръ Московскаго Университета, занимающій каѳедру Полицейскаго Права, г. *Лешковъ* замѣтилъ, что нѣтъ Политической Экономіи, какъ науки (2).

Профессоръ Горловъ подъ началами Политической Экономіи разумѣетъ теорію, естественные законы экономіи народовъ; но своей теоріи онъ не отрываетъ отъ явленій дѣйствительныхъ, напротивъ онъ даетъ ей практическое значеніе, и въ этомъ отношеніи раздѣляетъ убѣжденія и методъ современныхъ экономистовъ, какъ Мекколокъ и Рошеръ.— Въ изданномъ теперь первомъ томѣ помѣщены двѣ первыя части началъ Политической Экономіи, заключающія въ себѣ ученіе о производствѣ и о обращеніи народнаго имуще-

---

(1) Напр. сочиненія г. *Степанова*, г. *Бутовскаго*. Къ такимъ учебникамъ мы конечно не причисляемъ неудачный и недобросовѣстный переводъ г. *Каменскаго*, изданный подъ громкимъ названіемъ Новаго Опыта о богатствѣ народномъ.—(2) См. его соч. «Русскій народъ и государство (Исторія Русскаго Общественнаго права до XVIII в).» М. 1858, стр. 29—32. Г. Лешковъ замѣчаетъ: «въ Политической Экономіи богатство есть цѣль и высшая идея науки, *если только понятіе богатства можетъ быть идеей*......... И такъ можно сказать, что для общественнаго (полицейскаго) права, *даже въ вопросѣ о народномъ богатствѣ*, скорѣе важны науки о сельскомъ хозяйствѣ, о торговлѣ, или технологіи, чѣмъ политическая экономія; тѣмъ менѣе можно назвать начала политической экономіи вообще руководительными въ общественномъ (полицейскомъ) правѣ.» Ср. нашъ разборъ этого сочиненія г. Лешкова, помѣщ. въ книгѣ о 28 присужденіи Демидовскихъ наградъ.

ства. Въ слѣдующемъ второмъ томѣ будетъ разсмотрѣно, какъ намъ извѣстно, три вопроса: 1) средства для мѣны—деньги и кредитъ, 2) ученіе о доходахъ, и 3) ученіе о потребленіи.

Чтобы ознакомиться съ этимъ первымъ томомъ сочиненія пр. Горлова, представимъ сначала обзоръ содержанія этого тома, а потомъ выведемъ тѣ начала, которыхъ г. Горловъ является приверженцемъ.

Въ Введеніи, давъ общее понятіе о народномъ имуществѣ и экономическомъ состояніи народа, авторъ разбиваетъ теорію мѣновой цѣнности, принадлежащую знаменитому Ж. Батисту Се, дѣлая справедливое замѣчаніе, что эта теорія до того потеряла уже въ настоящее время свое значеніе, что ее и не нужно бы излагать въ Политической Экономіи, но онъ подробно разбираетъ ее и опровергаетъ потому, что она господствуетъ еще въ статистикѣ, гдѣ выражается денежными величинами. Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ профессора, что поклоненіе, воздаваемое статистиками числамъ и мѣновой цѣнности, что желаніе представить всегда счетъ, гдѣ все приведено къ одному торговому знаменателю, еще далекому отъ политико-экономическаго итога и имѣющему всегда мѣстный и временной смыслъ, не имѣетъ въ дѣйствительности разумнаго основанія и представляетъ служеніе только формѣ, а не существу дѣла. Въ введеніи авторъ хочетъ показать отношеніе Политической, или какъ онъ ее называетъ, *Государственной* ([3]) Экономіи къ политико-юридическимъ наукамъ. Объяснивъ совершенно основательно значеніе Политической Экономіи для Финансоваго и Политическаго (Полицейскаго) права, которыя почерпаютъ въ Политической Экономіи свои философскія основы, авторъ дѣлаетъ въ заключеніе два замѣчанія: 1) что Полит. Экономія имѣетъ свое особое значеніе для публициста, изучающаго законы народнаго хозяйства, и особое значеніе для техника, изучающаго технологію и агрономію, но вмѣстѣ съ тѣмъ и для того и для другаго совершенно необходима; по-

---

([3]) Съ этимъ названіемъ, по нашему мнѣнію, нельзя согласиться: Государственная Экономія есть только видъ Политич. Экономіи. Понятіе послѣдней гораздо обширнѣе. Государственная Экономія указываетъ начала для дѣятельности правительства относительно доходовъ и расходовъ государства, слѣд. составляетъ теорію финансовъ и государственной финансовой дѣятельности.

тому онъ находитъ полезнымъ такъ называемое Камеральное Отдѣленіе Юридическаго Факультета раздѣлить на двѣ части: въ одной Политическую Экономію и политикоюридическія науки преподавать какъ главныя науки, а техническія, какъ вспомогательныя; въ другой—наоборотъ, преподавать техническія науки, какъ главныя, а Политическую Экономію и политикоюридическія науки, какъ вспомогательныя. Соглашаясь съ существеннымъ основаніемъ этого взгляда, мы думаемъ однако, что будетъ удобнѣе мысль пр. Горлова понять такимъ образомъ: въ Камеральномъ или Административномъ Отдѣленіи Юридическаго Факультета, исключивъ вовсе техническія науки, преподавать Политическую Экономію между другими главными науками этого Отдѣленія, а въ Факультетѣ техническомъ или промышленномъ, если бы такой Факультетъ существовалъ въ нашихъ университетахъ, Политическая Экономія должна быть преподаваема, какъ наука вспомогательная. 2) Пр. Горловъ дѣлаетъ, хотя краткій, но весьма справедливый намекъ, что Полит. Экономія имѣетъ важную и необходимую связь со всѣми юридическими науками. Это замѣчаніе профессора заслуживаетъ полнаго вниманія. Возможно ли въ самомъ дѣлѣ въ настоящее время изученіе вопросовъ права безъ параллельнаго анализа вопросовъ экономическихъ. Не зная законовъ экономическаго развитія обществъ, можно ли понять существо и дѣятельность государственныхъ учрежденій, или можно ли полнымъ образомъ вдуматься въ вопросы частнаго права, напр. объяснить себѣ надлежащимъ образомъ вещное право, да и самые законы о семейственныхъ союзахъ? Заниматься юридическими науками вдали отъ Политической Экономіи значитъ обречь себя на страдательное положеніе, значитъ отказаться отъ возможности войти самостоятельно во всю глубину юридическихъ вопросовъ. И юридическія науки давно сознали свою близкую связь, свое единство съ Политическою Экономіею; въ стремленіи къ объясненію общей для нихъ истины—доставленія возможности человѣку полнѣйшаго развитія его человѣческихъ силъ и способностей, юридическія науки и Политич. Экономія подаютъ другъ другу руку помощи; но на практикѣ, въ дѣлѣ преподаванія—начало совершенно противное: не только въ спеціальныхъ юридическихъ школахъ не преподается Политич. Экономія, но и въ самомъ Юридическомъ Факультетѣ С.-Пб. Университета, въ разрядѣ юридическихъ наукъ, обходятся

безъ преподаванія этой науки, съ которой, по нашему мнѣнію, юридическое преподаваніе должно быть начинаемо.

Свое введеніе проф. Горловъ оканчиваетъ разсмотрѣніемъ важности Полит. Экономіи и достовѣрности ея истинъ.

Часть первая, въ которой излагаются истины, объясняющія производство, заключена г. Горловымъ въ 12 главахъ. Такое раздѣленіе на 12 главъ составляетъ собственную систему автора, которую онъ впрочемъ предварительно не объясняетъ, а старается только въ концѣ первой части, въ гл. XI (стр. 307), оправдать немногими словами.—Прежде всего профессоръ обращаетъ вниманіе на разсмотрѣніе экономическихъ силъ человѣка, и съ свойственною ему отчетливостью и ясностью объясняетъ извѣстное ученіе экономистовъ о трудѣ человѣка, о двухъ элементахъ человѣческаго труда—механическомъ и умственномъ и о цѣляхъ труда—промышленности. Для наблюденія механическаго элемента въ народномъ трудѣ нужно изслѣдовать число тѣхъ жителей, которые предаются труду; для наблюденія же элемента умственнаго, нужно изучить образованіе трудящагося народа. Оттого пр. Горловъ весьма основательно переходитъ въ главѣ II-ой къ разсужденію о населеніи, а въ главѣ III-й къ разсмотрѣнію промышленнаго образованія. Глава II-я, въ которой излагается ученіе о населеніи, представляетъ самостоятельныя изысканія профессора, и какъ вопросъ о народонаселеніи, послѣ изслѣдованія профессора Моля ([4]), сдѣлался въ высшей степени замѣчательнымъ, то мы разсмотримъ эту главу поподробнѣе. Здѣсь авторъ подвергаетъ анализу слѣдующіе вопросы: 1) численный составъ народонаселенія; авторъ замѣчаетъ превосходство численности лицъ женскаго пола передъ мужескимъ, и старается (стр. 61) объяснить противорѣчащій этому фактъ, представляемый Піемонтомъ; находитъ возможнымъ раздѣлить каждый народъ по возрастамъ, съ экономической точки зрѣнія, на три класса, между которыми численность 2-го класса, т. е. жителей, имѣющихъ отъ 15 до 60 лѣтъ (1-й классъ—до 15 лѣтъ, 3-й классъ—послѣ 60 лѣтъ)

([4]) Замѣчательное изслѣдованіе Пр. *Моля* объ этомъ предметѣ, подъ названіемъ: «Geschichte und Literatur der Bevölkerungslehre,» пом. въ его Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften, 3 B. Erlangen, 1858, s. 409—517.

имѣетъ важное вліяніе на экономическое благосостояніе народа, при чемъ показаны, на основаніи сочиненія Портера (Progress of the nation), сравнительныя процентныя отношенія между этими тремя классами населенія въ Англіи по ревизіямъ 1821 и 1841 г., и авторъ замѣчаетъ, что было бы весьма любопытно сравнить въ этомъ отношеніи Англію съ другими государствами, но рѣшается только на сравненіе Англійскихъ явленій съ Бельгійскими, такъ какъ не находитъ для этого цифръ въ Россіи и не довѣряетъ точности статистическихъ объ этомъ изысканій во Франціи и Австріи; затѣмъ г. Горловъ указываетъ на необходимость вычесть изъ общаго количества трудящихся жителей количество неспособныхъ къ труду, какъ малоумныхъ, глухонѣмыхъ и слѣпыхъ, а потому приводитъ цифры, выставленныя въ извѣстныхъ ему статистическихъ сочиненіяхъ, сколько въ разныхъ государствахъ приходится умалишенныхъ на пропорцію способныхъ къ труду. Надобно замѣтить, что подобныя цифры въ статистикѣ чрезвычайно неточны. Пр. Горловъ свои цифры заимствовалъ изъ Dictionnaire de l'Economie politique. Для дополненія и сравненія этихъ цифръ я позволю себѣ указать здѣсь на замѣчательное въ этомъ отношеніи сочиненіе *Dr. Heinrich Laehr*, Ueber Irrsein und Irrenanstalten, Halle, 1852, въ которомъ на стр. 229 и слѣд. приведены подробныя и любопытныя вычисленія какъ всѣхъ больницъ для умалишенныхъ, такъ и количества умалишенныхъ и процентъ, который составляетъ количество ихъ по отношенію къ здоровымъ—во всѣхъ государствахъ Европы и Сѣвероамериканскихъ Штатахъ. 2) Авторъ разсматриваетъ тѣ причины, отъ которыхъ можетъ зависѣть приращеніе народа. Начало зависимости населенія отъ средствъ существованія профес. Горловъ старается объяснить разсмотрѣніемъ разныхъ явленій общественной жизни; приводитъ (стр. 70—71) самостоятельныя изысканія для доказательства того, что уменьшеніе средствъ существованія отражается на численности браковъ, рожденій и смертности, также доказываетъ и обратное положеніе (стр. 72—75), т. е. что увеличеніе средствъ имѣетъ послѣдствіемъ умноженіе народа; объясняетъ, что весьма естественно (стр. 75—78) то явленіе, что послѣ голодныхъ годовъ, эпидемическихъ болѣзней и войнъ народъ возрастаетъ чрезвычайно быстро; что рожденіе и смертность (стр. 78—82) находятся во взаимной зависимости другъ отъ друга; всѣ эти объяс-

ненія онъ подтверждаетъ статистическими фактами, особенно драгоцѣнными по отношенію ихъ къ Россіи; выборки цифръ и сравненіе ихъ съ статист. данными другихъ государствъ весьма любопытны (*). Объяснивъ эти явленія, относящіяся къ населенію, авторъ старается разрѣшить вопросъ, нужно ли домогаться приращенія народа и рѣшаетъ его, согласно съ мнѣніемъ и другихъ экономистовъ, тѣмъ, что нужно стремиться къ увеличенію средней жизни: чѣмъ болѣе умирающихъ по окончаніи жизни, обильной полезными дѣлами, тѣмъ лучше для народа и тѣмъ выгоднѣе его экономическое положеніе. Въ заключеніе этой главы авторъ объясняетъ, въ чемъ состоитъ извѣстная система Мальтуса. Этотъ вопросъ о населеніи, столь прекрасно развитый и въ сочиненіи проф. Горлова, пріобрѣлъ въ настоящее время, какъ мы замѣтили и выше, чрезвычайную важность послѣ разсужденія о немъ проф. Моля.— Опираясь на разсужденіе Гейдельбергскаго публициста, мы позволимъ себѣ сдѣлать здѣсь нѣкоторыя замѣчанія. Именно послѣ того какъ г. Горловымъ объяснены причины, отъ которыхъ можетъ зависѣть увеличеніе народа, мы надѣялись встрѣтить не только объясненіе средней жизни, но и разсмотрѣніе ученымъ профессоромъ трехъ положеній государства, при которыхъ экономическое благосостояніе народа представляетъ всегда различіе: положеніе государства, когда количество народонаселенія достаточно соразмѣрно со средствами продовольствія, положеніе когда количество народонаселенія мало, и положеніе когда оно чрезмѣрно; картины экономическаго благосостоянія, представляющіяся при этихъ различныхъ положеніяхъ народонаселенія, будутъ различны, и анализъ этого различія представляется опять различнымъ у различныхъ

(*) Такъ напр. весьма оригинально, но вмѣстѣ съ тѣмъ и справедливо замѣчаніе, дѣлаемое авторомъ на стр. 81, что въ Россіи ежегодно *напрасно* родится болѣе 700 тысячъ человѣкъ. Авторъ доказываетъ это пропорціею рождающихся и умирающихъ въ Россіи сравнительно съ такою же пропорціею въ Англіи. Въ Англіи на 29 чел. 1 рождающійся, въ Россіи же родится болѣе: 1 на 21; но за то и смертность въ Россіи болѣе: въ Англіи смертность—1:45, въ Россіи же 1: 27, 5. Въ Россіи при народонас. въ 56.313.000 (по ревизіи 1851 года) смертность простир. до 2.041.000; но еслибы смертность въ Россіи соотвѣтствовала Англійской пропорціи (1:45), то умирало бы только 1.243.000, т. е. 798-ю тысячами менѣе. И при этомъ и пропорція рождающихся была бы менѣе: родилось бы 774 тыс. менѣе. Для убѣдительности авторъ выводитъ

экономистовъ; интересно было бы знать взглядъ проф. Горлова на объясненіе этого важнаго вопроса проф. Молемъ (6) и проф. Рошеромъ (7). И если бы, объясняя теорію Мальтуса, проф. Горловъ подарилъ бы насъ критическимъ разборомъ мнѣній писателей, споривщихъ противъ ученія Мальтуса (8), то читатели были бы ему еще болѣе благодарны. Въ особенности же интересно было бы знать мнѣніе автора о новѣйшемъ противникѣ Мальтуса, Сѣвероамериканскомъ ученомъ г. *Кери* (Carey) (9), который отчасти представляетъ критику ученія Мальтуса, отчасти выставляетъ собственную теорію, и какъ замѣчаетъ проф. Моль (10), и какъ критикъ и какъ теоретикъ, Кери очевь несчастливъ: его критическія замѣчанія покоятся на совершенно невѣрномъ пониманіи взглядовъ Мальтуса, а теорія его представляетъ полное отсутствіе ясности.

Говоря о промышленномъ образованіи (глава III, стр. 97 и сл.), послѣ сравнительнаго разсмотрѣнія положенія народныхъ школъ и различныхъ началъ управленія учебною частію въ разныхъ государствахъ Европы, авторъ затрогиваетъ вопросъ о началѣ обязательнаго ученія, и находитъ, что это начало имѣетъ много въ свою пользу, особенно въ тѣхъ странахъ, гдѣ простой народъ еще недовольно образованъ, но соглашается, что очень трудно приложить

весьма любопытную статистическую таблицу.—(6) Въ его Polizeiwissenschaft nach den Grundsätzen des Rechtsstaates. Bd. 1. s. 72 и fl. 2-te Aufl., Tüb., 1844.—(7) Въ его System der Volkswirthschaft, I, Stuttg. и Tüb. 1854, s. 454—511—(8) Къ противникамъ Мальтуса принадлежатъ: 1) писатели, несоглашающіеся съ обѣими прогрессіями Мальтуса, и съ прогрессіею народонаселенія (геометрическою) и съ прогрессіею средствъ продовольствія (ариѳметическою); таковы: *Ensor* (1818), *Ravenstone* (1821) *Morel-Vindé* (1829), *Sadler* (1830) .2) Писатели, спорящіе только противъ справедливости геометрической прогрессіи: *Iarrold*, *Godwin* (1830), *Doubleday* (1840), *Spencer* (1852), *Guillard* (Elements de statistique humaine, Par. 1855). 3) Писатели, спорящіе только противъ ариѳметической прогрессіи Мальтуса: *Gray* (1815). Статья, приписываемая г. *Engel*, направл. противъ этой прогрессіи Мальтуса, пом. въ Zeitschrift des sächsischen statistischen Bureau. 1855, № 9. 4) Писатели, соглашающіеся съ существ. основаніями взгляда Мальтуса, но возражающіе противъ его выводовъ: *J. Grahame* (1816), *Weyland* (1816), *Everett* (Сѣвероамер. ученый, 1826), *Senior* (1831), *Poulet Scrope* (1833), *Alison* (1840) и 5) Писатели, возражающіе Мальтусу по причинѣ неточнаго пониманія взглядовъ Мальтуса—*Carey* (1840).—(9) Principles of. polit. economy. 3 B. Phil. 1840. Bd. III, s. 1—91.—(10) Въ его статьѣ Geschichte und Literatur der Bevölkerungslehre,

это начало. Сомнѣваясь въ томъ, чтобы промышленное обученіе было плодотворно въ низшихъ школахъ, авторъ находитъ необходимымъ къ гимназіямъ или подобнымъ гимназіямъ заведеніяхъ присоединить, какъ дополненіе, курсы реальныхъ наукъ для средняго сословія, натурально только для желающихъ, а для высшаго промышленнаго образованія находитъ нужнымъ въ университетахъ имѣть техническіе факультеты. Главу о промышленномъ образованіи авторъ заключаетъ замѣчаніемъ о необходимости учебныхъ фермъ и выставокъ земледѣльческихъ и мануфактурныхъ произведеній.

Глава IV-я посвящена разсмотрѣнію хорошо развитаго въ экономической наукѣ начала раздѣленія труда. Въ главѣ V-й (со стр. 131) г. Горловъ разсуждаетъ о вліяніи нравственныхъ и общественныхъ условій на производство. Раздѣляя справедливыя мнѣнія г. Дюнойе ([11]) о вліяніи нравственнаго развитія людей на ихъ развитіе экономическое, онъ подкрѣпляетъ и дополняетъ доводы этого писателя собственнымъ анализомъ степени порядка и благоустройства жилища и вообще жизни сельскаго обывателя въ Россіи. Между общественными учрежденіями, вредно дѣйствующими на экономію народа, авторъ подробно разсматриваетъ невольничество, затрогивая исторію торга Неграми и объясняя положеніе Негровъ въ колоніяхъ въ новѣйшее время. Факты выбраны изъ Dictionnaire de l'Economie politique. Продолженіемъ развитію этого вопроса служитъ глава VI, въ которой разсматривается крѣпостное положеніе. На эту статью обращаемъ особенное вниманіе читателя. Въ крѣпостномъ положеніи авторъ видитъ переходъ отъ невольничества къ свободѣ въ Европейскихъ государствахъ. Сравнительно съ невольничествомъ, онъ замѣчаетъ въ крѣпостномъ положеніи важный шагъ къ прогрессу, и поражая сатирическимъ разборомъ мнѣнія защитниковъ крѣпостнаго права, видящихъ въ этомъ правѣ какой то идеалъ, онъ приводитъ доводъ за доводомъ въ доказательство всѣхъ гибельныхъ послѣдствій крѣпостнаго положенія для экономическаго развитія людей, и при всѣхъ своихъ доказательствахъ разбираетъ механическую и умственную сторону труда—методъ весьма основательный для объясненія всей невыгоды обязательнаго труда и всей важности человѣческой свободы, при которой и механическій и

пом. въ его Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften. Bd. III, Erl. 1858, s. 509.—([11]) De la liberté du travail, 1845.

умственный элементы труда могутъ получить надлежащіе размѣры. Справедливо замѣчаетъ пр. Горловъ, что крѣпостное положеніе имѣетъ послѣдствіемъ: ненормальное распредѣленіе труда въ мѣстностяхъ и промыслахъ, меньшее населеніе, растрату рабочихъ силъ, неискусство промышленника. Въ заключеніе онъ представляетъ исторію эманципаціи въ Европѣ. Не находя впрочемъ достаточныхъ данныхъ для исторіи эманципаціи въ цѣлой Европѣ, авторъ останавливается подробно на разсмотрѣніи этого вопроса въ Пруссіи и Австріи. Разсужденіемъ объ исторіи эманципаціи г. Горловъ уже и прежде подарилъ Русскую литературу въ его статьѣ, помѣщенной въ Библ. для Чтенія (за 1858), и здѣсь, въ его Началахъ Полит. Экономіи, это изслѣдованіе на мѣстѣ и весьма удачно заключаетъ любопытную VI-ую главу, о крѣпостномъ положеніи.

Глава VII, въ которой разсуждается о вліяніи природы на производство, весьма интересна, особенно по удачной выборкѣ статистическихъ данныхъ, относящихся до Россіи. За этимъ слѣдуетъ ученіе о капиталѣ (гл. VIII). Объяснивъ весьма удовлетворительно все, что можетъ быть подведено подъ понятіе капитала, авторъ даетъ капиталу такое опредѣленіе: «Капиталъ есть всякій *запасъ*, который можетъ быть употребленъ для производства, или для поддержки и распространенія способностей человѣка, необходимыхъ въ производствѣ». Это опредѣленіе удачно и полно; но, кажется, слово *запасъ* не имѣетъ здѣсь надлежащей точности. Чтобы доказать хозяйственное значеніе капитала, авторъ весьма интересно объясняетъ, какъ капиталы составляютъ необходимое условіе раздѣленія труда. Замѣчая, какое значеніе для увеличенія капиталовъ имѣетъ введеніе въ производствѣ машинъ, авторъ затрогиваетъ и тотъ вопросъ, не дѣйствуетъ ли введеніе машинъ гибельно на положеніе работниковъ, оставляя многихъ изъ нихъ безъ работы, и разрѣшаетъ этотъ вопросъ, совершенно согласно съ мнѣніемъ М. Шевалье, Мекколока и Дж. Ст. Милля, тѣмъ, что лишь очень немногіе работники могутъ, по причинѣ введенія машинъ, остаться безъ работы, однако не споритъ противъ того, что отъ распространенія машинъ могутъ возникать для работниковъ временныя затрудненія. Свои доводы онъ подтверждаетъ примѣрами, выбранными изъ *Mac Culloch*, Dictionnary of commerce, 1852 г. Доказывая далѣе, что образованіе капитала тогда только возможно,

когда потребляется не все, что пріобрѣтается, или что всякій капиталъ есть плодъ бережливости, онъ справедливо замѣчаетъ, что начало бережливости, объясненное политич. экономіею, есть одно изъ лучшихъ украшеній и аргументовъ этой науки, и посредствомъ этого начала политич. экономія соприкасается съ высокими истинами нравственной философіи. Объяснивъ начало бережливости, авторъ удачно переходитъ къ той связи, которая существуетъ между экономіею народа и политикою государства, между экономическимъ развитіемъ народа и государственнымъ устройствомъ. Весьма справедлива та мысль, что склонность къ бережливости, а слѣд. къ увеличенію и капитала и экономическаго развитія народа, тѣсно связана съ чувствомъ безопасности, основанномъ на твердости положительныхъ законовъ и ихъ безукоризненномъ приложеніи. Отсюда натуральный переходъ къ замѣчанію о важности для человѣка частной собственности и къ разсмотрѣнію ученія объ исключительной общественной собственности. Профессоръ удовлетворительно объясняетъ причины появленія частной собственности и необходимости ея для успѣховъ человѣчества и возможности экономическаго развитія людей. За тѣмъ, не разбирая въ особенности мнѣній того или другаго изъ писателей коммунистовъ, авторъ опровергаетъ вообще доводы, приводимые въ защиту коммунизма. Доказавъ невозможность коммунизма вообще, онъ старается разбить и отдѣльные виды коммунизма, въ особенности же старается уничтожить съ экономической точки зрѣнія возможность общиннаго владѣнія землею.

Въ слѣдствіе важнаго значенія бережливости для составленія капиталовъ и для увеличенія народнаго богатства, пр. Горловъ знакомитъ съ выработанными въ новѣйшее время средствами для бережливости — сберегательными учрежденіями (гл. IX). Сначала авторъ указываетъ на значеніе сберегательныхъ кассъ какъ для отдѣльныхъ лицъ, такъ и всего народнаго хозяйства. Дѣйствительно, сберегательныя кассы являются замѣчательнымъ учрежденіемъ полиціи общественнаго призрѣнія бѣдныхъ, особенно когда теперь образованныя правительства обращаютъ такое серьезное вниманіе на пауперизмъ: пролетаріатъ сознается опаснымъ врагомъ нравственнаго, умственнаго, экономическаго и политическаго развитія народа. Авторъ затрогиваетъ вопросъ, можно ли сдѣлать вклады

въ сберегательныя кассы обязательными для рабочаго класса, и разрѣшаетъ конечно этотъ вопросъ отрицательно. Статистическія данныя, приведенныя авторомъ относительно сберегательныхъ кассъ, заимствованы изъ Annuaires d'Economie politique et de la statistique. Замѣтимъ съ своей стороны, что вопросъ, какъ теоріи, такъ и исторіи сберегательныхъ кассъ весьма подвинутъ впередъ трудомъ г. Блеза, мнѣнія и доводы котораго представляются чрезвычайно драгоцѣнными, такъ какъ г. Blaise былъ директоромъ mont-de-piété въ Парижѣ и въ 1847 г. представилъ министру внутр. дѣлъ, г. Duchatel, проектъ новаго устройства сберегательныхъ учрежденій; въ 1848 г. Cavaignac внесъ этотъ проектъ въ l'Assemblée constituante; но только въ 1851 г. онъ былъ одобренъ въ l'Assemblée législative, и его положено ввести; Blaise сдѣлалъ свои идеи отчасти извѣстными уже въ 1843 г., но въ 1856 г. издалъ весьма замѣчательное сочиненіе: «Des monts-de-piété et des banques de prêt sur gage.» 2 vol., Paris.

При разсужденіи о сбереженіи капиталовъ, рождается самъ собою вопросъ, какія могутъ быть средства для возстановленія капитала, еслибы онъ отъ какихъ нибудь случаевъ уничтожился? Этотъ вопросъ пр. Горловъ разрѣшаетъ въ X главѣ своего сочиненія. Средство для возстановленія такихъ капиталовъ можетъ представиться въ застрахованіи, либо посредствомъ акціонерныхъ компаній, либо взаимномъ. Страхованіе имущества можетъ являться противъ разнаго рода опасностей; но главнымъ образомъ страхованіе развито противъ опасности, грозящей имуществу отъ огня. Въ новѣйшее время развивается въ особенности взаимное застрахованіе, и притомъ въ нѣкоторыхъ государствахъ, въ Германіи и отчасти въ Россіи (для государственныхъ крестьянъ, на собственныхъ и казенныхъ земляхъ водворенныхъ) оно является обязательнымъ. Пр. Горловъ, приводя нѣкоторые частные статистическіе факты, съ недовѣріемъ смотритъ вообще на взаимное застрахованіе, допуская однако его существованіе рядомъ съ компанейскимъ; но рѣшительно возстаетъ противъ обязательнаго взаимнаго застрахованія, замѣчая, что съ одной стороны это было бы вмѣшательство въ собственность частнаго лица и притомъ нерѣдко весьма для него невыгодное, а съ другой стороны, если допустить обязательное взаимное застрахованіе противъ опасности отъ огня, то нѣтъ причины не распро-

странить его и противъ другихъ опасностей, противъ всѣхъ возможныхъ потерь, отъ бурь, наводненій, града, землетрясеній, и пр., а это было бы не что иное, какъ приложеніе грубаго коммунизма.—Позволимъ себѣ возразить противъ той и другой причины, приводимой авторомъ: 1) такъ какъ опасность, грозящая какому нибудь зданію отъ огня, есть опасность не только для этого зданія, но и для всѣхъ смежныхъ съ нимъ зданій, а нерѣдко и для цѣлаго города или поселенія, то вмѣшательство въ это дѣло государственной полиціи не будетъ вмѣшательствомъ въ частное хозяйство и дѣятельность, но напротивъ въ дѣло, общее для всѣхъ обывателей; 2) мы не видимъ консеквентной необходимости распространить начало обязательнаго застрахованія противъ всѣхъ опасностей и могущихъ произойти потерь, отчасти потому, что нѣкоторыя изъ такихъ опасностей (напр. потопленіе товаровъ отъ крушенія на морѣ, наводненіе, вредныя насѣкомыя и пр.) не составляютъ общей опасности для всѣхъ гражданъ, а только частную для нѣкоторыхъ, отчасти и потому, что нѣкоторыя изъ такихъ опасностей (какъ напр. землетрясеніе) такого свойства, что не могутъ быть предупреждены, или потушены, какъ пожаръ. И напротивъ, анализируя вопросъ взаимнаго застрахованія, мы выходимъ совершенно изъ другихъ началъ; но объемъ нашей критической статьи не дозволяетъ здѣсь объ этомъ распространиться, такъ какъ для надлежащаго объясненія этого вопроса нужно написать цѣлое и обширное разсужденіе. Здѣсь мы только замѣтимъ: 1) что при компанейскомъ застрахованіи частныя лица должны платить чрезвычайно большіе проценты, и не всегда обезпечены въ точномъ вознагражденіи въ случаѣ потери; 2) что взаимное обязательное застрахованіе опирается на слѣдующія выгодныя начала: а) при существованіи такого застрахованія, хорошо устроеннаго, является надлежащее предупрежденіе пожаровъ, ибо всякій, будучи плательщикомъ, дѣлается осторожнѣе, а статистика пожаровъ можетъ показать, что наибольшее количество пожаровъ происходитъ отъ неосторожности, а не отъ злаго умысла; б) преобразовывается и строительная полиція въ государствѣ, а извѣстно, что хорошія постройки—одно изъ лучшихъ предупрежденій пожара, в) являются надлежащія средства для потушенія пожара, потому что всякое общество, отвѣчая своимъ имуществомъ за пожарные

случаи, заботится объ учрежденіи пожарныхъ командъ, и притомъ стремится, чтобы пожарная команда была устроена не для формы только, но для существа дѣла, и г) при всѣхъ этихъ условіяхъ и вознагражденіе пожарныхъ убытковъ можетъ явиться несравненно меньшимъ по количеству случаевъ платежа, но полнѣе обезпечивающимъ по размѣру и содержанію.

Послѣ разсмотрѣнія средствъ возстановленія капиталовъ, пр. Горловъ, объясняя ту выгоду, которую вообще капиталы могутъ получить отъ соединенія ихъ нѣсколькими лицами для достиженія какой нибудь общей экономической цѣли (гл. XI), разсматриваетъ различные роды товариществъ или компаній.

Объяснивъ такимъ образомъ производительныя силы, каждую въ отдѣльности, какъ трудъ, природу, капиталъ, авторъ хочетъ, въ заключеніе этого анализа, посмотрѣть на нихъ еще разъ въ ихъ совокупномъ дѣйствіи, такъ какъ эти три силы производства являются въ дѣйствительности всегда соединенными; оттого въ гл. XII онъ и говоритъ о соединенномъ дѣйствіи производительныхъ силъ. Эта статья весьма интересна по богатству матеріаловъ и любопытнымъ подробностямъ. Указавъ сначала отъ какихъ общихъ условій зависитъ успѣхъ образуемыхъ предпріятій, авторъ доказываетъ, что въ первоначальномъ состояніи обществъ, когда капиталовъ вообще бываетъ мало, человѣкъ болѣе пользуется силами природы, чѣмъ услугами капитала; этотъ доводъ онъ подтверждаетъ любопытными историческими и статистическими данными, и въ особенности анализомъ движенія сельскаго хозяйства, преимущественно въ Англіи; при этомъ онъ старается показать, когда полевая земля теряетъ общинный характеръ и переходитъ въ частную собственность, и здѣсь прежніе свои доводы объ экономической невыгодѣ общиннаго владѣнія, приведенные въ гл. VII, подтверждаетъ новыми и полнѣйшими доказательствами, и заключаетъ первую часть своего сочиненія справедливымъ воззрѣніемъ на мануфактурную промышленность, какъ дѣятельность, достойную человѣка и вполнѣ производительную для государства, все равно разсматривать ли ее отдѣльно или и по отношенію къ другимъ промысламъ.

Въ части II-ой пр. Горловъ представляетъ ученіе о обращеніи народнаго имущества. Сначала объясняются мѣна и ея различные

виды (гл. I) и значеніе торговаго баланса. Потомъ разсматриваются экономическія системы международной торговли (стр. 374). Здѣсь авторъ старается доказать экономическое значеніе и необходимость свободной торговли, уничтожаетъ доводы протекціонистовъ и рисуетъ борьбу за идею свободной торговли въ Англіи. Возражая протекціонистамъ, авторъ опирается на свидѣтельства исторіи и объясняетъ начало равенства въ привозѣ и отпускѣ товаровъ и то явленіе, что при уменьшеніи привоза сокращаются операціи внѣшней торговли. Доказавъ невыгоду протекціонной системы для благосостоянія народа, онъ доказываетъ ея невыгоды для государственныхъ финансовъ и для народной нравственности. Останавливаясь затѣмъ въ особенности на опроверженіи русскихъ протекціонистовъ, относительно которыхъ взгляды автора отчасти извѣстны изъ прежнихъ его сочиненій ([12]), онъ приходитъ къ заключенію, что самая лучшая экономическая система внѣшней торговли есть система свободная, не стѣсняемая никакими посторонними правилами мнимаго покровительства туземной промышленности. Выставляя такое убѣжденіе о свободной торговлѣ, авторъ допускаетъ однако ограниченія торговли по причинамъ финансовымъ и политическимъ. За тѣмъ представляется разборъ борьбы въ Англіи за начала свободной торговли со времени Адама Смидта, и особенно съ 1842 г., когда въ кабинетѣ Министровъ явился сэръ Робертъ Пиль, и указываются всѣ улучшенія Англійскаго тарифа до настоящаго времени. Кромѣ Англіи кратко обозначаются перемѣны въ тарифахъ и другихъ Европейскихъ государствъ.

На основаніи данныхъ сочиненія г. *Тука* ([13]) авторъ представляетъ (гл. III) ученіе о цѣнѣ, дѣлая въ заключеніе замѣчаніе, что таксы, цѣль которыхъ представить естественную цѣну, являются вреднымъ антиэкономическимъ началомъ. На основаніи же сочиненія Тука и данныхъ, собранныхъ самимъ авторомъ относительно Россіи, онъ говоритъ объ измѣреніи цѣнъ (гл. IV) и объ историче-

---

([12]) См. статью его въ Библ. для чтенія, 1858 г. N 4: «Протекціонизмъ въ Россіи и свобода труда.»

([13]) «A history of prices. Lond. 1858. Уже и прежде пр. Горловъ сдѣлалъ извлеченіе изъ этого сочиненія и помѣстилъ въ Эконом. Указателѣ, 1858 г., вып. 2, подъ заглавіемъ: «Состояніе цѣнъ въ Англіи за послѣднее пятилѣтіе.»

скомъ движеніи цѣнъ (гл. V), гдѣ, опираясь на справедливыя замѣчанія экономистовъ Шторха и Рошера, приходитъ къ двумъ основательнымъ заключеніямъ: 1) низкая цѣна продуктовъ скотоводства относительно хлѣба доказываетъ слабое развитіе сельскаго хозяйства страны, и 2) противоположное движеніе между цѣною сельскихъ продуктовъ и многихъ фабричныхъ показываетъ, что народамъ, занимающимся главнымъ образомъ сельскою промышленностію, къ которымъ справедливо можно причислять и Россію выгодно торговать съ народами, занимающимися по преимуществу мануфактурами.

Изъ этого очерка содержанія труда пр. Горлова легко видѣть, что на это сочиненіе нельзя смотрѣть какъ на руководство, которымъ бы непосредственно могли заняться приступающіе къ изученію Политической Экономіи. Въ сочиненіи г. Горлова нѣтъ систематическаго разсмотрѣнія разныхъ школъ и системъ экономическихъ, нѣтъ систематическаго разбора пособій для изученія Пол. Экономіи, нѣтъ и объясненія литературнаго богатства этой науки: авторъ дѣлаетъ только частныя ссылки на того или другаго писателя, указываетъ на нихъ, когда раздѣляетъ ихъ мнѣнія, или желаетъ ихъ доводами подтвердить собственныя воззрѣнія. Содержаніемъ книги авторъ вполнѣ оправдываетъ названіе, которое ей даетъ: «Начала Политической Экономіи.» Потому трудъ его мы не въ правѣ разбирать какъ руководство, или учебникъ, хотя книга пр. Горлова и можетъ служить важнымъ пособіемъ при изученіи Политической Экономіи, такъ какъ въ этомъ сочиненіи затронуты и развиты такіе вопросы, которые не могутъ не заставить призадуматься каждаго, интересующагося экономическимъ развитіемъ народа. Изъ нашего очерка видѣнъ также и методъ автора, въ высшей степени удачный въ экономическомъ сочиненіи, методъ историко-статистическій: доказывая каждое положеніе теоретически, выводя его изъ философскихъ воззрѣній, г. Горловъ не оставляетъ своего положенія недоказаннымъ афоризмомъ, но напротивъ даетъ ему самостоятельное и убѣдительное существованіе посредствомъ анализа историко-статистическаго, отчего и цифры, раскиданныя въ его трудѣ, не остаются цифрами формальными, но напротивъ дышатъ глубокимъ и самостоятельнымъ содержаніемъ. Нельзя не замѣтить и того, что сочиненіе, не смотря на философскій, отвле-

ченный характеръ, написано весьма точнымъ и понятнымъ языкомъ, и читается легко и пріятно.

Въ представленномъ нами обзорѣ содержанія сочиненія г. Горлова, мы желали ознакомить читателя съ системою и содержаніемъ всѣхъ статей его книги, но не указывали особенно на тѣ убѣжденія автора, которыя въ его трудѣ являются путеводными идеями. Указать въ особенности на такія убѣжденія автора считаемъ однако необходимымъ, такъ какъ и въ Политической Экономіи, равно какъ и въ каждой другой наукѣ, у служителей науки имѣются свои особенныя убѣжденія, особенные взгляды, по которымъ ученые, служащіе этой наукѣ, и группируются въ особыя школы, а мнѣнія ихъ—въ особыя системы. Наука не признаетъ никакого ученаго за авторитетъ, такъ какъ авторитетомъ для нея служитъ только истина, а различныя мнѣнія и воззрѣнія мыслителей,—это пути для узнанія истины, и натурально, чѣмъ болѣе такихъ путей, тѣмъ удобнѣе дойти до истины, и чѣмъ болѣе протоптаны эти пути, тѣмъ скорѣе изъ нихъ можетъ составиться одинъ общій и широкій путь. Но сначала, особенно въ такой новой наукѣ, какъ Политическая Экономія, эти пути еще часто далеки отъ соединенія, еще относительно многихъ вопросовъ расходятся, и мыслители, по нимъ движущіеся, вступаютъ другъ съ другомъ въ борьбу. Такая борьба мнѣній выгодна для развитія науки, свидѣтельствуетъ, что уже началась работа для отысканія надлежащей дороги къ истинѣ. Потому всякое мнѣніе, высказанное съ сознаніемъ, съ мотивами, наука принимаетъ съ благодарностью, а ученый, который сталъ бы негодовать на то, что мнѣнія его не принимаются другими, не признаются за авторитетъ, не есть дѣйствительный слуга науки.

Въ сочиненіи пр. Горлова мы замѣтили нѣсколько твердыхъ убѣжденій автора относительно нѣкоторыхъ важнѣйшихъ вопросовъ экономическихъ, и на указаніи этихъ убѣжденій профессора считаемъ умѣстнымъ здѣсь остановиться.

I. Извѣстно, что старинный экономическій вопросъ о томъ, должно ли правительство регламентировать трудъ человѣка, живущаго въ государствѣ, имѣетъ три различныя разрѣшенія, возбудилъ три особенныя направленія экономистовъ. Одно направленіе старое, господствовавшее еще до школы физіократовъ, однако возбудившееся опять послѣ Французской революціи мыслителями, которые,

ниспровергнувъ старый феодальный порядокъ вещей, хотѣли построить совершенно новый порядокъ, чтобы дать полную возможность надлежащаго развитія частной личности, но въ отысканіи этого новаго порядка увлеклись, и вмѣсто порядка новаго, стали проповѣдывать начала самыя древнія, результатъ которыхъ—рабство человѣка, совершенное поглощеніе частной личности общественностію; это—школы соціалистовъ. Экономисты этого направленія находятъ нужнымъ полнѣйшую опеку правительства относительно всякаго труда и всякаго вида народной промышленности; —это неумолимые поклонники всякаго рода регламентацій. Въ наукѣ Полит. Экономіи ихъ голосъ, къ счастію, уже не силенъ; ихъ мнѣнія разбиваются при первомъ анализѣ человѣческаго труда, человѣческой личности и свободы. Это направленіе въ особенности принадлежитъ практикамъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. практикамъ, мало знакомымъ съ истинами человѣческой жизни и науки. Другое направленіе прямо противоположно вышеуказанному. Мыслители этого направленія, принимая безъ всякихъ ограниченій формулу, выработанную еще школою физіократовъ: «laissez faire, laissez aller», являются противниками всякихъ регламентацій, и мнѣнія ихъ были бы совершенно основательны, еслибъ государства могли быть столь идеальны, какъ они желаютъ ихъ себѣ представить. Наконецъ третье направленіе занимаетъ средину между первыми двумя. Экономисты этого направленія желаютъ дать господство и осуществленіе началу: «laissez faire, laissez aller», но на столько, сколько это возможно въ дѣйствительномъ государствѣ, которое должно приближаться къ развитію идеальному, но, какъ составленное изъ людей, идеальнымъ, или вполнѣ совершеннымъ быть не можетъ. Потому мыслители этого направленія, признавая необходимость свободы человѣческаго труда и экономическаго развитія, не устраняютъ совершенно правительственнаго вліянія, но указываютъ ему разумные предѣлы. Къ этому послѣднему направленію принадлежитъ, какъ мы понимаемъ, и авторъ разбираемаго нами сочиненія. Это мы выводимъ изъ того общаго взгляда на дѣло государственной власти, который постоянно охраняетъ автора при анализѣ разныхъ вопросовъ экономическаго развитія. Въ одномъ мѣстѣ (въ предисловіи, стр. III) онъ и самъ высказывается: «мы не признаемъ» говоритъ авторъ, «экономическихъ системъ прежнихъ, которыя, подобно

нездравой медицинѣ, искуственно возбуждали производство и потребленіе цѣнностей въ обществахъ, не понимая, что для нихъ существуютъ естественные законы; мы желаемъ, чтобы онѣ отъ прежней сложности дѣйствія и искусственности обратились къ потерянной простотѣ и естественности.»

II. Потому то, говоря о трудѣ и разбирая его элементы, Пр. Горловъ прямо высказываетъ свое мнѣніе, что обязательный трудъ не есть трудъ дѣйствительный. Это убѣжденіе принадлежитъ уже не только современнымъ экономистамъ теоретикамъ, но и самой практикѣ. Политическая Экономія, доказавъ посредствомъ анализа умственнаго и механическаго элемента труда экономическую невыгоду обязательнаго труда, пришла къ результату, что тотъ только трудъ производителенъ, тотъ только въ экономическомъ смыслѣ дѣйствительный трудъ, который вытекаетъ изъ начала человѣческой свободы. Это же самое начало, но другимъ путемъ доказала и философія права. Философія права, посредствомъ анализа идеи правды и справедливости, вывела необходимость признанія каждому человѣку права дѣятельности, права самостоятельности и свободнаго распоряженія своими человѣческими способностями, т. е. доказала, что трудъ человѣка есть послѣдствіе его свободы. Такой дружный выводъ одного и того же результата двумя различными путями сдѣлалъ это начало свободы труда аксіомою не только для экономистовъ философовъ, но и для самой практики: во всѣхъ образованныхъ государствахъ обязательный, крѣпостной трудъ разсматривается врагомъ порядка и правды и правительства изыскиваютъ всѣ мѣры для уничтоженія этого остатка старины и свидѣтеля рабскихъ началъ и убѣжденій. Прекрасно говорятъ объ этомъ V и VI главы сочиненія Пр. Горлова.

III. Торговля, равнымъ образомъ какъ и трудъ, должна быть предоставлена своему натуральному и слѣдовательно свободному развитію. Но существуетъ мнѣніе и даже цѣлая школа протекціонистовъ, признающихъ необходимымъ лишить свободы торговлю внѣшнюю, ограничить ее всѣми средствами для того, чтобы такимъ уменьшеніемъ ввоза иностранныхъ товаровъ поддержать и развить внутреннюю мануфактурную промышленность. Политич. Экономія уже отмѣтила это мнѣніе, какъ несправедливое и прямо противоположное той цѣли, которой хотятъ достигнуть протекціонисты: стѣ-

сненіе внѣшней торговли не только не содѣйствуетъ развитію мануфактурной дѣятельности, но убиваетъ ее. Мыслители, доказывающіе необходимость свободной торговли, раздѣляются однако на два лагеря: одни требуютъ уничтоженія всякаго рода препятствій для внѣшней торговли, требуютъ ея свободы безусловной, другіе требуютъ свободы внѣшней торговли, но съ нѣкоторыми условіями и ограниченіями. Съ мнѣніемъ послѣднихъ согласенъ и пр. Горловъ. Онъ выражаетъ свое убѣжденіе, что свободная торговля наиболѣе согласна съ интересами народа; по его мнѣнію, она можетъ быть ограничена только по видамъ финансовымъ и политическимъ; онъ не допускаетъ ограниченій протекціонныхъ и говоритъ, что такія ограниченія должны быть уничтожены для пользы народа и казны. Но уничтожать этихъ ограниченій, по мнѣнію его, не должно внезапно, но съ благоразумною постепенностію, однако и не съ излишнею медленностію.

IV. Это начало свободы, требуемое экономистами для внѣшней торговли, признается столь же необходимымъ и для торговли внутренней. Успѣхъ торговой дѣятельности вполнѣ обезпечивается своими внутренними началами и потребностями и при свободномъ развитіи торговли не нужно бояться дороговизны и вообще невыгоды для потребителей. Существованіе конкуренціи вполнѣ обезпечиваетъ какъ выгоды потребителей, такъ и производителей. Потому всякая боязнь относительно возвышенія цѣны и всѣ мѣры правительства, клонящіяся къ обезпеченію надлежащей цѣны, представляются вредными и могущими произвесть совершенно противные результаты, т. е. искусственно возвысить цѣну и гибельно дѣйствовать на самый промыселъ. На этомъ основаніи и авторъ выставляетъ убѣжденіе свое, что такса, какъ средство установить естественную цѣну, никогда не достигаетъ своей цѣли (стр. 445—450), что назначеніе таксы всегда бываетъ или выше той цѣны, по которой безъ административнаго вмѣшательства могли бы продаваться вещи, или бываетъ ниже естественной цѣны, и тогда продавцы удерживаются отъ продажи и приводятъ потребителей въ самое невыгодное положеніе. Авторъ замѣчаетъ, что естественная цѣна устанавливается не таксою, но сама собою, посредствомъ свободнаго соперничества. Однако въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ свободной конкуренціи нѣтъ тамъ авторъ допускаетъ таксу, какъ меньшее зло, опираясь

въ своемъ рѣшеніи на всѣхъ важнѣйшихъ экономистовъ, начиная отъ А. Смидта до Рошера.

V. Доказывая необходимость свободнаго развитія для каждаго промысла, авторъ дѣлаетъ однако нѣкоторыя ограниченія, именно допускаетъ привилегіи на новыя изобрѣтенія и открытія. Двояко смотрятъ на это право пользоваться въ слѣдствіе привилегіи въ теченіи извѣстнаго времени исключительными выгодами отъ своего изобрѣтенія: одни видятъ въ такой собственности начало полной собственности, совершенно такой же, какую находятъ во всѣхъ другихъ капиталахъ; другіе напротивъ видятъ въ этой собственности собственность искусственную, допускаемую въ государствѣ по началамъ пользы, такъ какъ безъ такого поощренія не было бы дѣлаемо многихъ открытій. Къ послѣднимъ принадлежитъ и пр. Горловъ, замѣчающій впрочемъ, что самое это начало пользы подходитъ къ началу справедливости. По нашему мнѣнію, такое предоставленіе исключительнаго права собственности въ открытіяхъ основано прямо на началѣ справедливости: если бы лице, употребившее трудъ и издержки на какое нибудь открытіе, принесло бы тѣмъ выгоду всѣмъ гражданамъ государства, а вредъ и раззореніе только себѣ самому, то это было бы явленіе несправедливости; государство, въ которомъ живетъ сознаніе правды, даетъ такому лицу возможность вознаградить трудъ и издержки, предоставляя ему на основаніи самой справедливости привилегію. Пр. Горловъ справедливо замѣчаетъ, что разсмотрѣніе правительствомъ открытія со стороны его пользы невозможно и не нужно, но признаетъ необходимымъ разсмотрѣніе открытія со стороны его новости.—Рядомъ съ открытіями промышленными стоитъ вопросъ объ открытіяхъ или сочиненіяхъ литературныхъ и художественныхъ, вопросъ особенной собственности, литературной и художественной; но онъ не разсматривается въ сочиненіи г. Горлова.

VI. При анализѣ важнаго условія успѣха человѣческаго промысла, раздѣленія труда, нельзя не встрѣтиться съ тѣмъ возраженіемъ, которое обыкновенно приводятъ противъ этого начала, именно, что раздѣленіе труда приноситъ большой вредъ работникамъ, дѣлая ихъ способности до крайности спеціальными и производя тягостную зависимость въ хозяйственномъ положеніи работника. Встрѣчаясь съ этимъ возраженіемъ, пр. Горловъ соглашается, что

въ нѣкоторыхъ случаяхъ раздѣленіе труда приноситъ большой вредъ рабочему классу, и замѣчаетъ, что надобно быть фанатикомъ этого начала, чтобы его оправдывать; впрочемъ онъ думаетъ, что такіе случаи едвали не составятъ весьма рѣдкихъ исключеній. И мы съ своей стороны вполнѣ убѣждены, что эти исключенія весьма рѣдки и не могутъ ниспровергнуть великаго начала раздѣленія труда. Въ возраженіяхъ, приводимыхъ противъ раздѣленія труда, смѣшиваютъ понятіе спеціализированія труда съ понятіемъ спеціализированія способностей трудящагося; трудно представить себѣ работника, который бы до того могъ спеціализировать свои способности, производя сотую или тысячную часть какой нибудь вещи, чтобы не могъ перейти къ какому нибудь другому труду; надобно уже предполагать въ работникѣ чрезмѣрно малую долю умственныхъ способностей, чтобы онъ могъ оправдать боязнь возражателей противъ раздѣленія труда.

VII. Противъ машинъ, какъ вѣрнѣйшаго и весьма надежнаго условія увеличенія капиталовъ и развитія промышленности, дѣлаются многія возраженія, главнымъ образомъ основывающіяся на томъ положеніи, что машины лишаютъ многихъ работниковъ средствъ существованія и ввергаютъ ихъ въ бѣдственное положеніе. Пр. Горловъ хочетъ доказать, что машины не бываютъ причиною важныхъ и постоянныхъ бѣдствій для работниковъ, потому что онѣ распространяются въ промыслахъ не вдругъ, а постепенно, и потому что рядомъ съ ихъ распространеніемъ увеличиваются капиталы и открываются новыя производства, а слѣдовательно и новыя предложенія для работниковъ. Однако онъ соглашается съ тѣмъ, что отъ машинъ могутъ возникать временныя затрудненія для работниковъ, и что послѣдніе имѣютъ право на симпатію частныхъ лицъ и правительствъ, которыя должны имъ облегчить переходъ къ новымъ работамъ.

VIII. Объясняя происхожденіе и значеніе частной собственности для человѣка, и опровергая коммунизмъ и всѣ виды, въ которыхъ онъ проявляется, авторъ встрѣчается, какъ мы показали выше, съ общиннымъ владѣніемъ, какъ съ однимъ изъ видовъ проявленія коммунизма. Объ общинномъ владѣніи существуютъ два совершенно противоположныя мнѣнія. По мнѣнію однихъ писателей общинное владѣніе для нѣкоторыхъ народовъ, къ которымъ причисляютъ

и Россію, не только не представляетъ вреднаго и опаснаго явленія, но напротивъ является такою формою, которою исключительно можетъ быть обезпечено народное и государственное благосостояніе страны. Другіе напротивъ выставляютъ мнѣніе, прямо противоположное: въ общинномъ владѣніи видятъ начало, враждебное успѣху экономическаго развитія, противное идеѣ справедливости и несогласное съ понятіемъ человѣческой свободы. Мнѣніе послѣднихъ раздѣляетъ и пр. Горловъ. Мы ,съ своей стороны полагаемъ, что вопросъ объ общинномъ владѣніи, такъ часто затрогиваемый въ нашей литературѣ, есть вопросъ историческій, и возможность или невозможность общиннаго владѣнія составляютъ понятія относительныя. Когда общество не достигаетъ еще государственной жизни, когда оно живетъ безъ твердаго, сознаваемаго положительнаго закона, безъ правильнаго суда, безъ полиціи, т. е. заботы правительства о благосостояніи и безопасности гражданъ, тогда жизнь общинная и повсюдныя проявленія общиннаго начала совершенно необходимы: начало частное еще неразвито, частность, частная личность не имѣютъ еще надлежащей самостоятельности, надлежащаго обезпеченія своей собственности и свободы, частная личность сознаетъ возможность своего сохраненія только въ сцѣпленіи съ такимъ же частнымъ, въ составленіи общины, и хотя въ этой общинѣ частная личность не имѣетъ полнаго экономическаго развитія, не достигаетъ скоро и начала полной частной собственности, но она готова отказаться отъ такихъ преимуществъ полной частной свободы, чтобы только сохранить нѣкоторую часть своей человѣческой свободы; она согласна быть отчасти поглощенною общиною, подчиниться этому виду коммунизма — общинѣ, чтобы не быть поглощенною болѣе невыгодною формою коммунизма—правительственнымъ коммунизмомъ, который всегда живетъ въ обществѣ, недостигшемъ еще государственной жизни. Натурально, что при такомъ положеніи и развитіи общества было бы невыгодно и невозможно уничтожить общинную жизнь. Напротивъ, когда общество достигаетъ государственной жизни, когда дѣйствуетъ верховная государственная власть, проявляя сознательно право, когда существуетъ полная и правильная защита лица и собственности, когда дѣйствуетъ полиція, т. е. является надлежащая забота о безопасности и благосостояніи гражданъ, тогда

общинная жизнь и разныя проявленія общиннаго начала составляютъ противорѣчіе общему порядку вещей: частность, частная личность, частная собственность могутъ быть самостоятельными и безъ общины; при томъ сознательномъ уваженіи, которое имѣетъ къ частному лицу государство, при той защитѣ, которую доставляетъ положительный законъ, при порядкѣ и правдѣ, которые дѣлаютъ изъ государства сферу полнаго развитія гражданами ихъ человѣческихъ силъ и способностей, частность и частная собственность и безъ общины могутъ сохранять и развивать себя, и притомъ гораздо полнѣе и выгоднѣе, чѣмъ развивали и сохраняли себя въ жизни общинной.

IX. Затронувъ вопросъ объ образованіи гражданъ и замѣтивъ, что наибольшая часть Европейскихъ государствъ дѣлаютъ образованіе гражданъ предметомъ своихъ собственныхъ, правительственныхъ заботъ, г. Горловъ говоритъ о законѣ 1819 г., по которому въ Пруссіи всѣ родители обязаны были обучать дѣтей въ школахъ, подъ угрозою различныхъ взысканій, и по этому поводу спрашивая, можетъ ли обязательное ученіе быть допущено, полагаетъ, что начало обязательнаго ученія имѣетъ много въ свою пользу, особенно въ тѣхъ странахъ, гдѣ простой народъ еще не довольно образованъ, но замѣчаетъ, что для приложенія этого начала встрѣтятся важныя препятствія. Въ дополненіе мысли автора, мы нелишнимъ считаемъ замѣтить, что въ началѣ нынѣшняго года этотъ самый вопросъ былъ предметомъ жаркихъ преній шести засѣданій Бельгійской Палаты представителей, составившей себѣ уже извѣстную репутацію замѣчательнымъ разрѣшеніемъ разныхъ экономическихъ вопросовъ. Въ эту Палату внесенъ былъ формальный адресъ о томъ, слѣдуетъ ли издать законъ, что родители обязаны посылать дѣтей своихъ въ школу подъ угрозою тюремнаго заключенія и денежныхъ взысканій. Министръ внутр. дѣлъ, г. Рожье объявилъ, что не считаетъ удобнымъ внести такое начало въ Бельгійское законодательство и что по его мнѣнію обязанности правительства относительно этого вопроса должны заключаться только въ его нравственномъ на это дѣло вліяніи. Президентъ палаты, г. *Ферхегенъ*, хорошо извѣстный по его здравымъ сужденіямъ о вопросахъ экономическихъ, доказалъ въ своей рѣчи, что начало обязательнаго ученія, которое обыкновенно выдаютъ за либеральное, совершенно противно истин-

ному смыслу либерализма, и есть начало, согласное съ воззрѣніями соціалистовъ: «Если бѣдный отецъ семейства,» говорилъ президентъ, «противится посылкѣ своего ребенка въ школу, и если при началѣ обязательнаго ученія принудить его къ этой посылкѣ, то очевидно рядомъ съ образованіемъ затронется другой вопросъ; отецъ, котораго лишатъ работы его сына, будетъ въ правѣ требовать, чтобы ему дали хлѣба; такимъ образомъ государство опять должно взять на себя долгъ кормить бѣднаго за то, что его обучаетъ и должно потому впасть въ коммунизмъ» ([14]).

Вотъ главнѣйшія убѣжденія автора *Началъ Политической Экономіи*. Изъ нихъ уже, полагаемъ, можно съ точностію заключить, къ какой школѣ экономистовъ принадлежитъ г. Горловъ. Мы не разбираемъ его другихъ, болѣе частныхъ положеній, предоставляя ихъ самому читателю, а съ своей стороны надѣемся, что и второй томъ Началъ Политической Экономіи дастъ намъ скоро возможность еще точнѣе провѣрить воззрѣнія нашего ученаго экономиста.

И. Андреевскій.

21 ноября 1859 г.

([14]) См. Indépendance Belge, 1859, Janvier.

НОВЫЕ МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ИСТОРІИ СЛѢДСТВЕННАГО ДѢЛА НАДЪ ПАТРІАРХОМЪ НИКОНОМЪ.

Слѣдственное дѣло надъ патріархомъ Никономъ представляетъ одинъ изъ наиболѣе важныхъ, любопытныхъ и мало-разработанныхъ вопросовъ отечественной исторіи. Памятники, относящіеся сюда, еще не собраны и не изданы съ тою полнотою, какой въ правѣ требовать наука; многіе изъ этихъ памятниковъ, по какому-то странному взгляду на нихъ, до сихъ поръ остаются недоступными, хотя событіе удалено отъ насъ уже на такое разстояніе, что казалось бы могло сдѣлаться предметомъ безпристрастнаго изслѣдованія ученыхъ. Считая всякое новое указаніе по дѣлу патріарха Никона полезнымъ пріобрѣтеніемъ для исторіи, печатаемъ здѣсь: 1) Роспись дѣламъ объ отреченіи Никона отъ патріаршества, переданнымъ по указу 1660 года въ Посольскій Приказъ; 2) Росписку Чудовскаго архимандрита Іоакима въ принятіи означенныхъ дѣлъ, для доставленія ихъ на соборъ въ крестовую палату, и 3) Отписку Полоцкаго епископа Каллиста къ царю Алексѣю Михайловичу о недѣйствительности клятвы, наложенной Никономъ на Питирима, митрополита Сарскаго. «Роспись» особенно потому заслуживаетъ вниманіе нашихъ археологовъ, что указываетъ, какія именно бумаги входили въ составъ дѣла о Никонѣ, и тѣмъ самымъ можетъ навести на новыя находки.

К. М. ОБОЛЕНСКІЙ.

I.

1660—1662 г.

Роспись дѣламъ объ отреченіи отъ патріаршества патріарха Никона, отданнымъ въ Посольскій Приказъ.

169-го (1660) октября въ 5 день указалъ великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичь, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержецъ, боярину Петру Михайловичу Салтыкову да дьяку Александру Дурову, дѣла о отреченіи бывшаго Никона патріарха отдать въ Посолской Приказъ думному дьяку Алмазу Иванову; а въ Посолскомъ Приказѣ указалъ великій государь тѣмъ дѣламъ быть за своею государевою печатью. А что какихъ дѣлъ, и тому роспись:

Сказки подлинные за руками о отреченіи бывшаго патріарха Никона. А тѣ сказки запечатаны печатью боярина Петра Михайловича Салтыкова.

Изложеніе на патріарха Никона, что паки ему не быть, за властелинскими руками, и письмо патріархово, за его рукою, каково привезъ Матвѣй Пушкинъ за боярскою жъ печатью.

2 выписки перечневые изъ сказокъ про отреченіе патріархово: 1) выписка изъ правилъ Святыхъ Отецъ, 2) имена властемъ, кто былъ на соборѣ.

Сказка Матвѣя Пушкина, за его рукою, какъ онъ былъ у патріарха.

3 листа Греческихъ писемъ и съ нихъ переводы.

Выписка изъ правилъ Святыхъ Отецъ, за Епифаніевою рукою.

Выписка изъ правилъ же Святыхъ Отецъ.

3 сказки старца Епифанія, за его рукою.

Писмо, каково подалъ Полоцкой епископъ Калистъ.

Сказка греческихъ властей, какъ, по оставленіи патріарха, къ соборному дѣянію достоитъ руками подписатись.

Списокъ изъ изложенія на Никона патріарха, на 5 тетрадехъ.

4 тетради, черные выписки изъ правилъ Святыхъ Отецъ.

2 грамоты Никона патріарха къ архіепископу Тверскому Іоасаѳу.

Дѣло Суздальского архіепископа, что извѣщалъ на него попъ Никита, за печатью боярскою.

Изложеніе соборное на него жъ архіепископа, что велѣно ему быть для пропитанія у Михаила Архангела, и онъ и то возненавидѣлъ и самоволно отсталъ; и за то онъ отлученъ архіерейства, и сосланъ въ Ростовъ въ Борисоглѣбской монастырь.

Писмо отъ заповѣдей Святыхъ Отецъ о храненіи священныхъ правилъ, каково подалъ великому государю Резанской архіепископъ, августа въ 15 день 170-го (1662) году.

Подлинникъ писанъ столбцемъ на двухъ листкахъ, современною скорописью.—Хранится въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, между духовныхъ Россійскихъ дѣлъ.

II.

(1666 г. октября 5.)

Росписка Чудовскаго архимандрита Іоакима въ принятіи дѣлъ объ отреченіи отъ патріаршества патріарха Никона, для доставленія ихъ на соборъ въ крестовую палату.

175-го (1666) октября въ 5 день, по указу великого государя царя и великого князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, отдано на соборъ въ патріаршу крестовую дѣяніе соборное да писмо Никона патріарха, что прислано съ Матвѣемъ Пушкинымъ, за печатью боярина Петра Михайловича Салтыкова, да столпикъ; на верху написано: дѣяніе соборное—киноваремъ; двѣ сказки, за рукою старца Епифанія. А взялъ Чудова монастыря архимандритъ Іоакимъ.

175-го (1666) ноября въ 6 день, по указу великого государя, ящикъ и дѣла по сей росписи отданы властемъ. Принялъ архимандритъ Чудовской Іоакимъ.

Подлинникъ писанъ современною скорописью, на одномъ листкѣ.—Хранится въ Моск. Гл. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ, между духовныхъ Россійскихъ дѣлъ.

III.

(1662 апрѣля 20.)

Отписка Полоцкаго и Витебскаго епископа Каллиста къ царю Алексѣю Михайловичу, о недѣйствительности клятвы, наложенной патріархомъ Никономъ на Питирима, митрополита Сарскаго и Подонскаго.

Пресвѣтлый, благочестивый, Богомъ намъ дарованный, государю православный, царю и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи и Великого Князтва Литовскаго самодержецъ и многихъ царствъ, князтвъ, земель восточныхъ, западныхъ, южныхъ и сѣверныхъ самодержавный обладателю!

Добре многихъ, богословія проникшихъ учителей тайны глубочайшимъ разсужденіемъ корабль Ноя патріархи во образъ Церкви Христовой вмѣнися, юже истинный Ное (еже сказуемо есть упокоеніе) Христосъ созда Спаситель, истинное по трудѣхъ упокоеніе наше, по назнаменаніи неложномъ у Матвѣя святаго Евангелисты положенномъ: *пріидите ко мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и азъ упокою вы*; добре, глаголю, во образъ Церкви корабль вмѣнися; ибо, яко во время чувственныхъ водъ потопа, единъ бѣ корабль Ноевъ, спасающъ родъ человѣческій, въ онь же, иже аще внити не восхотѣша, вси погрузени быша, точію вшедшіи въ онь, аще и зѣльными обуреваемъ бѣ волнами, спасошася, людіе же и скоти: тако и на морѣ житейстѣмъ, зѣло грѣховному наводненію превозрастшу, мысленный создася корабль Церкве отъ премудра архитектона, истинна Ноя, Христа Бога, пространныхъ создателя небесъ, въ ней же единой душевное бываетъ, кромѣ же ея нигдѣ же обрѣтается спасеніе. Быша въ Ноевѣ ковчезѣ людіе и скоти, вси же смирни, левъ со ланею, волкъ со овчатемъ, орелъ и ястрабъ со прочіими птенцы, яко обрѣтоша Ноя, сирѣчъ упокоеніе, и тако спасошася. Суть людіе, суть и скоти мнози по нраву въ кораблѣ церковномъ; есть и Ное истинный, совершенное упокоеніе наше, Христосъ Господь, о немъ же древле провозгласи Исаія велегласно, яко во дни его «напасется волкъ со агньцемъ вкупѣ, и рысь почіетъ съ козлищемъ и юнецъ со львомъ вкупѣ напасутся, и отроча мало поведетъ я, и волъ и медвѣдь вкупѣ напасетася, и вкупѣ

племя ихъ будетъ, и волъ и левъ вкупѣ зоблета плевы, и отроча младо на пещеру аспидску и на ложе племене аспидска руку возложитъ, и не сотворятъ зла, не возмогутъ погубити никого же у горы святыя», яже есть корабль церковный, въ немже есть Ное. Но нѣсть, увы, намъ упокоенія, ибо миръ Христовъ мещется и отъ сердецъ искорененіе страждетъ. Есть миротворецъ, но нѣсть мира, не въ мирѣ точію, но и въ мироподателехъ. Како убо миръ всимъ могутъ провѣщати неимущіи мира? И како миръ имать быти въ немирномъ мирѣ? Понеже въ миродавцехъ нѣсть любы мира, ибо аще свѣтъ, иже въ тебѣ, тьма есть, то тьма кольми, рече Христосъ Господь. Кромѣ же мира явѣ есть, яко же нелѣть быти упокоенію, послѣдственнѣ же ни спасенію, ибо любы миръ, упокоеніе содѣваетъ спасеніе. О немирныхъ внутръ уду царствахъ рече истинна нелестно: *всяко царство, раздѣлшееся на ся, запустѣетъ и всякъ градъ, или домъ раздѣлившійся на ся не станетъ.* Подобно нѣчто и о церковномъ кораблѣ мощно есть глаголати, въ немже внегда раздѣлятися на ся начало вождемъ, како ему не запустѣти, якоже бысть иногда со премногою тщетою во время расколовъ еретическихъ и схизматическихъ? И какѣ аще не нестати (ибо обѣща Христосъ Господь, и вратомъ адовымъ не одолѣти ей), поне не поколебатися? Занеже сія суть волны житейскаго моря, зѣльно корабль церковный извнутръ уду колеблющія, ими же не удобъ быша было въ непозыбленіи пребыти, аще не быхомъ имѣли, аки котву корабля нашего, тверду же и извѣстну, твое пресвѣтлое царское величество укрѣпляюща и утверждающа во всякомъ обуреваніи всяческаго утвержденія промышленіемъ. Се же ревности ради дому Господня, еюже даже до снѣденія палимъ еси, аки вторый Давидъ, глаголя о себѣ: «ревность дому твоего снѣсть мя». Та и въ настоящемъ времени подвиже пресвѣтлое твое царское величество и нововозрастшую бѣду утолити, крамолу утишыті и яро укротити волненіе, еже есть клятвы наложеніе отъ Святѣйшаго Никона, бывшаго патріарха, Московскаго на преосвященнаго Питирима, митрополита Сарского и Подонскаго. О сей клятвѣ и моему недостоинству, богомольцы своему, твое пресвѣтлое царское величество сотвори повелѣніе, еже совѣтъ подати, вмѣнястъ ли ся клятва его въ клятву, или ни? Ему же азъ недостойный, повелѣнію твоего пресвѣтлаго царского величества довле хотя сотворити, по дару

и благодати, отъ святаго и животворящаго Духа себѣ данной, разсужденіе пріемше и ко правиламъ святыхъ и богоносныхъ Отецъ приклапяющеся, непщую клятвѣ сей не вмѣнятися во клятву и суетнѣй быти, того ради, во первыхъ, яко отъ тріехъ винъ, ихъ же ради нанесеся клятва, ни едина бысть имъ самѣмъ святѣйшимъ Никономъ удобоклятвенна; дѣйствіе бо Ваія никимъ же никогда же яко нѣсть повелѣно никому же отъ святыхъ богоносныхъ Отецъ, такожде и нѣсть запрещенно не точію преосвященнымъ митрополитомъ, но никомужде священну сущу. Таже вопрошу святѣйшаго Никона, которое есть правило, соизволяющее дѣйство Ваія совершати преосвященному Макарію, митрополиту Новгородскому, запрещающее же преосвященному Питириму, митрополиту Сарскому и Подонскому, развѣ нелюбовь нѣкая? Вторая вина о поставленіи боголюбиваго Меѳодія, епископа Мстиславского, нѣсть вина благословная и клятвы достойная; ибо преосвященный Питиримъ, митрополитъ Сарскій и Подонскій, праздну сущу престолу патріаршу, сый намѣстникъ единогласнымъ избраніемъ и совѣтомъ всѣхъ Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи архіереевъ правильно его, боголюбиваго Меѳодія, постави во епископы по правилѣ святыхъ Апостолъ первомъ, глаголющемъ: два или три епископи поставляютъ епископа, и по правилѣ перваго вселенскаго собора четвертомъ, еже сице глаголетъ: епископъ отъ всѣхъ епископовъ, сущихъ во области, поставляется; аще ли же ни, обаче отъ трехъ прочіимъ писаніемъ сложившимся, власть же митрополитъ да имать. По сихъ правилахъ святыхъ поставленіе бысть сіе; убо кромѣ вины есть. Аще же речетъ кто, яко правило святыхъ Апостолъ 34-е повелѣваетъ: безъ своего старѣйшаго ничтоже да творятъ епископи; тожде и помѣснаго собора въ Антіохіи Сирстей правило 9-е поновляетъ, глаголюще: съ митрополитовою волею подобаетъ епископомъ творити все, и безъ того промышленія ничтоже строити; толкованіемъ яснѣ прилагаетъ: безъ воли его ни епископа избрати, ни поставляти. Нынѣ же преосвященный Питиримъ безъ воли святѣйшаго Никона, патріарха Московского, старѣйшины своего, постави боголюбиваго Меѳодія во епископы, убо противляяся правиломъ симъ повиненъ есть;—на се удобо отвѣтно есть, яко аще бы святѣйшій Никонъ не оставилъ престола патріарша со клятвою невозвратитися вапь, и ащебы не былъ соборомъ отстав-

ленъ отъ него, сія правила по немъ быша были, но нынѣ, оставленію и отставленію бывшема, нѣсть онъ старѣйшина властію архіерсомъ, иже патріархъ нынѣ московскій, но точію архіерей безпрестольный и безобластный, убо еже бысть безъ воли его, кромѣ вины бысть. Третія вина суть словеса досадительная и поносительная, яже аще быша суду суть повинна, отъ судіевъ правилно уставленныхъ, по прилѣжномъ изысканіи; епископъ же не судимъ единымъ, ни двома епископома, но всимъ соборомъ, по нуждѣ же поне двоманадесять епископома, по правилу помѣстнаго собора Картагінска второннадесять, еже есть: епископа в нѣкоей винѣ суща аще не весь соборъ области тоя, обаче 12 епископъ да судятъ,—мню же не точію достигша конечнаго извержения, яко сказуетъ толкованіе, но и ко клятвѣ, наипаче же праздну сущу престолу патріаршу,—такожде и по правилѣ, сотворшемся въ Констянтинѣ градѣ о Агапіи и Гавадіи, прящемася о престолѣ епископіи Вострскаго града, его же сицево бысть положеніе: не подобаетъ по семъ ни отъ двою, ни отъ трехъ и о грѣховной винѣ судиму епископу изверженну быти, но множайшаго собора разсудомъ ту сущу и митрополиту, якоже и Апостольская правила повелѣша. А еже о изверженіи глаголется, тожде и о клятвѣ, мню, разумѣти подобаетъ, прежде бо судится грѣхъ, потомъ же наносится казнь, или клятвы, или изверженія отъ тѣхъ судьевъ многихъ; и тако явѣ есть, яко во всякой винѣ епископъ соборомъ судимъ есть. Убо не подобаше святѣйшему Никону, самому за свою досаду месть воздати хотящу, противу правиломъ святыхъ отецъ судію себе и местника творити; никому же бо самого себе отмстити подобаетъ, паче же на соборѣ суда подобаше взыскати о своей досадѣ. И тако ни една отъ трехъ винъ, принесенныхъ на преосвященнаго Питирима, митрополита Сарского и Подонскаго, достойна мнитъ ми ся быти клятвѣ отъ святѣйшаго Никона, бывшаго патріарха Московскаго, нанесенная. Та же благословная вина есть, за еже не вмѣнитися клятвѣ его во клятву и суетнѣй быти, аще и вины на преосвященнаго Питирима вложенныя удобь быша были клятвенны; яко по оставленіи престола и по соборномъ отъ него отставленіи святѣйшій Никонъ, не сый ѹ пастырь, не можетъ быти и наказатель, не сый кормчій, нѣсть и управитель. Чужда ему бысть сія жатва, убо серпъ его да не внидетъ въ ню. Единожды самовольно остави и от-

ставленъ; убо да не зритъ воспять. «Никто же бо возложъ руку свою на рало и зря воспять, управленъ есть во царствіе Божіе» по глаголу Христову; паче же помянути нужда есть, еже глаголетъ писаніе, яко озрѣся жена Лотова воспять, и бысть столпъ сланъ. Отчуждися онъ паствы Россійскія и отчужди престолъ отъ себе со премногою клятвою; убо чуждо есть ему управленіе его. Воскую убо въ чуждей себѣ области правленіе творитъ, и чесо ради ихъ же пасти вознегодовалъ есть и не брегіи тѣмъ казатель готовъ есть быти. Вѣстно, яко манна и жезлъ въ кіотѣ ветсѣмъ положены суть, негли да и въ церковномъ кіотѣ манну паствы даяй пастырь жезлъ поемлетъ управленія и наказанія. Тѣмже занеже святѣйшій Никонъ не восхотѣ пасти Россіи всея паству, ниже управляти и наказывати аще и винныхъ можетъ. Аще ли же нѣсть у насъ нынѣ пастырь, убо нѣсмы должни гласа его слушати. И аще возопи гласомъ клятвеннымъ на преосвященнаго Питирима, незнаемъ есть гласъ его, яко не суща у пастыря, тѣмже и не пріемлемъ есть, нималоже вреденъ. И неищую толико ему успѣвати, елико волны, или стрѣла, камень біющія, вредно дѣютъ, или яко сѣнь, мимо грядущъ, вскорѣ яко ничто сый ничесоже досаждаетъ, или еще яко дымъ, вѣтромъ развѣваемъ, внезапу исчезаетъ, или паки, яко угліе огненное, въ воду вмѣтаемо, угасаетъ; не рѣку, яко огнь халдейскія пещи неповинныя орошаетъ (въ главѣ 26-й), или въ конецъ, по словеси притчописца, «яко птица летаютъ и врабіеве, тако клятва тща не найдетъ ни на единаго же.» Тща же есть и суетна предлежащая клятва, не имущая основанія тверда, якоже показася; убо безвредна, не крѣпка и яко ничто сущая мнитъ ми ся быти.

Сіе мое есть о сей клятвѣ разумѣніе и разсужденіе, въ немъ же аще что изгрубихъ, прощенію сподобитися недоумѣнію моему къ твоима пресвѣтлаго царского величества припадаю ногама, ничесому же, яко нижайшій во архіереехъ, высочайшихъ умовъ согласію прекословяще.

Писася въ Богоспасаемомъ градѣ Полоцку, въ лѣто отъ созданія міра 7170 мѣсяца апрѣля 20 дня.

Твоего пресвѣтлаго царскаго величества истинный богомолецъ,

«смеренный Калистъ, епископъ Полоцкій и Витебскій,

рукою своею.»

Подлинникъ, писанный, за собственноручною подписью Каллиста, столбцемъ на четырехъ листкахъ, былъ сложенъ пакетомъ и запечатанъ желтою восковою печатью, теперь утраченною. На пакетѣ надпись: «Пресвѣтлому, благочестивому, Богомъ намъ дарованному, государю, православному царю и великому князю Алексѣю Михайловичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи и Великаго Княжства Литовскаго самодержцу и многихъ царствъ, княжствъ, земель восточныхъ, западныхъ, южныхъ и сѣверныхъ самодержавнѣйшему обладателю належитъ.» *На другой сторонѣ пакета двѣ помѣты*: 1-я: «170-го (1662) мая въ 8 день;» 2-я: «списана и чтена.» *По склейкамъ столбцевъ скрѣпа дьяка*:.... Артамонъ Афстратьевъ....—*Хранится въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ, между духовныхъ Россійскихъ дѣлъ (Арх. древн. 1662 г. связка 7-я.).*

ПРЕДИСЛОВІЕ И ПОСЛѢСЛОВІЕ КЪ «ЧАСОВНИКУ», ИЗДАННОМУ КЛИНЦОВСКИМИ ТИПОГРАФЩИКАМИ ЖЕЛѢЗНИКОВЫМИ ВЪ 1787 ГОДУ (*).

Предисловіе (л. 1—5).

Господіе и братіе, простите насъ худыхъ, еже убо здѣ написахомъ вкратцѣ учителемъ, иже учатъ младыхъ отрочатъ грамотѣ, како имъ подобаетъ искуство имѣти въ словесѣхъ и въ рѣчехъ и въ пословицахъ, чтобы ученикомъ ихъ было въ наученіе и во извѣщеніе разума, а не въ срамъ и поносъ, паче же да не въ грѣхъ. Подобаетъ убо вамъ, о учителіе, вѣдѣти, како вамъ младыхъ дѣтей учити божественымъ писменемъ. Первое убо въ началѣ буквамъ, сирѣчь азбуцѣ; потомъ же часовнику и псалтыри и прочимъ божественымъ книгамъ, и паче же убо всего, еже бы вамъ наказати и изучити ученикомъ азбука чисто и прямо по существу како которое слово рѣчію зовется, и не спѣшно. А и самимъ бы вамъ знати же естество словесъ и силу ихъ разумѣти и гдѣ говорити дебело и тоностно и гдѣ съ пригибеніемъ устъ и гдѣ съ раздвиженіемъ и гдѣ просто. Паче же ять съ естемъ разнити, еже бы не рещи вмѣсто пѣнія—пеніе, и вмѣсто пѣти—пети, и вмѣсто сѣсти—сести, и вмѣсто нѣсть—несть, и вмѣсто лѣто—лето, и вмѣсто рѣчи—речь, и прочая таковая, сіе бо вельми зазорно и укорно еже ять вмѣсто ести глаголати, такоже и есть вмѣсто яти, отъ сего бываетъ веліе несмысльство ученію. Такоже бо и верьхняя сила знати и ученикомъ своимъ сказывати имена и силу ихъ, яко убо каяждо ихъ свою силу имать. Оксія или острая, сія убо ударяется и рѣчію обостряется, яко: ка́мо, та́мо, вся́ко, на́шъ, ва́шъ, и прочая. Тяжкая, или варія, сія отягчавается, сирѣчь съ протяженіемъ рѣчь объявляетъ, яко: тебѣ̀, мнѣ̀, спасѝ, и прочая. А облече́нная, сирѣчь камо́ра, посреднее имать гласити, ниже обостряется якоже оксія, ниже отягчается якоже варія, якоже се: сы̑не, дѣ̑ло, свѣ̑те, свя̑те, лѣ̑то, тѣ̑ло, или въ родномъ падежи множественаго числа:

(*) Экземпляръ «Часовника», откуда заимствованы предлагаемыя здѣсь извлеченія, хранится въ Архивѣ Сердобскаго Земскаго Суда и былъ сообщенъ мнѣ г. Исправникомъ Сердобскаго уѣзда, В. К. Гриневичемъ. *Редакторъ.*

тѣхъ дѣвъ, или тѣхъ человѣкъ, и прочая. А о сей убо облеченнѣй пишетъ въ граматицѣ ученія. Такоже и кроткую, сирѣчь тихую знати, како становится въ началѣ надъ звателными писмены, сирѣчь: и тебѐ, и менѐ, ами́нь, Андре́й, и прочая; сія кроткая заемлется тихимъ и кроткимъ гласомъ. Такоже знати и исо: сіе якоже оксію силу имать, точію надъ звателпыми писмены полагается въ началѣ, яко: а́ще, а́лчетъ, и́детъ, о́нъ, у́бо, я́же, ѣ́детъ. Такоже и дасію, сирѣчь краткую, како ея выговаривати, а полагается надъ сими, яко: тво́й, мо́й, сво́й, то́й, се́й, по́й, сто́й, по́йте, сто́йте, и прочая таковая. Такоже бы знати и апострофь идѣже полагается и тако его говорити, а ставити надъ гласными писмены надъ единою буквою въ единьственомъ числѣ надъ и, яко: изму и̕, и прославлю и̕, долготу дній исполню и̕. А по просторѣчію молвится вмѣсто и̕—его. А въ пословицѣ молвити о себѣ та и̕ апострофная, а не сливати съ другою рѣчію, зане сама она своимъ слогомъ владѣетъ. А въ множественомъ числѣ полагается надъ я̕, яко: и принеси я̕, вмѣсто ихъ, речется. А въ среднемъ родѣ надъ е, яко: спаси, Христе Боже, царство и сохрани е̕. Вмѣсто имене сія писмена, яже подъ апострофомъ, пріемлются. А въ строчномъ разумѣ знати же гдѣ стоитъ запятая, и ту наказати ученика въ пословицѣ гласомъ пресѣщи мало, а не отдохнути; точію на точкахъ отдыхати и становитися и потомъ вторый слогъ починати. А точечнаго разума зѣло подобаетъ брещи преже самому учителю, потомъ же и ученикомъ сказывати и учити, чтобы, говоря, рѣчи съ рѣчію не смѣшати, тако будетъ и ученику разумно и внятно и слышати отъ него пріятно, занеже въ слогахъ разумъ многъ держатъ точки и запятыя; а не вѣдаяй сего яко во тмѣ шатается. А о семъ намъ подобаетъ зѣло прилежати, чтобы ученикомъ спѣшно не говорити, но говорити бы противу силы верхняго разума. А отъ спѣха разума ученію не будетъ и языку ученикомъ великая спона, паче же и Богу досада, и душамъ нашимъ великій грѣхъ. А избирати бы намъ лучьшее, понеже рече Писаніе: прокълятъ всякъ творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ, а грамотное ученіе вѣмы яко дѣло Божіе есть. Аще ли вамъ самѣмъ нѣсть во искусѣ сицевое ученіе, и вы зрите въ самую грамматику, и въ ней подробну вся узрите, не сіе же точію, но и навыкнете вѣденію разума. А о семъ наипаче молитъ васъ наше худоуміе господію нашу и

братію, еже бы вамъ всякимъ зѣлнымъ потщаніемъ наказати учениковъ и въ началѣ часовника перваго стиха: Царю небесный, Утѣшителю Душе истинный, и прочая, а не говорити и не учити вмѣсто Душе—Душè, якоже неискусніи слову учатъ и говорятъ: зѣло сіе и вельми Богу, въ Троицѣ славимому, бранно, яко вмѣсто Духа святаго глаголютъ душю и не вѣмы каку; страшно бо есть, братіе, не точію сіе рещи, но и помыслити, еже вмѣсто Духа святаго душю глаголати и не вѣмы каку; тако убо и въ молитвѣ: Владыко, Боже, Отче Вседержителю, и Господи, Сыне единородный Исусе Христе и Святый Душе, а не душè, и въ Слава въ вышнихъ на утрени тоже, и въ прочихъ Божественнаго Писанія, идѣже божественая сія титла прилучится, глаголати. А о души сице: благослови душè моя Господа или Хвали душè моя Господа, и прочая таковая. И аще сице будете учити учениковъ, и за сіе отъ Бога милость и благословеніе получите, а отъ человѣкъ похвалу пріобрящете, и ученикомъ будетъ крѣпость въ языкѣ и въ смыслѣ разумъ и въ реченіи словесъ языка чистость, его же буди всѣмъ намъ получити благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Исуса Христа, съ Нимъ же Отцу купно слава и со святымъ Духомъ нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Послѣсловіе (л. 261—264).

Благоволеніемъ убо Бога Отца Вседержителя и споспѣшеніемъ сопрестольнаго и единороднаго Сына Его, Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа и содѣйствіемъ пресвятаго и животворящаго утѣшителя Духа, еже трисоставнаго Божества во единомъ существѣ нераздѣлимыя Троицы, милости благодать изліяся всѣмъ человѣкомъ по богатьству славы его въ похвалу и великолѣпіе величества его, яко да усвоитъ и учинитъ сыны свѣта и дне воспріятіемъ духовныхъ плодовъ по реченному пророкомъ: приступите ко мнѣ и свѣтъ разума воспріимите, рекше просвѣтитеся,—и сіе пріимъ въ сердцы мудрено и смотреливно, благочестивый и благородный и Богомъ избранный государь царь и великій князь Алексій Михайловичь, всея Русіи самодержецъ, и повелѣ печатати книги сія Часовники ко умноженію славы Вседержители Бога и всему право-

славному христіянству къ полезному жительству и во спасеніе душямъ человѣческимъ сими священнословесными писмены, ихъ же святіи и богоносніи отцы изложиша въ начало всякому правилу, вечерни и утрени, часомъ же и павечерьнямъ, и къ полунощницамъ, и ко всякому молебному прошенію, и въ начальное человѣкомъ наученіе, еже къ божественнымъ догматомъ присно всѣхъ наставляющее. Начата бысть печатати сія богодухновенная книга Часовникъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ лѣто седмь тысящь 160-го году мѣсяца февраля во 12 день на память иже во святыхъ отца нашего Мелетіа, архіепископа Антіохійскаго, въ седмое лѣто благочестивыя державы царьства его государя царя и великаго князя Алексія Михайловича, всея Русіи самодержца. Совершена же бысть того же лѣта мѣсяца марта въ 22 день на память святаго священномученика Василія, презвитера Агкирскія церкви, въ 7-е же лѣто благочестивыя державы царьства его государя царя и великаго князя Алексія Михаиловича, всея Русіи самодержца, и при отцѣ его и богомольцѣ великомъ господинѣ святѣйшемъ Іосифѣ, патріархѣ Московскомъ и всея Русіи, въ 10-е лѣто патріаршества его, въ славу и хвалу Вседержителю Богу и всѣмъ угождшимъ его отъ вѣка во вѣки. Аминь.

Сія святая и богодухновенная книга Часовникъ отъ прежде печатанныя книги въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ лѣто отъ созданія міра 7160-е, нынѣ же вторымъ тисненіемъ издадеся Новогородскаго Сѣверскаго намѣстничества, округа Суражскаго, въ Клинцовскомъ посадѣ состоящей типографіи содержателя онаго посада купца Якова Желѣзникова и сына его Василія Желѣзникова въ собственной ихъ типографіи перепечатана съ указнаго дозволенія. Начата бысть печатати сія боходухновенная книга часовникъ со святцами въ лѣто 7295-е мѣсяца марта въ 3 день на память святыхъ мученикъ Евтропія, Клеоника и Василиска. Совершена же бысть тогоже лѣта мѣсяца маія въ 13 день на память святыя мученицы Гликеріи. А прежде печатанныя же книги Часовникъ и Святцы по вышеименованному указу свидѣтельствованы нижнимъ земскимъ Суражьскимъ судомъ и подписаны онаго суда присудствующими, съ которыхъ нынѣ сія книга перепечатана.

О МѢРАХЪ ПРЕСѢЧЕНІЯ ОБВИНЯЕМЫМЪ СПОСОБОВЪ УКЛОНЯТЬСЯ ОТЪ УГОЛОВНАГО СЛѢДСТВІЯ И СУДА.

Постановленія о лишеніи или стѣсненіи чьей либо свободы при производствѣ уголовнаго слѣдствія и суда не могутъ не имѣть существенной важности для общества. Они касаются одного изъ драгоцѣннѣйшихъ благъ каждаго изъ его членовъ: неприкосновенности его личности, и потому добросовѣстное обсужденіе этихъ постановленій съ цѣлью уяснить ихъ сущность, заслуживаютъ полнаго одобренія. Вотъ почему мы съ особеннымъ вниманіемъ прочли во второй книгѣ Архива статью г. Муллова о поручительствѣ въ дѣлахъ уголовныхъ. Отдавая справедливость основательности нѣкоторыхъ изложенныхъ въ ней мыслей, мы не можемъ впрочемъ вполнѣ съ нею согласиться, и полагаемъ, что нѣсколько замѣтокъ съ нашей стороны вообще о мѣрахъ пресѣченія обвиняемымъ способовъ уклоняться отъ уголовнаго слѣдствія и суда не будутъ совершенно безполезны.

Всѣ мѣры для пресѣченія уклоненій отъ слѣдствія и суда состоятъ, по нашимъ дѣйствующимъ законамъ, изъ двухъ видовъ лишенія свободы и двухъ видовъ надзора. Къ первымъ относятся: 1) содержаніе въ тюрьмѣ и полиціи (*); 2) домашній арестъ; ко вторымъ: 1) надзоръ полицейскій и 2) надзоръ поручительскій (отдача на поруки) (133 ст. кн. 2-й т. XV).

Замѣтимъ сначала, что употребленіе исчисленныхъ нами мѣръ не составляетъ безусловной необходимости въ каждомъ данномъ случаѣ. По большей части подсудимые остаются на свободѣ, и ни

(*) Содержаніе преступниковъ въ тюрьмѣ можетъ быть замѣнено помѣщеніемъ ихъ на военныхъ гауптвахтахъ, но только въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) когда гражданскихъ помѣщеній недостаточно; 2) когда производство слѣдствія и суда требуетъ разобщенія преступниковъ (прим. къ 4 ст. XIV т. Уст. о содерж. подъ страж.).

одинъ изъ установленныхъ закономъ видовъ содержанія или надзора къ нимъ не примѣняется. Это происходитъ не отъ нарушенія постановленій, а потому, что ими не вмѣняется въ непремѣнное условіе для всякаго уголовнаго дѣла принятіе какой либо изъ поименованныхъ выше мѣръ пресѣченія. Притомъ мѣры эти нерѣдко бываютъ неудобоисполнимы на практикѣ, напр. въ дѣлахъ о порубкѣ казеннаго лѣса цѣлыми селеніями (*). Сажать въ такихъ случаяхъ въ тюрьму всѣхъ, сколько бы ихъ ни было, старшихъ въ семействѣ или домохозяевъ обширнаго села, долженствующихъ подвергнуться лишенію всѣхъ особенныхъ правъ (ст. 980 Улож. о нак.)—значитъ доводить до совершенной нищеты не одну сотню людей. Этого не только никогда не дѣлается, но, сколько намъ извѣстно, даже рѣдко кто изъ отдѣльныхъ порубщиковъ лѣса берется подъ стражу, по крайней мѣрѣ до времени произнесенія о немъ обвинительнаго приговора.

Опредѣленіе дѣйствительной необходимости принятія мѣръ пресѣченія обвиняемымъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, и самый выборъ того или другаго вида содержанія или надзора, наше законодательство предоставляетъ собственнымъ соображеніямъ слѣдователей при каждомъ данномъ случаѣ; но начертываетъ для нихъ въ руководство при этомъ *общее правило*. Оно заключается въ томъ, что слѣдователи, при выборѣ мѣры лишенія или стѣсненія чьей либо свободы, должны соображаться съ *важностію преступленія*, *съ силою уликъ*, *съ званіемъ подсудимаго*, и съ бо̀льшимъ или мѐньшимъ *подозрѣніемъ въ намѣреніи его совершить побѣгъ*. «Чѣмъ выше званіе обвиняемаго и менѣе сила обвиненія и степень подозрѣнія учинить побѣгъ, тѣмъ менѣе должна быть строгость въ содержаніи обвиняемаго во время слѣдствія и суда» (132 и 133 ст. кн. 2-й XV т.). Очевидно, что такое общее правило мало стѣсняетъ свободу дѣйствія слѣдователей, и даетъ имъ возможность употреблять тотъ или другой видъ содержанія или надзора по своему усмотрѣнію. Но допуская, какъ общее начало, произволъ слѣдователей въ этомъ отношеніи, законъ, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, какъ

(*) Въ нѣкоторыхъ нашихъ сѣверныхъ губерніяхъ, наприм. Олонецкой, иногда даже нѣсколько селеній разомъ попадаются въ лѣсной порубкѣ или въ выжиганіи лѣса подъ пашни.

бы отрицаетъ такой произволъ, опредѣляя въ точности, на основаніи только большей или меньшей важности преступленій, кого должно содержать *въ тюрьмѣ*, кого въ *домашнемъ арестѣ* и *полицейскомъ надзорѣ*, и кого слѣдуетъ *отдавать на поруки* (134, 135 и 137 ст. кн. 2-й XV т.).—При всемъ кажущемся противорѣчіи въ изложенныхъ нами постановленіяхъ, его однакожъ нѣтъ. Дѣло въ томъ, что законъ, изложивъ *общее правило* для выбора мѣры содержанія или надзора, вслѣдъ за тѣмъ, въ видахъ лучшаго разъясненія этого правила, установляетъ въ частности на немъ же основанную, точно опредѣленную *норму*, въ трехъ категоріяхъ, только по свойству преступленій и слѣдующихъ за нихъ наказаній. Но выдвинувъ въ такъ называемой нами *нормѣ* на первый планъ большую или меньшую важность противозаконныхъ дѣйствій, какъ самую очевидную основу для выбора мѣръ пресѣченія уклоненій отъ слѣдствія и суда, законъ безъ сомнѣнія не упустилъ при томъ изъ вида и другихъ, начертанныхъ имъ въ общемъ правилѣ условій для принятія которой нибудь изъ степеней лишенія или стѣсненія свободы. Само собою разумѣется, что въ норму эти условія не могли войти во всемъ ихъ возможномъ разнообразіи; никакъ нельзя допустить, чтобы въ ней важность уликъ и доказательствъ оцѣнивалась наравнѣ съ ничтожностію тѣхъ и другихъ. Напротивъ, необходимо заключить, что въ нормѣ, по самой рѣзкой очерченности ея категорій, всѣ остальныя условія общаго правила приняты въ одномъ какомъ либо опредѣленномъ направленіи, и безъ сомнѣнія въ томъ, какое наиболѣе можетъ усиливать мѣру содержанія или надзора. Словомъ, норма есть выраженіе того же общаго правила только при извѣстномъ, напередъ предполагаемомъ сочетаніи изложенныхъ въ немъ условій, есть частный выводъ изъ начала, допускающаго многоразличныя приложенія, есть тоже что видъ по отношенію къ роду. Но съ другой стороны норма, точно означивъ въ трехъ категоріяхъ соотвѣтствіе между родами преступленій и степенями содержанія и надзора, установила тѣмъ какъ бы рамки для самаго общаго правила, вывела послѣднее изъ совершенной его неопредѣленности, и дала точки опоры для требуемыхъ закономъ соображеній со стороны слѣдователей при выборѣ мѣръ пресѣченія уклоненій отъ слѣдствія и суда. Отсюда вытекаетъ, что если въ какомъ нибудь уголовномъ дѣлѣ встрѣтятся

условія, предполагаемыя въ нормѣ, то слѣдователь неуклонно обязанъ ею руководствоваться, но при отсутствіи этихъ условій онъ долженъ основывать свои дѣйствія, въ отношеніи принятія той или другой мѣры лишенія или стѣсненія свободы, на общемъ правилѣ. Такимъ образомъ, никто не станетъ отрицать, что слѣдователь, по 1-й категоріи законной нормы, обязанъ посадить въ тюрьму человѣка, обвиняемаго въ преступленіи, влекущемъ за собою лишеніе всѣхъ правъ состоянія или лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ, если противъ такого подсудимаго будутъ неопровержимыя улики и доказательства, а чрезъ то и самое сильное подозрѣніе въ намѣреніи его скрыться отъ наказанія. Но на практикѣ нерѣдко встрѣчаются случаи, что по взведенному напр. на кого нибудь воровству не обнаружено никакихъ доказательствъ противъ обвиняемаго, или только весьма слабыя, ничтожныя улики. Неужели въ приведенномъ нами примѣрѣ подозрѣваемаго въ преступленіи слѣдуетъ непремѣнно, руководствуясь нормой, подвергнуть тюремному заключенію? Нисколько. Такая мѣра была бы жестокою: она могла бы лишить свободы человѣка совершенно невиннаго. Притомъ, этому противорѣчилъ бы и истинный смыслъ разсматриваемаго нами закона, потому что норма для примѣненія къ дѣлу той или другой изъ трехъ своихъ категорій непремѣнно требуетъ, какъ мы замѣтили выше, силы уликъ или доказательствъ противъ обвиняемаго. Слѣдователь въ указанномъ нами случаѣ воровства имѣетъ полное право, основываясь на общемъ правилѣ, отдать подсудимаго подъ полицейскій надзоръ, или на поруки, или же оставить его совершенно свободнымъ, не примѣняя къ нему никакой мѣры содержанія или надзора (*). Далѣе, всякій согласится, что слѣдователь, по 2-й категоріи законной нормы, обязанъ содержать въ домашнемъ арестѣ или въ полицейскомъ надзорѣ того, чье преступленіе, влекущее за собою заключеніе въ крѣпости, смирительномъ домѣ или тюрьмѣ, вполнѣ доказано, но никто не станетъ упрекать слѣдователя, если при недостаткѣ или совершенномъ отсутствіи доказательствъ, онъ выдастъ такого обвиняемаго поручи-

(*) Впрочемъ обвиняемые въ преступленіяхъ, влекущихъ за собою лишеніе всѣхъ правъ состоянія, какъ увидимъ ниже, не могутъ быть отдаваемы на поруки даже при слабыхъ уликахъ (сноска въ 3 прим. къ 134 ст. кн. 2-й XV т.).

телямъ или оставитъ на свободѣ безъ всякаго надзора. Что касается 3-й категоріи законной нормы, т. е. отдачи на поруки, какъ мѣры самостоятельной, а не какъ замѣняющей только другія, строжайшія, то въ этомъ смыслѣ она начинается лишь по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ, не влекущихъ за собою даже наказанія тюремнымъ заключеніемъ (*). На практикѣ въ поручительствѣ по такимъ дѣламъ почти всегда не представляется никакой надобности, ибо едва ли кто станетъ уклоняться отъ суда, когда результатомъ его можетъ быть только незначительный арестъ, небольшое денежное взысканіе, или даже выговоръ. Да законъ и не требуетъ безусловно поручительства по всякому ничтожному дѣлу. Поэтому слѣдователь, руководствуясь 3-й категоріей законной нормы, понимаемой въ тѣсномъ смыслѣ мѣры самостоятельной, и принимая во вниманіе вообще цѣль, для которой разсматриваемыя нами постановленія изданы, т. е. пресѣченіе способовъ обвиняемому уклоняться отъ слѣдствія и суда, обязанъ отдать на поруки и подсудимаго по ничтожному дѣлу, если, при сильныхъ уликахъ въ совершеніи имъ преступленія, будетъ полное основаніе заключать, что онъ намѣренъ скрыться. Повторяемъ, что такіе случаи можно допустить, какъ чрезвычайно рѣдкое явленіе, какъ исключеніе изъ обыкновеннаго порядка вещей.—Поручителями дозволяется быть всѣмъ вполнѣ надежнымъ людямъ, исключая монаховъ; но иногда законъ прямо указываетъ на лицо, кому обвиняемый можетъ быть безусловно отданъ на поруки. Такимъ правомъ пользуются *управляющіе удѣльными конторами, волостныя и сельскія* начальства по отношенію къ подвѣдомственнымъ имъ крестьянамъ, и *хозяева судовъ* по отношенію къ своимъ судовымъ работникамъ (264 ст. IX т., 138 ст. кн. 2-й XV т.; 599 ст. XII т. Уст. казен. сел.; 321 ст. XII т. Уст. пут. сооб.).

Изъ всего нами сказаннаго слѣдуетъ, что между *общимъ правиломъ* и *нормой* нѣтъ никакого противорѣчія и что они не исключаютъ другъ друга, а напротивъ взаимно объясняютъ и дополняютъ. Если

(*) Нужнымъ считаемъ замѣтить, что отдача на поруки принимается въ отечественномъ законодательствѣ въ двоякомъ смыслѣ: 1) какъ мѣра пресѣченія уклоненія отъ слѣдствія и суда и 2) какъ послѣдствіе самаго суда (313 и 314 ст. кн. 2-й XV т; 841 ст. Улож. о нак.; прил. III къ Улож.; 1439 ст. XIII т. Уст. врач.). Поручительство въ этомъ послѣднемъ смыслѣ не относится къ предмету настоящей нашей статьи.

въ общемъ правилѣ не опредѣляется въ точности, кого слѣдуетъ содержать въ тюрьмѣ, кого въ домашнемъ арестѣ, и кого въ томъ или другомъ видѣ надзора, то за то все это положительно объясняется въ нормѣ. Съ другой стороны, если правилъ нормы нельзя относить ко всѣмъ безъ изъятія случаямъ дѣйствительной жизни, то въ этомъ отношеніи норму дополняетъ общее правило, которое даетъ возможность, по указанію обстоятельствъ, довольно свободно передвигать между ея категоріями распредѣленныя по нимъ мѣры пресѣченія уклоненій отъ слѣдствія и суда. Такимъ образомъ, хотя слѣдователи не могутъ, стѣсняемые рамкою нормы, посадить въ тюрьму того, кто сдѣлалъ проступокъ, влекущій за собую денежное взысканіе, арестъ или тюремное заключеніе, или содержать въ домашнемъ арестѣ лицо, подлежащее только выговору, но за то не лишены власти, руководствуясь общимъ правиломъ, отдать на поруки или подъ полицейскій надзоръ того, кому, по свойству его преступленія, слѣдовало бы, по видимому, въ предупрежденіе побѣга, назначить заключеніе въ тюрьмѣ или домашнемъ арестѣ. Никакъ нельзя упрекать наше законодательство, что оно, стѣснивъ тремя категоріями нормы произволъ слѣдователей въ опредѣленіи высшихъ степеней содержанія или надзора несоотвѣтственно съ важностію вины подсудимаго, предоставило въ тоже время производителямъ слѣдствій право отступать отъ нормы и, основываясь на общемъ правилѣ, назначать обвиняемымъ, въ случаѣ надобности, меньшія степени лишенія или стѣсненія свободы. Не говоря уже о томъ, что едва ли какой нибудь законъ въ состояніи устранить въ этомъ отношеніи всякую произвольность дѣйствій своихъ исполнителей, обратимъ вниманіе на выгодныя стороны разсматриваемаго нами постановленія. Не связывая безусловно слѣдователей въ выборѣ мѣры содержанія или надзора, оно открываетъ имъ возможность при добросовѣстности, соображаясь съ даннымъ случаемъ и дѣйствительною необходимостію, постановить самую справедливую мѣру пресѣченія уклоненій отъ слѣдствія и суда, безъ потворства подсудимымъ и безъ обремененія ихъ участи. При отсутствіи же добросовѣстности въ исполненіяхъ тѣхъ или другихъ постановленій, никакой законъ самъ собою не искоренитъ зла. Жаль только, что первоначальное назначеніе мѣры лишенія или стѣсненія чьей либо свободы ввѣрено у насъ не *суду*, а *полиціи*. Впрочемъ, по дѣламъ о похи-

щеніи и утайкѣ золота, серебра и платины въ горныхъ округахъ, принятіе мѣръ въ предупрежденіе побѣга обвиняемыхъ предоставляется *разсмотрѣнію и опредѣленію суда*; слѣдователемъ же эти мѣры пріемлются только въ томъ случаѣ, когда, по обстоятельствамъ слѣдствія, вина подсудимаго будетъ ясно обнаружена (986 ст. кн. 2-й XV тома) (*).

Ко всему изложенному нами необходимо присовокупить, что, на основаніи закона, слѣдователь обязанъ, соображаясь съ важностью обвиненія, взведеннаго на подсудимаго, съ силою обнаруженныхъ противъ него уликъ, а также съ его званіемъ, *постановить мѣру содержанія его*, для пресѣченія ему способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда (132 ст. кн. 2-й XV т.). Выраженіе «*постановить мѣру содержанія*» безъ сомнѣнія означаетъ постановленіе такой мѣры не *на словахъ*, *а на письмѣ*, т. е. составленіе акта, въ которомъ бы въ точности исчислялись причины, заставившія слѣдователя употребить въ данномъ случаѣ въ отношеніи къ подсудимому тотъ, а не другой видъ содержанія или надзора. Требованіе со стороны закона составленія такихъ актовъ безъ сомнѣнія сдѣлано не только потому, что лишеніе или стѣсненіе чьей либо свободы, по самой важности этой мѣры, не можетъ быть произведено безъ всякаго письменнаго о томъ опредѣленія, но также

(*) По нашимъ законамъ, когда, при производствѣ слѣдствія о какомъ либо преступленіи или проступкѣ, слѣдователь по обстоятельствамъ дѣла удостовѣрится, что на обвиняемаго можетъ пасть денежное взысканіе, то обязанъ, не ожидая окончанія слѣдствія, представить о томъ въ надлежащій судъ первой степени, который, если найдетъ такое представленіе основательнымъ, дѣлаетъ распоряженіе о наложеніи запрещенія или ареста на имѣніе подсудимаго, по соразмѣрности могущаго пасть на него взысканія (143 ст. кн. 2-й XV т. въ 1-мъ Прод.). Начало выраженное въ этомъ законѣ весьма легко примѣнить и къ производству формальныхъ слѣдствій и выбору мѣры содержанія или надзора. Собравъ въ предварительномъ слѣдствіи всѣ возможныя улики и доказательства противъ обвиняемаго, слѣдователь могъ бы приступать къ формальному слѣдствію не иначе, какъ по опредѣленію суда, который въ то же время постановлялъ бы и самую мѣру лишенія или стѣсненія свободы преступника. Если законъ такъ ограждаетъ имущество гражданъ въ отношеніи наложенія запрещенія или ареста, то тѣмъ болѣе казалось бы онъ долженъ ограждать ихъ личность отъ произвольныхъ притѣсненій слѣдствіемъ и отъ прихоти одного лица при выборѣ мѣры содержанія или надзора.

и съ тою цѣлію, чтобы заставить слѣдователей дѣйствовать въ этомъ случаѣ обдуманно и осторожно, и чтобы судъ удобнѣе могъ контролировать ихъ дѣйствія по выбору степени содержанія или надзора.

Все сказанное нами до сихъ поръ представляетъ разъясненіе общаго закона о пресѣченіи обвиняемымъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда; но есть условленныя необходимостію частныя постановленія, относящіяся къ этому же предмету и составляющія исключеніе изъ общаго порядка. Эти частныя постановленія можно раздѣлить на два главные разряда: одни изъ нихъ совершенно отмѣняютъ дѣйствіе закона общаго, а другія только видоизмѣняютъ его примѣненіе.

Къ постановленіямъ перваго разряда относятся статьи о ссыльныхъ, совершившихъ новыя преступленія, а также о бродягахъ и вообще людяхъ безъ всякаго письменнаго вида. Для взятія ссыльнаго подъ стражу, сказано въ XIV томѣ, начальство не стѣсняется правилами, изложенными въ общихъ законахъ уголовныхъ; ссыльный можетъ быть задержанъ во всякомъ случаѣ, какъ скоро есть подозрѣніе въ совершеніи имъ какого либо преступленія, и потомъ уже не освобождается на поруки до рѣшенія дѣла. Ссыльный же, оговоренный на судѣ показаніемъ другаго ссыльнаго, увольняется на поручительство надежныхъ людей тогда лишь, когда по обстоятельствамъ дѣла оговоръ не представляетъ никакого вѣроятія (855 и 856 ст. XIV т. Уст. о ссыл.). Что касается бродягъ и вообще лицъ, задержанныхъ за неимѣніе письменнаго вида, то, до полученія справки о ихъ званіи, къ нимъ примѣняются не мѣры, указанныя въ общей законной нормѣ, а особые способы содержанія, именно тѣхъ изъ этихъ лицъ мужескаго пола, которыя имѣютъ отъ 17 до 60 лѣтъ, велѣно отсылать въ арестантскія роты, неспособныхъ же, а также всѣхъ женщинъ оставлять въ вѣдѣніи мѣстной полиціи и употреблять въ городскія работы, и вообще до окончанія дѣлъ содержать на общемъ съ прочими арестантами положеніи. Престарѣлыхъ же и малолѣтнихъ обоего пола бродягъ, коимъ нѣтъ еще 17 лѣтъ, предписано отсылать въ Приказы Общественнаго Призрѣнія (623 ст. XIV т. Уст. о содерж. подъ стр.)

Постановленія втораго разряда, т. е. видоизмѣняющія только дѣйствіе общаго закона, въ свою очередь можно раздѣлить на два

вида: одни изъ нихъ смягчаютъ строгость общей законной нормы, а другія усиливаютъ эту строгость. Къ первому виду относятся статьи: 1) о женщинахъ беременныхъ и кормящихъ грудью дѣтей; 2) о подсудимыхъ, содержащихся въ тюрьмѣ болѣе трехъ дней безъ допроса; 3) о виновныхъ въ тайномъ провозѣ товаровъ; 4) о чиновникахъ, судимыхъ за преступленія по должности и 5) о Сибирскихъ инородцахъ и Самоѣдахъ Архангельской губерніи; ко второму виду причисляются статьи: 1) о конокрадахъ; 2) объ укрывателяхъ бѣглыхъ воинскихъ чиновъ; 3) о виновныхъ въ противозаконной выдѣлкѣ, развозѣ и продажѣ питей; 4) о преступленіяхъ по монетному управленію и 5) о виновныхъ въ государственныхъ преступленіяхъ.

I. О постановленіяхъ, смягчающихъ строгость общей законной нормы.

1) О женщинахъ беременныхъ и кормящихъ грудью дѣтей.

По преступленіямъ, невлекущимъ за собою наказаній уголовныхъ, т. е. лишенія всѣхъ правъ состоянія, не берутся подъ стражу женщины, имѣющія грудныхъ дѣтей (*), равно беременныя, кои могутъ быть поставлены въ необходимость родить во время самаго пребыванія въ тюрьмѣ, а онѣ оставляются въ мѣстѣ жительства на порукахъ и подъ ближайшимъ полицейскимъ надзоромъ (105 ст. кн. 2-й XV т). Какое же заключается смягченіе въ этой статьѣ противъ общей законной нормы? Мы видѣли, что по первой ея категоріи содержатся въ тюрьмѣ обвиняемые въ преступленіяхъ, влекущихъ за собою лишеніе всѣхъ правъ состоянія или всѣхъ особенныхъ правъ; но мы также замѣтили, что при слабости уликъ нѣкоторые изъ подсудимыхъ этой категоріи также могутъ быть отдаваемы и на поруки. Безъ сомнѣнія, приведенный нами законъ о женщинахъ, запрещая безусловно сажать ихъ въ тюрьму за преступленія, лишающія только нѣкоторыхъ правъ, не дѣлаетъ различія между силою и слабостію уликъ и доказательствъ,—и въ этомъ отношеніи дѣйствительно составляетъ смягченіе противъ

(*) Изъ 539 ст. Кн. 2-й XV т. Св. Зак. видно, что *грудными* считаются по нашимъ законамъ дѣти до полуторагодичнаго возраста.

общаго постановленія. Такимъ образомъ, женщина, кормящая грудью ребенка, хотя бы вполнѣ была уличена въ воровствѣ, не можетъ, на основаніи первой категоріи нормы, быть подвергнута тюремному заключенію, а отдается на поруки и подъ полицейскій надзоръ. Замѣчательно, что въ этомъ случаѣ законъ, избавляя подобныхъ женщинъ отъ лишенія свободы, совершенно справедливо усиливаетъ для нихъ мѣру ея стѣсненія, именно въ одно и тоже время назначаетъ два вида надзора, поручительскій и полицейскій. Если же беременная женщина, или кормящая грудью ребенка впадетъ въ преступленіе, за которое опредѣляется лишеніе всѣхъ правъ состоянія, наприм. совершитъ умышленное убійство или умышленный поджогъ, то она не освобождается отъ дѣйствія общаго закона, а заключается въ тюрьму.

2) О подсудимыхъ, содержащихся въ тюрьмѣ болѣе трехъ дней без допроса.

Если кто изъ подсудимыхъ, содержащихся въ тюрьмѣ болѣе трехъ дней, представитъ въ Совѣстный Судъ (нынѣ Палату Уголовнаго Суда) прошеніе о томъ, что ему въ тѣ три дня не объявлено за что онъ содержится въ тюрьмѣ, или что ему допросъ не сдѣланъ, то Судъ, по истребованіи объясненія, освобождаетъ подсудимаго на поруки, исключая преступленій государственныхъ, смертоубійства, зажигательства, разбоя, грабежа и воровства. Воспользовавшійся такимъ правомъ Совѣстнаго Суда не можетъ по тому же дѣлу, прежде его рѣшенія, подвергнуться вновь тюремному заключенію (192 и 193 ст. кн. 2-й XV т.). Этимъ закономъ даровано весьма важное право Совѣстнымъ Судамъ (нынѣ Уголовнымъ Палатамъ) облегчать участь подсудимыхъ при самомъ производствѣ надъ ними слѣдствія и суда; но само собою разумѣется, что такимъ правомъ необходимо пользоваться съ крайнею осмотрительностію и осторожностію. Хотя законъ исчислилъ, повидимому, всѣ важнѣйшія преступленія, къ которымъ даруемое имъ облегченіе не можетъ быть примѣнено, однакожъ члены Уголовной Палаты, при добросовѣстномъ исполненіи своихъ обязанностей, едва ли станутъ понимать приведенную нами статью слишкомъ буквально, и за всякія другія преступленія, неисчисленныя въ ней, неуклонно освобождать пре-

ступниковъ на поруки, если только они не были допрошены въ теченіи трехъ дней со времени взятія ихъ подъ стражу. Едва ли бы, напримѣръ, правительство и общее мнѣніе одобрили поступокъ Палаты Уголовнаго Суда, которая, руководствуясь не разумомъ, а буквой закона, освободила бы изъ тюрьмы человѣка, дерзнувшаго въ полномъ умѣ, но вслѣдствіе глубокаго нравственнаго паденія, богохульствовать въ церкви во время самаго богослуженія, или если бы Палата также поступила относительно упорнаго распространителя новаго какого нибудь раскола, вреднаго не только въ церковномъ, но и въ гражданскомъ отношеніи, или если бы она отдала на поруки преступника, уличеннаго въ искусной поддѣлкѣ на огромную сумму государственныхъ кредитныхъ билетовъ. Намъ кажется, что гораздо справедливѣе, хотя это положительно запрещено, освободить изъ тюрьмы недопрошеннаго въ теченіи трехъ дней, но вполнѣ уличеннаго вора, сдѣлавшаго въ первый разъ незначительную кражу изъ крайней бѣдности, нежели всѣхъ означенныхъ выше преступниковъ, хотя относительно ихъ не сдѣлано никакого исключенія въ разсматриваемомъ нами законѣ. Не ограничивая смыслъ этого послѣдняго, мы тѣмъ не менѣе убѣждены, что во многихъ случаяхъ онъ можетъ имѣть весьма разумное примѣненіе. Часто случается, что какой нибудь крестьянинъ или мѣщанинъ, нуждаясь въ скорой отлучкѣ съ мѣста жительства по своимъ промысламъ, но пугаясь проволочекъ и незаконныхъ расходовъ при полученіи паспорта, добываетъ себѣ фальшивый письменный видъ. Положимъ, что по обнаруженіи этого преступленія, виновнаго, по первой категоріи законной нормы, заключаютъ въ тюрьму и содержатъ въ ней въ теченіи трехъ дней безъ допроса. Въ случаѣ подачи имъ на это жалобы, Палата Уголовнаго Суда нисколько не можетъ стѣсняться въ дарованіи такому подсудимому установленнаго закономъ облегченія. Жаль только, что наши простолюдины, которые болѣе всѣхъ подвергаются незаконнымъ стѣсненіямъ при слѣдствіи, вовсе и не знаютъ о существованіи приведеннаго нами закона, и потому едва ли когда нибудь имъ пользуются. Само собою разумѣется, что это постановленіе относится только къ тѣмъ подсудимымъ, которыхъ дѣйствительно, на основаніи первой категоріи законной нормы, необходимо содержать въ тюрьмѣ, потому что если бы оказалось, что

арестанта, просидѣвшаго подъ стражею три дня безъ допроса, вовсе и не слѣдовало по общимъ правиламъ подвергать такой мѣрѣ заключенія, то онъ хотя бы и не принесъ на то жалобы, можетъ быть выпущенъ изъ тюрьмы во всякомъ случаѣ, и не на поруки только, а и на совершенную свободу. Вообще въ отношеніи къ нему должна быть принята мѣра содержанія или надзора сообразно съ важностію его вины и силою уликъ на общемъ основаніи.

3) *О виновныхъ въ тайномъ провозѣ товаровъ.*

Виновный въ тайномъ провозѣ товаровъ, подлежащій по дѣлу личной отвѣтственности, отсылается до рѣшенія дѣла подъ присмотръ мѣстной полиціи (926 ст. кн. 2-й XV т.). Если принять во вниманіе, что за тайный провозъ товаровъ назначаются не только заключеніе въ смирительномъ домѣ, но и наказанія, соединенныя съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія или всѣхъ особенныхъ правъ, то приведенный нами законъ, установляющій, по видимому, для такихъ преступниковъ только *полицейскій надзоръ*, представляется слишкомъ снисходительнымъ. Впрочемъ, помѣстивъ этотъ законъ въ числѣ частныхъ постановленій по его буквальному смыслу, мы однакожъ не считаемъ его исключеніемъ изъ правилъ, опредѣленныхъ въ общей законной нормѣ. Такое мнѣніе опирается на 922 ст. кн. 2-й XV тома Свода Законовъ. Въ ней сказано: таможни и полиціи принимаютъ немедленно дѣятельныя мѣры къ неотлучкѣ хозяина товара съ мѣста жительства или въ задержаніи *провозителя*. Основываясь на выраженіи «*задержаніе провозителя*», мы думаемъ, что, по дѣламъ о тайномъ провозѣ товаровъ заключеніе преступниковъ въ тюрьмѣ не запрещается въ томъ случаѣ, если они должны подвергнуться наказанію уголовному или тяжкому исправительному, соединенному съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ состоянія, и что полицейскій надзоръ имѣетъ мѣсто тогда лишь, когда преступнику этого рода можетъ быть назначено только заключеніе въ смирительномъ домѣ. Словомъ, приведенную нами 926 ст. слѣдуетъ понимать не въ обширномъ, а въ тѣсномъ смыслѣ, а при такомъ толкованіи она не будетъ составлять исключенія изъ общаго закона.

4) *О чиновникахъ, судимыхъ за преступленія по должности.*

Подсудимый чиновникъ во время слѣдствія и суда, смотря по важности обвиненія, или содержится подъ стражею, или состоитъ на свободѣ (662 ст. кн. 2-й XV т.). Законъ этотъ въ томъ отношеніи смягчаетъ правило общей нормы, что, оставляя неприкосновенною 1-ю ея категорію, т. е. предписывая заключать должностныхъ лицъ въ тюрьму, разумѣется, за преступленія, влекущія за собою лишеніе всѣхъ или всѣхъ особенныхъ правъ состоянія, онъ въ тоже время устраняетъ для такихъ подсудимыхъ всѣ прочія мѣры содержанія и надзора, т. е. домашній арестъ, полицейскій надзоръ и отдачу на поруки, и въ тѣхъ случаяхъ, когда по общему постановленію эти мѣры были бы необходимы, оставляетъ чиновниковъ на свободѣ. Основаніе къ установленію для нихъ подобнаго облегченія едва ли не заключается въ томъ, что они могутъ и послѣ преданія ихъ суду за маловажные проступки находиться при должностяхъ, и потому стѣсненіе ихъ свободы представлялось бы неудобнымъ и излишнимъ.

5) *О Сибирскихъ инородцахъ и Самоѣдахъ Архангельской губерніи.*

Инородцевъ и Самоѣдовъ, обвиняемыхъ въ важныхъ только преступленіяхъ, велѣно содержать подъ стражею, а за маловажные проступки ни подъ какимъ видомъ отъ промысловъ не отлучать (1159 и 1225 ст. кн. 2-й XV т.). Важными преступленіями въ отношеніи инородцевъ и Самоѣдовъ считаются слѣдующія: 1) возмущеніе, 2) умышленное убійство, 3) разбой, 4) насиліе (*), 5) дѣланіе фальшивой монеты, 6) похищеніе казеннаго и общественнаго имущества, и 7) зажигательство (прил. IV къ Улож. о нак. отд. I п. 1, отд. V, 1167 и 1155 ст. кн. 2-й XV т.). И такъ, за эти только противузаконныя дѣйствія упомянутыя нами лица содержатся подъ стражею, что согласно и съ правиломъ 1-й категоріи общей нормы; въ случаѣ же взведенія на нихъ обвиненія въ другихъ преступленіяхъ, хотя и тяжкихъ, напр. въ кражѣ чего либо у частныхъ лицъ, они остаются на свободѣ, и ни одна изъ остальныхъ мѣръ пресѣченія уклоненій отъ слѣдствія и суда къ нимъ не примѣняется. Въ отношеніи

(*) Слѣдуетъ ли подъ *насиліемъ* разумѣть грабежъ или изнасилованіе?

Сибирскихъ инородцевъ важнымъ преступленіемъ считается и *корчемство* (прил. IV къ Улож. отд. I п. 1), за которое они также должны быть заключаемы въ тюрьму, не смотря на то, что могутъ подвергнуться за него преимущественно только денежнымъ взысканіямъ. Въ этомъ лишь случаѣ не смягчается для инородцевъ строгость законной нормы, а усиливается (*).

Разсмотрѣвъ частныя постановленія перваго вида, нельзя не замѣтить, что вся ихъ сущность заключается: 1) въ смягченіи первой категоріи нормы, т. е. въ безусловной замѣнѣ тюремнаго содержанія отдачею на поруки; 2) въ оставленіи неприкосновенною 1-ю категорію нормы во всемъ ея объемѣ, но въ отмѣнѣ за то мѣръ, указанныхъ во 2 и 3 ея категоріяхъ, т. е. въ предоставленіи подсудимому свободы въ тѣхъ случаяхъ, когда эти мѣры по общимъ правиламъ слѣдовало бы къ нему примѣнить; 3) въ оставленіи неприкосновенною 1-ю категорію нормы только по нѣкоторымъ преступленіямъ, но въ отмѣнѣ ея по другимъ не менѣе важнымъ, и также въ совершенномъ устраненіи мѣръ, поименованныхъ во 2 и 3 категоріяхъ.

II. О ПОСТАНОВЛЕНІЯХЪ, УСИЛИВАЮЩИХЪ СТРОГОСТЬ ОБЩЕЙ ЗАКОННОЙ НОРМЫ.

1) *О конокрадахъ.*

По временнымъ правиламъ, дѣйствующимъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, конокрады, во время производства надъ ними слѣдствія и суда, не отдаются на поруки, а содержатся подъ стражею (474 ст. XIV т. Уст. о пред. и прес. прест.). Это постановленіе, изданное въ видахъ искорененія конокрадства, самымъ очевиднымъ образомъ доказываетъ справедливость нашего вывода, что не всѣ подсудимые, относящіеся къ первой категоріи нормы, должны непремѣнно подвергаться тюремному заключенію. Извѣстно, что обвиняемые въ воровствѣ причисляются къ первой категоріи, но если законъ положительно запрещаетъ отдавать конокрадовъ на поруки, то слѣ-

---

(*) Впрочемъ, едвали постановленіе о корчемствѣ не слѣдуетъ считать отмѣненнымъ и для Сибирскихъ инородцевъ, если принять во вниманіе примѣч. 2 къ 904 ст. V т. Уст. о пит. сбор. и акц. по II Прод.

довательно вообще въ дѣлахъ о кражѣ такая мѣра иногда дозволяется, потому что, при безусловномъ ея устраненіи, не было бы никакой надобности издавать въ частности постановленіе о конокрадствѣ. Допуская поручительство въ отношеніи нѣкоторыхъ подсудимыхъ, означенныхъ въ 134 ст. кн. 2-й XV тома, какъ мѣру, дозволенную *общимъ правиломъ*, мы тѣмъ самымъ опредѣляемъ и значеніе разсматриваемаго нами закона. Онъ составляетъ исключеніе изъ общаго постановленія, разумѣется только въ томъ смыслѣ, что воспрещаетъ отдачу на поруки лицъ, обвиняемыхъ въ кражѣ лошадей и рабочаго скота, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда по общему правилу она могла бы имѣть мѣсто, т. е. при слабости уликъ, и такимъ образомъ усиливаетъ строгость 1-й категоріи нормы. Безъ сомнѣнія, тотъ, на кого взведено одно голословное, ничѣмъ не подкрѣпленное обвиненіе въ конокрадствѣ, не долженъ содержаться въ тюрьмѣ. Онъ имѣетъ право оставаться на свободѣ и не подвергаться формальному слѣдствію, хотя не рѣдко, вопреки закону, такія слѣдствія производятся у насъ по самымъ ничтожнымъ обвиненіямъ.

2) *Объ укрывателяхъ бѣглыхъ воинскихъ чиновъ.*

Укрыватели бѣглыхъ воинскихъ чиновъ, какъ во время допросовъ, такъ и во все продолженіе дѣлъ, содержатся подъ карауломъ, а на поруки выпускаемы быть не могутъ (826 ст. кн. 2-й XV т.). Наказанія за укрывательство дезертировъ назначаются различныя смотря по тому, будетъ ли оно сдѣлано: 1) тѣмъ лицемъ, которымъ кто отданъ въ рекруты, а также жителями того села или членами того городскаго податнаго общества, откуда бѣжавшій поступилъ на службу, или 2) кѣмъ либо другимъ. Въ первомъ случаѣ, съ лицъ, изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній, взыскивается 2000 руб. за каждаго скрывавшагося у нихъ бѣглаго, а во второмъ 600 руб. Семейства же, виновныя въ укрывательствѣ и неизъятыя отъ тѣлесныхъ наказаній, въ первомъ случаѣ поставляютъ двухъ рекрутъ, а во второмъ одного за каждаго бѣглеца, а при неспособности къ военной службѣ поставляемыхъ лицъ, эти послѣднія наказываются розгами и заключаются въ арестантскія роты отъ 10 до 12 лѣтъ

(577, 578 и 83 ст. Улож.) (*). По какому бы кто изъ укрывателей бѣглыхъ воинскихъ чиновъ ни подвергался наказанію, денежной ли пенѣ или личной отвѣтственности, онъ, по смыслу закона, долженъ непремѣнно содержаться въ тюрьмѣ, и не можетъ быть выпущенъ на поруки. Если тяжесть отвѣтственности въ этомъ случаѣ для лицъ, неизъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія, сама собою условливаетъ для нихъ, согласно съ общимъ постановленіемъ, означенную мѣру содержанія, то съ другой стороны безусловное назначеніе имъ тюремнаго заключенія, безъ возможности даже при слабости уликъ употребить меньшую мѣру стѣсненія свободы, составляетъ уже усиленіе строгости законной нормы. Содержаніе же подъ карауломъ за укрывательство дезертировъ лицъ, изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній и подлежащихъ только денежнымъ взысканіямъ, представляетъ не только строгость, но совершенную отмѣну начала, принятаго въ общемъ постановленіи о мѣрахъ пресѣченія уклоненій отъ слѣдствія и суда.

3) *О виновныхъ въ противузаконной выдѣлкѣ, развозѣ и продажѣ питей.*

Виновные въ противозаконной выдѣлкѣ, развозѣ и продажѣ питей, подлежащихъ питейному сбору и акцизу, и участники въ сихъ преступленіяхъ (подвергающихъ преимущественно денежнымъ взысканіямъ), какъ во время допросовъ, такъ и во все продолженіе дѣлъ, содержатся подъ карауломъ, и на поруки выпускаемы быть не могутъ (903 ст. кн. 2-й XV т.). Вотяки, обвиняемые въ нарушеніи правилъ по дозволенной имъ выкуркѣ кумышки, если притомъ не сдѣлано другаго важнаго преступленія, до рѣшенія дѣла отдаются подъ полицейскій надзоръ (904 ст. кн. 2-й XV т.). Обѣ этѣ статьи отмѣнены въ Первомъ и во Второмъ Продолженіи къ Своду, изд. 1857 года (886 ст. прим. п. 7 въ I Прод. къ XV т.; 904 ст. прим.

(*) Нельзя не замѣтить, что скрывавшійся отъ рекрутства (исключая Евреевъ) въ случаѣ, когда по поимкѣ будетъ признанъ неспособнымъ къ военной службѣ, возвращается на мѣсто жительства, по наказаніи только розгами, укрывавшій же такого неспособнаго къ службѣ рекрута отдается въ солдаты, а при негодности заключается въ арестантскія роты отъ 10 до 12 лѣтъ (575 и 578 ст. Улож).

2 во II прод. къ V т. Уст. о пит. сбор. и акц.). Новымъ закономъ велѣно относительно содержанія подъ стражею подсудимыхъ по дѣламъ о нарушеніи постановленій о питейномъ сборѣ и акцизѣ руководствоваться общей законной нормой, слѣдовательно и общимъ правиломъ, неразрывно съ нею связаннымъ. Мы упомянули объ 903 и 904 ст. кн. 2-й XV т., потерявшихъ уже свою силу, только потому, что одна изъ нихъ, именно 903, не показана по ошибкѣ въ числѣ отмѣненныхъ ни въ одномъ изъ вышедшихъ доселѣ Продолженій къ Своду.

4) *О преступленіяхъ по монетному управленію.*

Если казначеямъ и прочимъ лицамъ, состоящимъ при денежныхъ сборахъ, представлены будутъ кѣмъ либо фальшивыя деньги *по пятнадцати копѣекъ въ рубль одного чекана*, то приноситель оныхъ *задерживается* и отсылается въ полицію для изслѣдованія. Если же число фальшивыхъ денегъ малое и въ *рубль меньше 10 коп.*, или если явятся у кого фальшивыя деньги разныхъ чекановъ, или старыя, то приносители сами не задерживаются и слѣдствіе въ семъ случаѣ не производится. Такимъ же образомъ надлежитъ поступать, если покупатели представятъ торгующимъ фальшивыя деньги. Кто по слѣдствію въ поддѣлкѣ монеты обличенъ не будетъ, тотъ освобождается отъ содержанія (943, 944 и 948 ст. кн. 2-й XV т.). Строгость выписаннаго нами постановленія противъ общей нормы проявляется въ томъ, что эта послѣдняя, для заключенія кого либо въ тюрьму, требуетъ сильныхъ уликъ въ совершеніи имъ преступленія, приведенный же нами законъ предписываетъ лишать свободы всякаго, представившаго фальшивыя деньги въ извѣстномъ количествѣ, хотя одно такое представленіе само по себѣ еще не составляетъ противъ него даже слабой улики въ поддѣлкѣ монеты (*). Если въ разсматриваемомъ нами постанов-

(*) Задерживать велѣно тѣхъ, кто представитъ фальшивыхъ денегъ *15 копѣекъ въ рубль одного чекана*, не задерживаются же тѣ, кои представятъ *менѣе 10 копѣекъ въ рубль*. Что же дѣлать съ тѣмъ, кѣмъ представлено будетъ поддѣльныхъ монетъ болѣе 10, но менѣе 15 копѣекъ въ рублѣ одного чекана?

ленія запрещено задерживать и производить слѣдствіе надъ тѣми, кто представитъ фальшивыхъ денегъ меньше 10 коп. въ рублѣ, то такое правило слѣдуетъ понимать только въ томъ смыслѣ, что задержаніе и слѣдствіе не производятся по этому лишь поводу, когда никакихъ другихъ въ виду не будетъ; но если бы кто предъявилъ хотя и одну какую нибудь фальшивую монету, а противъ него открылись бы важныя улики въ поддѣлкѣ денегъ, то само собою разумѣется, что такое лицо должно подвергнуться задержанію и слѣдствію на общемъ основаніи.

5) *О виновныхъ въ государственныхъ преступленіяхъ.*

Обвиняемый въ преступленіяхъ государственныхъ, означенныхъ въ статьяхъ 275—280, 282 и 287 Уложенія, берется подъ стражу и содержится подъ крѣпкомъ карауломъ (611 и 613 ст. кн. 2-й XV т.). За государственныя преступленія, поименованныя въ указанныхъ выше статьяхъ Уложенія, назначаются не только тяжкія наказанія, но иногда и заключеніе въ крѣпости, или даже арестъ; слѣдовательно содержаніе въ этомъ случаѣ обвиняемаго въ тюрьмѣ составляетъ значительное распространеніе предѣловъ строгости 1-й категоріи общей нормы.

Такимъ образомъ вся сущность постановленій втораго вида заключается: 1) въ назначеніи тюремнаго заключенія, какъ мѣры предупрежденія побѣговъ, хотя и согласно съ правилами нормы касательно важности преступленія, но при слабости или даже почти при отсутствіи уликъ противъ подсудимаго; 2) въ назначеніи содержанія въ тюрьмѣ не смотря на незначительность обвиненія по его послѣдствіямъ, но во вниманіе только вообще къ важности всего круга преступныхъ дѣйствій, къ которымъ обвиненіе относится.

Опредѣливъ значеніе какъ общаго, такъ и частныхъ постановленій о пресѣченіи обвиняемымъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, скажемъ нѣсколько словъ о томъ, какъ исполняются эти постановленія на практикѣ. Къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи она не представляетъ ничего отраднаго. Вмѣсто разумной свободы, предоставляемой отчасти закономъ слѣдователямъ при выборѣ той или другой мѣры содержанія или надзора, господствуетъ полнѣй-

шій произволъ. Иногда важный преступникъ, напр. съ умысломъ пускающій въ ходъ фальшивые кредитные билеты подъ видомъ настоящихъ, остается на свободѣ, а лице, голословно оподозрѣнное въ незначительномъ воровствѣ, не смотря на отсутствіе уликъ, берется подъ стражу. Часто случается, что уличенный конокрадъ отдается на поруки, а женщина съ груднымъ ребенкомъ за преступленіе, неподвергающее лишенію всѣхъ правъ состоянія, томится въ тюрьмѣ. Кромѣ того, подсудимые нерѣдко по нѣскольку разъ въ продолженіе слѣдствія то сажаются въ тюрьму, то освобождаются изъ нея, такъ что одно и тоже дѣло бываетъ въ самое короткое время, единственно по прихоти слѣдователя, то арестантскимъ, то неарестантскимъ. Нечего и объяснять, что такой незаконный произволъ ведетъ съ одной стороны къ потворству преступникамъ, а съ другой къ обремененію участи подсудимыхъ. Актовъ, требуемыхъ закономъ, въ которыхъ бы изложены были соображенія слѣдователей относительно примѣненія къ данному случаю какой либо мѣры содержанія или надзора,— рѣшительно никогда не составляется. Подсудимые заключаются въ тюрьму безъ всякихъ письменныхъ о томъ постановленій, по словеснымъ только распоряженіямъ. Это бываетъ иногда причиною весьма важнаго зла. Въ подтвержденіе нашихъ словъ приведемъ слѣдующій замѣчательный фактъ, случившійся впрочемъ уже давно. Одинъ мѣщанинъ, обвиняемый въ растратѣ общественной суммы, былъ отосланъ полиціею въ тюрьму по словесному лишь приказанію. Чиновникъ, назначенный потомъ для производства изслѣдованія по этому дѣлу, не усматривая изъ переданныхъ ему бумагъ, чтобы подсудимый содержался подъ стражею, велъ о розысканіи его весьма продолжительную переписку съ разными мѣстами. Въ это же самое время и въ томъ же городѣ, гдѣ слѣдователь находился, мѣщанинъ, котораго онъ отыскивалъ, просидѣлъ въ тюрьмѣ *восемь мѣсяцевъ* безъ допроса и въ совершенной безгласности. Отчего же происходитъ такое противурѣчіе между смысломъ закона и его практическимъ примѣненіемъ? Положительно можно сказать, что, въ большинствѣ случаевъ, такое явленіе условливается не столько умышленнымъ злоупотребленіемъ, сколько незнаніемъ закона и неумѣніемъ понять истинное его значеніе. Это не покажется удивительнымъ, если вспомнить, что почти всѣ

наши слѣдователи не болѣе какъ люди знающіе грамоту, и неимѣющіе не только юридическаго, но и никакого образованія. Относительно практическаго значенія того или другаго вида содержанія или надзора, необходимо замѣтить, что изъ всѣхъ мѣръ пресѣченія уклоненій отъ слѣдствія и суда преимущественно употребляются на практикѣ тюремное заключеніе и отдача на поруки. Домашній арестъ, характеръ котораго впрочемъ не опредѣленъ въ нашихъ законахъ, въ бо́льшей части случаевъ даже и не можетъ быть назначаемъ, напр. въ дѣлахъ о крестьянахъ и мѣщанахъ. Такой видъ содержанія совершенно несовмѣстенъ съ бытомъ этихъ лицъ. Онъ примѣняется, и то рѣдко, къ подсудимымъ высшихъ сословій. Полицейскій надзоръ употребляется чаще какъ послѣдствіе судебнаго приговора, чѣмъ какъ мѣра пресѣченія обвиняемымъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда. Вообще надзоръ со стороны полиціи для лицъ, изъ которыхъ она не можетъ извлечь никакихъ для себя выгодъ, обращается у насъ въ пустую формальность, и такія лица также мало стѣснены въ свободѣ своихъ дѣйствій, какъ и всякія другія.

Объяснивъ смыслъ общаго и частныхъ постановленій о предупредительныхъ мѣрахъ лишенія или стѣсненія чьей либо свободы, и показавъ образъ исполненія ихъ на практикѣ въ частности, перейдемъ теперь къ разбору помѣщенной во второй книгѣ Архива статьи о поручительствѣ въ дѣлахъ уголовныхъ. Изложенный нами взглядъ на разсмотрѣнныя выше постановленія самъ собою, какъ кажется, устраняетъ почти всѣ недоумѣнія г. Муллова. Ошибка его, по нашему мнѣнію, состоитъ въ томъ, что онъ, обративъ вниманіе на три категоріи законной нормы, упустилъ изъ вида необходимо связанное съ нею и объясненное нами выше общее правило. Положимъ, что слѣдователь, принявши во вниманіе слабость уликъ, обнаруженныхъ противъ подсудимаго, причисляющагося по важности вины къ первой категоріи нормы, предположилъ отдать его на поруки, но надежныхъ или вовсе никакихъ порукъ не нашлось. Очевидно, что въ такомъ случаѣ слѣдователь, на основаніи общаго правила о выборѣ по собственнымъ соображеніямъ мѣры лишенія или стѣсненія свободы, можетъ назначить подсудимому полицейскій надзоръ, или домашній арестъ, или даже заключить въ тюрьму, смотря по степени важности преступленія, по званію подсудимаго

и большему или меньшему подозрѣнію въ намѣреніи его совершить побѣгъ. Далѣе, еслибы не нашлось порукъ обвиняемымъ, относящимся ко второй категоріи нормы, то слѣдователь, на томъ же самомъ основаніи, имѣетъ полное право выбрать для этихъ подсудимыхъ полицейскій надзоръ или домашній арестъ, но не можетъ подвергнуть ихъ тюремному заключенію, потому что такая мѣра содержанія превышала бы предѣлы той категоріи нормы, къ которой причисляются обвиняемые по свойству своей вины. Наконецъ, еслибы встрѣтилась необходимость отдать на поруки подсудимаго 3-й категоріи (что, впрочемъ, какъ мы уже объяснили, почти никогда не случается), но надежныхъ или никакихъ поручителей не нашлось, то слѣдователь, руководствуясь общимъ правиломъ, имѣетъ достаточное основаніе выбрать для такого подсудимаго мѣру содержанія или надзора по 2-й категоріи нормы, но не болѣе. По мнѣнію же г. Муллова наше законодательство постановляетъ, чтобы обвиняемый, въ случаѣ непредставленія за себя порукъ, хотя бы въ самомъ ничтожномъ дѣлѣ, *непремѣнно подвергался тюремному заключенію* (134 ст. кн. 2-й XV т.). Это по видимому такъ, но только по видимому, а не на самомъ дѣлѣ. Для объясненія настоящаго смысла приведеннаго г. Мулловымъ закона, выпишемъ постановленія такъ называемой нами нормы по редакціи Свода 1842 года, и сличимъ ихъ съ редакціею тѣхъ же постановленій въ VI Продолженіи того же изданія и въ Сводѣ 1857 года.

1-я категорія.

Въ тюрьмѣ содержатся, сказано въ прежнемъ изданіи Свода, всѣ тѣ, кои обвиняются *въ тяжкихъ преступленіяхъ*, въ смертоубійствѣ, разбоѣ, воровствѣ и т. п., *по которымъ опредѣляется лишеніе всѣхъ правъ состоянія и торговая казнь*, особенно же когда подсудимые уже осуждены въ первой степени суда; равномѣрно въ тюрьмѣ содержатся и тѣ, *кои, бывъ обвиняемы въ другихъ, менѣе важныхъ, преступленіяхъ*, не могутъ представить по себѣ порукъ (ст. 1009 XV т. изд. 1842 г.)

2-я категорія.

Въ домашнемъ арестѣ и въ полицейскомъ надзорѣ надлежитъ содержать *обвиняемыхъ въ преступленіяхъ менѣе важныхъ*, за

которыя они подлежали бы только тюремному на извѣстное время заключенію (ст. 1010 XV т. изд. 1842 года).

3-я категорія.

Отдача на поруки допускается въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиняемые представятъ надежное поручительство въ томъ, что не будутъ скрываться и станутъ являться въ судъ, когда имъ приказано будетъ, и по такимъ преступленіямъ, по которымъ закономъ не опредѣляется *тяжкаго наказанія* (ст. 1012 XV т., изд. 1842 г.)

Вникнувъ въ постановленіе первой категоріи выписанной нами нормы, нельзя не замѣтить, что оно состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой части говорится о тяжкихъ преступленіяхъ, влекущихъ за собою торговую казнь съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, а во второй—о преступленіяхъ менѣе важныхъ, т. е. не влекущихъ за собою публичнаго наказанія. Теперь представляется вопросъ: какъ понимать эту вторую часть, въ обширномъ или тѣсномъ смыслѣ, т. е. подъ преступленіями, о которыхъ въ ней упоминается, слѣдуетъ ли подразумѣвать всѣ возможныя ихъ виды безъ всякаго исключенія, или только тѣ, кои хотя менѣе тяжки означенныхъ въ первой части, но важнѣе противузаконныхъ дѣйствій 2-й категоріи, подвергающихъ лишь тюремному заключенію? Если понимать выраженіе *«другія менѣе важныя преступленія»* въ обширномъ смыслѣ, тогда постановленіе 2-й категоріи сдѣлалось бы совершенно излишнимъ и не могло бы имѣть никакого примѣненія. Зачѣмъ бы стали содержать кого либо въ *домашнемъ арестѣ* или *въ полицейскомъ надзорѣ* за противузаконныя дѣйствія, влекущія за собою только тюремное заключеніе, когда по 2-й части первой категоріи за всѣ вообще нетяжкія преступленія было бы положено отдавать обвиняемыхъ на поруки, и только при неимѣніи порукъ содержать въ тюрьмѣ? Очевидно, что постановленіе второй категоріи должно удержать свое значеніе, и потому 2-ю часть первой категоріи необходимо понимать не въ обширномъ, *а въ тѣсномъ смыслѣ*, т. е. относить къ ней всѣ преступленія, не подвергающія съ одной стороны торговой казни, а съ другой тюремному заключенію. Сюда причисляются противузаконныя дѣйствія, которыя по XV тому изд. 1842 года влекли за собою отдачу въ арестантскія роты, рабочіе и смирительные дома. Но нельзя думать, чтобы за всѣ

такія преступленія назначалось тюремное заключеніе единственно *подъ условіемъ непредставленія* поручительства, потому что даже за противузаконныя дѣйствія менѣе важныя, означенныя въ 1010 ст. XV т., предписано прямо содержать обвиняемыхъ *въ домашнемъ арестѣ* или *въ полицейскомъ надзорѣ*. Едва ли кто станетъ утверждать, что по требованію закона виновный въ воровствѣ долженъ быть отданъ поручителямъ, если они найдутся, а оказавшій самоуправство—содержаться непремѣнно въ домашнемъ арестѣ или полицейскомъ надзорѣ. Все это показываетъ, что окончанію 1009 статьи не слѣдуетъ безусловно давать того смысла, въ какомъ повидимому оно выражено. Намъ кажется, что, для устраненія указанныхъ нами несообразностей, 2-ю часть первой категоріи необходимо понимать слѣдующимъ образомъ: равномѣрно въ тюрьмѣ содержатся и тѣ, кои обвиняются въ преступленіяхъ, влекущихъ за собою заключеніе въ арестантскія роты, рабочіе и смирительные дома; но подсудимые этого рода могутъ быть отдаваемы, согласно съ общимъ правиломъ, и на поруки, а если порукъ не представятъ, то и содержаться въ тюрьмѣ. Однакожъ назначеніе тюремнаго содержанія, въ замѣнъ порукъ, безъ сомнѣнія, предоставляется соображеніямъ слѣдователей, а не выражаетъ собою непремѣннаго требованія, и слѣдователь, руководствуясь общимъ правиломъ, имѣетъ полное право и въ этихъ случаяхъ употреблять другія виды лишенія или стѣсненія свободы. Представленное нами толкованіе 2-й части 1009 ст. подтверждается также и значеніемъ 3-й категоріи (1012 ст. XV. т.) въ Сводѣ 1842 года. Въ ней сказано, что отдача на поруки назначается по такимъ противузаконнымъ дѣйствіямъ, по которымъ не опредѣляется закономъ *тяжкаго наказанія*, т. е. торговой казни (*).

(*) Тяжкія наказанія назначаются за тяжкія преступленія, а этими послѣдними названы въ 1009 ст. XV т. только тѣ, кои влекутъ за собою торговую казнь, слѣдовательно торговая казнь, по смыслу Свода изд. 1842 года, составляетъ тяжкое наказаніе; всѣ же другія наказанія, менѣе строгія, не признаются тяжкими.—Въ Уложеніи о наказаніяхъ тяжкими преступленіями называются: 1) всѣ тѣ, кои лишаютъ подсудимаго всѣхъ правъ состоянія; 2) всѣ тѣ, кои подвергаютъ его лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и отдачѣ въ арестантскія роты или рабочіе дома; но первыя признаются болѣе тяжкими, а послѣднія менѣе тяжкими (150 ст. кн. 1-й XV т. п. 1 , 2 и 3). Въ Законахъ же Уголовнаго Судопроизводства преступленія, влекущія за собою отдачу въ рабочій домъ, не причислены къ тяжкимъ преступленіямъ (1050 и 1071 ст. кн. 2-й XV т).

Изъ этого слѣдуетъ, что отдача на поруки не допускается только по преступленіямъ, подвергающимъ виновныхъ лишенію всѣхъ правъ состоянія, а въ такомъ случаѣ постановленіе 1012 ст. относится равно и ко второй части 1-й категоріи и ко 2-й категоріи, а не примѣняется лишь исключительно къ тѣмъ противузаконнымъ дѣйствіямъ, кои не влекутъ за собою даже наказанія тюремнымъ заключеніемъ. Отношеніе поручительства ко 2-й категоріи ясно обнаруживаетъ, что оно не назначается здѣсь *безусловно,* а только по соображеніямъ слѣдователей, такъ какъ въ 1010 статьѣ о немъ не говорится ни слова. Если же поручительство въ этомъ лишь смыслѣ примѣняется къ подсудимымъ 2-й категоріи, то не въ другомъ какомъ либо, а въ такомъ же точно значеніи оно должно быть употреблено во 2-й части 1-й категоріи нормы; слѣдовательно толкованіе, какое мы даемъ окончанію 1009 ст. XV. т. изд. 1842 года, едва ли не слѣдуетъ признать правильнымъ. Такимъ образомъ, все нами сказанное о постановленіяхъ прежде дѣйствовавшаго Свода, кажется, вполнѣ доказываетъ: 1) что во 2-й части 1-й категоріи подразумѣвается только ограниченный кругъ преступленій, и 2-е) что въ отношеніи этого круга преступленій нельзя считать отдачу на поруки мѣрой непосредственно опредѣляемой, а тюремное заключеніе только способомъ, замѣняющимъ поручительство. Разсмотримъ теперь измѣненіе редакціи 1009, 1010 и 1012 статей XV т. въ VI Прод. къ Своду изд. 1842 года. Въ первой категоріи нормы этого Свода мы различили двѣ части: первую часть составляли преступленія, влекущія за собою лишеніе всѣхъ правъ состоянія, а вторую—преступленія, подвергающія виновныхъ отдачѣ въ арестантскія роты, рабочіе и смирительные дома. Въ VI Продолженіи заключеніе въ смирительные дома отнесено ко 2-й категоріи, а остальныя изъ означенныхъ преступленій перенесены въ первую часть. Такимъ образомъ вышло слѣдующее постановленіе: въ тюрьмѣ содержатся всѣ обвиняемые въ преступленіяхъ, по которымъ опредѣляется лишеніе всѣхъ правъ состоянія или же потеря всѣхъ особенныхъ правъ и ссылка на житье въ Сибирь или другія отдаленныя губерніи, или же отдача въ арестанскія роты или въ рабочій домъ. Такая редакція положительно подтверждаетъ высказанное нами выше толкованіе, что содержаніе въ тюрьмѣ для подсудимыхъ, долженствующихъ за свои преступленія подвергнуться отдачѣ въ арестантскія роты или

рабочіе дома, прямо требуется нормой, а не назначается только подъ условіемъ непредставленія по себѣ порукъ, и что самое поручительство въ этомъ кругу противузаконныхъ дѣйствій допускается только на основаніи общаго правила, по соображеніямъ слѣдователей. Если такимъ образомъ преступленія, подразумѣвавшіяся во 2-й части 1-й категоріи нормы прежней редакціи перенесены въ 1-ю ея часть, то безъ сомнѣнія 2-ю часть, *какъ лишенную уже всякаго содержанія*, слѣдовало бы въ новой редакціи выпустить. Но къ сожалѣнію этого не случилось, и слова: равномѣрно въ тюрьмѣ содержатся и тѣ, кои, бывъ обвинены въ другихъ, менѣе важныхъ преступленіяхъ, не могутъ представить по себѣ порукъ—остались на прежнемъ своемъ мѣстѣ, хотя они послѣ указанныхъ нами измѣненій потеряли всякое значеніе.—Мы уже доказали выше, что подъ выраженіемъ: «другія менѣе важныя преступленія» должно понимать такія, кои менѣе важны означенныхъ въ первой части 1-й категоріи нормы, но болѣе тяжки опредѣленныхъ во 2-й категоріи, т. е. по редакціи VI Продолженія незначительнѣе содержанія въ рабочемъ домѣ, но тяжеле содержанія въ крѣпости; средины же между тѣмъ и другимъ родомъ заключенія въ лѣстницѣ наказаній, установленныхъ нашимъ Уложеніемъ, не существуетъ, а потому легко понять, что приведенное нами выше мѣсто изъ 1009 ст. XV т. по новой редакціи представляетъ слова безъ всякаго содержанія. Въ Сводъ изданія 1857 года двѣ первыя категоріи нормы перенесены изъ VI Продолженія безъ малѣйшаго измѣненія. Что касается третьей категоріи, то колебанія въ ея редакціи весьма замѣчательны. Мы видѣли, что въ дѣйствовавшемъ прежде XV томѣ поручительство допускалось лишь по преступленіямъ, не подвергавшимъ виновныхъ тяжкому наказанію, т. е. лишенію всѣхъ правъ состоянія и торговой казни; обвиняемые же въ преступленіяхъ, влекущихъ за собою наказаніе этого послѣдняго рода, на поруки не отдавались, разумѣется, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда такая мѣра надзора по общему правилу могла имѣть мѣсто, т. е. при слабости уликъ. Поэтому и теперь не дозволяется отдача на поруки людей, подозрѣваемыхъ въ умышленномъ смертоубійствѣ (прим. 3 къ 134 ст. кн. 2-й XV т. изд. 1857 г.) и беременныхъ женщинъ или кормящихъ грудью дѣтей, обвиняемыхъ въ тяжкихъ преступленіяхъ (105 ст. кн. 2-й XV т.). Въ VI же Прод. къ Своду 1842 года 3-й категоріи данъ такой

смыслъ: отдача на поруки допускается по такимъ преступленіямъ, за которыя назначаются наказанія менѣе противъ означенныхъ въ статьѣ 1010 строгія, т. е. менѣе строгія, чѣмъ исчисленныя во 2-й категоріи нормы. Отсюда прямо слѣдуетъ, что будто бы тотъ, кому угрожаетъ наказаніе тюремнымъ заключеніемъ, не можетъ пользоваться отдачею на поруки. Ошибка такой редакціи замѣчена при изданіи Свода 1857 года и нѣсколько исправлена. Въ этомъ изданіи сказано: отдача на поруки допускается по такимъ преступленіямъ, по которымъ обвиняемые могутъ подлежать наказаніямъ менѣе противъ означенныхъ въ статьѣ 134 строгимъ, т. е. менѣе строгимъ, чѣмъ наказанія, исчисленныя въ первой категоріи. Но при смѣшеніи 2 частей этой категоріи, различавшихся въ Сводѣ 1842 года, необходимо заключить, что законъ повидимому запрещаетъ отдавать на поруки даже тѣхъ, кои подлежали бы отдачѣ въ рабочій домъ; тогда какъ постановленіе о конокрадахъ, составляющее только исключеніе изъ общаго правила, ясно указываетъ, что въ дѣлахъ вообще о воровствѣ, влекущихъ за собою не только заключеніе въ рабочемъ домѣ, но и наказанія болѣе тяжкія, отдача на поруки можетъ быть допущена.

Всѣ наши выводы, кажется, вполнѣ доказываютъ, что мнѣніе г. Муллова о непремѣнномъ заключеніи въ тюрьму по всякому ничтожному дѣлу, въ случаѣ непредставленія по себѣ поруки, не можетъ выдержать критики, какъ бы ни разбирали мы это мнѣніе, по Своду ли 1842 года или по нынѣ дѣйствующему Своду. Въ первомъ случаѣ г. Мулловъ неправъ въ томъ, что словамъ закона, относящимся только къ 1-й категоріи нормы и къ извѣстному кругу преступленій, даетъ общее значеніе и не тотъ смыслъ, въ какомъ ихъ слѣдуетъ принимать; а во второмъ, что опирается на эти самыя слова, утратившія чрезъ измѣненіе редакціи всякое содержаніе.

Кромѣ разсмотрѣннаго нами мнѣнія г. Муллова, онъ замѣчаетъ также, что къ средствамъ пресѣченія обвиняемымъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда отнесено не только содержаніе въ тюрьмѣ, но и при полиціи; кто же долженъ быть содержимъ при полиціи, законодательство, по словамъ г. Муллова, не объясняетъ. Отвѣтимъ на это, что полиція у насъ имѣетъ право суда, что ея расправѣ подлежатъ маловажные преступленія и проступки, и что по дѣламъ такого рода она и подвергаетъ обвиняемыхъ содержанію

при полиціи. Поэтому-то и сказано въ законѣ: учинившаго маловажное преступленіе полиція беретъ подъ стражу (838 ст. кн. 2-й XV т.). Подъ маловажными преступленіями разумѣются: 1) воровство ниже 30 рублей и безъ увеличивающихъ вину обстоятельствъ; 2) преступленія, одинаково наказываемыя съ незначительнымъ воровствомъ; 3) захваты и неправильное пользованіе доходами чужаго имѣнія и 4) всѣ вообще преступленія и проступки, за которые въ законѣ опредѣлены лишь денежныя взысканія не выше 30 рублей или арестъ отъ одного дня до трехъ мѣсяцевъ или наказаніе розгами не болѣе 30 ударовъ (842 ст. кн. 2-й XV т.) (*). Само собою разумѣется, что заключеніе при полиціи слѣдуетъ примѣнять къ обвиняемымъ только въ такихъ маловажныхъ преступленіяхъ, кои влекутъ за собою, какъ напр. воровство, лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ, и потому-то эта мѣра заключенія и отнесена къ первой категоріи нормы. Было бы неосновательно думать, что законъ дозволяетъ подвергать содержанію при полиціи всякаго, сдѣлавшаго какое бы то ни было маловажное преступленіе; иначе тотъ, кто по полицейскому суду подлежалъ бы денежному штрафу въ нѣсколько рублей могъ бы въ ожиданіи этого наказанія просидѣть при полиціи нѣсколько мѣсяцевъ. Вообще полицейскія власти, по дѣламъ, ввѣреннымъ ихъ суду, не изъяты отъ обязанности, при выборѣ мѣры содержанія или надзора, руководствоваться общею законною нормою и общимъ правиломъ, съ тѣмъ только различіемъ, что когда по общей нормѣ назначается заключеніе въ тюрьмѣ, онѣ назначаютъ содержаніе при полиціи. Далѣе, по закону слѣдуетъ

(*) По маловажнымъ преступленіямъ не подсудны полиціи: дворяне, духовныя лица, почетные граждане, купцы, мѣщане (856 ст. кн. 2-й п. 1), государственные крестьяне (846 ст. кн. 2-й XV т.), и помѣщичьи крестьяне (850 ст. кн. 2-й XV т.). Кто же послѣ этого подлежитъ суду полиціи по маловажнымъ преступленіямъ? Только безсрочно-отпускные нижніе чины, однодворцы, да помѣщичьи крестьяне, если того пожелаютъ самъ помѣщикъ или посторонній обиженный ими человѣкъ. Что касается удѣльныхъ крестьянъ, то по ст. 842 кн. 2-й XV тома они изъяты отъ полицейской расправы, а по ст. 849 предоставлено Земскимъ Судамъ право судить ихъ за маловажныя преступленія. Такимъ образомъ судебная власть полиціи, особенно въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ нѣтъ ни удѣльныхъ крестьянъ, ни однодворцевъ, есть власть почти номинальная, имѣющая практическое примѣненіе только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ.

содержать при полиціи, до полученія справки о званіи, всѣхъ женщинъ бродягъ отъ 17 до 60 лѣтъ, а также всѣхъ бродягъ мужчинъ этого же возраста, неспособныхъ къ работамъ въ арестантскихъ ротахъ (623 ст. XIV т. Уст. о паспорт. и бѣгл.). Наконецъ всякому практику извѣстно, что вообще никто изъ подсудимыхъ не отсылается прямо въ тюрьму, а всѣ арестованные по какому бы то ни было уголовному дѣлу всегда сначала содержатся при полиціи, пока въ нихъ предстоитъ надобность при производствѣ слѣдствія, а затѣмъ уже подвергаются тюремному заключенію. Словомъ, содержанію въ тюрьмѣ всегда предшествуетъ болѣе или менѣе продолжительное содержаніе при полиціи. Это правило установилось не произволомъ практики, а составляетъ необходимый результатъ того, что производство слѣдствія ввѣрено у насъ полицейской власти (ст. 2 кн 2-й XV т.). Положимъ, что какой нибудь становой приставъ началъ изслѣдованіе по весьма важному уголовному преступленію. Гдѣ будетъ онъ содержать обвиняемаго? Безъ сомнѣнія, при становой квартирѣ. Не можетъ же онъ тотчасъ отослать подсудимаго, иногда за нѣсколько десятковъ верстъ, въ городскую тюрьму, когда въ его присутствіи на мѣстѣ слѣдствія предвидится постоянная надобность? И такъ, при полиціи содержатся: 1) обвиняемые въ преступленіяхъ, подлежащихъ полицейскому суду и влекущихъ за собою лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ состоянія; 2) всѣ преступники, подлежащіе суду уголовному въ собственномъ смыслѣ, прежде отсылки ихъ въ тюрьму; 3) бродяги обоего пола, до полученія справокъ о ихъ званіи. Безъ сомнѣнія, не всѣ сдѣланные нами выводы относительно содержанія при полиціи основаны на положительныхъ предписаніяхъ закона, но, какъ намъ кажется, хотя посредственно, вытекаютъ изъ приведенныхъ нами постановленій. Въ болѣе подробныхъ объясненіяхъ этого предмета путемъ законодательнымъ, по нашему мнѣнію, едва ли предстоитъ какая либо необходимость. Нельзя требовать, чтобы издавались особыя постановленія въ разъясненіе даже того, что само собою становится яснымъ изъ разсмотрѣнія соотвѣтствующаго вопросу круга законовъ въ общей ихъ связи. Законодательство, которое бы стремилось къ этому, только унизило бы свое значеніе, и неминуемо впало бы въ многосложность и запутанность.

Н. Ланге.

ЗАМѢТКА НА 219 СТАТЬЮ 1-й КНИГИ XV ТОМА СВОДА ЗАК.

На основаніи существующихъ узаконеній раскольничьи секты могутъ быть раздѣлены на три рода:

a) секты, терпимыя въ настоящее время законами;

b) секты, признаваемыя законами особенно-вредными; сюда относятся: духоборцы, иконоборцы, малаканы, іудействующіе и т. п.

c) секты, соединенныя съ свирѣпымъ изувѣрствомъ и фанатическимъ посягательствомъ на жизнь самихъ сектантовъ и другихъ, или же съ противунравственными дѣйствіями.

Между тѣмъ какъ существованіе перваго рода сектъ терпится закономъ, который только запрещаетъ, подъ страхомъ наказанія, ихъ распространеніе,—принадлежность къ сектамъ втораго и третьяго родовъ и распространеніе ихъ подвергаетъ виновныхъ въ томъ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе (*). Для поселенія въ настоящемъ случаѣ опредѣлено ссылать сектантовъ, живущихъ въ Европейской Россіи, въ Закавказскій край; живущихъ-же въ этомъ краѣ и Ставропольской губерніи,—въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири, для водворенія особо отъ другихъ поселенцевъ и старожиловъ.

Такимъ образомъ государство: 1) избавляется отъ распространенія сектъ, признаваемыхъ имъ особенно вредными; 2) изолированіемъ вредныхъ сектантовъ въ мѣстахъ ихъ ссылки пресѣкается возможность къ распространенію вредныхъ ересей въ этихъ мѣстахъ. Замѣтимъ при этомъ еще одну, самую существенную выгоду: нѣтъ сомнѣнія, что проповѣди и увѣщанія православнаго духовенства должны успѣшнѣе дѣйствовать на цѣлую массу вѣроотступниковъ, чѣмъ на каждаго порознь, въ томъ случаѣ если бы послѣдніе были разсѣяны по всей Сибири и Закавказскому краю;—противодѣйствовать нравственному злу, когда оно сосредоточено въ одномъ мѣстѣ, можно всегда съ бо̀льшимъ успѣхомъ, нежели когда оно разсѣяно въ различныхъ мѣстахъ.

Означенныя постановленія о наказаніи вредныхъ сектантовъ,

(*) XV тома Свода Зак. 1-й кн. ст. 217.

какъ по естественной справедливости, такъ и по существу религіозныхъ преступленій, должны бы, по видимому, относиться до лицъ, находящихся въ такомъ возрастѣ, въ которомъ можно предполагать способность къ преступленіямъ этого рода; но законы наши опредѣляютъ въ настоящемъ случаѣ наказанія даже и малолѣтнымъ.

Статьею 219-ою узаконено: «За допущеніе малолѣтныхъ Христіанъ производить духовные обряды по жидовской вѣрѣ, или иной какой либо ереси, или же участвовать въ оныхъ, родители сихъ дѣтей или воспитывающіе ихъ подвергаются.... лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе». «Самые малолѣтные, производящіе сіи обряды, отсылаются: способные къ военной службѣ въ баталіоны и полубаталіоны военныхъ кантонистовъ, а неспособные—на казенныя фабрики».

Въ XV томѣ Св. Зак. не встрѣчаемъ точнаго опредѣленія: до какихъ лѣтъ считается, по уголовнымъ дѣламъ, малолѣтство [1] и съ какихъ несовершеннолѣтіе, а потому обратимся къ слѣдующимъ статьямъ 1-й книги того-же тома, въ которыхъ говорится: въ 94-ой: «Для несовершеннолѣтнихъ, имѣющихъ отъ роду болѣе четырнадцати, но менѣе семнадцати лѣтъ...»; въ 96-ой: «... несовершеннолѣтніе,... имѣющіе отъ четырнадцати до семнадцати лѣтъ...»; въ 149-ой: «Дѣти, коимъ болѣе семи, но менѣе десяти лѣтъ отъ роду, и которыя не имѣютъ еще надлежащаго о своихъ обязанностяхъ разумѣнія,—не подвергаются наказанію...Сіе правило распространяется и на имѣющихъ отъ десяти до четырнадцати лѣтъ..» [2] Изъ приведенныхъ статей можно безошибочно заключить, что малолѣтство считается, по уголовнымъ законамъ, до четырнадцати лѣтъ, а за тѣмъ до двадцати одного года несовершеннолѣтіе.

Такимъ образомъ, подъ малолѣтными Христіанами, упоминаемыми въ 219-ой статьѣ, должно разумѣть дѣтей до четырнадцати-лѣтняго возраста.

Для разъясненія причины, по которой законы наши опредѣляютъ наказаніе—отдачу въ баталіоны кантонистовъ—малолѣтнымъ сектантамъ, должно обратиться къ указу, на основаніи котораго поста-

---

[1] о возрастѣ по гражданскимъ дѣламъ см. тома X ч. I ст. 213 и 1-е примѣчаніе.—[2] Сравн. статьи (1-й кн. XV тома) 150, 151, 152, 153, 155, 157, 159 и другія.

повлена означенная 219-я статья; она заимствована изъ Уложенія о наказаніяхъ 1845 года (ст. 209), которое, въ свою очередь, заимствовало ее изъ XV-го тома Свода Законовъ изд. 1842 и 1832 годовъ; подъ текстомъ же ея въ этихъ изданіяхъ встрѣчается указаніе на Высочайше утвержденное 8 іюля 1826 года положеніе Комитета Министровъ (¹), изъ котораго узнаемъ, что въ 1826 году Воронежскій Гражданскій Губернаторъ сдѣлалъ представленіе Министру Внутреннихъ Дѣлъ о раскольникахъ, принадлежащихъ къ жидовской вѣрѣ, которые употребляли для совершенія обрядовъ своей ереси дѣтей 12-тилѣтняго возраста, чтобы такимъ способомъ «....себя избавить отъ опредѣленнаго (за то) наказанія, бывъ увѣрены, что сіи исполнители ихъ заблужденія избѣгнутъ онаго по несуществованію объ нихъ постановленія». Управляющій Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ входилъ тогда-же съ представленіемъ по этому дѣлу въ Комитетъ Министровъ, при чемъ изложилъ свое мнѣніе слѣдующаго содержанія: «....дабы пресѣчь всѣ таковые извороты и способы къ распространенію жидовской ереси, полагаетъ постановить слѣдующее: 1) малолѣтныхъ, производящихъ по жидовской ереси духовные обряды, въ кругу ли своего семейства, или внѣ онаго, отсылать способныхъ въ военносиротскія отдѣленія, для поступленія съ ними по усмотрѣнію военнаго начальства; неспособныхъ же обращать на казенныя фабрики, по распоряженію Министерства Финансовъ. 2) Какъ таковые малолѣтные вѣроятно исполняли только приказанія своихъ родителей, то и съ сими послѣдними, какъ съ главнѣйшими виновниками въ настоящемъ случаѣ поступать на основаніи законовъ о вредныхъ сектантахъ и т. д».—Мнѣніе это было одобрено Комитетомъ Министровъ, который сдѣлалъ въ немъ лишь нѣкоторыя дополненія.

Означенное постановленіе о малолѣтныхъ, совершающихъ обряды по жидовской или иной ереси, въ томъ видѣ какъ оно вошло въ дѣйствующее нынѣ законодательство (ст. 219), наводитъ насъ на слѣдующія соображенія:

1) Малолѣтство, по нашимъ уголовнымъ законамъ (²), считается обстоятельствомъ, уменьшающимъ вину преступника и строгость наказанія; причина тому заключается вообще въ отсутствіи свобод-

(¹) Полн. Собр. Зак. (2-е собраніе) № 393.—(²) XV тома, кн. 1-й, статья 148.

ной воли въ преступныхъ дѣйствіяхъ малолѣтнаго. При этомъ, даже и въ томъ случаѣ, когда преступленіе учинено малолѣтнымъ съ *разумѣніемъ*, наказаніе всётаки значительно смягчается ([1]).

Нѣтъ сомнѣнія, что къ преступленіямъ, совершаемымъ малолѣтными съ разумѣніемъ, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть отнесены преступленія религіозныя, которыя, по существу своему, не могутъ быть ими сознательно совершаемы; поэтому и въ настоящемъ случаѣ нельзя не согласиться съ тѣмъ, что малолѣтные, совершающіе обряды по жидовской или иной какой либо ереси, дѣлаютъ это конечно не по убѣжденію, но во исполненіе требованій или увѣщаній своихъ родителей или воспитателей, а потому и не заслуживаютъ за то наказанія—отдачи въ баталіоны кантонистовъ.

2) Постановленіе это, войдя безъ измѣненія въ Уложеніе о наказаніяхъ, стало въ противорѣчіе съ общими началами уголовныхъ постановленій, изложенными въ 1-омъ раздѣлѣ того же Уложенія. Именно, если, на основаніи вышеизложеннаго положенія Комитета Министровъ, будемъ признавать виновными малолѣтныхъ, совершающихъ обряды по жидовской или иной ереси; скажемъ болѣе, если мы предположимъ даже одинаковую мѣру ихъ вины съ совершеннолѣтными вредными еретиками, то и тогда наказаніе, которому должны быть подвергнуты малолѣтные еретики, всётаки не можетъ состоять въ отдачѣ ихъ въ кантонисты, а лишь во временномъ заключеніи въ монастырѣ или смирительномъ домѣ. Это слѣдуетъ изъ того, что наказаніе, опредѣленное 217 статьею 1-й кн. XV тома за исповѣданіе и распространеніе совершеннолѣтними сектантами вредныхъ сектъ, состоитъ въ лишеніи правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе, а 2-мъ пунктомъ 150 статьи узаконено: замѣнять такое наказаніе малолѣтнымъ—заключеніемъ въ монастырѣ, или смирительномъ домѣ, на время отъ 5 до 8 лѣтъ.

Статья 219 тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія въ настоящее время, что съ уничтоженіемъ баталіоновъ военныхъ кантонистовъ ([2]), рождается вопросъ: чѣмъ должна быть теперь замѣнена отдача, въ наказаніе, малолѣтныхъ еретиковъ въ эти баталіоны?

П. К.

([1]) XV т. кн. 1-й ст. 150, п. 1 и 2.

([2]) Манифестъ 26 августа 1856 г. и 25 декабря того-же года.

О ПОТРАВАХЪ.

(Матеріалы для Сельскаго Устава).

Въ государствѣ преимущественно земледѣльческомъ, гдѣ весь почти доходъ или по крайней мѣрѣ по большей части основанъ на произведеніяхъ земли и скотоводства, вопросъ о наилучшемъ сохраненіи источника этого дохода отъ порчи и истребленія есть конечно вопросъ первостепенной важности. На этомъ основаніи можно было ожидать, что здравый смыслъ народа самъ собою укажетъ на необходимость устроить какой-нибудь порядокъ для удовлетворенія столь чувствительной потребности, если не въ совершенно развитыхъ и точныхъ юридическихъ формахъ, то по крайней мѣрѣ въ видѣ обычаевъ, въ видѣ правилъ, можетъ быть грубыхъ и не строго справедливыхъ, но по крайней мѣрѣ дѣйствительныхъ на дѣлѣ и достигающихъ главной цѣли—охраненія отъ произвольнаго истребленія произведеній земли, какъ главнаго источника народнаго и государственнаго дохода. Къ удивленію и сожалѣнію, ничего подобнаго не было сдѣлано ни народомъ, ни правительствомъ. Какъ объяснить подобную аномалію? Неужели потребность эта не была потребность дѣйствительная? Неужели всѣ земледѣльцы (а кто въ Россіи не былъ земледѣльцемъ?) не чувствовали вреда отъ произвольной потравы хлѣбовъ и травъ? Или можетъ быть не представлялось вовсе случаевъ этого вида нарушенія права собственности и народъ нашъ былъ такъ заботливъ, такъ попечителенъ о своихъ интересахъ, такъ акуратенъ въ своей ежедневной жизни, что ему и въ голову не приходило составлять правила для противодѣйствія злу, котораго вовсе не существовало? Едва ли кто отвѣтитъ на этотъ послѣдній вопросъ утвердительно, а потому мы устранимъ его и займемся разрѣшеніемъ перваго.

Древняя исторія Россіи съ ея безпрерывными княжескими усобицами, потомъ тяжкое иго татарское, а по сверженіи его, раззорительные набѣги Крымцевъ на самыя плодородныя области, развили въ народѣ хотя и похвальное въ христіанскомъ смыслѣ, но непроизводительное въ смыслѣ экономическомъ свойство—терпѣніе или примиреніе съ горькой участью, привычку смотрѣть на собственность какъ на что-то непрочное, нестоющее особенной заботливости въ сохраненіи, или, лучше сказать, привычку видѣть, что всѣ заботы, всѣ попеченія о защитѣ ея какъ отъ враговъ внѣшнихъ, такъ и отъ злоупотребленій и насилій внутреннихъ, остаются безполезными и безплодными. Обширность пространства нашего отечества не давала даже возможности сравненія съ инымъ, лучшимъ положеніемъ экономическихъ условій. Безпредѣльные лѣса и вѣчные снѣга на сѣверной границѣ, степи на восточной, постоянный грабежъ на южной и почти постоянная война на западной не могли представить случаевъ сравненія и указать иной, лучшій порядокъ. Самое право сильнаго не приняло у насъ столь рѣзкаго и рѣшительнаго характера, какъ въ западной Европѣ. Тамъ сильный былъ дѣйствительно силенъ, чтобы защитить свою собственность; у насъ географическое образованіе территоріи не представляло возможности возводить укрѣпленные, неприступные замки, ни даже защищать самые города прочными каменными стѣнами. У насъ сильный былъ на столько силенъ, чтобы нарушать права, угнетать сосѣда, но не на столько, чтобы защитить самого себя, доставить себѣ самостоятельность, а еще менѣе, чтобы покровительствовать своею силою тѣмъ, кто добровольно ему покорится и прибѣгнетъ подъ его защиту. Возможность дѣйствовать только наступательно и невозможность твердой обороны развили въ русскомъ характерѣ съ одной стороны этотъ буйный, неукротимый разгулъ, съ другой лишили его твердости, постоянства, стойкости и породили въ немъ ту пагубную апатію, которая появилась, когда наступательныя дѣйствія, вслѣдствіе усиленія государственнаго начала, сдѣлались невозможными. Государственное начало не могло вскорѣ проникнуть во всѣ низшіе слои жизни, оно дѣйствовало болѣе въ общихъ чертахъ,—вниманіе его не было направлено на мелкія, подробности и условія экономическихъ отношеній, и въ нихъ осталась вся прежняя неурядица. Конечно, рѣдкость народонаселенія,

огромный просторъ, который представляли наши лѣса и степи для дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, дѣлали эти неудобства не столь рѣзкими, не столь чувствительными. Впрочемъ обстоятельству этому нельзя придавать слишкомъ большаго значенія. Необходимость селиться большими селеніями производила тѣсноту среди простора, а потому и причину отсутствія правилъ для охраненія земледѣльческихъ произведеній отъ самовольнаго истребленія должно искать болѣе въ обстоятельствахъ юридическихъ и административныхъ, нежели въ избыткѣ или малоцѣнности земли и ея продуктовъ. Самое первое и самое важное изъ этихъ обстоятельствъ есть общинное пользованіе землею и результатъ его, черезполосность. Сія послѣдняя есть не иное что, какъ отвержденное общинное пользованіе, или пользованіе, обращенное въ собственность. Нельзя сказать, чтобы у насъ встарину не было вовсе личной собственности или единственнаго владѣнія, но оно исчезало въ массѣ черезполосности общинной, т. е. съ передѣломъ, и частной, т. е. безъ передѣла. При черезполосности невозможно было и думать о принятіи мѣръ противу потравъ, по крайней мѣрѣ для отдѣльныхъ хозяйствъ или для частныхъ лицъ. Что касается до единицъ коллективныхъ или до общинъ, то онѣ конечно могли бы установить какія-нибудь правила, принять какія-нибудь дѣйствительныя мѣры противу этого зла, но прежде нежели онѣ достигли такой степени развитія, на которой подобное требованіе было возможно, вся ихъ самостоятельность, вся ихъ жизненность была уничтожена гибельнымъ распространеніемъ подьячества или централизаціи въ видѣ кормленій, произвола и злоупотребленій. Объ экономическихъ улучшеніяхъ нечего было и думать, и апатія народная вполнѣ высказалась въ характеристической пословицѣ: «ужъ не до жиру, лишь быть бы живу»! Дѣйствительно, едва ли бы бѣдный народъ нашъ остался живъ подъ тою сѣтью притѣсненій, которою опутала его бюрократія дьяковъ, приказовъ, подьячихъ, воеводъ и проч. Петръ Великій старался выпутать его изъ этой мертвящей паутины, но ему было слишкомъ много заботы, и преобразованія его, шедшія сверху, также не проникли до дѣйствительности сельскаго быта. Екатерина II подвинула реформу глубже: при ней собственность получила нѣкоторыя гарантіи, и генеральное межеваніе съ девизомъ: «всякій при своемъ» убѣдительно высказало ея

доброе намѣреніе. Но со времени Екатерины II до спеціальнаго размежеванія черезполосныхъ дачъ не сдѣлано было на этомъ поприщѣ ни одного шагу. Спеціальное размежеваніе черезполосныхъ дачъ было первою дѣйствительно практическою мѣрою въ отношеніи къ устройству сельскаго быта, и нельзя достаточно выразить благодарности тому лицу, которое первое поняло необходимость ея и провело мысль свою до степени законодательной мѣры и до административнаго ея исполненія. Многіе упрекаютъ землевладѣльцевъ въ томъ, что размежеваніе черезполосныхъ владѣній до сихъ поръ еще не повсемѣстно приведено къ окончанію, но упрекъ этотъ относится не столько къ нимъ, сколько къ неясности вопроса, какъ онъ былъ поставленъ или лучше сказать вовсе обойденъ со стороны закона, и къ желанію достичь посторонней цѣли, которую имѣло въ виду тогдашнее министерство государственныхъ имуществъ. Вопросъ этотъ былъ слѣдующій: какъ размежевывать дачи— по крѣпостямъ, или по владѣнію? Здравый смыслъ говорилъ, что по владѣнію, ибо размежеваніе измѣняло только форму этого владѣнія, т. е. полосы земли, разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ дачи, собирало въ одинъ ея уголъ. Естественно, это дѣйствіе не должно было ни отмѣнять прежняго права на собственность, ни создавать новаго. Часто нужно было для сведенія участковъ къ однимъ мѣстамъ дѣлать обмѣнъ владѣнія въ смежныхъ дачахъ. Въ этомъ случаѣ казалось, что обмѣнивающіеся дѣлаютъ полный промѣнъ собственности, какъ при куплѣ и продажѣ, но это былъ только простой обмѣнъ владѣнія, безъ предрѣшенія вопроса о правѣ собственности, если вопросъ этотъ былъ спорный. Доказательствомъ можетъ служить право опекуновъ подписывать полюбовныя сказки безъ тѣхъ формальностей, которыя требуются при отчужденіи собственности малолѣтныхъ. Это можетъ показаться юридической тонкостью, но отъ неразрѣшенія ея осталось неразмежеваннымъ большое число черезполосныхъ дачъ и во многихъ мѣстахъ видно еще безобразное черезполосное владѣніе. Слѣдовало опредѣленно сказать, что размежеваніе черезполосныхъ дачъ должно производить по владѣнію, но что подпись полюбовной сказки не лишаетъ подписавшаго оную права отыскивать недостающаго количества земли противу крѣпостей установленнымъ судебнымъ порядкомъ, даже и въ томъ случаѣ, если бы владѣніе по мѣстному удобству было

перенесено вслѣдствіе обмѣна изъ одной дачи въ другую. Эта мѣра и въ настоящее время еще можетъ быть весьма полезна и ускорить окончаніе полюбовнаго размежеванія. Другимъ важнымъ препятствіемъ къ успѣшному окончанію этого дѣла было разрѣшеніе того же вопроса: слѣдуетъ ли размежевывать дачи государственныхъ крестьянъ по крѣпостямъ, или по владѣнію, бывшимъ министромъ государственныхъ имуществъ не на основаніи какого-либо юридическаго взгляда, а единственно съ цѣлью пріобрѣсть для нихъ какъ можно болѣе земли отъ помѣщиковъ. Инструкціею, данною имъ по своему вѣдомству, онъ предписываетъ размежевывать черезполосныя дачи государственныхъ крестьянъ *по крѣпостямъ*, если въ нихъ показано бо̀льшее количество земли, нежели какимъ они дѣйствительно владѣютъ; если же, напротивъ того, они владѣютъ бо̀льшимъ количествомъ, нежели на какое имѣютъ право, то производить размежеваніе *по владѣнію*. Такое прямое и откровенное отрицаніе справедливости не могло не принести плодовъ своихъ. Хотя оно и было сдѣлано въ видахъ доставить пользу государственнымъ крестьянамъ, но въ сущности доставило ее только чиновникамъ уполномоченнымъ и чиновникамъ уполномочивающимъ. Тѣмъ не менѣе размежеваніе черезполосныхъ дачъ съ государственными крестьянами, гдѣ оно состоялось, обошлось помѣщикамъ очень, очень дорого: нужно было непремѣнно пожертвовать нѣсколько десятинъ земли въ пользу крестьянъ, безъ этого министерство не утверждало полюбовныхъ сдѣлокъ, и принести еще бо̀льшія жертвы въ пользу бюрократическихъ двигателей. Вотъ почему въ тѣхъ случаяхъ, когда помѣщикъ не хотѣлъ или не былъ въ силахъ приносить эти жертвы, дачи остались неразмежеванными.

По вопросу, насъ занимающему, уничтоженіе черезполосности есть главное и основное обстоятельство. Невозможно составить одинаковыя правила въ отношеніи къ предотвращенію потравъ для земель, находящихся въ единственномъ владѣніи и для земель во владѣніи черезполосномъ. Для сихъ послѣднихъ даже и едва ли возможно сдѣлать что-либо, чтобы прекратить это зло, потому что оно составляетъ существенное и неизбѣжное условіе этой формы владѣнія землею. Впрочемъ и въ отношеніи къ этому послѣднему разряду можно будетъ указать на нѣкоторыя если не юридическія,

то по крайней мѣрѣ полицейскія постановленія и на хозяйственныя распоряженія, которыми можно противодѣйствовать этому злу, обратившемуся въ столь сильную привычку, что неудобствъ его почти уже наши крестьяне и не замѣчаютъ.

При этихъ словахъ приходитъ на мысль сомнѣніе въ необходимости постановленій противу потравъ, если зло это такого свойства, что къ нему можно привыкнуть и почти не замѣчать его. Но къ чему не привыкаетъ русская натура! однако каковы были результаты этой привычки? Апатія, безпомощность, отсутствіе проявленій жизни и дѣятельности не на одномъ сельско-хозяйственномъ поприщѣ. Можно опредѣлить цифру матеріальной, такъ сказать наличной потери, которую несетъ государство отъ потравъ и порчи полей и луговъ, принявъ эту потерю за какую-нибудь хотя самую малую дробь отъ всей суммы ежегодныхъ сельскихъ произведеній (*); но нельзя опредѣлить той потери, которая происходитъ отъ невозможности дѣлать улучшенія въ сельскомъ хозяйствѣ. Потерю эту можно назвать воображаемою, потому что она не есть лишеніе дѣйствительной цѣнности или предмета существовавшаго, а только возможности осуществленія этого предмета, но тѣмъ не менѣе это зло вреднѣе для общей государственной дѣятельности, нежели самое матеріальное уничтоженіе предметовъ уже существовавшихъ. Приведемъ примѣръ: мнѣ случалось, и довольно часто, встрѣчать селенія, гдѣ крестьяне не садятъ капусты, луку, огурцовъ и проч., т. е. не заводятъ вовсе огородовъ, но всѣ произведенія этого рода покупаютъ на рынкахъ. Отчего это происходитъ? Времени крестьяне имѣли довольно (они были государственные), мѣсто, т. е. почва и близость воды, также представляло удобство для огородныхъ растеній, которыя могутъ быть разводимы вездѣ, при надлежащемъ удобреніи и уходѣ. Отъ опасенія похищенія и потравъ: «у насъ ничего завести нельзя, все повыдергаютъ или повытравятъ—ужъ

(*) Тенгоборскій въ своей книгѣ «Études sur les forces productives de la Russie» (T. I, p. 287) вычисляетъ валовой доходъ (produit brut) отъ всей земледѣльческой дѣятельности въ Россіи въ 2 милліарда 44 милліона рублей серебромъ. Положимъ, что отъ потравъ и отъ небрежнаго наблюденія за скотомъ уничтожается только 1/20 часть этого дохода: потеря будетъ равняться 100 мил. р. с., т. е. превосходитъ всю сумму прямыхъ налоговъ, какъ государственныхъ податей, такъ и сборовъ на земскія повинности. *Прим. автора.*

такой народецъ!» былъ отвѣтъ ихъ на мои распросы. А кто же этотъ народецъ? Они же сами!... Покупка овощей на деньги возможна конечно не для всѣхъ крестьянъ, но и притомъ самые зажиточные не употребляютъ этой пищи въ такомъ изобиліи, какъ въ томъ случаѣ, если бы она была непокупная. Объ откармливаніи скота турнепсами конечно при такомъ порядкѣ вещей не можетъ быть и рѣчи. Хлѣбъ да хлѣбъ, и тотъ часто съ мякиной — вотъ вся пища крестьянина. Падежи уничтожаютъ скотоводство, конокрады лошадей, а безпорядокъ въ сельскомъ быту и потравы сокращаютъ и самый урожай зерновыхъ растеній. Недостаточно еще написать: «Въ огородахъ размножать всякаго рода овощи и произрастенія, и въ особенности картофель, засѣвая онымъ по возможности *цѣлыя поля*» (Уст. о город. и сельск. хозяйствѣ, ст. 123) и выдавать за это медали (ст. 124). Законъ можетъ содѣйствовать частнымъ интересамъ лишь отрицательно, т. е. устраняя препятствія и не допуская произвольнаго нарушенія этихъ интересовъ и частными лицами, и лицами офиціальными, но не посредствомъ наградъ денежныхъ, а еще менѣе посредствомъ медалей. Устраните препятствія къ экономической дѣятельности—она сама себя наградитъ, а за медалью погонится только пустой человѣкъ, который съумѣетъ ее купить проще, нежели засѣваніемъ *цѣлыхъ полей* картофелемъ. Наблюденіе сельскихъ старшинъ, чтобы крестьяне *проводили время въ трудолюбіи* (ст. 115 того же Устава) и всѣ награды за разведеніе торговыхъ, мануфактурныхъ и аптекарскихъ растеній (Глава III), за садоводство и разведеніе винограда (Гл. IV), за винодѣліе (Гл. V), за шелководство (Гл. VI), за пчеловодство (Гл. VII), за разведеніе лошадей, скотоводство и овцеводство (Гл. VIII) не помогутъ дѣлу, если оно само въ себѣ не будетъ находить матеріальнаго вознагражденія за трудъ и издержки, т. е. если оно само по себѣ не будетъ выгодно и не будетъ приносить чистой прибыли. Какое садоводство возможно, когда существуетъ въ уставѣ сельско-судебномъ для государственныхъ крестьянъ слѣдующая 523 статья:

«Кто изъ шалости срубитъ, повредитъ, или другимъ образомъ сдѣлаетъ негодными чужія или общественныя растущія деревья, для украшенія или пользы посаженныя, того подвергать взысканію

той цѣны, которой деревья стоили, и сверхъ того, заставлять вмѣсто испорченнаго дерева посадить такого же рода новое дерево.» 1839 март. 23 (12166) § 207.

На практикѣ это значитъ, что всякій имѣетъ право рубить чужіе сады на дрова и платить за нихъ по оцѣнкѣ, т. е. по оцѣнкѣ дровъ, и сверхъ того воткнуть на мѣста срубленныхъ яблонь и грушъ по хворостинѣ, назвавъ ее прививкомъ. Трудно объяснить, чтобы въ послѣднихъ словахъ: «*такого же рода* новое дерево» разумѣлось дерево такого же возраста и такой же растительной силы, ибо, во первыхъ, гдѣ взять такія деревья, а во-вторыхъ, не могъ же писавшій эту статью предполагать во всѣхъ порубщикахъ-крестьянахъ искусство знаменитаго Пакстона, пересаживавшаго при устройствѣ лондонской всемірной выставки старыя деревья безъ малѣйшаго для нихъ поврежденія.

Естественно, что при такомъ слабомъ огражденіи собственности, всѣ поощренія со стороны правительства, всѣ выставки и всѣ древесные питомники не будутъ имѣть никакихъ послѣдствій, кромѣ выгодъ и удобствъ завѣдывающихъ ими чиновниковъ и значительнаго увеличенія сборовъ на земскія повинности. Нельзя при этомъ не замѣтить, что многія наши постановленія и распоряженія въ отношеніи къ сельскому быту грѣшатъ непрактичностью и непримѣнимостью къ дѣйствительной жизни. Я помню провинціальный бытъ губерній средней полосы съ 1823 года. Много вышло съ того времени постановленій подъ всевозможными названіями, но ни одно изъ нихъ, кромѣ спеціальнаго размежеванія, не имѣло ни малѣйшихъ слѣдовъ на дѣлѣ, и всѣ остались словами и бумагою. Измѣнились названія чиновниковъ, увеличилось число ихъ, усложнились формы письмоводства, но въ сущности ничто не измѣнилось ни къ лучшему, ни къ худшему. Никто не сомнѣвается въ добрыхъ намѣреніяхъ высшихъ администраторовъ; почему же распоряженія ихъ, подготовленныя, обсуженныя и пересуженныя остаются безъ всякихъ послѣдствій, если еще не даютъ повода къ злоупотребленіямъ со стороны низшихъ чиновниковъ или мелкой сошки, по выраженію старика Крылова? Оттого что они всѣ проникнуты иностранно-теоретико-канцелярскимъ духомъ, а не указаны знаніемъ дѣйствительныхъ неудобствъ, потребностей и обстоятельствъ мѣстной русской жизни и ея экономическихъ и обще-

ственныхъ условій. Во время различныхъ преобразованій по управленію государственными крестьянами въ концѣ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ, мнѣ случилось распрашивать одного умнаго крестьянина о послѣдствіяхъ принятыхъ мѣръ:

— И, батюшка! отвѣчалъ мой сосѣдъ: у насъ все идетъ по старому!

— Какъ же такъ? сказалъ я: а новыя-то правила и уставы?

— *Да это все слѣпые указы.*

Дѣйствительно, таково значеніе многихъ непрактическихъ неисполнимыхъ и чуждыхъ дѣлу распоряженій. Чтеніе ихъ весьма полезно, какъ средство предостерегательное, и нельзя довольно благодарить кн. Черкасскаго, обратившаго на нихъ вниманіе въ извѣстной статьѣ своей: «Нѣкоторыя общія черты будущаго сельскаго управленія», помѣщенной въ 9 книжкѣ Сельскаго Благоустройства на стр. 254 и стр. 268, гдѣ сдѣлана ссылка на II т. Св. Зак., ст. 4659 до 4937 и прочія.

Но возвращаясь къ вопросу о потравахъ, мы прежде всего должны изучить существующія у насъ на этотъ предметъ постановленія. Гдѣ однако искать ихъ? Казалось бы всего ближе въ Сельскомъ Уставѣ или въ Уставѣ о городскомъ и сельскомъ хозяйствѣ, занимающемъ значительную часть XII тома Свода Законовъ. Къ сожалѣнію, тамъ нѣтъ ни одного слова о потравахъ! Посмотримъ въ Уставѣ о благочиніи въ казенныхъ селеніяхъ (въ томъ же XII томѣ), и особенно во II раздѣлѣ, заключающемъ въ себѣ сельско-полицейскій Уставъ для государственныхъ крестьянъ. Въ немъ есть дѣйствительно (въ главѣ V, о безопасности во владѣніи имуществомъ) статья 268, гдѣ въ концѣ пятой и началѣ шестой строки, къ общему глаголу «запрещается», поставленному въ началѣ, относятся и слѣдующія слова: «*потрава хлѣба на пашнѣ и травы на лугахъ*». Вотъ все что представляетъ наше специально-сельско-хозяйственное законодательство по этому предмету. Въ чемъ должны заключаться мѣры и распоряженія предупредительныя; что ожидаетъ того, кто нарушитъ правило, выраженное 268 статьею въ словахъ «запрещается потрава хлѣба на пашнѣ и травы на лугахъ», нигдѣ ни прямо, ни косвенно не упомянуто. Конечно, потрава можетъ быть разсматриваема какъ нарушеніе 249 статьи того же Устава, гдѣ сказано: «Государственные крестьяне вообще ока-

зываютъ взаимное уваженіе и дружество, а въ несчастныхъ случаяхъ возможную помощь и одолженіе»; но и за нарушеніе этой статьи и похвальныхъ нравственныхъ правилъ, въ ней изображенныхъ, также не назначено никакого взысканія и не сказано, что̀ дѣлать въ томъ случаѣ, если государственный крестьянинъ, вмѣсто того, чтобы оказать одолженіе, сдѣлаетъ потраву, и уничтоживъ своими лошадьми, коровами и свиньями весь годичный урожай своего сосѣда, не окажетъ ему ни дружества, ни уваженія.

Обратимся къ другимъ томамъ Свода Законовъ.

Въ XIV томѣ, въ главѣ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленіи противу имуществъ, ничего не говорится о потравахъ.

Въ Уложеніи о наказаніяхъ есть слѣдующая статья (2181):

«За поврежденіе чужихъ садовъ и огородовъ, за потраву чужаго хлѣба и луговъ, виновные, сверхъ вознагражденія за причиненные ими убытки, подвергаются:

денежному взысканію, равному десяти процентамъ суммы, въ которую сіи убытки будутъ исчислены».

Этою статьею установленъ принципъ вознагражденія, но не объясненъ способъ исчисленія убытковъ, не назначено вознагражденія за убытки и расходы, неизбѣжные при всякомъ процессѣ; нѣтъ ни слова о томъ, что̀ дѣлать съ захваченными животными, даже ничего не говорится о самомъ правѣ задержать ихъ, и проч. и проч. Но можетъ быть въ уголовныхъ законахъ имѣлось въ виду только указать мѣсто этому проступку и назначенному за него наказанію въ общей лѣстницѣ преступленій и наказаній, а подробное опредѣленіе способовъ иска, доказательствъ, предупредительныхъ мѣръ для обезпеченія взысканія отнесено къ законамъ гражданскимъ, какъ иска дѣйствительно скорѣе гражданскаго, нежели уголовнаго?

Въ Сводѣ Законовъ Гражданскихъ только двѣ главы могутъ по содержанію своему относиться къ разсматриваемому нами предмету и заключать въ себѣ какія-либо постановленія относительно потравъ или порчи хлѣбныхъ урожаевъ, травъ, садовъ и проч. Главы эти носятъ названія, одна: *О вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные преступленіемъ или проступкомъ;* другая: *О вознагражденіи за вредъ и убытки, послѣдовавшіе отъ дѣяній, не признаваемыхъ преступленіями и проступками.* Выписываемъ

изъ нихъ всѣ статьи, имѣющія прямое или косвенное отношеніе къ нашему вопросу.

644. Виновный въ совершеніи какого-либо преступленія или проступка, не смотря на то, съ предумышленіемъ или безъ онаго учинено имъ сіе преступленіе, обязанъ вознаградить за всѣ непосредственно причиненные симъ дѣяніемъ его вредъ и убытки.

645. Если притомъ будетъ доказано, что преступленіе или проступокъ совершены именно съ намѣреніемъ причинить какіе-либо болѣе или менѣе важные потерпѣвшему отъ онаго убытки или потери, то виновный обязанъ вознаградить не только за убытки, непосредственно происшедшіе отъ сего дѣянія, но и за всѣ тѣ, хотя болѣе отдаленные, которые имъ дѣйствительно съ симъ намѣреніемъ причинены.

647. Не подлежатъ вознагражденію вредъ и убытки, происшедшіе отъ дѣянія случайнаго, учиненнаго не только безъ намѣренія, но и безъ всякой со стороны учинившаго оное неосторожности.

671. Въ случаѣ присвоенія чужаго имущества, присвоившій себѣ оное обязанъ: во-первыхъ, возвратить законному владѣльцу все похищенное въ такомъ точно видѣ и состояніи, въ какомъ оное было во время похищенія, или же заплатить за оное по существующимъ во время постановленія о томъ рѣшенія цѣнамъ, или по цѣнѣ, коей могло стоить сіе имущество въ то время, когда оно похищено, если владѣлецъ имущества будетъ сего требовать; во-вторыхъ, возвратить также всѣ полученные имъ отъ похищенія или захвата сего имущества доходы и выгоды, или же вознаградить хозяина за всѣ понесенные имъ отъ лишенія сего имущества потери и убытки.

672. Виновный въ похищеніи чужаго имущества обязанъ заплатить за всѣ употребленные владѣльцемъ онаго на отысканіе сего имущества расходы.

673. Въ случаѣ истребленія или поврежденія какого-либо имущества (Улож. о наказ. ст. 2185—2206), виновный обязанъ за истребленное имущество заплатить или по существовавшимъ на предметы сего рода во время самаго истребленія цѣнамъ, или по цѣнамъ, существующимъ во время постановленія рѣшенія о вознагражденіи, какъ сего будетъ желать и требовать хозяинъ имуще-

ства, а поврежденное привести въ прежнее состояніе на свой счетъ, или же, буде хозяинъ поврежденнаго имущества на то согласится, заплатить сумму, нужную для сего исправленія, или же наконецъ, когда исправленіе сего имущества почему-либо окажется невозможнымъ, заплатить за оное на томъ же основаніи, какъ за имущество истребленное. Онъ также, на основаніи предшедшей 671 статьи, обязанъ вознаградить за всѣ понесенные вслѣдствіе истребленія или поврежденія сего имущества потери и убытки, со времени истребленія или поврежденія онаго по день полной уплаты сего вознагражденія.

684. Всякій обязанъ вознаградить за вредъ и убытки, причиненные кому-либо его дѣяніемъ или упущеніемъ, хотя бы сіе дѣяніе или упущеніе и не составляли ни преступленія, ни проступка, если только будетъ доказано, что онъ не былъ принужденъ къ тому требованіями закона, или правительства, или необходимою личною обороною, или же стеченіемъ такихъ обстоятельствъ, которыхъ онъ не могъ предотвратить.

690. Всякое самоуправство по имуществамъ, хотя бы они состояли и въ незаконномъ владѣніи, строго воспрещается.

Во всѣхъ приведенныхъ статьяхъ не говорится ни слова собственно о потравѣ хлѣбовъ или травъ, но можно по аналогіи сослаться на 673 статью, гдѣ говорится о платѣ за поврежденіе или истребленіе имущества, и на 684 статью, гдѣ говорится о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные кому-либо дѣяніемъ или упущеніемъ, хотя бы сіе дѣяніе или упущеніе не составляли ни преступленія, ни проступка.

Чтобы судить объ удобствѣ или неполнотѣ этихъ постановленій въ примѣненіи къ дѣйствительной жизни, возьмемъ нѣсколько практическихъ случаевъ и разсмотримъ, какія статьи изъ этихъ законовъ будетъ представлять каждая изъ спорящихъ сторонъ и чѣмъ должно окончиться разбирательство ихъ спора.

А имѣетъ землю въ единственномъ владѣніи, смежную съ землею *Б*. На землѣ *А* посѣянъ хлѣбъ, который уже началъ развиваться въ трубку, но не только еще не созрѣлъ, но даже не образовалъ зерна. Часть земли *Б*, смежная съ землею *А*, находится подъ паромъ или можетъ быть подъ выгономъ. Владѣлецъ ея пускаетъ на нее свой скотъ, который по отсутствію или по небрежности пастуха зашелъ

на землю *А*, засѣянную, какъ мы уже сказали, хлѣбомъ. Скотъ, находясь въ хлѣбѣ, конечно причиняетъ *истребленіе* части посѣва, имъ съѣденной, *поврежденіе* тѣхъ мѣстъ, по которымъ ходитъ (ст. 673), и даетъ право владѣльцу земли *А* требовать на основаніи этой статьи и статьи 684 отъ владѣльца *Б* уплаты *вознагражденія за вредъ и убытки*, причиненные ему его *упущеніемъ*. *А* выгоняетъ скотъ изъ своего хлѣба и идетъ къ *Б* требовать уплаты за потраву. Здѣсь возможны слѣдующіе случаи:

или *Б* соглашается заплатить за потраву,

или *Б* не соглашается заплатить за потраву.

Первый изъ этихъ случаевъ до насъ вовсе не касается, потому что гдѣ нѣтъ спора, тамъ не можетъ быть и иска и не нужно никакихъ правилъ и законовъ для разрѣшенія того, что и не составляетъ затрудненія.

Второй случай, т. е. когда *Б* не соглашается заплатить за потраву, представляется въ двухъ видахъ: *Б* или вовсе не хочетъ ничего заплатить, или не хочетъ заплатить той суммы, которую проситъ *А*, находя ее неумѣренною.

Разсмотримъ послѣдній видъ. Кто и какъ рѣшитъ вопросъ о цѣнности потравы, если оба спорящіе не принадлежатъ къ одному сословію государственныхъ крестьянъ? Становой приставъ съ понятыми, въ число коихъ нерѣдко попадаютъ самые тупые, самые праздные и безхозяйные старики изъ всего околодка, привыкшіе лежать по цѣлымъ суткамъ на бугоркѣ въ ожиданіи пріѣзда становаго, съ полною готовностью исполнять всѣ его приказанія (противное для нихъ даже немыслимо) и давать показанія, какія ему будетъ угодно написать за нихъ—и все это изъ за рюмки водки и изъ-за куска пирога, а иногда даже только изъ-за ломтя чернаго хлѣба! Была какъ-то высказана мысль, что наши понятые то же что англійскіе присяжные, которые тоже суть мѣстные жители, не принадлежащіе къ сословію судей и рѣшающіе вопросъ не о правѣ, а только о фактѣ. Мысль эта совершенно поверхностна, и справедливаго въ ней только одно наружное сходство. Конечно, если бы наши понятые не выбирались по произволу чиновника, становаго или сотскаго; если бы они были на столько самостоятельны и грамотны, чтобы не утверждать всего того, что этотъ чиновникъ по своему произволу напишетъ; если бы не зависѣло отъ произвола этого чиновника за-

ставлять ихъ ждать по нѣскольку сутокъ его прибытія, то, можетъ быть, и они развились бы въ учрежденіе практическое и полезное!

Возвратимся однако къ оцѣнкѣ потравы. Послѣ нѣсколькихъ безполезныхъ поѣздокъ за пятнадцать и болѣе верстъ въ становую квартиру (рѣдкій станъ имѣетъ менѣе тридцати верстъ въ поперечникѣ), послѣ поданнаго на гербовой бумагѣ объявленія, *А* добился наконецъ, что становой пріѣхалъ, собралъ понятыхъ, пригласилъ священника для приведенія ихъ къ присягѣ и для отобранія рукъ, и по исполненіи всѣхъ формальностей, оцѣнилъ потраву по своему произволу. Я говорю «по своему произволу» не потому, что сомнѣваюсь въ высокомъ безпристрастіи всѣхъ становыхъ, но принимая въ соображеніе тотъ просторъ, который даетъ ему 673 статья, выше приведенная. Въ ней сказано: *или по существовавшимъ на предметы сего рода во время истребленія цѣнамъ, или по цѣнамъ, существующимъ во время постановленія рѣшенія о вознагражденіи, какъ сего будетъ желать и требовать хозяинъ имущества.* Но если становой не исполнитъ желанія или требованія хозяина имущества?—Послѣдній можетъ жаловаться Земскому Суду. Не говоря уже о новыхъ расходахъ, о тратѣ времени и о прочемъ, жалоба его непремѣнно должна оказаться неосновательною, потому что на недозрѣлый хлѣбъ, переставшій уже быть травою и не образовавшій еще зерна, *даже во время постановленія рѣшенія* никакихъ цѣнъ не существуетъ. Сочтите, во что обойдутся расходы на поѣздки, чего будетъ стоить прокормить становаго съ писаремъ, кучеромъ и тройкой *лихихъ* лошадей, угостить понятыхъ и такъ далѣе, и вы увидите, что присужденное вознагражденіе не можетъ покрыть *причиненнаго вреда и убытка.* Но все это только прологъ драмы, только «присказка, а сказка будетъ впереди». Нужно получить съ *Б* ту сумму, къ уплатѣ которой приговоритъ его Земскій Судъ, т. е. общимъ порядкомъ о частныхъ безспорныхъ взысканіяхъ. Кому изъ людей, имѣвшихъ безспорные документы, неизвѣстно, что понудительное взысканіе по нимъ невозможно, не смотря на то какъ бы ни было велико имущество должника? Одинъ только случай предоставляетъ возможность или даже невозможность, а только надежду на полученіе: это—если должникъ станетъ продавать или закладывать свое недвижимое имѣніе въ кредитныхъ учрежденіяхъ: тогда можетъ быть искъ

вашъ покажутъ въ справкахъ, и слѣдующая вамъ сумма будетъ удержана.

Всѣхъ этихъ бѣдствій не знаютъ только лица оффиціально сильныя, которыя своимъ произволомъ могутъ дѣйствовать на произволъ низшихъ чиновниковъ; прочіе же прибѣгаютъ въ такихъ случаяхъ къ слѣдующей уловкѣ: они жертвуютъ половину своего иска въ пользу монастыря или архіерейскаго дома, и тогда уже частный искъ обращается въ казенное взысканіе. При этой уступкѣ половины своей собственности необходимо употребить выраженіе, что вы жертвуете половину изъ *дѣйствительно* взысканной суммы, а другую предоставляете себѣ по мѣрѣ поступленія: иначе половина, пожертвованная монастырю, будетъ взыскана, а вы останетесь съ пустыми руками. Впрочемъ всѣ эти надежды на взысканіе могутъ имѣть мѣсто только въ томъ случаѣ, если вы имѣете дѣло съ помѣщикомъ; взысканіе же какой-либо суммы съ государственнаго крестьянина просто невозможно. А между тѣмъ кому неизвѣстно, что потравы преимущественно происходятъ отъ безпечности, а часто и злонамѣренности государственныхъ крестьянъ? Это въ такой степени общеизвѣстно, что земли, смежныя съ землями государственныхъ крестьянъ, цѣнятся дешевле, по пословицѣ: «не купи села, купи сосѣда.»

Но неужели всѣ потравы хлѣбовъ и травъ остаются безнаказанными? Нѣтъ, не всегда, если приняться за дѣло съ надлежащей ловкостью и не стѣсняясь Сводомъ Законовъ, по крайней мѣрѣ послѣднимъ его изданіемъ; но мы до сихъ поръ дѣйствуемъ не выходя изъ предѣловъ статей этого изданія. Читатели увидятъ далѣе, почему я говорю именно объ изданіи 1857 года, которымъ конечно уничтожены всѣ невключенныя въ него постановленія и которое одно имѣетъ законную силу. Обыкновенно при потравѣ стараются захватить животное, ее причинившее, и не отдаютъ хозяину до тѣхъ поръ, пока онъ не заплатитъ сумму, произвольно назначенную. Это совершенно противузаконно, но такъ дѣлаютъ всѣ, и обычай замѣняетъ законъ. Конечно, хозяинъ захваченнаго животнаго имѣетъ право жаловаться на основаніи 690 статьи на самоуправство, требовать удовлетворенія за всѣ расходы, употребленные на отысканіе животнаго, на основаніи 672, и за время пользованія этимъ животнымъ захватившаго его въ своемъ хлѣбѣ на осно-

ванія 671 статьи и т. д. Но этого обыкновенно не дѣлается по тому убѣжденію, что судомъ своего права не отыщешь, убѣжденію, сильно вкоренившемуся въ нашемъ народѣ. Впрочемъ бойкіе мѣщане, содержатели мельницъ и купцы, имѣющіе хутора, часто прибѣгаютъ къ этому способу запутать дѣло и торжествовать надъ сосѣдомъ, который осмѣлился загнать ихъ скотъ или свиней съ потравы на своемъ хлѣбѣ или на своемъ лугу. Они не имѣютъ въ виду получить вознагражденіе, на которое законъ даетъ имъ право, но только хотятъ насолить *безпокойному* по ихъ мнѣнію сосѣду, который не допускаетъ произвольнаго уничтоженія своей собственности. Такъ какъ законъ, или лучше сказать исполнители закона при существующей нынѣ обстановкѣ не ограждаютъ права, и какъ судебное нападеніе всегда у насъ легче судебной защиты, то къ судебному разбирательству почти никогда и не прибѣгаютъ, а управляются древнѣйшимъ изъ всѣхъ правъ—правомъ сильнаго, что конечно ведетъ къ ссорамъ, дракамъ и прочимъ безпорядкамъ. Подерутся въ полѣ—помирятся въ кабакѣ, тѣмъ дѣло и кончится. Если вы не расположены драться въ полѣ и мириться въ кабакѣ, и если становой не вашъ покорнѣйшій слуга, то не заводите другихъ сѣвооборотовъ кромѣ трехпольнаго, и притомъ прикливайте ваши поля къ полямъ сосѣдей, не заводите травосѣянія, не смѣйте и думать о сбереженіи отавы на лугахъ для втораго укоса или хотя для корма скоту и проч. Возразятъ, что можно однако окопать свои земли канавами, приставить сторожей и принять прочія надлежащія мѣры. Во-первыхъ, выраженіе «принять надлежащія мѣры» такъ избито и такъ ничего не выражаетъ кромѣ канцелярской формы, что мы его пока устранимъ изъ нашего разсужденія. Обведеніе земли канавами есть средство хотя и дорогое, но довольно дѣйствительное. Канавы необходимо возобновлять, иначе онѣ обваливаются и чрезъ нихъ дѣлаются въ разныхъ мѣстахъ переходы; обсаживать же ихъ колючими и густыми кустарниками или хотя просто ракитами и лозникомъ по нашему климату невозможно, потому что зимою къ нимъ наносятся сугробы снѣга, который долго не таетъ весною, и производятъ вымочки и выпрѣвки хлѣба. Впрочемъ канавы не вездѣ возможно и провести: напр. на поемныхъ лугахъ ихъ въ первую же воду завалитъ иломъ; по скатамъ проведенныя канавы скоро обращаются въ овраги, изъ кото-

рыхъ выноситъ песокъ и глину на земли, лежащія ниже; если дача ограничивается такъ называемымъ живымъ урочищемъ или суходоломъ, то въ этомъ мѣстѣ невозможно провести канавы. Строить въ такихъ мѣстахъ каменные заборы слишкомъ дорого, а деревянныя изгороди не только что дороги, но и непрочны, особенно потому, что ихъ, подобно перiламъ на мостахъ и даже самимъ мостамъ, раскрадываютъ проѣзжіе крестьяне. Что касается до найма полевыхъ сторожей, то эта мѣра полезна только въ томъ случаѣ, если сторожу будетъ предоставлено загонять скотину, захваченную въ потравѣ, чего не допускаетъ послѣднее изданіе Свода Законовъ; отгонять же ее только отъ хлѣба и луга, порученнаго его надзору, значитъ требовать, чтобы онъ обратился въ пастуха чужой скотины, о которой не заботится самъ хозяинъ. При этомъ способѣ надо держать цѣлый батальонъ сторожей, которые бы оцѣпили посѣвъ на руку дистанціи и пугали подходящую къ нему безпастырную скотину.

Я сказалъ уже, что существуетъ обычай загонять скотину, захваченную въ потравѣ и требовать за нее выкупа, и что этотъ обычай незаконенъ, по крайней мѣрѣ по послѣднему изданію Свода Законовъ.

Дѣйствительно, если мы заглянемъ въ X томъ Свода Законовъ изданія 1842 года, то найдемъ въ немъ слѣдующія статьи:

537. Если учинена чужимъ скотомъ потрава хлѣба на пашнѣ или травы на нескошенныхъ лугахъ, то хозяинъ пашни и луговъ въ правѣ загнать тотъ скотъ къ себѣ, и заявивъ о томъ стороннимъ людямъ, призвать хозяина скота, осмотрѣть съ посторонними людьми учиненную онымъ потраву. Если сей послѣдній удовлетворитъ за таковый убытокъ, то хозяинъ пашни или луговъ обязанъ возвратить ему скотъ въ цѣлости; если же хозяинъ онаго на осмотръ не пойдетъ, то хозяинъ пашни или луговъ можетъ, задержавъ скотъ у себя, требовать за потраву удовлетворенія установленнымъ порядкомъ. Если жалоба его окажется справедливою, то хозяинъ скота обязанъ ему заплатить за убытки и за прокормъ скота какъ по слѣдствію окажется.

538. Ежели кто за потраву хлѣба или травы, загнавъ скотъ къ себѣ, не будетъ оный кормить и уморитъ съ голоду, то съ него

взыскивается въ пользу хозяина цѣна скота по оцѣнкѣ. Когда же скотъ былъ загнанъ насильно и безвинно, то съ того, кто тотъ скотъ убьетъ или голодомъ уморитъ, вышеозначенное взысканіе полагается вдвое.

539. За потраву и толоку хлѣба, обнесеннаго городьбою, отвѣчаетъ виновный въ неисправности той части городьбы, чрезъ которую вошла въ поле скотина, если она на потравѣ не будетъ поймана. Тоже правило наблюдается и въ разсужденіи потравы и толоки луговъ скотомъ, вошедшимъ на оные съ пахатнаго поля, обнесеннаго городьбою.

Что̀ же значитъ, что статьи эти изчезли изъ послѣдняго изданія Свода Законовъ? Ка̀къ объяснить ихъ уничтоженіе? Объ отмѣнѣ ихъ какимъ-либо постановленіемъ не было по крайней мѣрѣ публиковано. Неужели онѣ казались столь вредными, что даже и публикацію объ отмѣнѣ ихъ почитали опасною для общественнаго спокойствія или по крайней мѣрѣ для общественной нравственности?

Отыскивая эти статьи въ новомъ изданіи Свода Законовъ, не вѣришь глазамъ своимъ и невольно думаешь, что экземпляръ, по которому ихъ ищешь, не полонъ, что въ немъ вырваны листы; но всѣ страницы цѣлы, и нумерація статей не прерывается. Посмотримъ въ Указатель. Въ Сравнительномъ Указателѣ статей Свода Законовъ изданій 1842 и 1857 годовъ показано, что статьи прежняго изданія отъ 521 до 555 замѣнены въ новомъ статьями отъ 609 до 689. Мы уже выписали всѣ статьи новаго изданія, которыя въ какомъ-либо смыслѣ могутъ быть отнесены къ вопросу о потравахъ, и читатели видѣли, что между ними нѣтъ ни одной, сколько-нибудь похожей на три приведенныя нами статьи о потравахъ изъ изданія 1842 года. Слѣдовательно статьи эти уничтожены; но когда и по какому случаю—этого мы объяснить не можемъ. Хронологическій Указатель, который объясняетъ всѣ перемѣны законодательства указаніемъ на Полное Собраніе Законовъ, долженъ бы былъ разрѣшить это недоразумѣніе, если бы по занимающему насъ предмету вышло какое-нибудь новое постановленіе или Высочайшее повелѣніе послѣ выхода изданія 1842 года; но просмотрѣвъ его съ 1 января 1840 года до конца, мы нашли только измѣненіе въ 1845 году февраля 14

по 621 статьѣ, не относящейся до приведенныхъ трехъ статей о потравахъ (*).

Всякое законодательство заключаетъ въ себѣ примѣненіе общихъ законовъ правды или справедливости къ частной жизни того общества, для котораго оно назначается. По мѣрѣ усиленія разнообразія отношеній между людьми вслѣдствіе увеличенія народонаселенія, усложненія экономическихъ условій и т. д., законы, не отступая отъ своихъ основныхъ началъ, общихъ для всѣхъ людей, усложняются въ подробностяхъ, даютъ рѣшенія на такіе случаи, которыхъ прежде вовсе не представлялось въ дѣйствительной жизни; словомъ, отъ общихъ формъ переходятъ къ частнымъ, отъ выраженія основныхъ мыслей къ осуществленію этихъ мыслей въ практическихъ подробностяхъ: это и называется развитіемъ законодательства. Слѣдовательно ходъ измѣненія законовъ сообразно народной жизни есть движеніе отъ общаго къ частному, отъ выраженія теоріи къ ея осуществленію на практикѣ. Улучшать законы значитъ дѣлать ихъ наиболѣе примѣнимыми къ частнымъ случаямъ, сообщать имъ болѣе практичности, а чрезъ это самое облегчить и обезпечить ихъ исполненіе. Противный порядокъ немыслимъ, по крайней мѣрѣ не можетъ быть названъ развитіемъ, а еще менѣе улучшеніемъ.

Но вышеприведенныя три статьи изданія 1842 года, уничтоженныя въ изданіи 1857, можетъ быть или неисполнимы на практикѣ, или противорѣчатъ общимъ началамъ справедливости и основанному на нихъ праву собственности?

Разберемъ ихъ сперва съ практической точки зрѣнія.

Первая изъ нихъ, т. е. 537 статья рѣшаетъ вопросъ: что дѣлать человѣку, нашедшему на своей засѣянной пашнѣ или на скошенномъ лугу чужой скотъ? Она позволяетъ ему загнать его къ себѣ, ибо какъ же въ самомъ дѣлѣ поступить иначе? Согнать его просто— значитъ, во-первыхъ, лишиться возможности получить достаточное и скорое вознагражденіе за вредъ и убытокъ, имъ причиненный, на что даже статьи 644 и 684 изданія 1857 года даютъ право, а во-вторыхъ, это значитъ перегнать его на землю третьяго лица и причинить еще бо́льшій вредъ и болѣе усложнить дѣло, ибо невозможно

(*) Разрѣшеніе какъ этого недоумѣнія В. К. Ржевскаго, такъ и изложеннаго ниже читатели найдутъ въ слѣдующей статьѣ. *Редакторъ.*

же требовать, чтобы потерпѣвшій потраву гналъ найденную скотину вплоть до дома ея хозяина (ему можетъ быть даже и неизвѣстнаго), и сдѣлавъ ловкій крацфусъ, возвратилъ ее ему съ дружествомъ и уваженіемъ, когда онъ имѣетъ въ виду требовать отъ него удовлетворенія при содѣйствіи судебной власти. Но позволяя загнать съ своего хлѣба чужой скотъ, статья 537 обезпечиваетъ и права его хозяина, поставивъ загнавшему въ обязанность заявить о томъ стороннимъ людямъ. Здѣсь кромѣ обезпеченія правъ обѣихъ сторонъ, есть еще другая прекрасная и совершенно практическая черта: именно заявленіе не начальству, не чиновнику или писарю, отдаленнымъ отъ мѣста дѣйствія, а такимъ людямъ, которые сами завтра же могутъ быть въ положеніи истца или отвѣтчика по такому же точно случаю. Это есть дѣйствительный шагъ къ самоуправленію въ мѣстныхъ интересахъ, устраненіе коего и замѣна чиновничьимъ элементомъ всегда ведетъ къ несправедливостямъ и самоуправству. Далѣе въ этой статьѣ предвидѣнъ и тотъ случай, когда хозяинъ скота не пойдетъ на осмотръ потравы, хотя разрѣшеніе его и не вполнѣ удовлетворительно, ибо замаскировано общимъ и неопредѣленнымъ выраженіемъ: «требовать удовлетворенія установленнымъ порядкомъ». Впрочемъ неудовлетворительность установленнаго порядка, сохраненнаго и изданіемъ 1857 года, не можетъ быть поставлена въ укоръ разбираемой нами статьѣ.

Статья 538 обезпечиваетъ права владѣльца загнаннаго скота отъ небрежности или дурнаго умысла загнавшаго.

Статья 539 есть не иное что, какъ письменное изложеніе и освященіе закономъ обычая, съ давнихъ лѣтъ существующаго въ сѣверной, лѣсистой полосѣ Россіи, гдѣ онъ и до сихъ поръ сохраняется простодушными крестьянами, которые и не подозрѣваютъ, что, со времени выхода въ свѣтъ послѣдняго изданія X тома, они поступаютъ противузаконно.

Что приведенныя три статьи практичны и примѣнимы къ дѣлу, лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что онѣ вполнѣ соотвѣтствуютъ обычаямъ народа и исполняются имъ безъ справки съ буквою закона.

Что онѣ не нарушаютъ ни права собственности, ни права пользованія, ни даже правъ виновной стороны, говоритъ простой здравый смыслъ по ихъ прочтеніи.

Отчего же онѣ выпущены въ изданіи 1857 года?

Если предположить, что это сдѣлано потому, что имѣлось въ виду составить подробный, вполнѣ развитой Сельскій Уставъ, то до офиціальнаго его обнародованія не слѣдовало уничтожать стараго порядка, какъ не уничтожены въ Сводѣ всѣ статьи, относящіяся къ крѣпостному праву на людей, не смотря на предпринятую, но неоконченную еще реформу.

Можетъ быть полагали, что достаточно одного простаго запрещенія потравъ, выраженнаго въ 268 статьѣ Устава о благочиніи въ казенныхъ селеніяхъ, и что 249 статья того же Устава возымѣла уже полный успѣхъ, и пріучивъ къ взаимному уваженію, дружеству и одолженію, сдѣлала потравы невозможными? Но благодѣтельное вліяніе постановленій по вѣдомству государственныхъ имуществъ не вполнѣ распространяется на крестьянъ помѣщичьихъ, на самихъ помѣщиковъ и на лица всѣхъ сословій, владѣющія ненаселенными землями.

Если предположить, что выпускъ этотъ сдѣланъ для краткости, то зачѣмъ же было тридцать четыре статьи стараго изданія превращать въ восемьдесятъ въ новомъ, и въ особенности почему было не выпустить слѣдующей *неисполняемой* и *неисполнимой* 436 статьи:

«Для довольства проѣзжающихъ и прогоннаго скота, луга по дорогамъ не должны быть запираемы ранѣе Троицына дня, а отпираемы—по большимъ дорогамъ на версту, а по проселочнымъ противъ сего вполы—не позже 1 сентября; равномѣрно дозволяется и на прочіе луга и пустоши по скошеніи травы, а на пашенныя земли по снятіи съ оныхъ хлѣба, пускать прогоняемый скотъ для довольства кормомъ безъ платы».

Статья эта не исполняется: доказательствомъ тому служитъ отдача въ наемъ подъ гурты отавы вездѣ, гдѣ есть порядочные луга. Не было примѣра, чтобы купецъ пригналъ свой скотъ на чужія пустоши, хотя бы и по снятіи съ нихъ травы, и на жнивье, т. е. *пахатныя земли по снятіи съ оныхъ хлѣба*, и вздумалъ кормить его *безденежно*. Мужики проводили бы такого гостя дубинками и не повѣрили бы никакому становому, окружному, стряпчему и проч., что существуетъ законъ, который отдаетъ собственность мѣстныхъ жителей въ пользованіе каждаго проѣзжающаго или проходящаго торговца. Всѣ хорошіе хозяева заказываютъ свои луга съ весны, чтобы дать травѣ загустѣть въ то время когда еще

они влажны, и тѣмъ самымъ сохранить эту влажность какъ можно долѣе. Обычай пускать скотину, но только свою собственную, а не чужую, на луга до Троицына дня есть остатокъ варварской старины, когда, не смотря на просторъ въ угодьяхъ, къ веснѣ скотъ и лошади едва доживали отъ недостатка корма зимою и нужно было ихъ поправить во что бы то ни стало. Обычай этотъ сохраняется по той же причинѣ и у крестьянъ, за которыми нѣтъ присмотра, и въ особенности у однодворцевъ; но за то и луга ихъ ничего не производятъ, кромѣ конскаго щавелю, полевой рябинки, борщевнику и другихъ крупныхъ травъ. При существованіи приведенной статьи, т. е. если бы было возможно ея исполненіе, нечего думать объ улучшеніи и успѣхахъ сельскаго хозяйства и скотоводства. Въ Англіи дѣлаютъ восемь укосовъ травы, а у насъ законъ запрещаетъ дѣлать второй укосъ! Кто же этому повѣритъ? Ужъ конечно не англичанинъ, если этому не вѣритъ и ни одинъ русскій мужикъ. Самое живье у насъ собирается и служитъ подстилкою или топливомъ, а законъ будто бы отдаетъ его въ распоряженіе перваго купца, прогоняющаго скотъ, и притомъ безденежно! Каждый крестьянинъ приметъ это за насмѣшку. Убѣжденіе въ несуществованіи этого закона такъ сильно, что ни одинъ изъ земскихъ чиновниковъ не вздумалъ имъ воспользоваться для срыва взятки, а они, кажется, не упускаютъ случая, если онъ только возможенъ!

Подъ 436 статьею выставлены узаконенія, на которыхъ она основана, а именно: Улож. 1649 гл. VII.—1765 сент. 16 (12473.)—1766 маія 3 (12634).

Если бы не эти указанія годовъ, то можно было бы подумать, что статья эта написана не вслѣдствіе желанія *во что бы то ни стало* облегчить доставку скота въ столицы, а подъ вліяніемъ извѣстнаго ученія, что земля не принадлежитъ никому, а плоды ея всѣмъ.

Изложивъ тѣ неудобства, которыя очевидно сопряжены съ неполнотою и неясностью существующихъ постановленій о потравахъ, мы обязаны указать на тѣ способы, которыми, по нашему по крайней мѣрѣ мнѣнію, можно отвратить ихъ.

Прежде всего должно вспомнить, что всѣ потравы происходятъ не столько отъ неблагонамѣренности, сколько отъ безпечности и небрежнаго присмотра за скотомъ и лошадьми, небрежности, которая вредитъ самимъ ихъ владѣльцамъ столько же, если еще не болѣе, сколько тѣмъ сосѣдямъ, коихъ земли подвергаются потравамъ.

Не во всѣхъ селеніяхъ нанимаютъ пастуховъ. Часто стерегутъ скотину по очереди, но эта очередь не соблюдается, и скотина остается безъ призора. Тамъ, гдѣ нанимаютъ пастуховъ, дѣло идетъ нѣсколько лучше, но тоже весьма неудовлетворительно. Пастуха нанимаютъ весною очень поздно, иногда даже около конца іюня, во время такъ называемаго зыку, и только до Покрова, т. е. до 1 октября и притомъ со страннымъ условіемъ стеречь скотину только послѣ обѣда. Утромъ стерегутъ ее будто бы дѣвочки и мальчики, каждый домъ отдѣльно, но въ самомъ дѣлѣ они выгоняютъ ее только на росу изъ дому, а сами возвращаются и оставляютъ ее болтаться гдѣ и какъ попало. Большая часть потравъ происходитъ въ это время. Начиная съ 1 октября нѣтъ уже нигдѣ пастуховъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что уже хлѣбъ убранъ и потравъ быть не можетъ. Объ озимовыхъ посѣвахъ крестьяне не заботятся, на томъ основаніи, что урожай зависитъ отъ того, какъ вскроется весна; но какъ бы она ни была благопріятна, урожая быть не можетъ тамъ, гдѣ зелень была осенью вырыта съ корнемъ свиньями, вытоптана коровами и лошадьми и вытравлена овцами подъ корень, съ уничтоженіемъ жизненнаго узла растенія. Обычай пускать скотъ на зелени основанъ на слѣдующемъ хозяйственномъ преданіи: если посѣвъ сдѣланъ *очень рано*, если земля *очень жирна* и если она раздѣлана *очень хорошо*, если погода *очень благопріятна*, то *иногда* хлѣбъ можетъ пойти въ трубку, и его нужно или скосить, или стравить; но эти четыре *если* такъ рѣдко представляются на дѣлѣ, и особенно въ совокупности, что зависящее отъ нихъ *иногда* не бываетъ *никогда*, а зелени травятъ просто по безпечности и по небрежности. Если бы крестьяне держали такое количество скота, какое слѣдуетъ по размѣру ихъ посѣвовъ, то они при этомъ обычаѣ конечно уничтожили бы и свои озимые посѣвы и посѣвы своихъ сосѣдей помѣщиковъ; но какъ они держатъ скота недостаточно, а господскаго скота на зелени не пускаютъ, то при такомъ просторѣ вредъ не такъ замѣтенъ, или лучше сказать плохой урожай приписывается обыкновенно обстоятельствамъ отъ хозяевъ независящимъ, т. е. засухѣ, дождямъ, холоду, жару, медвянымъ росамъ, захвату и проч. и проч. Подъ предлогомъ мнимой предосторожности, чтобы озимь не пошла въ трубку, начинается съ 1 октября страшная неурядица въ сельскомъ быту.

лошади, скотъ, свиньи оставляются безъ всякаго призору. Особенно послѣднія бродятъ кучками по лѣсамъ, роютъ луга и озимые посѣвы, заходятъ иногда верстъ за десять и не возвращаются домой по цѣлымъ недѣлямъ. Онѣ не боятся волковъ, потому что трехъ свиней волкъ взять не можетъ; но овцы и лошади уничтожаются звѣрьми и конокрадами. Извѣстно, что ранняя весна и поздняя осень есть время жатвы для сихъ послѣднихъ. Крестьяне свыклись у насъ со всѣми этими неудобствами и почитаютъ ихъ неизбѣжными, а непривычка къ разумной инниціативѣ въ собственныхъ дѣлахъ препятствуетъ имъ придумать средства оградить свои интересы. Притомъ если бы въ какомъ селеніи и рѣшились смотрѣть за своимъ скотомъ строже, то это значило бы только предоставить свои луга и посѣвы для потравы скота сосѣднихъ селеній.

Противу зла, которое сдѣлалось общимъ, мѣры должны быть общія и для всѣхъ обязательныя, т. е. въ это дѣло должно вмѣшаться правительство и постановить правила, которыя бы имѣли силу закона и разрѣшали всѣ частные случаи. По моему мнѣнію, правила эти могутъ быть слѣдующія:

a) Каждое селеніе или каждый отдѣльный поселокъ обязаны имѣть наемнаго пастуха изъ числа своихъ членовъ или изъ лицъ постороннихъ.

b) Въ селеніяхъ многолюдныхъ, гдѣ составляется болѣе одного стада, долженъ быть нанятъ пастухъ для каждаго отдѣльно.

c) При пастухахъ должны быть помощники или такъ называемые подпаcники, смотря по величинѣ стада, хотя бы и изъ несовершеннолѣтнихъ. Наемъ помощниковъ можетъ быть сдѣланъ или отъ сельскаго общества, или отъ самого пастуха, смотря по заключенному съ нимъ условію.

d) Плата пастуху можетъ производиться или подворно, или по такъ называемымъ днямъ (*), т. е. по числу скотины; но сборъ денегъ и уплата ихъ пастуху должны производиться сельскимъ начальствомъ, которое отвѣчаетъ за точность выполненія заключенныхъ съ нимъ условій.

(*) Слово *день* не означаетъ въ этомъ случаѣ времени, а есть условная единица при опредѣленіи количества скота и слѣдующей пастуху платы. Корова

e) Пастухъ долженъ гонять скотину на росу съ ранняго утра и отвѣчать за нее во все время. Условіе пасти скотину только послѣ завтрака или только послѣ обѣда не должно быть допускаемо.

f) Пастухи должны быть наняты какъ только скотина можетъ ходить въ полѣ, и не до Покрова, но до самой зимы. Если до 1 мая не будетъ нанято пастуха, то съ каждаго домохозяина взыскивается 10 коп. сер. штрафу за сутки, считая съ 1 мая, а съ сельскихъ начальниковъ по 25 коп. сер. за сутки. Штрафныя деньги поступаютъ въ пользу церковныхъ причетниковъ или въ пользу сельскихъ писарей.

Примѣчаніе. Необходимо заинтересовать кого-либо въ сборѣ штрафа; въ противномъ случаѣ онъ останется недѣйствительною угрозою.

Въ отношеніи къ потравамъ, число которыхъ значительно уменьшится при установленіи постояннаго надзора за скотомъ, необходимо сдѣлать различіе между землями черезполосными и землями въ единственномъ владѣніи.

Въ отношеніи къ послѣднимъ, т. е. къ землямъ нечерезполоснымъ, справедливо было бы постановить слѣдующее:

a) Владѣлецъ имѣетъ право задержать и отвести къ себѣ всякое чужое животное, ходящее на его землѣ внѣ дороги, заявивъ о томъ въ теченіи сутокъ или ближайшему сельскому начальству, или по крайней мѣрѣ нѣсколькимъ сосѣдямъ, какого бы званія или сословія они ни были.

b) Захватившій на своей землѣ чужое животное обязанъ его кормить и возвратить хозяину, получивъ отъ него за корову, лошадь или свинью, безъ различія возраста, 1 рубль серебромъ, за овцу и гуся 20 коп. сер., и сверхъ того за прокормъ коровы, лошади и свиньи 10 коп. въ сутки, а за прокормъ овцы и гуся 3 копѣйки въ сутки.

c) Никакія разбирательства и оцѣнки потравы не допускаются. Если хозяинъ животнаго будетъ утверждать, что оно захвачено на

составляетъ одинъ день, двѣ телки тоже, десять овецъ или одна телка и пять овецъ тоже; свинья принимается въ расчетѣ за трехъ овецъ. На основаніи этого счета пастухи получаютъ плату и обѣдаютъ поочередно соотвѣтствующее число разъ у каждаго хозяина.

его собственной землѣ, то долженъ, уплативъ слѣдующую за потраву и прокормленіе сумму, доказать свои слова обыкновеннымъ слѣдственнымъ порядкомъ. Если его утвержденіе окажется по слѣдствію справедливымъ, то захватившій животное обязанъ возвратить взысканную сумму вдвое и сверхъ того подвергается отвѣтственности по суду за всѣ противузаконныя дѣйствія и намѣренія, которыя будутъ обнаружены слѣдствіемъ.

d) Если хозяинъ захваченнаго животнаго не отыщется или не уплатитъ слѣдующихъ за него денегъ, то захватившій не имѣетъ права держать его у себя долѣе семи дней, но обязанъ по истеченіи ихъ представить его въ Земскій Судъ, который распоряжается его продажею, а изъ вырученныхъ денегъ слѣдующія за потраву, прокормленіе и за путевые издержки (считая послѣднія по 50 коп. за каждыя десять верстъ разстоянія отъ города), выдастъ представившему животное, а остальныя возвращаетъ хозяину.

e) Такъ какъ поимка свиней, одичавшихъ отъ долгаго отсутствія, весьма затруднительна и сопряжена со вредомъ для хлѣбныхъ и огородныхъ посѣвовъ, то позволяется убивать ихъ изъ огнестрѣльнаго оружія, но въ разстояніи отъ окружной межи не ближе 100 саженъ. Туша убитой свиньи возвращается хозяину безъ платы за потраву. Но если онъ въ теченіи трехъ дней не явится, то она уничтожается по распоряженію сельскаго начальства. О каждой застрѣленной свиньѣ заявляется какъ и о поймалномъ животномъ, безъ соблюденія чего поступокъ сей почитается самовольнымъ.

Въ дачахъ владѣнія черезполоснаго должны быть соблюдаемы особенныя правила какъ въ отношеніи караула полей, такъ и въ отношеніи штрафовъ за потравы.

Правила эти, по моему мнѣнію, могутъ быть слѣдующія:

a) Владѣльцы черезполосныхъ дачъ не имѣютъ права пускать свой собственный скотъ на луга съ открытія весны до уборки сѣна и на поля, находящіяся подъ посѣвомъ, не исключая и озимыхъ зеленей.

b) Для охраненія черезполосныхъ дачъ отъ потравъ должны быть нанимаемы особые полевые сторожа съ начала весны до покрытія земли снѣгомъ. Сторожа нанимаются на счетъ всѣхъ владѣльцевъ, соразмѣрно числу десятинъ, находящихся во владѣніи каждаго, по общему соглашенію: если же его не послѣдуетъ, то

мѣстное начальство, по просьбѣ одного изъ нихъ, нанимаетъ сторожа по своему усмотрѣнію, и деньги, ему слѣдующія, взыскиваетъ со всѣхъ владѣльцевъ на томъ же основаніи.

c) Если дача болѣе трехъ сотъ десятинъ, то на каждыя триста десятинъ нанимается особый сторожъ.

d) Если дача и менѣе трехъ сотъ десятинъ, но лугъ находится отдѣльно отъ пашни, то для луга нанимается особый сторожъ на время до уборки сѣна.

e) Штрафъ за пойманыхъ животныхъ, не принадлежащихъ одному изъ участниковъ въ дачѣ, взыскивается въ томъ же размѣрѣ, какъ и въ дачахъ единственнаго владѣнія

f) Штрафъ за пойманныхъ животныхъ, принадлежащихъ самимъ участникамъ въ дачѣ, взыскивается съ нихъ въ половину, кромѣ денегъ за прокормъ, которыя взыскиваются вполнѣ. Животныя эти могутъ быть задержаны только если они будутъ находиться на лугу до скошенія травы или на землѣ подъ посѣвомъ, не исключая однако и озимыхъ зеленей. Стрѣлять свиней въ дачахъ черезполоснаго владѣнія вовсе запрещается.

g) Деньги, взыскиваемыя за потраву, собираются сельскимъ начальствомъ, и по наступленіи зимы дѣлятся между владѣльцами дачи, кои сами не подверглись штрафу за потраву, соотвѣтственно числу десятинъ владѣнія, кромѣ денегъ за прокормленіе, которыя тотчасъ же выдаются тѣмъ лицамъ, у коихъ находились подъ сохраненіемъ захваченныя животныя.

Противу предлагаемыхъ мною мѣръ можно сдѣлать возраженія двухъ родовъ: практическія, взятыя изъ самой жизни, и идиллическія, утопическія и т. д., основанныя на бродячихъ, опошленныхъ фразахъ, на привычкѣ обглаживать, обтачивать, обобщать каждое постановленіе, до тѣхъ поръ пока оно потеряетъ всякій характеръ и сдѣлается эластично, уступчиво, гладко, мягко, какъ воздухъ, какъ туманъ...

Возраженія перваго рода мнѣ было бы пріятно встрѣтить потому, что они должны подвинуть впередъ полезное и крайне необходимое

дѣло сельскаго устройства, и я почту себя счастливымъ, если слова мои подадутъ поводъ къ спорамъ и возбудятъ вопросъ, къ сожалѣнію слишкомъ давно забытый.

Что касается до возраженій втораго рода, то ихъ нетрудно предсказать и перечислить прежде даже нежели они будутъ сдѣланы. А именно:

Обязывать поселянъ непремѣнно нанимать пастуховъ и предписывать даже сроки и нѣкоторыя условія найма есть мѣра стѣснительная для государственныхъ крестьянъ и противорѣчащая духу самоуправленія, которымъ (будто бы) отличаются всѣ постановленія, относящіяся къ ихъ быту. Пусть они сами почувствуютъ пользу отъ надзора (котораго нѣтъ и не будетъ) за скотомъ и сами опредѣлятъ и *выработаютъ* формы для этого надзора.

Вы конечно не станете оспаривать вмѣстѣ съ соціалистами извѣстное правило экономистовъ, хотя и отсталыхъ, какъ ихъ называютъ наши передовые люди: laissez faire, laissez passer (leur bétail sur les terres des voisins)!

И такъ, объ обязательномъ наймѣ пастуховъ и о присмотрѣ за скотомъ и говорить нечего. Кромѣ того, какъ же можно унижать церковныхъ причетниковъ или сельскихъ писарей предоставленіемъ имъ штрафныхъ денегъ: это противно ихъ высокому назначенію, какъ лицъ офиціальныхъ! Сказать прямо, что они имѣютъ право получить столько-то рублей и копѣекъ за несвоевременный наемъ пастуха для общаго стада, въ которомъ должна пастись и ихъ собственная скотина—это совершенно невозможно. Другое дѣло, если сказать, что эти деньги назначаются въ мірской капиталъ, для продовольствія въ неурожайные годы, или для составленія сельскихъ банковъ, или устройства образцовыхъ котеджей, образцовыхъ ферм, питомниковъ, для дренажа, для шоссе, для желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ, локомобилей, и проч. и проч.: это назначеніе дастъ закону характеръ прогрессивный, европейскій. Но будетъ ли этотъ законъ исполняться, если никто не заинтересованъ въ его исполненіи? А бдительное наблюденіе окружныхъ начальниковъ! Впрочемъ не столь важно исполненіе, какъ провозглашеніе принципа: первое только для настоящаго, неиспорченнаго поколѣнія, а второе для потомства, и еще болѣе для исторіи, до которой конечно скорѣе дойдутъ офиціальные документы,

нежели ваши мелкія провинціальныя жалобы на взятки и произволъ чиновниковъ, на отсутствіе суда, на безнаказанность потравы, порубокъ, конокрадства, поджоговъ и проч. и проч.

Ваши правила объ охраненіи отъ потравъ земель единственнаго владѣнія отзываются направленіемъ ретроградныме. Дачи размежеванныя принадлежатъ болѣе помѣщикамъ, слѣдовательно вы прямо отстаиваете помѣщичьи интересы: какъ же это возможно, какая близорукость во взглядѣ! Каждая эпоха имѣетъ свой духъ, а духъ нашего времени, самая мода, да наконецъ и личная выгода говорящаго есть опровергать эти интересы, представлять ихъ источникомъ всего, что у насъ есть дурнаго, сваливать на нихъ какъ на козловъ-грѣхоносцевъ всѣ грѣхи нашего вѣка, всѣ продѣлки взяточничества и казнокрадства въ судебной, административной, военной, гражданской, ученой, лечебной и всякой другой сферѣ (*).

Наконецъ назначеніе постояннаго штрафа за потраву по роду животныхъ, а не по оцѣнкѣ самой потравы, есть мѣра анти-юридическая. Заставить заплатить за вредъ и убытокъ, причиненный животнымъ, послѣ надлежащаго формальнаго обслѣдованія сущности дѣла и сопровождающихъ его обстоятельствъ, съ соблюденіемъ всѣхъ формъ письмоводства, такъ, чтобы самый опытный ревизоръ не могъ подмѣтить ошибки, необходимо, чтобы доставить уваженіе дѣйствіямъ власти и можетъ быть нѣкоторую незначительную выгоду мѣстнымъ ея органамъ. Что за бѣда, что оцѣнка будетъ сдѣлана не точно? Если хозяинъ животнаго заплатитъ лишнее, онъ не станетъ пускать его на чужія поля; если владѣлецъ земли получитъ менѣе, нежели сколько бы дѣйствительно слѣдовало, то онъ на будущее время станетъ бдительнѣе караулить свои посѣвы и травы; если наконецъ они оба израсходуются въ судахъ, то тѣмъ лучше: они рѣже станутъ прибѣгать къ процессамъ, число дѣлъ въ судебныхъ мѣстахъ уменьшится, и мы будемъ имѣть возможность похвастать этимъ обстоятельствомъ передъ начальствомъ, даже передъ Европой, какъ явнымъ признакомъ преуспѣянія на-

(*) Почтенный авторъ этой статьи конечно согласится съ нами, что приводимыя имъ возраженія его предположеніямъ могутъ сдѣлать лишь лица самыя недобросовѣстныя, и потому едва ли полезно на нихъ указывать. *Редакторъ.*

роднаго благосостоянія и возвышенія уровня общественной нравственности! . .

А позволеніе убивать чужихъ свиней внутри своей дачи? Помилуйте, что это такое! что за драконовы законы, писанные кровью! Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно, это противно духу времени, характеру нашегъ законодательства, противно современному направленію цивилизаціи!.. и наконецъ что скажутъ иностранцы? Богачь-землевладѣлецъ или безсердечный капиталистъ велитъ разстрѣлять свинью, которая роетъ его цвѣтникъ или паркъ, устроенный единственно для роскоши, или хотя бы и лугъ или поле съ пшеницею,—это всеравно, потому что для богача потеря нечувствительна, а свинья эта можетъ быть составляетъ единственное имущество бѣднаго семейства, которое ею одною и пропитывается! Нѣтъ, это вопіющая жестокость!

Скромный провинціалъ не найдется что и отвѣчать на этотъ потокъ восклицаній. Онъ можетъ быть и не рѣшится замѣтить, что свинья не можетъ питать бѣднаго семейства, и что нуженъ порядочный достатокъ для крестьянина, чтобы прокормить свинью; что этихъ животныхъ, въ сельскомъ хозяйствѣ собственно совершенно безполезныхъ, держатъ преимущественно крестьяне зажиточные, имѣющіе крупорушки, маслобойни, содержатели мельницъ и постоялыхъ дворовъ, и въ особенности тѣ лица, которыя по своему положенію имѣютъ случаи собирать пироги и ковриги хлѣба въ бо̀льшемъ количествѣ, нежели сколько можетъ потребить ихъ желудокъ, и что бѣднымъ долженъ скорѣе быть названъ тотъ, кто не можетъ безъ этого средства защититься отъ чужихъ свиней, нежели тотъ, кто ихъ держитъ съ расчетомъ прокормленія ихъ лѣтомъ и осенью на чужой счетъ. Но все это конечно покажется провинціальнымъ дрязгомъ, не заслуживающимъ, чтобы входить въ его разсмотрѣніе и разбирательство, когда идетъ дѣло о высшихъ соображеніяхъ и о сохраненіи общаго колорита административныхъ распоряженій.

А эти правила о потравахъ въ черезполосныхъ владѣніяхъ съ ихъ подробностями о наймѣ полевыхъ сторожей, о половинномъ или полномъ штрафѣ, о раздѣлѣ суммъ по окончаніи года между участниками во владѣніи—все это мелочи, все это подробности, запутанность! Достаточно было бы допустить взысканіе штрафа въ об-

щихъ видахъ, по добровольному соглашенію, безъ исчисленія подробностей; при затруднительности же въ сказанномъ соглашеніи, передавать обстоятельства дѣла на разсмотрѣніе и рѣшеніе третейскихъ судовъ или уѣздныхъ расправъ, или вообще какихъ-либо судебныхъ инстанцій.

Опровергать подобныя возраженія для тѣхъ, кому они съ перваго взгляда не покажутся несостоятельными, будетъ совершенно безполезно. Цѣлью Сельскаго Устава должно быть предупредить и по возможности устранить судебное разбирательство. Характеръ его долженъ быть практическій, конкретный, а не юридическій, абстрактный. Правила и постановленія этого Устава должны заключать въ себѣ опредѣленные и для каждаго простолюдина понятные отвѣты на отдѣльные практическіе вопросы о томъ, на что̀ онъ имѣетъ или не имѣетъ право, или что̀ ему дѣлать въ каждомъ частномъ случаѣ; требовать же, чтобы онъ самъ подводилъ эти случаи подъ общія юридическія положенія значитъ требовать невозможнаго. Требовать, чтобы разбирательства о потравахъ велись общею формою гражданскаго процесса, значитъ прямо отказывать въ этихъ случаяхъ въ правосудіи, потому что выигрышъ подобнаго процесса не вознаградитъ ни расходовъ на него, ни—главное—траты времени, столь драгоцѣннаго для земледѣльца. Отсутствіе правосудія или, что̀ одно и то же, невозможность къ нему прибѣгнуть, невозможность, вытекающая изъ самаго свойства вопроса, даетъ мѣсто съ одной стороны къ злоупотребленіямъ, а съ другой къ самоуправству. Тамъ, гдѣ нѣтъ прямаго, яснымъ закономъ выраженнаго опредѣленнаго разрѣшенія спора, непремѣнно должно встрѣтиться то или другое. Эти мелкія, но частыя нарушенія права собственности, какъ заразительные міазмы, незамѣтные для глаза, отравляютъ жизнь въ самомъ ея зародышѣ, извращаютъ народный характеръ, лишаютъ его энергіи, предпріимчивости, развиваютъ въ немъ беззаботность, непредусмотрительность и всѣ тѣ дурныя свойства, въ которыхъ часто упрекаютъ насъ, Русскихъ, но которыя суть не иное что, какъ слѣдствіе вѣковаго гнета злоупотребленій разнаго рода. Крѣпостному праву приписываютъ въ этомъ отношеніи вліяніе слишкомъ обширное. Число государственныхъ крестьянъ равняется числу всѣхъ крѣпостныхъ людей, а прибавьте къ нимъ мѣщанъ, купцовъ

и всѣ другія сословія—и перевѣсъ на сторонѣ свободныхъ людей будетъ огромный. Но укажите хоть одного изъ нихъ, кто бы сталъ добросовѣстно отыскивать своего права въ судѣ, расчитывая на его безпристрастіе, кто бы вѣрилъ этому безпристрастію, кто бы почиталъ самое исполненіе закона неизбѣжнымъ, кто бы не думалъ, что всякій законъ можно обойти, что на каждый случай существуетъ въ немъ два противуположныхъ рѣшенія и т. д.! Должно удивляться еще, какъ при такихъ анти-общественныхъ убѣжденіяхъ, раздѣляемыхъ огромнымъ большинствомъ народа, или лучше сказать всѣмъ народомъ, за исключеніемъ весьма небольшаго числа людей образованныхъ, еще кое-какъ плетется наша экономическая дѣятельность, оставленная дѣйствительно безъ всякой защиты! Съ одной стороны вредитъ ей фраза и мнимая теорія, съ другой—нарушеніе права собственности и злоупотребленіе правосудія....

В. Ржевскій.

30 октября 1859.
Александровское.

РАЗЪЯСНЕНІЕ НЕДОУМѢНІЯ В. К. РЖЕВСКАГО.

Вполнѣ соглашаясь съ авторомъ предыдущей статьи, что дѣйствующіе законы и особенно настоящее судоустройство не удовлетворяютъ потребности огражденія владѣльцевъ луговъ и полей отъ потравы тѣхъ и другихъ чужимъ скотомъ, мы не можемъ однако оставить безъ вниманія дѣлаемый имъ упрекъ Редакціи X т. Св. Зак. 1857 г., будто бы въ этомъ томѣ «нѣтъ ни одной статьи сколько нибудь похожей на статьи 537, 538 и 539 того же т. Зак. Гражд. изд. 1842 г., о потравахъ», и будто бы статьи эти уничтожены безъ всякаго основанія, ибо «съ 1 января 1840 г. до послѣдняго времени не выходило никакихъ новыхъ по этому предмету постановленій, за исключеніемъ измѣненія въ 1845 г. февраля 14, по статьѣ, не относящейся до приведенныхъ трехъ статей о потравахъ»; не можемъ также не указать на неосновательность рѣшенія г. Ржевскимъ предложеннаго имъ самому себѣ вопроса: отчего же означенныя статьи выпущены въ изданіи Свода Законовъ 1857 г.?

Вѣроятно, ни приведеннаго здѣсь упрека редакціи X т. Св. З., ни предложеннаго вопроса не сдѣлалъ бы авторъ, еслибы ему были достаточно знакомы съ одной стороны порядокъ составленія новыхъ статей Свода, а съ другой—Полное Собраніе Законовъ. Чтобы пояснить первый, скажемъ, что ни одна статья Свода Законовъ не можетъ быть не только выпущена или замѣнена другою, но не можетъ быть даже въ чемъ либо измѣнена Редакторами иначе, какъ на основаніи оффиціальныхъ источниковъ, въ коихъ указывается на таковыя опущеніе, замѣну, дополненіе или измѣненіе, и которые (источники) на этомъ основаніи помѣщаются въ видѣ цитатовъ подъ составленными вновь статьями. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо знать, что всякій возбужденный по какому либо предмету законодательный вопросъ подвергается весьма тщательному обсужденію въ разныхъ инстанціяхъ, чрезъ которыя проходитъ его разсмотрѣніе до поступленія его въ Государственный Совѣтъ или Комитетъ Министровъ; за тѣмъ, когда послѣдуетъ Высочайше утвержденное мнѣніе Совѣта или положеніе Комитета о новомъ законѣ, онъ

публикуется въ Сенатскихъ вѣдомостяхъ, обыкновенно съ указаніемъ и на соотвѣтствующія статьи Свода, которыя подлежатъ измѣненію, дополненію или замѣнѣ вслѣдствіе изданія этого закона. Такое указываемое въ вѣдомостяхъ измѣненіе прежнихъ статей Свода дѣлается въ немъ самомъ въ ближайшемъ Продолженіи къ тому или другому тому; самый же, подавшій къ сему поводъ, законъ вносится, какъ *источникъ*, въ Полное Собраніе Законовъ, гдѣ всякій можетъ, на основаніи его, повѣрить вполнѣ ли соотвѣтствуютъ ему составленныя вновь статьи Свода и правильно ли, имѣя его въ виду, измѣнены, дополнены или замѣнены тѣ или другія изъ прежнихъ статей?

Эти самыя правила были вполнѣ соблюдены и относительно приводимыхъ г. Ржевскимъ статей 537, 538 и 539 т. X Зак. Гр. изд. 1842 г., какъ Государственнымъ Совѣтомъ, такъ и Вторымъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Но если авторъ не былъ обязанъ знать, по какому поводу возникъ вопросъ объ измѣненіи въ X т. Св. З. 1842 г. статей о вознагражденіи и какимъ обсужденіямъ онъ былъ подвергнутъ въ законодательномъ порядкѣ, то онъ могъ воспользоваться другимъ вполнѣ доступнымъ всякому способомъ удостовѣриться на основаніи какого источника Редакція X т. выпустила означенныя статьи при новомъ изданіи того же тома или, лучше сказать, замѣнила ихъ другими. Еслибъ г. Ржевскій потрудился, на основаніи цитата, сдѣланнаго въ X т. Зак. Гражд. изд. 1857 г. подъ статьею 609, съ которой, какъ означено въ Хронологическомъ Указателѣ, начинается рядъ статей, замѣнившихъ собою статьи 521—555 предыдущаго изданія, приискать въ Полномъ Собраніи Законовъ № 25055, то онъ нашелъ бы здѣсь ясно выраженное постановленіе о томъ, что «*въ замѣнъ* отдѣленій 2-го и 3-го главы VI раздѣла II книги 2 Законовъ Гражд. изд. 1842 г.», т. е. въ замѣнъ статей 521—555, Высочайше утверждены, слѣдоват. получаютъ силу, такія-то статьи (именно статьи 609—689 т. X Зак. Гражд. изд. 1857 г.), почему самому, въ слѣдъ за симъ, Второе Отдѣленіе привело это въ исполненіе въ ч. 2-й XV-го Продолженія къ X т. Зак. Гражд. изданія 1842 г.

Отсюда очевидно, что Редакція X т. при изданіи Свода Зак. Гражд. 1857 г. не самовольно замѣнила статьи, указываемыя г. Ржевскимъ, новыми, а на основаніи мнѣнія Государственнаго

Совѣта 1851 г. марта 21, которое въ свое время было распубликовано въ Сенатскихъ вѣдомостяхъ, а впослѣдствіи вошло въ Полное Собраніе Законовъ подъ № 25055 и въ XV Продолженіе къ X т. Зак. Гражд. изд. 1842 г.

Государственный Совѣтъ, съ своей стороны, сколько намъ извѣстно, не безъ достаточнаго обсужденія означенныхъ статей рѣшился исключить ихъ (хотя и не вполнѣ, какъ увидимъ ниже) изъ изданія Свода 1842 г. Впрочемъ и не зная этого, не трудно придти къ заключенію, уже изъ одного сравненія новыхъ статей съ прежними, что статьи, приводимыя г. Ржевскимъ, не соотвѣтствовали съ одной стороны мысли, лежащей въ основаніи новыхъ правилъ о вознагражденіи, а съ другой стороны и практическимъ требованіямъ, хотя г. Ржевскій старается защитить ихъ въ этомъ отношеніи. Что касается до первой, то она заключалась въ томъ, чтобы указать въ законѣ общія начала, подъ которыя должны быть подводимы отдѣльные случаи нанесенія кѣмъ либо вреда другому лицу или чужой собственности при обсужденіи этого вреда и опредѣленіи слѣдующаго за него вознагражденія обиженному. Потрава, какъ одинъ изъ видовъ такого вреда или убытковъ, подходитъ, безъ сомнѣнія, подъ тѣ же общія правила. Но относящіяся къ ней статьи 537, 538 и 539 X т. Зак. Гражд. изд. 1842 г. касаются вознагражденія за причиняемый сію вредъ лишь мимоходомъ, а постановляютъ главнымъ образомъ какъ поступать съ чужимъ скотомъ, зашедшимъ на чужое поле или некошенные луга; слѣдоват. онѣ только отчасти, по указываемому ими отдѣльному случаю къ вознагражденію, принадлежатъ къ статьямъ о семъ послѣднемъ. Не смотря на это, ихъ, безъ сомнѣнія, не исключили бы изъ Свода, еслибъ онѣ признаны были дѣйствительно полезными въ практическомъ отношеніи.

Изъ Приложенія къ статьѣ 539 (примѣч. 2) Зак. Гражд. изд. 1857 г. видно, что первая часть разсматриваемыхъ статей, т. е. правило о вознагражденіи за причиненный чужимъ скотомъ убытокъ, отдѣлена отъ второй; эта же часть (о томъ, что дѣлать съ самимъ скотомъ) въ новомъ изданіи Свода оставлена въ томъ видѣ, какой она имѣла уже въ прежнемъ его изданіи (см. Прил. къ ст. 457 (прим. 2), IV, ст. 2 т. X Зак. Гражд. изд. 1842 г.), но съ которымъ были отчасти въ противорѣчіи статьи 537, 538 и 539,

подходящія сюда по содержанію. Я разумѣю здѣсь 20 статью означеннаго выше Приложенія, которая читается такъ:

«Когда въ какомъ либо селеніи или иномъ мѣстѣ окажутся неизвѣстно кому принадлежащія лошади, коихъ обыкновенно называютъ пришлыми или гульными, и другой скотъ, тогда тысячкіе или пятисотскіе, а гдѣ ихъ нѣтъ, сотскіе, должны отдавать ихъ въ ближайшихъ селеніяхъ для сохраненія, донося становому приставу. Приставъ, записавъ о томъ въ особую книгу, распоряжается объ отдачѣ сихъ лошадей чрезъ мѣстное сельское или вотчинное управленіе, или же непосредственно, зажиточнымъ поселянамъ или управителямъ владѣльческихъ имѣній, съ роспискою, на продовольствіе, впредь доколѣ не отыщется хозяинъ. Между тѣмъ съ описаніемъ лѣтъ и примѣтъ лошадей и хотя примѣрной имъ цѣны, основанной на свидѣтельствѣ двухъ или трехъ человѣкъ постороннихъ, становой приставъ доноситъ Земскому Суду, и въ тоже время относится къ сосѣдственнымъ становымъ приставамъ о объявленіи по вѣдомству ихъ чрезъ тысячкихъ, пятисотскихъ, сотскихъ и десятскихъ, не окажется ли тамъ того, кому принадлежатъ лошади. Съ сею же цѣлію и Земскій Судъ производитъ обвѣщенія по всему уѣзду и въ уѣздахъ сосѣдственныхъ чрезъ сообщеніе Земскимъ онымъ Судамъ. Когда явится хозяинъ и на принадлежность ему лошадей представитъ удостовѣреніе, тогда оныя возвращаются ему съ роспискою и съ отмѣткою въ книгѣ становаго пристава. Если въ теченіи шести мѣсяцевъ послѣ обвѣщенія отъ Земскаго Суда хозяева сихъ лошадей не явятся, то объ оныхъ публикуется въ губернскихъ вѣдомостяхъ; по прошествіи же двухъ за симъ лѣтъ Земскій Судъ дѣлаетъ распоряженіе о продажѣ оныхъ съ публичнаго торга и объ отсылкѣ денегъ куда слѣдуетъ по законамъ. Сей порядокъ наблюдается и въ отношеніи къ другому гульному или заблудившемуся скоту.»

Изъ этой статьи, а еще болѣе изъ 25 статьи того же Приложенія (которою государственнымъ крестьянамъ вмѣняется въ обязанность о пригульномъ скотѣ въ семидневный срокъ *объявлять сельскому начальству*) нельзя не заключить, что заявленіе потравы самимъ хозяиномъ поля или луга *стороннимъ людямъ, призывъ имъ самимъ хозяина скота и осмотръ имъ самимъ съ посторонними людьми* учиненной скотомъ потравы—дѣйствительно отмѣнены;

но не очевидно ли вмѣстѣ съ тѣмъ, что все это отмѣнено въ законѣ лишь какъ *правило для взысканія за потраву*, а не какъ обычай? Мы знаемъ, что въ обиходной жизни такой обычай точно существуетъ и весьма часто служитъ къ тому, что хозяинъ скота, сдѣлавшаго потраву, и хозяинъ поля или луга, понесшій убытокъ, мирятся или вступаютъ другъ съ другомъ въ денежную сдѣлку. Но эта сдѣлка удовлетворяетъ ихъ болѣе или менѣе только потому, что они глубоко убѣждены въ томъ, что еслибъ повели дѣло формальнымъ порядкомъ, судомъ или чрезъ становаго, то могло бы легко случиться, что въ теченіи *многихъ лѣтъ* не добились бы: одинъ вознагражденія за потраву, а другой — своего скота (*), а еслибы добились, то достиженіе этой вождѣленной цѣли обошлось бы каждой сторонѣ дороже того, чего она требуетъ. Не смотря на то, спрашивается: можетъ ли быть допускаемъ законодателемъ такой произволъ относительно *загона* чужаго скота хозяиномъ поля или луга, и заявленія имъ потравы *стороннимъ людямъ* по своему усмотрѣнію, иначе какъ подъ условіемъ *добровольнаго согласія* на то самого хозяина скота? Но въ послѣднемъ случаѣ это мировая сдѣлка, которая не воспрещается закономъ, но и не можетъ быть имъ предписываема. Законъ же вступаетъ въ свою силу, когда полюбовной сдѣлки не состоялось, или ея почему либо не можетъ быть. Однако, если онъ допуститъ, чтобы, въ виду могущаго состояться соглашенія между хозяиномъ скота и хозяиномъ потравленнаго поля или луга, послѣдній загонялъ къ себѣ скотъ когда и какъ хочетъ, а потраву заявлялъ стороннимъ людямъ по своему усмотрѣнію и оцѣнялъ ее съ ними одними, то не допуститъ ли онъ чрезъ то произвола, который

(*) Говорю это не по одному предположенію, а по горькому опыту. Въ одномъ имѣніи моемъ естъ превосходные заливные луга, окаймленные съ трехъ сторонъ дубовымъ лѣсомъ, съ четвертой же стороны мелкая рѣчка отдѣляетъ ихъ отъ большаго селенія государственныхъ крестьянъ: скотъ этихъ крестьянъ, и особенно цѣлыя стада свиней травятъ и роютъ мои луга, а послѣднія откармливаются желудями въ моихъ дубовыхъ рощахъ, и я не имѣю никакихъ средствъ прекратить зло! Поданныя мною два-три прошенія становому приставу *о потравѣ* тому назадъ *лѣтъ шесть* еще до сихъ поръ *въ производствѣ*, хотя эта потрава была въ свое время заявлена, осмотрѣна и оцѣнена *установленнымъ порядкомъ*.

часто ничѣмъ нельзя будетъ поправить, когда, по причинѣ несостоявшагося соглашенія или неизвѣстности хозяина скота, дѣло дойдетъ до становаго или суда? Съ другой стороны никогда законъ не пишется съ предположеніемъ, что судья не въ состояніи *скоро* удовлетворять справедливымъ требованіямъ и защищать обиженнаго. Если же это случается, то очевидно должно вести къ улучшенію судоустройства и судопроизводства, а не къ измѣненію такъ называемаго закона опредѣлительнаго, каковъ именно законъ о вознагражденіи, и хотя, безспорно, должно стараться о возможномъ усовершенствованіи и этой части законодательства, однако не въ томъ смыслѣ, чтобы освящать произволъ однихъ лицъ въ ущербъ другимъ. Но, можетъ быть, г. Ржевскій возразитъ на это, что лишеніе хозяина поля или луга права заявлять о потравѣ стороннимъ людямъ и вмѣстѣ съ ними дѣлать сій оцѣнку значитъ препятствовать самоуправленію въ сельскомъ сословіи, къ развитію котораго стремится теперь Правительство. Мы думаемъ напротивъ, что самоуправленіе должно утверждаться на такомъ юридическомъ основаніи, которое хотя и дастъ каждому члену сельской общины право участвовать въ дѣлахъ общественныхъ, но не устраняетъ особенной изъ среды этого общества избираемой власти, къ которой и должны обращаться его члены въ дѣлахъ спорныхъ и въ наносимыхъ имъ убыткахъ въ томъ случаѣ, если обѣ тяжущіяся стороны не могутъ достигнуть примиренія по взаимному соглашенію. На этомъ основаніи можно конечно предполагать, что приведенная выше статья 20 Приложенія къ статьѣ 539 (примѣч. 2) т. X Зак. Гражд. изд. 1857 г. не останется въ силѣ какъ скоро сельскія общины получатъ новое устройство; но нѣтъ сомнѣнія, что и тогда не будетъ возстановлена вполнѣ статья 537 того же т. изд. 1842, г. ибо и сельская общинная власть не будетъ признавать справедливымъ, если бы къ ней обратился обиженный, *взыскивать* удовлетвореніе за потраву, осмотрѣнную и оцѣненную, независимо отъ нея, лишь самимъ обиженнымъ и какими то сторонними людьми. Точно также указываемая статьею 538 цѣна скота, умореннаго голодомъ, только тогда будетъ взыскиваться общинною властью, когда оцѣнка его сдѣлана предварительно ею самою или подъ ея наблюденіемъ. Наконецъ тоже самое должно сказать, имѣя въ виду и статью 539-ю. Но пока сельскія общины еще не получи-

ли новаго устройства, мы можемъ, на основаніи дѣйствующихъ законовъ, вывести то заключеніе, что ими не запрещается хозяину потравленнаго поля или луга *загонять* скотъ къ себѣ на дворъ; но что они обязываютъ понесшаго убытокъ *заявлять* какъ о потравѣ, такъ и о *загнатомъ* скотѣ сотскому, который доноситъ о томъ становому и съ его разрѣшенія (если самъ становой этого не сдѣлаетъ) можетъ осмотрѣть и оцѣнить потраву, равно какъ и загнатый скотъ и отдать послѣдній на прокормленіе. Безъ соблюденія же такого порядка потерпѣвшій убытокъ отъ потравы и загнавшій къ себѣ на дворъ чужой скотъ можетъ окончить дѣло съ его хозяиномъ лишь добровольнымъ примиреніемъ, иначе самъ подлежитъ отвѣтственности за *неявку* найденнаго имъ чужаго скота; но какъ, въ случаѣ явки скота и иска о потравѣ, онъ долженъ подчиниться непріятному хожденію по дѣламъ у становаго, то вотъ причина почему онъ охотно идетъ на полюбовную сдѣлку съ своимъ противникомъ, довольствуясь или незначительнымъ съ его стороны вознагражденіемъ или даже *однимъ обѣщаніемъ* не пускать впредь скотъ на его поле или лугъ, какъ обыкновенно договариваются помѣщики съ сосѣдними крестьянами государственныхъ имуществъ, удѣльнаго вѣдомства и тѣми изъ помѣщичьихъ, гдѣ самъ помѣщикъ не живетъ въ имѣніи.

Разъяснивъ недоумѣніе г. Ржевскаго относительно статей 537, 538 и 539 т. X Зак. Гражд. изд. 1842 г., мы не можемъ однако на этомъ остановиться. Послѣ всего, нами сказаннаго, намъ невольно представляется вопросъ: такъ ли слѣдуетъ понимать эти статьи, какъ понимаетъ ихъ г. Ржевскій? Дѣйствительно ли въ томъ случаѣ, если хозяинъ задержаннаго скота, сдѣлавшаго потраву, не шелъ на осмотръ потравленнаго поля или луга, съ него взыскивалось, по статьѣ 537, судомъ или административною властью, то, что слѣдовало *по оцѣнкѣ*, произведенной *сторонними людьми*, а по статьѣ 538, въ случаѣ, еслибы загнавшій скотъ уморилъ его голодомъ, уже ли онъ былъ обязанъ *по такой же оцѣнкѣ* скота удовлетворить его хозяина? Нѣтъ, этого заключенія нельзя вывести ни изъ той, ни изъ другой статьи, а напротивъ, вникнувъ въ ихъ смыслъ, становится довольно ясно, что взысканіе судомъ или административною властью за потраву и содержаніе скота по одной статьѣ, и за умерщвленный скотъ по другой должны основываться

на *слѣдствіи* и *оцѣнкѣ*, производимыхъ *установленнымъ порядкомъ.* Слѣдовательно все, что сказано въ статьѣ 537 о заявленіи потравы хозяиномъ поля или луга *стороннимъ людямъ*, о *призывѣ* имъ хозяина скота и *осмотрѣ съ сторонними людьми* потравы есть ничто иное, какъ дозволеніе законодателя все это дѣлать съ цѣлью *добровольнаго соглашенія* на счетъ учиненной скотомъ потравы; но какъ скоро такого соглашенія не послѣдуетъ, взысканіе за потраву должно производиться *по жалобѣ, установленнымъ порядкомъ,* и хозяинъ скота обязанъ заплатить *за убытки и за прокормъ скота, какъ по слѣдствію окажется.* Если это однако такъ, то какимъ образомъ въ означенныя статьи попало указаніе на такой способъ оцѣнки потравы и скота, который здѣсь же признается *недѣйствительнымъ* въ томъ случаѣ, когда хозяинъ скота откажется удовлетворить обиженнаго? Быть можетъ, при составленіи этихъ статей имѣли въ виду пояснить, что въ случаѣ потравы допускается такой то способъ добровольнаго соглашенія и что даже законодательство требуетъ, чтобы онъ предшествовалъ иску судебнымъ порядкомъ? Къ счастію, цитаты, подведенныя подъ статьи 537, 538 и 539, освобождаютъ насъ отъ обязанности дѣлать какія либо предположенія на счетъ мысли законодателя: оңи указываютъ прямо, что всѣ эти статьи, и притомъ исключительно, заимствованы изъ Уложенія 1649 г. Такимъ образомъ мы переносимся вдругъ отъ современнаго законодательства въ юридическій бытъ половины XVII вѣка.

Извѣстно, что въ Уложеніи царя Алексѣя Михаиловича обычаи стоятъ на ряду съ закономъ. Такъ и въ 208 статьѣ X-й главы этого памятника, изъ которой извлечена статья 537 т. X Зак. Гражд. изд. 1842 г. Одна, именно первая половина ея, указываетъ на любимый въ старину способъ мириться въ дѣлахъ спорныхъ при посредствѣ *третьихъ*, иначе *добрыхъ мужей* глубокой древности или *стороннихъ людей* позднѣйшаго времени. Вторая половина есть напротивъ *законъ* о томъ, какъ дѣло должно быть рѣшаемо *по суду.* Изъ этой половины вполнѣ ясно, что, въ случаѣ *иска,* судебною властью производились новый *осмотръ* и *оцѣнка* потравы; слѣдовательно то, что восхваляетъ г. Ржевскій въ статьѣ 537 Свода (первая половина ея) есть дѣйствительно ничто иное, какъ разрѣшеніе законодателемъ *частнаго соглашенія* въ томъ случаѣ, когда хозяину по-

травленнаго поля или луга *извѣстенъ* хозяинъ скота, причинившаго потраву, другими словами разрѣшеніе дѣлать то, что всегда допускается и само собою разумѣется въ каждомъ законодательствѣ. Сводъ 1832 года заимствовалъ эту казуистическую статью цѣликомъ изъ Уложенія и единственно потому, что руководствовался имъ, какъ своимъ кореннымъ источникомъ. Но какое было бы основаніе удерживать ее теперь, когда полюбовныя сдѣлки и безъ того, по дѣламъ частнымъ, никому не воспрещаются, тѣмъ болѣе, что выраженныя здѣсь мысли о заявленіи потравы *стороннимъ людямъ* и объ оцѣнкѣ ими причиненнаго скотомъ убытка могли подавать поводъ къ такимъ ошибочнымъ выводамъ, какіе сдѣланы г. Ржевскимъ относительно всей статьи?

Статьѣ 537-й соотвѣтствуетъ статья 209 X-й главы Уложенія которая читается такъ: «А будетъ кто чужую животину загнавъ къ себѣ на дворъ изъ своего хлѣба или съ луговъ, учнетъ держати въ запорѣ и державъ въ запорѣ голодомъ уморитъ, и въ томъ будутъ на него челобитчики, и съ суда про то сыщется допряма: и за ту животину, которую онъ уморитъ, велѣть на немъ доправить цѣну, *по указной цѣнѣ*, и отдать истцу; а будетъ у истца ту лошадь или иную какую животину напередъ того кто торговалъ и давалъ денегъ больше того, а сыщется про то допрямаже: и ему за ту умершую лошадь или за иную животину велѣть на томъ, кто ее уморитъ, доправить ту цѣну, что купцы давали.» Въ Сводѣ эта статья очевидно сокращена и передѣлана сообразно съ вновь *установленнымъ порядкомъ*, ибо упоминаемая въ ней *указная цѣна* за скотъ и способъ высшей его оцѣнки непримѣнимы въ настоящее время; но новый порядокъ въ статьѣ Свода выраженъ такъ неясно, что, по нашему мнѣнію, объ ней нечего жалѣть, даже и тому, кому кажутся неудовлетворительными приведенныя выше замѣняющія ее статьи 20 и 25 Приложенія къ 539 ст. (примѣч. 2) т. X Зак. Гражд. изд. 1857 г.

Наконецъ, какъ на источникъ статьи 539 (X т. Зак. Гр. изд. 1842 г.) приведенный подъ нею цитатъ указываетъ на статью 230 X-й главы Уложенія; однако текстъ ея переиначенъ въ Сводѣ. Въ Уложеніи рѣчь идетъ съ одной стороны объ изгороди *промежъ селъ и деревень*, которыя принадлежатъ двумъ разнымъ помѣщикамъ или вотчинникамъ, почему они обязываются *городить* ее *по-*

поламъ; а съ другой стороны объ *отхожихъ лугахъ*, къ коимъ примыкаетъ *пашенная земля*: законодатель предписываетъ дѣлать въ такомъ случаѣ городьбу хозяину пашни, а если не смотря на то «городьбою выдетъ на тѣ луга животина и (ихъ) вытолочитъ,» то за толоку обязанъ платить хозяинъ городьбы. Выражаетъ ли однако то и другое статья 539? Мы думаемъ, напротивъ, что безъ объясненія ея приведенною статьею Уложенія она вовсе непонятна, а непонятна потому, что въ ней хотѣли постановленіе XVII вѣка, имѣющее совершенно спеціальный характеръ, возвести въ общее положеніе. Она является поэтому въ Сводахъ 1832 и 1842 г. совершеннымъ анахронизмомъ.

Въ заключеніе мы не можемъ не принести искреннюю благодарность В. К. Ржевскому за доставленный намъ случай свѣрить и съ практическою жизнію и съ источниками содержаніе статей въ Сводахъ первыхъ двухъ изданій *о потравахъ*. Надѣемся, онъ согласится съ нами, что эти статьи *не безъ основанія* выпущены въ X т. Зак. Гражд. изд. 1857 г., и что при составленіи новыхъ правилъ *о потравахъ* въ будущемъ Сельскомъ Уставѣ ими руководствоваться *не слѣдуетъ*.

Н. КАЛАЧОВЪ.

О ПРОСТРАНСТВѢ ДѢЙСТВІЯ ВОЕННЫХЪ И МОРСКИХЪ УГОЛОВНЫХЪ ЗАКОНОВЪ И ВѢДОМСТВѢ ВОЕННЫХЪ И МОРСКИХЪ СУДОВЪ.

Военнослужащіе, принимая это слово въ обширнѣйшемъ его значеніи, т. е. разумѣя подъ ними не только лица, состоящія въ военносухопутной, но и въ морской службѣ, съ давняго времени пользуются различными изъятіями отъ нѣкоторыхъ общихъ законныхъ постановленій, обязательныхъ для прочихъ подданныхъ. Такой порядокъ вещей установился вслѣдствіе особой организаціи и назначенія военнаго сословія, которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ затрудняютъ примѣненіе къ нимъ общаго законодательства, а во многихъ даже вовсе не позволяютъ примѣнить его и требуютъ особыхъ постановленій, именно когда дѣло касается исключительно правъ и обязанностей военной службы. Изъятія изъ общихъ постановленій для военнослужащихъ всего многочисленнѣе по уголовной части. Общая ихъ совокупность образовала особое военноуголовное законодательство. Но какъ развитіе государственныхъ учрежденій, въ различныхъ государствахъ, происходитъ при разнородныхъ временныхъ и мѣстныхъ условіяхъ, то военноуголовное законодательство не вездѣ получило одинаковое развитіе, и пространство дѣйствія военноуголовныхъ законовъ, равно какъ и вѣдомство военныхъ судовъ опредѣлено различно въ разныхъ государствахъ. Въ однихъ государствахъ—всѣ преступленія военнослужащихъ, будутъ ли они служебныя, или общія, судятся по военнымъ законамъ и въ военныхъ судахъ; въ другихъ—всѣ преступленія военнослужащихъ хотя и разсматриваются военными судами, но по военнымъ законамъ постановляются приговоры объ однихъ воинскихъ нарушеніяхъ; наконецъ въ третьихъ дѣйствію военныхъ законовъ и суду военному подлежатъ одни только служебныя преступленія.

Такое различіе въ пространствѣ дѣйствія военныхъ уголовныхъ законовъ и вѣдомствѣ военныхъ судовъ очевидно происходитъ отъ различныхъ основаній, принимаемыхъ при разрѣшеніи слѣдующихъ двухъ вопросовъ: 1) должны-ли военноуголовные законы постановлять наказанія по всѣмъ родамъ преступленій военнослужащихъ, или только по нарушеніямъ особыхъ обязанностей воинской службы, и 2) всегда ли военнослужащіе должны подлежать судамъ, особо для нихъ установленнымъ, или же слѣдуетъ сдѣлать ограниченія?

Различное разрѣшеніе перваго вопроса породило несходность въ опредѣленіяхъ пространства дѣйствія военныхъ законовъ, а разнообразное воззрѣніе на второй установило столь же различные предѣлы вѣдомства военныхъ судовъ.

Такое различіе въ разрѣшеніи этихъ двухъ вопросовъ, и происходящее отъ того несходство въ опредѣленіи самаго содержанія военноуголовнаго законодательства, наводитъ на мысль, что начала, принимаемыя въ основаніе этого опредѣленія, не вездѣ согласны съ установившимся въ отношеніи къ нему воззрѣніемъ въ теоріи уголовнаго права. Поэтому, въ настоящей статьѣ мы постараемся изобразить содержаніе военноуголовнаго законодательства, которое по теоріи должно быть предоставлено ему въ общей системѣ законодательства государства, и различное развитіе его въ главнѣйшихъ Европейскихъ государствахъ. Ясно, что военноуголовное законодательство Россіи должно имѣть для насъ бо̀льшій интересъ, а потому и будетъ изложено гораздо подробнѣе.

Содержаніе военноуголовнаго законодательства само собою уяснится, когда будетъ точно опредѣлено дѣйствительно необходимое пространство дѣйствія военныхъ законовъ и вѣдомство военныхъ судовъ. На этомъ основаніи наше изложеніе будетъ состоять изъ 2-хъ отдѣловъ: въ первомъ мы будемъ говорить о пространствѣ дѣйствія военноуголовныхъ законовъ, во второмъ—о вѣдомствѣ военныхъ судовъ. Притомъ, по различію предметовъ изслѣдованія, первый отдѣлъ будетъ заключать въ себѣ три, а второй четыре главы. Въ первыхъ главахъ каждаго отдѣла мы изложимъ общія понятія, во вторыхъ—проявленіе ихъ въ главнѣйшихъ законодательствахъ государствъ западной Европы, въ третьей главѣ втораго отдѣла разсмотримъ вопросъ: на какихъ основаніяхъ должны

производиться изслѣдованіе и судъ въ случаяхъ совмѣстнаго совершенія преступленія лицами гражданскими и военными; наконецъ послѣднія главы обоихъ отдѣловъ посвятимъ военноуголовнымъ законамъ и вѣдомству военныхъ судовъ нашего отечества.

Отдѣлъ первый.

О пространствѣ дѣйствія военныхъ и морскихъ уголовныхъ законовъ.

ГЛАВА I.

Общія понятія.

Изъ самой идеи государства истекаетъ необходимость уголовнаго законодательства для охраненія и обезпеченія правъ и обязанностей, принятыхъ членами государства, какъ относительно другъ къ другу, такъ и къ цѣлому государству. Уголовный законъ долженъ стремиться къ тому, чтобы за каждое нарушеніе правъ и обязанностей была воздаваема преступнику именно та мѣра зла, которую онъ заслужилъ, чтобы, по принятой государствомъ классификаціи преступленій, за менѣе преступное дѣяніе было воздаваемо наказаніе и менѣе строгое, чтобы мѣра наказанія, назначаемая одному преступнику была не болѣе и не менѣе той, которая полагается другому за тоже дѣяніе. Поэтому только то уголовное законодательство будетъ ближе соотвѣтствовать требованію разумныхъ началъ, которое дѣйствуетъ на одинаковыхъ основаніяхъ по всему пространству государства и для всѣхъ лицъ, живущихъ въ немъ.

Но права и обязанности лицъ, живущихъ въ государствѣ, не одинаковы. Они подраздѣляются на общія и особыя. Первыя принадлежатъ всѣмъ, вторыя только тѣмъ, которыя приняли на себя, кромѣ общихъ, еще и особыя къ государству обязанности. Послѣднія лица должны соблюдать не только всѣ общіе государственные уставы, но и тѣ постановленія, которыя относятся къ ихъ личнымъ обязанностямъ. Нарушеніе этихъ правилъ составляетъ для такихъ лицъ особый разрядъ преступленій и про-

ступковъ, за которые они подлежатъ отвѣтственности, единственно только потому, что состоятъ въ особыхъ отношеніяхъ къ государству и приняли на себя обязательство поступать во всемъ на основаніи установленныхъ для этихъ отношеній правилъ. Такимъ образомъ, все различіе между этими лицами и прочими подданными заключается въ обязательствѣ первыхъ не нарушать законоположеній, установленныхъ соотвѣтственно особымъ ихъ обязанностямъ.

Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ они входятъ въ разрядъ прочихъ подданныхъ и должны подлежать полному дѣйствію установленныхъ для нихъ законовъ. Слѣдовательно, не смотря на всѣ преимущества общихъ, нельзя совершенно избѣгнуть въ государствѣ дѣйствія спеціальныхъ уголовныхъ законовъ. Въ противномъ случаѣ тѣ особенные проступки, которые истекаютъ изъ особыхъ обязанностей нѣкоторыхъ лицъ, не подлежа наказанію по общему закону, остались бы совершенно безнаказанными, что̀ ни въ какомъ случаѣ допущено быть не можетъ. Самая справедливость поэтому требуетъ, чтобы при дѣйствіи общихъ уголовныхъ законовъ въ государствѣ было допущено въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствіе и особыхъ спеціальныхъ уголовныхъ законовъ. Но какъ дѣйствіе этихъ послѣднихъ обусловливается необходимостью отвратить нарушенія особыхъ спеціальныхъ обязанностей, то этою самою необходимостью опредѣляется и законное пространство ихъ дѣйствія, именно только въ отношеніи такихъ преступленій и проступковъ, которыми нарушаются эти обязанности. Установлять особый уголовный законъ по всѣмъ родамъ преступленій лицъ, несущихъ спеціальныя обязанности, не для чего и несправедливо, потому что въ общихъ уголовныхъ законахъ, на основаніи принятыхъ государствомъ началъ, объяснены всѣ вообще случаи преступности дѣяній и опредѣляемыхъ за нихъ наказаній, и въ особенныхъ законахъ пришлось бы снова повторить ихъ. Если же для этихъ послѣднихъ принять новыя, болѣе справедливыя и разумныя начала, а не тѣ, которыми руководствовались при составленіи общаго уголовнаго уложенія, то въ отношеніи прочихъ подданныхъ было бы явною несправедливостію оставить въ силѣ такія постановленія, которыя не соотвѣтствуютъ духу времени и теоріи. По примѣненіи же къ общему уголовному законодательству современныхъ началъ, устранится и необходимость спеціальныхъ уголов-

ныхъ законовъ по общимъ преступленіямъ. Притомъ, особые уголовные законы по общимъ преступленіямъ будутъ имѣть смыслъ и значеніе лишь когда за преступленіе будетъ назначено другое наказаніе или другая его мѣра, нежели по общимъ уголовнымъ законамъ. Такого рода спеціальные законы представляютъ однако то важное неудобство, что ими нарушится одно изъ существенныхъ условій закона—равенство всѣхъ въ отношеніи къ нему, ибо если спеціальный законъ будетъ мягче общаго, то нѣтъ достаточнаго основанія прочихъ подданныхъ подвергать бо́льшему взысканію; если же онъ будетъ строже, то опять несправедливо распространять дѣйствіе его на такія лица, которыя болѣе другихъ трудятся на пользу государства или для общественнаго благосостоянія. Наконецъ образованіе въ государствѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ системъ общаго уголовнаго законодательства, сообразно различнымъ обязанностямъ нѣкоторыхъ классовъ подданныхъ, не можетъ быть оправдано ни съ юридической, ни съ нравственной точки зрѣнія. Съ точки зрѣнія юридической оно не можетъ быть оправдано, потому что наказывая одно и тоже преступленіе различно, легко можно поколебать довѣріе и общее уваженіе къ непогрѣшимости закона; съ нравственной же точки зрѣнія потому, что можетъ исчезнуть въ народѣ врожденное ему сознаніе святости и неприкосновенности первѣйшихъ благъ человѣческихъ—жизни, здоровья, чести,—когда онъ увидитъ, что за посягательство на нихъ не всѣмъ полагается одинаковое возмездіе, и что достаточно принадлежать къ извѣстному сословію чтобы подвергнуться легчайшему предъ другими наказанію. По этимъ соображеніямъ намъ кажется всего справедливѣе, чтобы за совершеніе опредѣляемыхъ въ законѣ общихъ для всѣхъ подданныхъ преступленій и проступковъ всѣ виновные подлежали въ государствѣ одному общему уголовному закону. За тѣмъ, въ тѣхъ случаяхъ, за которыя не опредѣляется въ немъ никакого наказанія, но которыя составляютъ нарушенія особыхъ обязанностей, необходимо допустить дѣйствіе особыхъ уголовныхъ законовъ.

Здѣсь не мѣсто исчислять, какія лица несутъ въ государствѣ спеціальныя обязанности. Достаточно сказать, что къ нимъ наравнѣ съ военнослужащими принадлежатъ лица, состоящія въ морской или гражданской службѣ, купцы, медики и другія. Извѣстныя преступленія, именно тѣ, которыми нарушаются первѣйшія блага

человѣческія или основныя начала государственной жизни, могутъ быть совершены всѣми этими лицами, между тѣмъ какъ существуютъ другія, которыя возможны только для тѣхъ или другихъ изъ нихъ. Такъ измѣна, бунтъ, смертоубійство, грабежъ, воровство суть преступленія, общія всѣмъ подданнымъ; напротивъ, нарушеніе постановленій о караульной службѣ возможно только для военнослужащихъ, преступленіе правилъ морской службы только для моряковъ, взяточничество и лихоимство для гражданскихъ чиновниковъ, злостное банкротство для купцовъ; фальшивое свидѣтельство о болѣзни для медиковъ. Очевидно, что для преграждения этихъ послѣднихъ нарушеній должны быть постановлены особыя правила, между тѣмъ какъ для предупрежденія первыхъ, т. е. всѣмъ свойственныхъ, могутъ быть по справедливости назначены одинаковыя наказанія.

Изъ вышеизложеннаго очевидно, что для военнослужащихъ и чиновъ флота должны быть тоже постановлены только особыя правила наказанія служебныхъ преступленій и проступковъ и что этими правилами должно быть ограничено содержаніе военныхъ и морскихъ уголовныхъ законовъ. Противъ такого ограниченнаго содержанія этихъ законовъ могутъ быть впрочемъ приведены слѣдующія два возраженія, не выдерживающія однако строгой критики: 1) военная служба налагаетъ такія обязанности, которыя заставляютъ смотрѣть на каждое преступленіе, совершенное военнослужащимъ какъ на нарушеніе обязанностей службы. 2) Званіе военнаго почетно; поэтому съ нимъ не совмѣстны нѣкоторыя изъ наказаній, употребляемыхъ противъ прочихъ подданныхъ.

Противъ перваго возраженія можно замѣтить, что военное званіе, будучи исключительнымъ, не освобождаетъ однако лица, принадлежащія къ его составу, отъ общихъ обязанностей подданства, и разсматривать каждое преступленіе военнослужащаго какъ особаго вида преступленіе нѣтъ достаточнаго основанія, потому что смертоубійство, воровство, грабежъ, поддѣлка документовъ и пр. составляютъ и всегда будутъ составлять нарушенія общихъ государственныхъ уставовъ, а не обязанностей военной или морской службы. Даже общее уголовное преступленіе, совершенное противъ военнаго же лица, будетъ только нарушеніемъ общихъ государственныхъ уставовъ, а не особыхъ служебныхъ обязанно-

стей; другое дѣло, если съ нимъ будетъ соединенъ военный поступокъ; тогда общее уголовное преступленіе получаетъ особый характеръ: преступникъ долженъ подлежать за него болѣе строгой отвѣтственности, какъ за нарушеніе принятыхъ на себя обязанностей, такъ и вообще за совокупность преступленій. Но и въ этомъ случаѣ общее уголовное преступленіе должно подлежать наказанію по общему уголовному закону, и вопросъ можетъ состоять только въ томъ, подлежитъ ли оно суду уголовному общему или же специальному.

Второе возраженіе представляетъ болѣе основательности. Съ военнымъ званіемъ дѣйствительно несовмѣстны нѣкоторыя изъ гражданскихъ наказаній. Такъ въ иностранныхъ государствахъ лица гражданскаго вѣдомства наказываются смертію посредствомъ гильотины или повѣшенія, а военные разстрѣливаются. Въ Россіи тѣлесное наказаніе за уголовныя преступленія назначается лицамъ гражданскаго вѣдомства плетьми, а военнымъ шпицрутенами. Кромѣ того гражданскія лица, не изъятыя отъ тѣлеснаго наказанія, ссылаемыя въ каторжную работу подвергаются наложенію клеймъ, а военнослужащіе отъ этого избавлены. Но несовмѣстность нѣкоторыхъ наказаній съ достоинствомъ военнаго званія не представляетъ достаточнаго повода къ дѣйствію для лицъ этого сословія особаго по всѣмъ преступленіямъ кодекса уголовныхъ законовъ. Гораздо проще и справедливѣе провести параллель между гражданскими и военными наказаніями, и преступленія военнослужащихъ наказывать по общимъ уголовнымъ законамъ, опредѣляя имъ военныя наказанія, на основаніи параллели, проведенной съ гражданскими наказаніями. Это тѣмъ справедливѣе, что всѣ преступники, какого бы они званія ни были, будутъ подлежать одинаковой отвѣтственности за одинаковое нарушеніе.

ГЛАВА II.

Постановленія важнѣйшихъ Западно-Европейскихъ законодательствъ о пространствѣ дѣйствія военноуголовныхъ законовъ.

Въ настоящемъ столѣтіи большая часть западныхъ государствъ озаботилась изданіемъ новыхъ военноуголовныхъ уложеній. Пер-

вая къ тому приступила Франція, ея примѣру послѣдовала Англія; за нею различныя Германскія государства и Россія (*).

Франція не имѣла до 9 іюня 1857 г. полнаго кодекса военноуголовныхъ законовъ, а вмѣсто него дѣйствовали въ ней разныя отдѣльныя узаконенія, основанныя на военноуголовномъ кодексѣ 13 брюмера 5 года. Впрочемъ правительство неоднократно пыталось восполнить этотъ пробѣлъ отечественнаго законодательства и для этой цѣли учреждало особыя коммисіи, труды которыхъ однако не достигали результата. Съ своей стороны юристы не оставались равнодушными къ усиліямъ правительства и содѣйствовали ему посредствомъ изданія собраній военноуголовныхъ узаконеній. Особаго вниманія по этой части заслуживаютъ изданія Дюра-Лазалля, Шенье и Алла (**). Впрочемъ въ настоящее время, по обнародованіи новаго военноуголовнаго уложенія, эти изданія потеряли бо́льшую часть своего значенія.

Дѣйствующее нынѣ во Франціи военноуголовное уложеніе издано 9 іюня 1857 года, подъ заглавіемъ: «Code de justice militaire pour l'armée de terre». Оно подраздѣляется на четыре книги. Въ первой говорится о военномъ судоустройствѣ, во второй—о подсудности военнымъ судамъ, въ третьей о военномъ судопроизводствѣ, въ четвертой о преступленіяхъ и проступкахъ, подлежащихъ наказанію по военному уложенію.

До нашего предмета относится только послѣдняя книга, а потому и обратимся къ ближайшему ея разсмотрѣнію.

Сила военноуголовнаго уложенія распространяется только на опредѣленныя въ немъ преступленія и проступки военнослужащихъ. Всѣ прочія на основаніи § 267 подлежатъ обсужденію по общему уголовному уложенію, съ принятіемъ въ соображеніе указанныхъ въ немъ обстоятельствъ, уменьшающихъ вину, и съ примѣненіемъ къ военнослужащимъ, безъ всякаго измѣненія, наказаній, установленныхъ для прочихъ подданныхъ.

(*) Россія имѣетъ до сихъ поръ только *Своды* военныхъ и морскихъ законовъ.

(**) Durat-Lasalle—Droit et législation des armées de terre et de mer. 9 vol. Chénier—Guide des tribunaux militaires, 2-de édition. Paris. 1853. 3 vol. Alla, perè et fils — Le praticien des tribunaux militair es. Paris. 1852. 2 vol.

Кромѣ военныхъ преступленій и проступковъ, въ французскомъ военно-уголовномъ уложеніи постановлены особыя для военнослужащихъ наказанія: 1) за сопротивленіе военной силѣ и правительственнымъ лицамъ; 2) за кражу разныхъ предметовъ, принадлежащихъ государству, военнослужащимъ и обывателямъ, у которыхъ находятся на постоѣ военнослужащіе; 3) за смертоубійство обывателя, въ домѣ котораго отведено помѣщеніе военнослужащему, а также жены и дѣтей его; 4) за грабежъ, учиненный военными шайкою. Такимъ образомъ французское военносухопутное уголовное уложеніе близко подходитъ по своему содержанію къ предпосланнымъ нами выводамъ, хотя не соотвѣтствуетъ имъ вполнѣ. Впрочемъ такое несоотвѣтствіе малозначительно, такъ какъ въ уложеніе введены только особые виды нѣкоторыхъ общихъ преступленій, совершеніе которыхъ возможно одними военнослужащими, или сопровождается для нихъ обстоятельствами, увеличивающими вину; почему въ отношеніи первыхъ необходимо должно быть постановлено точное наказаніе, а въ отношеніи вторыхъ опредѣлена мѣра усиленія его. Отступая отъ выводовъ теоріи, военно-уголовное уложеніе Франціи заслуживаетъ однако должную похвалу за то, что по всѣмъ остальнымъ общимъ преступленіямъ военнослужащіе вполнѣ сравнены имъ съ прочими подданными не только по степени наказанія, но и по виду его. Какъ тѣ, такъ и другіе подлежатъ одинаковому возмездію за однородныя нарушенія.

Въ уложеніи исчислены слѣдующія военныя преступленія: 1) измѣна, лазутчество и переходъ къ непріятелю, 2) нарушеніе военныхъ обязанностей, 3) военный бунтъ и неповиновеніе, 4) превышеніе власти, 5) непослушаніе и побѣгъ, 6) продажа, утайка, закладъ и принятіе на сохраненіе военнаго имущества, 7) истребленіе и опустошеніе военныхъ зданій и сооруженій, 8) подлоги по дѣламъ военнаго управленія, 9) подкупъ, противузаконныя дѣйствія и невѣрность въ дѣлахъ военной службы или военнаго управленія, 10) присвоеніе формы, знаковъ отличія, орденовъ и медалей.

По морской части дѣйствуютъ во Франціи пять особыхъ узаконеній: 1) законъ 16, 19, 21 и 22 августа 1790 г. о наказаніяхъ за морскія преступленія; 2) постановленіе 12 октября 1791 г. о наказаніяхъ за преступленія и проступки противъ арсенальнаго

и портоваго устава; 3) законъ о наказаніяхъ морскихъ чиновъ за побѣги; 4) королевскія постановленія отъ 19 ноября 1682 и 26 октября 1688 года о наказаніи морскихъ арестантовъ и 5) постановленіе 10 апрѣля 1825 г. объ охраненіи безопасности мореплаванія и морской торговли отъ разбоя. Только первые два касаются разсматриваемаго нами предмета, а потому скажемъ о нихъ подробнѣе (*).

Оба они постановляютъ наказанія единственно за собственно морскія и портовыя преступленія и за воровство на корабляхъ, въ арсеналахъ и портахъ. Будучи изданы въ разное время, они впрочемъ составляютъ нѣчто цѣлое, такъ что въ случаѣ неясности или недостатка одного изъ нихъ принято правиломъ прибѣгать къ другому. Относительно наказанія за прочія преступленія (§ 50 пятой главы декрета 12 ноября 1806 г.) постановлено, при отсутствіи спеціальныхъ правилъ, руководствоваться общими законами страны (**). Всѣ преступленія, которыя дѣйствующими во Франціи уголовными законами причисляются къ нарушеніямъ обязанностей морской службы, можно найти въ сочиненіи Durat-Lasalle въ послѣдней главѣ 2-й книги IX тома, гдѣ они изложены въ алфавитномъ порядкѣ.

Въ непродолжительномъ времени дѣйствующія нынѣ постановленія по морской уголовной части будутъ замѣнены изданіемъ морскаго уголовнаго устава. Проэктъ этого устава уже составленъ и внесенъ на разсмотрѣніе французскаго законодательнаго собранія еще въ январѣ мѣсяцѣ 1859 года. Изъ статьи, напечатанной объ этомъ проэктѣ въ іюньской книжкѣ Морскаго Сборника читатели имѣли случай познакомиться съ нимъ въ подробности. Поэтому мы ограничимся въ нашей статьѣ указаніемъ на преступленія и проступки, которые будутъ подлежать наказанію на основаніи изготовляемаго къ изданію морскаго уголовнаго устава. Эти преступленія суть слѣдующія: измѣна, шпіонство, подговоръ къ переходу къ непріятелю или ко вступленію въ службу въ непріятельскія войска, преступленія противъ военныхъ обязанностей, неис-

(*) Всѣ эти законоположенія можно найти у Hautefeuille: Législation criminelle maritime. Paris. 1839, стр. 423 и слѣд.

(**) См. у Hautefeuille стр. 575.

полненіе приказаній начальства, неповиновеніе и возстаніе, превышеніе власти, побѣги, продажа, незаконное или невѣрное употребленіе и кража имущества, флоту принадлежащаго, разбой и ограбленіе кораблей и судовъ, ношеніе мундировъ, орденовъ и другихъ знаковъ отличія лицами, не имѣющими на то права, преступленія, совершаемыя лицами, находящимися на коммерческихъ корабляхъ, въ отношеніи къ военнымъ кораблямъ.

Изъ этого обозрѣнія видно, что предполагается наказывать только преступленія, нарушающія особыя обязанности морской службы. Слѣдовательно морской уставъ, не вводя новыхъ началъ, утверждаетъ только тѣ, которыя съ давняго времени приняты во Франціи и согласны съ теоріей уголовнаго права по тому же предмету.

Дѣйствующіе въ Англіи военноуголовные законы изложены въ 75-й главѣ парламентскаго акта 14 іюля 1804 года и въ приложенныхъ къ нему военныхъ артикулахъ. Эти послѣднія состоятъ изъ двухъ отдѣловъ: въ первомъ помѣщены военноуголовные законы, во второмъ правила военнаго судоустройства и судопроизводства. Сужденію по военноуголовнымъ законамъ подлежатъ слѣдующія преступленія: 1) возмущеніе и оскорбленіе Величества, 2) ложныя показанія въ вѣдомостяхъ и рапортахъ, 3) побѣгъ, 4) ссора и вызовъ на дуель, 5) грабежъ и обманъ, 6) продажа и утайка военнаго имущества, 7) оставленіе полка и квартирнаго расположенія, поста и должности, 8) пьянство на службѣ, 9) насилія, 10) ложный пароль и ложная тревога, 11) содѣйствіе непріятелю, 12) измѣна и трусость и 13) неприличное поведеніе. Наказанія за прочіе проступки, безпорядки и упущенія противъ службы и дисциплины предоставлены произвольному усмотрѣнію военныхъ судовъ. Обсужденіе же общихъ преступленій военнослужащихъ происходитъ на основаніи общихъ уголовныхъ законовъ.

Кромѣ этихъ артикуловъ, Англія имѣетъ и морской уголовный уставъ, въ которомъ еще съ большею подробностію, чѣмъ въ военномъ кодексѣ, исчислены всѣ морскія уголовныя преступленія и опредѣлены точныя наказанія за каждое изъ нихъ. Вилліамъ Блакстонъ въ сочиненіи своемъ: Commentaries of the laws of England (Лондонъ, 1830 г.) въ 1-й части, на стр. 412, говоря о чрезвычайной неопредѣленности военныхъ артикуловъ, коими въ боль-

шей части случаевъ опредѣленіе мѣры наказанія за преступленія предоставляется военнымъ судамъ, съ похвалою отзывается о морскихъ уголовныхъ законахъ, какъ отличающихся опредѣлительностію и точностію. Къ сожалѣнію, мы не имѣли случая изучить ихъ ни въ подлинникѣ, ни въ извлеченіяхъ.

Въ Германіи, съ самаго начала этого столѣтія, въ большей части государствъ изданы были новые военноуголовные кодексы. Фейербахъ въ своемъ учебникѣ уголовнаго права (*) приводитъ слѣдующіе:

1) Мекленбургскій (10 ноября 1810 г.); 2) Баварскій (въ 1813 году); 3) Виртембергскій (20 іюня 1818 г.); 4) Ганноверскій (14 іюля 1820 г.); 5) Гессенскій (13 іюля 1822 г.); 6) Кобургскій и Готскій (12 февраля 1832); 7) Саксонскій (14 февраля 1835); 8) Альтенбургскій (25 марта 1837 г.).

Изъ другихъ источниковъ намъ извѣстно, что въ 1841 году изданъ былъ въ Ганноверѣ новый военноуголовный уставъ; въ 1845 г. обнародованы въ Пруссіи новые военноуголовные законы, а въ 1855 издано въ Австріи военноуголовное уложеніе (**).

Прусскіе военноуголовные законы состоятъ изъ четырехъ особыхъ узаконеній: 1) постановленія 21 октября 1841 года о наказаніяхъ за маловажные проступки противъ службы и дисциплины, неподлежащіе суду, 2) положенія 23 іюля 1843 г. о судѣ поступковъ, оскорбляющихъ честь офицерскаго званія (Verordnung über die Ehrengerichte der Officiere), 3) воинскихъ артикуловъ 27 іюля 1844 г. о наказаніи преступленій и проступковъ унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ, и наконецъ 4) военнаго уголовнаго устава Прусскаго войска (Strafgesetzbuch für das Preußische Heer) 3 апрѣля 1845 года (***).

Изъ этихъ четырехъ важнѣе прочихъ два послѣднія узаконенія и особенно военноуголовный уставъ, такъ какъ первое содержитъ

(*) Feuerbach: Lehrbuch des peinlichen Rechts, herausgegeben von Mittermaier, § 487, S. 778.

(**) Изъ числа этихъ кодексовъ только одинъ прусскій удалось намъ достать въ подлинникѣ; съ нѣкоторыми же мы ознакомились по извлеченіямъ, помѣщеннымъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ. По этой самой причинѣ мы войдемъ въ нѣкоторыя подробности только о прусскихъ военноуголовныхъ законахъ.

(***) Всѣ эти законоположенія можно найти въ Stöpel's Preußischer Gesetz-Coder, Frankfurth an der Oder, 1855.

въ себѣ только правила наказанія поступковъ по распоряженію начальства, а второе имѣетъ своимъ предметомъ особыя предписанія о наказаніи офицеровъ за взаимныя оскорбленія и дуэли. Даже военные артикулы, со времени изданія военноуголовнаго устава, потеряли большую часть своего значенія, и въ настоящее время почти все военноуголовное законодательство Пруссіи преимущественно содержится въ этомъ послѣднемъ.

Въ военныхъ артикулахъ (*) кромѣ наказаній за чисто воинскія преступленія были постановлены правила наказанія за воровство, утайку вещей, обманъ, поддѣлку, побои, легкія тѣлесныя поврежденія и за всѣ тѣ общія преступленія, за совершеніе которыхъ опредѣлено десятилѣтнее тюремное заключеніе. Впрочемъ дѣйствіе артикуловъ распространялось только на преступленія и проступки унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ. По изданіи военноуголовнаго кодекса сила его была распространена на всѣ лица военнаго вѣдомства. Какъ военныя преступленія опредѣлены здѣсь съ бо́льшею подробностію и точностію, то статьи артикуловъ о наказаніи военныхъ преступленій были отмѣнены и за тѣмъ эти послѣднія до § 192 кодекса сохранили свою силу только относительно наказаній общихъ преступленій, совершенныхъ рядовыми и унтеръ-офицерами.

Не смотря на это, въ военноуголовномъ кодексѣ (**) опредѣлены были также наказанія за нѣкоторыя изъ общихъ преступленій, именно: за государственную измѣну, оскорбленіе Величества, тѣлесныя поврежденія, поддѣлку документовъ и занятіе, въ видѣ ремесла, азартными карточными играми. На основаніи опредѣленныхъ здѣсь началъ должны были наказываться офицеры и прочіе военнослужащіе, неподлежавшіе дѣйствію артикуловъ. Прочія же общія преступленія, за которыя не постановлялось наказаній ни въ одномъ изъ четырехъ вышеприведенныхъ военноуголовныхъ законоположеній по §§ 3 и 192 кодекса, подлежали наказанію по общимъ уголовнымъ законамъ государства, съ тѣми однакожъ измѣненіями, которыхъ требовала принадлежность къ военному званію. Чтобы облегчить примѣненіе общихъ законовъ въ §§ 54—61 по-

(*) Stöppel, B. II, S. 416 u. f.

(**) Тамъ же, S. 476—531.

именованы были тѣ гражданскія наказанія, которымъ могутъ подлежать военнослужащіе, а въ §§ 61—68 проведена параллель между военными и прочими гражданскими наказаніями.

14 апрѣля 1851 года послѣдовало изданіе новаго общаго уголовнаго уложенія для всего Прусскаго государства. Въ подтвержденіе начала, изъясненнаго уже въ военно-уголовномъ кодексѣ, въ § 5-мъ, было опредѣлено, что дѣйствіе общаго уголовнаго уложенія распространяется на всѣ преступленія военнослужащихъ, о наказаніи которыхъ не существуетъ особыхъ предписаній въ военныхъ законахъ (*).

Такимъ образомъ еще въ 1851 году Прусскіе военноуголовные законы проникали въ область общаго уголовнаго законодательства, но ровно черезъ годъ послѣ изданія общаго уложенія, 15 апрѣля 1852 г. обнародовано было постановленіе (**), по коему всѣ статьи военныхъ законовъ о наказаніи общихъ преступленій отмѣнены, а вмѣсто нихъ велѣно принять въ руководство постановленія общаго уложенія. Этимъ распоряженіемъ военноуголовные законы Пруссіи достигли въ 1852 г. своего окончательнаго развитія; имѣя въ настоящее время предметомъ своимъ только военныя преступленія, проступки и наказанія за нихъ и подчиняя за тѣмъ всѣ прочія преступленія общему уголовному закону, они, подобно Англійскимъ военнымъ законамъ,—вполнѣ соотвѣтствуютъ теоретическимъ началамъ.

Что касается до прочихъ военноуголовныхъ кодексовъ, то Баварскій, Гессенскій и Виртембергскій (***) имѣютъ также своимъ предметомъ только одни военные преступленія и проступки. Въ военноуголовномъ уставѣ королевства Ганноверскаго принято дѣленіе всѣхъ вообще преступленій на три главныя категоріи: 1) преступленія военныя; 2) тѣ общія преступленія, которыя имѣютъ связь съ порядкомъ военной службы или получаютъ болѣе преступный и опасный характеръ отъ совершенія ихъ военнослужащими, и 3) всѣ прочія преступленія, общія какъ военнослу-

(*) Kommentair über das Strafgesetzbuch für die preußischen Staaten, von D. Georg Beseler. Leipzig, 1851. S. 78—81.

(**) Stöppel, B. III, S. 375.

(***) Neues Archiv des Criminalrechts, B. 3: die neuesten militairischen Strafgesetze für die königlichen Würtembergische und die Kurhessischen Truppen.

жащимъ, такъ и гражданскимъ лицамъ независимо отъ службы и обязанностей военнослужащихъ. Эти послѣднія не вошли въ составъ военноуголовнаго устава и за совершеніе ихъ военнослужащіе судятся по общимъ законамъ. Военныя преступленія излагаются въ особомъ отдѣлѣ и за каждый видъ ихъ опредѣляется извѣстное наказаніе. За преступленія втораго рода бо̀льшею частію опредѣляются наказанія сходно съ общимъ уложеніемъ, но въ высшей мѣрѣ, или съ усиленіемъ одною четвертою частью или половиною; въ нѣкоторыхъ же случаяхъ общее наказаніе замѣняется другимъ, болѣе строгимъ.

Въ Австрійскомъ военноуголовномъ уложеніи содержатся правила наказанія за всѣ роды преступленій; но при опредѣленіи наказаній за общіе уголовные преступленія и проступки показано въ какихъ случаяхъ постановленія военноуголовнаго уложенія сходны съ началами, принятыми въ общихъ уголовныхъ законахъ или въ чемъ отъ нихъ отличаются. Уголовный кодексъ Швейцарскихъ войскъ (*) постановляетъ правила наказанія за большую часть общихъ преступленій безъ всякаго соображенія съ общимъ уголовнымъ уложеніемъ.

Изъ числа прочихъ Западно-Европейскихъ законодательствъ намъ извѣстно, что Регламентъ военноуголовнаго и дисциплинарнаго правосудія Папскихъ войскъ (regolamento di giusticia criminale e disciplinare militare) (**) постановляетъ правила наказанія только за одни военныя преступленія.

Изъ разсмотрѣнныхъ уголовныхъ кодексовъ только Австрійскій и Швейцарскій не соотвѣтствуютъ вполнѣ по объему своему теоріи; прочіе же утверждаютъ выведенныя ею начала, чѣмъ и доказываютъ разумность, справедливость и возможность примѣненія ихъ въ практикѣ.

(**) Neues Archiv des Criminalrechts, B. 5: Die neuesten Militair-Strafgesetze für die Schweizerischen Truppen, dargestellt von Mittermaier.

(**) Kritische Zeitschrift für Rechtswissenschaft und Gesetzgebung des Auslands, 1843, B. 15. S. 274—286.

ГЛАВА III.

Постановленія Русскаго военноуголовнаго законодательства о пространствѣ дѣйствія военноуголовныхъ законовъ.

По части уголовнаго законодательства дѣйствуютъ въ Россіи три законоположенія: 1) Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, 1845 г. 2) Сводъ морскихъ уголовныхъ постановленій 1851 г. и 3) Уставъ Военноуголовный 1855 г., составляющій V часть свода военныхъ постановленій. Два послѣднія законоположенія, какъ достаточно указываютъ ихъ названія, имѣютъ спеціальное назначеніе. Дѣйствію Уложенія о наказаніяхъ по 173 ст. подлежатъ всѣ Россійскіе подданные въ предѣлахъ государства, кромѣ нѣкоторыхъ инородцевъ, обитающихъ въ Сибири, въ губерніяхъ Астраханской и Оренбургской, въ области Кавказской и за Кавказомъ, для которыхъ опредѣлены изъятія особыми положеніями. По ст. 174-й сила Уложенія не распространяется на дѣла, подлежащія суду по законамъ церковнымъ или по особымъ военнымъ постановленіямъ.

Въ обоихъ спеціальныхъ Сводахъ нѣтъ прямой статьи, которая бы ясно высказывала, что военнослужащіе за всѣ совершенныя ими преступленія подлежатъ сужденію по особымъ для нихъ уголовнымъ законамъ. Положительное удостовѣреніе въ этомъ мы находимъ въ 8 ст. 2 кн. XV т. Св. Зак. (изд. 1857 г.). Здѣсь говорится, что «военнослужащіе и состоящіе въ военномъ вѣдомствѣ лица въ уголовныхъ преступленіяхъ *всякаго рода* подлежатъ военному суду и судятся по военнымъ законамъ».

Какъ въ военныхъ, такъ и въ морскихъ уголовныхъ законахъ признается, что преступленія лицъ, состоящихъ въ военной или морской службѣ, могутъ быть двухъ родовъ: преступленія собственно военныя и преступленія общія служащихъ по морскому и военному вѣдомствамъ съ лицами гражданскаго званія, независимо отъ порядка и обязанности службы. Но такое сознаніе не имѣетъ практическаго значенія, такъ какъ въ обоихъ спеціальныхъ кодексахъ, кромѣ военныхъ преступленій и наказаній за нихъ, изложены правила наказаній и за большую часть общихъ преступленій:

собственно военныя преступленія составляютъ даже весьма незначительную часть содержанія 1-хъ книгъ Военнаго и Морскаго уголовныхъ Сводовъ и помѣщены только въ третьихъ раздѣлахъ и въ 4-хъ главахъ вторыхъ раздѣловъ этихъ Сводовъ. Третьи раздѣлы имѣютъ своимъ предметомъ преступленія и наказанія лишь *въ военное время*. Здѣсь поименованы: 1) измѣна, 2) побѣги къ непріятелю и отлучки съ мѣста сраженія, 3) нарушеніе воинскихъ обязанностей, неповиновеніе и другіе незаконные поступки, 4) кража и невѣрности въ употребленіи, выдачѣ и храненіи суммъ и предметовъ арміи или флоту принадлежащихъ, 5) разбой, грабежъ и насиліе. Въ мирное же время въ отношеніи къ военнымъ преступленіямъ дѣйствуютъ только 4-я главы 2-хъ раздѣловъ военнаго и морскаго уголовныхъ уставовъ. 4-я глава перваго изъ нихъ содержитъ въ себѣ восемь отдѣленій, а втораго девять. Девятое отдѣленіе морскихъ уголовныхъ постановленій имѣетъ своимъ предметомъ морскія преступленія, между тѣмъ какъ въ первыхъ восьми говорится о служебныхъ преступленіяхъ, общихъ какъ военной, такъ и морской службамъ (*). Остальныя восемь главъ вторыхъ раздѣловъ постановляютъ наказанія за общія уголовныя преступленія, именно: глава первая—по преступленіямъ противъ вѣры, вторая—по преступленіямъ государственнымъ, третья—по преступленіямъ противъ Правительства, пятая—по преступленіямъ противъ безопасности жизни и противъ правъ общественнаго состоянія лицъ, шестая—по преступленіямъ противъ семейственнаго состоянія, седьмая—по противозаконному удовлетворенію плотскихъ страстей, за развратное поведеніе и запрещенную картежную игру, восьмая—по преступленіямъ противъ правъ на имущества, девятая—за подлоги и лживые поступки.

(*) Здѣсь кромѣ общихъ положеній поименованы: неповиновеніе начальству и нарушеніе воинскаго чинопочитанія, сопротивленіе къ явкѣ на смотръ, уклоненіе отъ службы, побѣги и самовольныя отлучки изъ полковъ, экипажей и командъ, преступленіе должности и неисполненіе обязанностей службы, злоупотребленіе власти и нарушеніе порядка службы; преступленія лицъ, служащихъ въ военномъ и морскомъ вѣдомствѣ по управленію и храненію казеннаго имущества, похищеніе, расточеніе и утрата казеннаго имущества, умышленная порча нижними чинами солдатскаго оружія и аммуниціи, продажа и закладъ оныхъ.

Изъ этого краткаго обзора оглавленія морскихъ уголовныхъ постановленій и военноуголовнаго устава видно, что они почти во всѣхъ частяхъ одинаковы;—только въ первомъ изъ нихъ есть прибавленіе, которое необходимо по особенности морской службы (*). Но эти законоположенія одинаковы не только по внѣшнему виду, но и по содержанію. Кромѣ того, что въ обоихъ приняты одни и тѣже разряды и виды преступленій, въ нихъ за извѣстное преступленіе назначается и одинаковое наказаніе.

Приведенное содержаніе русскихъ спеціальныхъ законовъ указываетъ между прочимъ и на то, что ими не вполнѣ исчерпывается сфера уголовныхъ преступленій. Опредѣляя въ восьми главахъ наказанія за совершеніе общихъ преступленій, они о нѣкоторыхъ изъ нихъ не заключаютъ никакого постановленія. Такъ въ Уложеніи о наказаніяхъ, кромѣ наказаній за преступленія и проступки по службѣ государственной и общественной (раздѣлъ V), мы находимъ правила о наказаніяхъ преступленій и проступковъ противъ постановленій о повинностяхъ государственныхъ и земскихъ (раздѣлъ VI), противъ имущества и доходовъ казны (раздѣлъ VII), противъ общественнаго благоустройства и благочинія (раздѣлъ VIII) и по преступленіямъ и проступкамъ противъ договоровъ и другихъ обязательствъ (раздѣлъ XII, глава V). Наконецъ и по тѣмъ общимъ преступленіямъ, которыя вошли въ спеціальные Своды, приведены въ Уложеніи многіе особые виды ихъ, о которыхъ ничего не говорится ни въ Военноуголовномъ Уставѣ, ни въ морскихъ уголовныхъ постановленіяхъ. Поэтому невольно рождается вопросъ, на какихъ основаніяхъ должно быть опредѣлено военнымъ и морскимъ лицамъ наказаніе за совершеніе такихъ преступленій, о которыхъ нѣтъ постановленій въ дѣйствующихъ для нихъ узаконеніяхъ?

Въ Военноуголовномъ Уставѣ изданія 1839 года и въ морскихъ уголовныхъ постановленіяхъ 1851 года не находится разъясненія этого вопроса. Такой недостатокъ пополненъ въ новомъ изданіи Военноуголовнаго Устава. Здѣсь въ 83 статьѣ, основанной на по-

---

(*) Въ слѣдствіе такой особенности мы находимъ въ морскихъ уголовныхъ постановленіяхъ нѣсколько статей, которыхъ нѣтъ въ военноуголовномъ уставѣ, именно: 22, 68, 69, 158, 159, 228, 267 (прим.), 368—384, 364, 474 (примѣчаніе), нѣкоторые пункты 540, 553—556, 557—578, 596, 617, 618, 621 и 622.

слѣдовавшемъ 10 февраля 1853 г. Высочайшемъ повелѣніи, содержится постановленіе, коимъ вмѣняется (для отклоненія затрудненій и всякаго произвола въ постановленіи приговоровъ о лицахъ гражданскаго вѣдомства, предаваемыхъ военному суду за такія преступленія, о которыхъ въ Военноуголовномъ Уставѣ не упомянуто и не опредѣлено мѣры наказанія и вообще о преступленіяхъ, о которыхъ въ Военноуголовномъ Уставѣ нѣтъ положительнаго закона) впредь на основаніи приказа по военному вѣдомству отъ 21 августа 1836 г. № 102, до изданія новаго военноуголовнаго устава, примѣняться въ назначеніи виновнымъ наказаній къ Уложенію 1845 г. о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, но съ тѣмъ, чтобы видъ тѣлесныхъ наказаній тѣмъ преступникамъ, которые не изъяты отъ нихъ, опредѣлять не по Уложенію, а по Военноуголовному Уставу, т. е. назначать наказанія не плетьми, а шпицрутенами съ соблюденіемъ установленныхъ для сего правилъ (*). Эта статья опредѣляетъ отношенія между общимъ и спеціальнымъ уголовнымъ законодательствами въ Россіи.

Но примѣняемость Уложенія о наказаніяхъ къ лицамъ военнаго и морскаго вѣдомствъ не ограничивается только случаями, опредѣленными въ 83 ст. Военноуголовнаго Устава. При осужденіи этихъ лицъ къ ссылкѣ въ каторжную работу, родъ и продолженіе ихъ назначается тоже по Уложенію о наказаніяхъ (ст. 26 Военноуг. Уст. и ст. 27 Мор. Угол. пост.), съ тою только разницею, что тѣлесное наказаніе лицамъ отъ него не изъятымъ, назначается не плетьми, а шпицрутенами. За преступленія карантинныя, офицеры и нижніе чины сухопутнаго и морскаго вѣдомствъ подлежатъ наказаніямъ по общимъ уголовнымъ законамъ, опредѣленымъ въ ст. 1007, 1014, 1016, 1019, 1020, 1022, 1023, 1024, 1027 и 1028 Улож. о Наказ.

Изъ всего сказаннаго видно, что по нашимъ законамъ военныя и морскія лица за бо́льшую часть преступленій подлежатъ дѣйствію особыхъ для нихъ уголовныхъ законовъ и только въ случаяхъ, ими неопредѣленныхъ, дозволяется прибѣгать къ общимъ уголовнымъ

(*) Дѣйствіе этого постановленія распространено и на морское вѣдомство, о чемъ объявлено циркуляромъ Инспекторскаго Департамента Морскаго Министерства отъ 7 марта 1855 года.

постановленіямъ. Въ какой именно степени особые уголовные законы различаются отъ общихъ, дѣйствующихъ для прочихъ подданныхъ, здѣсь съ подробностію указано быть не можетъ, такъ какъ это не входитъ въ предметъ настоящей статьи. Впрочемъ, достаточно только раскрыть военноуголовный уставъ или морскія уголовныя постановленія, чтобы убѣдиться въ превосходствѣ внутренняго содержанія общаго уголовнаго уложенія. Въ этомъ послѣднемъ почти вездѣ видна строгая послѣдовательная классификація разрядовъ и видовъ преступленій, опредѣленіе степени наказанія, соразмѣрное съ важностію вины, и весьма небольшая власть, предоставленная судьямъ въ назначеніи наказаній. Въ военноуголовномъ же уставѣ и морскихъ уголовныхъ постановленіяхъ почти вездѣ встрѣчается неточность указанія видовъ преступленій, неопредѣленность наказаній, и весьма обширный, а иногда и неограниченный произволъ, предоставленный военному суду въ ихъ назначеніи. Въ настоящее время, сколько намъ извѣстно, производится пересмотръ военноуголовнаго устава. Намъ неизвѣстны начала, принятыя въ основаніе при этомъ важномъ дѣлѣ, но должно полагать, что военноуголовный уставъ соображается съ общимъ уголовнымъ уложеніемъ. Если наше предположеніе справедливо, чему представляютъ нѣкоторое подтвержденіе вышеприведенныя 26 и 83 ст., то было бы желательно видѣть принятіе для него выведеннаго нами ограниченнаго предѣла военноуголовныхъ законовъ, уже усвоеннаго почти всѣми главнѣйшими законодательствами Западной Европы. Такъ какъ въ настоящее время нѣкоторыя изъ общихъ преступленій военнослужащихъ уже подлежатъ обсужденію по общимъ уголовнымъ законамъ, то распространеніе такого порядка на прочія преступленія было бы не болѣе какъ удовлетвореніемъ требованію справедливости. Но какъ наказанія по нашимъ спеціальнымъ законамъ не всегда одинаковы съ тѣми, которыя приняты въ общихъ, то окажется необходимымъ провести между тѣми и другими точную параллель. Эта работа не составляетъ невозможнаго и даже не представляетъ большихъ затрудненій, тѣмъ болѣе, что относительно одного рода наказаній эта параллель уже опредѣлена въ дѣйствующихъ узаконеніяхъ. Именно въ 82 ст. Улож. о Нак. (ст. 84, XV т., 1 кн. изд. 1857 г.) и въ примѣчаніи къ 33 ст. морскихъ уголовныхъ постановленій мы находимъ опредѣле-

ніе соразмѣрности между отдачею въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго, инженернаго и морскаго вѣдомствъ въ томъ размѣрѣ, что годъ пребыванія въ первыхъ равняется 10 мѣсяцамъ пребыванія въ двухъ послѣднихъ. Подобно этому можетъ быть проведена параллель и между прочими наказаніями. Постановленія прусскаго военноуголовнаго уложенія могли бы быть приняты въ образецъ при этой работѣ.

При поверхностномъ взглядѣ на настоящій предметъ намъ казалось возможнымъ усвоить военному сословію всѣ благодѣтельныя постановленія общаго уголовнаго уложенія, не касаясь самаго объема военноуголовныхъ законовъ. Чтобы достигнуть этого, мы полагали сначала возможнымъ взять для новаго военноуголовнаго устава классификацію общихъ преступленій изъ общаго уложенія о наказаніяхъ, съ оставленіемъ тѣхъ же за каждое изъ нихъ наказаній, съ тѣмъ однако, что если наказаніе, постановленное въ общемъ уложеніи, не можетъ быть примѣнено къ военнослужащимъ, то, чтобы оно было замѣняемо другимъ на основаніи особой точной, проведенной между ними параллели. Но при болѣе подробномъ обсужденіи такого предположенія настоящій способъ оказывается не вполнѣ удобнымъ. Уголовное законодательство едва ли достигло у насъ значительной степени своего развитія. Ему нельзя еще отказать въ возможности дальнѣйшаго усовершенствованія. Такимъ образомъ, не смотря на то, что въ настоящее время какъ въ общемъ уголовномъ уложеніи, такъ и въ военноуголовномъ уставѣ были бы приняты одинаковыя начала, современемъ многія постановленія уложенія неминуемо измѣнятся, а военноуголовное законодательство, существуя совершенно независимо отъ общаго, постепенно будетъ отъ него удаляться, пока не придетъ съ нимъ въ совершенный разладъ. Между тѣмъ такого разлада никогда не случится если сфера военноуголовныхъ законовъ будетъ ограничена только одними служебными преступленіями. Тогда, каждое измѣненіе постановленій общаго уголовнаго Уложенія немедленно будетъ получать примѣненіе и по отношенію къ военнослужащимъ и между обѣими законодательствами установится постоянная неразрывная связь.

Всѣ выраженныя нами предположенія о преобразованіи Военноуголовнаго Устава вполнѣ могутъ быть примѣнены и къ Морскимъ уголовнымъ постановленіямъ. Но кромѣ того намъ кажется весьма

незатруднительнымъ соединить оба эти законоположенія въ одно, съ тѣмъ, чтобы оно имѣло силу для лицъ какъ военнаго, такъ и морскаго вѣдомствъ. Изложенное выше содержаніе обоихъ уставовъ показываетъ сколь во многомъ они сходны, какъ относительно системы расположенія предметовъ, такъ и относительно однородности понятій о преступности дѣяній, совершенной тождественности родовъ наказаній и опредѣленія за однородное преступленіе и одинаковаго наказанія. Большая часть статей Морскихъ уголовныхъ постановленій, какъ видно изъ находящихся подъ ними цитатъ,—взяты изъ V части Св. Воен. Пост. издан. 1839 г. и Продолженій къ нему. Только тѣ немногія статьи, которыя имѣютъ своимъ предметомъ собственно морскія преступленія и наказанія, извлечены изъ дѣйствовавшихъ прежде морскихъ артикуловъ и нѣкоторыхъ другихъ узаконеній. Поэтому соединить эти два законоположенія въ одно не представляетъ, по нашему мнѣнію, другихъ препятствій, какъ только помѣщеніе въ особомъ раздѣлѣ военноуголовнаго устава собственно морскихъ преступленій. Что такое соединеніе возможно, доказываетъ намъ Пруссія. Книга Прусскихъ военноуголовныхъ законовъ на основаніи § 1 части II примѣнима не только къ лицамъ военнаго, но и морскаго вѣдомства. Еслибъ однако это признано было неудобнымъ, и для морскаго вѣдомства оказалось необходимымъ имѣть особый уголовный кодексъ, то достаточно будетъ помѣстить въ немъ преступленія собственно морскія, а относительно прочихъ установить, чтобы они подлежали обсужденію по военнымъ или общимъ уголовнымъ законамъ.

Принявъ такое ограниченіе морскихъ уголовныхъ законовъ, мы придемъ къ слѣдующимъ заключеніямъ.

Въ настоящее время пересматривается Военноуголовный Уставъ. По утвержденіи его въ законодательномъ порядкѣ, по военному вѣдомству получатъ дѣйствіе новыя правила, которыя,—какъ можно положительно утверждать,—будутъ во многихъ случаяхъ удобнѣе, справедливѣе и человѣколюбивѣе существующихъ нынѣ. Морскія уголовныя постановленія заключаютъ въ себѣ тѣже недостатки, какъ и имѣющій теперь силу Военноуголовный Уставъ. Поэтому главное морское начальство, въ послѣднее время постоянно стремящееся усвоить своему вѣдомству всѣ полезныя учреж-

денія, по выходѣ новаго Военноуголовнаго Устава, если еще не сдѣлало, то вѣроятно сдѣлаетъ распоряженіе о пересмотрѣ морскихъ уголовныхъ постановленій. Какъ быстры бы ни были дѣйствія Коммисіи, все же занятія ея потребуютъ нѣкотораго времени, въ теченіи котораго чины морскаго вѣдомства должны подлежать наказанію по прежнимъ постановленіямъ, между тѣмъ какъ лица военнаго вѣдомства уже начнутъ пользоваться благодѣтельными измѣненіями новаго устава. Если же принять предлагаемое нами ограниченіе морскихъ уголовныхъ постановленій, то можно было бы немедленно по выходѣ новаго Военноуголовнаго Устава, дѣйствіе постановленій, которыя имѣютъ предметомъ своимъ свойственныя обоимъ вѣдомствамъ преступленія, распространить и на морскихъ чиновъ, и тотчасъ же приступить къ пересмотру особыхъ морскихъ уголовныхъ постановленій. Наконецъ можно приступить къ такому пересмотру въ настоящее время и, одновременно съ утвержденіемъ военноуголовнаго устава, ввести въ дѣйствіе и новыя морскія уголовныя постановленія.

ОТДѢЛЪ II.

О вѣдомствѣ военныхъ и морскихъ уголовныхъ судовъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Общія понятія.

Переходя ко второму отдѣлу нашей статьи, о пространствѣ вѣдомства военнаго суда, мы должны прежде всего разрѣшить вопросъ: слѣдуетъ ли допустить въ государствѣ существованіе особыхъ военныхъ судовъ?

Законность существованія особаго военноуголовнаго правосудія въ государствѣ не можетъ быть основательно подвергнута сомнѣнію. При разсмотрѣніи во Франціи, въ 1829 г., въ палатѣ перовъ проекта Французскаго военноуголовнаго кодекса, герцогъ де-Брольи, бывшій докладчикомъ по части подсудности, доказывая законность военноуголовнаго правосудія необходимостію его, ска-

залъ: «La justice militaire est légitime parce qu'elle est nécessaire». Въ самомъ дѣлѣ, обезпечивая самостоятельное бытіе государства, войска съ своей стороны могутъ быть удержаны въ должномъ повиновеніи не иначе, какъ твердымъ сознаніемъ, что каждое нарушеніе лежащихъ на нихъ спеціальныхъ обязанностей будетъ немедленно подлежать суду и наказанію. Для дѣйствительности такого сознанія необходимо, чтобы осуществленіе угрозы наказанія быстро послѣдовало за преступленіемъ и притомъ, чтобы дѣйствіе ея было свободно и независимо отъ посторонняго вліянія. Этого иначе достигнуть невозможно, какъ установленіемъ уголовнаго суда при самомъ войскѣ. Кромѣ того, особенности военной службы имѣютъ то послѣдствіе, что общіе суды не всегда и не вполнѣ могутъ точно и вѣрно опредѣлять важность и значеніе служебнаго нарушенія: обстоятельству маловажному они могутъ придать несоотвѣтствующее значеніе, а нарушеніе главнѣйшихъ служебныхъ обязанностей принять за малозначущій проступокъ. Поэтому, для справедливѣйшаго примѣненія военнаго правосудія необходимо предоставить его такимъ судьямъ, которые въ подробности знаютъ обязанности военной службы и обстоятельства нарушеній, имѣющія вліяніе на измѣненіе ихъ характера. Законность военноуголовнаго правосудія слѣдовательно основана на двоякой необходимости: 1) высшей политической и государственной—обезпечить безпрекословное повиновеніе войскъ и 2) чисто юридической, такъ какъ военные проступки могутъ получить справедливѣйшее и вѣрнѣйшее обсужденіе только предъ военными судами. Если существованіе военноуголовнаго правосудія не подлежитъ опроверженію, то съ другой стороны возникаетъ потребность опредѣлить отношеніе его къ общему уголовному правосудію въ государствѣ, т. е. указать вѣдомство военныхъ судовъ, которое должно быть имъ предоставлено, какъ въ отношеніи лицъ, такъ и въ отношеніи самыхъ преступленій.

Мы сказали, что законность военноуголовнаго правосудія основывается на необходимости государственной и юридической обезпечить безпрекословное повиновеніе войскъ и предоставить возможность справедливѣйшаго обсужденія военныхъ преступленій и проступковъ. Изъ этого слѣдуетъ, что тамъ, гдѣ такихъ причинъ болѣе не существуетъ, или онѣ не могутъ быть достаточно оправ-

даны, правосудіе это перестаетъ быть законнымъ и потому не должно быть терпимо. На этомъ основаніи внѣ рядовъ арміи никто не долженъ подлежать военному суду. Лица, не принадлежащія къ военному сословію, должны быть подвѣдомы во всѣхъ случаяхъ гражданскому уголовному правосудію. Справедливость требуетъ, чтобы вѣдомство особыхъ судовъ ограничено было только тѣми лицами, которыя по своему общественному положенію (произвольному, или вынужденному) подлежатъ имъ непосредственно. Между гражданскимъ и военнымъ сословіемъ необходимо въ этомъ отношеніи поставить неизмѣнную преграду. Принявъ въ основаніе такое положеніе, слѣдуетъ заключить, что вѣдомство военныхъ судовъ, по отношенію къ лицамъ, должно ограничиться только одними военнослужащими.

Военнослужащіе должны быть однако разсматриваемы съ двухъ различныхъ сторонъ. Въ качествѣ военныхъ, ими приняты совершенно особыя обязанности. Если они преступаютъ ихъ, то подлежатъ особымъ взысканіямъ, и въ этихъ случаяхъ могутъ быть требуемы предъ военный судъ. Но принадлежа къ военному сословію, лица эти вмѣстѣ съ тѣмъ остаются и гражданами, и какъ граждане наравнѣ съ прочими членами государственнаго союза подлежатъ дѣйствію общихъ государственныхъ уставовъ. Поэтому, при обвиненіи ихъ въ нарушеніи общихъ государственныхъ законовъ, они должны имѣть равное съ прочими подданными право пользоваться тѣми средствами защиты своей невинности, которыя установлены общими законами. И обратно, при дѣйствительномъ совершеніи преступленія, нарушивъ общіе государственные законы, они, слѣдовательно, обязаны удовлетвореніемъ и общему гражданскому правосудію. Это основное различіе должно быть вполнѣ сознано. Общество не будетъ совершенно безопасно до тѣхъ поръ, пока преслѣдованіе преступленій, нарушающихъ гражданскій порядокъ, не будетъ предоставлено тѣмъ лицамъ, которымъ ввѣрено его охраненіе. Наконецъ подобно тому, какъ гражданскіе судьи не въ состояніи вполнѣ вѣрно оцѣнить военное нарушеніе, военныя лица, особенно въ тѣхъ государствахъ, гдѣ нѣтъ постоянныхъ военныхъ судовъ, рѣдко могутъ имѣть юридическія познанія, необходимыя для правильнаго сужденія общихъ уголовныхъ преступленій. По этимъ основаніямъ вѣдомство воен-

ныхъ судовъ въ отношеніи къ преступленіямъ должно ограничиваться только одними служебными нарушеніями военнослужащихъ и вообще лицъ, которыя входятъ въ составъ арміи.

Но если вѣдомство военныхъ судовъ должно простираться только на военнослужащихъ и притомъ въ отношеніи однихъ служебныхъ проступковъ, то изъ этого прямо истекаетъ, что всѣ лица, несостоящія въ военной службѣ, и всѣ преступленія военнослужащихъ противъ общихъ законовъ государства должны подлежать суду общихъ уголовныхъ судилищъ. Такое взаимное отношеніе между военнымъ и общимъ уголовнымъ правосудіемъ тѣмъ справедливѣе, что вполнѣ совпадаетъ съ дѣйствительно необходимымъ объемомъ военноуголовныхъ законовъ.

Приведенный нами предѣлъ вѣдомства военныхъ судовъ принимаютъ Нѣмецкіе ученые: Фейербахъ (*), Миттермайеръ (**) и Мареццоль (***). Впрочемъ два послѣдніе относятъ къ вѣдомству военныхъ судовъ еще тѣ общія преступленія, при совершеніи которыхъ военнослужащими нарушаются служебныя обязанности, и потому подлежатъ высшей мѣрѣ наказанія. Французскіе юристы держатся другаго мнѣнія. Кромѣ нарушеній собственно военныхъ обязанностей, къ военнымъ преступленіямъ, т. е. подлежащимъ военному суду, они относятъ всѣ общія преступленія, совершаемыя военнослужащими противъ военнослужащихъ, и воровство въ казармахъ. Такъ думаютъ Шаво и Фостенъ (****) и Бошъ (*****). Въ подтвержденіе своего мнѣнія они приводятъ то основаніе, что эти преступленія по особымъ качествамъ преступника и тѣхъ лицъ, противъ которыхъ они совершены, получаютъ смѣшанный характеръ.

(*) Lehrbuch des gemeinen peinlichen Rechts, herausgegeben von Mittermaier, Giessen, 1847, § 486. S. 777.

(**) Въ критической статьѣ: die neuesten Militairstrafgesetze für die Schweizerischen Truppen въ Neues Archiv des Criminalrechts. B. 5 S. 50—73 и въ 1 прим. къ § 487 учебника Уголовнаго права Фейербаха, стр. 778.

(***) Das gemeine deutsche Criminalrecht als Grundlage der neuern deutschen Strafgesetzgebungen, 1855 S. 337.

(****) Adolphe Chaveau et Helie Faustin—Théorie du code pénal. Bruxelles 1837 г. chap. III.

(*****) Droit pénal et discipline militaire. См. Krit. Zeitsch. etc. 10 B. 2 Th. S. 300—331.

Намъ кажется, что справедливѣе будетъ принять мнѣніе Нѣмецкихъ ученыхъ, особенно въ томъ первоначальномъ его видѣ, какъ оно выражено Фейербахомъ. Съ прибавленіемъ же, сдѣланнымъ къ этому мнѣнію Миттермайеромъ и Марецолемъ, нельзя вполнѣ согласиться, потому что при совокупномъ нарушеніи военнослужащими общихъ и спеціальныхъ обязанностей было бы справедливѣе наряжать или совмѣстный судъ изъ военныхъ и гражданскихъ судей, или обсудить сперва общее преступленіе въ гражданскомъ уголовномъ судѣ, а потомъ служебное въ военномъ. Впрочемъ надо сознаться, что такой порядокъ представляетъ болѣе затрудненій и проволочки нежели тотъ, который принимаютъ Миттермайеръ и Марецоль. Вѣроятно по этой-то причинѣ они и согласны предоставить такія преступленія сужденію военнаго суда. Отнести же ихъ вполнѣ къ вѣдомству гражданскихъ уголовныхъ судовъ едва ли возможно. Если воззрѣніе военныхъ судей на общее преступленіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ будетъ не вполнѣ правильнымъ, то по крайней мѣрѣ есть ручательство, что важность военнаго проступка будетъ всегда опредѣлена по настоящему его значенію, между тѣмъ какъ гражданскій судъ лишенъ всякой возможности произнести объ немъ правильный приговоръ.

Что же касается до мнѣнія Французскихъ юристовъ, то, какъ намъ кажется, особое качество лица (принадлежность къ военному сословію), противъ котораго совершено преступленіе, не можетъ измѣнить характера самаго нарушенія, т. е. превратить его изъ общаго въ спеціальное. Мы вполнѣ согласны, что качество предмета преступленія можетъ имѣть вліяніе на бо̀льшую или меньшую степень наказуемости преступника, но этого весьма еще недо̀статочно для предоставленія военноуголовной подсудности всѣхъ общихъ преступленій, учиненныхъ военнослужащими противъ военныхъ же лицъ.

Изъясненныя соображенія вполнѣ примѣнимы и къ опредѣленію пространства вѣдомства морскаго уголовнаго суда. Разумѣется, что сужденію его подлежатъ и собственно морскія преступленія.

Впрочемъ теоретическія начала примѣнимы только въ мирное время. Во время войны всякое нарушеніе военнослужащими, не только служебныхъ обязанностей, но и общихъ государственныхъ уставовъ, пріобрѣтаетъ гораздо бо̀льшее значеніе, будучи въ со-

стоянія ослабить необходимую, при такихъ обстоятельствахъ, строгую дисциплину. Поэтому, въ отвращеніе разъединенія власти, могущаго повести къ самымъ вреднымъ послѣдствіямъ, вообще принято, что всѣ преступленія военнослужащихъ въ военное время подлежатъ преслѣдованію и наказанію чрезъ военное начальство.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О вѣдомствѣ военныхъ судовъ въ важнѣйшихъ Государствахъ Западной Европы.

Приступая къ указанію, въ какой мѣрѣ усвоены отдѣльными положительными законодательствами теоретическія начала вѣдомства военныхъ судовъ, слѣдуетъ замѣтить, что въ нихъ встрѣчается разнообразіе, которое даже трудно привести въ систему.

Едва ли не въ каждомъ государствѣ установился особый, ему одному свойственный, порядокъ, рѣдко вполнѣ согласный съ выводами науки. Поэтому, для большей ясности изложенія, обратимся сперва къ тѣмъ положительнымъ законодательствамъ, которыми болѣе всего усвоиваются теоретическія начала; за тѣмъ укажемъ тѣ, въ которыхъ онѣ приняты отчасти и наконецъ упомянемъ о тѣхъ, кои не признаютъ ихъ вовсе, предоставляя вѣдомству военныхъ судовъ не только всѣ преступленія военнослужащихъ, но и многія преступленія лицъ, не принадлежащихъ къ военному сословію.

Руководствуясь предположенною системою, намъ слѣдовало бы начать съ Англіи. Но прежде, чѣмъ приступимъ къ изложенію существующаго въ ней порядка, не излишне будетъ сказать нѣсколько словъ о томъ изъ древнихъ государствъ, военное устройство котораго достигло высшаго развитія,- которое съ помощію многочисленныхъ своихъ легіоновъ поработило всѣ образованныя страны древняго міра. Мы разумѣемъ Римскую Имперію.

Военное сословіе пользовалось въ этомъ государствѣ особымъ порядкомъ суда не только по уголовнымъ, но и по гражданскимъ дѣламъ, до временъ императора Константина Великаго, который ограничилъ вѣдомство военныхъ судовъ сперва всѣми вообще уголовными дѣлами, а за тѣмъ только чисто военными преступле-

ніями и маловажными проступками солдатъ, предоставивъ тяжкія общія преступленія суду того общаго суда, въ вѣдомствѣ котораго совершено преступленіе (forum delicti commissi). При императорахъ Валентиніанѣ и Валентѣ подсудность военному суду была возстановлена въ прежнемъ видѣ, но императоръ Юстиніанъ окончательно утвердилъ порядокъ, установленный Константиномъ Великимъ, и съ того времени тяжкія общія преступленія солдатъ предоставлены были уже навсегда вѣдѣнію провинціальныхъ начальствъ (magistratibus provinciarum) (*).

Въ Англіи, со времени введенія нынѣ дѣйствующихъ военно-уголовныхъ артикуловъ, военному суду подлежатъ только собственно военныя преступленія. Всѣ же общія преступленія военнослужащихъ составляютъ предметъ вѣдомства гражданскихъ судилищъ. Если офицеры, унтеръ-офицеры и рядовые окажутся виновными въ запрещенныхъ законами дѣйствіяхъ, насиліяхъ или вообще нарушеніяхъ противъ лица или имущества Великобританскихъ подданныхъ, то по 1 артикулу XI главы парламентскаго акта 1804 г. не только начальствующій офицеръ, но и прочіе офицеры одного съ нимъ полка, эскадрона, роты или отряда, по требованію обвинителя, обязаны передать его, для производства слѣдствія, гражданскому начальству или употребить все свое содѣйствіе къ арестованію и передачѣ его общему правосудію. Когда, по сдѣланному законному требованію, начальникъ этого не исполнитъ, или воспротивится передачѣ обвиняемыхъ лицъ гражданскому правительству, а также откажетъ въ надлежащемъ содѣйствіи лицамъ, коимъ поручено арестованіе преступника, то онъ подлежитъ отрѣшенію отъ должности.

Изъ этого общаго правила въ мирное время допускается одно исключеніе по нарушенію богослуженія. Такіе проступки разсматриваются какъ нарушеніе служебныхъ обязанностей, а потому подлежатъ изслѣдованію и наказанію порядкомъ, установленнымъ для собственно военныхъ преступленій.

Въ военное время для войскъ, расположенныхъ въ Британскихъ владѣніяхъ, означенныя выше правила сохраняютъ свою силу, безъ всякаго измѣненія. Но для войскъ, дѣйствующихъ за грани-

(*) Militair-Conversations-Lexicon, B. V, Sp. 36, S. 371.

цею, тамъ, гдѣ нѣтъ Британскихъ судебныхъ мѣстъ (where there is no form of our civil juridicature in force), по первому артикулу XXVI главы того же парламентскаго акта, большая часть общихъ преступленій военнослужащихъ, какъ то: смертоубійство, воровство, грабежъ, дѣланіе фальшивой монеты, насиліе противъ лицъ и имущества Англійскихъ подданныхъ или тѣхъ, которые пользуются покровительствомъ Британскаго Правительства,—предоставлено изслѣдованію и обсужденію военныхъ судовъ.

Для собственно военныхъ преступленій и проступковъ установлены военные суды (Court Martial) двухъ родовъ: General Court-Martial судитъ тяжкія преступленія, за которыя опредѣлена смертная казнь, отрѣшеніе или увольненіе отъ должности. Каждый приговоръ его получаетъ законную силу только съ королевскаго утвержденія. Полковые же Court Martial вѣдаютъ маловажные проступки, влекущіе за собою тѣлесныя наказанія. Такимъ образомъ сколько обширно вѣдомство Англійскихъ военныхъ судовъ, столько же просто и ихъ устройство.

Въ Великихъ Герцогствахъ Ольденбургскомъ и Саксенъ-Веймаръ-Эйзенахскомъ, въ Герцогствахъ Саксенъ Кобургъ-Готскомъ и Саксенъ-Мейнингенскомъ, въ княжествахъ Шварцбургъ-Рудольштатскомъ и Шварцбургъ-Зондергаузенскомъ, въ вольныхъ городахъ Бременѣ и Гамбургѣ подсудность военному суду установлена на тѣхъ же основаніяхъ, какъ въ Англіи, т. е. только въ отношеніи военныхъ преступленій и проступковъ (*). Въ каждомъ изъ этихъ государствъ двѣ инстанціи военнаго суда; обсужденію второй подлежатъ важнѣйшія военныя преступленія или тѣ, по коимъ, при постановленіи приговора въ инстанціи первой степени, не вполнѣ были соблюдены установленныя формы и обряды, или подсудимому предоставлено было право апелляціи. Въ герцогствѣ Саксенъ-Альтенбургскомъ военному суду подлежатъ служебныя преступленія и проступки только въ первой инстанціи, во второй же степени суда они разсматриваются въ апелляціонномъ Альтенбургскомъ судѣ, замѣняющемъ собою, въ подобныхъ случаяхъ, Генералъ Аудиторіатъ (**). Въ Саксонскомъ королевствѣ, при совершеніи

(*) Hauff: die Gerichtsverfassung der sämmtlichen deutschen Staaten. Fürth. 1856 стр. 179, 209, 210, 234 и другія.

(**) Тамъ же, S. 204.

военнослужащими общаго уголовнаго преступленія, совокупно съ лицами гражданскаго вѣдомства или противъ нихъ, по предварительномъ соглашеніи министерствъ военнаго и юстиціи, дозволяется производить слѣдствіе и разсмотрѣніе дѣла въ гражданскомъ судѣ; но исполненіе приговора надъ лицемъ, состоящимъ въ военной службѣ, во всякомъ случаѣ предоставлено военному суду. Первая инстанція военнаго суда въ Саксоніи постановляетъ приговоры только по проступкамъ, за которые положено наказаніе не свыше восьминедѣльнаго ареста. Прочія преступленія поступаютъ прямо на рѣшеніе высшаго военнаго суда (Ober-Kriegs-Gericht), откуда восходятъ на ревизію высшаго апелляціоннаго гражданскаго суда, гдѣ въ этихъ случаяхъ присутствуетъ съ правомъ голоса, генералъ-аудиторъ (*).

Въ Великомъ Герцогствѣ Баденскомъ суду общихъ уголовныхъ судилищъ предоставлены только полицейскія нарушенія, за которыя установлены денежныя взысканія. Особой подсудности подлежатъ также проступки по части таможенной и податной (Zoll und Steuer Vergehen), именно, они разбираются мѣстами, завѣдывающими финансами. Впрочемъ и при совершеніи другихъ общихъ преступленій рядовыми и унтеръ-офицерами дозволяется передавать эти лица, для производства надъ ними слѣдствія и суда, въ гражданское вѣдомство. При совершеніи преступленій и проступковъ военнослужащими или въ случаѣ прикосновенности ихъ къ нимъ, когда на мѣстѣ совершенія преступленія нѣтъ военнаго начальства и сомнительно, чтобы оно поспѣло во время, общія гражданскія присутственныя мѣста Великаго Герцогства Баденскаго обязаны задержать военнаго преступника и принять противъ него всѣ падлежащія мѣры. Вмѣстѣ съ тѣмъ о сдѣланныхъ распоряженіяхъ они должны немедленно дать знать военному начальству и въ теченіи 24 часовъ передать ему взятыхъ подъ стражу. Отступленіе отъ этого дозволяется единственно въ томъ случаѣ, когда для производства слѣдствія противъ военнослужащаго, находящагося въ отпуску, необходимо присутствіе взятаго подъ стражу лица на мѣстѣ совершенія (**).

(*) Hauff's Gerichtsv. S. 123 u. 126.

(**) Тамъ же, S. 146.

Во Франціи границы военнаго суда, начиная съ первой Французской революціи неоднократно были опредѣляемы на различныхъ основаніяхъ. Настоящее вѣдомство его установлено на началахъ, изложенныхъ во 2-й книгѣ Военноуголовнаго Уложенія, изданнаго 9 іюня 1857 года (*).

До революціи 1789 г. назначеніе полицейскихъ наказаній за маловажные служебные проступки предоставлено было непосредственнымъ или высшимъ воинскимъ начальникамъ; военные же суды разсматривали и постановляли приговоры по воинскимъ преступленіямъ и проступкамъ, запрещеннымъ подъ страхомъ уголовныхъ или исправительныхъ наказаній. Эти начала подтверждены были закономъ 29 октября 1790 г. и военноуголовнымъ уложеніемъ 19 октября 1791 г.

По закону 29 октября 1790 г. никто изъ военнослужащихъ не могъ быть подвергнутъ уголовному наказанію безъ произнесенія приговора военнымъ или гражданскимъ судомъ, смотря по роду совершенія преступленія.

Къ гражданскимъ преступленіямъ отнесены были тѣ, которыми нарушаются общіе законы, обязательные для всѣхъ подданныхъ государства. Безъ различія совершенія ихъ офицерами или солдатами, они должны были подлежать вѣдѣнію общихъ уголовныхъ судебныхъ мѣстъ и только во время войны внѣ государства составляли предметъ вѣдомства военнаго суда, но мѣра наказанія и въ этомъ случаѣ опредѣлялась по гражданскимъ законамъ (**). Военноуголовный кодексъ 19 октября 1791 г., утвердивъ эти положенія, установилъ и точное опредѣленіе понятія военнаго преступленія, разумѣя подъ нимъ только такое дѣйствіе, которымъ нарушаются военныя обязанности, и притомъ, если это нарушеніе именно запрещено закономъ. Тогда же было опредѣлено, что лица, не принадлежащія къ арміи, не могутъ совершать военныхъ преступле-

---

(*) Новѣйшая исторія Французскаго военноуголовнаго законодательства объяснена у Durat-Lasalle въ сочиненіи его Droit et législation des armées de terre et de mer, t. IX, а также у Chaveau et Helie: Théorie du Code Pénal. Bruxelles, 1838, chap. 3, и у Foucher: Ueber die Militairgerichtshöfe in Frankreich, Kritische Zeitschr. der Rechtsw. etc., B. VII, S. 391—412.

(**) Durat-Lasalle: Droit et l'égislation des armées t. IX, p. 7.

ній, а потому ни въ какомъ случаѣ не должны подлежать военному суду (*).

Существенное измѣненіе этого порядка послѣдовало въ 1795 году. Декретомъ конвента 2 дополнительнаго дня 3-го года (18 сентября 1795 г.) всѣ общія преступленія военнослужащихъ, состоящихъ, какъ въ дѣйствующихъ войскахъ, такъ и въ расположенныхъ въ предѣлахъ государства, отнесены къ вѣдомству военныхъ судовъ (**). Это измѣненіе осталось въ силѣ по настоящее время. Военно-уголовный кодексъ 13 брюмера 5 года (13 ноября 1796 года), отмѣнившій всѣ предшествовавшія узаконенія по военно-уголовной части и дѣйствовавшій, съ изданными къ нему дополненіями, до обнародованія нынѣшняго военно-уголовнаго уложенія, въ отношеніи подсудности военнымъ судамъ, не измѣнилъ правилъ, опредѣленныхъ означеннымъ выше декретомъ. По неясности перваго § этого кодекса нѣкоторые ученые однако пытались утверждать, что военному суду слѣдуетъ предоставить сужденіе однихъ служебныхъ преступленій (***); но мнѣніе ихъ не получило практическаго примѣненія, а изданное нынѣ военно-уголовное уложеніе устранило даже возможность такого толкованія. Впрочемъ надо замѣтить, что императоръ Наполеонъ I не раздѣлялъ принятаго мнѣнія о вѣдомствѣ военнаго суда. При разсмотрѣніи въ Государственномъ Совѣтѣ проэкта общаго Code pénal, онъ предлагалъ предоставить сужденію общихъ уголовныхъ судебныхъ мѣстъ всѣ преступленія, совершенныя военнослужащими въ предѣлахъ государства, съ тѣмъ, чтобы гражданское судебное мѣсто, при служебномъ нарушеніи, имѣло право передавать подсудимаго для надлежащаго взысканія военному начальству. Достойны замѣчанія слова его, сказанныя по этому поводу въ Государственномъ Совѣтѣ. «Правосудіе должно быть одинаковымъ для всѣхъ во Франціи, сказалъ Наполеонъ; поступая въ солдаты, каждый вмѣстѣ съ тѣмъ остается и Французскимъ гражданиномъ. Если внутри Государства одинъ солдатъ убьетъ другаго, то, безъ сомнѣнія, имъ учинено гражданское преступленіе. Поэтому необходимо, чтобы всѣ вообще преступленія подлежали первоначально общему правосудію тамъ,

(*) Durat-Lasalle t. IX p. 8.

(**) Foucher: Ueber die Militairgerichtshöfe in Frankreich.

(***) Такого мнѣнія былъ Фуше.

гдѣ оно дѣйствуетъ» (*). Мнѣніе его однако не встрѣтило достаточнаго сочувствія, по крайней мѣрѣ такъ надо полагать, судя по тому, что оно не привело къ практическому результату. Вѣдомство военнаго суда, напротивъ, въ теченіи времени даже сдѣлалось обширнѣе, чѣмъ было прежде.

Обращаемся теперь къ разсмотрѣнію правилъ, дѣйствующихъ нынѣ по этому предмету.

По военно-уголовному уставу 9 іюня 1857 г. изъ вѣдомства военныхъ судовъ изъяты только нарушенія законовъ объ охотѣ и рыбной ловлѣ и проступки противъ уставовъ: таможеннаго, косвенныхъ податей, городскихъ пошлинъ (les octrois), лѣснаго и путей сообщенія (§ 273). Всѣ прочія преступленія, въ извѣстныхъ случаяхъ, опредѣленныхъ закономъ, могутъ подлежать вѣдомству военныхъ судовъ.

Въ мирное время подсудность военнымъ судамъ ограничена только лицами, состоящими въ военномъ вѣдомствѣ, но и въ отношеніи ихъ она опредѣлена различно.

Военнослужащіе, чиновники военнаго вѣдомства и лица, сравненныя съ военнослужащими (assimilés aux militaires), если они состоятъ на дѣйствительной службѣ или показаны въ вѣдомостяхъ состоящими на лицо или командированы для исполненія спеціальнаго порученія, судятся военнымъ судомъ за совершенія всѣхъ преступленій, кромѣ тѣхъ нарушеній, которыя совершенно изъяты изъ его вѣдомства (§ 56). Такой же порядокъ подсудности опредѣленъ для чиновъ военнаго вѣдомства, находящихся въ военныхъ и гражданскихъ госпиталяхъ, путешествующихъ подъ конвоемъ, содержимыхъ въ заведеніяхъ, тюрьмахъ и военныхъ исправительныхъ домахъ, а также для чиновъ дома инвалидовъ и военноплѣнныхъ. Новобранцы, оставленные на родинѣ, и военнослужащіе, находящіеся въ безсрочномъ отпускѣ имѣютъ военную подсудность только во время созванія ихъ для смотровъ и ученій. Наконецъ, тѣ военнослужащіе, чиновники военнаго управленія и

(*) Chaveau et Hélie chap. 3. Вотъ слова Наполеона въ подлинникѣ: La justice est une en France, on est citoyen français, avant d'être soldat. Si dans l'intérieur un soldat en assassine un autre, il a sans doute commis un crime civil. Il faut donc que tous les delits soient soumis d'abord à la juridiction commune toutes les fois qu'elle est présente.

лица, сравненныя съ военнослужащими, которыя не несутъ служебныхъ обязанностей, но получаютъ однако содержаніе и состоятъ въ распоряженіи правительства и всѣ уволенные въ отпуска и находящіеся въ дозволенномъ отсутствіи (en permission) подлежатъ вѣдомству военнаго суда только по преступленіямъ, исчисленнымъ въ Военно-уголовномъ уложеніи; по прочимъ же—вѣдомству гражданскихъ уголовныхъ судовъ (§ 57).

Въ военное время и во время осаднаго положенія городовъ и департаментовъ Франціи дѣйствіе военнаго суда принимаетъ болѣе значительные размѣры. Въ военное время, кромѣ тѣхъ лицъ, которыя уже исчислены выше, сужденію его за всѣ преступленія и проступки подлежатъ: 1) всякаго званія лица, состоящія при штабахъ, управленіяхъ и другихъ частяхъ арміи; 2) маркитанты и маркитантки, прачки, торговцы, слуги и другія лица, которымъ дозволено пребываніе при войскѣ (§ 62). При нахожденіи арміи на Французской землѣ, но въ виду непріятеля, тотъ же порядокъ подсудности опредѣленъ для иностранцевъ, изобличенныхъ въ совершеніи преступленій, наказываемыхъ по Военно-уголовному уложенію, а также и для тѣхъ Французскихъ подданныхъ, которые окажутся виновными въ измѣнѣ, бунтѣ, переходѣ къ непріятелю, разрушеніи и разграбленіи воинскихъ сооруженій и въ грабежѣ, совершенномъ шайкою (§ 64). Когда же армія расположена въ землѣ непріятельской, то военнымъ судомъ судятся и всѣ прочія лица, учинившія одно изъ преступленій, наказываемыхъ по Военному Уложенію (§ 63).

Во время осаднаго положенія городовъ и департаментовъ Франціи всѣ преступленія и проступки противъ государственной власти, конституціи, общественнаго спокойствія и порядка, кѣмъ бы они совершены не были, подлежатъ разсмотрѣнію и наказанію военнаго суда.

Для отправленія военнаго правосудія учреждены въ каждой дивизіи Французской арміи постоянные военные совѣты изъ президента и шести членовъ (§ 2). При постановленіи приговора о нижнихъ чинахъ военный совѣтъ долженъ состоять изъ баталіоннаго или эскадроннаго командира или маіора, изъ двухъ капитановъ, одного поручика (lieutenant), одного подпоручика (sous-lieutenant) и одного унтеръ-офицера (§ 3). При сужденіи оберъ-и штабъ-офицеровъ и

генераловъ, составъ военнаго совѣта измѣняется, сообразно чину подсудимаго, и такимъ именно образомъ, что младшіе члены совѣта должны быть въ одинаковыхъ чинахъ съ подсудимымъ и только въ тѣхъ случаяхъ, когда этого соблюсти не возможно, по недостатку такихъ лицъ, дозволяется назначать членами однимъ чиномъ ниже (§ 10). При военныхъ совѣтахъ состоятъ: прокуроръ (commissaire imperial), докладчикъ (rapporteur) и производитель дѣлъ (greffier). Засѣданія военныхъ совѣтовъ публичны; подсудимый имѣетъ право избрать себѣ защитника; приговоры военныхъ совѣтовъ окончательны и могутъ подлежать ревизіи только въ отношеніи несоблюденія формъ, но не по существу (§ 73). Для этой послѣдней цѣли учреждено восемь ревизіонныхъ совѣтовъ. Изъ нихъ пять находятся во Франціи (въ Парижѣ, Метцѣ, Ліонѣ, Тулузѣ, и Реннѣ), и три въ Алжирѣ (въ Алжирѣ, Оранѣ и Константинѣ). Ревизіонные совѣты имѣютъ право отмѣнять приговоры военныхъ совѣтовъ: 1) когда военные совѣты не были составлены по правиламъ, предписаннымъ въ Военно-уголовномъ Уложеніи; 2) когда наказаніе, опредѣленное по закону, не было примѣнено къ дѣйствію, признанному военнымъ Совѣтомъ за несомнѣнное, или когда наказаніе постановлено внѣ случаевъ, опредѣленныхъ закономъ; 3) когда не соблюдены или нарушены формы, неисполненія которыхъ дѣлаетъ приговоръ недѣйствительнымъ; 4) когда, вслѣдствіе просьбы подсудимаго или требованія прокурора, военнымъ совѣтомъ не сдѣлано постановленія о разрѣшеніи воспользоваться какимъ либо правомъ, предоставленнымъ по закону (§ 74). Ревизіонный совѣтъ, отмѣнивъ приговоръ военнаго совѣта, отсылаетъ дѣло для новаго разсмотрѣнія въ военный совѣтъ ближайшей дивизіи, а если въ дивизіи два военныхъ совѣта, то въ тотъ, который не участвовалъ въ первоначальномъ разсмотрѣніи дѣла.

Въ военное время, кромѣ судовъ при дивизіяхъ, учреждаются еще военные суды при главномъ штабѣ арміи и при корпусныхъ штабахъ. Вѣдомство ихъ распространяется на лица, неподлежащія суду дивизіонныхъ военныхъ совѣтовъ.

Полицейскіе проступки и нарушенія правилъ дисциплины подлежатъ по 271 § Уложенія взысканію административному, которое не можетъ превышать двухмѣсячнаго заключенія. Если подобныя нарушенія слишкомъ важны, то военное начальство обязано пере-

дать ихъ на разсмотрѣніе военнаго совѣта. Въ военное время, власть назначенія административныхъ взысканій тѣмъ лицамъ, которымъ дозволено пребываніе въ арміи, предоставлена генералъ-гевальдигеру и гевальдигерамъ (le grand prévot et les prévots).

Морское уголовное судоустройство и, вмѣстѣ съ тѣмъ, правила подсудности морскому уголовному суду, въ томъ видѣ, какъ они существуютъ въ настоящее время во Франціи, установились императорскимъ декретомъ 12 ноября 1806 г. Здѣсь прежде всего замѣтимъ, что уже съ 1765 года преступленія и проступки морскихъ чиновъ противъ лицъ, не состоящихъ въ морскомъ вѣдомствѣ, подлежатъ вѣдѣнію не морскаго уголовнаго суда, а мѣстнаго гражданскаго уголовнаго суда, который въ этихъ случаяхъ долженъ принимать всѣ надлежащія для преслѣдованія преступника мѣры, а морское начальство обязано оказывать ему необходимое содѣйствіе.

Въ противуположность этому, всѣ преступленія и проступки во время нахожденія на военномъ суднѣ, совершающемъ плаваніе, будутъ ли они учинены морскими чинами или лицами, не принадлежащими къ флоту, безъ всякаго различія, подсудны морскимъ судамъ. Морскому уголовному суду также подсудны лица, совершившія преступленія и проступки въ портахъ и арсеналахъ, когда такія преступленія направлены противъ безопасности этихъ сооруженій или нарушаютъ установленныя въ нихъ полицейскія мѣры, или вообще соединены со вредомъ для морской службы. Наконецъ, вѣдомство морскаго уголовнаго правосудія простирается на всѣ преступленія и проступки между морскими чинами.

Организація морскаго уголовнаго правосудія во Франціи весьма сложна.

Во время морскихъ кампаній существуютъ морскіе судебные совѣты и морскіе военные совѣты (conseils de justice et conseils de guerre), вѣдающіе, какъ сказано выше, всѣ преступленія лицъ, находящихся на судахъ. Морскіе судебные совѣты состоятъ изъ 5 членовъ и имѣютъ право назначать наказаніе не свыше мѣсячнаго ареста. Если за какое либо преступленіе опредѣлено болѣе строгое наказаніе, то собирается морской военный совѣтъ, который долженъ состоять изъ восьми членовъ. Нарушенія противъ полиціи, безопасности и морской службы въ портахъ и арсеналахъ подле-

жатъ вѣдѣнію морскихъ трибуналовъ (tribunaux maritimes), постановленія которыхъ восходятъ на ревизію морскихъ ревизіонныхъ трибуналовъ (tribunaux maritimes de revision). Судъ преступленій, совершенныхъ морскими арестантами, производится въ особыхъ специальныхъ трибуналахъ (tribunaux maritimes spéciais), приговоры которыхъ не подлежатъ ревизіи. Кромѣ этихъ судебныхъ мѣстъ, есть еще постоянные морскіе военные совѣты (conseils de guerre permanents). Главнѣйшій предметъ вѣдомства ихъ состоитъ въ обсужденіи побѣговъ морскихъ чиновъ и постановленіи за нихъ наказаній. Они же вѣдаютъ тѣ преступленія морскихъ чиновъ, не находящихся въ походѣ, которыя не подлежатъ подсудности морскихъ трибуналовъ, т. е. если они совершены внѣ арсеналовъ и ничѣмъ не нарушаютъ ни полицейскія мѣры и безопасность этихъ заведеній, ни правила морской службы. Приговоры этихъ совѣтовъ подлежатъ ревизіи морскихъ ревизіонныхъ совѣтовъ.

Организація морскихъ судовъ и проведенныя правила подсудности имъ, вскорѣ, а именно, по утвержденіи составленнаго нынѣ проэкта морскаго уголовнаго устава, подвергнутся преобразованіямъ. Такъ морскіе постоянные совѣты (conseils de guerre permanents) предположено упразднить и на будущее время оставить только два вида береговаго суда: морской береговой судъ (conseil de guerre) и портовой (tribunal maritime), съ ревизіоннымъ при каждомъ изъ нихъ совѣтомъ, для пересмотра аппелляціонныхъ дѣлъ. Организація корабельныхъ судовъ оставлена прежняя, но вѣдомство ихъ, равно какъ и береговыхъ судовъ, опредѣляется съ большею отчетливостію.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи существенное измѣненіе будетъ состоять особенно въ томъ, что по утвержденіи проэкта морскаго уголовнаго устава всѣ преступленія и проступки морскихъ чиновъ будутъ во всѣхъ случаяхъ подлежать сужденію морскаго суда и къ предметамъ разсмотрѣнія его отнесутъ преступленія противъ морскаго или военноуголовнаго устава лицъ морскаго вѣдомства или причисленныхъ къ нему сухопутныхъ войскъ, находящихся въ отставкѣ или отпуску. Мы не приводимъ здѣсь подробнаго исчисленія предметовъ вѣдомства каждаго изъ видовъ морскаго военнаго суда новаго устройства, такъ какъ желающіе

могутъ познакомиться съ нимъ изъ статьи, напечатанной о проэктѣ Морскаго Уголовнаго устава въ іюньской книгѣ Морскаго Сборника за 1858 годъ, стр. 483.

Объясненное вѣдомство военныхъ и морскихъ судовъ во Франціи показываетъ какъ несоотвѣтствіе его съ выводами науки, такъ равно и то, что въ теченіи послѣднихъ лѣтъ Правительство стремилось расширить предѣлы его, какъ бы доказывая тѣмъ, что прежнія начала, ближе подходившія къ выводамъ науки, неудобопримѣнимы на практикѣ. По нашему мнѣнію, дѣйствуя такимъ образомъ, Французское Правительство едва ли руководствовалось означеннымъ выше побужденіемъ. По крайней мѣрѣ для насъ ясны совсѣмъ другія поводы. Каждому извѣстно, что вся сила нынѣшняго правительства заключается въ преданности ему войска и флота. Желая упрочить свое вліяніе на нихъ, Наполеонъ III постоянно употребляетъ всѣ возможныя средства, чтобы отстранить отъ нихъ всякое вліяніе общества. Стремясь къ этому, онъ не могъ упустить изъ вида, что совершенно независимое отправленіе уголовнаго суда въ войскѣ и флотѣ окажетъ значительное содѣйствіе его цѣлямъ. Эти соображенія, вѣроятно, побудили Французское правительство распространить вѣдомство военнаго суда. Но тамъ, гдѣ общественная власть существуетъ не на такихъ зыбкихъ основаніяхъ, но покоится на безпредѣльной преданности всего народа правительственному началу, гдѣ нѣтъ причинъ ожидать ежедневныхъ смутъ и волненій, тамъ не предстоитъ надобности стремиться къ совершенному разъединенію войска отъ прочихъ подданныхъ, а слѣдовательно принимать содѣйствующія къ тому мѣры. Кромѣ такого распространенія вѣдомства военныхъ и морскихъ судовъ мы не можемъ пройти молчаніемъ слѣдующее видимое несоотвѣтствіе, замѣчаемое между началами военнаго и морскаго законодательства во Франціи. Въ военномъ вѣдомствѣ, въ мирное время, принято правиломъ, что лица, не принадлежащія къ составу арміи, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть преданы военному суду; въ морскомъ же вѣдомствѣ, напротивъ, всѣ преступленія, учиненныя на корабляхъ, и преступленія противъ полицейскихъ правилъ, безопасности и морской службы въ портахъ и арсеналахъ, безъ различія виновныхъ въ нихъ лицъ, подсудны морскому уголовному суду. Изъ этого очевидно, что при опредѣленіи вѣдомства воен-

ныхъ и морскихъ судовъ не приняты одинаковыя основанія. Подчиненіе всѣхъ нарушителей закона на корабляхъ морскому суду, по нашему мнѣнію, можетъ еще быть оправдано необходимостью удержать въ должномъ повиновеніи находящіяся на нихъ лица, такъ какъ примѣръ нѣсколькихъ человѣкъ, хотя совсѣмъ и постороннихъ флоту, можетъ увлечь большинство экипажа и сопровождаться самыми плачевными послѣдствіями. Но подчинять портовыя и арсенальныя нарушенія вѣдомству спеціальнаго суда уже потому несообразно, что тѣ же самыя проступки въ арсеналахъ и магазинахъ военнаго вѣдомства, въ случаѣ учиненія невоеннослужащими, предоставлены суду общихъ уголовныхъ судилищъ.

Порядокъ военнаго суда, существующій во Франціи, усвоенъ съ незначительными измѣненіями въ Бельгіи (*).

Въ Пруссіи подсудность военнымъ судамъ различна, смотря по мирному и военному времени. Въ мирное время военному суду подлежатъ: 1) всѣ лица, принадлежащія къ военному сословію; 2) чиновники военнаго управленія; 3) уволенные съ производствомъ содержанія, состоящіе для порученій и находящіеся въ отставкѣ съ пенсіономъ; 4) военные учители и воспитанники военноучебныхъ заведеній, если для нихъ не постановлено особыхъ предписаній.

Вѣдомство военнаго суда простирается на всѣ преступленія и проступки и на дѣла объ оскорбленіяхъ, если они по роду своему подлежатъ судебному разсмотрѣнію и наказанію. Гражданскимъ судамъ предоставлено изслѣдованіе и постановленіе приговоровъ по финансовымъ и полицейскимъ нарушеніямъ и несоблюденіямъ правилъ, установленныхъ относительно охоты и рыбной ловли, однако въ тѣхъ только случаяхъ, когда за это полагается денежный штрафъ или конфискація. Если же за подобнаго рода нарушенія постановлено наказаніе, состоящее въ лишеніи свободы, или если съ совершеніемъ ихъ соединено какое-либо другое преступленіе, то изслѣдованіе и постановленіе приговора исключительно принадлежитъ военнымъ судамъ.

(*) См. у Chaveau et Helie: Théorie du Code pénal, Bruxelles, 1838, chap. 3, и у Sommer: Uber die Militair-Justiz въ Krit. Zeitsch. für Rechtsw. etc. B. 10, Th. 2, S. 318.

Подсудность военному суду начинается съ самаго перваго дня поступленія или опредѣленія въ военное вѣдомство и оканчивается съ совершеннымъ изъ него увольненіемъ или исключеніемъ. Впрочемъ съ переходомъ военнослужащихъ въ состояніе отпускное (Beurlaubtenstand) прекращается въ большей части случаевъ подсудность военному суду. Въ этомъ состояніи лица военнаго вѣдомства подлежатъ гражданскому суду во всѣхъ случаяхъ, кромѣ неповиновенія и сопротивленія приказаніямъ начальства, побѣга, нанесенія въ военной формѣ оскорбленія высшему военному лицу, участія въ совершеніи военнаго преступленія, злоупотребленія военной власти, несоблюденія подчиненности при подачѣ прошеній, относящихся до службы, вызова на дуэль и поединка, остающихся предметами вѣдомства военныхъ судовъ. Состоящіе въ отпуску подлежатъ гражданскому суду только во время дѣйствительной бытности въ отпуску, при созваніи же ихъ для служебныхъ цѣлей, они, на время сбора, снова за всѣ преступленія судятся военнымъ судомъ.

Прусскій уголовный кодексъ положительно разрѣшаетъ нѣкоторые второстепенные вопросы о подсудности. Такъ между прочимъ, преступленіе, совершенное до поступленія въ военное званіе, если оно, по предварительному обозрѣнію вины, не влечетъ за собою болѣе строгаго наказанія, чѣмъ трехмѣсячное лишеніе свободы, передается, для изслѣдованія и произнесенія приговора, военному суду. Въ противномъ случаѣ, обвиняемое лице увольняется изъ военнаго званія и производство дѣла предоставляется надлежащему гражданскому суду. Если гражданскій судъ приговорилъ обвиняемаго къ наказанію не свыше трехмѣсячнаго лишенія свободы, то такое наказаніе измѣняется военнымъ судомъ въ соотвѣтственное военное наказаніе и приводится въ исполненіе. Когда же мѣра назначеннаго наказанія превышаетъ эту норму, то виновный предается для исполненія приговора гражданскому начальству. Если, при окончаніи срока службы, военное лице будетъ находиться подъ слѣдствіемъ за совершеніе только общаго уголовнаго преступленія, то дальнѣйшее производство его передается гражданскому начальству въ томъ случаѣ, когда подсудимый будетъ находиться на свободѣ. Срочные отпуски, временное занятіе должностей въ гражданской или общинной службѣ военными лицами, не измѣня-

няютъ подсудности ихъ. Впрочемъ, если, при нахожденіи въ такихъ должностяхъ, ими учинены проступки противъ гражданской, государственной или общинной службы, то военный судъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиняемыя лица не принадлежатъ къ офицерскому званію, имѣетъ право предоставить сужденіе ихъ гражданскому суду, вѣдомству котораго, во всякомъ случаѣ, подлежатъ маловажные служебные проступки. Приведеніе приговоровъ въ исполненіе должно однако совершаться военнымъ судомъ, который, въ надлежащихъ случаяхъ, замѣняетъ видъ гражданскаго наказанія военнымъ.

Въ военное время военному суду, кромѣ поименованныхъ лицъ, подлежатъ: 1) всѣ лица, состоящія при дѣйствующихъ войскахъ или слѣдующія при арміи; 2) допущенные въ прусскія войска иностранные офицеры и лица при нихъ находящіяся; 3) военноплѣнные; 4) подданные прусскаго государства и иностранцы, которые, въ мѣстѣ расположенія дѣйствующихъ войскъ, будутъ изобличены въ намѣреніи измѣнническимъ дѣйствіемъ причинить опасность или вредъ войскамъ.

Военноуголовная расправа (Militairgerichtsbarkeit in Criminalsachen) въ Пруссіи подраздѣляется на высшую и низшую. Высшей подлежатъ: 1) всѣ преступленія и проступки офицеровъ и высшихъ воинскихъ чиновниковъ; 2) преступленія прочихъ лицъ, подвѣдомственныхъ военной подсудности, когда за совершеніе ихъ опредѣлена смертная казнь, заключеніе въ крѣпость или изгнаніе изъ военнаго сословія. Всѣ прочія преступленія составляютъ предметъ низшей расправы.

Это раздѣленіе имѣетъ то значеніе, что преступленія, подлежащія высшей расправѣ, вѣдаются въ отдѣльныхъ судебныхъ мѣстахъ отъ тѣхъ, которыя подлежатъ низшей. Проступки, составляющіе предметъ низшей расправы, обсуживаются особыми военносудными коммисіями (Standgerichte), а преступленія, отнесенныя къ вѣдомству высшей расправы, разсматриваются и рѣшатся въ военныхъ судахъ (Kriegsgerichte). Различіе между штандъ-и кригсгерихтами заключается въ составѣ ихъ. Постановленія какъ тѣхъ, такъ и другихъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, закономъ опредѣленныхъ, восходятъ на ревизію генералъ-аудиторіата, который иногда составляетъ и первую инстанцію, именно при обсужденіи преступ-

леній состоящихъ при войскахъ пасторовъ, кистеровъ, аудиторовъ и актуаріусовъ. Приговоры его относительно этихъ лицъ подлежатъ ревизіи каммергерихта въ Берлинѣ.

Раздѣленіе военноуголовной расправы на высшую и низшую имѣетъ значеніе и по отношенію къ составу слѣдственныхъ судовъ (Untersuchungsgerichte). Между тѣмъ какъ по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію высшей расправы, слѣдствіе должно быть произведено въ присутствіи двухъ офицеровъ (ассистентовъ), въ случаяхъ, предоставленныхъ низшей расправѣ, необходимъ только одинъ ассистентъ. При производствѣ слѣдствій дозволяется замѣнять аудитора гражданскимъ судебнымъ чиновникомъ.

Настоящее изложеніе показываетъ, что порядокъ Прусскаго уголовнаго суда не столь близко осуществляетъ начала теоріи, какъ Прусскіе военноуголовные законы. Впрочемъ, ограниченіе военноуголовнаго суда только лицами военнаго сословія и предоставленіе преступленій уволенныхъ въ отпускъ лицъ, въ большей части случаевъ, суду гражданскому составляютъ утѣшительныя явленія, заставляющія ожидать еще болѣе благодѣтельныхъ перемѣнъ.

Также какъ въ Пруссіи, военному суду подлежатъ всѣ преступленія и проступки военнослужащихъ и въ королевствахъ Баварскомъ, Ганноверскомъ и Виртембергскомъ, въ Курфиршествѣ и Великомъ Герцогствѣ Гессенскихъ, въ герцогствахъ Ангальтъ-Дессаускомъ, Ангальтъ-Кетенскомъ, Брауншвейгскомъ (*) и Нассаускомъ, въ княжествахъ Липпе-Детмольдскомъ, Шаумбургъ-Липпе и Рейсскихъ (**). Въ королевствѣ Баварскомъ особаго вниманія заслуживаетъ устройство генералъ-аудиторіата. При сужденіи военныхъ преступленій, онъ составляется изъ президента, четырехъ штабъ-офицеровъ и двухъ оберъ-аудиторовъ; когда же разсматриваются

(*) Въ Брауншвейгѣ съ 17 апрѣля 1815 г. по 12 іюля 1835 г. общія преступленія военнослужащихъ подлежали суду гражданскому; въ 1835 году изданы были новые воинскіе артикулы для Брауншвейгскихъ войскъ и съ того времени измѣнился вышеприведенный порядокъ разсмотрѣнія общихъ преступленій военнослужащихъ. См. у Hauff'а въ Krit. Zeitsch. für die Gesetzgeb. des Ausl. 10 B. 2 Th. Ueber die Militairjustiz, S. 300—331.

(**) Краткое указаніе правилъ судоустройства и вѣдомства военныхъ судовъ въ этихъ государствахъ находится въ Hauff's Gerichtsverfassung der sämmtlichen deutschen Staaten.

общія уголовныя преступленія, то въ постановленіи приговора учавствуютъ президентъ, генералъ-аудиторъ и 7 оберъ-аудиторовъ. Такой составъ Баварскаго генералъ-аудиторіата доказываетъ, что Баварское правительство пришло къ сознанію высказанной и нами мысли о невполнѣ достаточныхъ юридическихъ свѣдѣніяхъ военныхъ чиновъ для правильнаго и вполнѣ законнаго постановленія приговоровъ по общимъ уголовнымъ преступленіямъ.

Теперь остается намъ сказать нѣсколько словъ о томъ небольшомъ числѣ государствъ, которыя распространили до крайняго предѣла вѣдомство военнаго суда. Къ этимъ государствамъ, сколько намъ извѣстно, принадлежатъ Имперія Австрійская и Великія Герцогства Мекленбургъ-Шверинское и Стрелицкое. Впрочемъ, о существующемъ въ этихъ государствахъ порядкѣ военнаго суда свѣдѣнія наши весьма недостаточны и состоятъ изъ тѣхъ немногихъ данныхъ, которыя помѣщены у Гауфа въ его Gerichtsverfassung der sämmtlichen deutschen Staaten (стр. 30 и слѣд. и стр. 169—178.)

Въ Австріи и въ обоихъ Мекленбургскихъ Герцогствахъ военному суду подлежатъ не только всѣ военнослужащіе или лица, имѣющія какое либо соприкосновеніе съ военною частію, но и жены, дѣти и прислуга этихъ лицъ; притомъ не только по однимъ уголовнымъ дѣламъ, а даже по гражданскимъ (*). Для сужденія вообще всѣхъ дѣлъ, предоставленныхъ военному суду, существуютъ

(*) Въ нѣкоторыхъ государствахъ Германіи военнослужащіе до сихъ поръ пользуются отдѣльнымъ для нихъ порядкомъ разбирательства гражданскихъ дѣлъ. Такъ это существуетъ въ Ганноверѣ, Саксоніи, Баденѣ, Ольденбургѣ, Саксенъ-Веймарѣ-Эйзенахскомъ, Саксенъ-Кобургѣ Готскомъ, Липпе-Детмольдѣ, Шаунбургѣ-Липпе и княжествѣ Рейссъ старшей линіи. Въ каждомъ почти государствѣ свои особенныя по сему предмету правила; въ нѣкоторыхъ всѣ гражданскія дѣла военнослужащихъ, и во всѣхъ инстанціяхъ, подлежатъ отдѣльному, имъ только свойственному, производству, въ другихъ же, и въ большей части изъ нихъ, это допускается только по нѣкоторымъ дѣламъ и то въ первой степени суда, дальнѣйшее же движеніе они получаютъ сообразно съ общимъ существующимъ въ государствѣ порядкомъ суда для гражданскихъ дѣлъ.

Предоставленіе военнослужащимъ такого особаго разбирательства гражданскихъ дѣлъ свидѣтельствуетъ о весьма несовершенномъ судоустройствѣ этихъ государствъ. Такое преимущество ничѣмъ не оправдывается, но въ отношеніи политическомъ даже вредно, потому что совершенно изолируетъ

въ Австріи три инстанціи: 1) низшіе суды различныхъ наименованій, 2) императорскій общій военно-апелляціонный судъ въ Вѣнѣ и 3) императорскій высшій военный судъ.

Въ Мекленбургъ-Стрелицѣ военноуголовныя дѣла подлежатъ вѣдѣнію военнаго коллегіума, въ Мекленбуръ-Шверинѣ—вѣдѣнію военныхъ судовъ.

Нами уже выше объяснено, сколь несовмѣстно такое устройство военнаго правосудія съ теоретическими началами.

ГЛАВА III.

О подсудности преступленій, совершенныхъ военнослужащими вмѣстѣ съ гражданскими подданными.

До сихъ поръ мы занимались изложеніемъ существующаго въ различныхъ государствахъ порядка суда военнослужащихъ по уголовнымъ преступленіямъ. Теперь слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о предметѣ, оставленномъ доселѣ безъ вниманія, но тѣмъ не менѣе не лишенномъ интереса и заслуживающемъ разсмотрѣнія. Мы хотимъ говорить о томъ, на какихъ основаніяхъ должны производиться изслѣдованіе и судъ въ случаяхъ совмѣстнаго совершенія преступленія противъ общихъ уголовныхъ законовъ лицами гражданскими и военными. Вопросъ этотъ можетъ возникнуть только въ тѣхъ государствахъ, гдѣ общія преступленія военнослужащихъ подлежатъ суду спеціальныхъ судовъ.

Бельгійскій ученый Бошъ (*) предлагаетъ три способа разрѣшенія этого вопроса: 1) предавать всѣхъ участниковъ преступленія гражданскому суду, и 2) лица гражданскаго вѣдомства подвер-

---

военнослужащихъ отъ прочихъ подданныхъ. Нелучше ли было бы устроить такимъ образомъ, какъ въ Россіи, Франціи, Пруссіи и другихъ государствахъ, гдѣ всѣ подданные безъ различія имѣютъ одинаковый порядокъ гражданскаго суда, а въ военное-время военнослужащимъ предоставляются необходимыя льготы.

(*) Droit pénal et discipline militaire. Bruxelles. 1838 г. См. въ Kritische Zeitschrift für Rechtswissenschaft und Gesetzgebung des Auslands, B. VIII, S. 300—331, критическій разборъ этого сочиненія.

гать суду гражданскому, а военныхъ военному, 3) составить совмѣстный судъ изъ гражданскихъ и военныхъ лицъ.

Первый способъ разрѣшенія принятъ во Франціи, Бельгіи, Саксоніи и Баденѣ, второй въ Баваріи и Пруссіи, но съ тою особенностію, что слѣдствіе производится совмѣстною коммисіею изъ лицъ гражданскаго и военнаго вѣдомства. Кромѣ того въ Пруссіи установлено, что по окончаніи слѣдствія сперва судятся военные участники, а къ сужденію лицъ гражданскаго вѣдомства приступаютъ по произнесеніи приговора военнымъ судомъ. На измѣненіе этого порядка, вслѣдствіе какихъ-либо обстоятельствъ, должно быть испрашиваемо разрѣшеніе Короля. Намъ неизвѣстно, имѣетъ ли примѣненіе третій способъ.

Съ теоретической точки зрѣнія первое разрѣшеніе этого вопроса самое справедливое. Если общія преступленія военнослужащихъ по теоріи должны составлять принадлежность гражданскихъ судовъ, а военнослужащіе, ихъ совершившіе, подлежать наказанію на основаніяхъ, установленныхъ для прочихъ подданныхъ, то тѣмъ болѣе сужденіе соучастниковъ этихъ преступленій должно происходить на одинаковыхъ началахъ. Иначе для всѣхъ будетъ ясна и очевидна строгость въ отношеніи однихъ, послабленіе другимъ. Третій способъ разрѣшенія удовлетворителенъ въ томъ отношеніи, что обезпечиваетъ всѣмъ соучастникамъ въ преступленіи одинаковое на него воззрѣніе. Второй же не заключаетъ въ себѣ ни одного изъ этихъ преимуществъ. Если принять его, то должно по крайней мѣрѣ послѣдовать примѣру Пруссіи, гдѣ опредѣлено, что лица гражданскаго вѣдомства предаются сужденію по окончаніи суда военнаго. Этимъ способомъ представляется возможность избѣгнуть различнаго воззрѣнія на преступленіе, что легко можетъ произойти, если одновременно и независимо одинъ отъ другаго будетъ производиться судъ военный и гражданскій. Намъ казалось бы однако болѣе справедливымъ, чтобы судъ гражданскій предшествовалъ военному, такъ какъ въ гражданскихъ судилищахъ руководствуются, при обсужденіи преступленій, бо́льшею снисходительностію къ винѣ подсудимаго, нежели въ военныхъ, а это получаетъ особенное значеніе въ государствахъ, гдѣ общія преступленія военнослужащихъ обсуживаются на основаніи особыхъ, болѣе строгихъ правилъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О вѣдомствѣ военноуголовныхъ судовъ въ Россіи.

Общія положенія о военной подсудности и лица, ей подлежащія, опредѣлены въ 1-й и 2-ой главахъ вторыхъ книгъ Военно-уголовнаго Устава и Свода морскихъ уголовныхъ постановленій. По принятымъ здѣсь основаніямъ военному суду подвергаются не одни военнослужащіе, но и лица гражданскаго вѣдомства. Впрочемъ власть военныхъ судовъ не распространяется на младенцевъ и женскій полъ. Только женщины въ Черноморскомъ и Кавказскомъ линейномъ казачьихъ войскахъ и женщины, обвиняемыя въ нарушеніи законовъ о золотыхъ, серебряныхъ и платиновыхъ промыслахъ, вмѣстѣ съ лицами мужескаго пола, составляютъ исключеніе изъ этого общаго правила. Онѣ судятся военнымъ судомъ, но при постановленіи о нихъ приговоровъ принимаются въ руководство гражданскіе уголовные законы.

По дѣйствующимъ узаконеніямъ, лица, подлежащія въ Россіи военному суду дѣлятся на двѣ категоріи: на лица, подлежащія ему *за всѣ* или только *за нѣкоторыя* преступленія.

Исчисленіе первыхъ находится въ 5 ст. II кн. Военноуголовнаго устава и въ пунктахъ 1—3, 6, 8, 11—13, 15 и 16 статьи 4-й II-ой же книги Морскихъ Уголовныхъ постановленій. Исчисленіе вторыхъ помѣщено въ 6-й ст. той же книги Военно-уголовнаго устава и въ остальныхъ пунктахъ вышеприведенной 4-й ст. Морскихъ уголовныхъ постановленій.

Чтобы дать понятіе о томъ, сколь обширно вѣдомство военнаго суда въ Россіи, мы считаемъ достаточнымъ сказать, что вышеозначенныя 5 и 6 ст. Военно-уголовнаго устава исчисляютъ 70 разрядовъ лицъ, подлежащихъ военному суду: *тридцать одинъ* разрядъ подлежатъ ему за всѣ, а *тридцать девять* разрядовъ за нѣкоторыя преступленія. Большая часть лицъ, исчисляемыхъ въ этихъ разрядахъ, принадлежатъ къ гражданскому вѣдомству, поэтому, при дальнѣйшемъ изложеніи, мы не будемъ держаться системы Военно-уголовнаго устава, но примемъ другую, сообразную съ самымъ различіемъ лицъ, подлежащихъ военной подсудности. Такимъ образомъ, мы сперва изложимъ узаконенія о военной подсудности лицъ, состоящихъ въ военномъ и морскомъ вѣдомствахъ, а

затѣмъ приведемъ тѣ, которыя постановлены для гражданскихъ лицъ, подлежащихъ военному суду.

Принимая этотъ порядокъ въ изложеніи, прежде всего намъ предстоитъ опредѣлить: какіе изъ вышеприведенныхъ 70 разрядовъ лицъ должны быть признаны состоящими въ военномъ или морскомъ вѣдомствѣ и какія въ гражданскомъ.

По отсутствію такого опредѣленія въ нашихъ военно-уголовныхъ законахъ, мы можемъ вывести его не иначе, какъ познакомившись предварительно съ основнымъ правиломъ военно-уголовной подсудности въ Россіи. Этимъ правиломъ установлено, что *никто изъ лицъ въ военномъ или морскомъ вѣдомствѣ состоящихъ не можетъ быть подвергнутъ уголовнымъ наказаніямъ безъ обнаруженія вины слѣдствіемъ и опредѣленія степени ея военнымъ судомъ.* Отсюда слѣдуетъ, что всѣ лица 39 послѣднихъ разрядовъ, т. е. подлежащихъ военному суду за совершеніе только нѣкоторыхъ преступленій, не входятъ въ составъ военнаго или морскаго вѣдомства, а принадлежатъ къ гражданскому. Такимъ образомъ, чтобы вывести наше опредѣленіе, остается войти только въ ближайшее разсмотрѣніе первыхъ 31 разрядовъ лицъ, подлежащихъ военному суду, и указать, какія изъ нихъ принадлежатъ къ тому или другому вѣдомству. Къ категоріи военнослужащихъ мы причислимъ, во первыхъ, тѣхъ, которые очевидно принадлежатъ къ военному или морскому вѣдомству, и во вторыхъ, тѣхъ, которые состоятъ съ нимъ въ какой либо связи или по военному управленію или потому, что прежде состояли па дѣйствительной военной службѣ или наконецъ потому, что удовлетворяютъ тѣмъ или другимъ потребностямъ военнаго управленія. Къ числу же гражданскихъ лицъ мы, изъ этихъ разрядовъ, отнесемъ слѣдовательно только тѣхъ, которыя не имѣютъ никакого соотношенія съ военнымъ вѣдомствомъ и ни подъ какимъ видомъ не могутъ быть причислены къ его составу.

Чтобы не нарушить единства изложенія, мы помѣщаемъ составленное, на основаніи вышеизложенныхъ соображеній, перечисленіе военныхъ и гражданскихъ лицъ, подлежащихъ военному суду, въ особомъ приложеніи при настоящей статьѣ. Затѣмъ обращаемся къ изложенію правилъ военной подсудности лицъ, принадлежащихъ къ военному или морскому вѣдомству.

Уголовная подсудность лицъ, состоящихъ въ военномъ и мор-

скомъ вѣдомствахъ, образована на совершенно одинаковыхъ началахъ. Потому, при нашемъ изложеніи, мы преимущественно будемъ держаться Военно-Уголовнаго Устава, прибѣгая къ Своду Морскихъ Уголовныхъ постановленій только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ немъ опредѣлены особыя для морскаго вѣдомства изъятія. Главнѣйшія положенія уголовной подсудности военнослужащихъ слѣдующія:

1) никто изъ лицъ, въ военномъ или морскомъ вѣдомствѣ состоящихъ, не можетъ быть подвергнутъ уголовнымъ наказаніямъ, безъ обнаруженія вины слѣдствіемъ и опредѣленія степени ея военнымъ судомъ.

2) Всѣ лица, имѣющія какое либо соприкосновеніе съ войскомъ, почитаются военными и подлежатъ за преступленія и проступки военному суду.

3) Подсудность военному суду начинается съ момента принятія въ рекруты и оканчивается только съ совершеннымъ увольненіемъ изъ военнаго вѣдомства. Исправленіе гражданскихъ должностей, состояніе въ отпускахъ и увольненіе нижнихъ чиновъ отъ службы, ранѣе выслуги лѣтъ, не измѣняютъ уголовной подсудности военнослужащихъ.

Разсмотримъ эти положенія подробнѣе.

1) Коренное общее правило, что лица, состоящія въ военномъ или морскомъ вѣдомствахъ, могутъ быть подвергнуты уголовнымъ наказаніямъ только чрезъ военный судъ (*), допускаетъ два исключенія: а) по отношенію къ дѣламъ, составляющимъ исключительную принадлежность суда духовнаго и б) по дѣламъ объ оскорбленіи родителей дѣтьми. Эти послѣднія вѣдались въ Совѣстныхъ Судахъ до упраздненія ихъ, а теперь разсматриваются въ Судебныхъ Палатахъ.

2) Новѣйшія законодательства имѣютъ своею тенденціею все болѣе и болѣе ограничить кругъ дѣйствія военнаго правосудія, предоставляя ему возможно меньшее число дѣлъ и лицъ. Въ нашемъ законодательствѣ поприще его однако еще весьма обширно. Не говоря уже о множествѣ гражданскихъ лицъ, на которыхъ распро-

(*) Ст. 1 кн. II Военно-уголовнаго Устава и ст. 1 кн. II Св. Морс. Уголов. пост.

страпено дѣйствіе его, кромѣ военнослужащихъ, находящихся на дѣйствительной службѣ, ему подлежатъ и всѣ лица, имѣющія или даже когда либо только имѣвшія соприкосновенія съ военнымъ или морскимъ вѣдомствомъ. Такимъ образомъ военнымъ судомъ судятся: а) лица, состоящія подъ военнымъ управленіемъ (Калмыки, Тептяри, Башкиры, Мещеряки и чины казачьихъ сословій Сибирскихъ войскъ, а прежде военные поселяне и пахатные солдаты и кантонисты); б) лица, состоявшія прежде на дѣйствительной военной службѣ и уволенныя изъ нея въ гражданское вѣдомство (писцы присутственныхъ мѣстъ Закавказскаго края, поступившіе изъ кантонистовъ, а также полицейскіе служители, нижніе чины всѣхъ гражданскихъ вѣдомствъ, объѣздчики таможенной стражи, станціонные почтовые смотрители, если всѣ эти лица поступили въ настоящія ихъ званія по назначенію изъ военнаго вѣдомства) и в) лица, удовлетворяющія потребностямъ военнаго управленія (состоящія на дѣйствительной заводской службѣ на Тульскомъ, Сестрорѣцкомъ и Ижевскомъ заводахъ, крестьяне имѣній военнаго вѣдомства въ губерніяхъ Кіевской и Подольской, жители селеній адмиралтейству принадлежащихъ, а до апрѣля 1859 года Охтенскіе поселяне, нынѣ уволенные изъ морскаго вѣдомства).

3) Особыхъ статей, въ которыхъ бы опредѣлялось, когда начинается дѣйствіе военной подсудности и когда оно прекращается, не встрѣчается въ русскихъ военноуголовныхъ законахъ. Разъясненіе этихъ вопросовъ находится въ приведенной 5-й статьѣ Военноуголовнаго Устава. Здѣсь опредѣлено, что одно принятіе въ рекруты, даже до принесенія присяги, достаточно для установленія военной подсудности, которой кромѣ того подлежатъ ложное объявленіе внутреннихъ болѣзней, избавляющихъ отъ рекрутства, укрывательство отъ отправленія рекрутской повинности и безвѣстное отсутствіе (п. 10 и прим.). Ей же подвѣдомы всѣ преступленія нижнихъ чиновъ, учиненныя до поступленія въ военную службу. Произведенныя надъ ними слѣдствія въ гражданскомъ вѣдомствѣ отсылаются къ военному начальству (п. 14 и прим.).

Военная подсудность прекращается съ полученіемъ отставки. Но отставные чины за преступленія, учиненныя во время нахожденія въ службѣ, подлежатъ военному суду. Ему же подвергаются во всѣхъ случаяхъ нижніе чины, уволенные отъ службы не за вы-

слугу лѣтъ, а по совершенной неспособности къ ней отъ ранъ, увѣчья и болѣзней, если они, по строгомъ медицинскомъ освидѣтельствованіи, окажутся годными къ службѣ или подающими надежду на эту способность въ будущемъ (п. 12). Нижніе чины, штрафованные по суду и не могущіе поэтому быть отставленными отъ службы, но уволенные отъ исправленія должностей по тяжкимъ болѣзнямъ и увѣчью, подлежатъ военной подсудности наравнѣ съ состоящими на дѣйствительной службѣ (п. 13).

Наконецъ военнымъ судомъ разсматриваются всѣ преступленія нижнихъ чиновъ, находящихся въ безсрочномъ отпуску, до полученія ими совершенной отъ службы отставки.

Прочія правила уголовной подсудности военнослужащихъ состоятъ въ слѣдующемъ:

Военнослужащіе за преступленія и проступки предаются военному суду или по Высочайшему повелѣнію или по распоряженію военныхъ начальниковъ, власть на то имѣющихъ (ст. 20).

Военный судъ производится или постоянными или временно наряжаемыми Коммисіями (статья 269). Постоянныхъ Коммисій шесть: при казачьихъ войскахъ Донскомъ, Черноморскомъ, Уральскомъ, Оренбургскомъ и Дунайскомъ и въ крѣпости Новыхъ Закаталахъ, для сужденія горскихъ племенъ, поступившихъ въ округи, порученные военному управленію (пр. къ 269 ст.). Гдѣ нѣтъ постоянныхъ Коммисій, тамъ для каждаго дѣла наряжается особая временная. Временныя Коммисіи учреждаются при полкахъ, батальонахъ, командахъ или при ордонансгаузахъ и другихъ мѣстахъ военнаго управленія. Для присутствованія въ нихъ каждый разъ назначаются особый презусъ и ассесоры изъ офицеровъ. Въ настоящее время при 15 ордонансгаузахъ, исчисленныхъ во 2 примѣчаніи къ 274 ст. II кн. Воен. Уголов. устав., и при Коммисіи военнаго суда, учрежденной въ крѣпости Новыхъ Закаталахъ, назначены постоянные презусы, а въ Коммисіяхъ военнаго суда при С.-Петербургскомъ, Московскомъ, Кіевскомъ, Тифлисскомъ и Варшавскомъ ордонансгаузахъ имѣются кромѣ того по четыре постоянныхъ члена изъ оберъ-офицеровъ.

Временно наряжаемые военные суды бываютъ или обыкновенные, или генеральные. Послѣдніе учреждаются для сужденія: 1) о преступленіяхъ цѣлыхъ командъ, 2) о преступленіяхъ выс-

шихъ воинскихъ чиновъ, касающихся чести и жизни и 3) объ оскорбленіи или убійствѣ фельдмаршала или другихъ высшихъ чиновъ. Прочія преступленія судятся въ обыкновенныхъ судахъ, но по преступленіямъ противъ первыхъ двухъ пунктовъ можетъ быть учрежденъ особый судъ по Высочайшему Его Императорскаго Величества указанію (ст. 277). Какъ генеральные, такъ и обыкновенные суды составляются изъ семи лицъ (ст. 273 и 274).

Военные суды въ опредѣленіи наказаній военнослужащихъ руководствуются Военно-уголовнымъ Уставомъ и Свод. Мор. Уголов. Пост. Но военные чиновники, занимающіе гражданскія должности, въ преступленіяхъ сихъ должностей, судятся на основаніи общихъ дѣйствующихъ уголовныхъ законовъ о преступленіяхъ чиновниковъ по гражданской службѣ (прим. къ 2 п. 5 ст.). При постановленіи приговоровъ по военносуднымъ дѣламъ, военные суды обязаны основывать ихъ на точной силѣ законовъ, безъ всякаго ослабленія, не принимая во вниманіе никакихъ причинъ, служащихъ къ облегченію судьбы подсудимыхъ, кромѣ тѣхъ, которыя указаны въ 109 ст. 1 кн. Военно Угол. Устав. (*) и на основаніи коихъ наказаніе можетъ быть смягчено, не въ родѣ, а въ видѣ его и степени. Право смягченія наказанія въ болѣе обширныхъ размѣрахъ предоставлено военнымъ начальникамъ, къ которымъ дѣла поступаютъ на ревизію изъ коммисій военнаго суда (ст. 394).

Военносудныя коммисіи не могутъ рѣшать окончательно военносудныхъ дѣлъ; они восходятъ изъ нихъ, вмѣстѣ съ учиненными по нимъ приговорами, на ревизію военныхъ начальниковъ (ст. 409). Послѣдніе, по мѣрѣ предоставленной имъ власти, или окончательно рѣшаютъ дѣло (конфирмуютъ приговоръ военнаго суда), или вносятъ его съ мнѣніемъ своимъ на разсмотрѣніе высшаго начальства. Тѣ дѣла, рѣшеніе которыхъ превышаетъ власть, данную военнымъ начальникамъ, представляются отъ нихъ съ мнѣніями въ Аудиторіатскій Департаментъ Военнаго Министерства, для вне-

(*) Въ означенной статьѣ приведены слѣдующіе случаи, имѣющіе вліяніе на смягченіе вида и степени наказанія: 1) когда по дѣлу ясно будетъ доказано, что преступленіе учинено не по злобѣ и обдуманному умыслу, но по глупости, простотѣ и легкомыслію, 2) когда доказано будетъ, что учинено по крайней нуждѣ и бѣдности и 3) когда доказано будетъ, что учинено при необходимой оборонѣ съ нарушеніемъ токмо предѣловъ, въ коихъ она дозволена.

сенія на ревизію и окончательное рѣшеніе въ Генералъ-Аудиторіатъ (ст. 418). На основаніи такого порядка, военносудное дѣло, по существу своему подлежащее рѣшенію Генералъ-Аудиторіата, изъ военной коммисіи чрезъ командира полка, представляется къ бригадному командиру (*), отъ него къ дивизіонному начальнику, отъ этого къ корпусному командиру и отъ сего послѣдняго къ главнокомандующему арміею, который вноситъ его въ Генералъ-Аудиторіатъ.

Обратимся теперь къ лицамъ гражданскаго вѣдомства, подлежащимъ военному суду.

Гражданскія лица, подлежащія военному суду, исчислены въ приложеніи подъ буквою Б; имѣющія военную подсудность за всѣ преступленія поименованы подъ буквою *а*, а за нѣкоторыя подъ буквою *б*.

Основанія, принятыя въ руководство при опредѣленіи нѣкоторымъ гражданскимъ лицамъ во всѣхъ случаяхъ военной подсудности, намъ неизвѣстны; въ отношеніи же прочихъ лицъ, подлежащихъ военному суду только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, эти основанія различны. Одни преступленія, кѣмъ бы ни были совершены, непремѣнно вѣдаются въ военныхъ судахъ, другія, если совершены извѣстнаго рода лицами, наконецъ третьи если учинены извѣстнымъ лицемъ и на извѣстномъ пространствѣ государства. Такимъ образомъ преступленія вышеозначенныхъ гражданскихъ лицъ предоставляются военному суду или 1) по самому свойству преступнаго дѣйствія или 2) по особому званію или особымъ качествамъ лица, учинившаго извѣстное преступленіе, или 3) по особымъ условіямъ и положенію мѣстности, въ пространствѣ которой совершено преступленіе. Какія гражданскія лица подвергаются военному суду по тому или другому основанію, можно видѣть изъ Приложенія.

Изъ числа гражданскихъ лицъ, судимыхъ военнымъ судомъ, для нѣкоторыхъ установленъ особый порядокъ его производства. Эти лица и существующія для нихъ формы военнаго суда означены въ 705—733 ст. II кн. Военноуголовнаго устава. Что же касается до

(*) По упраздненію въ недавное время этой должности намъ положительно неизвѣстно поступаетъ ли военно-судное дѣло прямо къ дивизіонному командиру или сперва къ его помощнику.

порядка суда надъ прочими гражданскими лицами, то въ Военноуголовномъ уставѣ и Морскихъ уголовныхъ постановленіяхъ не встрѣчается никакого объ этомъ объясненія. Такая неопредѣленность необходимо приводитъ къ заключенію, что по отношенію къ нимъ вполнѣ примѣнимы правила военнаго суда въ томъ видѣ, какъ онъ установленъ для военнослужащихъ. Тѣ лица, для которыхъ установленъ особый порядокъ военнаго суда, исчислены во II Приложеніи къ этой главѣ.

Всѣ эти лица, кромѣ жителей Закавказскаго края, которыя судятся по особымъ правиламъ, существовавшимъ до 10 апрѣля 1840 г., подлежатъ суду особыхъ смѣшанныхъ коммисій изъ чиновъ военнаго и гражданскаго вѣдомства. Презусъ и два ассессора назначаются отъ военнаго, а два остальные члена отъ гражданскаго или отъ того вѣдомства, къ коему принадлежитъ преступникъ или имѣетъ отношеніе самое преступленіе. Такъ, при карантинномъ нарушеніи назначаются, вмѣсто гражданскихъ членовъ, карантинные чиновники, а по преступленіямъ лицъ горнаго вѣдомства и относящимся до похищенія, недозволенной покупки и переплавки драгоцѣнныхъ металловъ наряжается ассесоръ отъ горнаго начальства. Приговоры смѣшанныхъ коммисій не подлежатъ тому порядку ревизіи, который установленъ для приговоровъ военныхъ судовъ. Они или утверждаются ближайшимъ мѣстнымъ начальствомъ, или идутъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ чрезъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ на утвержденіе Правительствующаго Сената. Этотъ послѣдній порядокъ существуетъ для лицъ, означенныхъ въ 1-мъ и 2-мъ пунктахъ Приложенія II. Въ Военноуголовномъ Уставѣ нѣтъ прямаго указанія, на основаніи какихъ законовъ военныхъ или гражданскихъ должны подлежать сужденію гражданскія лица, подлежащія военному суду. Разъясненіе этого сомнѣнія находится въ разсмотрѣнной уже нами 83 ст. означеннаго Устава. Здѣсь опредѣляется, что Уложеніе о Наказаніяхъ примѣняется къ лицамъ гражданскаго вѣдомства, предаваемымъ военному суду, только по преступленіямъ, о которыхъ въ Военноуголовномъ Уставѣ не упомянуто и не опредѣлено мѣры наказанія и вообще, когда въ немъ нѣтъ положительнаго закона. Изъ этого слѣдуетъ, что во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, т. е. когда въ Военноуголовномъ Уставѣ содержится надлежащее постановленіе, гражданскія лица, преданныя военному суду, под-

лежатъ сужденію на основаніи военноуголовныхъ законовъ. Впрочемъ во II книгѣ Военноуголовнаго Устава содержится нѣсколько частныхъ предписаній о примѣненіи, по извѣстнымъ преступленіямъ гражданскихъ лицъ, общихъ уголовныхъ узаконеній. Эти предписанія однако немногочисленны и относятся: 1) до карантинныхъ нарушеній, 2) возмущенія крестьянъ противъ помѣщиковъ и 3) тайнаго провоза товаровъ на Прусской границѣ. Независимо отъ сего изъ II кн. XV т. Св. Зак. Уголов. видно, что такое же изъятіе распространяется на преступленія похищенія, недозволенной покупки и переплавки драгоцѣнныхъ металловъ.

При совмѣстномъ совершеніи преступленія лицами гражданскаго и военнаго вѣдомствъ въ русскомъ законодательствѣ принято правиломъ: *судить каждаго своимъ судомъ*. Если къ возникшему въ гражданскомъ вѣдомствѣ слѣдствію окажутся прикосновенными лица военнаго званія, то гражданское начальство, по 1023—1034 ст. II кн. XV т. Зак. Уг., обязано потребовать депутата съ военной стороны. Подобно этому, если по военносудному дѣлу будутъ замѣшаны гражданскія лица, то слѣдствіе должно быть произведено при депутатѣ отъ гражданскаго вѣдомства (ст. 96 II кн. Военноуголов. Уст.). По окончаніи слѣдствія депутаты обязаны представить своему начальству засвидѣтельствованныя выписки объ обвиненіяхъ, падающихъ на лица ихъ вѣдомства, прикосновенныя къ дѣлу.

При разсмотрѣніи въ военносудныхъ коммисіяхъ такихъ дѣлъ, къ которымъ прикосновенны лица не военнаго вѣдомства, военные суды не дѣлаютъ о нихъ рѣшительнаго приговора или мнѣнія, а заключаютъ только, поступки этихъ лицъ предоставить разсмотрѣнію ихъ начальства (ст. 396). Тоже правило наблюдается и въ гражданскихъ судебныхъ мѣстахъ относительно военнослужащихъ.

Не вдаваясь въ излишнія подробности, мы кажется ничего не упустили для вѣрнаго изображенія правилъ военноуголовной подсудности въ Россіи. Полагая, что за симъ каждому легко будетъ уяснить себѣ, въ какой мѣрѣ принятыя въ Россіи начала соотвѣтствуютъ требованіямъ науки и сходствуютъ съ постановленіями того или другаго иностраннаго законодательства, во избѣжаніе

повторенія, мы ограничимся только нѣкоторыми замѣчаніями на главнѣйшія положенія дѣйствующихъ въ Россіи узаконеній по этой части.

I. Указанное выше значительное число гражданскихъ лицъ и гражданскихъ преступленій, подвергаемыхъ въ разныхъ случаяхъ военной подсудности, приводитъ къ той мысли, какъ будто бы общее уголовное правосудіе не вполнѣ достаточно для удержанія неблагонамѣренныхъ гражданъ отъ совершенія главнѣйшимъ образомъ такихъ преступленій, которыми особенно сильно нарушаются основныя условія государственной жизни, т. е. общественное спокойствіе, народное здравіе, неприкосновенность правъ. Въ противномъ случаѣ не было бы повода къ изъятію такихъ нарушеній изъ вѣдомства тѣхъ судебныхъ мѣстъ, на прямой обязанности которыхъ лежитъ сужденіе ихъ.

Если указанная причина дѣйствительно имѣла вліяніе на передачу многихъ преступленій военной подсудности, то остается разрѣшить два вопроса: 1) достигнута ли этимъ существенная польза и 2) не было ли другаго болѣе справедливаго средства, ведущаго къ той же цѣли, какъ установленіе военной подсудности.

Польза отъ передачи извѣстныхъ преступленій военной подсудности должна, по нашему мнѣнію, состоять въ болѣе рѣдкомъ совершеніи такихъ преступленій и въ уменьшеніи по нимъ самаго числа преступниковъ. Если этого не произошло, то цѣль, къ которой стремились, не достигнута, и значитъ, военная подсудность, обременяя напрасно участь подсудимыхъ, не въ состояніи принести той пользы, которую отъ нея ожидали. Чтобы удостовѣриться осуществляется ли военною подсудностію предположенная цѣль, необходимо сравнить статистическія данныя за опредѣленное число лѣтъ сужденія такихъ преступленій военнымъ судомъ, съ тѣми, которыя сохранились за послѣдніе годы подсудности ихъ гражданскимъ присутственнымъ мѣстамъ. Подобныхъ данныхъ у насъ въ виду нѣтъ, а безъ нихъ невозможно правильно разрѣшить этого вопроса, такъ какъ исторія уголовнаго законодательства представляетъ намъ примѣры, что назначеніе болѣе строгихъ наказаній не всегда имѣло послѣдствіемъ уменьшеніе числа преступленій, а нерѣдко даже вынуждала нарушителей къ бо̀льшей осторожности и ловкости въ совершеніи ихъ.

Если отсутствіе этихъ данныхъ не дозволяетъ намъ придти къ совершенно правильному рѣшенію, принесла ли военная подсудность пользу, которую отъ нея ожидали, то съ другой стороны мы можемъ указать на нѣкоторые факты, заставляющіе нѣсколько въ этомъ сомнѣваться. Такъ преступленія гражданскихъ лицъ, подлежащія военной подсудности, почти никогда не подвергаются полному раскрытію. Это проистекаетъ отъ того, что военные судьи весьма рѣдко обладаютъ необходимыми для такого дѣла свѣдѣніями, да притомъ, по крайней мѣрѣ въ большей части случаевъ, остаются совершенно равнодушными къ дѣлу правосудія, считая его, при другихъ прямыхъ своихъ обязанностяхъ, занятіемъ побочнымъ, для нихъ только обременительнымъ и не влекущемъ за собою никакой отвѣтственности. Кромѣ того самые военноуголовные законы по общимъ преступленіямъ до того неопредѣлительны, что по нимъ правильный судъ произвести едва ли возможно, даже вполнѣ образованнымъ юристамъ.

Но если предположить, что введеніе военной подсудности оказало нѣкоторую пользу, то представляется другой вопросъ: не было ли возможности достигнуть ея другимъ болѣе прямымъ путемъ. Въ этомъ случаѣ намъ кажется слѣдовало бы сперва прибѣгнуть къ измѣненію несоотвѣтствующаго своей цѣли общаго уголовнаго закона, облечь гражданскія уголовныя судилища большею властью и значеніемъ, вмѣстѣ съ введеніемъ въ нихъ быстраго дѣлопроизводства, и когда всѣ эти мѣры не повели бы къ желаемой цѣли приступить къ изысканію другихъ болѣе дѣйствительныхъ.

Замѣчаніе наше конечно не можетъ относиться къ лицамъ, для которыхъ военная подсудность установлена по высшимъ политическимъ и государственнымъ соображеніямъ.

II. Въ своемъ мѣстѣ мы указали какое обширное понятіе дается у насъ слову *военнослужащій*, по отношенію къ военной подсудности. Не только всѣ лица, состоящія на дѣйствительной военной или морской службѣ, но и всѣ имѣющія какое либо отношеніе къ военному или морскому вѣдомству считаются военными и потому подлежатъ военному суду. Между тѣмъ связь этихъ послѣднихъ лицъ съ военнымъ сословіемъ весьма слаба, заключаясь лишь въ томъ, что они подлежатъ или военному управленію, или прежде состояли на дѣйствительной военной службѣ, или наконецъ удовле-

творяютъ тѣмъ или другимъ потребностямъ военнаго управленія. Въ сущности они едва ли въ чемъ нибудь разнятся отъ гражданскихъ подданныхъ. Мирная ихъ жизнь обусловливаетъ и характеръ совершаемыхъ ими преступленій, которыя по роду своему ни въ какомъ случаѣ не будутъ воинскими нарушеніями. Самое неповиновеніе военному начальству, которымъ для нихъ замѣнено общее гражданское управленіе, не должно разсматривать какъ военное преступленіе, но какъ обыкновенное неповиновеніе установленнымъ въ государствѣ властямъ. Такъ какъ они существуютъ совершенно отдѣльно отъ дѣйствующихъ войскъ, то для нихъ можно было бы ввести болѣе снисходительные и человѣколюбивые законы уголовнаго суда и расправы безъ малѣйшаго вреда для дисциплины и повиновенія арміи. Мы согласны утверждать, что даже въ земляхъ казачьихъ и принадлежащихъ инородцамъ не предстоитъ надобности въ военномъ порядкѣ уголовнаго суда. Правда, что казаки и большая часть инородцевъ имѣютъ военную организацію и по первому призыву обязаны явиться на службу, но съ другой стороны они всетаки находятся въ гражданскомъ званіи и доколѣ не потребованы на службу должны пользоваться всѣми его преимуществами. Если допустить, что одна обязанность поступленія въ военную службу достаточна для установленія военной подсудности въ дѣлахъ уголовныхъ, то ей должны бы были подлежать всѣ подданные, обязанные рекрутствомъ.

Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, казалось бы, слѣдовало на первый разъ, пока не будетъ признано возможнымъ, общія преступленія военнослужащихъ отдать въ вѣдѣніе гражданскихъ судовъ, ограничить военную подсудность только лицами, состоящими въ дѣйствительной военной службѣ, прочихъ же предоставить сужденію общихъ уголовныхъ присутственныхъ мѣстъ. Этимъ достигнуты будутъ двѣ цѣли: 1) вѣдомство военнаго суда ограничилось бы однимъ только необходимымъ числомъ лицъ, справедливо ему подвѣдомственныхъ и 2) сократились бы издержки военноуголовнаго правосудія.

III. Изъ правила, что военному суду подлежатъ всѣ военнослужащіе до совершеннаго увольненія въ отставку, можно было бы въ нѣкоторыхъ случаяхъ постановить изъятіе для безсрочно-отпускныхъ и уволенныхъ въ продолжительные отпуски. Надзоръ воен-

наго начальства за такими лицами едва ли возможенъ или по крайней мѣрѣ весьма затруднителенъ. Между тѣмъ, по самому своему положенію, они чаще имѣютъ возможность преступить общіе уголовные законы, нежели особыя обязанности воинскаго званія. Такъ какъ они разбросаны по всей Россіи и живутъ преимущественно въ селеніяхъ, вдали отъ военнаго начальства, то преслѣдованіе преступленій ихъ военнымъ вѣдомствомъ сопряжено съ большими затрудненіями. Пока военное вѣдомство будетъ извѣщено о сдѣланныхъ ими нарушеніяхъ, слѣды преступленія могутъ легко исчезнуть и виновный останется безъ должнаго возмездія за свое беззаконіе. Если же предоставить общія преступленія означенныхъ лицъ преслѣдованію гражданскаго начальства, существующія нынѣ вредныя послѣдствія исчезнутъ сами собою. Подобный порядокъ, какъ мы видѣли, установленъ во Франціи, Пруссіи и другихъ германскихъ государствахъ.

IV. Военные суды преимущественно учреждаются по каждому отдѣльному дѣлу и за тѣмъ немедленно по произнесеніи приговора распускаются. Съ одной стороны этотъ порядокъ представляетъ тѣ удобства, что требуетъ меньшихъ издержекъ на производство военнаго суда, и что въ движеніи дѣла не можетъ быть допущено произвольной медленности, подъ предлогомъ ненаступленія очереди, неизготовленія къ слушанію и т. п. Но съ другой стороны, съ этимъ соединяется тотъ важный недостатокъ, что судьи часто не имѣютъ не только спеціальныхъ, но и самыхъ основныхъ знаній въ законахъ, и тѣмъ совершенно поставлены въ зависимость отъ дѣлопроизводителя. Едва ли несправедливо можно сказать, что военный судъ весьма часто собирается для одной только формы, а дѣло рѣшаетъ по своему усмотрѣнію аудиторъ. Въ настоящее время, неудобство это по военному вѣдомству отчасти устранено назначеніемъ при шести ордонансгаузахъ постоянныхъ презусовъ и асессоровъ военносудныхъ коммисій. Но этого весьма еще недостаточно для повсемѣстнаго искорененія означеннаго неудобства, которое можетъ быть вполнѣ устранено только посредствомъ учрежденія постоянныхъ судовъ во всемъ военномъ и морскомъ вѣдомствахъ.

V. По дѣйствующимъ законамъ, военные и морскіе суды имѣютъ весьма незавидную роль въ отправленіи уголовнаго правосудія. Имъ предоставлено только право постановлять по дѣламъ свое мнѣ-

ніе или заключеніе и притомъ основывать его на буквальномъ текстѣ закона, принимая въ рѣдкихъ только случаяхъ въ соображеніе особыя обстоятельства преступленія. Право же смягченія наказанія и утвержденія приговоровъ военныхъ судовъ имѣютъ военные начальники. Въ слѣдствіе этого, многія дѣла проходятъ три и болѣе инстанціи, пока по нимъ окончательно будутъ утверждены заключенія военносудныхъ коммисій. По нашему взгляду, разумѣется при хорошемъ устройствѣ военнаго суда, мнѣніе нѣсколькихъ лицъ, изъ которыхъ составляется военный судъ, призванныхъ именно для подробнаго и точнаго обсужденія дѣла, въ большей части случаевъ будетъ гораздо основательнѣе, нежели мнѣніе одного лица, имѣющаго при другихъ многосложныхъ занятіяхъ, весьма мало времени и возможности войти въ подробное разсмотрѣніе дѣла. Притомъ военносудная коммисія постоянно руководствуется духомъ неизмѣннаго закона, начальникъ же какъ лице, дѣйствующее произвольно, по личнымъ своимъ воззрѣніямъ, не можетъ положить справедливаго рѣшенія уже потому, что взгляды каждаго изъ нихъ бываютъ чрезвычайно различны. Поэтому, намъ казалось бы полезнымъ облечь военные суды большею властію въ постановленіи приговоровъ, съ разрѣшеніемъ принимать въ соображеніе обстоятельства, имѣющія вліяніе на виновность подсудимыхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ сократить и число ревизіонныхъ инстанціи, съ тѣмъ чтобы судъ прямо представлялъ свое опредѣленіе на утвержденіе того только начальника, который, по предоставленной ему власти, имѣетъ право окончательно его утвердить.

Въ заключеніе мы считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ касательно возможности ограниченія вѣдомства нашихъ военныхъ судовъ одними лишь служебными преступленіями и проступками военнослужащихъ.

Самая лучшая мысль, примѣненная не кстати и не во̀время, можетъ произвести больше вреда, нежели пользы. Такъ, въ настоящемъ случаѣ, по установившейся теоріи, слѣдовало бы у насъ ограничить вѣдомство военныхъ судовъ одними служебными преступленіями и проступками военнослужащихъ, между тѣмъ какъ при ближайшемъ знакомствѣ съ предметомъ, это оказывается едва ли полезнымъ и можетъ даже повести къ результату совершенно противуположному ожиданіямъ.

Иностранные ученые, писавшіе объ ограниченіи вѣдомства военныхъ судовъ, имѣли въ виду то обстоятельство, что въ государствахъ Западной Европы общее уголовное правосудіе представляетъ болѣе совершенный образъ устройства, нежели военноуголовное. Поэтому, требуя ограниченія вѣдомства военноуголовнаго суда, они дѣйствовали изъ побужденія предоставить наибольшему числу преступниковъ возможность пользованія благодѣтельными измѣненіями, введенными общимъ уголовнымъ закономъ. Въ Россіи представляется совершенно другое явленіе. Гражданское уголовное судопроизводство не отличается рѣзко отъ военнаго. Въ обѣихъ тотъ же порядокъ слѣдствія, тоже письменное и закрытое производство (*). Если гражданское судопроизводство и судоустройство усвоило себѣ нѣкоторыя усовершенствованія, и личный составъ гражданскихъ судовъ удовлетворительнѣе, нежели военныхъ, то все это еще весьма недостаточно для безспорнаго утвержденія за нимъ преимущества предъ военнымъ. Послѣднее обладаетъ даже качествомъ, котораго недостаетъ въ общемъ уголовномъ судопроизводствѣ, именно быстротою движенія дѣлъ.

Такимъ образомъ, если при настоящемъ состояніи гражданскаго уголовнаго судопроизводства въ Россіи, разсмотрѣнію общихъ уголовныхъ судилищъ предоставить всѣ преступленія военнослужащихъ, кромѣ служебныхъ проступковъ, то участь военныхъ подсудимыхъ ни въ чемъ бы не облегчилась, но могла бы еще подвергнуться большему обремененію, чрезъ продолжительное производство слѣдствія и суда. Поэтому мы признаемъ, что подобная мѣра, при всемъ превосходствѣ ея въ другихъ случаяхъ, была бы нынѣ у насъ преждевременною и несоотвѣтствующею цѣли. Къ ней можно будетъ приступить только тогда, когда общее уголовное правосудіе въ Россіи усвоитъ себѣ тѣ усовершенствованія, которыя уже приняты въ законодательствахъ Западной Европы и съ пользою примѣняются тамъ на практикѣ.

(*) Мы не включаемъ въ наше разсмотрѣніе постановленій Устава полеваго судопроизводства, такъ какъ правила его преимущественно имѣютъ примѣненіе въ военное время и потому не могутъ быть приняты въ соображеніе въ настоящемъ случаѣ. Кромѣ того они уже были подвергнуты подробному объясненію г. Яневичемъ-Яневскимъ въ 10 кн. Морск. Сборника за 1857 г.

Не считая себя въ правѣ и не признавая въ себѣ достаточнаго знанія, чтобы указать какихъ именно перемѣнъ требуетъ наше военное и морское уголовное правосудіе, мы однако не можемъ не выразить полнаго сочувствія къ морскому начальству, обнаружившему желаніе установить въ его вѣдомствѣ устность и гласность судопроизводства. Если это предположеніе осуществится и будетъ соединено съ учрежденіемъ постоянныхъ морскихъ судовъ, снабженныхъ дѣльными производителями, а главное членами, военнымъ судамъ будетъ предоставлено больше власти въ постановленіи приговоровъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ упростится порядокъ ревизіи военносудныхъ дѣлъ, то наше морское уголовное правосудіе сдѣлаетъ огромный шагъ впередъ и будетъ служить примѣромъ для прочихъ вѣдомствъ.

При такомъ образцовомъ устройствѣ военнаго судопроизводства, мы согласны даже допустить къ сужденію военныхъ судовъ гражданскихъ лицъ, въ особенности если въ постановленіи приговоровъ о нихъ будутъ принимаемы въ руководство общіе уголовные законы. За изъятіе изъ вѣдомства законныхъ судей, эти лица значительно вознаградятся болѣе справедливымъ, быстрымъ и нелицепріятнымъ обсужденіемъ ихъ дѣла.

Н. ПРИНЦЪ.

1859 г. авг.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

къ IV главѣ стр. 48.

Лица, подлежащія за преступленія и проступки сужденію военнаго суда.

А.) *состоящія въ военномъ и морскомъ вѣдомствахъ и находящіяся съ ними въ связи:* 1) военные и гражданскіе чины, состоящіе въ военномъ и морскомъ вѣдомствѣ; 2) иррегулярныя войска, находящіяся на дѣйствительной службѣ; 3) расположенныя въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ Россійскія Императорскія сухопутныя и морскія войска и всѣ при нихъ состоящіе гражданскіе чиновники, маркитанты и люди другихъ званій, а также и слуги при военныхъ чинахъ, если они не уроженцы Финляндіи; 4) всѣ отставные чины иррегулярныхъ войскъ; 5) всѣ чины казачьяго сословія Сибирскихъ казачьихъ войскъ; 6) находящіеся въ Оренбургскомъ краѣ Калмыки, Тептяри, Башкиры и Мещеряки; 7) пахатные солдаты и военные поселяне; 8) военные кантонисты и солдатскія дѣти; 9) писцы присутственныхъ мѣстъ гражданскаго вѣдомства Закавказскаго края, поступившіе изъ кантонистовъ до производства въ классный чинъ; 10) офицеры и нижніе чины Варшавской ночной стражи; 11) полицейскіе служители, нижніе чины всѣхъ вообще гражданскихъ вѣдомствъ, объѣздчики таможенной стражи, станціонные почтовые смотрители, если всѣ эти чины поступили въ настоящія свои должности по назначенію изъ военнаго вѣдомства; 12) всѣ и всѣхъ классовъ чины состоящіе въ дѣйствительной заводской службѣ, на Тульскомъ, Сестрорѣцкомъ и Ижевскомъ заводахъ, кромѣ оружейниковъ Тульскаго завода; 13) крестьяне имѣній военнаго вѣдомства въ губерніяхъ Кіевской и Подольской, Охтенскіе поселяне (*) и жители селеній, адмиралтейству при-

(*) Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1859 г. распубликовано Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта объ отчисленіи Охтенскихъ поселянъ изъ морскаго вѣдомства, почему должна, по всей вѣроятности, измѣниться и

надлежащихъ и 14) всѣ арестанты, употребляемые на работахъ военнаго и морскаго вѣдомства.

Б) *Принадлежащія къ гражданскому вѣдомству.*

а) *по всѣмъ преступленіямъ*: 1) Всѣ чины корпуса лѣсничихъ кромѣ полѣсовщиковъ и пожарныхъ старостъ; 2) всѣ лица, состоящія на казенныхъ заводахъ въ службѣ горной, а также и тѣ нижніе горные чины или рабочіе, которые уволены отъ работъ не за выслугу лѣтъ, а по неспособности и болѣзнямъ; 3) чиновники и нижніе чины вѣдомства государственныхъ конскихъ заведеній; 4) бродяги, имѣющіе знакъ на правой рукѣ съ буквою Б (бродяга или бѣглый), скрывающіе мѣсто или вѣдомство, откуда бѣжали; 5) нижніе чины арестантскихъ ротъ гражданскаго вѣдомства; 6) Закубанскіе поселяне и 7) Горцы, находящіеся на жительствѣ въ Донскомъ войскѣ (*).

б) по нѣкоторымъ преступленіямъ: 1) вслѣдствіе самаго свойства преступнаго дѣйствія.

1) Виновные въ подговорѣ Русскихъ подданныхъ и нижнихъ чиновъ къ побѣгу за границу; 2) нарушители карантинныхъ постановленій, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда за преступленія, ими учиненныя, опредѣлена смертная казнь или ссылка въ Сибирь въ каторжную работу или на поселеніе; 3) контрабандисты, виновные въ противузаконныхъ развозѣ, продажѣ или выдѣлкѣ питей, подлежащихъ питейному сбору или акцизу; порубщики корабельныхъ лѣсовъ; виновные въ противузаконныхъ добываніи, развозѣ или продажѣ соли, если лица эти обнаружатъ открытое неповиновеніе военной силѣ или лицамъ, кои обязаны по должности своей, наблюдать за установленными по этимъ пред-

---

подсудность ихъ по уголовнымъ дѣламъ, хотя объ этомъ не говорится въ мнѣніи Государственнаго Совѣта.

(*) Въ военноуголовномъ уставѣ Горцы, живущіе въ войскѣ Донскомъ, приведены въ числѣ лицъ подсудныхъ военному суду за нѣкоторыя уголовныя преступленія (п. 2 ст. 6); но изъ текста закона видно, что они предаются военному суду за покушеніе къ побѣгу на родину и другія важныя преступленія. Эта общность выраженія дала намъ справедливый поводъ помѣстить ихъ въ числѣ лицъ, которыя судятся военнымъ судомъ за всѣ преступленія.

метамъ правилами; 4) виновные въ тайномъ провозѣ и продажѣ опіума по Сибирской и Оренбургской таможеннымъ линіямъ и въ нарушеніи правилъ Кяхтинской торговли; 5) лица мужескаго пола, виновные въ похищеніи казеннаго имущества; 6) похитители золота, платины и серебра съ казенныхъ и частныхъ заводовъ и промысловъ какъ на хребтѣ Уральскомъ, такъ и въ Сибири, скупщики и переводители этихъ похищенныхъ металловъ, всякіе сообщники ихъ, равно дѣлатели монеты или вещей изъ краденаго золота, платины и серебра; 7) лица, скрывающія военноплѣнныхъ и непріятельское оружіе; 8) грабители почтъ; 9) зажигатели и виновные въ подкидываніи писемъ съ угрозами произвести поджогъ, въ случаѣ когда будутъ открыты шайки зажигателей; 10) виновные въ растратѣ хлѣба изъ хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ, учрежденныхъ для обезпеченія продовольствія непремѣнныхъ работниковъ и ихъ семействъ, приписанныхъ къ Ижевскому оружейному заводу; 11) виновные въ перетребованіи натуральныхъ раціоновъ противъ наличныхъ лошадей, за учиненіе этого преступленія во второй разъ.

2) *По особому званію и по особымъ качествамъ гражданскаго лица, совершившаго преступленіе.*

1) Всѣ чины Донскаго, Азовскаго, Дунайскаго и Астраханскаго казачьихъ войскъ, находящіеся внѣ службы или въ гражданскомъ состояніи, за преступленія, заключающія въ себѣ нарушеніе воинскихъ обязанностей; 2) Киргизы Оренбургскаго края Малой Орды по дѣламъ объ измѣнѣ, убійствѣ, разбоѣ, барантѣ, захватѣ Русскихъ и о возмущеніи своихъ соплеменниковъ противъ правительства; Киргизы Сибирскіе, кочующіе внѣ пограничныхъ линій, по дѣламъ объ измѣнѣ, убійствѣ, грабежѣ, барантѣ и явномъ неповиновеніи установленнымъ властямъ, и Киргизы Большой Орды, которые будутъ пойманы и уличены на мѣстѣ, въ барантѣ, убійствѣ и грабежѣ; 3) кочующіе въ Ставропольской губерніи Нагайцы, Каранагайцы, Трухменцы, Куртинцы и другіе Магометанскіе народы за измѣну, возмущеніе, побѣги за границу, подводъ хищническихъ племенъ и тайныя сношенія съ ними; 4) чиновники Омскаго линейнаго казачьяго сословія, занимающіе мѣста предсѣдателей и засѣдателей земскихъ судовъ, окружныхъ и станичныхъ начальниковъ, за

преступленія по должности; 5) офицеры и нижніе чины карантинной службы за всѣ роды карантинныхъ преступленій; 6) всѣ вообще офицеры пограничной стражи, за преступленія по должности; 7) тѣ изъ состоящихъ въ корчемной стражѣ, кои окажутся виновными въ причиненіи умышленнаго насилія или злоупотребленія; 8) тѣ изъ классныхъ межевщиковъ, кои за всѣми принятыми начальствомъ ихъ мѣрами взысканія за нерадѣніе къ службѣ и дурное поведеніе не исправляются; 9) совершеннолѣтніе воспитанники гвардейской берейторской школы за ослушаніе и тому подобные поступки; 10) всѣ мастеровые казенныхъ фабрикъ коммисаріатскаго вѣдомства за побѣги, ослушаніе противу начальства, кражу казеннаго имущества и развратное поведеніе; за прочія же важныя уголовныя преступленія они предаются суду гражданскаго вѣдомства; 11) всѣ вообще крестьяне какъ казенные, такъ и другихъ наименованій и крѣпостные люди за явное неповиновеніе своему начальству, владѣльцамъ или управителямъ ихъ, прикащикамъ или старостамъ, сопряженное съ сопротивленіемъ противу присланной для усмиренія воинской команды, также и лица, научающія ихъ къ тому; 12) смотрители тюремныхъ замковъ и другія лица, коимъ ввѣрено охраненіе и надзоръ за арестантами, когда оказываются виновными въ допущеніи побѣговъ и преступленій содержащихся въ мѣстахъ заключенія арестантовъ или оказаніи въ томъ послабленія; 13) поселяне, виновные въ допущеніи побѣга содержащихся подъ ихъ присмотромъ арестантовъ при сельскихъ управленіяхъ и становыхъ квартирахъ; 4) окружные и сельскіе начальники и писаря вѣдомства государственныхъ имуществъ, виновные въ нарушеніи правилъ о жеребьевомъ порядкѣ отправленія рекрутской повинности, въ случаѣ показаній о лихоимствѣ ихъ при этомъ, или о болѣе важныхъ злоупотребленіяхъ по дѣламъ призыва и вынутія жеребьевъ; 15) студенты Дерптскаго университета, виновные въ какомъ либо дѣйствіи, относящемся до поединковъ; 16) Евреи, оказавшіе буйное неповиновеніе мѣстному начальству при исполненіи рекрутской повинности; 17) лашманы, принадлежащіе вѣдомству правленія Низоваго округа корабельныхъ лѣсовъ, когда будутъ находиться при вырубкѣ и вывозкѣ корабельныхъ лѣсовъ, за

ослушаніе или неповиновеніе и сопротивленіе военному начальству и за кражу казеннаго имущества; 18) арестанты гражданскаго вѣдомства, за преступленія, означенныя въ Св. Зак. т. XIV Уст. о содержащихся подъ стражею и ссыльныхъ; 19) вольнонаемные на казенныхъ и частныхъ промыслахъ изъ ссыльныхъ, въ Сибири водворенныхъ, за сопротивленіе начальству и военной силѣ; 20) рабочіе изъ ссыльныхъ поселенцевъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ за смертоубійства и другія тяжкія преступленія, подвергающія виновныхъ, по общимъ законамъ, торговой казни; 21) каторжные 1-го и 3-го разрядовъ, поступившіе по лишеніи правъ состоянія въ работу, въ случаѣ учиненія ими вновь тяжкихъ злодѣяній и именно умышленныхъ: убійства и зажигательства, или разбоя въ Сибири или внѣ оной, по побѣгѣ съ каторги, либо съ дороги туда.

3) По особымъ условіямъ и положенію мѣстности, въ пространствѣ которой совершено преступленіе.

1) Всѣ лица, участвовавшія въ буйствѣ противъ военной силы въ Царствѣ Польскомъ; 2) Евреи въ губерніяхъ Виленской, Гродненской, Минской и Ковенской, за поддѣлку всякихъ государственныхъ бумагъ и выпускъ ихъ въ обращеніе, а также лица христіанскихъ исповѣданій, за участіе съ Евреями въ означенномъ преступленіи; 3) жители Закавказскаго края за разбой и грабежъ и 4) жители портовыхъ городовъ Анапы, Новороссійска и Сухумъ-Кале за преступленія, исчисленныя въ гл. II разд. III и въ гл. I разд. IV Улож. о Наказ. Угол. и исправ., т. е. за бунтъ, измѣну, сопротивленіе распоряженіямъ правительства и неповиновеніе властямъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

къ главѣ IV стр. 54.

Гражданскія лица, пользующіяся особымъ порядкомъ производства военнаго суда.

1) Нарушители карантинныхъ постановленій; 2) крестьяне, возмутившіеся противъ помѣщиковъ, корчемники, контробандисты, порубщики корабельныхъ лѣсовъ, тюремные смотрители и другія лица гражданскаго вѣдомства, которымъ ввѣрено охраненіе и надзоръ за арестантами, зажигатели и грабители почтъ; 3) похитители золота, платины и серебра, лица, состоящія на заводахъ казенныхъ въ службѣ горной, нижніе горные чины или рабочіе, уволенные не за выслугу лѣтъ, а по неспособности и болѣзнямъ; 4) ссыльно-поселенцы на частныхъ золотыхъ промыслахъ; 5) каторжные перваго и третьяго разрядовъ; 6) жители Закавказскаго края.

потому что не осуществилось бы, и онъ положительно не сталъ бы ихъ увѣрять, что они должны готовиться къ смерти. Все это показываетъ, что слова Яна: «мстите своихъ» составляли собственно приказаніе убить, такъ что, если бы случились тутъ не тѣ, а другіе лодочники, у коихъ никто изъ родственниковъ не погибъ отъ волхвовъ, тогда измѣнилось бы только внѣшнее выраженіе приказанія, но сущность его осталась бы одна и та же. Такимъ образомъ все нами сказанное подтверждаетъ то мнѣніе, что за убійство въ разбоѣ безъ всякой свады подвергали иногда виновныхъ смертной казни, которая, кажется, большею частію состояла въ повѣшеніи. Это видно, какъ изъ описаннаго нами наказанія Яномъ волхвовъ, такъ и изъ того, что мужи Давида Игоревича Лазарь и Василь, за несправедливый оговоръ Василька Ростиславича, были тоже повѣшены и потомъ разстрѣляны стрѣлами (¹).

Изложивъ общія постановленія о наказаніи за убійство во времена Изяслава и Мономаха, разсмотримъ теперь нѣкоторыя исключенія изъ этихъ общихъ постановленій, касающіяся собственно *холоповъ* и *закуповъ*.

Какъ при Ярославѣ, такъ и при Изяславѣ, за убійство свободнымъ человѣкомъ холопа, а также и закупа, назначались или виры, въ количествѣ, опредѣленномъ вообще за людиновъ, или 12-гривенныя продажи—въ случаѣ лишенія жизни связанныхъ холоповъ и закуповъ, поіманныхъ на татьбѣ, или наконецъ виновные выдавались князю на потокъ и разграбленіе; словомъ, къ дѣламъ объ убійствѣ холоповъ и закуповъ свободными людьми примѣнялись всѣ изложенныя нами выше постановленія. Только при Изяславѣ, не смотря на отмѣну имъ самосуда, продолжалъ существовать законъ Ярослава о безнаказанномъ убійствѣ холопа за ударъ, нанесенный свободному мужу (II, 58). Мономахъ уничтожилъ силу этого закона, но вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣнилъ и плату виры за умерщвленіе холоповъ. Онъ постановилъ: «а въ холопѣ и въ робѣ виры нѣтуть: но оже будетъ безъ вины убіенъ, то за холопъ *урокъ платити* или за робу, а *князю* 12 гривенъ продажѣ» (II, 84). Этотъ законъ, безъ сомнѣнія, не опредѣляетъ неизвѣстныхъ намъ отношеній господъ къ собственнымъ ихъ холопамъ, а говоритъ

(¹) Полн. собр. русск. лѣт. т. I, стр. 114.

только о убійствѣ постороннимъ лицомъ чужаго холопа, потому что въ изложенномъ нами постановленіи упоминается о платѣ урока господину за потеряннаго имъ чрезъ убійство раба или рабу, слѣдовательно дѣлается различіе между господиномъ холопа и его убійцей. Въ какой же мѣрѣ отвѣчалъ посторонній свободный человѣкъ за убійство чужаго холопа? Выписанный нами законъ Мономаха отмѣнялъ только *виру*, и потому естественно относился только къ тѣмъ убійствамъ, при которыхъ она могла взыскиваться. Изъ этого мы заключаемъ, что статья о разбоѣ сохраняла свою силу и при умерщвленіи холоповъ, т. е. преступники въ этомъ случаѣ равно выдавались князю на потокъ и разграбленіе, или подвергались смертной казни. Кромѣ того, изъ буквальнаго смысла приведеннаго закона видно, что въ немъ говорится о взысканіи продажи и вмѣстѣ *урока*, иначе головничества, т. е. о случаяхъ совпаденія той и другой платы, что бывало, если преступникъ находился налицо. Посему мы имѣемъ право заключить, что означенный законъ Мономаха не отмѣнялъ дѣйствія прежняго постановленія о взысканіи виры съ общины, если преступникъ, умерщвлявшій холопа, оставался неизвѣстнымъ. Итакъ Мономаховъ законъ могъ имѣть примѣненіе только тогда, если убійца холопа былъ налицо и когда самое преступленіе совершалось въ свадѣ. Впрочемъ, въ самомъ законѣ сдѣлана оговорка, что за лишеніе жизни раба платилась 12-гривенная продажа только въ томъ случаѣ, *оже* холопъ *будетъ безъ вины убіенъ*. Значитъ, убивавшій чьего либо холопа за вину не подвергался никакой отвѣтственности. Но законъ не допускалъ совершеннаго произвола въ понятіи о винѣ, иначе по одной чужой прихоти господамъ приходилось бы лишаться своихъ холоповъ безъ всякаго за нихъ вознагражденія. Мы знаемъ, что даже за нанесеніе удара свободному мужу Мономахъ запретилъ умерщвленіе холопа, и что не смотря на такую вину его, касавшуюся чести обиженнаго, этотъ послѣдній не могъ безнаказанно лишить виновнаго жизни. Извѣстно также, если кого нибудь, слѣдовательно и холопа, ловили на татьбѣ, связывали, а потомъ умерщвляли, то, не взирая на вину убитаго, законъ налагалъ на виновнаго пеню. Изъ всего этого можно заключить, что постановленіемъ Мономаха вовсе не предоставлялось произволу каждаго судить, что считать виною и что нѣтъ при убійствѣ имъ чужаго

холопа. Безъ сомнѣнія, въ такомъ случаѣ законъ требовалъ сообразоваться съ общими постановленіями Правды, по которымъ убійствомъ за вину признавалось, безъ различія будетъ ли лишенъ жизни холопъ или свободный человѣкъ, только то, когда умерщвляли кого либо на татьбѣ ночью, не имѣвъ возможности задержать его, или лишали жизни при необходимой оборонѣ собственнаго своего лица (II, 20). Всякое другое убійство чужаго холопа считалось убійствомъ безъ вины, т. е. такимъ, которое нарушало дозволенные Правдой предѣлы самоуправства, и потому подвергало виновнаго отвѣтственности. Такимъ образомъ, хотя измѣнилось въ нѣкоторыхъ случаяхъ количество пени, но существенныя начала права какъ при умерщвленіи холоповъ, такъ и при лишеніи жизни свободныхъ людей остались тѣ же, именно: при неотысканіи виновнаго въ убійствѣ холопа, платилась общинная вира; при отысканіи же преступника, если это былъ разбойникъ, онъ выдавался на потокъ и разграбленіе, а если совершалъ убійство въ свадѣ или лишалъ жизни пойманнаго на татьбѣ холопа, то платилъ 12-гривенную продажу; наконецъ за умерщвленіе холопа на татьбѣ, когда татя нельзя было поймать, или при необходимой оборонѣ, виновный не подвергался никакой отвѣтственности. Но падала ли при убійствѣ холопа въ свадѣ продажа на общину подобно вирѣ, или всегда была личною пеней? Намъ кажется, что по замѣнѣ въ настоящемъ случаѣ дикой виры продажей, постановленія о порядкѣ взысканія первой необходимо должно было примѣнять и къ послѣдней. Посему если преступникъ помогалъ прежде общинѣ въ платежѣ пеней за убійство, то тою вервію, гдѣ жилъ виновный, совмѣстно съ нимъ выплачивалась и продажа. Иначе убійца холопа, оставленный собственнымъ средствамъ, былъ бы наказанъ строже, нежели убійца свободнаго человѣка, а при несостоятельности подвергся бы даже продажѣ въ закупы, чего допустить невозможно. Притомъ же общинная продажа существовала во времена Правды (II, 70). Непомогавшій верви, безъ сомнѣнія, на общемъ основаніи обязанъ былъ за умерщвленіе холопа въ свадѣ выплачивать продажу самъ.—Но дозволялось ли въ старину господамъ совершенно произвольно и безнаказанно убивать собственныхъ холоповъ? Этотъ вопросъ буквально не разрѣшается Правдой. Однакожъ изъ молчанія ея нельзя заключать, чтобы владѣльцы рабовъ, по отмѣнѣ

самосуда, имѣли полное право лишать ихъ жизни, когда имъ вздумается; напротивъ, нѣкоторыя соображенія могутъ привести насъ къ иному заключенію. Во-первыхъ, господа нерѣдко обязаны были, при неимѣніи средствъ къ уплатѣ потерь, причиненныхъ преступленіемъ холоповъ, выдавать послѣднихъ обиженнымъ въ видѣ вознагражденія ихъ за убытки (II, 110, 111, 115); слѣдовательно какъ бы ни были раздражены противъ своихъ виновныхъ холоповъ ихъ владѣльцы, они могли опасаться, по крайней мѣрѣ въ этихъ случаяхъ, лишать ихъ жизни, потому что здѣсь въ жизни холопа заключалась выгода другаго лица. Во-вторыхъ, денежныя пени за убійства составляли доходъ князя и отъ производства каждаго уголовнаго дѣла получали извѣстныя пошлины княжескіе чиновники, слѣдовательно въ интересѣ послѣднихъ было увеличеніе числа дѣлъ, и потому вирники или посадники, безъ сомнѣнія, не оставляли въ покоѣ господъ, убивавшихъ своихъ холоповъ, тѣмъ болѣе, что никакое ясное постановленіе не ограждало первыхъ отъ подобнаго вмѣшательства; напротивъ, лица, производившія судъ, могли прямо ссылаться, хотя и съ натяжкой, на законъ, запрещавшій убивать холоповъ безъ вины (II, 84). Положимъ даже, что подобное вмѣшательство было несогласно съ обычаями и понятіями народа, но оно могло существовать, тѣмъ болѣе, что о разныхъ придиркахъ посадниковъ упоминаютъ и лѣтописи. Такъ напр. у Нестора подъ 1093 годомъ сказано: «*наша земля оскудѣла есть* отъ рати и *отъ продажъ*». Далѣе въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 1176 годомъ говорится: «сѣдящема Ростиславичема въ княженіи земля Ростовскыя, роздаяла бяста по городомъ посадничьство Русскимъ дѣтскимъ; они же многу *тяготу* людемъ створиша *продажами* и *вирами*». Кромѣ того, при такихъ указанныхъ уже нами данныхъ, мы изъ явленій временъ послѣдующихъ можемъ съ вѣроятностію предполагать о существованіи подобныхъ же явленій во времена предъидущія. Извѣстно, что Двинскою уставною грамотою 1398 года запрещено намѣстникамъ взимать пеню, если осподарь огрѣшится, ударитъ своего холопа или рабу, а случится смерть (1). Такое запрещеніе само собою показываетъ, что прежде изданія этого закона, и можетъ быть въ болѣе отдаленную старину, штрафы за подобныя

(1) Акт. Эксп. т. I, № 13.

убійства взыскивались. Притомъ, означенный законъ не дозволялъ наказывать господъ только за убійства неосторожныя, слѣдовательно намѣренное лишеніе жизни холопа, разумѣется, подлежало пени. Въ третьихъ, Правда, чтобы обозначить совершенную безнаказанность убійства, употребляетъ выраженіе: *убіютъ во пса мѣсто* (II, 36). Это выраженіе не сочинено законодателемъ, а взято вѣроятно съ народнаго говора, и потому весьма важно. Имъ опредѣляется понятіе современнаго Правдѣ общества о томъ, что только пса можно убить безнаказанно. Если такъ, то нельзя думать, чтобы въ старину въ понятіи народномъ господинъ имѣлъ одинаковое право умертвить своего холопа и свою собаку. Притомъ, невозможно упустить изъ вида, что во времена Правды водворилось уже въ Россіи христіанство, и что если его благодѣтельное вліяніе не отразилось еще на цѣлой массѣ народа, то по крайней мѣрѣ оно не могло не коснуться самыхъ владѣльцевъ рабовъ. Мы показали въ введеніи, что холопами владѣли только князья, бояре и монастыри. Безъ сомнѣнія, монастыри, какъ центры, изъ которыхъ распространялся по Россіи свѣтъ христіанства, а подъ вліяніемъ ихъ князья и бояре, не могли уже смотрѣть на своихъ холоповъ-христіанъ, какъ на псовъ, коихъ жизнь зависѣла единственно отъ ихъ нестѣсняемой ничѣмъ прихоти, отъ ихъ неограниченнаго произвола. По всѣмъ такимъ соображеніямъ, мы думаемъ, что господа, по отмѣнѣ самосуда, едва ли могли безнаказанно убивать своихъ холоповъ, и что постановленія объ умерщвленіи ихъ посторонними лицами примѣнялись и къ владѣльцамъ рабовъ, но безъ сомнѣнія не къ князьямъ, а къ подданнымъ.

Выше мы говорили объ убійствахъ, жертвами которыхъ были закупы и холопы; перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію того случая, если убійцей становился холопъ или закупъ. Безъ сомнѣнія, при Ярославѣ, на общемъ основаніи, холопъ или закупъ, совершившій убійство, подлежалъ неограниченному самосуду родственниковъ или господъ убитаго, которые могли умертвить преступника, или прибить его, или наконецъ взять выкупъ съ его владѣльца. Если же некому было мстить, то убійца холопъ или закупъ оставался ненаказаннымъ, потому что право мести о преступникахъ несвободнаго состоянія не переходило къ князю. При Изяславѣ, хотя по общему закону и отмѣненъ былъ самосудъ, но кажется относительно за

куповъ и холоповъ-убійцъ, подобно тому какъ и относительно холоповъ, нанесшихъ ударъ свободному мужу, продолжался тотъ же порядокъ вещей, какъ и при Ярославѣ. Впрочемъ, въ Изяславовомъ уставѣ довольно ясно высказано уже начало, вѣроятно дѣйствовавшее и прежде, что князь не налагалъ ни наказаній, ни пеней на холоповъ преступниковъ, а слѣдовательно и на закуповъ. Изъ постановленія Изяслава, что холоповъ татей князь продажею не казнитъ, *зане суть несвободни, а двоиче платить ко истцу за обиду* (II, 42), должно заключить, что выраженіе «князь продажею не казнитъ, зане суть несвободни» необходимо относилось и вообще къ холопамъ преступникамъ, а также къ закупамъ, и что если тѣхъ и другихъ не подвергали продажамъ, то на томъ же основаніи, какъ состоявшихъ въ зависимости отъ своихъ господъ, не могли подвергать и выдачѣ *на потокъ*. Такимъ образомъ, въ этихъ случаяхъ не дѣлали различія между убійствами *въ свадѣ* и *на разбоѣ*, и какого бы рода холопъ или закупъ не совершалъ убійство, онъ равно подлежалъ самосуду, и если по праву мести мститель соглашался на выкупъ, то, примѣняясь къ постановленію о холопахъ-татяхъ, вѣроятно могъ требовать съ господина виновнаго не болѣе какъ двойнаго головничества за убитаго. При Мономахѣ, кажется, окончательно исчезъ самосудъ въ отношеніи холоповъ и закуповъ и отмѣнено двойное вознагражденіе. Господинъ обязывался или *выкупить* холопа-убійцу, т. е. заплатить обыкновенное головничество или урокъ, или *выдать* обиженнымъ самого преступника (II, 115). Если ни на выкупъ, ни на выдачу владѣлецъ не соглашался, то онъ вѣроятно подлежалъ платежу виры или продажи, а виновный холопъ безъ сомнѣнія подвергался тѣмъ послѣдствіямъ, какія означены въ статьѣ о нанесеніи холопомъ удара свободному мужу (II, 58). Такъ какъ при Мономахѣ за закуповъ, въ случаѣ произведенія ими кражи, вознаграждалъ обиженнаго господинъ безъ платежа продажи князю, и закупъ за воровство коня не выдавался по общему закону на потокъ (II, 57), то, само собою разумѣется, тоже самое происходило, если закупъ становился убійцею, т. е. онъ не подвергался ни продажѣ, ни потоку, а господинъ его обязанъ былъ заплатить обиженнымъ *одно* простое головничество; виновный же закупъ, какъ и при воровствѣ, становился обѣльнымъ холопомъ. Если же господинъ не хотѣлъ платить за закупа, то могъ его про-

дать и удовлетворить истца только вырученною отъ продажи суммою, хотя бы она была и менѣе головничества; но когда выручка его превышала, то господину излишекъ за удовлетвореніемъ обиженнаго дозволялось брать себѣ. За бѣжавшаго закупа-убійцу владѣлецъ его не отвѣчалъ (II, 57).

Б. О головничествѣ или частномъ вознагражденіи за убитыхъ.

Слово головничество въ первый разъ является въ уставѣ Изяслава; но мы видѣли, что начало этой платы относится къ уставу Ярослава. Въ его время она была выкупомъ въ опредѣленномъ количествѣ, который мстители обязаны были принять, если по своему праву самосуда соглашались на вознагражденіе себя денежною платою. Значитъ, примѣненіе выкуповъ къ дѣламъ объ убійствѣ при Ярославѣ было произвольное, а не необходимое, и выкупы, если они взыскивались въ пользу обиженныхъ, никогда не выплачивались совмѣстно съ вирами. По отмѣнѣ же самосуда Изяславомъ, велѣно было во всѣхъ случаяхъ лишенія кого либо жизни *«кунами ся выкупати»*. Такимъ образомъ выкупы превратились въ опредѣленное вознагражденіе обиженныхъ по всякому дѣлу объ убійствѣ, безъ сомнѣнія, если преступникъ былъ извѣстенъ, и при умерщвленіи свободнымъ лицемъ свободнаго человѣка постоянно имѣли мѣсто при вирахъ, продажахъ и личныхъ наказаніяхъ.

Но какія платы въ уставѣ Изяслава слѣдуетъ признать *головничествомъ?* Въ этомъ уставѣ сказано: «аже въ княжи отроци, или конюсѣ, или поварѣ, то 40 гривенъ; а за тивунъ за огнищный и за конюшій, то 80 гривенъ; а въ сельскомъ тивунѣ княжѣ, или въ ратаійнемъ, то 12 гривенъ; а за рядовича 5 гривенъ, такоже и за бояринъ; а за ремественика и за ремественицю, то 12 гривенъ; а за смердъ и холопъ 5 гривенъ; а за робу 6 гривенъ; а за кормилця 12, такоже и за кормилицю, хотя си буди холопъ, хотя си роба (II, 9—14)». Вникая въ сущность этихъ статей, нельзя, по грамматическому ихъ составу, найти въ нихъ опредѣленнаго, ясно выраженнаго смысла. Только по соображенію съ предъидущими и послѣдующими статьями, можно догадываться, что здѣсь дѣло идетъ о лишеніи жизни тѣхъ или другихъ лицъ; но назначались ли въ приведенныхъ нами статьяхъ платы *за убійство* или *за убитыхъ*,

т. е. были ли онѣ *вирами* или *головничествомъ?*—этотъ вопросъ требуетъ изслѣдованія. Положимъ сначала, что всѣ означенныя выше платы, т. е. 80, 40, 12, 6 и 5 гривенъ, были виры. Такому предположенію будетъ противорѣчить слѣдующее:

1) Въ Правдѣ 20 гривенъ два раза названы полувирою (II, 23, 83), слѣдовательно вирою собственно назывались 40 гривенъ, а 80 гривенъ составляли *двойную виру*, которая впрочемъ также для краткости называется вирою; такъ напр. «аже будетъ вира во 80 гривенъ» (II, 8). И такъ, 12, 6 и 5 гривенъ нельзя считать вирами, тѣмъ болѣе, что если признавать напр. 5 гривенъ за холопа вирою, то нельзя будетъ объяснить, на какомъ основаніи Владиміръ Мономахъ, сказавъ, что въ холопѣ и робѣ *виры нѣтуть*, въ слѣдъ за тѣмъ назначилъ за убійство ихъ плату въ 12 гривенъ. Если же 12 гривенъ не составляли виры, то тѣмъ менѣе могли ею быть и 5 гривенъ. Но намъ могутъ возразить, что если 12, 6 и 5 гривенъ и не назывались вирами, то во всякомъ случаѣ онѣ были пенями за убійство, поступавшими въ пользу князя. На это мы скажемъ, что при побѣгѣ холопа или рабы съ передержателей ихъ получалъ 5 и 6 гривенъ не князь, а господинъ. Такое частное назначеніе этихъ платъ доказывается какъ общимъ смысломъ статей, гдѣ говорится объ нихъ (II, 106—108), такъ и выраженіемъ: «*а собѣ ему пагуба, а платить въ то никтоже*» (II, 108), относящемся къ тому случаю, когда господинъ, преслѣдуя своего бѣглаго холопа, самъ по собственной винѣ его упускалъ. Если же господинъ, лишаясь холопа или рабы чрезъ побѣгъ, получалъ въ вознагражденіе 5 или 6 гривенъ съ передержателей ихъ, то неужели при убійствѣ холопа 5 гривенъ назначались не владѣльцу его, а князю? Безъ всякаго сомнѣнія—нѣтъ. Но признавая, что 5 и 6 гривенъ при лишеніи жизни холопа или рабы были вознагражденіемъ частнымъ, нельзя не согласиться, что такимъ же вознагражденіемъ должно считать и всѣ прочія платы, поставленныя въ одинаковыхъ условіяхъ съ 5 и 6 гривнами, т. е. 80, 40 и 12 гривенъ, о которыхъ упоминается въ выписанныхъ нами выше статьяхъ Изяславова устава. Кромѣ того, въ Правдѣ за убійство, исключая введенныхъ Мономахомъ полувиры за умерщвленіе женщинъ и мущинъ, начинавшихъ сваду, и 12-гривенной продажи за лишеніе жизни холопа или рабы, всегда во всѣхъ другихъ случаяхъ, когда

только убійство оплачивалось денежной пеней, назначались однѣ лишь виры. Это видно изъ статьи Правды, въ которой сказано: аже ударитъ мечемъ, то 3 гривны, потнетъ ли на смерть, а вира (II, 24). Значитъ, вира до Мономаха была единственною платою за убійство, за исключеніемъ только платы за умерщвленіе связанныхъ татей; но такъ какъ 12, 6 и 5 гривенъ не были вирами, то и не могли ничѣмъ инымъ быть, какъ только частнымъ вознагражденіемъ за убитыхъ. Притомъ мы знаемъ, что за увѣчье, причиненное свободнымъ людямъ, платили полувиру (II, 21), слѣдовательно было бы неосновательно полагать, что за лишеніе ихъ жизни взыскивалось только 12 и 5 гривенъ.

2) 80 и 40-гривенныя платы, въ выписанныхъ нами статьяхъ Правды, хотя по количеству похожи на виры, но также не были вирами. Это доказывается слѣдующимъ: а) платы эти, какъ мы замѣтили уже выше, стоятъ въ одинаковыхъ отношеніяхъ съ 12, 6 и 5-гривенными платами, слѣдовательно должны быть и одинаковаго съ ними значенія; б) считая 80-гривенную плату за тіуна огнищнаго вирою, слѣдовало бы признать статью, въ которой она опредѣлена, излишнимъ повтореніемъ, потому что тіунъ огнищный принадлежалъ къ числу княжихъ мужей, о платѣ же виры за княжихъ мужей находится въ Правдѣ общее постановленіе (II, 3); в) княжи отроки, конюхи и повары также считались княжими мужами, и если 40 гривенную плату за нихъ признать вирою, то въ такомъ случаѣ мы станемъ въ противорѣчіе съ общимъ постановленіемъ Правды (II, 3), въ которомъ за княжихъ мужей назначалась 80-гривенная вира.

3) Кромѣ приведенныхъ нами доказательствъ, что платъ въ выписанныхъ нами статьяхъ устава Изяслава нельзя считать вирами, а головничествомъ, можно привести еще одно. Мы уже сказали, что этимъ статьямъ для опредѣленности смысла чего-то недостаетъ. Обративъ вниманіе на предъидущую статью, мы находимъ въ ней выраженіе: *а за голову 3 гривны* (II, 8). Это выраженіе вовсе не находится во внутренней связи съ тѣмъ постановленіемъ, къ которому присоединено, и, по очевидному отношенію, вѣроятно служило началомъ послѣдующимъ статьямъ, которыя мы выше выписали и которыя собственно составляютъ одну статью. Въ Правдѣ сказано: «аже будетъ вира во 80 гривенъ, то вирнику 16 гривенъ и 10 кунъ и 12 вѣкши, а переди съсадная гривна, а за голову 3 гривны»

(II, 8). На какомъ бы основаніи при 80-гривенной вирѣ взыскивалась особая пошлина за голову, когда при 40-гривенной вирѣ объ ней вовсе не упоминается, между тѣмъ какъ всѣ другія пошлины опредѣлены какъ при той, такъ и при другой вирѣ? Должно предполагать, что выраженіе: «а за голову 3 гривны», нѣсколько искажено, и что въ подлинникѣ стояло: «а за голову *ти* гривны». Въ рукописи буква *и* въ словѣ *ти* могла стереться и переписчикъ принялъ Т за Г, въ слѣдствіе чего и вышло: а за голову Г (3) гривны. Впрочемъ въ Пушкинскомъ спискѣ сказано: «а за голову гривны». И такъ, по нашему мнѣнію, отбросивъ оглавленія, которыя мы считаемъ произвольной вставкой частныхъ лицъ, не бывшей въ подлинникѣ Правды, упомянутыя выше статьи, съ прибавленіемъ къ нимъ означеннаго выраженія, слѣдуетъ читать какъ одну статью такимъ образомъ:

«А за голову ти гривны: аже въ княжи отроци, или въ конюсѣ, или въ поварѣ, то 40 гривенъ; а за тивунъ за огнищный и за конюшій, то 80 гривенъ; а въ сельскомъ тивунѣ княжѣ, или ратайномъ, то 12 гривенъ; а за рядовича 5 гривенъ, такоже и за боярескъ; а за ремественика и за ремественицю, то 12 гривенъ; а за смердъ и холопъ 5 гривенъ, а за робу 6 гривенъ; а за кормилця 12, такоже и за кормилицю, хотя си буди холопъ, хотя си роба» (II, 8—14).

Въ такомъ видѣ статьи эти получаютъ ясный, опредѣленный смыслъ, котораго имъ прежде недоставало, и смыслъ этотъ подтверждаетъ наше мнѣніе, что означенныя въ нихъ платы, назначались *за голову*, т. е. были головничествомъ. Но независимо отъ всего нами сказаннаго, выводъ нашъ подтверждается Старымъ Литовскимъ Статутомъ, въ которомъ во многихъ случаяхъ съ замѣчательною ясностію отразились постановленія Правды. Въ Литовскомъ Статутѣ также находится весьма дробное исчисленіе головничества и при этомъ обозначаются иногда даже тѣ самыя лица, какъ и въ Правдѣ. Такъ напр. головщина шляхтича сто копъ грошей, головщина путныхъ людей, тивуновъ, приставовъ и иныхъ врадниковъ (урядниковъ), а также *ремесныхъ людей: кухаря*, возницы и проч. *12 рублей* грошей; головщина тяглаго мужика 10 копъ грошей, а поробка невольнаго (холопа) *5 копъ* грошей (1). Изъ этого

(1) См. Времен. кн. 18, 1854 г., стр. 64 ст. 29, стр. 88, ст. 1—4.

видно, что при исчисленіи головничества какъ въ Правдѣ, такъ и въ Статутѣ встрѣчаются почти одни и тѣ же лица и даже одни и тѣ же числа.

Признавая всѣ означенныя нами выше платы головничествомъ, скажемъ теперь какими началами руководствовались при ихъ назначеніи. Для опредѣленія виры въ большемъ или меньшемъ количествѣ довольствовались общимъ дѣленіемъ сословій на высшія и низшія, именно на княжихъ мужей и людиновъ. За умерщвленіе первыхъ платилась 80-гривенная вира, а за лишеніе жизни вторыхъ 40-гривенная вира. При назначеніи же головничества не довольствовались такимъ общимъ дѣленіемъ, а допускали болѣе частное, именно высшее сословіе, т. е. княжи мужи, относительно опредѣленія за членовъ его количества головничества, раздѣлялось на два разряда: на начальствующихъ и подчиненныхъ. За голову первыхъ платилось 80 гривенъ, а за голову вторыхъ 40 гривенъ. Такимъ образомъ и людины въ отношеніи назначенія за убіеніе ихъ головничества, очевидно, дѣлились на два разряда. Къ первому разряду принадлежали лица, занимавшія какія либо должности и знавшія какія нибудь ремесла, а ко второму—людины, не имѣвшіе такихъ отличій, т. е. простые смерды, холопы и рядовичи. За голову людиновъ перваго рода платилось 12 гривенъ, за голову же людиновъ втораго рода—5 гривенъ, а особо за холопокъ—6 гривенъ.

Въ заключеніе намъ слѣдуетъ разсмотрѣть, въ какихъ случаяхъ, кѣмъ и кому платилось головничество. Оно взыскивалось только въ случаѣ обнаруженія преступника, и всегда съ самого убійцы («а головничьство самому головнику»), за исключеніемъ тѣхъ дѣлъ, когда въ лишеніи кого жизни виновны были холопы или закупы, за которыхъ головничество платили ихъ господа. Впрочемъ не всегда и обнаруженный преступникъ подвергался платѣ за голову: такая плата безъ сомнѣнія не взыскивалась, если кто убивалъ кого при необходимой оборонѣ или на самой татьбѣ *во пса мѣсто;* но само собою разумѣется не избавлялся отъ головничества тотъ, кто умерщвлялъ татя уже связаннаго. Плата за голову никогда не упадала не только на общину, но даже и на имущество родныхъ убійцы, какъ должно заключать изъ выраженія Правды: «*а головничьство самому головнику* (II, 4)»; но не подлежитъ сомнѣнію, что если извѣстный и изобличенный уже преступникъ скрывался или

умиралъ, оставивъ по себѣ имущество, то родственники его обязаны были изъ этого имущества выплатить какъ головничество, такъ и виру вполнѣ или въ части. Такой порядокъ взысканія головничества при участіи самого убійцы или его родныхъ существовалъ только по дѣламъ о убійствахъ въ свадѣ, при лишеніи же кого либо жизни на разбоѣ безъ свады, преступникъ не пользовался правомъ распоряжаться своимъ имуществомъ, которое выдавалось на разграбленіе, и потому головничество необходимо должно было выплачиваться изъ состоянія убійцы безъ всякаго вмѣшательства его самого или его родныхъ. Но въ чью пользу поступала плата за голову? При убійствѣ свободнаго человѣка, если у него были родные, головничество взыскивалось въ пользу послѣднихъ, получавшихъ его въ замѣнъ права мести, отмѣненнаго Изяславомъ. «*Отложиша убіеніе за голову, но кунами ся выкупати*», сказано въ его уставѣ, и это выраженіе какъ нельзя лучше доказываетъ нашу мысль, потому что по смыслу самой рѣчи выкупъ себя кунами установленъ былъ вмѣсто убіенія за голову, т. е. вмѣсто права мстить убійствомъ за убійство, слѣдовательно выкупъ этотъ производился у тѣхъ, кто владѣлъ правомъ мести, т. е. у родственниковъ убитаго. И такъ въ означенномъ нами выраженіи Правды дѣло идетъ не о вирѣ, какъ думаетъ г. Деппъ, а о головничествѣ, о выплачиваніи котораго *кровнымъ* убитаго свидѣтельствуютъ и старый Литовскій Статутъ (¹). Если же головничество установлялось для вознагражденія родственниковъ лишеннаго кѣмъ либо жизни, то на какомъ основаніи къ нимъ поступала бы и вира, взыскивавшаяся при Изяславѣ совмѣстно съ платой за голову (II, 4)? За чѣмъ было бы дробить и давать различныя названія одному и тому же частному вознагражденію? Это уже одно показываетъ несостоятельность мнѣнія о частномъ назначеніи виры; но кромѣ того должно замѣтить, что вира часто, если не бо̀льшею частію, была платой общинной, взыскивавшейся съ цѣлой верви, цѣлой же верви никогда не вмѣнялось въ обязанность вознаграждать лицъ, обиженныхъ преступленіемъ, потому-то головничество никогда не взыскивалось съ общины. Это одно изъ существенныхъ началъ Правды, выразившееся не только въ постановленіяхъ о убійствѣ, но, какъ увидимъ ниже, и

(¹) Времен. кн. 18, 1854 г. стр. 56 и 65.

въ постановленіяхъ о татьбѣ. Признавая, по всему нами сказанному, что плата за голову поступала въ пользу родственниковъ убитаго, мы необходимо должны сдѣлать тотъ выводъ, что если у лишеннаго жизни родныхъ не было, то и головничество не могло имѣть мѣста. Поговоримъ теперь о взысканіи головничества въ тѣхъ случаяхъ, когда убитымъ или убійцей былъ холопъ или закупъ. За умерщвленіе холопа или рабы слѣдовало *платити урокъ, а князю продажу* (II, 84). Если продажа назначалась князю, то урокъ безъ сомнѣнія поступалъ къ владѣльцу холопа или рабы, въ вознагражденіе его за потерю имъ того или другой. Но что разумѣлось подъ урокомъ? Слово это встрѣчается въ разныхъ мѣстахъ Правды. Такъ послѣ опредѣленія цѣнъ за похищенныхъ или истребленныхъ кѣмъ либо домашнихъ животныхъ, на случаї вознагражденія за нихъ обиженныхъ, говорится: «то ти уроци смердомъ, оже платятъ князю продажю» (II, 41). Далѣе: а кто накощами̃конь порѣжетъ или скотину, продажѣ 12 гривенъ, а пагубу господину урокъ платити (II, 80), т. е. виновный обязанъ былъ владѣльцу коня или скотины заплатить то, во что оцѣнено было въ Правдѣ погибшее животное. Кромѣ того, встрѣчаются въ уставѣ Мономаха выраженія: «а се уроци городнику; а се мостнику уроци» (II, 90, 91). Такимъ образомъ подъ словомъ *урокъ* слѣдуетъ разумѣть или цѣну предмета, истребленнаго преступленіемъ, или цѣну истраченнаго на что либо труда. Изъ этого должно заключить, что и въ статьѣ о убійствѣ холопа слова̀: *урокъ платити*, означали выплачиваніе цѣны убитаго его владѣльцу, т. е. какъ мы видѣли выше, 5 гривенъ за холопа и 6 гривенъ за рабу. Мы также думаемъ, что, по особому отношенію, существовавшему между господиномъ и закупомъ, при умерщвленіи послѣдняго головничество получали не родственники его, а владѣлецъ, потому что ему закупъ могъ остаться должнымъ и вообще смерть его могла причинить убытки его господину. Если убійцей былъ холопъ, то, какъ мы сказали уже прежде, господинъ его обязанъ былъ по первоначальному постановленію заплатить за убитыхъ, если мститель того хотѣлъ, *двойное головничество*, а въ послѣдствіи выплатить только урокъ, а не двойную плату за обиду, или выдать самого холопа (II, 115). За закупа, лишавшаго кого либо жизни, господинъ его платилъ одно головничество; но если закупъ скрывался, то господинъ, кажется, вовсе освобождался отъ

платы за голову, по крайней мѣрѣ при татьбѣ онъ не отвѣчалъ за убѣгавшаго закупа-татя.

Сдѣлаемъ теперь общіе выводы изъ всего сказаннаго нами въ этой статьѣ:

1) При Ярославѣ дозволялась за убійство частная месть со стороны родственниковъ убитаго, но месть эта выражалась преимущественно требованіемъ денежныхъ выкуповъ, или головничества, такъ что количество ихъ въ послѣдствіи, въ дополнительномъ Ярославовомъ уставѣ, опредѣлено самымъ закономъ. Въ случаѣ физической невозможности самосуда, право мести переходило къ князю, который взыскивалъ за убійство огнищанина 80 гривенъ, а за умерщвленіе людина 40 гривенъ. Эти платы, или виры были *личныя*, если убійцей былъ разбойникъ, и *общинныя*, если убійство совершено не въ разбоѣ, или если вообще преступника не отыскивали. Частная месть ни въ какомъ случаѣ не совпадала съ местью князя.

2) При Изяславѣ и Мономахѣ право частной мести за убійство было уже отмѣнено, и такъ какъ вслѣдствіе этого самосудъ признавался по закону невозможнымъ, то право мести за всякое смертоубійство перешло къ князю, а роднымъ или господину убитаго предоставлено было право пользоваться однимъ головничествомъ, которое такимъ образомъ получило только значеніе простаго вознагражденія за потерю родственника или холопа.

3) По уставамъ Правды Изяслава и Мономаха, месть князя за убійство выражалась: *личнымъ наказаніемъ*, *вирой* и *продажей*. Потокъ или денежныя пени назначались смотря по видамъ убійствъ.

4) Правда различала слѣдующіе виды убійствъ: 1) убійство на разбоѣ безъ всякой свады и 2) убійство въ свадѣ. Между убійствами въ свадѣ отличены отъ другихъ умерщвленіе холопа и умерщвленіе связаннаго татя. При побѣгѣ или необнаруженіи виновныхъ виды убійствъ не различались.

5) За лишеніе кого либо жизни, мущины или женщины свободнаго и несвободнаго состоянія на *разбоѣ безъ всякой свады*, происходило ли это предумышленно, умышленно или неосторожно,—Правда назначала *потокъ* и *разграбленіе* имущества.

6) За убійство *въ свадѣ* мущины или женщины свободнаго состоянія, также предумышленно, умышленно или неосторожно, взыскивалась вира личная или общинная, смотря по тому, помогалъ ли преступникъ прежде своей верви въ платежѣ виръ или нѣтъ. Самое количество виры за лишеніе жизни въ свадѣ свободнаго человѣка было различное: 1) за убійство княжа мужа платилось 80 гривенъ, если онъ не былъ зачинщикомъ свады, и 40 гривенъ, когда онъ самъ начиналъ сваду; 2) за умерщвленіе свободнаго людина платилось 40 гривенъ, если не имъ былъ данъ поводъ къ свадѣ, а если же имъ, то 20 гривенъ. За убійство въ свадѣ холопа или рабы, или татя, пойманнаго на татьбѣ и связаннаго, платилась 12-гривенная продажа, которая также могла быть личною или общинною.

7) За лишеніе кого либо жизни *безъ всякой свады и безъ разбоя*, т. е. не иначе какъ неосторожно или случайно, а также въ случаѣ умерщвленія кого при необходимой оборонѣ своего имущества или лица—Правда не подвергала виновныхъ никакой отвѣтственности.

8) Если *убійца не былъ обнаруженъ*, то не смотря на то, былъ ли убитъ свободный человѣкъ или холопъ, съ верви, гдѣ найденъ трупъ, постоянно взыскивалась вира, за умерщвленіе княжихъ мужей и ихъ родственницъ—80-гривенная, а за убійство всякаго людина, не различая ни пола, ни состоянія,—40-гривенная. Но если убитый, при неоткрытіи виновнаго, не былъ никому въ верви извѣстенъ, или если находили только однѣ человѣческія кости, то вервь освобождалась отъ платежа виры. Такая неизвѣстность имени убитаго не принималась въ расчетъ, когда убійца былъ обнаруженъ.

9) Все, что мы до сихъ поръ сказали въ 3, 4, 5, 6, 7 и 8 пунктахъ относится къ тѣмъ случаямъ, когда убійца или былъ неизвѣстенъ или принадлежалъ къ свободному состоянію. Если же убійцею холопа или свободнаго человѣка былъ холопъ или раба, то виновныхъ князь не казнилъ ни потокомъ, ни денежною пеней. Преступникъ подвергался частной мести. Такая месть была сначала неограниченна, но Мономахъ запретилъ умерщвленіе въ этомъ случаѣ холопа или рабы, а дозволилъ родственникамъ или господамъ убитаго требовать съ владѣльца убійцы или *выкупа* или выдачи самого преступника головою. Выданный головою убійца

безъ сомнѣнія могъ быть наказанъ обиженнымъ по его усмотрѣнію; но не лишенъ жизни. Если убійцей былъ закупъ, то онъ не выдавался головою, а господинъ его долженъ былъ дать обиженному за него выкупъ.

10) Головничество платилось частнымъ лицамъ, въ вознагражденіе ихъ за убитыхъ, и всегда взыскивалось не съ верви, не производившей въ пользу частныхъ лицъ никакихъ платежей, а съ самого убійцы, или съ его господина, если убійцею былъ холопъ или закупъ. Головничество выплачивалось независимо отъ виръ и продажъ, и не исключалось личнымъ наказаніемъ преступника; но плата за голову не имѣла мѣста въ случаѣ убійства кого либо при необходимой оборонѣ и при умерщвленіи татя на татьбѣ во пса мѣсто. Головничество, по количеству платы, раздѣлялось на четыре разряда: 80 и 40 гривенъ платилось за княжихъ мужей, а 12 и 5 гривенъ—за людиновъ.

В. О НАНЕСЕНІИ УВѢЧІЙ, РАНЪ И ПОБОЕВЪ.

Въ уставѣ Ярослава, за нанесеніе увѣчій, ранъ и побоевъ, также какъ и за убійство, дозволялась, безъ сомнѣнія на основаніи прежде существовавшаго обычая, *месть* или *самосудъ*, но съ нѣкоторымъ уже ограниченіемъ этого права. Обиженный, по праву мести, вѣроятно могъ подвергать виновнаго тоже увѣчьямъ, ранамъ и побоямъ, взять съ него произвольную плату, или даже примириться съ нимъ, но убивать его, если онъ былъ свободный человѣкъ, обычай кажется уже запрещалъ, потому что постановленіемъ Ярослава допускалось умерщвленіе въ возмездіе за побои только при нанесеніи удара *холопомъ* свободному мужу (I, 16; II, 58). Если бы такое кровавое возмездіе за побои, раны и увѣчья составляло общее правило для всякаго и при всѣхъ возможныхъ случаяхъ, тогда бы не было нужнымъ издавать особое о томъ постановленіе относительно виновныхъ холоповъ.

При такомъ ограниченіи права мести относительно лицъ свободнаго состоянія, мстителемъ за увѣчья, раны и побои былъ при Ярославѣ почти всегда самъ обиженный. Однакожъ встрѣчались случаи, когда по закону право мести переходило къ родственникамъ изувѣченнаго. Въ Правдѣ сказано: «оже ли утнеть руку, и отпа-

детъ рука, любо усохнетъ: то 40 гривенъ, аще будетъ нога цѣла; или начнетъ хромати, тогда чада смирятъ» (I, 5) ([1]). Статью эту мы толкуемъ такъ: кто ударялъ кого по рукѣ, и рука отпадала или усыхала, тотъ долженъ былъ, *аще нога была цѣла*, т. е. оставалась неповрежденною при изувѣченіи руки, заплатить 40-гривенную виру, безъ сомнѣнія въ томъ только случаѣ, если по какимъ либо причинамъ обиженный не могъ за себя мстить; но когда не только рука, а вмѣстѣ съ нею повреждена была и *нога*, такъ что потерявшій руку начиналъ еще и *хромать*, т. е. дѣлался рѣшительно неспособнымъ къ самостоятельной мести не по какому либо другому, а по этому именно поводу, тогда *чада смиряли*, т. е. смиряли виновнаго, иначе мстили за изувѣченнаго. Слѣдовательно, увѣчьемъ, которое положительно признавалось лишавшимъ возможности мстить за себя, было одновременное поврежденіе у кого либо *руки* и *ноги*. Въ такомъ только случаѣ право мести переходило къ чадамъ, т. е. къ дѣтямъ изувѣченнаго, и только къ нимъ, а не къ другимъ какимъ нибудь родственникамъ, тогда какъ при убійствѣ право перехода мести было гораздо обширнѣе. Впрочемъ, такъ какъ составители Правды, что весьма замѣтно при ея изученіи, не имѣли еще навыка составлять точныхъ, отвлеченныхъ положеній, а почти всякую законодательную мысль, безъ сомнѣнія общую въ своемъ основаніи, умѣли выражать только частнымъ случаемъ, то мы съ вѣроятностію полагаемъ, что они также не совладѣли съ тою мыслію, что за каждое увѣчье, лишавшее возможности мстить самому за себя, отмщали виновному дѣти обиженнаго, и потому прибѣгли къ помощи частнаго случая о совмѣстномъ поврежденіи руки и ноги. Поэтому, заключая, что въ разсматриваемой нами статьѣ *общее* выражено въ *частномъ*, мы думаемъ, что месть переходила къ чадамъ не только при изувѣченіи руки и ноги, но что вопреки здравому смыслу не могли иначе поступать и тогда, если напр. выкалывали кому оба глаза, или лишали его обѣихъ рукъ, или обѣ-

([1]) Въ текстѣ Правды, изданномъ г. Калачовымъ, въ выписанной нами статьѣ, послѣ словъ: *«то 40 гривенъ»*, поставлена точка съ запятою, но кажется слѣдуетъ ограничиться здѣсь только запятою, а точку съ запятою употребить передъ словами *«или начнетъ хромати»*. Сдѣлавъ такую перестановку знаковъ препинанія, означится тотъ смыслъ статьи, какой мы ей даемъ.

ихъ ногъ, словомъ, когда обиженный очевидно не въ состояніи былъ прибѣгнуть лично къ самосуду. За нанесеніе же всякихъ другихъ увѣчій, не лишавшихъ возможности самому мстить за себя, а равно ранъ и побоевъ, обиженные сами были и мстителями, и право мести ни въ какомъ случаѣ не переходило къ ихъ роднымъ. Когда же претерпѣвшій побои, раны или увѣчья, при всемъ желаніи, не могъ почему либо мстить за себя, напр. по дряхлости, болѣзни, или же когда при изувѣченіи ему одновременно ноги и руки, или выколотіи обоихъ глазъ, онъ не имѣлъ дѣтей для передачи имъ права мести, тогда, если не примирялся съ виновнымъ, могъ обратиться къ суду, и нанесшій оскорбленіе въ такомъ случаѣ подвергался вирѣ или продажѣ въ пользу князя, а обиженный удовлетворялся особой мздой. «Оже ли себе не можетъ мстити, сказано въ Правдѣ, то взяти 3 гривнѣ, а лѣтцю мзда» (I, 2). Что виры поступали въ пользу князя, о томъ мы уже говорили въ статьѣ объ убійствѣ; но дѣйствительно ли такое назначеніе имѣли и другія платы, опредѣленныя за побои и раны, именно 12 гривенъ, 3 гривны и гривна, т. е. съ 10 процентными 60 кунъ? Шестьдесятъ кунъ названы прямо продажею въ уставѣ Ярослава и въ поступленіи ихъ къ князю нельзя сомнѣваться, потому-что эта плата прямо противополагается частному вознагражденію, напр.: «оже ладью украдетъ, то за ладью платити 30 рѣзанъ, а продажи 60 рѣзанъ» (I, 34). Здѣсь 30 рѣзанъ назначается въ удовлетвореніе за украденную вещь, 60 же кунъ не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только пеней въ пользу князя. Двѣнадцать и 3 гривны, собственно 3 гривны и 30 рѣзанъ, хотя нигдѣ въ уставахъ Ярослава не названы продажами, но въ концѣ дополнительнаго его устава (I, 41) прямо говорится о поступленіи означенныхъ платъ къ князю, съ выдѣленіемъ только 10 процентныхъ.

Прежде нежели займемся подробнымъ разсмотрѣніемъ опредѣленныхъ постановленіями Ярослава взысканій, за нанесеніе увѣчій, ранъ и побоевъ, въ случаѣ, если обиженный прибѣгалъ къ суду, выпишемъ сначала эти постановленія, и оправдаемъ допущенное нами нѣкоторое измѣненіе въ ихъ чтеніи.

1) Оже будетъ кровавъ или синь надъраженъ, то не искати ему видока человѣку тому; аще не будетъ на немъ знаменія никотораго же, толи пріидетъ видокъ; аще ли не можетъ, то тому конецъ. Оже

ли себе не можетъ мстити, то взяти 3 гривнѣ, а лѣтцю мзда (I, 2) (1).

2) Аще ли кто кого ударитъ батогомъ, любо жердью, любо пястью, или чашею, или рогомъ, или тылеснію (2), то 12 гривнѣ, аще сего не постигнуть, платити ему: то ту конецъ (I, 3).

3) Аще утнетъ мечемъ, ли вынемъ его, любо рукоятью, то 12 гривенъ за обиду (I, 4).

4) Оже ли утнетъ руку, и отпадетъ рука, любо усохнетъ: то 40 гривенъ, аще будетъ нога цѣла; или начнетъ хромати, тогда чада смирятъ (I, 5).

5) Аще ли перстъ утнетъ который любо: 3 гривны за обиду (I, 6).

6) А во усѣ 12 гривнѣ; а въ бородѣ 12 гривнѣ (I, 7).

7) Оже ли кто вынезъ мечъ, а не тнетъ: то той гривну положитъ (I, 8).

8) Аще ли ринетъ мужъ мужа, любо отъ себе, любо къ собѣ: 3 гривнѣ (I, 9).

Слово «*лѣтецъ*», употребленное въ первой изъ выписанныхъ нами статей, означаетъ лекаря, т. е. безъ сомнѣнія знахаря, а подъ словомъ «*мзда*» необходимо разумѣть ту сумму, какую обиженный заплатилъ, или долженъ былъ заплатить лѣтцю за леченіе, и которая или прямо вытребовалась съ нанесшаго кому либо раны и увѣчья, или же взыскивалась съ него въ возвратъ истцу за сдѣланную имъ уже издержку. Это показываетъ, что леченіе обиженнаго всегда производилось на счетъ виновнаго. Слѣдовательно, подъ выраженіемъ «*лѣтцю мзда*» должно понимать частное вознагражденіе. Но и слова: «*взяти ему за обиду 3 гривнѣ*», находящіяся въ той же статьѣ почти по всѣмъ спискамъ, также указываютъ на вознагражденіе обиженнаго. Такъ какъ двойнаго вознагражденія быть не могло, и мы не видимъ тому примѣровъ въ другихъ уставахъ Правды, то это даетъ намъ поводъ думать, что выраженіе «*взяти ему за обиду*» искажено, и потому мы принимаемъ чтеніе его по Татищевскому-Погодинскому списку, въ которомъ словъ *ему за*

---

(1) См. Изслѣдованія о Рус. Правдѣ г. Калачова. стр. 132.

(2) Тылеснія то же что тылье, обухъ. Въ лѣтописи Нестора сказано: Янъ же оборотя топоръ, удари й тыльемъ. Полн. собр. лѣт. т. I, стр. 75.

обиду нѣтъ, а сказано просто *взяти 5 гривнъ*. При такомъ чтеніи 3-хъ-гривенную плату слѣдуетъ считать продажей въ пользу князя, что подтверждается соотвѣтствующею разбираемой статьею устава Изяслава (II, 23).—Во второй изъ выписанныхъ нами статей, слово *то* предъ глаголомъ *платити*, хотя оно находится во всѣхъ спискахъ доселѣ извѣстныхъ, мы выпустили, какъ очевидно лишнее. Ненужная вставка этого слова объясняется весьма легко. Предъ нимъ поставленъ глаголъ «*постигнуть*»; окончаніе его *ть* переписчикъ, чертившій, какъ обыкновенно водилось въ старину, съ разстановкой и отдѣльно букву за буквой, написалъ вѣроятно по ошибкѣ вдвойнѣ, такъ что вышло *постигнутьть*. Снятая этимъ переписчикомъ копія устава Ярослава могла служить оригиналомъ для позднѣйшихъ переписчиковъ, которые, не предполагая ошибки, *ть* прочли какъ *то*, и тѣмъ болѣе имѣли къ тому основанія, что въ Правдѣ иногда употребляется вмѣсто *то*—*тъ*, напр. «тъ всѣхъ кунъ 15» (I, 42); въ слѣдствіе же этого и образовалось: *то платити*. Наконецъ, въ 3-й статьѣ, о нанесеніи удара мечемъ, во всѣхъ спискахъ сказано: «а не вынемъ его, любо рукоятью»; но мы считаемъ, что *а не* написано по ошибкѣ вмѣсто *ли*, и потому принимаемъ такое чтеніе: ли вынемъ его, любо рукоятью. Въ статьѣ, которую мы разсматриваемъ, очевидно, дѣлается какое-то противопоставленіе между частями меча; рукояткою же его можно наносить удары не смотря на то, будетъ ли обнаженъ мечь или не обнаженъ, слѣдовательно выраженіе: «*а не вынемъ его, любо рукоятью*», не имѣетъ смысла, потому что побои рукояткою то же могли наноситься мечемъ, невынутымъ изъ ноженъ. Если же допустить, что подъ выраженіемъ: «*а не вынемъ его*», понимали удары оконечностію ноженъ, тогда представляется страннымъ для чего было сдѣлано различеніе между предметами собственно безразличными, т. е. между тупыми концами меча. Допустивъ же наше чтеніе, можно перевесть разбираемую нами статью такъ: если кто ударитъ кого мечемъ, острымъ его концомъ, или тупымъ, т. е. рукояткою, то платитъ 12 гривенъ за обиду. Притомъ, 7-я изъ выписанныхъ нами выше статей, въ которой говорится: *оже ли кто вынезъ мечь, а не тнетъ*, необходимо предполагаетъ постановленіе о томъ, если бы кто обнажилъ мечь и утнулъ; но отвергнувъ принимаемое нами чтеніе 3-й статьи, нельзя будетъ найти такого постановленія во всей Русской

Правдѣ. Остается еще объяснить, какимъ образомъ изъ *ли* могло образоваться *а не*. Кто сколько нибудь всматривался въ древнія рукописи, или въ печатные снимки съ такихъ рукописей, тотъ легко, кажется, согласится съ тѣмъ, что въ нихъ бываетъ иногда довольно трудно различить, особенно при неясности почерка, а и л, и въ этихъ случаяхъ только по предшествующей и послѣдующей буквамъ можно догадаться, гдѣ *а*, а гдѣ *л*. Тоже самое должно сказать и о буквахъ *и* и *н*. Предположимъ теперь, что переписчикъ, написавъ слова: «аще утнетъ мечемъ», и изъ слѣдующихъ за симъ словъ написавши *ли*, ошибочно приступилъ прежде глагола *вынемъ* къ написанію мѣстоименія *его*, какъ это часто случается при переппскѣ, но начертавъ первую только букву є и замѣтивъ свою ошибку, не докончилъ начатаго слова, и не зачеркнувъ букву є, написалъ *вынемъ его*. Такимъ образомъ вышло: *лие вынемъ его*, и послѣдующіе переписчики, или по необходимости, чтобы придать хотя какой нибудь смыслъ выраженію *лие*, или просто по неясности первыхъ двухъ буквъ, прочли его *а не*. Ко всему этому прибавимъ, что чтеніе *ли вынемъ* не представляетъ въ себѣ ничего несвойственнаго Правдѣ, потому что подобныя грамматическія формы въ ней употребляются, напр. ли платити продажю (II, 63), ли словенинъ (II, 1), ли жердью (II, 25).

Представивъ основанія, какія мы имѣли, допустивши нѣкоторое измѣненіе въ чтеніи первыхъ трехъ изъ выписанныхъ нами статей, приступимъ къ самому объясненію какъ этихъ трехъ, такъ и другихъ изложенныхъ выше постановленій устава Ярослава о нанесеніи увѣчій, ранъ и побоевъ. Обратимъ первоначально вниманіе на слѣдующую статью: «аще ли кто кого ударитъ батогомъ, любо жердью, любо пястью, или чашею, или рогомъ, или тылеснію: то 12 гривнѣ, *аще сего не постигнуть*, платити ему.» Смыслъ этой статьи тотъ, что съ нанесшаго удары исчисленными выше орудіями взыскивалось 12 гривенъ только тогда, *аще сего не постигнутъ*, т. е. когда ему не отвѣчали такими же ударами, словомъ, когда между имъ и первоначально имъ обиженнымъ не возникало *взаимной драки*. Если же 12 гривенъ платилось за побои безъ драки, то слѣдуетъ предполагать, что за нанесеніе удара кому *въ дракѣ* или *въ ссорѣ*, съ начинавшаго ту или другую, если только онъ наносилъ побои сильнѣйшіе противъ тѣхъ, какія самъ получилъ, взы-

скивалась продажа меньшая, и мы думаемъ, что о дѣйствіяхъ такого рода именно говорится въ статьѣ, начинающейся словами: «или будетъ кровавъ или синь надъраженъ» (1, 2). Намъ извѣстно, что при убійствахъ строго различали лишеніе кого либо жизни *въ сва-дѣ* и умерщвленіе *безъ всякой свады на разбоѣ*. Этого самаго начала, по нашему мнѣнію, не могли обойти и при назначеніяхъ пеней за увѣчья, раны и побои, и что оно дѣйствительно было принято въ уставѣ Ярослава, это, кромѣ выше нами сказаннаго, доказывается, какъ тѣмъ, что и въ Изяславовомъ уставѣ встрѣчается то же самое начало, такъ и тѣмъ, что, отвергнувъ его, постановленія о разсматриваемыхъ нами преступленіяхъ будутъ представлять собою только рядъ однѣхъ несообразностей. Чѣмъ напр. объяснить, что преступникъ, ударившій кого либо пястью, чашею, или жердью, хотя бы и не наносилъ ему тѣмъ раны, подлежалъ 12 гривенной продажѣ, а за отсѣченіе у кого либо перста платилъ только 3 гривны? Или на какомъ основаніи съ избившаго кого нибудь до крови или синяковъ взыскивалось 3 гривны, тогда какъ за толчки опредѣлялась такая же плата (1, 9), а за клокъ вырванной бороды назначалось 12 гривенъ? Такія несообразности безъ сомнѣнія могутъ возникать въ умѣ всякаго современнаго изслѣдователя Правды по трудности объяснить внутренній смыслъ ея постановленій; но онѣ не существовали на самомъ дѣлѣ, потому что составители Правды не были же людьми, лишенными даже простаго здраваго смысла. По нашему мнѣнію, означенныя несообразности легко устраняются, если принять, что все различіе платъ за побоя, раны и увѣчья зависѣло отъ того, нанесены ли они *въ раздраженіи*, въ свадѣ, т. е. въ ссорѣ или дракѣ, или же безъ всякой свады, то есть *безъ раздраженія*, а съ какимъ либо злымъ умысломъ на разбоѣ. При нанесеніи побоевъ съ намѣреніемъ безъ всякой свады обращали вниманіе на то, произвели ли они раны или вообще остались ли послѣ нихъ слѣды, или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ, кто причинялъ кому либо побои до крови и синяковъ или раны батогомъ, жердью, рукою, чашею, рогомъ, обухомъ, острымъ или тупымъ концемъ меча, или кто вырывалъ, или обрѣзывалъ кому либо, безъ сомнѣнія, въ поруганіе, усы или бороду, тотъ подвергался 12-гривенной продажѣ (I, 3, 4, 7). Во второмъ случаѣ, если бы кто кого толкнулъ, или вообще нанесъ побои безвредные (I, 9), тотъ подлежалъ 3-хъ гривенной продажѣ.

Однакожъ, мы говоримъ не только о побояхъ, но и о ранахъ, тогда какъ Правда въ означенныхъ статьяхъ упоминаетъ единственно о толчкахъ и ударахъ какимъ либо орудіемъ. Не слѣдуетъ ли въ приведенныхъ постановленіяхъ разумѣть однихъ лишь безвредныхъ побоевъ? Очевидно, что Правда, употребляя выраженія: «аще ли ударитъ батогомъ, аще утнетъ мечемъ, аще ринетъ мужъ мужа», умалчиваетъ о послѣдствіяхъ удара и толчковъ; послѣдствіями же могли быть: ушибы, побои, раны, увѣчья и даже смерть. Двухъ послѣднихъ послѣдствій въ упомянутыхъ нами выраженіяхъ не предполагалось, потому что объ увѣчьяхъ и убійствахъ Правда говоритъ особо, и назначаетъ за нихъ не продажу, а виру. Но что она въ статьяхъ, начинающихся словами:«аще ли кто кого ударитъ батогомъ, аще утнетъ мечемъ» (I, 3, 4), не разумѣла безвредныхъ побоевъ, не оставлявшихъ по себѣ никакихъ слѣдовъ, это видно изъ устава Изяслава, гдѣ встрѣчается выраженіе: «аже ударитъ мечемъ, то 3 гривны», и вслѣдъ за тѣмъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій, назначается вознагражденіе *за рану*: «а самому гривна за рану.» Такимъ образомъ, въ означенныхъ статьяхъ (I, 3, 4), мы имѣли основаніе разумѣть раны, а слѣдовательно и побои до крови и синяковъ; въ статьѣ же: «аще ли ринетъ мужъ мужа» (I, 9) нельзя видѣть ничего другаго, кромѣ безвредныхъ, не оставлявшихъ по себѣ никакихъ слѣдовъ побоевъ. Хотя Правда, по видимому, дѣлаетъ какое-то различеніе между орудіями, которыми нанесены побои; но она и сама не придаетъ этому никакого значенія, потому что назначаетъ одинаковую 12-гривенную продажу, чѣмъ бы ни былъ нанесенъ ударъ. На такое ненужное исчисленіе орудій слѣдуетъ смотрѣть, какъ на обыкновенный способъ Правды въ частномъ выражать общее. Вмѣсто того, чтобы, говоря о нанесеніи ударовъ, употребить выраженіе: *чѣмъ бы то ни было*, она начинаетъ исчислять самыя орудія. Точно также и въ статьѣ: «аще ли ринетъ мужъ мужа», вмѣсто составленія общаго положенія о причиненіи безвредныхъ побоевъ какимъ бы ни было образомъ, Правда выбираетъ частный случай, который весьма удачно выражаетъ эту мысль, именно говоритъ о толчкахъ. За покушеніе нанести безъ всякой свады ударъ кому нибудь мечемъ или другимъ какимъ либо орудіемъ, виновный платилъ 60 кунъ продажи (I, 8). Въ уставѣ Ярослава сказано: *«то той гривны положить»*, т. е. 50 кунъ; но здѣсь

слѣдуетъ разумѣть не особую, установленную для одного частнаго случая продажу, а извѣстную уже намъ продажу въ 60 кунъ, только безъ 10-процентныхъ. Точно также въ Правдѣ употребляется безъ этихъ послѣднихъ и 3-хъ гривенная продажа, при которой всегда должно разумѣть, какъ мы показали во введеніи, добавочныхъ 30 кунъ. При нанесеніи побоевъ *въ дракѣ* или *ссорѣ*, такъ какъ и при нанесеніи ихъ *безъ всякой свады*, обращали вниманіе на то, остались ли послѣ побоевъ слѣды или нѣтъ. Это видно изъ выраженій: «оже будетъ кровавъ или синь надъраженъ, аще не будетъ на немъ знаменія никотораго (I,2)». Однакожъ различіе это въ уставѣ Ярослава имѣло значеніе только въ отношеніи способа доказывать преступленіе, продажа же во всякомъ случаѣ за побои въ свадѣ назначалась одинаковая, 3-хъ гривенная. Такой недостатокъ постановленія Ярославова исправленъ, какъ мы увидимъ, въ уставѣ Изяслава. Къ разряду послѣдствій отъ побоевъ въ ссорѣ или дракѣ мы относимъ и повреждевіе перста, упоминаемое въ статьѣ: «аще ли перстъ утнетъ который любо: 3 гривны за обиду (I, 6)». При такомъ объясненіи не можетъ возникнуть вопроса: отчего за причиненіе толчковъ назначалась такая же пеня, какъ и за поврежденіе перста, потому что незначительность перваго поступка усиливалась злонамѣреннымъ направленіемъ воли, а бо̀льшая важность послѣдствія отъ втораго дѣйствія ослаблялась произведеніемъ этого послѣдствія во взаимной дракѣ, или ссорѣ, и такимъ образомъ оба преступленія уравновѣшивались и требовали одинаковой продажи. Точно также, принявши нашу точку зрѣнія, можно устранить и всѣ другіе вопросы и недоумѣнія. Если перстъ былъ повреждаемъ у кого либо безъ всякой свады, то само собою разумѣется платилась 12-ти гривенная продажа. Остается сказать еще объ увѣчьяхъ. За изувѣченіе какой нибудь важной части тѣла, напр. руки, ноги, въ уставѣ Ярослава опредѣлялась 40-ка-гривенная вира (I, 5). Безъ сомнѣнія, такая же вира взыскивалась и тогда, если изувѣченіе было въ такой степени, что совершенно лишало обиженнаго возможности самому мстить за себя, а передать ему права мести, по неимѣнію дѣтей, было некому. Такъ какъ объ увѣчьи въ разсматриваемомъ нами уставѣ говорится только въ одномъ мѣстѣ, и притомъ не дѣлается никакого намека, при какомъ направленіи воли взыскивалось 40 гривенъ за это преступленіе, то мы заключаемъ, что ихъ платили за всякое увѣчье,

будетъ ли оно нанесено *въ свадѣ* или *безъ свады*. Впрочемъ, изъ этого не слѣдуетъ, чтобы виновные въ томъ и другомъ случаѣ подлежали совершенно одинаковому наказанію: совершившій увѣчье безъ свады выплачивалъ виру самъ, тогда какъ нанесшему его въ свадѣ могла помогать въ платежѣ виры вервь, потому что, по нашему мнѣнію, такая общинная плата имѣла мѣсто не только при лишеніи кого либо жизни, но и вообще тамъ, гдѣ только взыскивалась за что нибудь вира, безъ сомнѣнія если преступникъ самъ прежде того помогалъ верви.—Кромѣ виръ и продажъ за разсматриваемыя нами преступленія назначалось и *частное вознагражденіе*, которое состояло въ томъ, что леченіе обиженнаго, если оно разумѣется было необходимо, производилось на счетъ виновнаго: «*а лѣтцю мзда*». Такое вознагражденіе, безъ сомнѣнія, опредѣлялось не только при нанесеніи побоевъ, ранъ и увѣчій въ свадѣ, но и при нанесеніи ихъ безъ всякой свады.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ же преступленій въ Изяславовомъ и Мономаховомъ уставахъ, въ которыхъ, при дальнѣйшемъ развитіи постановленій Ярослава, означенныя нами въ нихъ начала, выражены съ бо̀льшею ясностію и опредѣленностію.

За нанесеніе ранъ и побоевъ назначаются Изяславомъ и Мономахомъ тѣ же пени въ пользу князя, какъ и при Ярославѣ, именно 12 гривенъ, 3 гривны и 60 кунъ. Что эти платы дѣйствительно поступали къ князю, видно изъ слѣдующаго: 1) 12 гривенъ не могли быть частнымъ вознагражденіемъ, потому что обиженный за самое тяжкое увѣчье получалъ только 10 гривенъ (II, 21), слѣдовательно нельзя думать, чтобы истцу за одни побои и раны давали 12 гривенъ; 2) при 3-хъ-гривенной платѣ назначалось иногда особое денежное вознагражденіе частному лицу (II, 22, 24), что также указываетъ на поступленіе 3-хъ-гривенъ не къ кому другому, какъ къ князю; 3) 12 и 3 гривны въ разсматриваемыхъ нами постановленіяхъ называются прямо *продажами*, которыя, какъ извѣстно, взыскивались въ пользу князя, а потому и поставленная въ одинаковыхъ условіяхъ съ 12-ти и 3-хъ-гривенными платами плата въ 60 кунъ была также *продажею* (II, 19, 23); 4) означенныя денежныя взысканія поступали, какъ мы видѣли, къ князю и при Ярославѣ, слѣдовательно не могли имѣть другаго назначенія при Изяславѣ и Мономахѣ.

Опредѣливъ въ чью пользу взыскивались 12 гривенъ, 3 гривны и 60 кунъ, выпишемъ, для бо̀льшей ясности нашихъ послѣдующихъ выводовъ, самыя статьи, о которыхъ мы будемъ говорить.

1) Аже кто ударитъ мечемъ, *вынезъ* его, (1) или рукоятію: то 12 гривенъ продажи за обиду (II, 18).

2) Аже ли *вынезъ* мечь, а не утнетъ, то гривна кунъ (II, 19).

3) Аже кто кого ударитъ батогомъ, любо чашею, любо рогомъ, любо тылесніо: то 12 гривенъ; не терпя ли противу тому ударитъ мечемъ, то вины ему въ томъ нѣтуть (II, 20).

4) Аче ли утнетъ руку, и отпадетъ рука, или усхнетъ, или нога или око, или *носъ* утнетъ: то полувирье, 20 гривенъ, а тому за вѣкъ 10 гривенъ (II, 22; III, 22).

5) Аже перстъ утнетъ кій любо, 3 гривнѣ продажѣ, а самому гривна кунъ (II 22).

6) Аже придетъ кровавъ мужъ на дворъ, или синь, то видока ему не искати, но платити ему продажю 3 гривны; аще ли не будетъ на немъ знаменія, то привести ему видокъ: слово противу слова, а кто будетъ почалъ, тому платити 60 кунъ; аче же и кровавъ придетъ, *али* (2) будетъ самъ почалъ, а вылезутъ послуси, то то ему за платежъ, оже и били (II, 23; III, 24).

7) Аже ударитъ мечемъ, а не утнетъ на смерть, то 3 гривны, а самому гривна за рану, же лечебное; потнетъ ли на смерть, а вира (II, 24).

8) Аче пояхнетъ мужъ мужа, любо къ собѣ, ли отъ собе, любо *пястью* ударитъ, ли жердью ударитъ, а видока два выведутъ, то 3 гривны продажи; аже будетъ варягъ или колбягъ, иде полная выдока вывести, идета на роту (II, 25) (3).

9) А кто порветъ бороду, то 12 гривенъ продажѣ (II, 60).

10) Аже выбьютъ зубъ, то 12 гривенъ продажѣ, а за зубъ гривна (II, 61).

По видимому, нашему выводу о назначеніи 12-ти и 3-хъ-гривен-

(1) Въ большей части списковъ стоитъ *не вынезъ*, но мы объяснили выше ошибочность такого чтенія, и потому читаемъ *вынезъ* безъ *не*, по Пушкинскому и Погодинскому спискамъ. См. Изслѣдов. о Рус.-Прав. г. Калачова стр. 117.

(2) См. Изслѣд. о Р. Прав. г. Калачова, стр. 133.

(3) Тамъ же.

ныхъ платъ князю, противорѣчитъ 6-я изъ выписанныхъ нами статей. Въ ней сказано: «аже придетъ кровавъ мужъ или синь, то видока *ему* не искати, но платити *ему* продажю 3 гривны.» Первое мѣстоименіе *ему* относится въ обиженному, слѣдовательно и второе такое же мѣстоименіе должно также относиться къ тому же лицу. Выводъ этотъ опровергается слѣдующимъ:

1) Не было основанія платить обиженному за побои до крови и синяковъ 3 гривны, когда вообще за всякую рану платилась ему гривна (II, 22, 24).

2) Въ Правдѣ всегда мѣстоименіе ему при глаголѣ платити означаетъ лице, которое подвергалось пени, а не обиженнаго, какъ это будетъ подробно объяснено нами ниже (¹).

3) Въ разбираемой нами статьѣ сказано: «а кто будетъ почалъ, *тому платити 60 кунъ*», т. е. обозначено лице, которое платило пеню. Если же при 60 кунахъ указано кто ихъ платилъ, а не кому онѣ платились, потому что не могли ихъ давать начинавшему драку, то разумѣется и при продажѣ въ 3 гривны также должно быть означено лице платившее, а не лице, получавшее плату.

4) Если первое мѣстоименіе *ему* въ словахъ: «видока ему не искати,» относится къ обиженному, то это не даетъ еще повода заключать, что и второе мѣстоименіе «ему» необходимо должно относиться къ тому же лицу, потому что въ Правдѣ часто два совершенно одинаковыя мѣстоименія, неразграниченныя между собою никакимъ именемъ, указываютъ на различныя лица; напр. «аже кто своего холопа самъ досочится въ чьемъ любо городѣ, а будетъ посадникъ не вѣдалъ его, то, повѣдавше *ему*, пояти же *ему* отрокъ отъ *него*, и шедше увязати и҃» (II, 108). Здѣсь первое мѣстоименіе *ему* относится къ посаднику, а второе, тотчасъ слѣдующее за первымъ, къ господину холопа.

5) Обстоятельство, что въ разсматриваемой нами статьѣ виновный вовсе не обозначенъ, а говорится только о кровавомъ мужѣ, т. е. объ обиженномъ, и что потому мѣстоименіе «*ему*» можно относить лишь къ послѣднему, имѣло бы значеніе въ современной намъ грамматической рѣчи, но по отношенію къ Правдѣ оно также не опровергаетъ нашего вывода. Въ ней весьма нерѣдко употреб-

(¹) См. статью о присвоеніи находки.

ляется мѣстоименіе и тогда, когда предъ нимъ не поставлено самого имени, къ которому оно очевидно относится, а это имя только подразумѣвается, наприм.: «аже перстъ утнетъ кій любо, 3 гривны продажѣ, а *самому* гривна купъ»; или: «аче ли утнетъ руку, то 20 гривенъ, *а тому* за вѣкъ 10 гривенъ». Въ выписанныхъ нами статьяхъ, мѣстоименія *самому*, *тому* относятся къ подразумѣваемому лицу обиженнаго.

6) Если бы все досель нами сказанное въ подтвержденіе нашего вывода, что 3 гривны за нанесеніе побоевъ до крови были продажей въ пользу князя, а не частнымъ вознагражденіемъ, сочли неосновательнымъ, то и тогда мы можемъ опереться на томъ, что чтеніе «*платити ему продажю*» не есть положительно несомнѣнное, и что въ нѣкоторыхъ спискахъ Правды, мѣстоименія *ему* нѣтъ, а говорится просто: *платити продажу* [1].

Объяснимъ еще допущенное нами въ 8-ой изъ выписанныхъ выше статей чтеніе: *пястью ударитъ*, тогда какъ такого выраженія нѣтъ ни въ одномъ изъ списковъ устава Изяслава, но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ сказано: *по лицю ударитъ*, а въ другихъ—*палицею ударитъ*. Въ Правдѣ вообще не обращали вниманія на то, какая часть тѣла подвергалась побоямъ или ранамъ, слѣдовательно чтенія «*по лицю* ударитъ» нельзя допустить, а если и говорится объ отсѣченіи перста, о вырваніи бороды, то нельзя забывать, что эти постановленія въ уставѣ Ярослава, въ которомъ они первоначально явились, помѣщены непосредственно за назначеніемъ виры за увѣчье, и съ тою единственно цѣлью, чтобы точнѣе опредѣлить это послѣднее, т. е. чтобы кто либо, лишившись бороды или пальца, не могъ счесть себя изувѣченнымъ. Выраженіе *по лицю* не могло имѣть такого значенія. Притомъ, если допустить, что Правда дѣйствительно опредѣляла 3 гривны за ударъ *по лицу*, то, по необходимой послѣдовательности, сіи слѣдовало опредѣлить плату за ударъ *по ногѣ*, *по рукѣ* и по другимъ частямъ тѣла. Однакожъ мы не видимъ этого, но замѣчаемъ, что Правда вообще имѣла обыкновеніе исчислять *орудія побоевъ*, а не части тѣла, имъ подвергшіяся. Скорѣе бы можно принять другое чтеніе: *палицею ударитъ*; но въ опроверженіе такого чтенія должно сказать, что *палка* и *жердь* не

(1) См. Изслѣд. о Р. Правдѣ. г. Калачова, стр. 133.

имѣютъ между собою никакого существеннаго различія, и что слѣдовательно было бы излишне употреблять въ одной статьѣ то и другое слово. Принимая во вниманіе, что въ уставѣ Ярослава не говорится о *палицѣ*, а упоминается *о пясти*, о которой въ уставѣ Изяслава нѣтъ ни слова, тогда какъ всѣ остальныя орудія нанесенія ранъ и побоевъ исчислены тѣ же самыя, мы думаемъ, что вмѣсто искаженныхъ выраженій: *по лицю ударитъ*, *палицею ударитъ*, слѣдуетъ читать: *пястью* ударитъ.

Послѣ такихъ предварительныхъ, но необходимыхъ объясненій, займемся разсмотрѣніемъ самаго существа выписанныхъ нами выше постановленій.

Въ статьѣ, начинающейся словами: «аже придетъ кровавъ мужъ,» мы встрѣчаемъ выраженія: «*а кто будетъ началъ*», «*али будетъ самъ началъ*», которыя показываютъ, что въ ней говорится о нанесеніи побоевъ въ свадѣ. За побои такого рода, если они оставляли по себѣ слѣды, т. е. были до крови и синяковъ, платилось 3 гривны продажи, а если слѣдовъ не оставалось, то 60 кунъ. Но та и другая продажа упадали всегда только на того, *кто будетъ началъ*. Какъ понимать это выраженіе? Если кто начиналъ ссору, а ему отвѣчали побоями, или кто заводилъ ссору и самую драку, а его избивали до крови и синяковъ, то въ такихъ случаяхъ начинавшаго ссору и драку, какъ уже наказаннаго, безъ сомнѣнія не подвергали отвѣтственности, но за то и онъ не могъ требовать никакого вознагражденія: «*то то ему за платежъ, оже и били*». Остается допустить, что взыскивали продажу съ того, кто будетъ началъ, только тогда, если самъ онъ получалъ меньшіе побои, а причинялъ болѣе тяжкіе. Статья: «аже ударитъ мечемъ, а не утнетъ на смерть, то 3 гривны, а самому гривна за рану, же лечебное, потнетъ ли на смерть, а вира»,—тоже указываетъ на нанесеніе раны въ дракѣ или въ ссорѣ. Мы знаемъ, что по постановленіямъ Изяслава виновный въ убійствѣ подвергался платежу виры только тогда, если онъ лишалъ кого либо жизни въ свадѣ. Такимъ образомъ, когда въ концѣ выписанной нами статьи говорится объ умерщвленіи кого нибудь въ свадѣ, то безъ сомнѣнія и въ началѣ статьи слѣдуетъ разумѣть то же самое условіе относительно причиненія раны. При нанесеніи ранъ въ свадѣ, безъ сомнѣнія, обращали, подобно какъ при побояхъ, вниманіе на то, кто начи-

палъ ссору или драку. Статью о поврежденіи перста (II, 22), какъ мы замѣтили уже при разсмотрѣніи устава Ярослава, также слѣдуетъ отнести къ кругу постановленій о причиненіи побоевъ и ранъ въ сваде. Разобравъ всѣ эти постановленія, постараемся доказать, что Правда допускала и противоположное начало тому, какое нами высказано. Обратимъ вниманіе на статью: «аче попхнетъ мужъ мужа, любо къ собѣ, ли отъ собе, любо пястью ударитъ, ли жердью ударитъ, *а видока два выведутъ*, то 3 гривны продажи.» Изъ постановленія о кровавомъ мужѣ (II, 23), видно, что свидѣтели представлялись обиженнымъ въ томъ только случаѣ, *аще не будетъ на немъ знаменія*, т. е. слѣдовъ отъ побоевъ; слѣдовательно въ выписанной нами статьѣ, въ которой требуется привода двухъ свидѣтелей, также говорится о побояхъ, кои не оставляли по себѣ слѣдовъ. Если такъ, то на какомъ основаніи за нанесеніе кому либо безвредныхъ ударовъ назначали такую же 3-гривенную продажу, какъ и тогда, если бы кто избивалъ кого до крови и синяковъ? Очевидно, въ томъ и другомъ случаѣ пени опредѣлены при различныхъ обстоятельствахъ. Обстоятельство, при которомъ назначена продажа въ законѣ о кровавомъ мужѣ, ясно выражено, именно *свада*. Поэтому необходимо въ статьѣ о толчкахъ допустить противоположное тому начало, т. е. нанесеніе побоевъ *безъ всякой свады, на разбоѣ*. Если же есть въ Правдѣ постановленіе о причиненіи безвредныхъ ударовъ безъ свады, то долженъ быть разрѣшенъ и тотъ случай, когда кто, при такомъ же условіи, наносилъ кому либо побои до крови и синяковъ. Зная, что за побои перваго рода назначалась 3-гривенная продажа, и что слѣдовательно за послѣдніе необходимо было опредѣлить бо̀льшую пеню, мы полагаемъ, что во всѣхъ выписанныхъ нами выше статьяхъ, гдѣ упоминается о 12-гривенной продажѣ, говорится о нанесеніи *безъ всякой свады*, злоумышленно, какъ ранъ такъ и побоевъ, оставлявшихъ по себѣ знаменія, т. е. слѣды. Сюда относятся статьи о причиненіи удара мечемъ, объ ударѣ батогомъ, о выбитіи зуба, о вырваніи бороды (II, 18, 20, 60, 61). Наше мнѣніе подтверждается еще и тѣмъ, что клокъ волосъ, вырванныхъ изъ бороды, называется въ Правдѣ *знаменіемъ*, а въ постановленіи о зубѣ говорится о *слѣдахъ* крови (II, 60, 61).— Остается еще кое-что сказать о статьѣ: «аже ли вынезъ мечь, а не утнетъ» (II, 19). За самое нанесеніе побоевъ въ свадѣ, какъ мы

видѣли, *аще не будетъ знаменія*, опредѣлялась пеня въ 60 кунъ; слѣдовательно не могли такой же продажи назначать за одно только *покушеніе* на побои. Это заставляетъ насъ заключать, что въ означенной статьѣ разрѣшается случай злоумышленнаго покушенія нанести чѣмъ бы то ни было ударъ *безъ всякой свады*. Соображая все нами сказанное о нанесеніи побоевъ и ранъ, мы видимъ, что при опредѣленіи за нихъ количества продажи, какъ при Ярославѣ, такъ и при Изяславѣ и Мономахѣ, главнымъ образомъ обращали вниманіе нанесены ли побои и раны *въ свадѣ* или *безъ свады;* за тѣмъ, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ дѣлали различіе между побоями со знаменіемъ и безъ знаменія, а при ударахъ безъ свады отличали еще покушеніе отъ самаго совершенія преступленія. Такимъ образомъ, за причиненіе ранъ и побоевъ до крови и синяковъ какимъ бы-то ни было орудіемъ, но съ злымъ умысломъ и безъ всякой свады, виновные платили *12 гривенъ продажи;* за нанесеніе же побоевъ, не оставлявшихъ по себѣ слѣдовъ, также безъ свады и какимъ бы то ни было орудіемъ, опредѣлялась продажа *въ 3 гривны*. За одно покушеніе нанести чѣмъ бы то ни было ударъ безъ всякой свады платилось 60 *кунъ*. Въ случаѣ причиненія ранъ и побоевъ до крови и синяковъ въ дракѣ или въ ссорѣ назначалась *3-гривенная продажа*, а за побои, нанесенные при тѣхъ же условіяхъ, но не оставлявшіе по себѣ никакихъ слѣдовъ, платилось 60 кунъ. Относительно нанесенія увѣчья, законъ Изяслава исчисляетъ болѣе частныхъ случаевъ по этому предмету, чѣмъ постановленіе Ярослава, и потому точнѣе опредѣляетъ мысль Правды, что подъ увѣчьемъ слѣдуетъ разумѣть неизгладимое поврежденіе какой нибудь важной части тѣла, напр. поврежденіе руки, ноги, выколотіе глаза, отрѣзаніе носа и проч. За такія дѣйствія взыскивалась уже не полная вира, какъ прежде, а полувира, 20 гривенъ. При опредѣленіи пени за увѣчья, также какъ и при Ярославѣ, не обращали вниманія на то, нанесены ли они въ свадѣ или безъ свады.

Касательно частныхъ вознагражденій за побои, раны и увѣчья въ уставахъ Изяслава и Мономаха сдѣланы значительныя измѣненія. При Ярославѣ, частное вознагражденіе во всѣхъ этихъ случаяхъ не было въ точности опредѣлено, а выражалось просто словомъ *мзда*, количество которой зависѣло отъ произвола обиженнаго

и лѣтця. При Изяславѣ же и Мономахѣ назначены опредѣленныя платы, именно: за увѣчье взыскивалось въ пользу изувѣченнаго 10 гривенъ ([1]), за раны платилась обиженному гривна на леченіе, и потому называлась *лечебною, оже лечебно есть*, (III, 25), и давалась также за поврежденіе перста и выбитіе зуба. За причиненіе побоевъ до крови и до синяковъ лечебная гривна тоже имѣла мѣсто. Это видно изъ выраженія: «аче же и кровавъ придетъ, али будетъ самъ почалъ, то то ему за платежъ, оже и били», которое даетъ поводъ заключать, что тотъ, кто не самъ начиналъ драку или ссору, получалъ плату, т. е. безъ сомнѣнія гривну на леченіе. За побои, не оставлявшіе по себѣ никакихъ слѣдовъ, а также и за вырваніе бороды, сначала частнаго вознагражденія не полагалось; но со времени Мономаха за всякій ударъ обиженный могъ, кажется, требовать *гривны кунъ за соромъ.* Хотя объ этой гривнѣ упоминается только при нанесеніи удара холопомъ свободному мужу (II, 58); но такъ какъ въ Правдѣ почти никогда частное положеніе не слѣдуетъ принимать въ смыслѣ исключенія изъ общаго правила, то мы думаемъ, что и въ настоящемъ случаѣ въ частномъ выражается общее.

Пени въ пользу князя за нанесеніе побоевъ, ранъ и увѣчій, какъ при убійствѣ и какъ вообще въ Правдѣ, взыскивались отдѣльно съ каждаго виновнаго, сколько бы сообщниковъ ни было въ одномъ какомъ либо преступленіи, т. е. если бы напр. пять человѣкъ совмѣстно причинили кому нибудь побои до крови въ свадѣ, то каждый изъ пяти преступниковъ долженъ былъ заплатить особо 3-гривенную продажу, всего 15 гривенъ; но частное вознагражденіе обиженному, лечебная гривна, само собою разумѣется, выплачивалась ими сообща, по раскладкѣ, именно по 10 кунъ на каждаго.

Исчисливъ количество пеней въ пользу князя и частныхъ вознагражденій за побои, раны и увѣчья, мы должны сказать, что плата всего этого не безусловно требовалась во всякомъ данномъ случаѣ. Напротивъ, иногда ни пени въ пользу князя, ни частнаго возна-

---

([1]) Страннымъ представляется, что за увѣчье смерда платилось ему 10 гривенъ, тогда какъ за лишеніе его жизни родственники его получали только 5 гривенъ головничества. Едвали тутъ нѣтъ ошибки. Мы полагаемъ, что за изувѣченіе платилось менѣе 10 гривенъ.

гражденія не назначалось, не смотря на совершеніе преступленія. Это было въ случаяхъ *необходимой обороны*. Мы видѣли въ статьѣ объ убійствѣ, что на самой татьбѣ дозволялось даже убивать татя (II, 36); слѣдовательно тѣмъ болѣе не могли подвергать отвѣтственности того, кто, заставъ вора на кражѣ, при тѣхъ же обстоятельствахъ, т. е. ночью и когда онъ не былъ еще пойманъ, наносилъ ему увѣчья, раны и побои. Если же Правда дозволяла подобныя дѣйствія при оборонѣ своего имущества, то нельзя допустить, чтобы она подвергала взысканію за разныя послѣдствія, какія могли произойти при оборонѣ собственнаго лица. Поэтому, если бы на кого нибудь нападали и наносили съ какимъ либо злымъ умысломъ удары безъ всякой свады, то подвергшійся такому нападенію могъ, если хотѣлъ, обороняться, и равно нанести ударъ, рану, и даже смерть, не подвергаясь за то никакой отвѣтственности. Такимъ образомъ мы толкуемъ выраженіе Правды: «не терпя ли противу тому ударить мечемъ, то вины ему въ томъ нѣтуть» (II, 20). Выраженіе это помѣщено въ концѣ статей, въ которыхъ, какъ мы видѣли, говорится о нанесеніи тяжкихъ побоевъ и ранъ; слѣдовательно причиненіе тѣхъ и другихъ при оборонѣ не считалось преступнымъ; но такъ какъ послѣдствіемъ ихъ могла быть и смерть, о коей Правда умалчиваетъ, то мы полагаемъ, что въ такомъ случаѣ извинялось даже убійство. Это основаніе необходимой обороны проглядываетъ не при одномъ только нанесеніи увѣчій, ранъ и побоевъ безъ всякой свады, но—хотя въ ограниченномъ видѣ—и при побояхъ въ ссорѣ или дракѣ, потому что кто причинялъ начинавшему съ нимъ ту или другую побои до крови, тотъ не подвергался отвѣтственности, и обиженный не могъ даже требовать съ него лечебной гривны: «то то ему за платежъ, оже и били».

Если, какъ мы видѣли, иногда за умышленное нанесеніе увѣчій, ранъ и побоевъ не взыскивалось пеней въ пользу князя, то тѣмъ болѣе не могли ихъ взыскивать за такіе удары, раны и увѣчья, которые произошли безъ всякаго намѣренія, по одной неосторожности, или случайно. Можетъ быть здѣсь допускалось частное вознагражденіе, подобно тому какъ это дѣлалось при случайной растратѣ чьего либо имущества (II, 50); но безъ сомнѣнія ни вира, ни продажа не имѣли мѣста.

Кромѣ изложенныхъ нами постановленій Правды о нанесеніи по-

боевъ, ранъ и увѣчій, находятся въ ней еще особыя постановленія объ *истязаніи*, не подходящія подъ изложенныя нами выше начала, и очевидно составляющія исключеніе изъ общаго правила. Мы говоримъ о двухъ слѣдующихъ статьяхъ дополнительнаго Ярославова устава: 1) «оже смердъ умучатъ, а безъ княжа слова, за обиду 3 гривны (I, 31)»; 2) «а въ огнищанинѣ и въ тивуницѣ и въ мечницѣ—12 гривнѣ» (I, 32). Эти постановленія въ уставѣ Мономаха изложены такъ: 1) «аже смердъ умучитъ смерда безъ княжа слова, то 3 гривны продажи, а за муку гривна кунъ (II, 71); 2) аже огнищанина мучитъ, то 12 гривенъ продажѣ, а за муку гривна» (II, 72) ([1]). Для опредѣленія юридическаго смысла этихъ статей, слѣдуетъ вникнуть въ значеніе слова: *мука*. Подъ нимъ разумѣлось въ Правдѣ *испытаніе желѣзомъ* тѣхъ, на кого падало обвиненіе въ совершеніи того или другаго противузаконнаго дѣйствія (II, 81, 82). Испытаніе это всегда производилось самимъ обиженнымъ, потому-что въ Правдѣ предписывается истцу *имать на желѣзо* (II, 81); кромѣ того, и въ Старомъ Литовскомъ Статутѣ прямо было постановлено выдавать оподозрѣнныхъ въ чемъ либо на мученье истцу ([2]). Но никто не имѣлъ права подвергать кого нибудь испытанію *безъ княжи слова*. Подобно тому, какъ слова: *вести на княжъ дворъ* (II, 36) означаютъ не то, чтобы преступника, хотя бы изъ самаго отдаленнаго мѣста, непремѣнно слѣдовало представлять къ князю, а только то, что подсудимаго вмѣнялось въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ обязанность отводить въ приказную или посадническую избу, въ коей дѣйствовали именемъ князя, такъ точно и выраженіе: *безъ княжа слова*, нельзя понимать такъ, чтобы позволеніе на испытаніе кого либо давалось непосред-

---

([1]) См. Изслѣд. о Рус. Прав. г. Калачова, стр. 116. Во всѣхъ спискахъ Правды, въ уставѣ Мономаха читается: «аже *смердъ* мучитъ смерда» или «мучитъ смердъ смерда»; слѣдовательно это не есть ошибочное повтореніе одного и того же слова. Въ постановленіи Ярослава о причиненіи муки огнищанину, говорится кромѣ того о тивуницѣ и мечницѣ, о которыхъ не упоминается въ постановленіи по тому же предмету Мономаха; но это не означаетъ еще какого либо пропуска. Наименованія тіунъ и мечникъ составляютъ только разъясненіе слова огнищанинъ, такъ что смыслъ Ярославовой статьи слѣдующій: за муку огнищанина, будетъ ли онъ тіунъ княжій или княжій мечникъ, платилось 12 гривенъ.—([2]) Времен. кн. 18, Стар. Лит. Ст. стр. 102, ст. 13 и 14.

ственно княземъ. Это позволеніе могъ дать или самъ князь или его именемъ посадникъ, смотря по тому, чьимъ судомъ вѣдалось то мѣсто, гдѣ производилось дѣло, *княжимъ* или *посадничимъ*. Въ первомъ случаѣ, для присутствованія при испытаніи желѣзомъ, отряжался *княжій дѣтскій*, а во второмъ—*посаднический мечникъ* (II, 82). И такъ, изъ всего нами сказаннаго видно, что подъ словами *умучить безъ княжа слова* разумѣли самовольное испытаніе желѣзомъ, а безъ сомнѣнія также и водою, лица, оподозрѣннаго въ какомъ либо преступленіи, безъ полученія *законнаго разрѣшенія* на такое дѣйствіе ([1]). При опредѣленіи продажи за самовольное испытаніе кого либо водою или желѣзомъ обращали вниманіе не на степень причиненнаго истязанія, но только на состояніе лица подвергшагося мукѣ, и потому за самоуправное истязаніе *огнищанина* взыскивали 12 - гривенную продажу, а за такое же дѣйствіе надъ смердомъ—3-хъ-гривенную. Безъ сомнѣнія такія продажи при Ярославѣ выплачивались только въ томъ случаѣ, если обиженный не могъ самъ мстить за себя.—Относительно частнаго вознагражденія обиженнаго за самовольное испытаніе его водою или желѣзомъ, слѣдуетъ замѣтить, что это вознагражденіе во времена Ярослава, какъ и вообще за нанесеніе при немъ ранъ и побоевъ, вѣроятно состояло только въ платѣ *мзды лѣчцю*; но при Мономахѣ за муку, какъ огнищанина, такъ и смерда, назначена *гривна*, которая безъ сомнѣнія имѣла одинаковое значеніе съ лечебной гривной за раны. Обстоятельство, что при самовольномъ испытаніи желѣзомъ или водою, обиженный считался какъ бы только раненымъ, и потому вознаграждался за муку одной гривной, тогда какъ онъ могъ отъ того умереть, или быть изувѣченнымъ,—заставляетъ думать, что Правда и не предполагала

([1]) Г. Нейманъ думаетъ (См. Изслѣд. о Р. Правдѣ г. Калачова стр. 19), что выраженіе «*безъ княжа слова*» указываетъ на высокое значеніе князя, который имѣлъ право приказать увѣчить и мучить каждаго изъ подданныхъ. Странный выводъ! Это все равно, если бы какой нибудь будущій изслѣдователь, разбирая современный намъ законъ о запрещеніи раскладывать огонь на дворахъ и улицахъ *безъ позволенія полиціи* (ст. 1395 Ул. о наказ. 1845 г.), сдѣлалъ бы выводъ, что слова: «безъ позволенія полиціи», указываютъ на высокое ея значеніе, и что она слѣдовательно могла раскладывать огонь, гдѣ ей было угодно, и такимъ образомъ даже сжигать частные дома.

такихъ послѣдствій отъ означеннаго противузаконнаго дѣйствія, и что если они случались, то на нихъ смотрѣли уже, какъ на особыя преступленія, подвергавшія виновнаго отвѣтственности по законамъ объ убійствѣ и увѣчьи. Мнѣніе наше подтверждается тѣмъ, что даже и при дозволенныхъ испытаніяхъ водою или желѣзомъ едва ли не запрещалось мучить кого либо до изувѣченія или до смерти, по крайней мѣрѣ это не дозволялось во многомъ сходнымъ съ Правдой Старымъ Литовскимъ Статутомъ (¹).

До сихъ поръ мы разбирали законы, въ которыхъ говорилось о нанесеніи увѣчій, ранъ, побоевъ и мукъ свободнымъ человѣкомъ свободному лицу. Это доказывается слѣдующею статьею Правды: «аже господинъ бьетъ закупа про дѣло, то безъ вины есть; бьетъ ли не смысля пьянъ, а безъ вины, то *якоже въ свободнѣмъ платежъ*, такоже и въ закупѣ» (II, 55). Если мы не допустимъ, что во всѣхъ изложенныхъ нами выше постановленіяхъ о нанесеніи побоевъ, ранъ и увѣчій, предполагаются *обиженными* только лица свободнаго состоянія,—не касаясь статей о мукахъ, гдѣ это ясно выражено,—тогда не найдется въ Правдѣ другихъ постановленій, на которыя могла бы указывать сдѣланная въ приведенномъ нами законѣ ссылка: *якоже въ свободнѣмъ платежъ, такоже и въ закупѣ*. Но не одними обиженными, а и *виновными* также въ разсмотрѣнныхъ выше преступленіяхъ предполагались лица свободнаго состоянія, потому-что о нанесеніи ударовъ холопомъ свободному мужу находится въ Правдѣ особый законъ. И такъ, остается намъ сказать только о тѣхъ случаяхъ, когда и *преступниками* и *обиженными* по дѣламъ объ увѣчьяхъ, ранахъ и побояхъ,—были холопы и закупы.

Начнемъ съ разсмотрѣнія статьи Ярославова устава: «оже холопъ ударитъ свободна мужа, а бѣжитъ въ хоромъ, а господинъ начнетъ не дати его: то холопа пояти, да платитъ господинъ зань 12 гривнѣ; а за тымъ гдѣ его налѣзутъ ударены той мужъ, да бьютъ его» (I, 16) (²). При господствѣ во времена Ярослава мести, ей подлежалъ и виновный холопъ, нанесшій ударъ лицу свободнаго состоянія; но если господинъ холопа-преступника укрывалъ его и не выдавалъ на произволъ мстителя, то долженъ былъ, такъ какъ

(¹) См. Времен. кн. 18, Лит. Ст. стр. 102, ст. 14.—(²) См. Изслѣд. о Рус. Правд. г. Калачова, стр. 94.

чрезъ это самосудъ дѣлался невозможнымъ по крайней мѣрѣ въ данное время, платить князю пеню. Въ выписанномъ нами законѣ назначена 12-гривенная продажа, не смотря на то, что въ немъ вовсе не разъясняется, какимъ образомъ нанесенъ холопомъ ударъ, въ свадѣ или безъ свады, и какія произошли отъ того послѣдствія. Мы думаемъ, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ по общимъ законамъ платились разныя продажи, именно 60 кунъ, 3 гривны и 12 гривенъ, господинъ, укрывшій своего холопа, подвергался, безъ различенія этихъ случаевъ, платежу только послѣдней, высшей продажи; но полагаемъ, что, если былъ укрываемъ рабъ, нанесшій увѣчье свободному лицу, то владѣлецъ преступника обязывался уже выплачивать не продажу, а виру. Впрочемъ взысканіемъ съ господина пени за укрывательство холопа не прекращалось право самосуда. Если и не дозволялось виновнаго насильно брать изъ его убѣжища, то обиженный могъ, еслибы въ послѣдствіи поймалъ гдѣ нибудь холопа внѣ господскихъ хоромъ, подвергнуть его своей мести. Сущность этой мести означена въ Правдѣ словами: *«да бьютъ его»*; но такъ какъ въ нихъ не опредѣлены послѣдствія такого дѣйствія, притомъ они по самосуду были безразличны, то отсюда слѣдуетъ, что обиженный могъ или *убить* холопа, или только *побить*; о денежной же сдѣлкѣ съ нимъ не могло быть и рѣчи. Выписанный нами Ярославовъ законъ не былъ измѣненъ при Изяславѣ; но сообразно съ отмѣной имъ убійства по праву самосуда, и выраженіе *«да бьютъ его»* слѣдовало принимать уже только въ смыслѣ *побить*. Однакожъ, при неизмѣненіи редакціи закона, не подлежитъ сомнѣнію, что его понимали и примѣняли на дѣлѣ также, какъ и при Ярославѣ, съ тою только вѣроятно разницею, что если господинъ не укрывалъ холопа, и мститель соглашался на выкупъ, то онъ могъ требовать съ господина не болѣе двойной цѣны за обиду (II, 42). Видя такое несоотвѣтствіе между духомъ всего Изяславова устава и пониманіемъ отдѣльной выписанной нами выше статьи о холопѣ, Мономахъ счелъ необходимымъ разъяснить въ какомъ значеніи слѣдуетъ принимать слово *«бьютъ»*, и притомъ сдѣлать въ самомъ законѣ нѣкоторыя измѣненія. Очевидно, чтобы объяснить ошибку въ пониманіи слова *бить*, Владиміру Мономаху нужно было сдѣлать ссылку на предшествовавшіе законы, и показать сначала, что при Ярославѣ *бить* могло значить и *убить*, но

что сыновья его отмѣнили убіеніе изъ мести, и потому глаголу *бить* не должно было давать другаго какого либо смысла, кромѣ *побить и прибить*. Выпишемъ теперь самую статью Мономаха: «аже холопъ ударитъ свободна мужа, а убѣжитъ въ хоромъ, а господинъ его не выдастъ, то платити зань господину 12 гривенъ, а за тѣмъ аче гдѣ налѣзетъ ударенный той своего истьця, кто его ударилъ, то—(Ярославъ былъ уставилъ убити й; но сынове его по отцѣ уставиша на куны)—или *вязати*, любо бити й *розвязавше*, или взяти гривна кунъ за соромъ» (¹). Всякій съ нами согласится, что въ этомъ постановленіи слова: *«любо бити»* нельзя уже понимать въ смыслѣ умертвить. Ссылкой на предшествовавшіе законы Мономахъ точнымъ образомъ опредѣлилъ значеніе означеннаго выраженія. Онъ ясно показалъ, что Ярославъ «былъ уставилъ убити, но сынове его уставиша на куны», т. е. отмѣнили убійство, и что слѣдовательно слова: *бить розвязавше* не даютъ никому права бить до смерти. Вотъ, по нашему мнѣнію, съ какою цѣлью въ законѣ Мономаха сдѣлана ссылка на законы Ярослава и Изяслава. Но могутъ намъ возразить, что изложенную выше статью слѣдуетъ приписать если не Ярославу, о предписаніи котораго говорится въ ней какъ о чемъ-то давнопрошедшемъ (былъ уставилъ), то во всякомъ случаѣ Изяславу съ братьями, а не Мономаху, и что словами: *«сынове его по отци уставиша на куны»* отмѣнялся прежній Ярославовъ и установлялся новый законъ о холопѣ, а не дѣлалась только ссылка на законъ предшествовавшій, именно: «отложиша убіеніе за голову, но кунами ся выкупати» (II, 2). Допустивъ согласное съ этимъ возраженіемъ толкованіе статьи о холопѣ, ударившемъ свободнаго мужа, слѣдовало бы заключить, что, въ отмѣну Ярославова дозволенія убивать такого холопа, Изяславъ съ братьями установилъ, чтобы обиженный довольствовался только денежнымъ выкупомъ—*уставиша на куны*. Однакожъ, такой выводъ, прямо вытекающій изъ смысла возраженія, положительно противорѣчитъ послѣдующимъ словамъ закона: *«любо бити й розвязавше, любо ли взяти гривна»*, въ которыхъ дозволяется не одинъ *выкупъ*, но и *побои*. Слѣдова-

(¹) См. Изслѣд. о Рус. Правдѣ г. Калачова, стр. 94. Чтобы *развязать* необходимо прежде *связать*, и потому слово *вязати*, хотя помѣщено не во всѣхъ спискахъ, непремѣнно должно было находиться въ подлинномъ уставѣ Мономаха.

тельно выраженіе: «уставиша на куны», не соотвѣтствуетъ смыслу окончательнаго предписанія закона, и потому нельзя приписывать этого послѣдняго Изяславу съ братьями. Кромѣ того, въ пользу нашего мнѣнія говоритъ не только помѣщеніе статьи о холопѣ въ уставѣ Мономаха, но и самое соотвѣтствіе между ею и общими его законами о виновныхъ холопахъ, которыхъ предписывалось господину или *выдавать* обиженному или *выкупать* (II, 110—115). Нельзя не замѣтить, что это же начало положено въ основаніе и разбираемаго нами постановленія, съ тою только разницею, что въ немъ опредѣленъ случай, если господинъ не выдастъ или не выкупитъ холопа добровольно. Если кто либо изъ лицъ свободнаго состоянія былъ побитъ, раненъ или изувѣченъ чьимъ либо холопомъ, и владѣлецъ его не заплатилъ бы обиженному за побои и рану гривны кунъ, а за увѣчья 10 гривенъ, или не выдалъ бы ему, вмѣсто платежа, головою самого виновнаго, а сталъ бы напротивъ его укрывать, то въ такомъ случаѣ господинъ такого холопа подвергался взысканію 12-ти-гривенной продажи или полувиры, а обиженный могъ, аче гдѣ налѣзетъ виновнаго раба, *вязати его*, т. е. задержать (¹). По задержаніи холопа, обиженному предоставлялось выбрать одно изъ двухъ: или держать его у себя до полученія отъ господина платы за побои, раны или увѣчья, или же бить холопа розвязавше, т. е. поколотить его, ранить, или изувѣчить, и за тѣмъ отпустить его, не ожидая выкупа. Безъ сомнѣнія, сдѣланное Мономахомъ разъясненіе, хотя и по частному случаю, какъ поступать, если господинъ не выкупалъ и не выдавалъ холопа, относится не къ одному только нанесенію имъ удара свободному мужу, но также и къ убійству и вообще ко всѣмъ нарушеніямъ правъ по имуществу. Такимъ образомъ, если господинъ не выдалъ убійцы-холопа, то платилъ виру или продажу, если же укрывалъ холопа-татя, то подлежалъ продажѣ, а съ самимъ виновнымъ по задержаніи его поступали также, какъ съ холопомъ, нанесшимъ ударъ свободному лицу. Если закупъ причинялъ побои, раны и увѣчья лицамъ свободнаго состоянія и находился налицо, а не убѣгалъ, то господинъ его, подобно какъ и при совершеніи имъ татьбы, долженъ былъ заплатить частное вознагражденіе обиженному, а закупъ дѣлался

(¹) Глаголъ *вязать* употребленъ здѣсь въ томъ же смыслѣ, какъ и глаголъ *увязати* въ статьѣ объ увязаніи бѣглаго холопа (II, 108).

обѣльнымъ холопомъ своего хозяина. Если же господинъ не хотѣлъ платить за закупа, то могъ его продать и удовлетворить истца только вырученною такимъ образомъ суммою, хотя бы она была менѣе того, что слѣдовало заплатить обиженному; но если выручка превышала сумму иска, то излишекъ, за удовлетвореніемъ истца, господину дозволялось брать себѣ. За закупа, который бы бѣжалъ, послѣ нанесенія имъ кому нибудь побоевъ, ранъ и увѣчій, владѣлецъ его не подвергался отвѣтственности (II, 57).

Наконецъ остается намъ сказать о томъ, что дѣлали съ тѣми, кои причиняли холопамъ и закупамъ побои, раны и увѣчья. До отмѣны самосуда за обиженныхъ такимъ образомъ людей несвободнаго состоянія вѣроятно мстили ихъ господа, но въ дѣйствія этихъ послѣднихъ по отношенію къ первымъ безъ сомнѣнія никто не вмѣшивался. По отмѣнѣ же самосуда, если даже господинъ безвинно причинялъ побои, раны и увѣчья собственному закупу, то подлежалъ такой же отвѣтственности, какъ и за нанесеніе того же самаго лицу свободнаго состоянія: «яко же въ свободнемъ платежъ, тако-же и въ закупѣ» (II, 55). Слѣдовательно, тѣмъ болѣе посторонній человѣкъ за нанесеніе побоевъ, ранъ и увѣчій чужому закупу, въ недозволенныхъ закономъ случаяхъ, не могъ оставаться безнаказаннымъ, и обязанъ былъ платить князю пеню, и кромѣ того частное вознагражденіе, которое вѣроятно отдавалось господину въ зачетъ лежавшаго на закупѣ долга. Но если посторонній свободный человѣкъ причинялъ чужому закупу побои, раны и увѣчья, заставши его на самой татьбѣ, или при необходимой оборонѣ собственнаго лица, или по задержаніи виновнаго въ чемъ нибудь закупа, за вину котораго господинъ обиженному не заплатилъ, или наконецъ при испытаніи оподозрѣннаго въ какомъ либо преступленіи закупа желѣзомъ и водою, по дозволенію его владѣльца, хотя и безъ княжа слова, потребовавшагося для муки людей несвободнаго состоянія,—то во всѣхъ этихъ случаяхъ посторонній человѣкъ безъ сомнѣнія не могъ подлежать никакой отвѣтственности. За ударъ, нанесенный закупу холопомъ посторонняго господина, вѣроятно судили также, какъ и за ударъ, причиненный холопомъ свободному мужу.—Относительно холоповъ должно замѣтить, что Правда назначала пеню только за лишеніе ихъ жизни, и то если они умерщвлены безъ вины, но за нанесеніе имъ побоевъ, ранъ и увѣчій не

опредѣляла никакихъ взысканій. Поэтому мы думаемъ, что всякій господинъ могъ безнаказанно бить, причинять раны и увѣчить своего холопа, безъ вины и за вину, если только въ первомъ случаѣ онъ не лишался отъ того жизни. По совсѣмъ другое слѣдуетъ сказать, когда такія же дѣйствія, безъ всякихъ извиняющихъ ихъ обстоятельствъ, а также и испытаніе желѣзомъ и водою безъ позволенія владѣльца, допускалъ посторонній человѣкъ по отношенію къ чужому холопу. Тутъ, безъ сомнѣнія, считался обиженнымъ не этотъ послѣдній, а его господинъ, который имѣлъ полное право требовать съ виновнаго вознагражденія за своего раба, т. е. гривны за побои и раны и нѣсколькихъ гривенъ за увѣчье. Впрочемъ, нельзя отрицать, чтобы по крайней мѣрѣ за нѣкоторыхъ холоповъ не платилось за увѣчье 10 гривенъ. Мы видѣли, что такая плата назначена за изувѣченіе смерда, головщина же за него равнялась головщинѣ за холопа. Притомъ этотъ послѣдній могъ быть хорошимъ ремесленникомъ, и чрезъ увѣчье сдѣлаться неспособнымъ къ работѣ. Въ такомъ случаѣ, какъ намъ кажется, господинъ, понесшій убытокъ, имѣлъ основаніе требовать 10 гривенъ, потому-что ремесленникъ цѣнился не 5 гривенъ, какъ простой холопъ, а 12 гривенъ.—Нѣтъ сомнѣнія, что виновные въ причиненіи побоевъ холопамъ или въ поврежденіи ихъ здоровья, кромѣ частнаго вознагражденія ихъ владѣльцамъ, не платили пеней въ пользу князя, иначе бы Правда объ этомъ не умолчала.

Сдѣлаемъ теперь общіе выводы изъ статьи о нанесеніи увѣчій, ранъ и побоевъ:

1) Первоначально нанесшій кому либо увѣчья, раны и побои подвергался *частной мести*. Мстить ему всегда долженъ былъ самъ обиженный, и только при нанесеніи этому послѣднему тяжкаго увѣчья, дѣлавшаго его неспособнымъ къ самосуду, дозволялось мстить за изувѣченнаго его дѣтямъ. По если бы ни обиженный, ни его дѣти не могли почему либо сами мстить, и не желали примириться съ обидѣвшимъ ихъ, то имѣли право обращаться къ суду, и въ такомъ случаѣ виновный подвергался платежу пени въ пользу князя и вознагражденія обиженному.

2) По отмѣнѣ самосуда, за нанесеніе увѣчій, ранъ и побоевъ свободнымъ человѣкомъ свободному лицу, обиженный всегда дол-

женъ былъ, если хотѣлъ получить удовлетвореніе, прибѣгать къ суду. При опредѣленіи въ такомъ случаѣ пеней за эти преступленія обращали вниманіе на то, сдѣланы ли они *злоумышленно безъ всякой свады*, или *въ свадѣ*; кромѣ того, при назначеніи продажи за побои соображались съ тѣмъ, остались ли послѣ нихъ слѣды или нѣтъ,—а при нанесеніи увѣчій, ранъ и побоевъ злонамѣренно безъ всякой свады отличали еще покушеніе отъ самаго совершенія преступленія. Такимъ образомъ, за причиненіе въ свадѣ или злоумышленно безъ всякой свады кому либо увѣчій платилась сначала 40-гривенная вира, а потомъ полувира; но въ первомъ случаѣ она платилась совмѣстно съ вервію, если виновный самъ прежде вкладывался въ дикую виру, а во второмъ—виновный уплачивалъ виру самъ, потому-что за разбойника люди не платили (II, 5); разбойникъ же, ставшій на разбоѣ безъ всякой свады, могъ совершить или убійство, или причинить только увѣчье, раны и побои. За раны и побои платилось:

а) При нанесеніи ихъ злоумышленно безъ свады:

I. За раны—12 гривенъ	I. За побои 1) если были слѣды—12 гривенъ. 2) если не было слѣдовъ—3 грив.

б) *При нанесеніи ихъ въ свадѣ*:

II. За раны—3 гривны	II. За побои: 1) если были слѣды—3 гривны. 2) если не было слѣдовъ—60 кунъ.

За нанесеніе ранъ при самовольномъ испытаніи кого либо желѣзомъ и водою взыскивалось, если обиженный былъ огнищаниномъ, 12 гривенъ, если смердомъ—3 гривны. За одно покушеніе нанести увѣчье, рану или побои злонамѣренно безъ всякой свады платилось 60 кунъ. За совершеніе этихъ преступленій при необходимой оборонѣ, а также неосторожно или случайно безъ свады—виновные отвѣтственности не подвергались. Частное вознагражденіе обиженнымъ состояло въ платѣ: 1) 10 гривенъ за увѣчье, 2) лечебной гривны за рану и побои до крови и синяковъ; 3) гривны за муку, въ случаѣ самовольнаго испытанія кого либо желѣзомъ или водою, и 4) гривны за соромъ, если побои не оставляли по себѣ никакихъ слѣдовъ.

3) Если холопъ чинилъ увѣчья, раны или побои свободному человѣку, то подлежалъ суду не князя, а частной мести. Месть эта до Мономаха была неограниченна, но онъ установилъ, чтобы виновнаго холопа господинъ его или *выкупалъ*, или *выдавалъ* обиженному *головою*. Если господинъ не исполнялъ этого, и укрывалъ холопа, то подвергался платежу виры или продажи, а обиженный могъ самъ задержать при случаѣ холопа, и держать его до полученія выкупа, или освободить, нанести ему тоже побои, раны или увѣчья.— Если закупъ совершалъ эти преступленія, то не выдавался головою, но если былъ налицо, то господинъ обязывался вознаградить обиженнаго денежнымъ выкупомъ, иначе хозяинъ и его закупъ подвергались и изложеннымъ выше послѣдствіямъ. За холоповъ и закуповъ, коимъ причинялъ кто либо увѣчья, раны и побои, господа имѣли право требовать денежныхъ вознагражденій, назначенныхъ за эти преступленія; но кромѣ того за нанесеніе побоевъ, ранъ и увѣчій закупу, какъ посторонній человѣкъ, такъ и самъ господинъ, если причинялъ ихъ безвинно, подлежали платежу пеней въ пользу князя.

II. О НАРУШЕНІИ ПРАВЪ ПО ИМУЩЕСТВУ.

1) О противузаконномъ пользованіи чьимъ либо имуществомъ и растратѣ его.

Въ Правдѣ относительно противузаконнаго пользованія чужою собственностію встрѣчаются слѣдующіе виды: 1) кратковременное, самовольное употребленіе въ ѣзду чьего либо коня; 2) передержательство бѣглыхъ холоповъ и закуповъ; 3) удержаніе находки; 4) неотдача долговъ и поклажъ; 5) захватъ господиномъ собственности закупа и 6) пріобрѣтеніе чьего либо имущества посредствомъ незаконныхъ сдѣлокъ.

Какъ въ Ярославовомъ, такъ и въ Изяславовомъ уставахъ Правды сказано: «аще кто поѣдетъ на чужомъ конѣ», или: «аще кто всядетъ на чужъ конь не прошавъ, то положити 3 гривны» (I, 11; II, 27). Въ Карамзинскомъ спискѣ и въ спискахъ одной съ нимъ редакціи эти 3 гривны названы *продажею*. Мы не признаемъ здѣсь ошибки, и думаемъ, что дѣйствительно за самовольное пользованіе чужимъ

конемъ платилась продажа князю, потому-что частное вознагражденіе не могло быть въ такомъ количествѣ: самая дорогая лошадь, исключая княжеской, стоила во время Правды 2 *гривны*; слѣдовательно не было основанія въ удовлетвореніе обиженнаго взыскивать 3 гривны за одно только кратковременное пользованіе конемъ. Очевидно, что 3-хъ-гривенная плата была пеней за самый проступокъ (¹).

Относительно передержательства бѣглыхъ въ первоначальномъ уставѣ Ярослава находится только слѣдующая статья: «аще ли челядинъ скрыется, любо у варяга, любо у колбяга, а его за три дни не выведутъ, а познають и̓ въ третій день, то изымати ему свой челядинъ, а 3 гривнѣ за обиду (I, 10)». Это частное постановленіе о передержательствѣ челядина варягомъ или колбягомъ получило надлежащее обобщеніе въ уставѣ Изяслава. Тамъ сказано: «а челядинъ скрыется, а закличутъ и на торгу, а за три дни не выведутъ его, а познаетъ и̓ въ третій день: то свой челядинъ поняти, а оному платити 3 гривны продажи» (II, 26). Въ Мономаховомъ уставѣ означенный законъ Изяслава, опредѣлявшій только пеню въ пользу князя за передержательство, дополненъ постановленіями о количествѣ вознагражденія владѣльца тѣмъ лицемъ, кто укрывалъ бѣглаго холопа или способствовалъ его побѣгу. Постановленія эти слѣдующія: «1) аже холопъ бѣжитъ, а заповѣсть господинъ, аже слышавъ кто, или зная и вѣдая, оже есть холопъ, а дастъ ему хлѣба или укажетъ ему путь, то платити ему за холопъ 5 гривенъ, а за рабу 6 гривенъ (II, 106); 2) аже кто не вѣдая чюжъ холопъ усрячетъ (укроетъ) или повѣсть дѣетъ (укажетъ ему путь), любо держитъ у собе, а идетъ отъ него, то ити ему ротѣ, яко не вѣдалъ есмь, оже есть холопъ, а платежа въ томъ нѣтуть (II, 109); 3) аже кто переиметъ чюжь холопъ и дастъ вѣсть господину его, то имати ему переима гривна; не ублюдетъ ли, то платити ему 4 гривны, а пятая переемная ему; а будетъ роба, то 5 гривенъ, а шестая на переемъ отходитъ (II, 107); 4) аже кто своего холопа самъ досочится въ чьемъ либо городѣ, а будетъ посадникъ не вѣдалъ его, то, повѣдавше ему, пояти же ему отрокъ отъ него, и шедше увязати и̓, и дати ему вязебную 10 кунъ, а переима нѣтуть; аче упуститъ и̓ гоня, а собѣ ему пагуба, а платить въ то никто же, тѣмъ же и переима

(¹) Подъ 3-хъ-гривенной продажей мы вездѣ разумѣемъ 3 гривны и 30 кунъ.

нѣтуть» (II, 108). Вникая въ смыслъ изложенныхъ нами законовъ, открывается, что обличенный въ передержательствѣ платилъ князю за свой проступокъ 3 гривны продажи, и за тѣмъ, если бѣглый холопъ былъ налицо и возвращался хозяину, виновный не обязывался въ пользу послѣдняго ни къ какому дальнѣйшему вознагражденію. Но если укрывавшій или державшій у себя чужаго холопа не могъ его возвратить владѣльцу, потому-что холопъ уходилъ (любо держитъ у собе, *а идетъ отъ него*), или если кто способствовалъ побѣгу челядина дачею ему хлѣба или указаніемъ пути, то въ томъ и другомъ случаѣ допустившій это долженъ былъ, сверхъ платежа продажи князю, вознаградить господина за потерю холопа 5-ю гривнами, а за потерю рабы 6-ю гривнами. Дѣйствительность поступленія этихъ суммъ въ пользу владѣльца холопа доказывается: 1) выраженіемъ: *«аче упуститъ й гоня, а собѣ ему пагуба, а платитъ въ то никтоже»*, которое означаетъ, что если господинъ самъ упускалъ своего холопа, то за холопа ему никто не платилъ; 2) тѣмъ, что переимная гривна платилась поимщику безъ сомнѣнія *не княземъ*, а *господиномъ* холопа; слѣдовательно, если упоминается о *вычетѣ* ея изъ 5 или 6 гривенъ, то это уже показываетъ, что остатокъ поступалъ къ владѣльцу холопа, иначе нельзя было бы говорить и о самомъ вычетѣ, потому что вычетъ можно дѣлать только изъ суммы, поступающей къ тому лицу, которое въ свою очередь состоитъ должнымъ плательщику.—Отъ взысканія какъ продажъ, такъ и частныхъ вознагражденій, по изложеннымъ нами выше постановленіямъ, освобождались только тѣ, кои присягали, что передержательство или способствованіе къ побѣгу допущены ими по отношенію къ лицу, котораго состояніе имъ не было извѣстно, т. е. что они не вѣдали, оже есть холопъ. За поимку бѣглаго челядина, владѣлецъ его обязывался по закону вознаграждать поимщика переимной гривной; но за то и этотъ послѣдній долженъ былъ, если упускалъ поймавнаго имъ холопа, удовлетворять за него господина остальною цѣною за вычетомъ гривны за переимъ. Однакожъ переима не получалъ посадскій отрокъ, посылавшійся для поимки бѣглаго холопа, мѣстопребываніе котораго открыто было самимъ владѣльцемъ; отрокъ вознаграждался въ этомъ случаѣ только 10-ю кунами. Сказанное нами о передержательствѣ *холоповъ* относится также и къ передержательству *закуповъ*, потому

что въ выраженіи: «а скрыется челядинъ,» подъ словомъ *челядинъ* могли разумѣть тѣхъ и другихъ; притомъ же бѣглый закупъ, чрезъ самый побѣгъ, становился обѣльнымъ холопомъ: «аже закупъ бѣжитъ отъ господы, то обель» (II, 52).

Изъ всего вышеизложеннаго видно, что законы Мономаха о передержательствѣ составляли только необходимое дополненіе къ Изяславову закону о томъ же преступленіи, потому-что послѣдній опредѣлялъ *пеню* за самое противузаконное дѣйствіе, а первые устанавливали *частное* за него вознагражденіе. Но намъ могутъ возразить, что и 3 гривны въ законѣ Изяслава составляли частное вознагражденіе, и что этого мнѣнія держались уже нѣкоторые изслѣдователи Русской Правды ([1]). Прежде нежели сдѣлаемъ по этому предмету какія либо заключенія, вникнемъ въ буквальный смыслъ выраженія, находящагося въ означенномъ законѣ: «*то свой челядинъ поняти, а оному платити 3 гривны продажи*». Мѣстоименіе *оному* относится ли здѣсь къ господину холопа или къ передержателю? Въ первомъ случаѣ обозначалось бы къ *кому* поступала плата, а во второмъ *кто* ее платилъ. Если будетъ доказано, что «*оному платити*», значитъ господину платити, тогда частное назначеніе 3 гривенъ сдѣлается очевиднымъ, неподлежащимъ спору; но если изслѣдованіе покажетъ, что мѣстоименіе *оному* должно относить къ плательщику, тогда вопросъ о томъ, къ кому поступали 3 гривны, можетъ быть рѣшенъ только на основаніи какихъ либо другихъ соображеній. Выпишемъ всѣ мѣста Правды, гдѣ употребляется слово оному: 1) «а истцю свое лице взяти, а что съ нимъ погибло, а того ему желѣти, а *оному желѣти своихъ кунъ* (II, 32, 35); 2) аще познаетъ кто челядинъ свой украденъ, а пойметъ и̑, то *оному вести* и до 3-го свода; пояти же челядина въ челядинъ мѣсто, *а оному дати лице*, а той идетъ до конечнаго свода (II, 33); 3) аже будутъ двою мужю дѣти, а одиноѣ матери, то *онѣмъ* своего отця задниця, а *онѣмъ* своего (II, 97). Изъ всѣхъ этихъ мѣстъ видно, что мѣстоименіе *оному* всегда относилось не къ тому лицу, о которомъ предъ употребленіемъ его сказано, а къ тому, о которомъ говорилось прежде; такъ въ первомъ и во второмъ изъ выписанныхъ нами по-

---

([1]) См. о наказаніяхъ, существовавшихъ въ Россіи до царя Алек. Михайлов., соч. Деппа. 1848, стр. 45.

становленіи мѣстоименіе *оному* относится не къ истцу, отыскавшему украденную у него вещь или челядина, но къ лицу, у кого они опознаны. Такимъ образомъ и въ разбираемомъ нами выраженіи (II, 26), тотчасъ послѣ словъ, гдѣ идетъ дѣло объ отобраніи господиномъ своего челядина, употреблено мѣстоименіе *оному*, изъ чего необходимо заключить, что подъ нимъ разумѣлся не господинъ, а виновный, т. е. тотъ, у кого опознанъ челядинъ. И такъ, на выраженіи «оному платити», нельзя основывать мнѣнія о назначеніи 3 гривенъ въ пользу частнаго лица. Но къ кому собственно онѣ поступали? Вообще въ Правдѣ, если обозначается или только подразумѣвается кто платилъ, безъ опредѣленія кому слѣдовала плата, или безъ означенія,что она именно назначалась за тотъ или другой предметъ, т. е. безъ опредѣленія, какое напр. находимъ въ статьяхъ: «а господину гривна» (II, 75), «а за зубъ гривна» (II, 61), то такая плата почти всегда была или вирой или продажей. Поэтому мы полагаемъ, что 3 гривны за передержательство холопа составляли продажу; притомъ онѣ такъ и названы въ Правдѣ, подъ продажами же, какъ извѣстно, разумѣлись пени въ пользу князя. Но если даже положить, что 3 гривны давались обиженному въ видѣ *пожилыхъ денегъ*, то и тогда представлялось бы страннымъ, отчего не обращали вниманія на время передержательства, и владѣлецъ, котораго холопъ передерживался нѣсколько часовъ, получалъ такую 3-хъ же-гривенную плату, какъ и господинъ холопа, котораго передерживали нѣсколько лѣтъ. Одно это сильно уже говоритъ противъ мнѣнія, что 3 гривны были частнымъ вознагражденіемъ. Давая такой смыслъ Изяславову закону о передержательствѣ и сравнивая этотъ законъ съ такимъ же Ярославовымъ, мы убѣждаемся, что и въ послѣднемъ слова: *5 гривны за обиду*, означаютъ тоже пеню, поступавшую къ князю, а не частное вознагражденіе, и что слѣдовательно выраженіе *за обиду* въ настоящемъ случаѣ, да и въ бо̀льшей части другихъ статей Правды, употребляется какъ бы въ значеніи *за преступленіе*, т. е. платы за преступленіе.

О присвоеніи найденнаго предмета въ Правдѣ находится слѣдующій законъ: если кто терялъ своего коня, оружіе или одежду, и объявлялъ объ этомъ на торгу, а нашедшій, не смотря на то, удерживалъ потерянное у себя, то онъ, какъ присвоившій находку, въ случаѣ опознанія владѣльцемъ своей потерянной собственности въ

томъ же городѣ, гдѣ сдѣлано объявленіе о пропажѣ, долженъ былъ возвратить ее владѣльцу лицемъ, или въ случаѣ растраты—заплатить за нее (а что погибло, то же ему начнетъ платити.(II, 29); паки ли лица не будетъ, то платити, (II, 40); а кромѣ того, подвергался взысканію 3-хъ-гривенной продажи въ пользу князя (II, 28; I,12). Въ Правдѣ сказано; «аче кто конь погубитъ, или оружье, или портъ, а заповѣсть на торгу, а послѣ познаетъ въ своемъ городѣ, *свое ему лицемъ взяти, а за обиду платити ему 5 гривны* (II, 28)». Въ словахъ, напечатанныхъ курсивомъ. первое мѣстоименіе «*ему*» относится къ потерявшему вещь, поэтому можно бы думать, что и второе такое же мѣстоименіе, непосредственно слѣдующее за первымъ, указываетъ на тоже лице, и что слѣдовательно 3 гривны платились обиженному. Вычислимъ подобныя означенному выраженія Правды и объяснимъ ихъ смыслъ: 1) будетъ клѣтный тать, то 3 гривны *платити ему* (II, 30); 2) аже крадетъ кто скотъ, то оже будетъ одинъ, то *платити ему* 3 гривны и 30 кунъ (II, 37); 3) а погибнетъ безъ него, то того *ему не платити* (II, 53); 3) аже изъ хлѣва выведутъ, то *закупу* того *не платити*; орудья своя дѣя, а того погубитъ: то то *ему платити* (II, 54); 5) аже господинъ переобидитъ закупа, то то ему все воротити, а за обиду *платити ему* 60 кунъ; паки ли приметъ на немъ кунъ, то опять ему воротити куны, а за обиду *платити ему* 3 гривны продажи; продастъ ли господинъ закупа, то наймиту свобода, а *господину* за обиду платити 12 гривенъ продажи (II, 55); 6) что будетъ ростерялъ, то все *ему платити* дѣтемъ тѣмъ (II, 93); 7) аже холопъ бѣжитъ, а укажетъ *ему* путь, *то платити ему* за холопъ 5 гривенъ (II, 106). Во всѣхъ приведенныхъ нами мѣстахъ, какъ и почти всегда въ Правдѣ, выраженія *платити ему* или *не платити ему* обозначаютъ того, кто подвергался или освобождался отъ пени, а вовсе не то лице, кому назначалась плата. Повидимому нашъ выводъ не относится только къ слѣдующимъ выраженіямъ: аже господинъ переобидитъ закупа, то то *ему* все воротити, а за обиду платити *ему* 60 кунъ; паки ли приметъ на немъ кунъ, то опять *ему* воротити, а за обиду платити ему 3 гривны продажи. Въ выписанномъ нами мѣстѣ мѣстоименія «*ему*» кажется естественнѣе было бы относить къ закупу; но принявъ во вниманіе окончаніе статьи, гдѣ сказано, что *господинъ* платилъ за обиду 12 гривенъ

въ случаѣ продажи закупа, необходимо убѣждаемся, что и выше при назначеніи платъ за обиду 60 кунъ и 3 гривенъ тоже обозначено лице, которое подвергалось пени, а не получавшее пеню, и что слѣдовательно мѣстоименіе *ему* при глаголѣ платити въ означенномъ мѣстѣ, подобно какъ и въ другихъ приведенныхъ нами мѣстахъ Правды, относится къ виновному. Если же и разумѣть подъ мѣстоименіемъ *ему*, состоящемъ при глаголѣ *воротити*, закупа, то этимъ не можетъ опровергнуться наше заключеніе, потому-что въ Правдѣ нерѣдко два одинакія и въ одномъ и томъ же падежѣ стоящія мѣстоименія, слѣдующія другъ за другомъ и неразграниченныя между собою никакимъ именемъ, въ замѣнъ котораго слѣдовало бы считать поставленнымъ послѣднее изъ этихъ мѣстоименій, не смотря на то относятся не къ одному и тому же, а къ разнымъ лицамъ; такъ напр. «аже холопъ бѣжитъ, а укажетъ *ему* путь, то платити *ему* за холопъ 5 гривенъ». Здѣсь первое мѣстоименіе относится къ холопу, а второе—къ указавшему ему путь. Послѣ всего этого не трудно уже будетъ объяснить выраженіе: «аче кто конь погубитъ, свое ему лицемъ взяти, а за обиду платити ему 3 гривны». Въ этой статьѣ также мѣстоименія *ему* употреблены въ замѣну разныхъ лицъ: первое «*ему*» указываетъ на потерявшаго лошадь, а второе на общемъ основаніи относится къ виновному. Взыскивавшіяся же съ него за удержаніе у себя находки 3 гривны были продажей въ пользу князя. Это доказывается тѣмъ, что потерявшій вещь получалъ ее лицемъ, слѣдовательно былъ удовлетворенъ, когда же лица не было, то онъ могъ требовать опредѣленной платы за свое имущество (II, 40, 41), и что наконецъ вообще въ Правдѣ за всякое преступленіе назначалась пеня князю.

Относительно неотдачи долговъ въ уставѣ Ярослава было постановлено: «аже гдѣ взыщетъ на друзѣ проче, а онъ ся запирати почнетъ: то ити ему на изводъ предъ 12 человѣка, да аще будетъ обидя не вдалъ будетъ достойно ему свой скотъ, а за обиду 3 гривнѣ» (I, 14). Въ выписанной нами статьѣ нельзя не остановиться на выраженіи: «взыщетъ проче». Что значитъ слово «*проче*»? Въ одномъ спискѣ этой редакціи Правды вмѣсто *проче* стоитъ *проць*, а въ двухъ—*прокъ*. Эти же два послѣднія слова, какъ показываютъ выраженія, употребленныя въ двухъ мѣстахъ Правды: «*а прокъ въ дѣлъ*», «*а прокъ ему самому взяти себѣ*» (II, 51, 37),—озна-

чаютъ *остатокъ*. Изъ этого видно, что означенную нами статью слѣдуетъ перевести такъ: если кто станетъ взыскивать съ другаго (на друзѣ) остальныхъ денегъ изъ должной суммы, а должникъ будетъ запираться, т. е. показывать, что онъ уже вполнѣ удовлетворилъ кредитора, и если на одной ставкѣ съ 12 свидѣтелями окажется, что должникъ дѣйствительно не вдалъ заимодавцу достойно скотъ, т. е. не возвратилъ ему всѣхъ денегъ, то въ такомъ случаѣ платить за обиду 3 гривны. Нѣкоторые изслѣдователи Правды, несогласны съ нашимъ мнѣніемъ, въ изводѣ предъ 12 человѣкъ видятъ *особый судъ изъ 12 граждань*. Но одно внимательное разсмотрѣніе выписанной нами статьи убѣждаетъ въ противномъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы изъ 12 человѣкъ составлялся особый судъ, то отчего приводили къ такимъ судьямъ подсудимаго только въ томъ случаѣ, когда онъ *ся запирати почнетъ;* напротивъ, его слѣдовало приводить въ судъ независимо отъ того, сознавался ли онъ въ своемъ поступкѣ или нѣтъ, потому-что судъ долженъ былъ назначить продажу за обиду, такъ какъ и сознававшійся преступникъ могъ не вдать достойно скотъ обиженному. Поэтому, основываясь на словахъ Правды: «а онъ ся запирати почнетъ, то ити ему на изводъ предъ 12 человѣка», мы думаемъ, что подъ послѣдними должно разумѣть только тѣхъ людей, которые могли бы уличить подсудимаго въ несправедливомъ запирательствѣ, т. е. свидѣтелей. Самое выраженіе «*ити на изводъ*» вполнѣ соотвѣтствуетъ другому выраженію Правды: «*поиди на сводъ*» (II, 29), т. е. на очную ставку; притомъ въ нѣкоторыхъ спискахъ вмѣсто *изводъ* читается *сводъ*. Все сказанное нами тѣмъ болѣе справедливо, что въ соотвѣтствующемъ Ярославову закону о неотдачѣ долговъ постановленіи Изяслава говорится также не о судьяхъ, а о послухахъ (II, 43). И такъ, въ законѣ Ярослава по разсматриваемому нами предмету встрѣчается частный случай, именно неполное удовлетвореніе кредитора, и самое число свидѣтелей осталось въ законѣ то, какое вѣроятно случайно было выставлено заимодавцемъ по частному дѣлу, подавшему поводъ къ самому постановленію. Въ уставѣ Изяслава частный случай Ярославова закона о неотдачѣ долговъ приводится къ болѣе общему выраженію. Въ этомъ уставѣ сказано: «аже кто взыщетъ кунъ на друзѣ, а онъ ся начнетъ запирати, то оже навь выведетъ послуси, то ти поидутъ на роту, а онъ возметъ свои куны; занеже не далъ ему кунъ за

много лѣтъ, то платити ему за обиду 3 гривны» (II, 43). Здѣсь уже вообще говорится объ отрицательствѣ отъ своего долга, все равно относилось ли оно къ части или къ цѣлой должной суммѣ, при чемъ, сверхъ удовлетворенія истца, должникъ, уличенный свидѣтелями въ несправедливомъ показаніи, только тогда подвергался еще особой пени, если не отдавалъ кредитору кунъ за много лѣтъ, т. е. продолжительное время удерживалъ у себя занятую сумму; въ противномъ же случаѣ неотдача долговъ не составляла преступленія и не подлежала продажѣ. Но кому назначалась 3-хъ-гривенная плата за неотдачу долговъ? На основаніи предшествовавшихъ соображеній, мы думаемъ, что выраженіе: «*не далъ ему кунъ*», относится къ кредитору, а выраженіе: *платити ему за обиду* указываетъ на должника, и что самая плата была продажей и поступала въ пользу князя. Вѣроятно такой же пени подлежали и неотдававшіе кому либо въ продолженіи многихъ лѣтъ *поклажи* (II, 45) или кунъ, данныхъ купцемъ купцу въ куплю или въ гостьбу (II, 44).

О захватѣ чужой собственности говорится въ Правдѣ не вообще, а только по отношенію къ закупамъ. Статья, въ которой изложено это постановленіе, едва ли не самая искаженная въ Правдѣ, и потому требуетъ тщательнаго разбора. Въ Троицкомъ спискѣ она изложена такъ: «аже господинъ переобидитъ закупа, *а увидить купу его или отарицю*, то то ему все воротити, а за обиду платити ему 60 кунъ; *паки ли приметъ на немъ кунъ*, то *опять* ему *воротити* кунъ, что будетъ прiялъ, а за обиду платити ему 3 гривны продажи» (II, 55). Въ Карамзинскомъ же спискѣ редакція этой статьи другая, именно: «оже господинъ пріобидитъ закупа, *увъдеть вражду и увередить цъну, а введетъ вкупу его или отарицу, то то ему все воротити*, а за обиду ему платити 60 кунъ; *аще ли приметъ на немъ кунъ*, то *опять* ему *воротити* куны, что будетъ прялъ, а за обиду ему платити 3 гривны продажи» (III, 73). При первомъ взглядѣ на выписанное нами постановленіе по двумъ спискамъ, нельзя не замѣтить, что оно распадается на двѣ части, изъ коихъ во второй говорится *о повтореніи того преступленія*, за которое назначалось 60 кунъ продажи въ первой части. Мы заключаемъ объ этомъ изъ того: 1) что выраженіе *паки ли*, означающее во всѣхъ другихъ статьяхъ Правды *ежели же*, въ настоящемъ случаѣ принимается въ смыслѣ *снова ли*, такъ какъ оно совмѣщено здѣсь съ

выраженіемъ «*опять воротити*,» и притомъ встрѣчается въ большинствѣ списковъ Правды, и только въ немногихъ изъ нихъ стоитъ вмѣсто *паки ли—аще ли;* 2) что въ первой части разбираемой нами статьи говорится: *то то ему все воротити*, а во второй части, по всѣмъ спискамъ, сказано: *то опять ему воротити*. Очевидно, употребленіе послѣ глагола *воротити* словъ *опять воротити*, показываетъ повтореніе того же дѣйствія, которое и прежде было допущено господиномъ по отношенію къ закупу. И такъ, зная, что во второй части упоминается только о повтореніи того преступленія, о которомъ шла рѣчь въ первой части, мы можемъ возстановить смыслъ этой послѣдней. Преступленіе, какъ видно, состояло въ томъ, что господинъ засчитывалъ закупу меньше кунъ, чѣмъ положено было засчитывать ему за годъ работы, и такимъ образомъ захватывалъ чужое, т. е. «*приималъ куны*». Какъ же послѣ этого объяснить слова: *а увидитъ купу его* или *отарицю*, или *уведеть вражду, и уверeдить цѣну, а введеть вкупу его или отарицю?* Находящіеся въ этихъ выраженіяхъ глаголы: *увидить*, *уведеть*, *введеть*, безъ сомнѣнія искажены, потому-что вовсе не обозначаютъ понятія преступленія, оно выясняется нѣкоторымъ образомъ только глаголомъ *уверeдить* въ смыслѣ *повредить, измѣнить*. Поэтому мы думаемъ, что изъ глагола *уверeдить*, чрезъ ошибки переписчиковъ, и образовались глаголы *увидить, введеть*, и даже цѣлое выраженіе *уведеть вражду*, и потомъ безъ нужды, также по ошибкѣ, повторены по нѣскольку разъ въ одной и той же статьѣ. Относительно же слово *цѣна*, слѣдуетъ замѣтить, что оно нигдѣ не употребляется въ Правдѣ, и вѣроятно въ ея текстъ вставлено было позже, въ видѣ объясненія слову *купа*. По всѣмъ симъ соображеніямъ, мы полагаемъ, что выписанную нами выше статью слѣдуетъ читать такъ, какъ она изложена въ Троицкомъ спискѣ (II, 55), только глаголъ *увидить* должно замѣнить глаголомъ *уверeдить*, именно: аже господинъ переобидитъ закупа, а уверeдитъ купу его или отарицю, и проч. — Что же должно разумѣть подъ словами *купа* и *отарица?* Для полнаго ихъ понимания намъ кажется нужно первоначально уяснить себѣ отношеніе закупа къ господину. Въ состояніе закупа, какъ извѣстно, обращался несостоятельный должникъ или добровольно или въ слѣдствіе продажи на торгу. Мнѣніе будто бы должникъ про-

давался прямо въ *холопы* несправедливо. Въ Правдѣ говорится: «*а въ дачѣ не холопъ*» (II, 105) ([1]), т. е. что въ случаѣ какой либо ссуды, получившій и невозвратившій ее не обращался въ холопа, а долженъ былъ заживать года (доходить года), иначе сказать становился закупомъ. Что закупъ дѣйствительно былъ должникомъ, это видно изъ самой Правды, въ которой постановлено: продастъ ли господинъ закупа, то ему *свобода во всѣхъ кунахъ* (II, 55), т. е. освобожденіе отъ всѣхъ лежавшихъ на немъ долговъ. Но понимая подъ закупомъ несостоятельнаго должника, мы не впадаемъ чрезъ то въ противорѣчіе съ тѣми статьями Правды, изъ коихъ можно заключать, что закупъ имѣлъ свою собственность (II, 52, 53, 54). Намъ кажется, что право закупа на собственность выражалось только тѣмъ, что *работа его господину* была *недаровая*, подобно холопской работѣ, а засчитывалась закупу постепенно за его долгъ; *наличной же собственности*, за исключеніемъ можетъ быть самой ничтожной, закупъ не имѣлъ. Это доказывается тѣмъ, что за него, въ случаѣ совершенія имъ преступленія, платилъ его господинъ (II, 57). По такимъ соображеніямъ мы заключаемъ, что выраженіе Правды: *аже закупъ идетъ искать кунъ* (II, 52), означаетъ только, что онъ могъ идти жаловаться на исключеніе ему господиномъ за работу изъ долга не такого количества кунъ, сколько слѣдовало, и что наконецъ постановленія Правды, налагавшія на закупа обязанность платить господину за растрату его собственности (II, 53, 54), не должно понимать такъ, что закупу тотчасъ нужно было удовлетворить господина наличными деньгами, которыхъ у перваго, какъ несостоятельнаго должника, не могло быть, но что онъ обязывался только *отработать* свой долгъ. Объясняя себѣ такимъ образомъ состояніе древнихъ закуповъ, посмотримъ, что говорится объ отношеніи ихъ къ господамъ въ Старомъ (1529 года) Литовскомъ Статутѣ, въ которомъ во многихъ случаяхъ ясно отразились постановленія Правды. Въ немъ сказано, что закупу, получавшему *присѣвокъ для прожитка*, засчитывалось за каждый годъ работы 12 грошей, а неполучавшему *присѣвка—полкопы* грошей (т. е. 30 грошей) ([2]). Если сообразимъ, что въ Правдѣ гово-

---

([1]) См. Изслѣдованія о Русской Правдѣ, г. Калачова, стр. 83.—([2]) См. Временникъ, кн. 18, 1854 г. Лит. Стат. стр. 90, стр. 7 и 8.

рится о *ролейныхъ закупахъ*, и что слѣдовательно были закупы и *неролейные*, мы легко придемъ къ заключенію, что первыми назывались тѣ, которые обработывали господскую *ролью*, т. е. землю, и вмѣстѣ съ тѣмъ получали и себѣ участокъ земли на присѣвокъ для прожитка, а послѣдними тѣ, кои, не занимаясь вообще земледѣліемъ, а находясь при господинѣ, не получали такого присѣвка, т. е. поземельнаго участка, и что безъ сомнѣнія первымъ засчитывалось за годъ работы въ счетъ должной суммы менѣе, а послѣднимъ болѣе. Поэтому, имѣя въ виду то отношеніе къ господину, въ какомъ находился закупъ, мы думаемъ, что подъ *купой* разумѣлась та сумма, которая всѣмъ вообще закупамъ, только въ большемъ или въ меньшемъ количествѣ, засчитывалась за годъ службы у господина, т. е. *купа* была нечто иное, какъ ежегодный *выкупъ* долга работой, и что *отарицей* называлась земля, отдававшаяся вѣроятно бо̀льшей части закуповъ на присѣвокъ, т. е. во временное пользованіе (1). Болтинъ тоже полагаетъ, что подъ отарицей могли разумѣть участокъ земли, уступленный господиномъ на время тому или другому закупу (2). На самое количество *купы* кажется указываетъ одно мѣсто Правды, именно: «аже крадетъ кто гумно или жито въ ямѣ, а у него же погибло, то же будетъ лице, лице поиметъ, *а за лѣто возметъ по полугривнѣ*» (II, 39). Въ приведенной нами статьѣ говорится, что если у вора находилось поличное, то оно возвращалось обиженному; за тѣмъ какъ бы предполагается, что если поличнаго не было, и воръ оказывался несостоятельнымъ къ вознагражденію убытковъ, то обращался въ закупа, и въ такомъ случаѣ засчитывалось ему за годъ работы по полугривнѣ, т. е. мы думаемъ, что выраженіе: «а *за лѣто возметъ по полугривнѣ*» есть только окончаніе, хотя и невыраженной, но явно подразумѣвавшейся мысли. Слово *лѣто* употребляется въ Правдѣ въ смыслѣ года, напр.: «*начнетъ*

---

(1) Подъ *отарицей* вообще понимаютъ скотъ, но предполагать, что закупъ владѣлъ скотомъ, было бы несовмѣстно съ понятіемъ о закупѣ, какъ о несостоятельномъ должникѣ. Принимая слово отарица въ томъ смыслѣ, какой мы ему даемъ, нельзя ли производить это слово отъ глагола *орать*? Не могло ли изъ него образоваться существительное «оратица», т. е. участокъ поля для оранія для воздѣлыванія, а за тѣмъ, какъ это иногда случается, чрезъ перестановку буквъ *р* и *т*, не могло ли составиться и самое слово *отарица*?

(2) См. Русск. Достопамяти. 1843 г. ч. 2, стр. 88, статья 174.

отъ лѣта платити» (II, 50), а глаголъ *возметъ*, относящійся къ господину, слѣдуетъ принимать въ значеніи «зачтетъ.» Если объясненіе наше справедливо, то выходитъ, что закупу за годъ работы засчитывалась въ счетъ долга весьма ничтожная сумма, именно: 25 кунъ. Это впрочемъ не можетъ насъ удивлять, если вспомнимъ, что и по Литовскому Статуту годовая работа закупа цѣнилась въ 12 и 30 грошей; при чемъ, примѣняясь къ Статуту, мы думаемъ, что 25 кунъ засчитывалось только закупу, не пользовавшемуся *отарицей*, и что при *отарицѣ* ему исключали изъ долга еще меньшее количество кунъ. Такимъ образомъ, на основаніи всѣхъ изложенныхъ выше соображеній, разбираемую нами статью Правды мы понимаемъ такъ: если господинъ обижалъ закупа, т. е. измѣнялъ во вредъ ему купу, иначе сказать, засчитывалъ ему въ ежегодный выкупъ меньшую, чѣмъ слѣдовало, сумму, а также отнималъ отарицу, т. е. поземельный участокъ, не увеличивая съ тѣмъ вмѣстѣ купы, а оставляя ее въ прежнемъ количествѣ, то господинъ долженъ былъ все воротить, т. е. засчитать закупу, что неправильно было отъ него отнято, а сверхъ того заплатить князю продажи 60 кунъ; за повтореніе же того самаго преступленія, кромѣ удовлетворенія закупа, господинъ обязывался заплатить продажу князю въ бо̀льшемъ уже количествѣ, именно 3 гривны. Изложенная нами статья замѣчательна тѣмъ, что въ ней одной только говорится о повтореніи преступленія, и что повтореніе это принимается въ ней за обстоятельство, увеличивающее вину подсудимаго.

Недозволенное пользованіе чужимъ имуществомъ могло возникать и въ слѣдствіе противузаконныхъ сдѣлокъ. Между ними въ Правдѣ упоминается: 1) о лихвенныхъ процентахъ; 2) о продажѣ закупа; 3) о покупкѣ чужаго холопа. По уставамъ Изяслава и Мономаха допускались проценты *мѣсячные*, *третные* и *годовые*. Если куны были взяты въ долгъ на короткое время (за мало дний, III, 48), то въ такомъ случаѣ позволялось брать мѣсячные проценты; но если должникъ продерживалъ должную сумму цѣлый годъ (заидутъ ли ся куны до того же года, II, 47), то тогда мѣсячный процентъ уничтожался (мѣсячный рѣзъ погренути), а платился *третной*. Годовой процентъ взыскивался, если кто отдавалъ куны въ заемъ на нѣсколько лѣтъ (II, 49). Количество мѣсячнаго рѣза въ Правдѣ не опредѣлено; но принимая во вниманіе, что его дозволя-

лось *имать* только *ва мало дній*, можно заключать, что такое ограниченіе постановлено именно потому, что рѣзъ этотъ былъ больше, слѣдовательно тягостнѣе для должника, чѣмъ третной. На томъ же основаніи слѣдуетъ полагать, что третной рѣзъ былъ больше годоваго. Законнымъ рѣзомъ годовымъ считались *10 кунъ отъ лѣта* на гривну кунъ, т. е. 10 процентовъ (II, 49); законнымъ же процентомъ третнымъ были *два рѣза* (II, 48). Подъ рѣзомъ должно разумѣть не рѣзану или куну, а процентъ, и по нашему мнѣнію 10 кунъ съ гривны въ годъ назывались *однимъ рѣзомъ*, слѣдовательно *два рѣза* составляли двадцать процентовъ или 20 кунъ съ гривны, то же, по нашему мнѣнію въ годъ, а не въ треть. Три рѣза въ годъ, если куны занимались на треть, т. е. 30 процентовъ, а также болѣе 10 кунъ съ гривны въ годъ, если заемъ былъ сдѣланъ на нѣсколько лѣтъ—считались уже *процентами лихвенными*. Но какія были послѣдствія полученія этихъ послѣднихъ? Въ Правдѣ сказано: паки ли возметъ три раза, то *иста* ему не взяти (II, 48). Слово *исто* объясняется другою статьею Правды, гдѣ говорится: «аже будутъ въ дому дѣти мали, а мати имъ пойдетъ замужъ, то кто имъ ближній будетъ, тому же дати на руцѣ, и съ добыткомъ и съ домомъ, донелѣже возмогутъ, а *товаръ* дати предъ людми, а что *срѣзитъ* товаромъ тѣмъ, то то ему собѣ, а *истый товаръ* воротити имъ» (II, 93). Изъ этой статьи оказывается, что опекунъ надъ малолѣтными имѣлъ право удерживать въ свою пользу *рѣзы*, т. е. проценты или прибыль съ имущества, но самое имущество, которое названо *истымъ*, долженъ былъ возвратить по принадлежности. Слѣдовательно, приведенное выше слово *исто*, въ той статьѣ, гдѣ оно стоитъ, означаетъ ничто иное, какъ капиталъ, отданный въ займы. И такъ, пользовавшійся лихвенными процентами лишался права взыскивать съ должника занятую у него сумму, но пени въ пользу князя не подвергался. На этомъ же основаніи и при дѣлежѣ кунъ, вырученныхъ отъ продажи на торгу несостоятельнаго должника, тотъ не получалъ ничего, кто *много рѣза ималъ* (II, 51).—Неправильное пользованіе чужою собственностію могло начинаться также вслѣдствіе противузаконной *продажи* и *покупки*. Въ этомъ случаѣ отвѣтственность падала не только на *продавца*, но иногда и на *покупщика*. Въ Правдѣ упоминается о незаконной продажѣ *закуповъ* и *холоповъ*. Въ ней сказано: «продастъ ли господинъ заку-

на обель, то закупу (¹) свобода во всѣхъ кунахъ, а господину за обиду платити 12 гривенъ продажѣ» (II, 55); «оже кто купитъ чюжъ холопъ, а не вѣдая, то первому господину холопъ пояти, а оному куны имать, ротѣ ходивше, яко невѣдая есмь купилъ; вѣдая ли будетъ купилъ, то кунъ ему лишену быти» (III, 129). Прежде, нежели приступимъ къ объясненію этихъ статей, опредѣлимъ что̀ значило выраженіе: *продать закупа обель*. Оно объясняется слѣдующею статьею Правды: «аже закупъ бѣжитъ отъ господы, *то обель*, идетъ ли искать кунъ... то про то не *работятъ* его, но дати ему правду» (II, 52) (²). Такимъ образомъ подъ словомъ *обель* разумѣлось *обращеніе закупа въ раба*; слѣдовательно, «продать закупа обель» значило продать его подъ видомъ холопа. За такое противузаконное дѣйствіе продавецъ подвергался платежу 12-гривенной продажи въ пользу князя. Но какое взысканіе налагалось на того, кто продавалъ не закупа, а чужаго холопа за своего? Въ выписанной нами выше статьѣ о покупкѣ чужаго холопа объ этомъ ничего не говорится; однакожъ нельзя думать, чтобы въ такомъ случаѣ продажи вовсе не взыскивалось. По сходству противузаконныхъ дѣйствій, именно продажи закупа за холопа и чужаго холопа за своего, легко придти къ заключенію, что пеня за то и другое преступленіе была одинаковая, т. е. 12-гривенная, тѣмъ болѣе, что такая пеня назначалась за одинъ уводъ холопа (III, 35), а чтобъ продать его безъ сомнѣнія нужно было сначала увести. Вѣроятно, въ предупрежденіе по возможности незаконной продажи холоповъ и закуповъ и установленъ былъ въ Правдѣ особый обрядъ купли челядина, состоявшій въ томъ: 1) что продававшійся челядинъ при совершеніи продажи долженъ былъ находиться налицо, и 2) что покупщикъ обязывался вручить продавцу *ногату* предъ самимъ челядиномъ, безъ сомнѣнія въ счетъ слѣдовавшей за него суммы (II, 102). Этотъ обрядъ давалъ возможность продававшемуся, если только онъ не былъ заодно съ продавцомъ, обнаружить вовремя подлогъ, т. е. объяснить, что онъ или не *холопъ*, а *закупъ*, или что онъ холопъ не того лица, которое выдавало его за своего, а другаго. Опредѣливъ послѣдствія противузаконныхъ продажъ для продавцовъ, скажемъ о послѣдствіяхъ отъ того для покупщиковъ. Тотъ, кто покупалъ отъ кого либо

(¹) См. Изслѣд. о Русской Правдѣ, г. Калачова, стр. 89.—(²) Тамъ же, стр. 87.

холопа, зная, что онъ не принадлежалъ продавцу, лишался заплаченныхъ за холопа кунъ, потому-что господинъ отбиралъ своего челядина, а покупщику не давалось права взыскивать своихъ убытковъ съ продавца (III, 129). Но если покупщикъ не вѣдалъ, что ему проданъ чужой холопъ, тогда, подтвердивъ свое незнаніе присягою, онъ могъ требовать съ продавца возврата денегъ, отданныхъ ему за холопа (III, 129). Можетъ быть, при этомъ принимали во вниманіе и то, выполненъ ли покупщикомъ описанный нами выше обрядъ купли челядина. Все сказанное о покупкѣ холопа безъ сомнѣнія относится и къ покупщику закупа обель. Какія же послѣдствія отъ незаконной продажи были для самихъ проданныхъ лицъ? Холопъ, какъ мы упомянули выше, отбирался своимъ господиномъ, а закупъ получалъ свободу во всѣхъ кунахъ, т. е. освобождался отъ долговъ, и тѣмъ выходилъ изъ состоянія закупа, а становился вольнымъ человѣкомъ. Свобода во всѣхъ кунахъ давалась закупу въ отношеніи *къ продавцу*, а *не покупщику*. Этотъ же послѣдній могъ взыскивать своихъ кунъ съ продавца, если не зналъ, что ему продавался закупъ за холопа, а въ противномъ случаѣ не могъ и жаловаться на убытки, понесенныя имъ по собственной винѣ.

Изъ сдѣланнаго нами изложенія постановленій Правды о противозаконномъ пользованіи чьимъ либо имуществомъ, оказывается, что какъ за самовольное употребленіе въ ѣзду чьего либо коня, такъ и за передержательство бѣглыхъ холоповъ, за удержаніе находки и за неотдачу долговъ, равно платилось 3 гривны. Такая одинаковая плата за разнообразные проступки, уже тѣмъ самымъ, независимо отъ прежнихъ нашихъ доказательствъ, показываетъ, что она не была частнымъ вознагражденіемъ, а продажей въ пользу князя, потому-что частное вознагражденіе по разнообразному нарушенію имущественныхъ правъ не могло быть одинаковымъ. За исчисленныя нами выше противузаконныя дѣйствія Правда назначаетъ продажу *въ одномъ видѣ*, потому-что не упоминаетъ при этомъ случаѣ ни о какихъ уменьшающихъ или увеличивающихъ вину обстоятельствахъ; но тамъ, гдѣ она различаетъ такія обстоятельства, является всегда продажа *въ двухъ видахъ*. Поэтому-то за захватъ господиномъ собственности закупа опредѣлены двѣ продажи—*60 кунъ* и *3 гривны*, а за покупку чужихъ холоповъ и закуповъ только одна—*12 гривенъ*. Продажа въ 60 кунъ всегда взыскивалась

при уменьшающихъ вину обстоятельствахъ, гдѣ Правда ихъ допускала.

Всѣ означенныя нами продажи взыскивались, какъ и всегда въ Правдѣ, не съ дѣла, а по числу преступниковъ, прикосновенныхъ къ дѣлу, но только съ людей свободнаго состоянія, а не съ *холоповъ*, которые, какъ несвободные, продажамъ не подвергались, а въ случаѣ противузаконнаго пользованія ими чьимъ либо имуществомъ, господинъ ихъ обязанъ былъ вознаградить убытки обиженнаго, при Изяславѣ *вдвойнѣ* (II, 42), а при Мономахѣ заплатить одно только простое вознагражденіе или выдать истцу головою холопа. Поэтому въ Мономаховомъ уставѣ сказано: «аже холопъ одолжаетъ, то выкупати его господину, али лишитись его (II, 111) (¹).» Послѣдствія невыдачи или невыкупа холопа были тѣже, какія означены въ статьѣ о нанесеніи удара холопомъ свободному мужу (II, 58). За закуповъ тоже не платилось продажи, и съ ними за совершеніе разсматриваемыхъ нами преступленій поступали такъ, какъ уже выше объяснено въ статьяхъ объ убійствѣ и о нанесеніи побоевъ, ранъ и увѣчій.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію растраты чужаго имущества. Въ Правдѣ говорится: 1) о растратѣ купцомъ чужихъ товаровъ и 2) о случаяхъ, въ какихъ закупъ долженъ былъ вознаграждать господина за пропажу собственности послѣдняго. Если какой либо купецъ, шедши гдѣ нибудь съ чужими кунами, претерпитъ наводненіе (истопится), или будетъ застигнутъ пожаромъ, или же встрѣтитъ рать, и товаръ потонетъ, сгоритъ или будетъ взятъ ратью, то въ такомъ случаѣ не дозволялось *насилити* купцу, ни *продати* его, т. е. нельзя было ни принуждать растратившаго товаръ къ уплатѣ за него, ни продать виновнаго за неуплату въ закупы, *но како начнетъ отъ лѣта платити, тако же платитъ*, т. е. въ счетъ своего долга растратившій товаръ могъ вносить ежегодно такую сумму, какую былъ въ состояніи, при несостоятельности же вѣроятно и вовсе не подлежалъ отвѣтственности. Причина такого снисхожденія опредѣлена въ Правдѣ такъ: *зане пагуба отъ Бога есть, а не виноватъ есть.* «Аже ли пропіется или пробіется, а въ безуміи чюжь товаръ испроторитъ (²), то како любо тѣмъ, чій то товаръ:

(¹) См. Изслѣдов. о Руск. Правдѣ, г. Калачова, стр. 100.—(²) Тамъ же, стр. 85.

ждутъ ли ему—а своя имъ воля, продадятъ ли его —а своя имъ воля» (II, 50). Значитъ, если бы товаръ былъ растраченъ по винѣ того, въ чьемъ завѣдываніи онъ находился, то владѣлецъ товара могъ или ждать уплаты со стороны виновнаго, или же, въ случаѣ его несостоятельности, продать его за долги въ закупы на общемъ основаніи. Словомъ, въ этомъ случаѣ хозяевамъ растраченнаго имущества давалась полная свобода дѣйствовать по своему усмотрѣнію относительно вознагражденія себя за потерю—*а своя имъ воля*. Вина растратившаго чужую собственность выражена въ Правдѣ двумя словами: *пропіется*, *пробіется*. Въ нѣкоторыхъ спискахъ стоитъ только первое слово, а послѣдняго нѣтъ, и мы думаемъ, что это правильнѣе, потому-что оно, по отношенію къ разсматриваемой нами статьѣ, едва ли имѣетъ какой либо смыслъ. Помѣщеніе въ ней слова *пробіется* можно объяснить такимъ образомъ: первоначальный переписчикъ текста Правды, по ошибкѣ, часто случающейся, могъ написать слово *пропіется* два раза сряду; послѣдующіе переписчики, не догадываясь объ ошибкѣ, могли даже усиливаться прочесть послѣднее слово иначе, нежели первое, и въ слѣдствіе того, а можетъ быть и просто по неясности рукописи, образовалось слово *пробіется*, котораго, вѣроятно, не было въ подлинникѣ Правды. И такъ, подлежалъ отвѣтственности за растрату товара только тотъ, *кто въ безуміи чюжь товаръ испроторитъ*; такимъ же безуміемъ названа страсть къ пьянству, заставлявшая или пропивать чужую собственность или, можетъ быть, просто потерять ее въ пьяномъ видѣ. Но вся отвѣтственность такого человѣка состояла только въ вознагражденіи обиженныхъ, продажѣ же онъ не подвергался, вѣроятно потому, что Правда не видѣла здѣсь еще собственно преступленія, т. е. злонамѣреннаго умысла на растрату чужаго товара. Если же кто, объявивъ о растратѣ чьего либо имущества, скрывалъ его у себя или продавалъ въ свою пользу, тотъ, безъ сомнѣнія, при обнаруженіи его преступленія, наказывался какъ тать.—О растратѣ господскаго имущества закупомъ Правда говоритъ слѣдующее: «аже у господина ролейный закупъ, а погубитъ войскій конь, то не платити ему; но еже далъ ему господинъ плугъ и борону, отъ него же купу емлетъ, то то погубивше платити; аже ли господинъ его отслетъ на свое орудье, а погибнетъ безъ него, то того ему не платити» (II, 53). «Аже изъ хлѣва выве-

дутъ, то закупу того не платити; но оже погубитъ на поли, и въ дворъ не вженетъ и не затворитъ, гдѣ ему господинъ велитъ, или орудья своя дѣя, а того погубитъ: то то ему платити» (II, 54). Это значитъ: если у кого либо былъ закупъ земледѣлецъ, и отъ его недосмотра пропадала верховая лошадь, то въ такомъ случаѣ закупъ не отвѣчалъ, потому-что постоянный, тщательный надзоръ за означенною лошадью не согласовался съ родомъ его занятій; но если господинъ давалъ ролейному закупу *плугъ* и *борону*, т. е. такія вещи, которыя по роду его занятій были ему необходимы для очистки купой своего долга (отъ нихъ же купу емлетъ), то за растрату ихъ закупъ обязывался удовлетворить хозяина, но продажѣ не подвергался. Однакожъ изъ этого общаго правила было исключеніе: именно закупъ не отвѣчалъ, когда господинъ отсылалъ его на другую свою работу, и въ отсутствіе его пропадали плугъ и борона. Такимъ же образомъ, если скотъ выведенъ былъ изъ хлѣва, то за такое похищеніе хозяинъ не могъ требовать уплаты съ закупа; но если скотъ пропадалъ на полѣ при пастьбѣ, или не былъ загнанъ въ дворъ и запертъ тамъ, гдѣ было приказано, или если пропажа скота случалась потому, что закупъ занимался своей работой, то во всѣхъ такихъ случаяхъ онъ долженъ былъ вознаградить убытки владѣльца. Изъ всего этого видно, что закупъ отвѣчалъ только за пропажу предметовъ, которые, по роду его занятій, могли находиться въ непосредственномъ его завѣдываніи и пропадали по его недосмотру или непослушанію и въ слѣдствіе занятія своими работами; но если пропавшая вещь не принадлежала къ его непосредственному надзору, или, находясь въ завѣдываніи закупа, пропадала въ слѣдствіе порученія ему другихъ господскихъ работъ, или похищалась изъ хлѣва, т. е. когда всѣ предосторожности къ сохраненію ея были приняты, то въ такихъ случаяхъ закупъ не обязывался вознаграждать владѣльца за его убытки.

2) О поврежденіи и истребленіи чужаго имущества, и объ уничтоженіи межевыхъ знаковъ.

Въ первоначальномъ уставѣ Ярослава говорится только объ изломаніи чьего либо копья, щита, и объ изодраніи чужой одежды, съ на-

значеніемъ за то одного лишь частнаго вознагражденія обиженному. «А иже изломитъ копье, любо щитъ, любо портъ, а начнетъ хотѣти его держати у себе, то пріяти скота у него, иже что есть изломилъ (¹); аще ли начнетъ примѣтати, то скотомъ ему заплатити колько далъ будетъ на немъ» (I, 17), т. е. если испорченную вещь обиженный желалъ удержать у себя, то могъ требовать за нее только добавочной платы; но если онъ отдавалъ вещь тому, кто ее испортилъ, то имѣлъ право получить полное за нее вознагражденіе. Мы думаемъ, что въ изложенномъ нами законѣ объ изломаніи копья и изодраніи одежды не разумѣлось *умышленнаго дѣйствія*, а только неосторожное или случайное, которое не считалось уголовнымъ преступленіемъ, и потому за такое дѣйствіе и не назначена продажа. Но она безъ сомнѣнія взыскивалась если кто съ умысломъ, напр. изъ мести или ненависти, повреждалъ или истреблялъ чье либо оружіе или одежду. Мы знаемъ, что срубившій чье либо бортное дерево или перерѣзавшій веревку въ чужомъ перевѣсѣ подвергался платежу пени въ пользу князя, и потому нѣтъ основанія отвергать, чтобы тотъ, кто съ намѣреніемъ портилъ чей нибудь щитъ или чье либо копье также не платилъ продажи. Количество ея вѣроятно заключалось въ 3-хъ гривнахъ, съ одной стороны потому, что такой же пени подлежали повреждавшіе борть или перевѣсъ, а съ другой потому, что вообще за преступленія, нарушавшія право по имуществу, 3-хъ-гривенныя продажи взыскивались въ Правдѣ преимущественно предъ 12-гривенными. Въ дополнительномъ уставѣ Ярослава, къ однороднымъ съ изложенною нами слѣдуетъ отнести двѣ статьи: объ истребленіи межъ и объ истребленіи борти, именно: 1) а иже межу переоретъ любо перетесъ, то за обиду 12 гривнѣ (I, 33); 2) а въ княжѣ борти 3 гривнѣ любо пожгутъ, любо изодруть» (I, 30). Къ послѣдней статьѣ въ двухъ спискахъ изъ 6 прибавлено: «*и въ смерди 2 гривнѣ*» (²). Какъ смотрѣть на эту прибавку? Если считать ее дѣйствительною, тогда необходимо будетъ признать, что 3 гривны и 2 гривны, назначенныя за пожогъ борти, были частнымъ вознагражденіемъ, а не продажами, потому-что 2-хъ гривенной продажи въ Правдѣ не существовало. Но и частнаго вознагражденія въ такомъ количествѣ нельзя допустить. Въ уставѣ Мономаха

(¹) См. Изслѣд. о Русск. Правдѣ, г. Калачова, стр. 97.—(²) Тамъ же, стр. 118.

бортное дерево цѣнится *полгривны*, слѣдовательно 3 и 2 гривны были бы слишкомъ высокой за него цѣной; предполагать же значительное ея пониженіе въ послѣдствіи едва ли можно, потому что такого пониженія мы не видимъ въ Правдѣ и по отношенію къ другимъ предметамъ. Притомъ, кажется весьма легко объяснить, отъ чего произошла приписка въ разбираемой нами статьѣ. Предъ статьею о борти (I, 30) въ уставѣ Ярослава находится статья о конѣ: а за княжь конь 3 гривны, а за смердій—2 гривны (I, 25): переписчикъ, приступая къ написанію первой изъ означенныхъ статей, могъ встрѣтить недоумѣніе отъ того, что въ ней говорится только о княжей борти, и предполагая здѣсь очевидный пропускъ, и усматривая, что въ постановленіи о конѣ, послѣ цѣны за княжаго коня поставлена цѣна за лошадь смерда, могъ придти къ убѣжденію, что и послѣ княжей борти слѣдуетъ непремѣнно говорить о смердей борти, и что такъ какъ княжь конь и княжа борть стоили 3 гривны, то слѣдовательно должна быть одинаковой стоимости съ лошадью и борть смерда. Въ слѣдствіе такихъ соображеній, переписчикъ вѣроятно и сдѣлалъ означенную выше приписку. Считая ее ошибкой съ его стороны, мы признаемъ 3 гривны за пожогъ борти и 12 гривенъ за перераніе межи *продажами* въ пользу князя. Въ уставѣ Мономаха постановленія о поврежденіи и истребленіи чужаго имущества и объ уничтоженіи межъ являются въ болѣе подробномъ и точномъ видѣ, чѣмъ у Ярослава. Въ этомъ уставѣ упоминается: 1) о порубкѣ бортныхъ деревьевъ и о разнаменаніи бортей (II, 64, 66, 68); 2) о подсѣченіи верви и перерѣзаніи веревки въ перевѣсѣ (III, 92); 3) о зарѣзаніи чужой лошади или другаго домашняго животнаго (II, 80), и 4) объ истребленіи чужой осѣдлости поджогомъ (II, 79). Поговоримъ сперва о бортяхъ. По этому предмету въ уставѣ Мономаха находятся слѣдующія постановленія: 1) аже разнаменаетъ борть, то 12 гривенъ; 2) аже дубъ подотнетъ знаменный или межный, то 12 гривенъ продажи, и 3) аже борть подотнетъ, то 3 гривны продажи, а за дерево полгривны. Что значитъ: разнаменовать борть? Въ старину *бортныя ухожья* отличались отъ *черного лѣса*, и отдавались большею частію бортникамъ въ оброкъ на значительное время, иногда на двадцать лѣтъ. Бортники имѣли право пользоваться старыми бортями, дѣлать новыя, рубить дровяной лѣсъ на свои надобности и

ловить въ своемъ участкѣ звѣрей. Для обозначенія своего права пользоваться бортными деревьями бортники выдѣлывали на нихъ разные значки, которые назывались *знаменами*. Иногда нѣсколько лицъ имѣли одно только знамя, а иногда каждое лице—свое особое. Знамена носили различныя названія, смотря по фигурѣ, именно: знамя косы на чертѣ съ рубежомъ (⩳), знамя калита съ поясомъ (Ѫ), знамя калита съ рубежемъ (ә), знамя лежая съ двумя рубежами (═╪═), знамя четыре рубежи (||||), знамя лакатки (𝟦), знамя лежая съ тремя рубежами (═╫═), знамя вилы съ двумя рубежами (⋜), знамя посидка съ двумя рубежами (фигура не означена).—Кромѣ изображенныхъ нами, въ нашихъ актахъ встрѣчаются еще слѣдующія фигуры бортныхъ знаменъ, названія которыхъ неизвѣстны: ⊤, Ѵ⋀, И, ₴, ⌒, ⋊, Ж, ⩛, Ҏ, IV, ⩚ (¹).—Всѣ эти *знамена* безъ сомнѣнія выдѣлывались топоромъ или другимъ какимъ либо орудіемъ на стволѣ дерева. Послѣ всего нами сказаннаго легко уже опредѣлить смыслъ глагола «*разнаменать*», особенно при помощи слѣдующаго мѣста Ипатіевской лѣтописи: «бяху холопа покралѣ конѣ Мьстиславли у стадѣ, и *пятны своѣ всклаль, рознаменываюче* (²)». Слѣдовательно, разнаменовать борть значило стесать топоромъ съ нее *знамя*, т. е. признакъ, опредѣлявшій право чужаго владѣнія и выдѣлать на деревѣ свое или вообще другое знамя. За разнаменаніе борти платилась князю 12-гривенная продажа. Теперь представляется вопросъ: на какомъ основаніи за порубку цѣлой борти взыскивалась меньшая продажа (II, 68), чѣмъ за одно только стесаніе на деревѣ значка и начертаніе другаго? Безъ сомнѣнія, въ статьѣ о порубкѣ борти съ 3-гривенной пеней разумѣется не *знаменная борть*, т. е. не такая, которая была уже окончательно устроена и въ которой находились уже пчелы, а просто дерево, годное къ борти, или въ коемъ выдѣлка ея уже началась или даже окончена, но пчелъ не было. Это тѣмъ болѣе кажется намъ справедливымъ, что о посѣченіи знаменной борти въ Правдѣ говорится особо, именно: «аже дубъ подотнетъ *знаменный* или межный, то 12 гривенъ продажи». Здѣсь знаменный дубъ отличенъ отъ межнаго, слѣдовательно подъ пер-

---

(¹) Акты Юрид. № 165, 172 и 202.—(²) Полн. собр. русс. лѣт., II т., стр. 99.

вымъ нельзя разумѣть какой либо межевой признакъ, притомъ на межевыхъ деревьяхъ *набивались грани* (1), знамена же клались только на бортяхъ. Кромѣ того, въ одной грамотѣ XV вѣка сказано: «а что у нихъ, на тѣхъ земляхъ на монастырскихъ, *дубье*, и староста бортной въ то *дубье* у нихъ не вступается» (2). Все это убѣждаетъ насъ, что подъ порубкою знаменнаго дуба понимали въ Правдѣ порубку бортнаго дерева, тѣмъ болѣе, что и въ Старомъ Литовскомъ Статутѣ бортное дерево называется *дубомъ пчёльнымъ* (3), если на борть былъ употребленъ дубъ. И такъ, за посѣченіе простой борти, неокончательно еще устроенной или неимѣвшей еще пчелъ, платилось только 3 гривны продажи; но тотъ, безъ сомнѣнія, былъ виновнѣе, кто срубливалъ знаменную борть, въ которой уже были пчелы, или злонамѣренно уничтожалъ на ней признакъ чужаго владѣнія, т. е. истреблялъ знамя, и потому подвергался 12-гривенной продажѣ. Въ обоихъ случаяхъ порубки за самое срубленное дерево виновный платилъ еще хозяину полгривны, т. е. 25 кунъ. Такого различенія знаменныхъ и незнаменныхъ бортей не было въ Ярославовомъ законѣ: въ немъ, какъ мы видѣли, упоминалось только объ одной княжей борти и назначалась одна 3-гривенная продажа. Самое средство истребленія поименовано въ немъ другое, именно: пожогъ, а не порубка. Впрочемъ, и во времена Мономаха вѣроятно пожогъ бортнаго дерева наказывался также, какъ и его порубка.

Поврежденія въ чьихъ либо перевѣсахъ оплачивались 3-хъ-гривенной продажей: «аще кто посѣчетъ верею или вервь перетнетъ въ перевѣсѣ, то 3 гривны продажи, а господину за верею и за вервь гривна» (III, 92). Въ большей части списковъ Правды говорится или объ одной верви, или только о вереѣ (4); но намъ кажется, что то и другое слово находилось въ подлинномъ уставѣ Мономаха, потому что оба они соотвѣтствуютъ понятію о перевѣсѣ (5). Вѣроятно позднѣйшіе переписчики, считая ихъ однозначащими и стоящими одно возлѣ другаго вслѣдствіе ошибочнаго повторенія,

---

(1) Акты Юрид. № 163. — (2) Акты Эксп., т. I № 53. — (3) Времен. кн. 18 Стар. Лит. Статутъ, раздѣлъ 9, ст. 14 и 15. — (4) Изслѣдованія о Рус. Правдѣ, г. Калачова стр. 118.—(5) См. о значеніи перевѣса въ статьѣ о татьбѣ.

выпустили одни слово верею, а другіе—слово вервь. За срубленный шестъ (верею) въ перевѣсѣ и перерѣзанную въ немъ веревку (вервь) платилась господину гривна. Мы думаемъ однакожь, что гривна давалась владѣльцу не за каждый шестъ и не за каждую веревку особо, а за обѣ вещи вмѣстѣ, т. е. по полугривнѣ за верею и за вервь. Но и при такомъ пониманіи выходитъ, что большая плата назначалась за ничтожные предметы. Это слѣдуетъ объяснять развѣ тѣмъ, что поврежденіе ихъ могло помѣшать значительному улову птицъ, и слѣдовательно вести къ немаловажнымъ убыткамъ. Объ истребленіи чужихъ животныхъ сказано въ Правдѣ такъ: «а кто пакощами конь порѣжетъ или скотину, продажѣ 12 гривенъ, а пагубу господину урокъ платити» (II, 80). Выраженіе *пакощами порѣжетъ* показываетъ, что законъ опредѣлялъ продажу только за *умышленное, злонамѣренное* истребленіе чьихъ либо животныхъ, а не за случайное. За это послѣднее, безъ сомнѣнія, могли требовать вознагражденія, но продажа князю не имѣла мѣста: «*занеже пагуба отъ Бога есть, а не виноватъ есть*» (II, 50). То же самое слѣдуетъ сказать и вообще о случайномъ поврежденіи или истребленіи чужаго имущества. Замѣчательно, что за умерщвленіе или изувѣченіе коня платилась 12-ти гривенная продажа, тогда какъ за конокрадство назначался *потокъ* (II, 30). Чѣмъ объяснить такую несообразность? Это произошло оттого, что конокрадство было у насъ въ старину, какъ и теперь, едва ли не господствующимъ преступленіемъ, особенно въ южныхъ частяхъ Россіи, гдѣ сосѣдство разныхъ кочевыхъ народовъ служило, вѣроятно, главнымъ поводомъ къ его распространенію. Отъ этого-то за конокрадство, въ видѣ мѣры искорененія, назначалось наказаніе болѣе строгое, чѣмъ за другія, повидимому важнѣйшія, преступленія. Въ нѣкоторыхъ спискахъ Правды, въ статьѣ объ истребленіи животныхъ обозначено и самое количество урока, платившагося за нихъ господину, именно: «а за пагубу господину гривна урокъ платити» (III, 98). Но прибавленіе здѣсь слова «гривна» составляетъ очевидную ошибку переписчика, потому что лошадь во времена Правды стоила 3 и 2 гривны (II, 40); слѣдовательно нельзя было выплачивать обиженному урокъ, меньшій этой суммы.—Отъ всякаго другаго вида истребленія имуществъ Правда строго отличаетъ *поджогъ* чьего либо жилища, и назначаетъ за него такое же наказаніе, какъ и за убійство въ разбоѣ. «Аже заж-

гутъ *гумно*, сказано въ ней, то на потокъ и на грабежъ домъ его, переди пагубу исплатившe, а въ процѣ князю поточити и̂; такоже аже кто *дворъ* зажжетъ» (II,79) [1]. Слово *потокъ*, какъ мы объяснили въ статьѣ объ убійствѣ, означало *ссылку*, а выраженіе «*а въ процѣ*» слѣдуетъ понимать въ приведенномъ нами законѣ въ смыслѣ: *а за тѣмъ*. Принимая въ такомъ значеніи слова̀ *потокъ*, *поточити*, *а въ процѣ*, означенное постановленіе мы переводимъ такимъ образомъ: если кто поджигалъ гумно или дворъ, то лишался всего своего имущества, изъ котораго выплачивались напередъ убытки погорѣвшаго, а за тѣмъ виновный былъ подвергаемъ княземъ ссылкѣ. Безъ сомнѣнія имущество, которое оставалось у преступника за вознагражденіемъ обиженнаго, поступало въ казну князя. Само собою разумѣется, что упомянутое нами наказаніе назначалось только за *умышленные поджоги*; произведеніе же пожара случайно или по неосторожности не могло влечь за собою подобныхъ послѣдствій. Это видно изъ того: 1) что Правда извиняла купца, у котораго чужіе товары *огнь возметъ*, и такую пагубу называла *пагубой отъ Бога* (II, 50), слѣдовательно дѣлала различіе между пожарами; 2) что въ Правдѣ говорится только о зажигательствѣ чужаго *гумна* или *двора*, а не своего собственнаго, а это приводитъ къ убѣжденію о разумѣніи ею единственно умышленныхъ поджоговъ, потому-что въ противномъ случаѣ ей бы слѣдовало упомянуть въ означенномъ нами постановленіи и о томъ, когда кто по своей неосторожности сожигалъ собственное гумно или дворъ. За неосторожное произведеніе въ чьемъ либо жилищѣ пожара, виновный, безъ сомнѣнія, обязанъ былъ удовлетворить обиженнаго, но ни продажѣ князю, ни потоку не подвергался.—Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію постановленій объ уничтоженіи межъ. За такого рода преступленія вообще назначалась 12-гривенная продажа. Въ Правдѣ сказано: «аже межю перетнетъ бортную, или ролейную разоретъ, или дворную тыномъ перегородитъ: то 12 гривенъ продажи» (II, 65); «аже дубъ подотнетъ межный, то 12 гривенъ продажѣ» (II, 66). Для обозначенія межъ, въ старину у насъ копали рвы, ставили *дубовые* столбы, а также опредѣляли межи дубовыми деревьями [2]. О порубкѣ та-

---

[1] Изслѣдов. о Рус. Правдѣ, г. Калачова, стр. 108.—[2] Акт. юрид. № 163, 164.

кихъ межныхъ дубовъ и говорится въ Правдѣ. Въ ней вообще упоминается о межахъ *бортной*, *ролейной* и *дворной*, а это указываетъ на столько же соотвѣтствующихъ имъ родовъ поземельной собственности, и приводитъ къ убѣжденію, что если земля подъ дворомъ составляла частную семейную собственность, то такое же частное владѣніе могли составлять и бортныя ухожья и пахатныя поля, а потому едва ли не ошибаются тѣ, которые признаютъ у насъ во времена Правды существованіе только общинной, а не частной поземельной собственности. Продажи за разсмотрѣнныя нами преступленія взыскивались, какъ и всегда, по числу виновныхъ въ томъ или другомъ дѣлѣ; подобно тому и каждый изъ участвовавшихъ въ поджогѣ чьего либо жилища безъ сомнѣнія наказывался ссылкой и лишеніемъ имущества. Холопы и закупы на общемъ основаніи не подвергались ни продажѣ, ни потоку за поврежденіе или истребленіе чужаго имущества, или за уничтоженіе межъ; владѣльцы же холоповъ и закуповъ обязаны были вознаградить обиженныхъ способомъ, выше нами нѣсколько разъ объясненнымъ.

3) *О татьбѣ.*

Относительно татьбы Ярославъ въ первоначальномъ своемъ уставѣ постановилъ только брать 3 гривны продажи за обиду съ того, кто украдетъ, или нашедши присвоитъ чьего либо коня, оружіе или одежду; украденное же или найденное возвращалось хозяину. Такимъ образомъ первоначально при Ярославѣ татьба и находка не были вовсе различены. Къ сдѣланному нами выводу даетъ поводъ общность выраженія въ статьѣ Правды: «аще поиметъ кто чюжъ конь, любо оружіе, любо портъ, а познаетъ въ своемъ миру: то взяти ему свое, а 3 гривнѣ за обиду» (I, 12). Въ уставѣ Изяслава, соотвѣтствующая этой статья выражена уже опредѣленнѣе, и прямо отнесена къ дѣламъ о находкахъ (II, 28). Въ дополнительномъ Ярославовомъ уставѣ встрѣчается довольно частныхъ постановленій о платѣ за кражу того или другаго предмета; но отдѣльно говорить объ нихъ мы не будемъ, такъ какъ всѣ они, съ небольшими измѣненіями и дополненіями, вошли въ уставы Изяслава и Мономаха.

При Изяславѣ, Всеволодѣ и Святославѣ, въ вошедшихъ въ составъ ихъ устава законахъ о татьбѣ, замѣчается особенная подроб-

ность въ исчисленіи разнаго вида кражъ; притомъ самыя кражи строго отличены отъ находокъ, холопы-тати—отъ татей изъ лицъ свободнаго состоянія. Общій смыслъ всѣхъ постановленій сыновей Ярослава о воровствѣ можно выразить такъ: виновный изъ свободнаго состоянія долженъ былъ возвратить владѣльцу поличное, а въ случаѣ, если поличнаго не отыскивалось, заплатить обиженному *татьбу*, т. е. сумму, равную цѣнѣ украденнаго, и во всякомъ случаѣ *продажу князю*. Продажа была *личная*, потому-что падала на лице виновное, а не на общину, не на вервь. Холопы-тати взысканію продажъ не подвергались; но господа, которымъ они принадлежали, выплачивали за нихъ обиженнымъ двойную цѣну украденнаго.

При Владимірѣ Мономахѣ постановленія о воровствѣ, заключающіяся въ уставѣ Изяслава и его братьевъ, добавлены были введеніемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ при неотысканіи татя общинныхъ продажъ, которыя выплачивались всѣмъ селомъ или цѣлой вервію. За холоповъ-татей также не взыскивалось продажи; но господинъ ихъ обязанъ былъ или платить обиженному одинъ *урокъ*, т. е. только сумму по стоимости татьбы, или выдать ихъ тому, кого они обокрали.

Послѣ общаго обзора постановленій Русской Правды о татьбѣ перейдемъ къ подробному ихъ изслѣдованію. Прежде всего должно замѣтить, что вообще Правда различаетъ слѣдующіе виды кражъ: 1) кражу четвероногихъ животныхъ; 2) кражу птицъ и пчелъ; 3) кражу другихъ необходимыхъ предметовъ для жизни, какъ то: жита, сѣна, дровъ, ладьи, оружія, и одежды, и 4) кражу холопа или рабы. Въ отношеніи четвероногихъ животныхъ Правда говоритъ о похищеніи: *лошадей*, *воловъ*, *коровъ*, *овецъ*, *свиней*, *козъ*, и *бобровъ;* а въ отношеніи птицъ о похищеніи: *журавля*, *лебедя*, *гуся*, *утки*, *курицы*, *голубя*, *ястреба* и *сокола*. При всемъ томъ, кромѣ различенія предметовъ воровства, въ постановленіяхъ Правды о татьбѣ обращалось вниманіе, какъ мы уже видѣли, и на сословіе преступниковъ, именно различались между собою тати свободнаго состоянія и тати-холопы. Это послѣднее различеніе, какъ самое существенное, мы примемъ въ основаніе своего изслѣдованія о воровствѣ, и потому скажемъ сперва о взысканіяхъ, производившихся за кражу съ лицъ свободнаго состоянія, а за тѣмъ о взыска-

ніяхъ, установленныхъ на случай совершенія татьбы холопомъ или закупомъ.

I. О взысканіяхъ съ татей свободнаго состоянія.

Такъ какъ взысканіе за татьбу съ воровъ свободнаго состоянія было двоякое: одно въ казну князя, называвшееся продажею, а другое—въ вознагражденіе убытковъ частныхъ лицъ, обиженныхъ воровствомъ, то мы сперва поговоримъ о продажахъ въ пользу князя, а потомъ перейдемъ къ объясненію статей Правды о вознагражденіи лицъ, понесшихъ убытки отъ татьбы.

А. О продажахъ за татьбу въ пользу князя.

До сихъ поръ, упоминая о продажахъ за татьбу, мы постоянно прибавляли, что онѣ поступали въ казну князя. Въ дѣйствительности такого ихъ назначенія невозможно сомнѣваться. Оно положительно обозначается слѣдующими выраженіями Правды въ статьяхъ о татьбѣ: 1) платити что у него будетъ погибло, *а князю продажю* (II, 32); 2) и *князю продажи* въ челядинѣ 12 гривенъ или *украденъ* или уведенъ есть (III, 35), и 3) аже будутъ холопи таtіе—ихъ же *князь продажею не казнить* (II, 42). Говоря о продажахъ, опредѣлимъ сначала ихъ количество, соотвѣтственно различнымъ видамъ кражъ, упоминаемымъ въ Правдѣ, а за тѣмъ изложимъ случаи, въ какихъ продажа была личною и въ какихъ общинною.

а) О количествѣ продажъ, платившихся князю за татьбу.

1) По дѣламъ о кражѣ четвероногихъ животныхъ.

При Ярославѣ *конокрадство* не отличалось отъ другихъ видовъ воровства: за татьбу коня, вола, оружія или одежды назначалась одна общая продажа въ 3 гривны и 30 рѣзанъ или кунъ (I, 12, 29) (¹). При Изяславѣ, Всеволодѣ и Святославѣ коневая татьба считалась одною изъ самыхъ важнѣйшихъ; *коневый тать* подвер-

---

(¹) Подъ всякою 3-гривенною продажею мы разумѣемъ продажу въ 3 гривны и 30 рѣзанъ, какъ объ этомъ сказано нами въ введеніи.

гался уже не взысканію продажи, а выдавался князю на *потокъ*, т. е. подвергался ссылкѣ (II, 30) (¹). Отъ кражи лошадей отличена въ Правдѣ кража скота. *Конь* всегда противуполагается въ ней *скотинѣ*. Это видно изъ слѣдующихъ выраженій: «украдено у него что, или конь, или портъ, или скотина (II, 29); паки ли будетъ что татебно купилъ въ торгу, или конь, или портъ, или скотину» (II, 32). Значитъ въ частности въ число скота не включали лошадей, хотя въ общемъ смыслѣ и ихъ причисляли къ тому же разряду, потому что о конѣ, кобылѣ, жеребцѣ, аже не вѣдано пань, и жеребенкѣ говорится въ статьяхъ, озаглавленныхъ: «*О татьбѣ, иже взыщетъ скота*»; «*а се уроци скоту*» (II, 38—41). Но, повидимому, не всякая кража коня подвергала виновнаго *выдачѣ на потокъ*. «Паки ли будетъ что татебно купилъ въ торгу, или *конь*, или портъ, или скотину, познастъ ли надолзѣ у кого то купилъ, то своѣ купы возметъ, и сему платити, что у него будетъ погибло, а *князю продажю*» (II, 32). Продавецъ лошади могъ быть и похитителемъ ея, но не смотря на то подвергается только продажѣ. Однакожъ, по нашему мнѣнію, изъ выписанной нами статьи нельзя дѣлать того вывода, что не за всякую кражу лошади назначалась выдача на потокъ. Мнѣніе наше основывается на слѣдующемъ: 1) Нигдѣ въ Правдѣ не опредѣлено продажи за воровство коня. 2) Если предположить, что за похищеніе лошади, хотя она и въ приведенной нами статьѣ отличена отъ *скотины*, назначались такія же продажи, какъ вообще за кражу скота, т. е. 3 гривны, въ случаѣ похищенія коня изъ конюшни, и 60 кунъ, въ случаѣ похищенія его съ поля, тогда представлялось бы страннымъ, что опредѣлены столь маловажныя продажи за самую кражу лошади, когда за одну только ѣзду на ней безъ позволенія хозяина Правда взыскивала 3-гривенную продажу. 3) Въ выписанной нами выше статьѣ, подавшей поводъ къ сомнѣнію, говорится вообще о покупкѣ разныхъ краденыхъ предметовъ, и потому, не смотря на то, что въ ней упоминается и о конѣ, употреблено выраженіе: *а князю продажю*, такъ какъ такого рода взысканіе было общимъ, обыкновеннымъ при татьбѣ, а *о потокѣ*, какъ объ исключеніи, не сказано

(¹) Г. Поповъ подъ *коневыми татями* разумѣетъ *татей кавалеристовъ* (?!). См. разсужденіе его о Русской Правдѣ. Москва, 1841 г., стр. 8.

ни слова. Все это, а также ясное постановленіе Правды убѣждаютъ насъ, что всякій коневый тать выдавался на потокъ, и что на приведенной нами статьѣ, безъ сомнѣнія неточной по своей редакціи, нельзя основывать вывода о назначеніи продажи за кражу лошади. При назначеніи мѣры взысканія за воровство скота въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. воловъ, коровъ, свиней, овецъ и козъ, обращали вниманіе, откуда эти животныя были украдены, *изъ хлѣва* или съ *поля* (II, 37, 38). Воровство скота изъ *хлѣва* считалось обстоятельствомъ, увеличивающимъ вину, и сколько бы лицъ ни участвовало въ одной такой кражѣ, каждое изъ нихъ подвергалось платежу продажи по 3 гривны и 30 рѣзанъ или кунъ. За похищеніе же скота съ поля всякій изъ виновныхъ, если ихъ было нѣсколько, платилъ только по 60 рѣзанъ или кунъ. Статью Правды: «*аже крадетъ скотъ на поли, или овцѣ, или козы, ли свиньи—60 кунъ* (II, 38)», можно толковать еще и такъ, что въ ней говорится только о похищеніи скота съ поля, разумѣя подъ скотомъ однихъ воловъ и коровъ и что кража свиней, козъ и овецъ, всеравно откуда бы она ни производилась, изъ хлѣва или съ поля, оплачивалась всегда продажей въ 60 кунъ. Но такое толкованіе будетъ противорѣчить общему правилу, подмѣчаемому въ Правдѣ, по которому продажа увеличивалась, если тать для воровства проникалъ въ чье нибудь жилище, въ чью либо домашнюю область. На этомъ основаніи *клѣтный тать*, чтобы онъ ни укралъ изъ клѣти, всегда подвергался платежу 3 гривенъ и 30 рѣзанъ или кунъ (II, 30, 37). Какъ же послѣ того допустить, чтобы напр. за овцу, похищенную изъ хлѣва, назначалось продажи только 60 кунъ? Очевидно, что если въ статьѣ о воровствѣ изъ хлѣва и не говорится собственно о свиньяхъ, овцахъ и козахъ, то это потому, что въ понятіи о скотѣ заключались всѣ эти виды, и они дѣйствительно поименованы въ статьѣ, озаглавленной: «*а се уроци скоту*» (II, 41). Назначеніе различныхъ продажъ по мѣсту, изъ котораго сдѣлано похищеніе скота, установлено Изяславомъ съ братьями, такъ какъ въ дополнительномъ уставѣ Ярослава различія такого не встрѣчается. Въ этомъ уставѣ количество продажи за кражу скота зависѣло единственно отъ того, былъ ли похищаемъ *рабочій скотъ* или *нерабочій*. Въ первомъ случаѣ, за татьбу воловъ, не отдѣляя отъ нея ни кражи лошадей, ни обворованія клѣти, виновные под-

вергались платежу продажи 3 гривенъ и 30 рѣзанъ, а въ послѣднемъ случаѣ, за кражу овецъ, козъ и свиней платилось только 60 рѣзанъ продажи (I, 29, 40). Что это постановленіе было уничтожено и замѣнено выше нами изложеннымъ, въ томъ можно убѣдиться, принявъ въ соображеніе статью Владиміра Мономаха о закупахъ, изъ которой видно, что при назначеніи имъ взысканія за недосмотръ господскаго скота, подвергшагося похищенію, въ окончательномъ уже моментѣ образованія Правды, обращали вниманіе на то, сдѣлана ли кѣмъ либо кража изъ *хлѣва* или *съ поля* (II. 54). Для большей ясности представимъ изложенные нами выводы въ краткихъ положеніяхъ: 1) При Ярославѣ первоначально кража лошадей и вообще скота не была отличена отъ другихъ видовъ воровства; но въ дополнительномъ Ярославовомъ уставѣ назначали различныя продажи за кражу скота, смотря по тому, похищался ли *рабочій скотъ*, къ которому причисляли и лошадей, или *нерабочій*. 2) При Изяславѣ въ этомъ случаѣ стали руководствоваться другимъ началомъ: количество продажи зависѣло уже не отъ того, какой скотъ воровали, но отъ мѣста его похищенія, безъ вниманія къ тому, что составляло предметъ кражи, волъ ли, корова, коза, свинья или овца. Только кража лошадей была исключена изъ означенныхъ нами условій для опредѣленія количества продажи. *Коневый тать*, откуда бы ни сдѣлалъ похищеніе, выдавался князю на потокъ. Эти послѣднія постановленія оставались дѣйствующими и при Мономахѣ, который сверхъ того опредѣлилъ взыскивать 12 гривенъ продажи за воровство *бобра* (II, 62). Такимъ образомъ, послѣ конокрадства, признавалось самымъ преступнымъ между кражами животныхъ похищеніе бобровъ. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ спискахъ Правды говорится о продажѣ за похищеніе собакъ. Имѣя въ виду выраженіе: аже убіютъ кого у которой татьбы, то убіютъ *во пса мѣсто* (II, 36), намъ представляется страннымъ, на какомъ бы основаніи назначалась продажа князю за воровство *пса*, и еще 3-гривенная, когда, очевидно, убивавшій собаку не подлежалъ никакой отвѣтственности предъ княземъ? Мы положительно отвергаемъ возможность подобной продажи, и подробное разсмотрѣніе относящихся къ этому предмету постановленій Правды еще болѣе насъ въ томъ убѣждаетъ. Въ Академическомъ спискѣ сказано: «а оже украдутъ чюжъ песъ, любо

ястребъ, любо соколъ, то за обиду 3 гривны» (I, 37); въ Троицкомъ же спискѣ эта статья изложена такъ: «аже кто украдетъ въ чьемъ перевѣсѣ ястребъ или соколъ, то продажи 3 гривны, а господину гривна» (II, 75); напротивъ въ Карамзинскомъ спискѣ говорится: «аще кто украдетъ въ чьемъ перевѣсѣ *чій песъ*, или ястребъ, или соколъ, то 3 гривны продажи, а господину гривна» (III, 93). Изъ соображенія всего этого мы думаемъ, что изъ слова «*перевѣсъ*», написаннаго вѣроятно подъ титлами, образовалось въ Академическомъ спискѣ, по ошибкѣ переписчика, слово «*песъ*», котораго потому-то и не встрѣчается въ Троицкомъ спискѣ и ему подобныхъ, а поставлено, какъ и слѣдуетъ, слово «*перевѣсъ*»; но за то въ спискѣ Карамзинскомъ мы находимъ то и другое слово, и такимъ образомъ вышла очевидная нелѣпость: на какомъ бы основаніи въ *перевѣсѣ*, назначавшемся для ловли птицъ, могъ очутиться *песъ?* И такъ, по нашему мнѣнію, никакой продажи за воровство собакъ не существовало.

2) По дѣламъ о кражѣ птицъ и пчелъ.

Прежде, чѣмъ приступимъ къ опредѣленію количества продажъ за похищеніе птицъ и пчелъ, считаемъ нужнымъ изложить нѣкоторыя необходимыя для того соображенія. Въ Правдѣ, съ немногими развѣ исключеніями, вообще кажется въ тѣхъ статьяхъ, гдѣ назначаются продажи князю, употребляется способъ выраженія особый отъ того, когда говорится о платахъ въ пользу частныхъ лицъ; напр. *аже крадетъ любо конь, любо волы...то платити* (I, 29); *аже убіютъ татя....то платити* (I, 38); *аже украдутъ овцу...да положатъ 60 рѣзанъ продажи* (I, 40); *будетъ клѣтный тать...то платити* (II, 30); *аже крадетъ скотъ...то платити* (II, 37) и пр. Во всѣхъ этихъ статьяхъ говорится о продажахъ въ пользу князя; въ тѣхъ же постановленіяхъ Правды, гдѣ дѣло идетъ о вознагражденіи частнаго лица, встрѣчаемъ такія выраженія: «оже лодью украдетъ, *то за лодью платити 30 рѣзанъ*, а продажи 60 рѣзанъ (I, 34); аже кто подотнетъ вервь въ перевѣсѣ, то 3 гривны продажи, *а господину за вервь* гривна кунъ (II, 74); а выбьютъ зубъ, то 12 гривенъ продажи, а *за зубъ гривна* (II, 61), и проч. Сообразивъ означенные нами ясные примѣры касательно

назначенія платъ, кажется необходимо, съ цѣлью объясненія темныхъ въ этомъ отношеніи мѣстъ Правды, придти къ слѣдующему заключенію: пеню въ пользу князя должно разумѣть въ нихъ тамъ, гдѣ, кромѣ другихъ доказательствъ, по самому обороту рѣчи, условливается тотъ смыслъ, что плата опредѣлена непосредственно за поименованное предъ нею преступное дѣйствіе (аже крадетъ... то платити); если же въ той или другой статьѣ Правды самый вещественный предметъ, давшій поводъ къ противузаконному поступку, употребленъ съ предлогомъ *за*, и за тѣмъ тотчасъ слѣдуетъ назначеніе платы именно за этотъ предметъ, а не за преступленіе, то здѣсь едва ли не безошибочно можно предполагать частное вознагражденіе. Кромѣ этого только что изложеннаго нами правила, къ опредѣленію количества продажи за похищеніе птицъ мы пришли еще такимъ образомъ: статьи въ Академическомъ спискѣ Правды 34, 35, 36 и 37 (по тексту изд. г. Калачовымъ) мы признаемъ одною статьею и читаемъ ихъ слитно, именно: «а оже лодью украдетъ, то за лодью платити 30 рѣзанъ, а продажи 60 рѣзанъ; а въ голубѣ и въ куряти 9 кунъ, а въ уткѣ, и въ гусѣ, и въ жеравѣ и въ лебеди 30 рѣзанъ, а продажи 60 рѣзанъ; а оже украдутъ въ чьемъ перевѣсѣ (¹) любо ястребъ, любо соколъ, то за обиду 3 гривны». При такомъ чтеніи, по нашему мнѣнію, выходитъ, что за похищеніе какой бы то ни было изъ поименованныхъ птицъ опредѣлялись различныя частныя вознагражденія; продажъ же назначалось только двѣ: *60 рѣзанъ*, если птица похищена не изъ перевѣса, и *3 гривны* (²), если она украдена изъ перевѣса. Но намъ, безъ сомнѣнія, возразятъ, что въ Правдѣ говорится о татьбѣ изъ перевѣса только ястреба и сокола, и что потому трехъ-гривенная продажа относится только къ нимъ, а не къ другимъ птицамъ. На это мы отвѣтимъ, что Правда постоянно почти въ частномъ выражаетъ общее и что если давать такой тѣсный смыслъ разбираемой нами статьѣ, то слѣдовало бы также, основываясь на выраженіи: *аче кто конь погубитъ, или оружье или портъ* (II, 28), заключать, что въ случаѣ потери какой либо другой собственности никто не могъ и

(¹) Въ текстѣ стоитъ «*чюжь песъ*»; но мы объяснили выше, что это выраженіе искажено.

(²) Подъ продажею 3 гривны, мы всегда разумѣемъ 3 гривны и 30 рѣзанъ или кунъ, хотя бы того и не обозначили.

начинать иска, и что въ статьѣ: *аже крадетъ скотъ на поли*, или овцѣ, или козы, ли свинья» (II, 38), нельзя разумѣть никакого другаго скота, кромѣ овецъ, козъ и свиней. Безъ сомнѣнія, едва ли кто станетъ допускать подобное толкованіе; а если такъ, то есть основаніе думать, что и о кражѣ ястреба или сокола изъ перевѣса сказано только примѣрно, что похищеніе изъ него всякой другой птицы также оплачивалось 3-хъ-гривенной продажей, и что въ свою очередь тать, воровавшій ястреба или сокола не изъ перевѣса, подлежалъ продажѣ 60 кунъ. Не изъ перевѣса могли красть только *домашнихъ* или *ручныхъ* птицъ, а изъ перевѣса только *дикихъ* птицъ. *Подъ перевѣсомъ* разумѣлась просѣка, прорубавшаяся въ лѣсахъ или рощахъ, поперегъ которой развѣшивалась сѣть, такимъ образомъ, что охотникъ изъ тайника могъ подпимать ее на рогатины веревками и задергивать посредствомъ особаго шнура или *тетивы*. Дикіе гуси и утки и другія птицы десятками могли попадать въ перевѣсы и запутывались въ сѣть. Этотъ способъ ловли еще и теперь въ употребленіи за Уральскимъ хребтомъ, и въ Оренбургской губерніи именно называется *перевѣсомъ* (¹).—Разобравъ Ярославово постановленіе о кражѣ птицъ, приступимъ теперь къ разсмотрѣнію одинаковыхъ съ нимъ статей Мономахова устава, читая ихъ тоже безъ раздѣленія. Въ этомъ уставѣ сказано: «аже кто украдетъ въ чьемъ перевѣсѣ ястребъ или соколъ, то продажи 3 гривны, а господину гривна, а за голубь 9 кунъ, а за куря 9 кунъ, а за утовь 30 кунъ, а за гусь 30 кунъ, а за лебедь 30 кунъ, а за жеравль 30 кунъ» (II, 75—77). Здѣсь въ 9 кунахъ за голубя и курицу и въ 30 кунахъ за другихъ птицъ означены не продажи, а удовлетворенія частнымъ лицамъ. На это указываютъ: 1) опредѣленіе платы не за кражу, а за самый предметъ кражи; 2) совершенное равенство исчисленныхъ тутъ суммъ съ тѣми, которыя

(¹) См. Руководство къ естественной исторіи, Шуберта. Дерптъ. 1841 г. стр. 251. Въ такомъ значеніи перевѣса удостовѣряетъ и явка Назарова и Савина, помѣщенная въ Актахъ Юрид. подъ № 48. Въ ней сказано: «съсѣкли у насъ, не вѣдаемъ кто, сосну съ кольцомъ перевѣтную, поводень на нее мы вѣшали на утки, на Тавренгѣ рѣкѣ, *въ перевѣсѣ*, и намъ стало не на что поводни вѣшать, угодье опустошили.» *Перевѣсы* продавались вмѣстѣ съ поземельнымъ владѣніемъ, какъ его принадлежность. Это видно изъ Актовъ Юрид. № 71 (VII, XI, XIX).

назначены въ дополнительномъ Ярославовомъ уставѣ какъ частное вознагражденіе за похищенныхъ птицъ; 3) то обстоятельство, что эти суммы поименованы тотчасъ за назначеніемъ гривны господину за ястреба и сокола, слѣдовательно служатъ только продолженіемъ начатаго предъ тѣмъ исчисленія взысканій въ пользу обиженныхъ воровствомъ. Какая же опредѣлена продажа за похищеніе голубей, куръ и прочихъ названныхъ въ законѣ за ними птицъ? Повидимому объ ней не говорится ни слова. Но мы измѣнимъ такое мнѣніе, если на выписанныя нами статьи станемъ смотрѣть какъ на имѣющія необходимую логическую связь между собою, связь положенной въ основаніе общей для всѣхъ ихъ мысли. По нашему мнѣнію, иначе и смотрѣть невозможно, потому-что нельзя допустить, что выраженіе: «*а за голубь 9 купъ*» и другія послѣдующія предполагаютъ кражу означенныхъ въ нихъ птицъ совсѣмъ не при тѣхъ условіяхъ, о какихъ говорится въ первыхъ строкахъ приведеннаго нами выше постановленія. Такое предположеніе было бы совершенно произвольно, тѣмъ болѣе, что въ кражѣ изъ перевѣса дикихъ голубей, дикихъ утокъ и проч. нѣтъ ничего несовмѣстнаго ни съ понятіемъ объ этихъ птицахъ съ одной стороны, ни съ понятіемъ о перевѣсѣ съ другой. Такимъ образомъ смыслъ закона Мономаха о татьбѣ птицъ, по нашему мнѣнію, есть слѣдующій: если кто украдетъ въ чьемъ перевѣсѣ ястреба или сокола, то 3 гривны продажи, а господину гривна; если кто украдетъ въ перевѣсѣ голубя или курицу (куропатку), то также 3 гривны продажи, а господину за голубя или за куря 9 купъ; за воровство же изъ перевѣса гуся, утки, лебедя и журавля тоже назначалась 3-хъ гривенная продажа, а господину за каждую изъ этихъ птицъ платилось по 30 купъ. Такъ слѣдуетъ разлагать разбираемыя нами статьи Правды по ихъ внутреннему смыслу, потому-что въ ней, какъ въ настоящемъ, такъ и въ другихъ случаяхъ, весьма часто, вмѣсто того, чтобы охватить нѣсколько предметовъ одною общею мыслію дѣлаютъ для этой цѣли только приставку нѣкоторыхъ изъ нихъ къ тѣмъ, о коихъ уже выражено какое либо положеніе. Если та или другая изъ поименованныхъ выше птицъ какъ домашнихъ, такъ и дикихъ была похищаема *изъ клѣти*, то на основаніи общаго положенія о клѣтныхъ татяхъ, виновный платилъ продажи также 3 гривны: «паки ли будетъ клѣтный тать, то 3 гривны платити ему» (II, 30). И такъ, въ случаѣ

кражи ястреба, сокола, журавля, лебедя, гуся, утки, голубя и курицы *изъ перевѣса* или *изъ клѣти* тать подвергался платежу 3-хъ гривенной продажи; если же тѣ же самыя птицы похищались *не изъ перевѣса* и *не изъ клѣти*, то съ виновныхъ взыскивалось продажи только 60 кунъ или рѣзанъ. Хотя объ этой послѣдней продажѣ относительно птицъ и не упоминается въ уставѣ Мономаха, но безъ сомнѣнія и при немъ Ярославовъ объ ней законъ оставался дѣйствующимъ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію статей Правды о кражѣ пчелъ. Въ уставѣ Ярослава находится постановленіе объ *изодраніи борти* (I, 30), т. е. о выдраніи изъ нея меда и пчелъ. Изъ Актовъ юридическихъ видно, что въ старину *драть борть* значило драть медъ изъ борти ([1]). Владиміръ Мономахъ этому постановленію Ярослава придалъ болѣе ясности, именно: «аже пчелы выдеретъ, то 3 гривны продажи, а за медъ, аже будетъ пчелы не-лажены, то 10 кунъ, будетъ ли олекъ (рѣкше гнѣздо), то 5 кунъ (II, 69) ([2]). Какъ понимать эту статью? Казалось бы съ перваго взгляда, что здѣсь опредѣлены различныя продажи, смотря по тому, будутъ ли украдены пчелы, или медъ или пчелиное гнѣздо. Но принимая во вниманіе самый оборотъ рѣчи, именно, что послѣ назначенія 3-хъ гривенной платы, названной *продажею*, употреблено выраженіе: «*а за медъ*, то 10 кунъ», т. е. опредѣлено взысканіе не за преступленіе, а за украденный предметъ, мы приходимъ къ заключенію, что 10 кунъ и 5 кунъ, *неназванныя продажами*, были частными вознагражденіями при выдраніи у кого пчелъ. Названіе *«олекъ»* напоминаетъ малороссійское *уликъ*, т. е. улей, тѣмъ болѣе, что въ одномъ спискѣ Правды оно объяснено словомъ *гнѣздо*, подъ которымъ, кажется, слѣдуетъ разумѣть самое жилище пчелъ. Однакожъ едва ли такое понятіе соединялось съ словомъ *олекъ*, потому-что въ древности пчелы вѣроятно бо̀льшею частію, если не постоянно, содержались въ бортахъ, а не въ ульяхъ. Это доказывается и выраженіемъ, употребленнымъ въ уставѣ Ярослава: *борть изодрутъ*. Притомъ, принятіе словъ: *а за медъ* и *олекъ* за обозначеніе предметовъ частнаго вознагражденія при выдраніи у кого либо пчелъ и самый оборотъ рѣчи, употребленный въ

([1]) Акт. Юрид. № 359.—([2]) См. Изслѣдов. Калачова о Рус Правдѣ, стр. 121.

этомъ случаѣ въ Правдѣ, прямо ведутъ къ заключенію, что слово *олекъ* должно представлять понятіе противуположное выраженію «*а за медъ*». Если же послѣднее, при совершившейся кражѣ пчелъ, необходимо означаетъ похищеніе пчелинаго роя съ медомъ, то подъ словомъ *олекъ* должно разумѣть не иное что, какъ рой пчелъ безъ меда ([1]). Выраженіе: *аже будетъ пчелы нелажены*, означаетъ, что изъ улья или изъ борти не былъ вынутъ еще медъ, соты не были подрѣзаны. По всѣмъ такимъ соображеніямъ, выписанную нами выше статью Правды мы понимаемъ такъ: за похищеніе у кого либо пчелъ взыскивалось съ татя продажи въ пользу князя 3 гривны; сверхъ того, виновный обязывался заплатить хозяину пчелъ, если съ ними былъ похищенъ медъ, 10 кунъ, а если меда не было—5 кунъ. Такой смыслъ разобранной нами статьи подтверждается и постановленіемъ Стараго Литовскаго Статута, въ которомъ сказано: «а кто кому выдеретъ пчелы *нелажоныя*, чинячи шкоду, тогды повиненъ по полукопю грошей, а за *лажоныя*—по 15 грошей ([2])». Очевидно, что если въ Правдѣ, соотвѣтственно съ Статутомъ, выраженіе «*пчелы нелажены*», въ чемъ нѣтъ никакого сомнѣнія, означаетъ пчелъ съ медомъ, то въ противоположность тому подъ словомъ *олекъ* необходимо разумѣть *пчелъ лаженыхъ*, т. е. безъ меда. И такъ, по нашему мнѣнію, одна только 3-хъ гривенная продажа назначалась за воровство пчелъ; 10 же кунъ и 5 кунъ взыскивались въ пользу лицъ, обиженныхъ татьбой. Вообще слѣдуетъ сказать, что назначеніе дробныхъ платъ, смотря по разнымъ отличіямъ, замѣчавшимся въ предметахъ однородныхъ, скорѣе могло имѣть мѣсто при опредѣленіи частныхъ вознагражденій, чѣмъ продажъ, которыя и въ самомъ дѣлѣ по количеству были весьма неразнообразны.

3) По дѣламъ о кражѣ другихъ необходимыхъ предметовъ для жизни.

Мы уже говорили нѣсколько разъ, что за кражу чего либо изъ клѣти назначалась продажа 3 гривны: «паки ли будетъ клѣтный

([1]) Г. Діевъ подъ словомъ *олекъ* разумѣетъ молодыхъ пчелокъ въ сотахъ. См. Изслѣд. о Рус. Правдѣ, г. Калачова, стр. 14.

([2]) Времен. 1854 г., кн. 18, стр. 82 и 83.

тать, то 3 гривны платити ему» (II, 30). Общность выраженія въ приведенномъ законѣ даетъ поводъ заключать, что означенная въ немъ пеня платилась за всякую, какую бы то ни было, вещь, украденную изъ клѣти. Но въ какомъ количествѣ взыскивалась продажа, если та или другая вещь похищалась не изъ клѣти, а съ поля, и слѣдовало ли вообще платить въ такомъ случаѣ продажу? Пожалуй, можно думать, что эта послѣдняя имѣла мѣсто не при каждой татьбѣ, а только при тѣхъ кражахъ, о которыхъ именно упоминается въ Правдѣ, и что за всѣ прочія, въ ней необозначенныя, могло быть одно лишь частное вознагражденіе. Такая мысль, если бы кто и допустилъ ее, не имѣетъ твердыхъ основаній и вполнѣ опровергается указаніями самой Правды. Въ ней находятся слѣдующія выраженія: «или украдено у него *что*»; паки ли будетъ *что* татебно купилъ въ торгу; платити *что* у него будетъ погибло» (II, 29—32), и въ слѣдъ за этими выраженіями, относящимися ко всякой татьбѣ, дѣлается общее заключеніе «*а князю продажю*, слѣдовательно продажа взыскивалась за каждое воровство. Это еще болѣе убѣдительнымъ образомъ подтверждается статьею: «не будетъ ли татя, то по слѣду женуть» (II, 70), гдѣ не упоминается о какомъ татѣ идетъ дѣло, но не смотря на то взыскивается не только татьба, но и продажа съ тѣхъ, кои не отведутъ отъ себя слѣда кражи. Убѣдившись, что продажа въ пользу князя налагалась на всѣхъ татей, какого бы рода они ни сдѣлали похищеніе, за исключеніемъ разумѣется *конокрадовъ*, подлежавшихъ не денежной, а личной отвѣтственности, слѣдуетъ опредѣлить въ какомъ количествѣ производилось взысканіе продажи, если та или другая вещь украдена у кого *не изъ клѣти*, а напр. во время его пути, въ полѣ. Недаромъ въ Правдѣ обозначены кражи: *изъ хлѣва*, *изъ клѣти*, *изъ перевѣса*, *изъ гумна*, *изъ ямы*; на такое обозначеніе мѣстъ похищенія должно обратить особое вниманіе. Имѣя въ виду, что по частному случаю о кражѣ скота, уводъ его изъ хлѣва наказывался строже, чѣмъ уводъ съ поля, и что въ такомъ же самомъ количествѣ, какъ за воровство скота изъ хлѣва, назначалась продажа и за кражу изъ клѣти, изъ перевѣса, изъ гумна, изъ ямы, мы не можемъ не видѣть во всемъ этомъ общаго начала, по которому обстоятельствомъ, увеличивающимъ вину, считалось то, если татьба сдѣлана изъ чьихъ либо строеній или сооруженій въ самомъ

домѣ, или даже внѣ дома, напр. изъ перевѣса или изъ борти, въ случаѣ выдранія пчелъ. Если такъ, то обнаруженное нами начало неминуемо предполагаетъ другое, противуположное ему, т. е. что въ случаѣ кражи съ поля, или вообще не изъ строеній или какихъ либо сооруженій, взысканіе уменьшалось, именно назначалась продажа меньшая, чѣмъ 3 гривны; но менѣе 60 кунъ продажи въ Правдѣ не было, слѣдовательно эта послѣдняя плата и взыскивалась, если похищеніе произведено *не изъ клѣти, не изъ хлѣва, не изъ перевѣса, не изъ гумна*, и *не изъ ямы*. Такой выводъ представляется намъ тѣмъ болѣе справедливымъ, что пеня опредѣленная, какъ мы видѣли выше, за кражи скота съ поля и птицъ не изъ перевѣса, относится, по нашему мнѣнію, не только къ этимъ, но и ко всѣмъ другимъ подобнымъ кражамъ, т. е. что въ означенныхъ частныхъ случаяхъ выражается общее начало. Всякій согласится съ нами, кто не смотритъ на Правду, какъ на безпорядочный сборникъ частныхъ правилъ, не имѣющихъ ни тѣсной между собою связи, ни общихъ для всѣхъ ихъ началъ. Но справедливъ ли подобный взглядъ? Законодательство какого бы то ни было народа, хотя самой отдаленной древности, отражаетъ въ себѣ его сознаніе о правдѣ и справедливости, и въ этомъ только смыслѣ достойно изслѣдованія. Если Правда была бы только безпорядочнымъ сборникомъ законовъ безъ всякихъ общихъ началъ, то она не могла бы служить основаніемъ къ дальнѣйшему развитію нашего права, потому-что развиваться можетъ только то, что проникнуто какимъ либо началомъ. Кромѣ того, если Правда, какъ мы думаемъ, основана на обычаяхъ и понятіяхъ цѣлаго народа, т. е. отразила въ себѣ сознаніе его о предметахъ права, то и въ такомъ случаѣ нельзя отрицать въ ней общихъ началъ, потому что сознаніе, какое бы оно ни было, по самому существу своему не можетъ не имѣть ихъ. Только въ древнихъ законахъ сознаніе народное, проявляясь на письмѣ, не могло, по степени образованности вѣка, выражать свои начала въ положеніяхъ общихъ и опредѣленныхъ; все поневолѣ распадалось на частные случаи, въ которыхъ только намеками, какъ бы чрезъ туманъ, просвѣчиваетъ иногда изъ за частнаго искомое общее.

Перейдемъ теперь къ опредѣленію продажъ за кражу нѣкоторыхъ предметовъ въ частности. Мы видѣли уже, что первоначаль-

ное постановленіе Ярослава о татьбѣ заключалось только въ слѣдующей статьѣ: «аще поиметь кто чюжъ конь, любо оружіе, любо портъ, а познаетъ въ своемъ миру: то взяти ему свое, а 3 гривнѣ за обиду» (I, 12). Общность выраженія давала возможность подводить этотъ законъ какъ къ дѣламъ о воровствѣ, такъ и къ дѣламъ о находкахъ. При Изяславѣ и его братьяхъ, въ подражаніе Ярославовой, составлена другая статья, но имѣющая болѣе опредѣленный смыслъ, по которому ее можно было примѣнять только къ дѣламъ о потерѣ собственности однимъ лицомъ и о находкѣ ея другимъ. Вотъ это постановленіе: «аче кто конь погубитъ, или оружье, или портъ, а заповѣсть на торгу, а послѣ познаетъ въ своемъ городѣ, свое ему лицемъ взяти, а за обиду платити ему 3 гривны» (II, 28). Но установляя взысканіе за утайку найденнаго оружія и одежды, Изяславъ, повидимому, не опредѣлилъ продажи за кражу этихъ предметовъ, тогда какъ изъ выраженій, употребленныхъ въ его же законахъ: «украдено у него что, или конь или *портъ* (II, 29); паки ли будетъ что татебно купилъ въ торгу, или конь, или *портъ* (II, 32)»—видно, что какъ одежда, такъ безъ сомнѣнія и оружіе, предполагались предметами татьбы. Какой же отвѣтственности подвергали виновныхъ во времена Изяслава и Мономаха, если дѣйствительно встрѣчалось такого рода воровство? Безъ сомнѣнія въ этомъ случаѣ руководствовались общимъ началомъ, и потому за кражу одежды или оружія изъ клѣти назначали продажу 3 гривны и 30 рѣзанъ, а за похищеніе означенныхъ предметовъ не изъ клѣти и не изъ другихъ какихъ либо строеній—60 кунъ. Всякій изъ виновныхъ въ обворованіи *гумна* и въ похищеніи жита *изъ ямы* платилъ продажи также 3 гривны и 30 рѣзанъ (II, 39); но если жито было похищаемо не изъ гумна и не изъ ямы, а съ поля, то само собою разумѣется продажа опредѣлялась не иная, какъ 60 кунъ или рѣзанъ. За кражу ладьи платилось князю 60 кунъ. Такая продажа выставлена въ Правдѣ потому, что ладья большею частію могла быть похищаема *не изъ дома*, а съ берега рѣки; но если бы случилось, что кто либо укралъ ладью изъ клѣти, изъ гумна или изъ другаго какого либо строенія, тогда, безъ сомнѣнія, на общемъ основаніи продажа назначалась въ 3 гривны и 30 рѣзанъ.

Опредѣлимъ теперь количество продажи за кражу *сѣна* и *дровъ*. Въ дополнительномъ уставѣ Ярослава сказано: «оже сѣно

крадутъ, то 9 кунъ, а въ дровѣхъ 9 кунъ» (I, 39); въ уставѣ же Мономаха эта статья изложена такъ: «а въ сѣнѣ и въ дровѣхъ 9 кунъ, а господину колико будетъ возъ украдено, то имати ему за возъ по 2 ногатѣ» (II, 78). По видимому подъ 9 кунами слѣдуетъ разумѣть продажу, такъ какъ тотчасъ за назначеніемъ ихъ говорится: *а господину имати*, т. е. опредѣляется частное вознагражденіе. Однакожъ, не смотря на это, мы не имѣемъ права 9 кунъ считать *продажею*, потому что въ Правдѣ онѣ нигдѣ такъ не названы, тогда какъ 12 гривенъ, 3 гривны и 60 кунъ положительно называются продажами. Притомъ, неестественно думать, чтобы единственно за кражу дровъ и сѣна назначалась особая продажа, отличная отъ всѣхъ прочихъ. Кромѣ того, выраженіе: «а въ сѣнѣ и въ дровѣхъ 9 кунъ» поставлено въ слѣдъ за исчисленіемъ частныхъ вознагражденій за украденныхъ ястребовъ, соколовъ, голубей, куръ, гусей, лебедей и журавлей (II, 78), и по нашему мнѣнію служитъ только продолженіемъ этихъ исчисленій. Въ послѣдствіи мы объяснимъ, отчего за сѣно и дрова назначаются два рода частныхъ вознагражденій: 9 кунъ и 2 ногаты. Какая же продажа взыскивалась за похищеніе дровъ и сѣна? Правда объ ней собственно не говоритъ; но такъ какъ за всякую безъ исключенія татьбу платилась продажа, то такое молчаніе безъ сомнѣнія допущено потому, что послѣ опредѣленія въ этомъ отношеніи общихъ по возможности началъ, говорить о томъ было бы излишне. Поэтому мы думаемъ, что на общемъ основаніи за кражу дровъ или сѣна *изъ клѣти* или другихъ какихъ либо строеній взыскивалось 3 гривны и 30 рѣзанъ, а за похищеніе означенныхъ предметовъ изъ поля или изъ лѣса платилось 60 кунъ.

4) По дѣламъ о кражѣ холоповъ и холопокъ.

Виновный въ похищеніи чьего либо холопа или чьей нибудь рабы подвергался взысканію 12-гривенной продажи (I, 27; II, 34; III, 35).

б) О случаяхъ, въ какихъ продажа была личною и въ какихъ общинною.

Вообще продажа за татьбу была *личная*, если тать былъ обнаруженъ, и *общинною*, когда его не отыскивали.

При личныхъ продажахъ, платежу ихъ подвергались не только *сами тати*, но 1) *укрыватели воровскаго*: «аже будутъ свободніи врали или *хоронили*, то князю въ продажѣ» (II, 115); 2) *покупавшіе воровское* въ торгу, если не доказывали дѣйствительности покупки показаніями свидѣтелей, спрошенныхъ подъ присягою (II, 32); 3) *покушавшіеся на кражу*, какъ видно изъ того, что поїманный на татьбѣ отводился связаннымъ на княжъ дворъ, разумѣется для суда и взысканія (II, 36). Личная продажа за кражу, если въ ней участвовало нѣсколько лицъ, взыскивалась съ каждаго изъ нихъ въ полной суммѣ, а не въ части, потому что продажа падала не единично на обнаруженное воровство, но единично на каждаго изъ уличенныхъ въ немъ татей. Объ этомъ положительно говорится въ Правдѣ: «аже крадетъ кто скотъ въ хлѣвѣ, то оже будетъ одинъ, то платити ему 3 гривны и 30 кунъ; а будетъ ли ихъ много, то всѣмъ по 3 гривны да по 30 кунъ платити» (III, 38); «аже крадетъ гумно или жито въ ямѣ, то колико ихъ будетъ крало, то всѣмъ по 3 гривны и по 30 кунъ» (II, 39). Впрочемъ, сообщество въ преступленіи собственно не считалось обстоятельствомъ, увеличивающимъ вину, и потому не увеличивало количества продажи, взятой отдѣльно; но сумма всѣхъ продажъ, взыскивавшихся по какому либо дѣлу о татьбѣ, бывала тѣмъ значительнѣе, чѣмъ большее число лицъ участвовало въ преступленіи, именно за одну кражу платилась одна продажа, когда былъ одинъ виновный, при нѣсколькихъ же виновныхъ и за одну кражу взыскивалось столько продажъ, сколько обнаружено сообщниковъ по воровству; напр. если четыре человѣка похищали изъ хлѣва корову, то каждый изъ нихъ долженъ былъ заплатить по 3 гривны и 30 рѣзанъ, т. е. со всѣхъ ихъ слѣдовало взыскать 14 гривенъ и 20 кунъ. Но при назначеніи продажи по числу участниковъ въ преступленіи, обращали ли вниманіе и на число похищенныхъ предметовъ? Въ дополнительномъ Ярославовомъ уставѣ Правды сказано, что если 10 человѣкъ похищали одну овцу, то платили по 60 рѣзанъ продажи, т. е. всего 12 гривенъ; но если 10 человѣкъ крали 10 овецъ, должны ли они были тоже платить 12 гривенъ, или же сумма продажъ увеличивалась не только по числу сообщниковъ воровства, но и по числу похищенныхъ предметовъ, т. е. не слѣдовало ли 10 татямъ за 10 овецъ заплатить 120 гривенъ? Для разрѣшенія представив-

шагося намъ вопроса, обратимъ вниманіе на слѣдующія выраженія Правды: будетъ ли клѣтный тать, то 3 гривны платити ему (II, 30); аже крадетъ кто клѣть (II, 37); аже крадетъ гумно (II, 39). Безъ сомнѣнія, вникая въ смыслъ этихъ выраженій, нельзя думать, что за всякую вещь, украденную изъ клѣти или изъ гумна, назначалась особая продажа, потому что въ Правдѣ не сказано о похищеніи чего либо изъ клѣти или гумна, а просто говорится объ обворованіи клѣти или гумна, т. е. допускается совокупное похищеніе всѣхъ или нѣкоторыхъ находившихся тамъ предметовъ, безъ увеличенія суммы продажъ по числу послѣднихъ. Впрочемъ, такое заключеніе, основываясь на приведенныхъ выше выраженіяхъ Правды, слѣдуетъ сдѣлать о тѣхъ только случаяхъ, когда количество продажи условливалось не самымъ предметомъ татьбы, а мѣстомъ, изъ коего онъ похищенъ, и потому здѣсь принимали во вниманіе не число похищенныхъ предметовъ, а число мѣстъ, изъ которыхъ совершено похищеніе. Поэтому, сколько бы ни было украдено вещей изъ одной клѣти, изъ одного хлѣва, изъ одного гумна, изъ одной ямы, изъ одного перевѣса, или изъ одного поля—назначалась только одна продажа, если былъ одинъ только тать; въ случаѣ же кражи какихъ либо предметовъ изъ двухъ клѣтей, или изъ клѣти и поля, продажа опредѣлялась не только по числу сообщниковъ преступленія, но и по числу отдѣльныхъ мѣстъ похищенія у одного и того же лица. Совсѣмъ другое должно сказать о тѣхъ случаяхъ, когда количество продажи назначалось, смотря по предмету татьбы. Тутъ не обращали вниманія на мѣсто, изъ котораго сдѣлана кража, украденный предметъ самъ по себѣ имѣлъ значеніе и условливалъ величину пени, и потому по числу похищенія такихъ предметовъ увеличивалась и сумма продажъ. Такимъ образомъ мы думаемъ, что сколько бы ни было разомъ украдено холоповъ, холопокъ и бобровъ, за каждаго и каждую изъ нихъ платилось какъ за отдѣльную татьбу, по 12 гривенъ.

Общинныя продажи взыскивались иногда въ случаѣ необнаруженія татей. Онѣ были, смотря по предмету татьбы, одинаковаго количества съ личными продажами и платились или жителями какого либо *села* или цѣлою вервію. Если отъ мѣста, гдѣ совершено воровство, шелъ замѣтный слѣдъ, напр. ногъ или повозки, и направлялся къ тому или другому селу, или къ

товару (¹), то жители ихъ должны были отсочить отъ себя слѣдъ вора; когда же они не могли этого сдѣлать или не хотѣли, т. е. по зову не выѣзжали на слѣдъ или даже отбивались, то всѣ сообща платили продажу и татьбу (III, 88). Впрочемъ, если напр. ступни ногъ вора, пролегая во внутренность селенія, прекращались у самой избы какого нибудь людина, и у него находили украденное, то безъ сомнѣнія слѣдъ въ такомъ случаѣ отъ самаго села почитался *отсоченнымъ*, и продажа становилась *личною*, а не общинною. Но никто не признавался виновнымъ, если слѣдъ татьбы терялся на большой дорогѣ (на гостинцѣ на велицѣ), около которой не было села, или на пустомъ, безлюдномъ мѣстѣ: «аже погубятъ слѣдъ на гостинцѣ на велицѣ, а села не будетъ, или на пустѣ, гдѣ же не будетъ ни села, ни люди, то не платити ни продажи, ни татьбы» (II, 70). *Вервь* подвергалась отвѣтственности по дѣламъ о воровствѣ лишь въ одномъ случаѣ, именно при похищеніи неизвѣстно кѣмъ чьего либо *бобра*. Она обязана была: «по верви искати татя, ли платити продажю» (II, 63), впрочемъ тогда только, когда обнаруживались явные признаки воровства: аже будетъ росѣчена земля или знаменіе, имъ же ловлено, или сѣть (II, 63). Въ противоположность *личной*, общинная продажа взыскивалась не отдѣльно съ каждаго изъ жителей *села* или *верви*, но выплачивалась ими сообща, по раскладкѣ, т. е. за одно необнаруженное воровство платилась и одна продажа цѣлымъ селомъ или вервію. Это доказывается выраженіемъ, употребленнымъ въ Правдѣ при назначеніи общинныхъ продажъ: *то тъмъ* платити татьбу и *продажю* (II, 70). Очевидно, что здѣсь для многихъ лицъ установленъ платежъ одной только пени. Замѣчательно, что если взысканіе по дѣламъ о кражѣ падало на все село, то оно платило продажу и татьбу, тогда какъ вервь вносила одну только продажу, безъ платежа тать-

(¹) Что разумѣли подъ словомъ *товаръ?* Въ Лаврентьевской лѣтописи есть мѣсто, въ которомъ при описаніи осады русскими князьями Великаго Болгарскаго города, гдѣ смертельно раненъ князь Изяславъ Глѣбовичъ, употреблено выраженіе: *и принесоша й еле жива въ товары* (т. 1, стр. 165). Такимъ образомъ, слово *товаръ* значитъ *станъ, лагерь*. Отъ него въ послѣдствіи вѣроятно образовалось слово *таборъ* также въ смыслѣ стана (Акт. Ист. т. II № 289). Впрочемъ, въ Правдѣ безъ сомнѣнія названіе «*товаръ*» означало не только воинскій станъ, но вообще *обозъ, кочевье*.

бы. На чемъ основывалось такое различіе? Намъ кажется, это происходило отъ того, что жители селенія, неотведшіе отъ себя слѣдовъ воровства, вѣроятно почитались явными его укрывателями, чего нельзя было сказать объ обитателяхъ цѣлой верви, заключавшей въ себѣ нѣсколько селъ, тѣмъ болѣе, что при покражѣ бобра принимался во вниманіе самый фактъ преступленія, а не направленіе слѣдовъ въ ту или другую сторону, и вервь, хотя тоже подозрѣваемая въ укрывательствѣ, собственно подвергалась продажѣ за неотысканіе татя. Притомъ нельзя упустить изъ вида, что и въ дѣлахъ объ убійствѣ вервь вносила также одну только виру, головничество же падало на самого головника, если онъ былъ извѣстенъ. Вообще въ тѣхъ случаяхъ, когда взысканіе обращалось на цѣлую вервь, она платила лишь пени въ пользу князя, и вовсе освобождалась отъ вознагражденія частныхъ лицъ.

Б. О вознагражденіи лицъ, потерпѣвшихъ убытки отъ татьбы.

Мы встрѣчаемъ въ Правдѣ выраженіе: «*платити татьбу и продажу*» (II, 70). Извѣстно, что продажа взыскивалась въ казну князя, слѣдовательно слова: *платить татьбу*, означали частное вознагражденіе. О такомъ вознагражденіи говорится и въ слѣдующемъ мѣстѣ устава Изяслава: «кто будетъ виноватъ, на того татьба спидетъ» (II, 29). Здѣсь слово татьба принимается въ смыслѣ платы за татьбу. Вообще, въ Правдѣ взысканія въ пользу князя опредѣлялись юридическими терминами: *продажа* и *вира*, для обозначенія же вознагражденія частнымъ лицамъ употреблялись иногда названія самыхъ преступленій, принимавшихся въ смыслѣ платъ: такъ напр. слово *татьба* означало и воровство и плату за воровство, *головничество*—убійство и плату за убійство. Но въ чемъ состояло частное вознагражденіе за татьбу? Въ Правдѣ говорится: 1) аже крадетъ .. то оже будетъ лице (поличное), лице пойметъ... паки ли лица не будетъ... то платити (II, 39, 40); 2) кто будетъ виноватъ, на того татьба сшидетъ, тогда онъ (обиженный) свое возметъ, а что погибло будетъ съ нимъ, то же ему начнетъ платити (II, 29); 3) а гдѣ будетъ конечный тать, то опять воротятъ челядина, а свой пойметъ, и проторъ тому же платити (II, 33). Изъ этихъ мѣстъ слѣдуетъ заключить, что плата татьбы состояла: 1) въ вознагражденіи хозяина за украденный предметъ,

если онъ не отыскивался; 2) въ выплачиваніи убытковъ (проторовъ), происшедшихъ отъ воровства. Относительно удовлетворенія за проторы въ Правдѣ не содержится никакихъ частныхъ правилъ, и потому мы обратимся къ изложенію только ея статей о платѣ за украденную вещь. На случай, когда *поличнаго* не находили, или если и находили, но не все похищенное, установлена была въ Правдѣ особая *такса*, обозначавшая цѣну разныхъ предметовъ. По этой таксѣ виновный выплачивалъ хозяину, потерпѣвшему татьбу, извѣстную сумму денегъ, смотря по тому, что именно было похищено и не возвращено. Если сообщниковъ въ одной кражѣ было нѣсколько, то эта сумма разумѣется взыскивалась не съ каждаго отдѣльно, а со всѣхъ вмѣстѣ, по раскладкѣ. Изложимъ теперь самую таксу, придерживаясь порядка, принятаго нами прежде, при изслѣдованіи количества продажъ за разнаго вида кражи, т. е. сперва опредѣлимъ плату за четвероногихъ животныхъ, потомъ за птицъ и пчелъ, за тѣмъ за другіе необходимые предметы для жизни, и наконецъ за холоповъ и рабынь.

1) О таксѣ на четвероногихъ животныхъ.

Прежде нежели приступимъ къ опредѣленію количества платъ за четвероногихъ животныхъ, необходимо высказать основаніе, почему именно мы полагаемъ, что за украденный у кого либо и невозвращенный ему предметъ взыскивалась сумма по особой таксѣ. Въ Правдѣ встрѣчается слѣдующее выраженіе: «аже крадетъ.... то оже будетъ лице, лице поиметъ» (II, 39). Выраженіе это означаетъ, что въ случаѣ воровства, если похищенное находилось у татя налицо, оно возвращалось хозяину. Но какъ поступали, когда поличнаго не отыскивалось? Такой вопросъ представляется самъ собою и разрѣшается статьями, непосредственно слѣдующими за приведенною нами выше. Въ нихъ сказано: «паки ли лица не будетъ, то платити» (II, 40) и въ слѣдъ за тѣмъ опредѣлена самая плата сначала за коней, а потомъ въ статьѣ подъ названіемъ: «а се уроци скоту»—за другихъ животныхъ. Слѣдовательно, если украденныхъ предметовъ не возвращали владѣльцу, то съ виновныхъ въ его пользу взыскивалась извѣстная сумма, означенная въ самомъ законѣ. Такъ за похищеннаго и неотысканнаго княжескаго *коня* тать платилъ 3 гривны кунъ, а за коня, принадлежавша-

го кому нибудь другому—двѣ (II, 40). *Кобыла* цѣнилась 60 кунъ или рѣзанъ, безъ различія кому бы она ни принадлежала (I, 26; II, 41). Въ послѣдствіи цѣна на нее возвышена въ 3 гривны (III, 54). За жеребца, *аже не всѣдано нань*, и трехлѣтнюю лошадь взыскивали 1 гривну кунъ; за двухлѣтнюю (лонщину)—30 кунъ, а за однолѣтнюю и жеребя—6 ногатъ, т. е. 15 кунъ (II, 41; III, 54). Волъ стоилъ гривну, корова—40 рѣзанъ, а въ послѣдствіи 2 гривны; трехлѣтняя корова—30 кунъ, потомъ гривну; двухлѣтняя (лонщина)—полгривны, т. е. 25 кунъ, и теля—5 кунъ (I, 26; II, 41; III, 56). Цѣна за овецъ и барановъ сначала не различалась, за тѣхъ и другихъ платилось по ногатѣ, т. е. по $2\frac{1}{2}$ куны или рѣзаны (I, 26); потомъ овца цѣнилась двѣ ногаты, или 5 кунъ, а баранъ—ногату (II, 41); наконецъ за первую стали взыскивать 6 ногатъ, т. е. 15 кунъ, а за втораго—4 ногаты, т. е. 10 кунъ или рѣзанъ (III, 49). *Коза* стоила также 6, а козелъ—4 ногаты (III, 50). *Свинья* первоначально цѣнилась 5 кунъ, потомъ полгривны, т. е. 25 кунъ; *вепрь* или *кабанъ* стоилъ 6 ногатъ, или 15 кунъ; поросенокъ—ногату (II, 41; III, 52, 53). Неизвѣстно только, какое назначалось удовлетвореніе частному лицу за похищеннаго у него *бобра*. Соображая означенныя нами цѣны за четвероногихъ животныхъ, мы находимъ, что цѣнность ихъ опредѣлялась не по какимъ либо достоинствамъ породы, а просто: 1) поломъ животнаго; 2) его возрастомъ и 3) иногда принадлежностію его тому или другому лицу. Въ первомъ отношеніи самки сначала цѣнились ниже или наравнѣ съ самцами, а въ послѣдствіи всегда выше ихъ. Впрочемъ, полъ принимался во вниманіе при опредѣленіи цѣны лошадей и крупнаго рогатаго скота только тогда, если животное имѣло болѣе трехъ лѣтъ, у третьячинъ же и лонщинъ не различался. Во второмъ отношеніи возрастъ брался въ расчетъ только при обозначеніи стоимости лошадей и крупнаго рогатаго скота; но вовсе не былъ принятъ во вниманіе при оцѣнкѣ овецъ и козъ. Отличали четыре возраста: 1) бóльшій трехгодичнаго; 2) трехгодичный; 3) двухгодичный и 4) мéньшій послѣдняго. Соотвѣтственно этимъ возрастамъ назначались и цѣны: животныя, имѣвшія болѣе трехъ лѣтъ, цѣнились дороже, чѣмъ трехлѣтнія, трехлѣтнія въ свою очередь дороже двухлѣтнихъ, и наконецъ послѣднія стоили болѣе животныхъ мéньшаго возраста.

2) О таксѣ на птицъ и пчелъ.

Мы уже видѣли, что курица и голубь стоили по 9 кунъ, а журавль, лебедь, гусь и утка—по 30 кунъ или рѣзанъ. За ястреба и сокола платилось по гривнѣ за каждаго, т. е. по 50 кунъ (II, 75). Вообще цѣны на птицъ были непомѣрно высоки: овца напр. или свинья стоили менѣе, чѣмъ утка, а двухлѣтняя лошадь была въ одинаковой съ нею цѣнѣ. Это можно объяснить развѣ только тѣмъ, что птицеводствомъ вѣроятно мало занимались въ древней Руси, тогда какъ скотоводство было весьма развито. Притомъ, ловля дикихъ птицъ, бывшихъ, по нашему мнѣнію, въ одинаковой цѣнѣ съ домашними, требовала значительнаго труда и издержекъ. Пчелы съ медомъ при Мономахѣ цѣнились 10 кунъ, а пчелы безъ меда—5 кунъ, первоначально же при Изяславѣ пчелиный рой съ медомъ стоилъ полгривны, т. е. 25 кунъ (III, 57). Самое выраженіе, употребленное въ Правдѣ: *рой съ медомъ*, подтверждаетъ наше мнѣніе о различіи частнаго вознагражденія, смотря потому, были ли украдены пчелы съ медомъ или безъ меда.

3) О таксѣ на жито, сѣно, дрова, ладьи, оружіе и одежду.

Въ Правдѣ сказано: «аже крадетъ гумно или жито въ ямѣ, то колико ихъ будетъ крало, то всѣмъ по 3 гривны и по 30 кунъ; а у него же погибло, то оже будетъ лице, лице поиметъ, а за лѣто возметъ по полугривнѣ» (II, 39). Изъ этой статьи видно, что похищенное жито, если оно отыскивалось, возвращалось хозяину; но когда поличнаго не было, тогда безъ сомнѣнія тать обязывался уплатить обиженному цѣну украденнаго жита. Принявши во вниманіе, что 11,184 половника и копны молоченнаго и немолоченнаго жита, овса и ячменя стоили 179, 394 гривны и 31 рѣзану, выходитъ, что половникъ и копна того или другаго рода хлѣба цѣнились среднимъ числомъ немного дороже 16 гривенъ кунъ (III, 58—63). Однакожъ, при неизвѣстности мѣры копны и половника, сдѣланный нами выводъ не дастъ точнаго понятія о цѣнѣ жита. Если тать оказывался несостоятельнымъ къ уплатѣ татьбы какъ хлѣба, такъ и другого какого либо предмета, то поступалъ въ закупы, и ему за годъ работы засчитывалось по полугривнѣ. Въ этомъ смыслѣ, по наше-

му мнѣнію, и сказано: «а за лѣто возметъ (т. е. засчитаетъ) по полугривнѣ.» Мы уже видѣли, что въ статьѣ: «а въ сѣнѣ и въ дровѣхъ 9 кунъ, а господину колико будетъ возъ украдено, то имати ему за возъ по 2 ногатѣ» (II, 78), подъ тою и другою платою слѣдуетъ разумѣть частное вознагражденіе. Первая изъ нихъ, 9 кунъ, назначалась за похищеніе въ небольшомъ количествѣ, а вторая въ томъ случаѣ, если разомъ было украдено нѣсколько возовъ сѣна и дровъ. Похищеніе незначительнаго количества этихъ предметовъ могло даже, при бдительности хозяина, остаться незамѣченнымъ и совершаться съ меньшею трудностію, чѣмъ кража въ большомъ количествѣ, а потому законъ, чтобы уничтожить самое побужденіе къ такой татьбѣ, которую усмотрѣть и услѣдить было затруднительно, опредѣлилъ, по нашему мнѣнію, вознагражденіе владѣльцу большее стоимости украденнаго предмета; за похищеніе же нѣсколькихъ возовъ сѣна и дровъ, что и отвратить было легче, и обнаружить, если оно случилось, удобнѣе, назначилъ удовлетвореніе хозяину по обыкновенной торговой цѣнѣ, именно по 2 ногаты или 5 кунъ за возъ. Стогъ сѣна стоилъ гривну, слѣдовательно въ немъ считалось 10 возовъ (III, 64). За ладью, если ее нельзя было воротить лицемъ, взыскивалось сначала 30 рѣзанъ; но Владиміръ Мономахъ установилъ другія платы, смотря по роду судна, именно за морскую ладью 3 гривны, за набойную—двѣ, за стругъ—гривну, а за челнъ 20 кунъ или 8 ногатъ (III, 91; II, 73; I, 34).—Цѣна оружія и одежды въ Правдѣ не опредѣлена.

4) О таксѣ на холоповъ и холопокъ.

Въ Правдѣ говорится: «аже холопъ бѣжитъ, а заповѣсть господинъ, аже слышавъ кто, или зная и вѣдая, оже есть холопъ, а дастъ ему хлѣба или укажетъ ему путь, то платити ему *за холопъ 5 гривенъ*, а за рабу *6 гривенъ*» (II, 106). Въ этой статьѣ опредѣлена цѣна холоповъ и рабынь, которая, безъ сомнѣнія, имѣла мѣсто и по дѣламъ о похищеніи ихъ. Подобно тому, какъ между животными самка стоила дороже самца, такъ точно и за рабу платилось больше, чѣмъ за холопа. Впрочемъ, холопъ-ремесленникъ или кормилецъ, также какъ и раба-ремесленница или кормилица стоили по 12 гривенъ (II, 12, 14).

Доказательствомъ нашего положенія, что всѣ изложенныя нами выше таксы установлены въ Правдѣ для удовлетворенія частныхъ лицъ по искамъ, возникавшимъ отъ татьбы, а также и отъ другихъ преступленій, можетъ служить старый Литовскій Статутъ и нѣкоторымъ образомъ и Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, гдѣ тоже означена стоимость разныхъ предметовъ на случай, если *въ исковыхъ челобитныхъ цѣны не будетъ написано*. Замѣчательно, что какъ въ Статутѣ, такъ и въ Уложеніи не только исчислены тѣже животныя, какъ и въ Правдѣ, но и при опредѣленіи ихъ цѣнности тоже приняты во вниманіе *полъ* и *возрастъ* (1), а въ Статутѣ, относительно лошадей—и принадлежность ихъ королю, пану или мужику.

II. О взысканіяхъ за татьбу, въ случаѣ совершенія ея лицами несвободнаго состоянія — холопами и закупами.

Въ уставѣ Изяслава постановлено, что если попадутся въ татьбѣ холопы, княжескіе ли, боярскіе, или черпецкіе, то князь ихъ продажею не казнитъ, зане суть несвободные, но *двоиче платить ко истцу за обиду* (II, 42). Этотъ платежъ, разумѣется въ томъ только случаѣ, если нельзя было возвратить обиженному поличнаго, производилъ владѣлецъ раба, безъ различія былъ ли его господинъ князь, бояринъ или чернецъ, потому-что холопы не имѣли своей собственности. При дѣйствіи такого постановленія безъ сомнѣнія часто встрѣчались слѣдующія случаи: 1) холопъ по совершеніи воровства, растративъ какимъ либо образомъ поличное, могъ оставаться на мѣстѣ своего жительства, или 2) онъ вмѣстѣ съ украденнымъ скрывался, убѣгалъ. Господинъ скрывшагося татя, выплачивая обиженному двойную цѣну украденнаго и лишаясь еще самого холопа, несъ болѣе убытковъ, нежели тотъ, отъ кого холопъ-тать не дѣлалъ побѣга. Впрочемъ неравенство потери перваго по отношенію къ послѣднему было совершенно случайное, и могло изчезнуть по поимкѣ холопа; важно только то, что каждый изъ рабо-владѣльцевъ могъ считать законъ Изяслава для себя стѣ-

(1) Улож. гл. XXIV ст. 3; Стар. Лит. Статутъ стр. 93, ст. 1—16, въ 18 кн. Временника.

снительнымъ, потому-что уплачивалъ не *одно* только вознагражденіе за татьбу, сдѣланную его холопомъ, а *двойное*, имѣвшее видъ несправедливой пени за чужую вину. Если дѣйствительно такое недовольство означеннымъ закономъ было возбуждено въ современномъ ему обществѣ, то Владиміру Мономаху предстояло довольно труда въ новомъ постановленіи согласить по возможности разнородные интересы владѣльцевъ холоповъ, уличенныхъ въ татьбѣ, и лицъ, обиженныхъ ею. Предполагая, что послѣдніе довольствовались бы и однимъ простымъ удовлетвореніемъ за украденные и не возвращенные имъ предметы, нельзя допустить, что первые безусловно оправдали бы такое распоряженіе. Они стали бы возражать, что холопъ могъ сдѣлать воровство на такую сумму, которая несравненно превышала стоимость его самаго, и что полное удовлетвореніе въ этомъ случаѣ было бы для нихъ обиднымъ. Что такія затрудненія дѣйствительно представлялись Мономаху, это доказывается изданнымъ имъ закономъ, въ которомъ они основательно разрѣшены. Онъ постановилъ, что владѣлецъ холопа имѣлъ право, по своему усмотрѣнію, или вознаградить обиженнаго за татьбу, или, отрекшись отъ владѣнія самимъ холопомъ, выдать его головою тому, у кого онъ сдѣлалъ кражу. Противъ такого постановленія господинъ холопа-татя не могъ сдѣлать никакого возраженія, потому-что ему предоставлялось дѣйствовать, соображаясь съ своею выгодою: или удовлетворить обиженнаго, если цѣна кражи была незначительная, или выдать ему самого холопа, если сдѣланное имъ похищеніе превышало стоимость преступника. Съ другой стороны и потерпѣвшій убытки отъ татьбы ничего не могъ сказать противъ такого закона, потому-что не имѣлъ основанія отрицать у того или другаго господина права отрекаться отъ владѣнія своимъ холопомъ. Но если холопъ убѣгалъ съ украденною имъ вещію, тогда господинъ его не могъ уже дѣлать выбора между выдачей преступника и удовлетвореніемъ обиженнаго, а долженъ былъ безусловно удовлетворить послѣдняго. Разсмотримъ теперь подробнѣе изложенныя нами постановленія Мономаха и повѣримъ сдѣланный нами выводъ. «Аже холопъ крадетъ кого любо, сказано въ Мономаховомъ уставѣ, то господину *выкупати* любо *выдати* й съ кимъ будетъ кралъ, а женѣ и дѣтямъ ненадобѣ, но оже будетъ съ нимъ крали и хоронили, то всѣхъ выдати, паки ли а выкупаетъ

господинъ» (II, 115). Подъ словомъ *выкупати* мы разумѣемъ удовлетвореніе обиженнаго за убытки, нанесенные ему чьимъ либо холопомъ. Въ статьѣ о холопахъ, выманившихъ у кого нибудь деньги, сказано: «*господину выкупати*», если давшій купы чьимъ нибудь рабамъ не зналъ о ихъ состояніи, а въ противномъ случаѣ «*купъ ему лишитися*», т. е. тѣхъ, которыя у него выманили (II, 110), слѣдовательно платежъ этихъ купъ составлялъ самый *выкупъ*. Въ смыслѣ также простаго вознагражденія употреблены и выраженія: «*господину холопъ и доли*» (III, 130) и «*а одолжаетъ, то выкупати*» (II, 111). Все это удостовѣряетъ насъ въ правильности сдѣланнаго нами вывода о значеніи слова *выкупати* и въ той статьѣ, которую мы первоначально выписали (II, 115). Заключеніе же наше, что выдачу холопа законъ имѣлъ въ виду только тогда, если владѣлецъ татя находилъ для себя невыгоднымъ вознаграждать нанесенныя имъ кому нибудь убытки, доказывается статьею Мономаха: «аже холопъ обѣльный выведетъ конь чій любо, то платити зань 2 гривны» (II, 56), въ которой, не смотря на то, что не сказано, чтобъ холопъ былъ въ бѣгахъ, прямо говорится о *выкупѣ*, а не о *выдачѣ*, потому-что въ настоящемъ случаѣ господину выгоднѣе было заплатить двѣ гривны за коня, нежели потерять холопа, стоившаго по крайней мѣрѣ 5 гривенъ. Кромѣ того, статьею о кражѣ холопомъ коня (II, 56) еще болѣе подтверждается, что слово «*выкупати*» имѣло значеніе платы за украденную и невозвращенную собственность ея цѣны, такъ какъ господину за похищенную его холопомъ лошадь постановлено было платить 2 гривны, т. е. именно то, во что оцѣнена въ приведенной нами выше таксѣ всякая лошадь, кромѣ княжеской (II, 40). Холопъ-тать выдавался обиженному головою безъ жены и дѣтей, если они не участвовали въ его преступленіи; но если жена и дѣти или крали съ нимъ совмѣстно, или только укрывали имъ украденное, то подлежали также выкупу или выдачѣ. Если господинъ не соглашался ни выкупать, ни выдавать своего холопа, то долженъ былъ заплатить продажу за сдѣланное этимъ послѣднимъ воровство, а за тѣмъ обиженный при случаѣ могъ задержать холопа насильно, и не выпускать его до полученія за него выкупа, или могъ, не дожидаясь выкупа, приколотить холопа и выпустить (II, 58). Тотъ, кому выдавался холопъ, могъ имъ владѣть, когда по состоянію

своему имѣлъ право владѣть холопами, въ противномъ случаѣ, безъ сомнѣнія, долженъ былъ продать раба и довольствоваться вырученною за него платою. Въ Правдѣ вообще тотъ, у кого сдѣлана татьба, вознаграждался только тогда «*оже лица не будетъ*»; поэтому, при возвращеніи поличнаго, ни выкупъ, ни выдача холопа не имѣли мѣста. На такомъ-то основаніи и за бѣжавшаго холопа—татя господинъ его платилъ обиженному *урокъ*, т. е. цѣну похищеннаго, единственно въ томъ случаѣ, если холопъ украденную имъ вещь уносилъ съ собою: «аже кто (изъ холоповъ) бѣжа, а поиметъ сусѣдне что или товаръ, то господину платити зань урокъ, что будетъ взялъ» (II, 114) [1]. Если холопы не подвергались за татьбу продажѣ, потому-что не имѣли своей собственности, то должно заключать, что они не подлежали и личному наказанію, т. е. выдачѣ князю на потокъ за конокрадство. Это доказывается разобранною нами выше статьею устава Мономаха о кражѣ холопомъ коня, въ которой не говорится о выдачѣ преступника на потокъ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію закона Владиміра Мономаха о татьбѣ, сдѣланной закупомъ: «аже закупъ уведетъ что, то господинъ въ немъ не платить, но оже гдѣ налѣзуть, то переди заплатить господинъ его конь или что будетъ ино взялъ, а ему холопъ обѣльный, пакили господинъ не хотѣти начнетъ платити зань, а продастъ ѝ, отдастъ же переди или за конь или за волъ, или за товаръ, что будетъ чюжего взялъ, а прокъ ему самому взяти собѣ» [2]. Изъ этого постановленія видно, что закупы, какъ лица не вполнѣ свободныя, тоже не подвергались платежу продажъ за татьбу. Если они убѣгали, по совершеніи кражи, то хозяинъ за

---

(1) Объясненное нами несходство между законами о холопахъ-татяхъ (именно между ст. 42 и ст. 56, 114 и 115 Троицк. сп.) кажется вполнѣ опровергаетъ то мнѣніе, будто пространные списки Правды составляютъ одинъ уставъ, принадлежащій Ярославу, потому что онъ не могъ вносить въ одинъ и тотъ же уставъ законовъ другъ другу противорѣчащихъ. Напротивъ изложенное нами во введеніи мнѣніе, что пространные списки Правды состоятъ изъ двухъ уставовъ, именно Изяславова и Мономахова, получаетъ еще большее подтвержденіе, особенно, если вспомнить притомъ, что статья о послушествѣ (II, 59) прямо приписывается князю Владиміру, безъ сомнѣнія Мономаху (См. Изслѣд. о Рус. Прав., Калачова, стр. 149).

(2) Изслѣд. о Рус. Правдѣ, Калачова, стр. 89.

нихъ вовсе не отвѣчалъ; но если закупа-татя «*гдѣ налѣзутъ*», т. е. поймаютъ, то онъ становился обѣльнымъ холопомъ своему господину, который на этомъ основаніи обязанъ былъ удовлетворить обиженнаго, безъ сомнѣнія только въ томъ случаѣ, когда украденнаго предмета не отыскивалось. Если же хозяинъ не хотѣлъ платить за закупа, безъ сомнѣнія въ томъ предположеніи, что цѣна кражи превышала стоимость его самого, тогда послѣдній, какъ сдѣлавшійся уже холопомъ, продавался (потому что собственно закуповъ продавать запрещалось, II, 55) своимъ господиномъ, который изъ вырученныхъ денегъ вознаграждалъ обиженнаго за украденный и невозвращенной ему предметъ, «*за конь, за волъ или за товаръ*, что будетъ взялъ», т. е. выплачивалъ ему цѣну украденнаго, а остальную за удовлетвореніемъ сумму, если она только оставалась, бралъ себѣ. Но если бы случалось, что взятое количество денегъ за проданнаго, по обращеніи въ холопство, закупа недоставало для полнаго вознагражденія обиженнаго, то это не давало послѣднему права требовать съ господина закупа остальной суммы. Въ этомъ то смыслѣ и сказано въ Правдѣ: «*не хотѣти начнетъ платити зань, а продастъ*», т. е. если владѣлецъ не хотѣлъ удовлетворять вполнѣ обиженныхъ, то продавалъ закупа и отдавалъ имъ только то, что за него выручалъ; когда же выручка была больше слѣдовавшей имъ суммы, то остатокъ господинъ закупа бралъ себѣ. Кромѣ того изъ разобранной нами статьи (II, 57), гдѣ между прочимъ говорится и о кражѣ закупомъ коня, видно, что закупъ-тать становился обѣльнымъ холопомъ, слѣдовательно онъ то же, какъ и холопы, не выдавался за конокрадство на *потокъ*.

Вникая въ смыслъ всѣхъ изложенныхъ нами постановленій о татьбѣ, можно сдѣлать слѣдующіе общіе выводы:

А) Въ своемъ развитіи постановленія Правды о воровствѣ заключаютъ три ступени:

1) *При Ярославѣ* за татьбу, кромѣ частнаго вознагражденія, назначаются только *личныя продажи;* количество ихъ опредѣлялось единственно по различію предметовъ кражи; о холопахъ-татяхъ не упоминается ни слова.

2) *При Изяславѣ* опредѣляются также только личныя продажи за татьбу, количество же ихъ зависитъ уже не отъ однихъ предметовъ кражи, но и отъ мѣстъ, изъ которыхъ она произведена; за холоповъ татей господа ихъ платятъ обиженнымъ двойную цѣну похищеннаго.

3) *При Владимірѣ Мономахѣ* сверхъ личныхъ установляются и *общинныя продажи* за татьбу; за холоповъ же татей или выплачивалось ихъ господами простое вознагражденіе за украденные предметы, или виновные выдавались обиженному головою.

Б) Разсматривая теперь постановленія Правды о воровствѣ въ окончательномъ ихъ видѣ, мы находимъ слѣдующее:

1) При назначеніи взысканій за татьбу различали *состояніе преступниковъ*, и въ этомъ отношеніи рѣзко разграничивали свободныхъ людей и несвободныхъ, т. е. холоповъ и закуповъ.

2) Преступникъ свободный человѣкъ подлежалъ платѣ продажи князю и татьбы обиженному; холопы же и закупы-тати продажѣ не подвергались, а за нихъ удовлетвореніе истцамъ платили господа.

3) Кромѣ различенія преступниковъ *по состоянію*, ихъ различали еще независимо отъ сословія, *по мѣрѣ участія въ преступленіи* и *по степени его совершенія*; въ первомъ отношеніи Правда упоминаетъ объ *укрывателяхъ воровскаго* и о *покупщикахъ татебнаго*, а во второмъ—о *покусившихся на татьбу*. Впрочемъ различеніе это не вело ни къ чему: всѣ эти лица подвергались такимъ же взысканіямъ, какъ и тати.

4) Продажи за татьбу съ лицъ свободнаго состоянія были *личныя* и *общинныя*: только за одно конокрадство назначалось личное наказаніе—потокъ.

5) Продажи, какъ общинныя, такъ и личныя, по количеству были слѣдующія: 12 гривенъ, 3 гривны и 30 рѣзанъ и 60 рѣзанъ или кунъ.

6) Взысканіе продажи въ томъ или другомъ количествѣ зависѣло: 1) *отъ самаго предмета татьбы;* такъ за кражу холопа и бобра назначалась 12-гривенная продажа; 2) *отъ мѣста, изъ котораго произведено воровство*, именно, если оно сдѣлано было изъ жилища, хозяйственныхъ строеній или какихъ либо сооруженій, то платилось продажи 3 гривны и 30 кунъ; если же кража совершалась *внѣ* означенныхъ мѣстъ, то взыскивалось только 60 кунъ продажи.

7) Въ кражахъ, за которыя количество продажи назначалось смотря *по мѣсту* похищенія, отдѣльной татьбой считалась не каждая украденная вещь, а вся совокупность вещей, похищенныхъ изъ одного мѣста; но если количество продажи зависѣло отъ самого предмета украденнаго, тогда каждый такой предметъ составлялъ и отдѣльную кражу.

8) За всякую отдѣльную татьбу взыскивалось столько личныхъ продажъ, сколько было сообщниковъ въ воровствѣ; но при общинныхъ продажахъ за одну кражу взыскивалась и одна продажа.

9) Кромѣ платежа продажъ, при татьбѣ обращали вниманіе и на удовлетвореніе обиженныхъ воровствомъ, если имъ не возвращались украденные предметы. Если преступниками были лица свободнаго состоянія, то они сами обязаны были вознаградить обиженнаго, т. е. заплатить ему цѣну похищенной вещи, но такая цѣна взыскивалась не съ каждаго изъ виновныхъ отдѣльно, а одна со всѣхъ по раскладкѣ. За холоповъ-татей и закуповъ-татей платили удовлетвореніе обиженному ихъ господа. Платежъ за холоповъ производился на томъ основаніи, что они не могли имѣть своей собственности; слѣдовательно у самихъ холоповъ нельзя было сдѣлать и кражи. Такимъ образомъ истцами по дѣламъ о татьбѣ могли быть только люди свободнаго состоянія, а не рабы. Закупы хотя и бывали въ нѣкоторыхъ случаяхъ истцами (II, 52, 55), но за воровство не были отвѣтчиками, потому что, совершивъ преступленіе, они становились уже холопами.

ОТЧЕТЪ

О СТАТЬЯХЪ И МАТЕРІАЛАХЪ, ДОСТАВЛЕННЫХЪ ВЪ РЕДАКЦІЮ.

П. ШТЕЙНФЕЛЬДТОМЪ: *О жупныхъ судахъ.* Будетъ напечатана въ шестой книгѣ Архива за 1859 г.

А. Н. ТЮТЧЕВЫМЪ: *Мысли о преобразованіяхъ въ быту крестьянъ вѣдомства Государственныхъ Имуществъ,*—тамъ же.

Г. К. РѢПИНСКИМЪ: *О порядкѣ преслѣдованія самовольныхъ порубщиковъ и о мѣрѣ взысканія съ нихъ,*—тамъ же или во второй книгѣ Архива за 1860 годъ.

Х. П. КОЗЛОВЫМЪ: *Юридическія замѣтки: о судебной практикѣ русской; объ условіяхъ избранія предсѣдателей судебныхъ мѣстъ; объ адвокатахъ по гражданскимъ дѣламъ; о скотопрогонныхъ дорогахъ,*—тамъ же.

Н. БУНАКОВЫМЪ: *Очерки Сѣверовосточной Россіи: статья вторая,*—будетъ напечатана вмѣстѣ съ первою статьею въ первыхъ книгахъ Архива за 1860 г.

А. Н. ГОРБУНОВЫМЪ: *Грамоты жалованныя монастырямъ и церквамъ въ XIII, XIV и XV* вѣкахъ,—тамъ же.

А. Н. АѲАНАСЬЕВЫМЪ: *И. В. Лопухинъ,*—въ первой книгѣ.

Н. И. КОСТОМАРОВЫМЪ: *Разбойничья пѣсня,*—тамъ же.

С. М. СОЛОВЬЕВЫМЪ: *Самозванецъ Ивашка Клеопинъ,*—тамъ же.

Г. К. РѢПИНСКИМЪ: *О постановленіи вопросовъ и порядкѣ собиранія голосовъ при рѣшеніи дѣлъ,*—тамъ же.

Я. ЛЕБЕДЕВЫМЪ: *Объ обезпеченіи судебныхъ исковъ,*—тамъ же.

А. ЧЕБЫШЕВЫМЪ-ДМИТРІЕВЫМЪ: *Начала обвинительное и слѣдственное въ уголовномъ процессѣ,*—тамъ же.

Л. ОПТУХИНЫМЪ: *О хлѣбной четверти по Карамзину,*—тамъ же или во второй книгѣ.

П. А. МУЛЛОВЫМЪ: *Какъ заключаются сводные браки,*—тамъ же.

А. Н. ПЫПИНЫМЪ: *«Громовникъ,» рукопись И. Вѣнской библіотеки,*—тамъ же.

С. Н. ОРНАТСКИМЪ: *Вопросъ относительно статьи 1136 т. X, ч. 2-й.* Отвѣтъ будетъ данъ въ 1-мъ выпускѣ Юридическаго Вѣстника.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

(на 1859 годъ)

въ С.-Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ *Д. Е. Кожанчикова,* на Невскомъ проспектѣ, противъ Публичной Библіотеки, въ домѣ Демидова.

въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ *И. В. Базунова,* на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго.

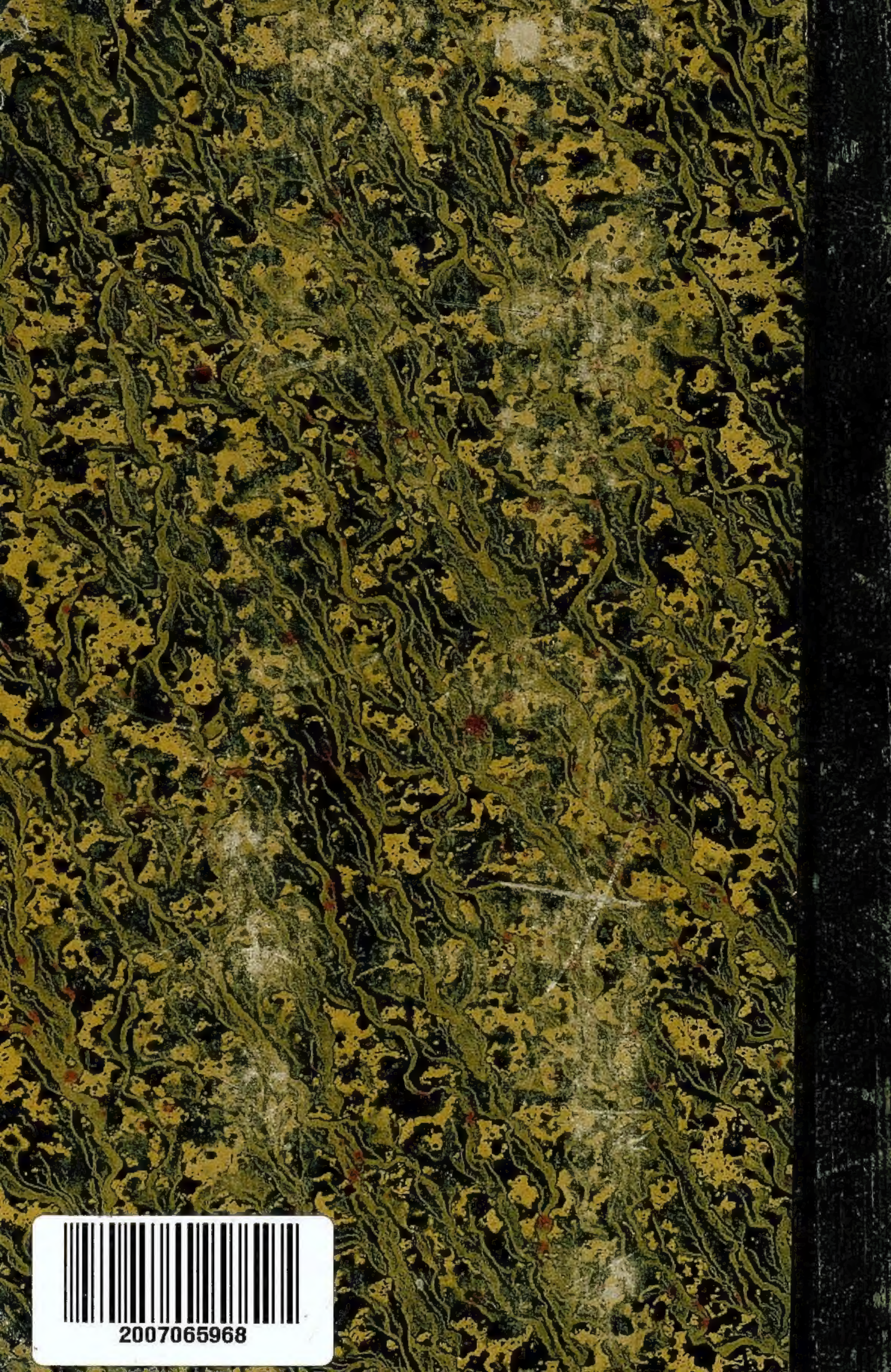
Гг. иногородные могутъ высылать свои статьи и требованія на полученіе Журнала «Архивъ» *въ Редакцію Архива, въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, противъ Надеждинской улицы, въ домѣ Вилье.*

Цѣна годовому изданію *девять,* съ пересылкою *десять* рублей сер.

Цѣна отдѣльному экземпляру двухъ нумеровъ *пятой* книги *два рубля сер.,* съ пересылкою *два рубля пятьдесятъ копѣекъ.*

Въ Редакціи и въ означенныхъ выше книжныхъ магазинахъ принимается также подписка на полученіе «Архива» въ 1860 году. Цѣна годовому изданію остается прежняя: *девять,* съ пересылкою *десять* рублей сер.

Примѣчаніе. За исправное доставленіе книгъ Архива Редакція отвѣчаетъ только тѣмъ лицамъ, которыя подписываются въ означенныхъ выше мѣстахъ или же присылаютъ въ эти мѣста свои требованія и деньги по почтѣ.


2007065968